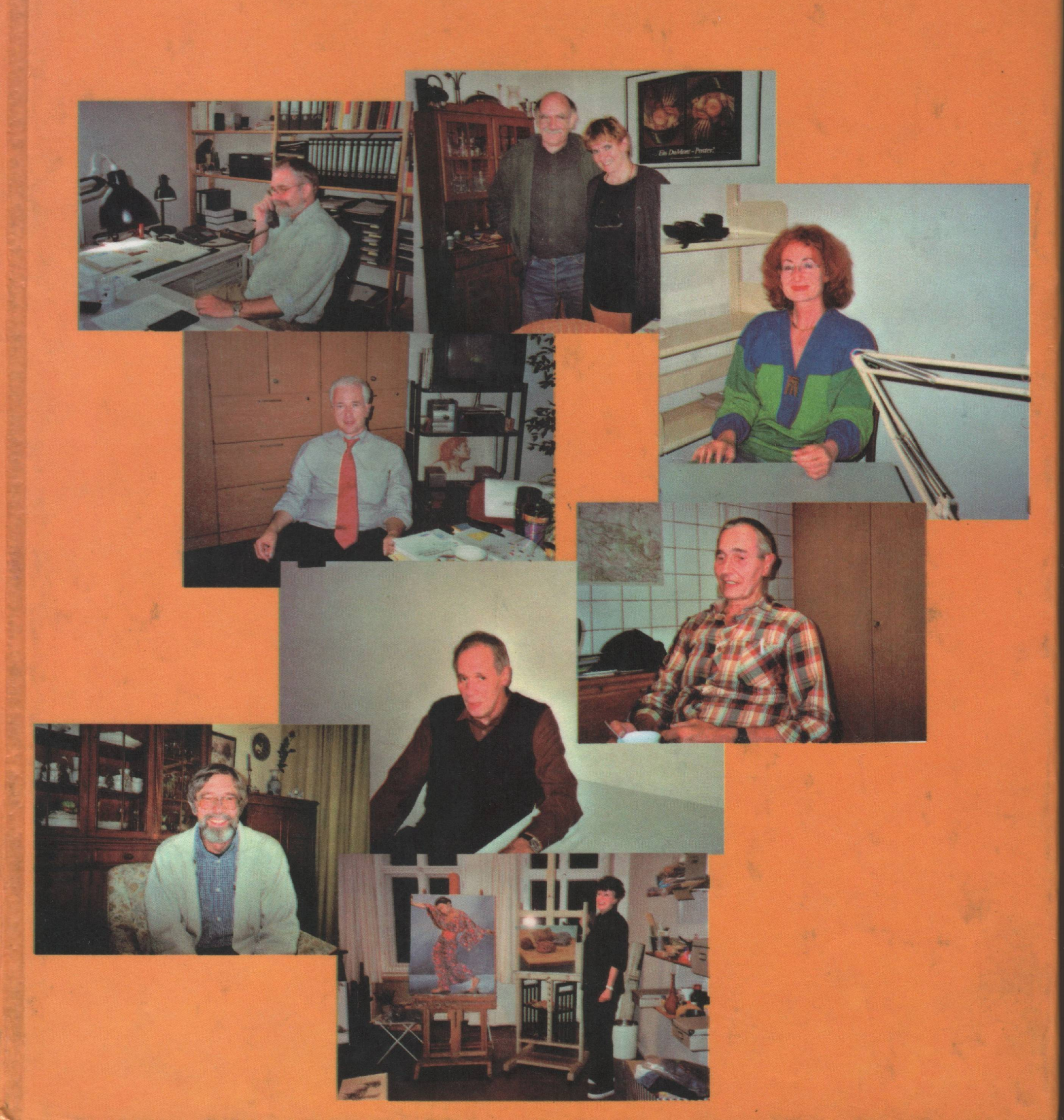
А. Г. Здравомыслов

НЕМЦЫ О РУССКИХ
НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Институт комплексных социальных исследований
Российской академии наук

Государственный университет — Высшая школа экономики

А.Г. Здравомыслов

НЕМЦЫ О РУССКИХ НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

**Беседы в Германии:
22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарии**

Москва
РОССПЭН
2003

УДК 316
ББК 60.5
З 46

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 02-03-16153

Здравомыслов А.Г.

З 46 **Немцы о русских на пороге нового тысячелетия.** Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — 2003. — 544 с., илл.

Предлагаемая вниманию читателя книга предсталяет собой оригинальное социологическое исследование, в основе которого — использование качественных методов. В первом разделе опубликованы 22 текста интервью с видными немецкими экспертами по России или с людьми, которые связаны с Россией своими жизненными интересами и судьбой. Интервью проводились автором в 2000 г. в Германии.

Программа интервьюирования охватывает широкий круг вопросов — от оценки реформ, проводимых в постсоветской России, до обсуждения проблем вины в современном немецком самосознании за преступления национал-социализма.

Осуществленный автором контент-анализ этих текстов (второй раздел книги) позволяет подойти к выводу о том, что единого взгляда «немцев» на Россию не существует, равно как и наоборот — взгляды русских относительно Германии весьма своеобразны.

Автор выделяет те компоненты содержания интервью, которые составляют конструирующий каркас образа России и русских. В книге рассматриваются также данные массовых опросов на тему «россияне о немцах и других народах Европы» и «немцы о русских».

В третьем разделе книги автор выделяет 8 дискуссионных тем и предлагает читателю собственный взгляд, опираясь на вовлекаемый им в научный оборот большой объем литературы.

Книга представляет интерес не только для специалистов в области германо-российских отношений, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей Второй мировой войны, проблемами европейского строительства, отношениями России и Европы, России, Германии и современного мира.

ISBN 5–8243–0381–9

Памяти отца —
Григория Ивановича Здравомыслова,
погибшего в возрасте 43 лет
в дни блокады Ленинграда, —
посвящает автор эту книгу

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследование взаимного восприятия нациями друг друга — дело исключительно тонкое и ответственное, прежде всего потому, что ни один из исследователей не может освободиться от рамок, которые задаются его собственной национальной культурой. Он может стремиться к тому, чтобы понять «другого», но этот «другой» остается «вещью в себе»; он всегда может заявить, что его неверно поняли или представили, ибо свою культуру и свой народ «он знает лучше», чем исследователь со стороны.

Однако мы рискуем встать на путь такого исследования, отдавая отчет и в иной сложности восприятия такого рода текста: проблема взаимоотношений между нациями подчас обходится стороной в силу опасения быть обвиненным в «политической некорректности». Вы поневоле должны употреблять слова «немцы», «французы», «русские», «евреи», «чеченцы» и т.д., расширяя тем самым поле национального дискурса в то время, когда одни (читатели и исследователи) готовы встать выше национальных различий, а другие — склонны к защите национальной культуры и национальных традиций, подвергающихся угрозе в связи с тенденциями глобализации[1].

Но именно эти тенденции глобализации и являются главным основанием самой постановки вопроса о взаимоотношении наций, о структуре образов «иного» народа в восприятии «этого» народа. Ибо процессы глобализации, развернувшиеся в XX в., не должны сохранять свою разрушительную силу. По крайней мере, таково стремление! В новой ситуации процессы глобализации и межкультурного взаимодействия должны были бы опираться на идею соотнесенности национальных культур.

Ныне ни один из народов не существует вне контактов с другими народами. Эти контакты и представления о «других» оказываются составляющим элементом собственного национального самосознания: «мы» — русские — обнаруживаем свое бытие, прежде всего, в отношении к «ним», к «другим». И, прежде всего, к тем из «других», с которыми у «нас» возникают непосредственные контакты в силу политического, экономического и культурного взаимодействия, наличия общих моментов исторической памяти, или просто существования в качестве соседей. В свою очередь, то, как «нас» воспринимают «другие», оказывается одним из самых важных моментов для нашего собственного мироощущения. Сказанное выше и представляет собою суть релятивистской теории нации[2].

Тема этой книги определялась именно этими соображениями. Взаимное восприятие двух европейских наций, причем не любых

наций, а тех, которые на протяжении XX в. пережили две войны, чей исход в значительной мере определил политическую карту Европы как в 1919 г., так и в 1945—1946! Оглядываясь назад, можно выдвинуть тезис: обе эти мировые войны были единым событием XX в. Действительно, между окончанием Первой и началом Второй мировой войны прошло всего лишь 20 лет. Только одно поколение солдат родилось и выросло за этот срок. Так что Вторая мировая война во многом продолжалась теми, кто остался в живых после Первой мировой. Это, кстати, особенно заметно при изучении состава высшего командования как на немецкой, так и на советской стороне (причем командный корпус Красной Армии понес гораздо большие потери между войнами из-за Гражданской войны и ее разнообразных следствий, включая чистку 1938 г.). Значительная же часть немецких генералов, например, Х.Гудериан, описывая события начала Второй мировой или нападения на Советский Союз 22 июня 1941 г., пишут о том, что местность, по которой им приходилось вести свои войска, была им хорошо знакома с 1914—1916 годов.

Конечно, для российского автора проще было бы в качестве предмета исследования избрать несколько иной сюжет, а именно: «Русские о немцах». Прежде всего, для реализации этого проекта не нужно было бы ездить в Германию, и вполне можно было бы обойтись литературными источниками, а также беседами с людьми, так или иначе соприкасавшимися с немцами на протяжении своей жизни. Осмелюсь утверждать, что «немцы в России» гораздо более известны, чем «русские в Германии». Именно поэтому для меня как для исследователя вторая тема представляет больший интерес. И в соответствии с разрабатываемой мною релятивистской теорией нации меня интересуют не столько сами русские в России или немцы в Германии, сколько *взаимные образы тех и других в их собственном культурном пространстве.*

В культурном пространстве России, в классической и современной литературе, на экране телевизоров и в кинофильмах, в исторической литературе, в повседневном общении россиян присутствие «немцев» не может быть не замеченным!

Отчасти это объясняется тем, что немцев в России гораздо больше, чем русских в Германии[3]. Немцы заселяли Россию еще с допетровских времен. Во времена Екатерины II немцам была предоставлена большая территория, а после 1917 г. в составе РСФСР была создана немецкая автономная республика — АССР немцев Поволжья. Исторически значимый контакт между Россией и Германией установился и через Прибалтику, значительная часть населения которой была немецкой. Каждому школьнику в России были известны имена делового Штольца как «оппонента» Обломова.

На русский язык многократно переводились Гёте, Шиллер, Гейне, Э-М.Рильке и многие другие немецкие писатели и поэты. Людям старшего поколения хорошо известны имена Гегеля и Канта, как и весь ряд авторов немецкой классической философии,

не говоря уже о Марксе и Энгельсе, и их последователях, входивших в сознание российских деятелей революции в качестве символов (вспомним хотя бы образ Розы Люксембург, портрет которой носил на своей груди один из персонажей «Чевенгура» Андрея Платонова). Немецкая симфоническая музыка оказала огромное воздействие на русских композиторов позапрошлого и прошлого веков.

Наконец, last but not least «немцы» присутствуют в подсознании россиян, белоруссов, украинцев, представителей кавказских народов вовсе не так, как «американцы», «англичане», «французы». Несчастья хранятся в памяти людей гораздо дольше, чем мгновения счастья, и образ немцев все еще соединяется с памятью о войне, о бомбежках, о блокаде, о гибели близких людей.

Образ России в Германии — так же как и образ Германии в России — остается противоречивым. Интерес к России формировался особенно активно в годы Веймарской республики. Именно тогда в интеллектуальных кругах сформировался глубокий интерес к русской культуре: к литературе (безусловно признание Достоевского, Толстого, Чехова), музыке, поэзии, живописи.

Но любопытно отметить, что в немецкой литературе как таковой нет ни одного русского художественного персонажа или характера, если не считать образа военнопленного русского офицера в «Групповом портрете с дамой» Генриха Бёлля. Борис Колтовский в этом романе не переживает типичной судьбы военнопленного. Его постоянно охраняет в Германии чья-то невидимая, но весьма могущественная рука! Его роман с немкой как бы иллюстрирует «провиденциальный смысл русско-немецкого сближения». Но поскольку сам герой на всем протяжении романа остается лишь «жертвой обстоятельств», постольку он и не может привлечь внимание читателя, а тем более поставить вопрос об образе русского.

Релятивистский подход к изучению национальных общностей и групп проистекает из того обстоятельства, что ни одна нация в мире и даже ни одна из этнических групп не обладает внутренней монолитностью. Более того, можно утверждать, что чем основательнее национальная группа вовлечена в процессы индустриализации и модернизации, тем в большей мере она дифференцирована. Современная история России демонстрирует эту взаимосвязь достаточно красноречиво. Русские в центральной России, русские в Америке, русские на Кавказе, русские в странах Балтии, русские в Германии, русские в странах СНГ, потомки красных и потомки белых, жертвы ГУЛАГа и их охранники, русские, одержавшие победу в Великой Отечественной войне и русские власовцы, русские, едва сводящие концы с концами в реформируемой России, и «новые русские»!

В XX в. русские вошли в ряд наций с массовыми диаспорами, разбросанными по всему миру. Можно высказать предположение, что русские как нация, объединяющаяся по принципу общности языка, исходной территории (реальной или воображаемой), традиций и норм культурной коммуникации, относятся к числу наибо-

лее дифференцированных, расколотых, одновременно модернизированных и архаичных[4].

Русские осознают свою общность благодаря тому, что они пользуются одним и тем же языком, благодаря тому, что они либо живут в России, либо оттуда происходят, и благодаря тому, что другие их считают русскими. Однако «другие» их принимают за русских главным образом на основании того, что они сами заявляют о своей русскости. Русские, как и иные национальные группы, — «воображаемая общность»[5], общность, сконструированная в процессе исторического и культурного взаимодействия с другими.

Необходимо сказать несколько слов об основных терминах, вынесенных в заглавие книги: «немцы» и «русские». Кажется, что это само собою разумеющиеся понятия. На самом деле — это далеко не так! Объем этих понятий неоднократно изменялся на протяжении всей европейской истории. Тем более менялся смысл исходных категорий.

Еще несколько десятилетий назад немцы в обыденном сознании россиян не отделялись от фашистов. То было время войны, и военное столкновение между двумя народами оставило глубочайший след в национальном самосознании.

Теперь — более полувека спустя после окончания войны — образ Германии и немцев приобрел новое содержание.

Русские — для немцев — также понятие меняющееся. Во время войны — это представители более низкой расы, это враг, подлежащий уничтожению, ибо война 1941—1945 гг. была объявлена со стороны Третьего рейха как «война на уничтожение» — «Vernichtungskrieg». В этом ее принципиальное отличие от войны на Западном направлении. Это зафиксировано в документах, об этом свидетельствуют факты, это не опровергается и не может быть опровергнуто историографией[6].

После войны — русские рассматриваются в ряду *победителей,* но в сознании разных групп немецкого населения русские занимают неоднозначное место в этом ряду.

По некоторым воспоминаниям — весьма распространенным именно сейчас, через 50 с лишним лет после окончания войны — как «дикие, не умеющие пользоваться туалетом, насильники немецких женщин»; по другим — как «люди, проявившие исключительную заботу к нуждам мирного населения Берлина и других городов, вошедших в зону советской оккупации»[7].

Несомненно, что образ русских разделился вместе с разделом послевоенной Германии. В политической элите ГДР существовал один образ советских людей как надежных союзников, правда, не всегда последовательных в отстаивании идей марксизма. Но те из немцев, кто получили образование в Москве, Ленинграде, Киеве, других городах СССР, сохранили глубокий интерес к русской культуре и любовь к этой стране.

В Федеративной Республике Германии официальный образ русских задавался напряжением холодной войны. Она диктовала

свой образ «бывшего союзника США» как коварного демона могущественной «Империи зла»! Этот образ задавался той версией германо-российских отношений, которая основывалась на идее фашистской Германии и СССР как тоталитарных государств. Доминирование этой концепции привело к переинтерпретации Второй мировой войны, а следовательно и роли Советского Союза в этой войне. Как известно, СССР воевал против фашистской Германии вместе с Великобританией, США и французскими частями генерала де Голля, и в этой войне была одержана победа благодаря решающему вкладу Красной Армии. Но идеология холодной войны не допускала признания фактов военного и послевоенного времени: сталинский режим рассматривался по аналогии с гитлеровским режимом. Такой подход во многом сохраняется и сейчас[8]. С этой точки зрения получалось, что демократия одержала победу только в Западной Германии, а Восточная Германия — ГДР была «оккупирована советским тоталитаризмом». Русские — при таком повороте мышления — рассматривались как главная сила, обеспечивавшая оккупацию Восточной Германии.

В связи с окончанием холодной войны, несомненно, расширилось поле интерпретации Второй мировой войны и ее последствий. Обратим внимание здесь на две группы работ, представленных западными авторами, но пока неизвестные российскому массовому читателю. Автором первой серии является англичанин Антони Бивор (Antony Beevor). В своих бестселлерах — «Сталинград» и «Падение Берлина. 1945» — он раскрывает самые драматические эпизоды Второй мировой войны, пользуясь приемами рембрандтовской светотени, позволяющей проникать в самые высшие этажи принятия властных решений, и опускаясь до повседневности окопной жизни и военного госпиталя. В целом его симпатии на стороне советского солдата, которого он отнюдь не склонен идеализировать психологически. Однако нравственная правда — и это вряд ли может быть оспорено — в целом на советской стороне. Важная деталь, которую Бивор впервые вводит в свой рассказ на основании архивных изысканий: решающий мотив соревнования в битве за Берлин состоял в задаче советского командования захватить те научные разработки по созданию новых видов вооружений (вместе с технологиями и персоналом), над которыми работали группы ученых в Западном Берлине. Эта задача была выполнена.

Другой круг литературы, возникший за последние годы, связан с именем крупного американского историка Второй мировой войны Дэвида Гланца (David M. Glantz). Опираясь на данные российских архивов, он представил свою версию начального периода войны, не имеющей ничего общего с писаниями «Суворова». Советская армия накануне войны и в первые месяцы боев, характеризуется им как сила, способная оказать решающее сопротивление в битвах за Смоленск, Одессу и Ленинград.

Новые подходы не только расширяют поле исследований. Они во многом стимулировались признанием эвристической ограни-

ченности «концепции тоталитаризма» в том виде, как она применялась к анализу политических реалий нацистской Германии и СССР (см. ниже интервью с проф. К.Зегберсом). Эта концепция оказывается направленной на то, чтобы противопоставить «демократию» и «тоталитаризм», не вникая в дальнейшие различения этих политических систем. Но именно эти различения оказались наиболее значимыми в XX столетии! *Без уяснения дифференцирующих признаков «фашизма» и «коммунизма» невозможно понять ни ход истории, ни итоги Второй мировой войны.*

Заметим, что в мировой истории, а в особенности в истории европейской, вряд ли найдется столь сложный, неоднозначный и противоречивый пример взаимоотношений между двумя народами как отношения между русскими и немцами. Это амбивалентное отношение «вражды—приязни» или «ненависти—любви». История войн и история культурного взаимодействия дают массу примеров на этот счет. Каждому русскому в той или иной степени подробности это отношение известно. Думаю, что это не тайна и для каждого немца. Ибо русские и немцы воспринимают себя в известной степени друг через друга: быть русским значит — не быть немцем, быть немцем — значит — не быть русским. Или, используя русскую пословицу, «что для русского здорово, то для немца — смерть!»

Однако общий баланс этой амбивалентности на протяжении истории взаимных контактов был весьма подвижен. В историческом плане важно помнить о существовании германофилов в России, равно как и русофилов в Германии. Стоит подчеркнуть, что славянофилы подчас были и германофилами (Ф.Тютчев), а самый немецкий из канцлеров Германии Бисмарк выступал за прочные союзнические отношения с Россией. Конечно, существование таких настроений весьма сложно было предположить в военное или первое послевоенное время. Однако в современной ситуации, когда идет проработка вопросов построения единого европейского пространства, когда не только в каждой стране, но и в каждой семье ощущаются последствия глобализации, особенно важно обратить внимание на средства конструирования позитивных национальных образов. Одно из главных средств — совместное обсуждение тех сюжетов, которые составляют канву негативных образов. Задача настоящей книги, как ее видит автор, состоит именно в этом!

Образы «другой нации» существуют в разнообразных формах: они фиксируются в культуре, они выражаются в общественном мнении, они связаны с исторической памятью народов, они оказываются под воздействием текущих политических интересов. За последние годы в Германии и в России проводились опросы общественного мнения относительно взаимного восприятия россиян и немцев. Приведем здесь некоторые результаты российских опросов.

Вот ответы на вопрос, фиксирующий наиболее значимые ассоциации российского населения в связи со словом «немцы». Вопрос формулировался следующим образом: «Когда при Вас говорят о Германии, что первым делом приходит Вам на ум?» 69% от-

ветили «Великая Отечественная война». Следующие по значимости позиции «виды опрятных, старинных немецких городов» и «названия крупных немецких фирм» привлекли внимание только 30% респондентов. В сознании более пятой части образ Германии соединяется с «великими германскими мыслителями, музыкантами, писателями, деятелями культуры»; 12,3% — явно недостаточно — оценили германское послевоенное «экономическое чудо».

Было бы преждевременно рассматривать эти данные как показатели недоброжелательности или злопамятности россиян по отношению к немцам. Россияне, как и немцы, сильно различаются между собою по этноцентристским установкам, по степени зараженности «национальными фобиями» или склонности к наднациональному мышлению. Целый ряд опросов показывает, что доля тех, кто принимает крайне негативную установку по отношению к немцам, выраженную, например, в суждении «немцы — извечные враги русского народа» составляет от 11 до 14% от всей массы взрослого населения.

В опросе, о котором идет речь (2002 г., репрезентативная общероссийская выборка), был сформулирован следующий вопрос: «Со времени окончания второй мировой войны прошло более полувека. Считаете ли Вы, что настало время для того, чтобы немецкий народ перестал испытывать чувство вины перед жертвами гитлеровской агрессии?» Приведем распределение ответов на этот вопрос:

— *Да, это время настало. Нынешнее и последующие поколения немцев не должны ощущать чувство вины за злодеяния гитлеровского режима — 50,9%;*
— *Нет, чувство вины за злодеяния гитлеровского режима должны ощущать и нынешнее, и последующие поколения немцев — 32,7%;*
— *Уклонились от предложенного выбора, используя предоставленную возможность «трудно сказать» — 16,4%.*

Как мы видим, в 2002 г., т.е. через 57 лет после окончания войны, у 70% россиян образ Германии ассоциируется с прошедшей войной! При этом половина россиян полагает, что нынешнее поколение немцев не должно ощущать чувства вины за злодеяния гитлеровского режима, а одна треть придерживается противоположного мнения! Разумеется, ответы на этот вопрос в значительной степени зависят от возраста респондентов: в группе 60 лет и старше настаивающих на «вине немцев» — более 40%, в группе от 21 до 25 лет — только 20% придерживаются аналогичной позиции.

В целом, следует отметить, что для россиян — для тех, кто воевал, и для массы гражданского населения, для их детей и внуков — Великая Отечественная война — это не только источник страданий и несчастий, обрушившихся на города и веси неожиданно и внезапно, не только унижение оккупации и плена, гибель близких от бомбежек, артобстрелов и голода. Победа в войне — это источник морально значимой гордости, это «праздник со слезами на глазах», который стал важнейшим нацие-конструирующим

моментом, это сохранение в памяти людей и в обычаях, пожалуй, единственного общенационального дня памяти, который не подлежит сомнению — праздника победы в Великой Отечественной войне[9]!

Для понимания «образа немцев» в России весьма существенно то обстоятельство, что за сравнительно короткий исторический период несколько раз менялись способы конструирования этого образа. До войны немецкий язык преподавался в средней школе в качестве основного иностранного языка, немецкая история и культура пользовались традиционным уважением. Образы немецких коммунистов — от Маркса до Тельмана — были важными составляющими в формировании образа немецкой нации. Да и в ходе войны возникла формула, отделяющая немцев вообще от тех немцев, которые принимали активное участие в деяниях Третьего рейха.

Во время войны, безусловно, существовала ненависть к врагу, к немцам, которые тогда отождествлялись с гитлеровцами. Тогда была понятна справедливость лозунга «убей немца!», только так можно было защитить страну. Но именно во время войны в устах советского руководства прозвучала запоминающаяся фраза: «гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, государство немецкое остается!». Иными словами, еще в советские времена на уровне массового сознания и политических установок произошло (разумеется, не полностью) отделение «немцев» от Третьего рейха, от нацистского режима, о преступлениях которого было известно в то время далеко не все.

Таким образом, *советская установка (а вслед за нею и российская) состояла в том, что ответственность за преступления нацизма не возлагалась на нацию в целом в качестве коллективного субъекта, не возлагалась на немцев и немецкий народ*. Эта интерпретация была принята и в ГДР. Именно она стала отправной точкой политики «денацификации» — очищения от нацизма, активно проводившейся в послевоенные годы руководством ГДР. «Вина» этого руководства, с точки зрения западных критериев, состояла в том, что антифашизм в самой ГДР трактовался в советском духе, что руководство ГДР стремилось идентифицировать свою позицию с традициями КПГ, с восстановлением образа Э.Тельмана, который, будучи узником Бухенвальда, предсказал неизбежное поражение Германии после ее нападения на Советский Союз («Сталин свернет Гитлеру шею»). ГДР-овские немцы воспитывались в духе солидарности с Красной Армией, с теми немецкими гражданами и структурами, которые участвовали в войне на ее стороне. Наиболее известны в этом плане — «Красная капелла», «Свободная Германия», несколько немецких солдат, перешедших границу СССР накануне 22 июня 1941 года.

Слабость этой точки зрения состояла в сохранении сектантского подхода, в отрицании или замалчивании значения социал-демократического и клерикального сопротивления фашизму в Герма-

нии, не говоря уже о сопротивлении со стороны групп офицерского корпуса (покушение Штауффенберга[10]).

В ФРГ доминирующей стала идея коллективной ответственности «всех немцев», которая вместе с тем позволяла весьма селективно подойти к оценке военных преступников. Так, Нюрнбергский процесс был построен по институциональному признаку. На скамью подсудимых были посажены «представители ведомств» — государственных структур, разделявших вместе с руководством нацистской партии ответственность за развязывание войны и преступления военного времени. Нация, объединенная государством, рассматривалась в качестве главного действующего лица на Нюрнбергском процессе. Это означает, что, по сути дела, версия войны, предложенная самим нацистским руководством, была принята за основу на этом процессе.

Позиция советского руководства и руководства ГДР была иной. Она исходила из классового анализа. Ответственность за развязывание войны возлагалась не на «народ», а на финансово-промышленные круги Германии, которые содействовали приходу к власти именно национал-социалистической партии как партии национального реванша на первых порах, и далее, как партии, утверждавшей и проводившей политику расовой чистоты, расового превосходства, холокоста[11]. Более того, есть свидетельства тому, что советские руководители, также как и рядовые граждане, надеялись, что рабочий класс Германии, в случае нападения Гитлера на СССР, выступит против «своего правительства», что он не позволит вести войну «с первым рабоче-крестьянским государством»[12].

Важный момент, влияющий на восприятие немцев и немецкой культуры, состоит в формировании прагматической политики, и прагматического образа мышления. A priori ясно, что *массовая* культура труда у немцев выше, чем у русских. Это объясняется, с одной стороны, тем, что Германия раньше России вступила на путь индустриализации. Кроме того, нельзя не принимать во внимание доминирование протестантской этики.

Почему бы нам не поучиться у немцев культуре труда, педантизму в исполнении своих обязанностей? Что мешает? Исконная неприязнь? А не оказывается ли национальная неприязнь огромным препятствием в деле возрождения российской экономики, построения гражданского общества, выработке более открытого взгляда на мир? Эти соображения не столь уж редки, и они становятся все более распространенными по мере развития деловых и культурных связей с Германией, немецкими фирмами, университетами, центрами.

Вместе с тем, в начале XXI в. возникли новые явления, которые можно было бы обозначить как явления европеизации: в российском национальном самосознании стало утверждаться критическое отношение к таким свойствам людей как лень и безалаберность, привычке действовать «на авось», к безответственности и необязательности в деловых отношениях, к желанию жить без осо-

бого напряжения сил (какой замечательный образец для подражания — Илья Ильич Обломов!), к стремлению искать виноватых в наших бедах всех, кроме самих себя! Возможно даже, что со временем в российскую культуру проникнет и норма неприязненного отношения к русскому пьянству, хотя в этом отношении надежды остаются весьма слабыми.

Теперь обратимся к образу россиян в Германии. Общее различие здесь обусловлено тем, что Россия переживает трансформационный кризис, в то время как Германия остается в пределах Европы страной, демонстрирующей успехи как в области экономики, так и в сфере социальной политики. Германия преодолела трудности послевоенной разрухи, опираясь и на помощь союзников «по холодной войне», и на свои собственные силы (в пределах Западной Германии), ГДР, оказавшись немецким государством в пределах советской зоны влияния, не смогла добиться таких же успехов. Миграционный поток немцев был обращен от ГДР в сторону ФРГ, а не наоборот!

На образ СССР как победителя в войне накладывался и образ «оккупанта». В 70-е годы образ России в Германии формировался на основе десталинизации. Произведения А.Солженицына и Л.Копелева получили широкое распространение в Германии. Оба автора вовсе не имели в виду создавать позитивный образ России—СССР, у них для этого не было оснований. И все же в ходе массовых опросов, проводимых Институтом демоскопии в Алленсбахе и другими исследовательскими центрами ФРГ, выясняется, что четвертая часть немцев выражает симпатии к русским, и несколько больше — превышение на 4% — выражают антипатию к нам.

Возникает вопрос, а почему должно было бы быть выражено иное отношение? Ведь образ России складывается на основе селекции из того материала, который производится в ней самой.

По тем данным, которыми мы располагаем на основании наших интервью, на первое место в ассоциативном ряду при упоминании «России» и «русских» в 2000 г. выходили понятия, характеризующие криминальную угрозу — «мафия», «беззаконие», «преступность». Возможно, что память о войне заняла бы меньшее место, поскольку главный моральный капитал Германии — преодоление послевоенной разрухи и освобождение от нацистского наследия. Что касается чувства вины за преступления фашистского режима, то оно остается одной из наиболее значимых проблем немецкого национального самосознания.

Стоит заметить, что историческая память носит генерализированный (весьма обобщенный) характер. Она знает одно, и главное: *«в мировой войне, которую начали немцы, победили союзники (в том числе и русские)»*. При этом не проводятся различия между русскими и советскими.

Это значит, что при каких-то обстоятельствах, в какой-то ситуации «русские» доказали эмпирически — пусть даже ценой неимоверных потерь — свое «превосходство» над «нами», над немца-

ми! Исторический факт сталкивается со стереотипом национального самосознания, значит, тем хуже для фактов. Психологически, подсознательно возникает стремление забыть этот факт, вытеснить его из памяти![13]

В массовых анонимных опросах эта «политическая некорректность» то и дело обнаруживается как некая скрытая установка. Эта антипатия подкрепляется образом современной России — «страны, где господствует криминал, где государство и закон не могут с этим ничего поделать».

Другое дело память не историческая, а личная, хотя бы даже о периоде жизни в советском плену, или память о работе по репарациям в Советском Союзе. Она связана, как выясняется, с позитивными эмоциями и воспоминаниями о конкретных людях и ситуациях. Именно эта часть памяти оказывается источником симпатий к России и русским.

В современном глобальном и общеевропейском контексте чрезвычайно важно понять, как складываются представления разных наций (народов, государств, стран) друг о друге. Дело в том, что мир, в котором мы живем, являет перед нами огромное многообразие культур, эпох, традиций и устремлений в будущее.

XX в. был веком двух мировых войн и длительной холодной войны — особого состояния мира, в котором отсутствие военных действий объяснялось взаимным сдерживанием — гонкой вооружений. Две мировые войны унесли 10 и 55 млн человеческих жизней[14]. Так, в Великой Отечественной войне — по данным наиболее надежных экспертов — Советский Союз потерял около 27 млн человек[15]. Германия (вместе с Австрией) во время Второй мировой потеряла 7234 тыс. человек[16].

Каким будет век XXI? Его символическое начало — 11.09.2001 г. — террористический акт против глобализации, унесший более двух тысяч невинных жертв. Ответные действия также сопряжены с насилием — со стремлением установить нормальный порядок разрешения конфликтов, какова бы ни была их природа и аргументация. Начало века отягощено обострением арабо-израильского и индо-пакистанского конфликтов — межгосударственными конфликтами, имеющими этно-конфессиональную окраску.

Перспективы XXI в. во многом определятся мерой осознания ценности человеческой жизни, которой противостоят идеи жертвенности и фундаментализма. Надежда на то, что новый век будет менее жестоким, еще не угасла, но и опасения по поводу того, что эскалация насилия, жестокости и терроризма будет продолжаться, имеют серьезные основания[17]. Здесь многое зависит от людей, политиков, дипломатов, военных, гражданских активистов. Решающим фактором благосостояния отдельных обществ и мира в целом может оказаться культура сотрудничества.

Чтобы надежда на лучшее будущее имела основания, представляется очень важным учесть опыт прошлого, посмотреть, как складывалась враждебность одних «народов» по отношению к дру-

гим? Как переживается и перерабатывается опыт открытого национализма и ксенофобии, которые выступили в виде мотора, движущей силы развязывания военных конфликтов?

Изменения представлений о других народах как о враждебных силах — один из главных путей к миру на Земле.

Нет «народов-врагов», нет народов, замышляющих зло против других. Все народы связаны друг с другом не только их прошлой судьбой, но и перспективой будущего. Евангельская мудрость гласит: «Подъявший меч, от меча и погибнет!» Это значит, что силой нельзя утвердить «свою правду». Путь к самосохранению народов — в их взаимном понимании друг друга, в утверждении позитивных образов других, в обсуждении источников негативных впечатлений.

Образ страны — России в особенности — сильно ассоциируется с образом руководителя. В то же время, чем более развиты в обществе демократические институты, тем меньше роль руководителя в формировании образа страны.

Единственным российским руководителем, завоевавшим положительное отношение в Западной Германии, благодаря инициативной политике по объединению Германии, стал М.С.Горбачев. Но Горбачев не снискал такого же авторитета у бывшего руководства ГДР, поскольку, с их точки зрения, не счел нужным оговаривать условия жизни своих бывших союзников в условиях объединенной Германии.

Б.Н.Ельцин, столь тонко чувствовавший нюансы расстановки политических сил во внутренней политике, оказался неспособным оценить и тем более использовать в интересах России тот политический капитал, который был заложен и создан акцией объединения Германии. Он пришел к власти на волне борьбы с коммунизмом (тоталитаризмом), и в своем политическом образовании не продвинулся дальше идеи абстрактного противопоставления двух политических принципов. При этом декларативное использование демократических лозунгов сочеталась на практике с авторитарными устремлениями, с поощрением своего рода культа монархии, с привычкой к самолюбованию человека, находящегося на вершине пирамиды власти. Ужасное десятилетие, оставившее в памяти западных русофобов три слова-символа: «казаки, водка, "Калинка"»!

Можно сказать, что за годы, прошедшие после избрания В.Путина, его образ приобрел некоторые позитивные черты.

В этих обстоятельствах возникает вопрос — какими еще ресурсами располагает Россия для конструирования собственного позитивного образа? Это латентная задача предлагаемой читателю книги. При этом исходная посылка состоит в том, что образ народа строится из того материала, который создается в его собственной стране!

Еще раз подчеркну, что сами понятия «быть немцем» или «быть русским» имеют разный смысл в разных ситуациях культурного взаимодействия.

В современной Германии русскими называются все, кто имеет отношение к России, которая на уровне обыденного сознания еще довольно часто отождествляется с СССР. Так называемые этнические немцы из Казахстана или Украины обычно называются русскими немцами. И это вряд ли целесообразно оспаривать, имея в виду, что значительная часть этих людей выросли в русской культуре, и владеют русским языком лучше, чем немецким. В то же время, независимо от того, кто эти люди «по крови», они и их ближайшие потомки остаются россиянами по своему происхождению.

Та же логика самоназывания и называния со стороны других просматривается и по отношению к евреям, иммигрировавшим в Германию из постсоветского пространства. «Русская газета» в Берлине — безусловно является газетой этой части иммигрантов из России. Но оспаривать это название было бы махровым национализмом! Ведь русские — это те, кто сами себя считают русскими! Это, прежде всего, *культурная* общность, а не «общность *по крови*!» Как ни удивительно, но для немецкого законодательства и сейчас именно общность крови оказывается основанием предоставления иммиграционных льгот в Германии!

Для большей части немецкого, французского населения все, проживающие в России — русские. Если в русском языке можно провести различие между русскими (этнокультурное понятие) и россиянами (понятие гражданственно-политическое), то в западно-европейских языках эти понятия сливаются в одном термине. Немцы говорят Russisch, но не употребляют Russlandisch, англичане и американцы говорят Russians по отношению и к русским, и к россиянам.

В самом русском языке слово «россияне» имеет глубокие корни. Н.М.Карамзин активно использовал его в «Истории государства российского», особенно при описании битв, в которых участвовало множество народов с российской стороны. Значительная часть русских эмигрантов, «выходцев из России», продолжают называть себя русскими, независимо от того, каковы их глубокие этнические корни. Таким же образом называют и их!

Нам нет необходимости препятствовать этой традиции, особенно после введения российского паспорта нового образца, в котором не фиксируется этническая принадлежность гражданина. Так что в термине «русские» мы намеренно объединяем несколько понятий: «граждане России», «выходцы из России» и «россияне», не проводя четкой грани между ними. Так воспринимаются русские и со стороны.

Метод, который использовался для сбора материала, — неформализированные интервью с экспертами[18].

В качестве респондентов опрашивались лица, так или иначе связанные с Россией, мнение которых составило совокупную экспертную оценку трансформационным процессам в России.

Предварительный список вопросов был направлен в Германию — профессору Мартину Коoли — в то время директору Ин-

ститута социологии Свободного Берлинского университета. Проф. Кооли переправил мою программу в Немецкое исследовательское общество, которое положительно решило вопрос о ее финансировании.

Благодаря этому я смог три месяца лета 2000 г. провести в Германии с целью сбора материала для этой книги. Моей штабквартирой был отлично оборудованный кабинет в помещении Свободного Берлинского университета на Бабельсбергерштрассе 16.

Всего было опрошено 24 человека на английском и русском языках[19]. 18 человек из этого списка жили и работали в Берлине, четверо были опрошены в Билефельде и трое в Кёльне.

Я достаточно свободно пользовался планом интервью (Interview Guide). Все зависело от респондента, от того, какие из моих вопросов ему представлялись наиболее интересными, или в какой области он являлся более компетентным.

Как правило, время и место встречи оговаривались заранее, и во многом беседа лимитировалась отведенным на это время. Я не встретил ни одного случая отказа от беседы. Были противоположные случаи — желание продолжить разговор и договориться еще об одной встрече. Вопросы, предложенные для беседы и их последовательность также не вызывали внутреннего сопротивления. В ряде случаев я получал приглашение выступить перед группой студентов по теме моего проекта[20].

К сожалению, не все записи оказалось возможным включить в эту книгу. В некоторых случаях подвела техника. В результате для публикации оказались пригодными 22 интервью. Каждой беседе был дан заголовок, избранный из содержания разговора. В качестве эпиграфов к беседам использовались наиболее своеобразные для данного респондента высказывания. При редактировании материалов бесед я стремился сохранить разговорную интонацию, а также охарактеризовать некоторые детали встречи, которые, как мне кажется, влияли на характер общения.

Во многих случаях встречи происходили дома у респондентов. Э.Штёльтинг и М.Кооли принимали меня дважды у себя дома. Для меня были открыты дома Герда и Кристины Кульке, Хельмута Штейнера, Ингрид Питчински. С Тигго Эйхлером и его дочерью Мариам мы провели викенд в Гамбурге, на Северном и на Балтийском побережье не без интересных автомобильных приключений; благодаря Тигго я познакомился и с семейством Рохлиных — Борисом и Тамарой — петербуржцев, обустроившихся в Берлине, и живущих там уже около 10 лет. В самом конце моего пребывания в Германии я встретился в Кёльне с вдовой моего покойного друга Николая Новикова — Ольгой Александровой, и с семьей Зимонов, которые уже много раз принимали меня во время моих предыдущих приездов в Германию. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить профессора Мюнстерского университета Крисманского, который во время моего первого визита в Германию в 1994 г. предоставил мне на все время моего пребывания свою машину, благодаря чему

я мог получить от страны более объемное визуальное впечатление. А фрау Фрезе предоставила мне тогда бесплатное жилье на два месяца в Билефельде. Всем этим коллегам и знакомым я приношу искреннюю благодарность за ту сердечность, которая была ими проявлена в общении со мной — гостем из России.

Когда речь шла об интервью, то во всех случаях оговаривалось, что оно будет записываться на магнитофонную ленту. Техническая сторона дела записи оказалась достаточно качественной, за исключением двух случаев.

К сожалению, полностью пропало содержательное интервью с Габриэлой Розенталь, которая занимается изучением судеб поколений палачей и их жертв. Другая неудача — часть интервью с проф. Эрихом Хааном — также пропала по техническим причинам. И все же оставшуюся часть я решил воспроизвести в книге.

В представлении материала я отошел от хронологической последовательности проведенных бесед. Принцип организации материала продиктован сложившейся тематикой встреч.

В первом разделе книги опубликованы в полном объеме тексты 22-х интервью, которые рассматриваются здесь как документы исследования. Они тематически распадаются на четыре подраздела:

1 Меняющееся пространство: Россия, Германия, Европа.
2. Память истории.
3. Тоталитаризм как конструкция, или какова цена объединения Германии?
4. Россияне в Германии.

Второй раздел книги представляет собой результат качественного контент-анализа исходных текстов. Я выделил из текста бесед 16 доминирующих тем, и из каждого интервью отобрал узловые высказывания, а затем, само количество доминирующих тем укрупнил до пяти. Единицей контент-анализа послужили «значимые суждения» — более или менее развернутые высказывания по наиболее существенным вопросам, возникавшим в ходе беседы. Таких суждений получилось 295. В среднем на одного респондента приходится более 13,5 значимых суждений. Впоследствие они могли бы стать предметом количественного анализа.

После этого был написан и **третий раздел** (восемь глав), в котором резюмируется характер альтернативных суждений и излагается — там, где это уместно — авторская позиция.

Пока готовилась рукопись, четыре интервью были опубликованы в различных изданиях[21].

В заключение я хочу выразить благодарность, прежде всего, моим респондентам, на беседах с которыми строится эта книга, равно как и организаторам моей программы, которую я надеюсь продолжить. В первую очередь это касается профессоров Мартина Коoли (Свободный Берлинский университет) и Юргена Фельдхоффа (Университет Билефельда), выступивших не только в качестве собеседников, но и в роли *организаторов всего проекта*. Помимо тех, кого я уже назвал, я хотел бы отметить нескольких со-

трудников М.Кооли, и, прежде всего, Катю де Лашковиц и Гунду Якоби. Обе они были незаменимы в организации моей повседневной работы, а Гунда Якоби, к тому же, оказалась интересной художницей, работающей в жанре женского портрета. Беседы с Каролой Зоммер и Арминoм Трибелем помогли мне многое уяснить в немецкой культуре общения, а знакомство с профессором Клаусом Зегберсом дало возможность понять, как именно строится образ немецкости в интеллектуальной среде!

Из российских коллег я выражаю благодарность своей дочери Елене за поддержку проекта, и сотруднице Института независимых исследований (С.-Петербург) Ольге Михайловне Кирилловой, которая взяла на себя труд по декодированию русских и английских текстов.

[1] Другое — не менее важное — различение в национальном дискурсе носит методологический характер: что представляют собою обозначенные нации: реальные «исторически сложившиеся общности» или некоторые конструкты, с помощью которых формулируются и определяются «национальные интересы»?

[2] Автор разрабатывает эту теорию в ряде публикаций последнего времени. См., например, соответствующий раздел в книге: Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999. С. 88—187. Последняя статья по этому вопросу в соавторстве с А.А.Цуциевым: Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм / Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 2001. С. 125—156.

[3] Замечу, что мой старший двоюродный брат (кузен) Здравомыслов Юрий Васильевич — был по матери немцем. В 1941 г. он был курсантом военного училища в Москве. В первые недели войны училище было переброшено под Ленинград, где Юрий геройски погиб (как сообщала похоронка) в бою с немцами в районе Малой Вишеры. Его мать — Мария Александровна Гупфельд — как мать офицера оставалась некоторое время жить в Ленинграде, где жили и мои родители с тремя детьми. В ноябре 1941 г. Мария Александровна навестила нашу семью и принесла нам продукты, которые поддержали нас в самые трудные дни блокады. В эти месяцы погибли двое из пяти членов нашей семьи.

[4] Тема раскола русской нации обстоятельно разработана в трудах А.С.Ахиезера. См.: Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск, 1997.

[5] Термин введен в научный оборот Б.Андерсеном в книге: «Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism». L., 1983. Смысл термина состоит не в том, что нация не существует как реальность, а в том, что ее существование обусловлено *идеей* солидарности, *воображением* единения. Нация, следовательно, есть результат веры, убежденности индивидов в принадлежности к общности. Приведем в этой связи интересное высказывание В.А.Тишкова, предлагающего исключить понятие нации из числа научных категорий: «Концепция этнонациональной общности представляет собой воображаемую конструкцию, это не мешает ей становиться жесткой реальностью и основой коллектив-

ного действия. Особенно в современной России, где люди через этничность обретают утраченные чувства личной и коллективной самоценности, а лидеры часто добиваются социального контроля и политической мобилизации через обращение к этническим чувствам и коалициям. Таким образом этническая конструкция обретает прямую проекцию в сферу отправления власти» (Тишков В.А. Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998, № 9. С. 8. Статья посвящена разбору «глобальной и долговременной мистификации вокруг терминов *нация и национализм*, которые не являются научными и политически операциональными категориями» (Тишков В.А. Там же. С. 3.).

[6] См.: Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowietunion 1941—1945. Esseys. Herausgegeben Peter Jan und Reinhard Rürup. Argon, 1991.

[7] Загадочность, непредсказуемость, противоречивость, эмоционально насыщенное соединение «добра и зла» в русском национальном характере с точки зрения «западной культуры» — одна из главных тем воспоминаний немецких солдат и офицеров времен Второй мировой войны, собранных и опубликованных Екатериной Филипс-Юзвит. См.: Немцы о русских. М., 1995. С. 27—174.

[8] Этот подход продемонстрирован в организации и экспозиции постоянной выставки в Берлине «Топография террора».

[9] Победа в Великой Отечественной войне «символ, который выступает для подавляющего большинства.., для общества в целом, важнейшим элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и, отчасти — понимания настоящего и будущего. Победа 1945 года — не просто центральный смысловой узел советской истории, начавшейся Октябрьской революцией и завершенной распадом СССР; фактически — это единственная позитивная опорная точка национального самосознания постсоветского общества. Победа не просто венчает, но как бы очищает и оправдывает войну и одновременно — «закрывает» от рационализации, т.е. от объяснения, от анализа всю тему войны». (Гудков Л. Победа в войне: К социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 13).

[10] Следует признать, вместе с тем, справедливой серьезную критику конспираторов 20 июля, данную Х.Гудерианом. Он полагает, что это покушение на Гитлера не могло повлиять на действие немецкой правительственной машины, равно как и сам нацистский режим от этого не мог пострадать. Все основные фигуры — Гиммлер, Геринг, Геббельс, Борман — были вне поля досягаемости взрыва. Конспираторы в лице графа Штауффенберга даже не выяснили результаты взрыва, произошедшего в бункере, заботясь о сохранении собственной жизни! Кроме того, Гудериан весьма сомневается в том, что этот заговор может быть хоть каким-либо образом связан с идеей «сопротивления» (resistance) режиму, как его впоследствие представляли в прессе и в исторической литературе, так как ни один из конспираторов никогда не отваживался на то, чтобы возразить Гитлеру даже по самому незначительному вопро-

су. (См.: Guderian H. Panzer Leader. Classic Penguin, 2000. P. 344—350.

[11] См. очерк о холокосте на с. 517—520 настоящего издания.

[12] Аналогичное заблуждение имело место и с другой стороны: Гитлер был уверен, что после начала военных действий Советский Союз развалится в течение нескольких недель, так как «население его ждет не дождется помощи извне в освобождении от большевистского террора».

[13] Напомним в этой связи данные опроса немецкой молодежи, опубликованные журналом Spiegel в 1994 г. (№ 38). В анкете был задан вопрос «Превосходят ли немцы какой-либо другой народ?» (Sind die Deutcshen einem anderen Volk überlegen?). 52% отрицательно ответили на этот вопрос, 45% ответили, что «немцы превосходят некотрые народы» и 2% избрали нацистскую установку «немцы превосходят всех!» Далее следовал вопрос на уточнение «Если превосходят, то кого именно?» Ответы на этот вопрос распределились следующим образом:

поляков — 87%
турок — 74%
русских — 63%
французов — 20%
американцев (США) — 11%

[14] Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под общей ред. Б.Коппитерса, Н.Фоушина, Р.Апресяна. М.: «Гардарика». 2002. С. 5.

[15] См.: Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: ИСПИ РАН, 2001. С. 24.

[16] Deutsche Geschichte 1933—1945. Dokumente zur Innen- und Aussерpolitik. Herausgegeben von W. Michalka. Fischer Taschenbuch Verlag. S. 380.

[17] См.: Бауман З. Насилие — старое и новое // Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 259—275.

[18] См.: Приложение 1: «План интервью»

[19] См.: Приложение 2: Список респондентов.

[20] Выступления состоялись в Институте социологии Свободного Берлинского университета (организатор — М.Кооли), дважды в Билефельдском университете (Ю.Фельдхофф), в Технологическом университете (К.Кульке), в Институте по изучению стран Восточной Европы (К.Зегберс).

[21] См.: Яан П. К вопросу о связи времен // Трудный поиск решений. Ежегодник РНИСиНП. 2001. № 9; Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Трудный поиск решений. Ежегодник РНИСиНП. 2001. № 9; Специфика России глазами немецкого ученого. На вопросы А.Г.Здравомыслова отвечает Г.Зимон (Германия) // Общественные науки и современность. 2001. № 4; Здравомыслов А.Г. Германия — Россия. Интервью с профессором Э.Штёльтингом // СОЦИС. 2001. № 4; Здравомыслов А.Г., Фельдхофф Ю. Россия в немецком восприятии. Опыт диалога // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 2.

Раздел I

Тексты интервью

Часть 1
МЕНЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО: РОССИЯ, ГЕРМАНИЯ, ЕВРОПА

1.1. Немцы и русские — историческая взаимозависимость

Беседа с заведующим кафедрой социологии Билефельдского университета профессором Юргеном Фельдхоффом. Беседа проходила в кабинете профессора Фельдхоффа в университете, 10 мая 2000 г. Беседа шла на английском языке — перевод на русский, и редакция осуществлены проф. А.Г.Здравомысловым. После этого текст был направлен в Билефельд для коррекции. Проф. Фельдхофф внес несколько письменных уточнений, которые обозначены скобками.

Одно из наиболее существенных препятствий превращения России, Советского Союза в демократическое открытое общество заключалось в событиях, происходивших в Германии в 30-е годы. Националистические тенденции в Германии, и ее подготовка к войне помогли ортодоксам в СССР стать теми, кем они стали. В этом и состоит связь между историями двух народов.

А.З.: Первый вопрос, который хотел бы Вам задать, носит несколько личный характер. Как известно, у вас сложились неплохие отношения с ленинградскими социологами. Интересно, что было причиной таких отношений? Какова мотивация, почему Вы не установили таких же или подобных контактов с социологами из Британии или Франции, с американскими социологами? Впрочем, может быть, такие отношения у Вас и есть, но мне известно, что у вас хорошие отношения именно с российскими социологами, и хотелось бы знать, почему?

Ю.Ф.: Любые научные контакты проистекают из совокупности обстоятельств. Одни из них связаны с научной биографией, другие происходят случайно. В данном случае имело место и то, и другое. Мне повезло в том, что я установил личные контакты с социологами, но в то же время здесь были и определенные научные интересы. Во всяком случае, и то, и другое было смешано.

В научном плане я более всего интересовался трансформационными процессами в Европе, и не только в Европе, но и во всем мире. Поэтому я и заинтересовался российским обществом. Разумеется, какие-то идеи относительно российского общества у меня

были, но поначалу мои интересы не были связаны непосредственно с социологией.

Когда представилась возможность стать гостем Санкт-Петербургского университета, я ею воспользовался, и благодаря этому и состоялось знакомство с моими коллегами по профессии, хотя до этого я о них ничего не знал.

В мою задачу входила разработка программы контактов между российскими и немецкими социологами. И я стал заниматься социологией в России, чтобы ответить на вопрос: какое влияние оказывает или может оказать западная социология, точнее, немецкая социология — на преподавание этого предмета в России и, в том числе, на исследовательский процесс? Поэтому и возникли достаточно прочные связи с социологическим факультетом Санкт-Петербургского университета, и не только с Санкт-Петербургом, но и с некоторыми другими городами. Я был некоторое время в Сыктывкаре. А в Москве я преподавал на вечерних курсах по социологии в Академии народного хозяйства. Таким образом, я постепенно знакомился с все более широким кругом проблем.

А.З.: А когда у Вас возник интерес к России?

Ю.Ф.: Это произошло в начале 90-х годов, когда была объявлена перестройка и задача построения рыночных отношений. Были провозглашены такие ценности, как свобода личности, демократия. Начался трансформационный процесс. Мне кажется, что это очень важный процесс. Я думаю, что Германия имеет определенное отношение к этим трансформационным процессам. Это мое личное мнение. Одно из наиболее существенных препятствий превращения России, Советского Союза в демократическое открытое общество заключалось в событиях, происходивших в Германии в 30-е годы. Националистические тенденции в Германии, и ее подготовка к войне помогли ортодоксам в СССР стать теми, кем они стали. В этом и состоит связь между историями двух народов. И это задерживало развитие общества[1].

А.З.: Как Вы можете оценить те изменения в России, которые произошли за последние десять лет?

Ю.Ф.: У меня нет определенного мнения по этому вопросу, оно неоднозначно. По-моему, никто не может дать исчерпывающую оценку тому, что происходит в России, так как само российское общество чрезвычайно сильно дифференцировано. Такая оценка зависела бы от того или иного региона, от определенных слоев в социальной структуре общества, от возрастных групп. И все же, несмотря на это, я думаю, что в обществе происходят изменения принципиального характера, и эти изменения — к лучшему!

В обществе возник интерес к событиям в других странах, студенты интересуются тем, что происходит не только в России. Это не отвлеченный интерес, они пытаются разобраться в том, как это связано с их собственными делами. Политические изменения, ко-

нечно, очевидны. Хотя нам и не нравится то, что происходит с социальной структурой.

В настоящий момент все-таки проявляется автократическая тенденция, но, если иметь в виду формальные критерии, то это — демократия, реальная демократия. Это очень много, но, с другой стороны, наблюдаются заметные тенденции назад, в сторону националистических настроений. Это происходит и в интеллектуальных слоях, в университетах, среди студенчества. Один небольшой, но достаточно выразительный пример на этот счет. В систему преподавания в вузах ввели курс культурологии в качестве обязательной дисциплины. Но содержание этого курса обращено в сторону «национальной идеи России». С моей точки зрения, это не прогресс.

Вообще, картина достаточно противоречивая. С одной стороны, наблюдается прогресс в политике и прессе, в средствах массовой информации. Но, с другой стороны, происходит как бы возврат к тому кругу идей, которые существовали в Европе и России еще до Французской революции.

А.З.: Даже так далеко уходит в прошлое!? Но меня заинтересовало то, что вы сказали о помощи со стороны Германии российской или советской ортодоксии. Нельзя ли на этом остановиться более подробно? И в чем состоит влияние реформ на российско-германские отношения?

Ю.Ф.: Если посмотреть с немецкой точки зрения (а я не могу смотреть с африканской точки зрения), то здесь очевидны положительные сдвиги. Это позитивное развитие.

Немецкое общество, немецкая общественность весьма заинтересованы в развитии России. Это можно заметить, наблюдая работу нашего телевидения. Каждую неделю по телевизору можно видеть две—три программы с достаточно глубоким анализом того, что происходит в России. Информация не ограничивается ходом избирательных кампаний, она распространяется и на структурные преобразования. Интересны биографические передачи. Освещается не только то, что происходит в Москве, но во многих других регионах. Немецкий телезритель с большим интересом это смотрит. Ему это нравится.

А у некоторых это вызывает даже романтическое отношение. Передачи идут из Сибири, из разных других районов и делаются такими журналистами, как, например, Руге или программой «Монитор». У нас есть великолепные немецкие журналисты, специализирующиеся на России, пишущие в таких изданиях как «Цайт», «Франкфуртер Альгемайне».

Немецкие журналы также имеют хорошее представительство в Москве. Они очень хорошо информированы. Например, миссис Зигель из Frankfurter Allgemeine. Или Флориан Ассель из Tageszeitung. И на их публикации можно положиться.

Конечно, есть публикации и другого характера, которые сосредотачивают внимание на преступности в России. Но такого рода вещи не публикуются в наиболее серьезных изданиях.

А.З.: Можно ли понять, насколько дифференцированы точки зрения на современную Россию?

Ю.Ф.: Я не занимаюсь этим специально. Но попытаюсь ответить на этот вопрос на основе личного опыта.

Прежде всего, есть военное поколение. Оно еще живо. Им около 70—80 лет, и у них двойственное отношение к России.

С одной стороны, они чувствуют себя жертвами. Они знают, что были агрессорами и в этом смысле слова жертвами, но *они не могут примириться с мыслью, что именно они были агрессорами. Они не хотят помнить того, что на самом деле произошло в их жизни. Они были очень горды собой, когда они вернулись с войны, потому что они забыли то, что они сделали.* Сейчас в Германии прошла очень интересная выставка, посвященная действиям Вермахта во время Второй мировой войны. Она прошла почти во всех землях Германии. Эта выставка документов и фотографий времен Второй мировой войны. Она была инициирована из Гамбурга. Судьба этой выставки показала, что эти люди и до сих пор не могут смотреть в глаза действительности, частью которой были они сами: когда обнаружились некоторые ошибки в опубликованных фотографиях, они были этому очень рады.

С другой стороны, они помнят очень хорошо, что когда они были в советском плену — а большая их часть именно и была военнопленными, так как основная группировка немецких войск воевала на Востоке — то население окружавших сел и деревень относилось к ним по-доброму и с пониманием. Русские люди многим из них просто помогли выжить. А через плен прошла огромная масса населения!

Так что у этого поколения сохранилось двойственное впечатление.

Следующее поколение, к которому принадлежу я, было полностью ориентировано на Запад.

Я родился в 1936 г. Я не принимал участия в войне, так как был еще ребенком.

У нас не было никакого представления о русской истории или истории российско-немецких отношений. Вся история, которую мы изучали, была полностью связана с холодной войной. *Холодная война* определяла содержание преподавания в средней школе и вузе. То, что преподавалось по таким предметам как география или история, было чистой пропагандой.

(Письменное дополнение проф. Фельдхоффа к этому месту: «Немцы запрещали (supressed) какое-либо иное знание об СССР»!)

Люди этого поколения очень боялись России! Некоторые из них имели личный опыт, связанный с жизнью в ГДР, ситуация в которой с западной точки зрения была совершенно нетерпима. Это относится, прежде всего, к тем, кто пытались пересечь границу, чтобы навестить родственников в Западной Германии.

Теперь обратимся к тому поколению, которое было следующим после меня. Это поколение — 1968 г. Их судьба очень сложна. В

принципе у них сложилось негативное отношение к России. У них сформировались антиавторитарные настроения. В 1968 г. они были молодыми студентами, как правило, настроенные революционно и просоциалистически. Но их симпатии были направлены не на Россию. Они больше симпатизировали таким лидерам как Хо Ши Мин, Мао Цзе Дун, Че Гевара. Они смотрели на Россию с точки зрения социальной революции, происходившей в третьем мире. А Россия для них была не революционной страной. Это было более или менее утвердившееся буржуазное государство и буржуазное общество. Это было общество, где была установлена «диктатура нового правящего класса». Они критически относились к ленинизму, который, по их мнению, отошел от марксистской теории. Эту точку зрения развивал, например, Дучке. Его сторонники переворачивали Ленина с ног на голову, подчеркивали идеи азиатского способа производства. Это поколение поддерживало третий мир в его борьбе и против Америки, и против советской России.

Следующее поколение — поколение ровесников моих детей — сейчас им около 30—40 лет, некоторые из них были членами социалистических групп в Западной Германии. Например, мой сын был членом Германской коммунистической партии. И как достойный член своей организации он был направлен в Москву. Он получил образование в Москве, в школе Коминтерна, которая существовала в молодежном движении. Там он встретил довольно много своих сверстников из разных концов света. Но это было в очень напряженное время перестройки, когда никакие ценности уже не признавались. Большая часть этих молодых людей пришли к выводу, что никаких законов истории не существует. Условия жизни для них были очень тяжелыми. Единственное, что было понятно для немцев, как из Западной, так и из Восточной Германии, так это были их собственные отношения. В ходе учебы они, естественно, растеряли все свои коммунистические или социалистические убеждения. Они пришли к выводу, что комсомол это мафия! И что никакого социализма нет! Поэтому они оставили свои политические идеи и карьеру.

Мой сын, в частности, порвал с этим движением и стал профессиональным журналистом. Теперь он журналист, который не занимается политикой. Он работает в программе «Панорама», весьма информирован. Но у него нет сейчас специального интереса к России.

Недавно я ему сказал, что наш университет приглашает профессора Фогелера из Москвы, который преподавал когда-то в школе Коминтерна. Я предложил моему сыну сделать телевизионную передачу про него. Проф. Фогелер возвратился после 50 лет жизни в Советском Союзе. Его отец был очень известным артистом, он занимался революционным искусством. Но потом Фогелер был арестован и сослан в Казахстан, где и умер, не выдержав тя-

желых условий жизни в ссылке. Но почему-то мой сын не заинтересовался этим сюжетом.

Сейчас выросло новое поколение. Среди них есть те, которые интересуются Россией. Они открыты, они чувствуют, что это интересно, но ясно, что у них не будет постоянного места работы, связанного с этим. В Германии сейчас нет расовых предрассудков против поляков, русских, евреев[2].

А.З.: А как Россия, с Вашей точки зрения, это часть Европы?

Ю.Ф.: С точки зрения политической перспективы Россия является частью Европы, независимо от того, является ли она формально частью Европейского Союза или нет. Она будет партнером Европейского Союза и будет тесно с ним связана.

Но в культурном плане, равно как и с точки зрения социальной политики, я не могу сказать, что Россия — европейская страна.

Основные этапы буржуазной революции и те события, которые определили облик Европы, не происходили в России.

Конечно, такие города, как Санкт-Петербург и Новгород, ничем не отличаются от Кракова, Риги и других европейских городов. Но про Россию в целом этого сказать нельзя. Мне кажется, что пока еще можно наблюдать только первые признаки включения России в европейскую жизнь. Но по этому вопросу у меня нет полной уверенности.

А.З.: А в чем же состоит эта дистанция между Россией, с одной стороны, и Германией, с другой?

Ю.Ф.: Очень трудный вопрос! У меня такое ощущение, что европейские нации имеют весьма прочные корни. Они не очень интересуются тем, что происходит в мире в целом. У них достаточно устойчивое внутреннее положение — во всех странах от Португалии до Дании! Экономическая и политическая ситуация у них как бы в порядке. В принципе европейские нации не имеют такой задачи — бороться за свое национальное государство. Конечно, пример Югославии показывает совершенно обратное. Но это, скорее, исключение для Европы.

Что касается России, то ситуация совсем другая. В России нет уверенности в своем будущем, и нет ощущения собственной национальной идентичности. В России идет строительство нового общества так, как будто бы никогда раньше России не существовало! И поэтому российские политики не особенно интересуются тем, что происходит на Западе. Я полагаю, что у западных стран есть больше оснований интересоваться тем, что происходит в России, поскольку их собственное существование является достаточно прочным...

А.З.: А что можно сказать о России и Советском Союзе? Это та же самая страна или это разные страны? Что Вы думает о преемственности и разрыве между современной Россией и СССР?

Ю.Ф.: С моей точки зрения это полный разрыв. Россия — это страна, которая сформировалась, имеет Конституцию. Конечно,

она не обсуждалась в каждой семье, но она была принята путем свободного волеизъявления населения. В Германии, кстати, Конституция не принималась всенародно[3].

Далее, российские государственные структуры формируются на основе выборов, которые имеют определенную регулярность. Эти выборы свободны, они не контролируются сверху и не фальсифицируются.

В стране происходит обновление групп политического руководства. Вы не можете сказать, что группа Гайдара это то же самое, что и группа Лужкова, и что группа Лужкова осуществляет те же самые принципы руководства, что и группа Чубайса, или идентична с тем, что называется «семьей» (хотя в последнем случае наблюдается, как кажется, большая связь). Значит, в принципе элита не остается неизменной. И ее изменения происходят таким образом, что политическая и экономическая элиты меняются местами.

Таким образом, очевидно, что на деле существуют основные элементы политической демократии, и политический процесс не контролируется более единственной правящей государственной партией. Есть немало и иных различий, и в принципе — это совершенно иная страна.

Но мне кажется, что сами русские смотрят на этот вопрос несколько иначе. Они не знают, не уверены в том, каковы должны быть различия между Россией и Советским Союзом. Конечно, все признают рыночные отношения, но для русских довольно сложно понять эти различия в силу весьма сильной преемственности. К тому же Россия была в территориальном плане наибольшей частью СССР. А сейчас начали говорить о новом союзе с Украиной и Белоруссией. Мне кажется, что русские сами не знают, должна ли быть Россия другой страной, или же это должен быть демократизированный и экономически развитый Советский Союз? Но с моей точки зрения между тем и другим большая разница!

А.З.: Возвратимся к вопросу об отношениях между русскими и немцами. Как Вы думаете, память о Второй мировой войне, о германо-советской войне остается одной из наиболее важных проблем в массовом сознании, в психологии людей, или все это уже ушло в прошлое?

Ю.Ф.: Я думаю, что этот вопрос надо было бы задать тому, кто непосредственно участвовал в войне, и в то же время понимал, что тогда происходило. Я от этого очень далек. Это времена моего детства.

Но если бы я попытался ответить на этот вопрос, я бы сказал, что в политическом сознании думающего населения обеих стран война стала историей. И они не хотят извлекать ее из своей памяти. Есть немало немцев, которые скажут, что они знают об этой войне. И они на самом деле знают, так как они получили неплохое образование в определенном смысле. В общественном мнении

не утвердилась точка зрения, что эта война была на самом деле наиболее грандиозным и ужасным событием европейской истории.

Но на самом деле это была не война, это была жестокая попытка уничтожить оба народа. И это не была война равных сторон. Я думаю, что немцам (немецкому населению) это более или менее известно.

Что касается русских, то среди них довольно много тех, кто также весьма дружески и открыто относятся к немцам. Среди людей старшего возраста можно наблюдать уважение к немцам, и для них характерно то, что они отделяют «немцев» от «фашистов». *Я сам не принимаю этого разделения.* Но в то же время я думаю, что это может быть основой взаимного понимания. Эта война тесно связана с фашизмом. Но и «немцы» не отставали[4].

Мы теперь многое увидели иначе. Мы видели этих солдат, и мы поняли, что они были не только «слепыми исполнителями приказов». Поэтому я не согласен с тем, что «немцев» и «фашистов» можно отделить друг от друга. Но эта точка зрения помогает решить некоторые вопросы в данный момент.

[*Письменное добавление:* Я считаю, что ни по целям, ни по средствам их достижения эта война не была классической войной. Агрессия не была направлена против иностранной армии ради завоевания территории и ресурсов. Она была направлена против всего народа на основе расовой идеологии. Цель состояла в том, чтобы физически уничтожить или обратить в рабство все население. Средства, используемые ради этой цели, с самого начала выходили за рамки международных норм ведения военных действий. Цели немецких руководителей — партии, государства, армии — не отличались друг от друга. Это означает, что в руководящей элите Германии никогда не ставились и не обсуждались вопросы, касающиеся каких-либо компромиссов или различий в точках зрения. Основой стратегии были задачи, провозглашенные фашистской программой Гитлера и его партии. И почти все немецкие институты — армия, железные дороги, почта, администрация, военная промышленность — сотрудничали, действовали совместно по осуществлению этих планов. Немецкие солдаты и офицеры, отдававшие приказы уничтожать военнопленных и мирное население, и те, кто эти приказы исполняли, не были в большинстве своем членами (нацистской) партии и даже не были сочувствующими фашистам (were mostly not members or even loyal faschists.)

Это означает, что и сегодня проблема ответственности распространяется на весь немецкий народ, хотя большая часть из них могут считать себя в каком-то смысле антифашистами. Надеюсь, что я смог объяснить это более понятно.

Кстати, интересная и обстоятельно документированная выставка о действиях Вермахта во время войны на Востоке будет вновь возобновлена через год.]

А.З.: А кто же действовал с другой стороны? Со стороны Германии действовали фашисты и немцы, а...

Ю.Ф.: Теперь можно сказать, что другой стороной конфликта в этой войне был народ России, боровшийся против агрессии. Народ был организован правящей элитой на защиту своей страны. И они исходили именно из такого понимания событий. Конечно, никто не обсуждает в России — в Германии это не так важно — средства защиты, которые были избраны руководящим военным и политическим руководством страны. Ведь война была жестокой не только с немецкой стороны, она была жестокой и с русской стороны, со стороны руководства по отношению к своим.

Дискуссия по поводу того, что русские делали во время войны, какие были внутренние конфликты во время войны, решались ли они в соответствии с интересами населения или же в соответствии с интересами режима — эта дискуссия только началась в России. Она началась в узких кругах интеллигенции в связи с пятидесятилетием победы над Германией. Историк Ю.Афанасьев высказал свою точку зрения, которая оспаривается другими. Он хотел показать, что Великая Отечественная война была не только защитой. Она была и борьбой сталинистского политического руководства против ленинградской группы[5]... Это то, что я знаю относительно этой дискуссии.

Может быть, это впоследствии повлияет как-то на интерпретацию войны, но в настоящий момент есть общее понимание того, что война была против немецких агрессоров, что агрессорами были фашисты, и что с ними было покончено. Очень просто, это очень простое объяснение!

А.З.: А достаточно ли остановиться на этом — для истории, для преподавания — или еще существуют нерешенные проблемы, которые надо исследовать?

Ю.Ф.: То, что я говорил, не есть мое личное мнение о фактах истории, это мое мнение относительно того, к чему пришло общественное мнение, с чем оно согласилось, на чем оно успокоилось в данный момент, благодаря чему люди потеряли интерес к проблеме.

Но я считаю, что по двум вопросам дискуссия не окончена.

Во-первых, дискуссия, которая началась в Германии: почему военная машина Германии в России была не только машиной агрессии, завоевания, почему она сделалась машиной уничтожения и убийства? Как, при каких именно условиях было возможно, чтобы молодые люди из нормальных семей, стали убийцами (murders) и приняли участие в таких вещах, о которых нельзя было даже помыслить дома. Как это возможно? Есть книга Д.Гольдхагена — может быть, Вы знаете это имя — это молодой американский историк, который описал традиции немецкого милитаризма — убийства населения во время войн на Украине, в Белоруссии и собственно в России. Он объясняет это сильными чувствами

ксенофобии и антисемитизма, которые укоренены в немецкой истории.

Конечно, с ним не согласны масса либеральных историков в Германии, которые объясняют это собственно условиями самой войны и военных действий. Но я думаю, вот что остается неясным: как могли образованные офицеры, включая высший командный состав армии, — некоторые из них даже «восставали» (rebelled) против Гитлера! — как они могли отдавать команды на уничтожение населения целых деревень или определенных категорий людей, например, комиссаров или иных групп?

Этим занимались не только Гитлер и эсэсовцы. Военное командование само принимало решение об акциях против населения, не вызвавшихся военной необходимостью. Эти акции не были частью военных действий, по моему мнению. Все это остается неясным[6]. И это очень трудно понять!

Например, группа полицейских из Гамбурга была направлена в Россию в качестве воинского подразделения, и они занялись уничтожением населения. У себя дома они были регулировщиками на перекрестках. Это невероятно, немыслимо! Никто не может этого понять до сих пор! Хотя дискуссия по этому вопросу продолжается вот уже 30 лет. Я надеюсь, что новые исследования этой проблемы помогут найти ответ на этот вопрос.

Что касается российской стороны, то здесь, с моей точки зрения, не обсуждают историю войны в достаточной мере. Почти не ведется дискуссия о том, что такое сталинизм, и каковы были его предпосылки в российском обществе? Как он соотносится с большевизмом? И у нас нет хороших книг на тему о том, как сложился этот режим, и почему он сформировался именно в России, а не в других странах? С моей точки зрения, эти вопросы мало обсуждаются, книг на эту тему недостаточно[7].

А если и появляются отдельные работы, то они не переводятся и остаются неизвестными за пределами России. Так что немало этих и других вопросов требуют обсуждения. У нас свободное обсуждение этих проблем продолжается вот уже более тридцати лет, и за это время сделано немало.

Но в России нет такой дискуссии, нет обсуждения уроков, в вузах не читают лекций по истории российского общества. В 90-е годы исследования в этой области начались, но теперь они снова прикрыты и сейчас стало еще труднее, чем было раньше. Но я думаю, что надо сохранять оптимизм.

А.З.: А как Вы относитесь к весьма распространенному сравнению России после распада СССР с Германией после Первой мировой войны?

Ю.Ф.: Я думаю, что это весьма поверхностное сравнение. Картина на улицах в России в 90-е годы и в Германии в 40-е годы сходна. Но в действительности различия очень существенны.

Во-первых, немецкая промышленность не была разрушена. Она работала под землей. Конечно, была разрушена транспортная

система, пострадали многие города. Но современные технологии и современная организация производства — все эти современные вещи, которые позже выявились, совместно с тейлоризмом и фордизмом — уже существовали в огромной системе военного производства Третьего рейха. И все они продолжали работать и после 1945 г. — под землей. Это было вполне современное и высоко развитое индустриальное общество, которое могло быть переориентировано с задач военного характера на гражданские задачи без больших трудностей.

В Советском Союзе этого не существовало, так как современное производство в СССР было сосредоточено только в военно-промышленном комплексе. И в 90-е годы значительная часть российской промышленности не была модернизирована. Так что различие осталось очень большим. Российская промышленность имела устаревшее оборудование. Она была реконструирована в 70-е годы, а затем в течение двадцати лет не было никаких изменений.

А промышленность Германии в условиях войны была в высшей точке своего развития. Кроме того, экономика Германии с самого начала развивалась в связи с западно-европейской интеграцией, а после войны в связи с западной программой демилитаризации. Она была частью экономического оздоровления Европы на основе плана Маршалла. С Советским Союзом в 90-е годы не произошло ничего подобного.

Во-вторых, в Германии после войны были сформулированы идеологические стимулы антикоммунистического характера, направленные на развитие технологии и науки, поддержанные американцами и западными странами. Так что Германия стала частью фронта против большевиков

А в 90-е годы большевики никому уже не могли противостоять. Так что, я думаю, что разница была очень существенной во времена прекращения существования этих двух обществ.

А.З.: Вы сравниваете нынешнюю Россию с ситуацией после Второй мировой войны...

Ю.Ф.: Да, я говорю о том, что было после Второй мировой войны.

А.З.: А мой вопрос касался ситуации после Первой мировой войны. Германия тогда потерпела поражение, и это стало основанием для формирования националистических настроений и поддержки гитлеровской партии. В результате через 15 лет после Версальского договора в Германии пришел к власти национал-социалистический режим, как он сам себя называл.

Ю.Ф.: Но этот приход к власти, этот переворот не являлся прямым результатом Версальского договора! Этот договор и версальский режим были использованы нацистской пропагандой в своих интересах. Эта пропаганда помогла им прийти к власти в какой-то мере в ходе демократического процесса.

На начальном этапе Веймарская республика была не менее демократичной, чем российское общество теперь. Тогда была принята замечательная Конституция, замечательные законы в области трудового права, установилась система отношений в промышленности, было создано социальное государство и восстановлена в основных моментах система страхования, существовавшая при Бисмарке, созданы условия для развития искусства и для политического авангарда, который был ориентирован на будущее и на развитие демократии. Искусство, кино, живопись, литература процветали в то время.

Так что Веймар имел два лица. Одно лицо — это внутреннее развитие Германии, другое — связано с мировым экономическим кризисом 30-х годов, который и дал шансы фашистам, использованные в весьма специфической ситуации. Этот переворот не был организован в 1918 г. Тогда не было уверенности в том, что фашисты придут к власти двадцать лет спустя. Эти события нельзя объяснить просто как результат национализма.

Что касается русского национализма, то здесь все выглядит иначе. Сейчас в России нет крупной националистической партии. Есть какие-то возможности для развития фашистского движения, но оно не появилось.

Так что различия между этими периодами гораздо более существенны, нежели сходства.

А.З.: А что Вы думаете о значении самого термина «нация»? Имеет ли оно то же самое значение в Германии и России? И связанные с этим понятия «национальная идентичность», «национальные чувства»?

Ю.Ф.: Я думаю, что немцы поняли, что само это понятие и соответствующие конструкции могут быть использованы во вред. «Нация», «национализм» имеют совершенно разное значение (в разных ситуациях). В этой области есть много терминов, но употребление их не всегда является признаком политической корректности. Обращение с ними требует осторожности. Лучше всего, если Вы вообще не говорите о нации. Существует табу на «любовь к национальным интересам», так как это своего рода торговая марка, клеймо, означающее поддержку правых партий и движений профашистского типа, которые заявляют: «мы защищаем нацию» или «народ» (Volk).

С другой стороны, ***в России, как я полагаю, не было фашистской диктатуры, и нет той тяжелой ответственности, которую несет немецкий народ за фашизм.*** Поэтому в России иное отношение к проблеме нации. Длительное время существовало интернациональное, многонациональное или универсальное советское государство, которое потерпело неудачу. Возможно, что население никогда и не принимало этой доктрины, так как не было личного опыта. Не было достаточного взаимообмена с народами внутри России, и вряд ли люди имели представления о жизни народов Кавказа или народов азиатской части России.

Может быть, теперь они возвращаются к нации как самостоятельной ценности в себе, которая могла бы помочь в процессе переориентации. Может быть, России еще предстоит в будущем прийти к разочарованию относительно национальной идеи. Но для Германии это уже в прошлом, это пройденный этап.

Я думаю, что это весьма опасно, если люди думают, что нация может заменить демократию, права человека, гражданское общество, приоритет права и закона, культурные ценности солидарности. Нация, конечно, не связана с этими идеями. Это понятие играло прогрессивную роль только во времена буржуазных революций XVIII века.

А.З.: А национальные государства? Они существуют в настоящий момент?

Ю.Ф.: Да, они существуют. Но они связаны не столько с «национальной идеей», сколько с историей формирования государств, которые не всегда были «национальными». И это в большей или меньшей степени лишь некий шаблон, который необходим в системе международных отношений. Вы не можете их отбросить, так как все законы, все права с этим связаны.

Вы не можете защищать права человека в безвоздушном пространстве или на небесах. Эти права защищаются государствами, и сами государства сконструированы как национальные государства, но национальная идея в рамках этих государств не представляется мне очень важной и, по моему мнению, она не имеет будущего. Национальное государство как надстройка над национальными чувствами представляет собою более ранний этап развития обществ.

А.З.: А как быть с «национальными интересами», это ведь общее место в политическом лексиконе?

Ю.Ф.: Национальные интересы всегда организуются в связи с определенными поводами. Я не вижу национальных интересов у таких компаний как «Крейслер», «Фольксваген». Я не вижу национальных интересов у немецких рабочих. Они конструируются. У них есть интересы, связанные с сохранением рабочих мест, но сами рабочие места не являются национальными. Конечно, поскольку мы имеем национальное государство, которое в большей или меньшей степени влияет на социальное и политическое развитие общества, постольку у нас есть политики, которые занимаются легитимизацией интересов всего общества. Эти интересы они и называют «национальными». Но современное государство не должно быть инструментом защиты национальных интересов, оно должно защищать интернациональные интересы своего собственного населения. Нельзя считать безусловным, что население будет пользоваться плодами прогресса, безопасностью и сможет улучшить свою жизнь путем «национальной концентрации». Опыт показывает, что истина совсем в противоположном. Немцы, переставшие быть националистами после 1945 г. по вполне известным

причинам, очень много выиграли, отказавшись от национальной идеи.

А.З.: Обратимся к примеру. Объединение Германии, разве оно не отвечало национальным интересам немцев?

Ю.Ф.: Нет, я так не считаю. Немцы были не заинтересованы в создании более сильного национального государства в результате объединения Западной и Восточной Германий. Это было в интересах населения ГДР, которое хотело принимать участие в жизни Запада, и это могло осуществиться только благодаря тому, что уже существовало национальное государство, достаточно сильное благодаря своей экономической и политической элите. Они это и сделали, они вступили в эти государственные рамки, но я думаю, что это было не в интересах объединенного национального государства, которое стало более сильным, чем раньше.

А.З.: Очень интересная точка зрения, но я думал, что объединение Германии было не только в интересах ГДР, но и в интересах другой стороны — Западной Германии, по меньшей мере.

Ю.Ф.: Я не вижу основательных аргументов в пользу этого суждения. Конечно, все так говорят, в особенности канцлер, который обеспечил себе перевыборы. Он бы проиграл выборы, но он сделал из себя героя воссоединения...

А.З.: Воссоединения *«нации»*?!

Ю.Ф.: Да, Вы правы, воссоединения нации, но я не думаю, что за этим стояли более существенные интересы.

Стена! *Разрушение стены было важнее, чем объединение Германии.* Разрушение стены, я считаю, было столь же важным, как и разрушение границы между Германией и Францией, которой теперь также более не существует! Для меня более важно то, что я могу ехать во Францию, в Бельгию, в Италию, в Голландию без всякого контроля, без всякого паспорта, без всякой визы, без денег, так как я могу поменять свои деньги в этих странах, точно также как я могу отправиться в пригород Билефельда. Это так же верно, как то, что я могу сегодня поехать в Лейпциг. И это не имеет никакого отношения к национальному прогрессу! (Если бы Лейпциг не являлся частью национального государства Германия.)

Если бы экономически и политически было возможным иметь два немецких государства, два немецких национальных государства, то не было бы никаких сложностей для населения Германии в обеих ее частях. Это было бы лучше, но я согласен с тем, что политически и экономически это было невозможно, так как население оказалось бы в неравных условиях.

А.З.: То, что Вы подчеркиваете интересы населения ГДР, не является ли своего рода легитимизацией того тезиса, что немцы из бывшей ГДР не являются «настоящими» немцами, что они — немцы как бы второго сорта[8]?

Ю.Ф.: Может быть! Может быть, и есть что-то такое, в чем я сам не отдаю себе отчета. У меня такое чувство, что немцы из ГДР не имеют идентификации в рамках национальной истории запад-

но-германского государства или Германии. Они жили в своем собственном национальном государстве, национальным компонентом этого государства была немецкая культура, но вместе с тем, это были социалистические мораль и культура. Социалистический образ жизни, социалистическая повседневность имели свои традиции в их немецком отечестве. Социалистическое отечество было не только пропагандой, но они потеряли это отечество.

А на протяжении 40 лет существования этого государства они утратили связь с немецкой историей, и теперь они попали в позицию учеников национального государства, унаследовавшего традиции страны, какой она была до образования Третьего рейха. Может быть, я ошибаюсь. Но так мне представляется этот вопрос в настоящее время.

А.З.: Это Ваше рассуждение побуждает меня задать Вам еще один вопрос относительно вчерашнего мемориального дня.

Ю.Ф.: 9 мая!

А.З.: Да. В Берлине (в восточной его части) это событие отмечалось. Там была возможность отметить это событие публично. Не в больших масштабах, но все же в Трептовер парке был митинг 8-го мая, в котором принимало участие около 500 человек, выступал хор ветеранов, состоялось возложение цветов. А в западной части Берлина, было ли какое-либо событие? Может быть, какое-нибудь выступление общественных деятелей, речь в парламенте, про которую я не слышал?

Ю.Ф.: Я тоже не помню. Может быть, в Матхаузене, но это в Австрии.

А.З.: Даже Вы не знаете!

Ю.Ф.: Я не признаю это как национальное событие!

А.З.: Я не могу понять, почему немцы считают, что это очень тяжелый день в их истории? Почему немцы воспринимают эту дату как символ поражения? Как выразился один из моих респондентов: «"Мы" — проиграли войну». Не означает ли это «мы» идентификации себя с немецкой агрессией и фашистским режимом? А что произошло бы, если бы немцы не проиграли войну[9]?

Ю.Ф.: Я бы никогда не сказал, что «мы проиграли». Я думаю, что мы многое выиграли. Не только благодаря американцам, но и благодаря Красной Армии. Мы утратили возможность сохранять тоталитарный режим, который принес миру столько убийств, что это не укладывается в воображении.

Для меня это не поражение, так же как и для тех, кто мыслит аналогичным образом. *Но мы потерпели поражение в другом смысле.* Мы испытали личные потери, утратили массу возможностей, многие были убиты, дома были разрушены и утрачена собственность. И особенно важно то, что была утрачена перспектива, всякая надежда на будущее. В 1945 г. никто не мог себе представить, что будет с ними в 1949 г. Это было невероятно — жить без будущего! Мы потеряли все, и речь не идет о месте нации в мире.

Те, кто занимались политикой, пытались найти перспективу. Они начинали снова и снова. Но в нашем парламенте с 1949 г. не было ни одной государственной партии, которая руководствовалась бы этим чувством, что «мы как нация потерпели поражение». Но люди думали и чувствовали иначе. Те, кто попали в плен, в ГУЛАГ, — они потерпели поражение.

Но в период восстановления люди стали гордиться тем, что они сделали. Но не как немцы, а как профессионалы или предприниматели. Стали гордиться и тем, что у нас было создано демократическое государство, которое было признано в качестве такового другими странами. В этом смысле можно было говорить о нации.

А что касается примера, который Вы привели с празднованием 8 мая, то у меня своя интерпретация этого события, которая может быть полностью неверной. Он был посвящен памяти своего национального государства, которое возникло благодаря победе Красной Армии. Это не значит, что они хотели его восстановления, они не настолько глупы! Но это была их жизнь, это основа их культурного наследия, которое они также называли национальным государством. Ведь в Германии вполне возможно было существование двух национальных государств. Австрия — это тоже национальное государство. Швейцария тоже когда-то была частью Германии — или Священной римской (германской) империи. Так что это вполне могло бы быть!

А.З.: Возвращаясь к тому, о чем мы говорили вначале, мне хотелось бы узнать, как Вы оцениваете негосударственные формы российско-немецких отношений, то, что обычно называют grass-root relations? Как это выглядит с точки зрения Вашего личного опыта? Есть ли люди, с которыми можно сотрудничать?

Ю.Ф.: Да, этот аспект немецко-российских отношений после 1990 г. был очень успешен. Это не ограничивается только университетом, а касается очень многих сторон — школа, спорт, культура и музыка, соседские отношения. За это время очень многое сделано, затрагивающее отношения между странами и людьми.

Множество молодежи приняло в этом участие. Я не знаю, что они из этого вынесли, но мне кажется, что они поняли, что Запад может помочь, и что им нравится помогать. Это не только патримониальная форма помощи. Две недели тому назад мы встретили администратора педагогического факультета нашего университета. Он сказал: «Мы собрали деньги в своем клубе (частном клубе) и мы должны передать эти деньги в Петербург в детский дом для сирот. Мы хотим передать эти деньги директору этого детского дома, которому мы доверяем. И мы не хотим передавать их через третьи руки».

Это в какой-то мере напоминает послевоенное время. Немцы, которые тогда были молодыми, как много помощи они получали в 1945 г.! Не от русских, конечно, они не могли помочь, хотя русские помогали немцам в восточной зоне Но те, кто жили на запа-

де, помнят, как американцы им помогали. Я сам выжил благодаря этой помощи. И немцы теперь поступают таким же образом.

Я думаю, у русских и немцев есть общая основа, и было бы ужасно, если бы эти контакты были прерваны. Столько препятствий существует с налогами, таможнями, визами, которые превращают эти контакты прямо-таки в непосильный труд. Лекарства, иные вещи изымают на границе вновь и вновь, и удивительно, как только люди не устают от всех этих скандалов! Они этого не понимают, для них это «государство»! Но на самом деле это не российское государство. Это российская таможня, которая сама для себя государство, это налоговая инспекция — другое государство, это медицинские учреждения, которые также государство для себя. И все они друг с другом не связаны.

У немцев есть такое чувство, что российское общество пытается защитить себя. Но когда они встречают русских людей, которые занимаются социальной работой, культурной или исследовательской работой, тогда у них возникает чувство, что они очень близки к нам, и что с ними довольно просто установить контакт.

А.З.: Так что Вы оптимист в оценке российско-немецких отношений?

Ю.Ф.: Да, я оптимист, но не в оценке институтов, а в том, как я вижу непосредственные контакты между людьми.

А.З.: Большое спасибо, профессор Фельдхофф, за нашу беседу, и за ту помощь, которую Вы мне оказали в организации этой поездки!

1.2. Эмоции и разум в немецком восприятии россиян

Беседа с профессором Герхардом Зимоном 16 июля 2000 г. В Пулхейме — пригороде Кёльна, в доме Зимонов.

Об интервью договорились по телефону из Берлина, после того, как выяснилось, что проф. Зимон не сможет встретиться со мной в Берлине и не может пригласить меня в Кёльн. Тогда я решил приехать в Кёльн за свой счет. Поезд Берлин—Кёльн приходил очень рано, примерно в 6 часов, а может быть и раньше. Договорились, что проф. Зимон встретит меня у вокзала около 7 часов на машине, и сразу же отправимся к нему домой в Пулхейм, а интервью проведем после завтрака. Надя (жена проф. Зимона) предложила пообедать у них, и после обеда встретиться с Ольгой Александровой, которая также дала согласие на интервью. Так все оно и получилось.

Прежде чем отвечать на вопросы, Герхард спросил, для кого это интервью, имеется ли в виду публикация или нет? Я ответил, что это моя собственная инициатива, что это часть моей программы пребывания в Германии, которое финансируется Deutscheforschungs Gesselschaft, что вопрос о публикации может возникнуть, но только при условии его согласия.

А.З.: Большое спасибо за согласие дать интервью. Я хотел бы начать нашу беседу с уточнения Вашего статуса. Какова сейчас Ваша позиция в Институте и как этот Институт сейчас называется?

Г.З: Полное название Института — Федеральный Институт Восточно-Европейских и международных исследований. Я являюсь директором одного из отделов этого Института и одновременно заместителем директора Института в целом*.

А.З.: А как называется отдел, которым Вы руководите?

Г.З.: Отдел изучения России и других государств СНГ. Кроме того, я читаю лекции в Кёльнском университете на правах внештатного профессора этого университета. Это курс по истории Советского Союза, в ближайшее время я собираюсь подготовить курс о постсоветской России.

А.З.: Таким образом, Вы, как я и полагал, являетесь одним из ведущих специалистов в нынешней Германии, наиболее компетентным именно в тех вопросах, которые я предполагаю Вам задать.

Первый вопрос в моем плане — вопрос о Вашей оценке тех процессов, которые происходят в России последние 10—15 лет. Как Вы оцениваете российские реформы?

Г.З.: Реформы были нужны. Благодаря реформам Россия получила возможность смотреть в будущее, но не в «светлое будущее», как это было раньше, а в нормальное будущее. Россия получила возможность встать на путь демократии и рыночных отношений и таким образом занять достойное место среди других европейских государств.

В то же время меня многое разочаровывает в практической реализации реформ. Они идут очень медленно по известному принципу «шаг вперед, два шага назад». Такое разочарование не только у меня. Почему реформы в России сталкиваются с такими трудностями мне непонятно, я этого не могу объяснить. Тем более что в ряде других стран — Польше, Венгрии, Чехии — реформы идут более успешно.

А.З.: А как Вы оцениваете эти процессы с точки зрения российско-немецких отношений, отношений между Германией и Россией?

Г.З.: Во времена перестройки и правления Горбачева между Германией и Россией были самые сердечные отношения. То же самое продолжалось и при Ельцине в какой-то мере благодаря личным отношениям Коля и Ельцина. Теперь, когда Коль ушел, точнее, когда его ушли, отношения стали более деловыми и менее сердечными. Но немецкая политика состоит в том, чтобы наладить

---

* Вскоре после нашей встречи Институт был преобразован и переведен в Берлин. Проф. Зимон остался в Кельне. Институт получил новое название. О.Александрова осталась сотрудницей этого института и переехала в Берлин.

отношения в европейском контексте, чтобы Россия не осталась за бортом европейской политики.

А.З.: Можно ли охарактеризовать дифференциацию мнений в Германии относительно России?

Г.З.: Конечно, такая дифференциация есть. Прежде всего, это зависит от того, мнение каких кругов мы рассматриваем. Можно говорить о мнениях правительства, о политических партиях, о немецком обывателе, об интеллигенции. Так, немецкие деловые круги — промышленники, финансисты — считают, что необходимо установление хороших партнерских отношений с российским бизнесом, так как Россия представляет собою *огромный рынок.* Но во всех слоях общества по отношению к России существует эмоциональное отношение.

С одной стороны, в Германии сложилось *романтическое отношение к России.* Россия воспринимается как страна Достоевского, Толстого. Это своего рода «Восток», который несет в себе «лучшее». Иными словами, по отношению к России наблюдается положительный resentiment. Кстати, такое отношение наблюдается у людей старшего возраста, особенно среди бывших солдат, прошедших через советский плен.

С другой стороны, по отношению к России наблюдаются совершенно противоположные чувства — страх, *страх перед Россией,* отрицание России в соответствии со стереотипами — «дикий Восток, невоспитанный, недемократичный; восточная тирания». Совершенно противоположные стереотипы существуют, и иногда, как это ни странно, даже в сознании одного и того же человека[10]. Если человек не специалист, то ему, может быть, самому не ясно, что у него есть и те, и другие стереотипы одновременно. Но я думаю, что среди трезво мыслящих, политически мыслящих людей, тем более среди политического класса Германии существует консенсус относительно того, что Россия для нас очень важный сосед. Чтобы отношения были если не дружественные, то, по крайней мере, не враждебные. Стремление установить хорошие отношения с Россией вытекают из эгоистических интересов самой Германии. Чем лучше положение дел в России, тем более надежно положение самой Германии.

А.З.: Таким образом, мы логически подошли к следующему вопросу: как Вы оцениваете дискуссию по поводу того, является ли Россия частью Европы?

Г.З.: Я сам об этом довольно долго размышлял, опубликовал несколько статей. И если постараться сделать вывод, то он будет таким: *Россия находится на грани Европы.* Не только в географическом смысле, но и в историческом, политическом, если хотите, ментальном смысле. Это значит, что Россия является частью Европы, но она находится на периферии. Россия не является центром Европы, потому что туда вмешиваются еще совершенно иные влияния и традиции. История России и современность России осуществляются лишь отчасти в соответствии с европейской парадиг-

мой. Есть другие парадигмы, которые влияют на современную Россию в отличие, скажем, от Польши. И часть ответа на вопрос о различии хода реформ в России и других восточно-европейских странах следует искать в истории: например, Польша в гораздо большей степени принадлежит Центральной Европе, чем Россия. С другой стороны, Россия — отнюдь не единственная периферия Европы. Испания — тоже ее периферия. Некоторые также относят Турцию к периферии Европы, но я в этом сомневаюсь. Скорее, Турция находится вне Европы. В Турции наблюдается некоторое европейское влияние. Но это вопрос спорный. Сейчас мы открыли официально дверь Турции в Европейский Союз.

А.З.: А какие именно компоненты в российской истории определяют ее периферийное место?

Г.З.: Общественно-политическое развитие России, начиная примерно с XIV в., с возникновения Московского государства, довольно сильно и ясно отличается от «европейской нормальности». Основное отличие касается внутренней структуры российского общества. В старом русском обществе были сословия, например, дворянство, но оно было под властью князя, а затем царя. В России дворянство — не имело власти против царя или императора. Я бы сказал: в России не было феодализма. Кроме того, в России был очень слабо развит регионализм. Это особенно ясно при сравнении с Германией, где регионализм всегда был развит, даже до такой степени, что практически не существовало централизованного государства. Наоборот, Московское государство развивалось именно как централизованное государство. А Германия, Италия, скандинавские государства развивались как региональные сообщества.

Иным в России было и правовое развитие. Понятие собственности на землю сформировалось только в конце XVIII в., когда российское дворянство получило от царя гарантии земельной собственности. В Германии, а тем более, в Англии, это произошло приблизительно на пять столетий раньше. То есть, до конца XVIII в. царь имел возможность просто изгонять дворян с земли. Это было немыслимо на Западе. Поэтому самосознание дворянства было на Западе значительно выше в отношении к императору, чем это было в России. Русский дворянин был в значительной степени служащим своего царя. Здесь же, на Западе он был хозяином земли. Он, конечно, тоже служил царю, но при этом он имел собственные права. Русское дворянство не имело собственных прав в том смысле, что дворянство в качестве сословия не имело права требовать чего-либо от царя. Царь «жаловал» дворянина, но дворянин не имел права чего-либо просить у царя, и тем более, требовать. Отношения, таким образом, были односторонними. На Западе же очень рано формировались двусторонние, сбалансированные отношения между царем, императором, князем и подчиненными.

Принцип разделения властей, разделения прав развивался значительно быстрее на Западе. То же самое с церковью. К примеру, отделение церкви от государства. Папская католическая церковь и

государство отделились друг от друга в Европе еще во времена средневековья. Они не только разделили сферы влияния, но они и боролись друг с другом. В России это было немыслимо! Церковь остается и сейчас частью того, что в византийских понятиях называется «симфонией». И вообще, я думаю, для России очень характерно интегральное мышление, интегральный менталитет. А на Западе же развивались, как раз наоборот, конфликтные отношения между разными группировками, сословиями, менталитетами. В России же и до сих пор, на мой взгляд, сохраняется эта жажда единства, жажда целостности, интегральности. И это довольно сильно отличает русский менталитет от западного менталитета.

А.З.: А Вы не знакомы со статьей Ф.Тютчева «Россия и Германия», которая была опубликована около 100 лет тому назад во Frankfurter Allgemeine Zeitung[11]? Неужели с тех пор ничего не изменилось в восприятии России Западом?

Г.З.: Нет, я ничего не знал об этой статье. Это поэт Тютчев? Вот видите, оказывается, сложившиеся парадигмы живут очень долго, и мы сами не замечаем этого!

А.З.: Да, это поэт, но он ведь был известным дипломатом, придерживавшимся, кстати, прогерманской ориентации. Но если обращаться к современности, то, как Вы полагаете, Россия и Советский Союз — это разные государства или это одно и то же государство?

Г.З.: Разумеется, это государства разные. Посмотрите хотя бы на территорию. СССР — более крупное государство, чем нынешняя Россия. В составе нынешней России осталась, примерно, половина населения бывшего СССР и половина экономического потенциала. Тем не менее, можно сказать, что СССР был своего рода расширенной Россией. В этом плане термин, который использовался на Западе по отношению к СССР — «Советская Россия» одновременно корректен и некорректен. Дело в том, что Россия — русский народ, российское государство — была ядром Советского государства. Язык, менталитет, образование, — все это концентрировалось вокруг русской культурной традиции, видоизмененной применительно к «советским» установкам.

Хотел бы подчеркнуть, что *структуры ментальности не остаются неизменными. В истории все меняется.* И нынешняя Россия переживает один из самых значительных переворотов, который, несомненно, сказывается на менталитете общества.

Как и куда идет Россия? Одно мне кажется ясным. Россия всегда — в дореволюционное время, в советское время — была централизованным государством. Мне кажется, что это идет к концу. Россия развивается сейчас в направлении к федерации. Как я уже заметил, традиция регионализма была очень слабой в России, но кажется, что сейчас все-таки регионализм в России развивается, причем не только в национальных республиках, но и в русских областях. В принципе, это хорошо. На мой взгляд, это положительный процесс. Может быть, я смотрю на это с точки зрения

немецкого опыта, потому что мы в Германии имели, в общем, положительный опыт федерализма и регионализма. И я думаю, что современное государство, современное общество не может... Никто не может управлять современным обществом из одного центра, скажем, как Москва. Это — антимодерн. Общество должно иметь разные центры. Власть должна быть делегирована и децентрализована.

Но мы знаем, что развивать такой федерализм — это нелегкое дело. Последние десять лет федерализация России шла отчасти анархическим путем. Очень много возникло в этой связи странного, несогласованного. Например, законы некоторых областей (субъектов Федерации) вступили в противоречие с общероссийским законодательством, или Конституция Татарстана находится в противоречии с общероссийской Конституцией, — это не годится, конечно. Это то, что я называю анархическими тенденциями.

Сейчас новое правительство работает над этим, старается найти выход из создавшегося положения. И, тем не менее, возможно, что это и есть главное направление изменений. Я не могу себе представить, что Россия вновь станет столь же централизованным государством, каким был Советский Союз.

Конечно, формы федерализации могут быть разными. Так, я не вижу ничего страшного в так называемой ассиметричной федерации, сложившийся в России. Испания, например, представляет собою также ассиметричную федерацию.

Германия в этом отношении представляет собою симметричную федерацию — здесь все субъекты Федерации, начиная с маленьких субъектов, как, например, Бремен, полностью равны в отношениях с центром, с федеральным правительством и имеют одинаковый объем полномочий.

А.З.: За исключением Баварии?

Г.З.: Нет, Бавария не является исключением, в ней действуют общефедеральные законы. Разница между Баварией и Бременом очень незначительна, это некоторые символические нюансы. А что касается, например, финансовых полномочий, то они одинаковы. Из-за этого и идет спор. Бавария считает, что город Бремен не должен быть субъектом Федерации, что такой порядок слишком дорого обходится. Пусть они объединяться с Нижней Саксонией.

А.З.: Какую роль в восприятии нынешней России играет память о Второй мировой войне, в частности о войне против Советского Союза?

*Г.З.: **Память о войне в массовом сознании, в сознании обывателя исчезла.*** Другое дело, политический класс Германии. Речь идет об определенных кругах немецкой интеллигенции и политического класса, у которых живет эта память о войне. Она проявляется, прежде всего, в виде чувства стыда и вины, стремления примирения, в особенности с Россией. Очень много делает в этом отношении немецкая Евангелическая церковь. Она сохраняет память о войне и стремиться преодолеть эту немецкую вину путем прими-

рения, путем общения с Россией, чтобы найти общий язык с помощью налаживания контактов.

Не случайно, что именно сейчас в Бундестаге был принят Закон о компенсации лицам из Восточной Европы (из тех, кто остался в живых), которые во время войны находились в концентрационных лагерях или использовались на принудительных работах. Им полагается — согласно этому Закону — единовременное пособие. Обсуждение этого законопроекта сопровождалось общенациональной дискуссией, которая показала, что немцы признают свою ответственность за преступления гитлеровского режима. В частности Евангелическая церковь выделила в Фонд компенсации 10 млн немецких марок, хотя от них никто этого не требовал — ни государство, ни общественное мнение. Церковь руководствовалось именно стремлением к примирению.

А.З.: Но раз Вы говорите о «стремлении к примирению», то, надо полагать, что в немецком обществе существуют и те, кто не разделяет этого стремления. Сохраняется ли враждебность по отношению к России? Нельзя ли остановиться на этой стороне вопроса?

Г.З.: Существуют прямо противоположные подходы, которые можно было бы выразить следующим образом. Со времени окончания войны прошло уже более полувека. Пора покончить с историей. Сейчас живет совершенно другое поколение: ***«Мы, которые родились после войны, и кто были еще детьми во время войны, не несем за нее ответственности, и нас это больше не интересует. Мы живем сегодня, а что касается истории, то пусть этим занимаются историки»***. (Тем, кто родился в 1945 г. теперь исполняется 55 лет.) Такая точка зрения, такой менталитет существует[12].

Хотя если вы посмотрите на мир образования, на учителей, на профессуру и студенчество, то такой взгляд там встречается крайне редко. ***Официальная Германия, политическая Германия постоянно повторяет, что хотя война была в прошлом мы обязаны об этом не забывать, что мы обязаны помнить о преступлениях нацистов и мы обязаны заботиться о том, чтобы это никогда не повторилось впредь.***

Официальная Германия постоянно повторяет, что наша обязанность состоит в том, чтобы новые поколения немцев знали о преступлениях нацистов.

А.З.: Как мне представляется, комплекс вины, осмысление которой началось в 60-е годы, подразделяется, или может быть разделен, на три части: холокост, развязывание Второй мировой войны, и нападение на Советский Союз. В какой мере все компоненты этого комплекса присутствуют сейчас в обсуждении этой проблемы?

Г.З.: Я думаю, присутствуют. Но на первом плане явно стоит холокост. На втором плане — нападение нацистской Германии на Советский Союз. Но тот факт, что нацистская Германия еще до нападения на Советский Союз напала на Польшу, что война была

развязана в Западной Европе и, тем более, во Франции, — все это не на первом плане. Удивительно, но в историческом сознании немцев сегодня эти события почти не присутствуют. Вопрос об ответственности нацистской Германии за развязывание войны против Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании не обсуждается. Относительно Польши — другое дело! Как это объяснить? Может быть тем, что наши отношения с Францией повернулись на 180 градусов, и поэтому даже трудно представить, что между нашими двумя странами были войны! Хотя они продолжались веками. Новому поколению почти непонятно, как это могло быть!

А.З.: А есть ли объяснения так называемой «странной войне» или «сидячей войне». Я имею в виду ту ситуацию, которая сложилась после 1 сентября 1939 г. После нападения на Польшу союзники — Великобритания и Франция — объявили войну Германии, но военные действия не предпринимались, и даже Париж был сдан без большого сопротивления. Война приобрела иной характер только после того, как гитлеровское командование начало готовиться к операции «Морской Лев», т.е. к высадке вермахта на британских островах.

Г.З.: Я сомневаюсь, что об этом знает кто-либо, кроме специалистов. Я думаю, что если Вы скажете выпускнику даже гимназии, что Париж был занят немецкими войсками, то он очень удивиться!

А.З.: А как интерпретируется в большей части работ факт победы Советского Союза над фашистской Германией?

Г.З.: Это интерпретируется таким образом, что победа была не только Советского Союза, а это была победа союзников. Советский Союз участвовал своим людским контингентом, солдатами, но союзники очень сильно помогли. Они открыли второй фронт в Европе, и очень сильно помогли материально, прежде всего, оружием, Советской Армии. *Здесь вряд ли говорят о победе Советского Союза, а говорят о победе вообще союзников над фашистской Германией.* Тем более что сюда, где мы сейчас находимся — в Рейланде — пришли американцы и англичане, и здесь вообще не видели советского солдата.

А.З.: Возможно, это так. Но только второй фронт — так называемый D-day — был открыт в июле 1944 г., когда гитлеровцев уже изгоняли с территории СССР, и судьба Третьего рейха была практически предрешена. Во всяком случае, здесь можно говорить о несовпадениях в интерпретациях истории Второй мировой войны. Существует западная интерпретация и российская, в рамках которых по-разному оцениваются разные события. Это связано не только с различием в датах победы, отношением к победе, но и с выделением наиболее значимых событий в ходе войны. Например, при сравнении битвы под Сталинградом с битвой при Эль-Аламейне.

Поскольку Вы историк, и, тем более, специалист по советской и российской истории, то не считаете ли Вы полезным предпри-

нять некоторые усилия по сближению точек зрения на ход и значение Второй мировой войны?

Г.З.: Конечно, это возможно. Специалисты должны этим вопросом заниматься. Насколько мне известно, такая работа уже проводится. Существует русско-немецкая комиссия историков, которая занимается отношениями между Германией и Россией в XX в. В данный момент — комиссия создана по решению президентов Г.Коля и Б.Ельцина — комиссия занимается 70-ми годами, то есть подготовкой Советско-Германского договора и всем, что с этим связано. Они собираются двигаться назад к прошлому. Это как раз то место, где должны быть представлены и обсуждены различные концепции и точки зрения. Было бы желательно, чтобы в российских и немецких учебниках для гимназий, вузов и иных изданиях давались бы если не идентичные, то близкие оценки событий. С немецкой стороны эту комиссию возглавляет проф. Хорст Меллер — директор Института современной истории, с российской — директор Института истории России проф. А.О.Чубарьян.

А.З.: А как по Вашему, между кем и кем была эта война: между двумя тоталитарными режимами, между коммунизмом и фашизмом, или между народами?

Г.З.: Я думаю, что это была война между двумя тоталитарными системами. К сожалению, тоталитарные системы не существуют без народов, хотят или не хотят этого народы, они принимают в войне участие. Кто проливает кровь? Это, конечно, кровь народов.

Это говорит о том, как важна все-таки политическая система. Многие и в Германии, и в России считают, что политика — это вообще грязное дело, что лучше этим не заниматься, что все политики коррумпированы, и вообще что они в большей или меньшей степени разбойники! Но это очень опасная точка зрения! Потому что, если мы не обращаем внимания на тех, кто нами управляет, то это может очень плохо кончиться. Народы, следовательно, тоже несут ответственность за тех, кто ими управляет. Аполитичность общества — это очень опасное дело!

А.З.: Как известно, некоторые авторы, рассматривая современный российский кризис, прибегают к сравнению положения дел в современной России с ситуацией в Германии после ее поражения в Первой мировой войне. Насколько правомерна с Вашей точки зрения эта аналогия?

Г.З.: Это называется Веймарским синдромом. Некоторое сходство есть! Например, Веймарское общество было демократией без демократов. В России до известной степени тоже так: не развит демократический менталитет и демократическое мышление. Официально, по конституции, демократия существует, президент избирается, а не становится президентом путем путча. Но института выборов недостаточно, чтобы назвать какое-либо общество демократическим. Потому что в мире существуют достаточно много примеров нелиберальных демократий, когда соединяется способ

избрания руководства с иллиберализмом в обществе. Такие черты есть в России.

Но, с другой стороны, очень много и отличий от этого периода в истории Германии. Есть надежда на то, что Россия не будет подражать Веймарской республике. Так, совершенно иначе смотрит на дела постсоветской России международное сообщество. *Международное сообщество поняло, что нельзя изолировать Россию, все двери должны быть открыты, ибо в противном случае — это очень опасно.* Ведь что произошло в 20-е годы с Германией? Германию изолировали и таким образом способствовали антиверсальскому ревизионистскому комплексу. С другой стороны, мне представляется, что России предстоит еще очень долгий путь к такому положению дел, когда демократия будет состоять не только в процедуре выборов, а когда она станет определяющим моментом общественного менталитета.

А.З.: Вы совсем обошли один из самых острых вопросов, характеризующих отношение Запада к России. Я имею в виду чеченский вопрос. Без него трудно понять ситуацию.

Г.З.: Конечно, чеченский вопрос очень сильно давит! Если бы его удалось решить политическим путем, это помогло бы существенному улучшению отношений между Западом и Россией. Я имею в виду не только Германию, но и Европейский Союз, равно как и США. Чеченская война говорит о том, что Россия еще далека от реальных норм демократической жизни. Демократия предполагает, что внутренние конфликты обязательно решаются ненасильственным образом. Пока идет война в одной из провинций России, это свидетельствует, что Россия не в состоянии развивать мирные инструменты разрешения конфликтов. Пока это происходит только в Чечне. Но некоторые боятся, что это будет распространяться и на другие территории.

А.З.: А как Вы оцениваете в этой связи новое руководство России?

Г.З.: Путин пришел к власти именно благодаря войне, так как российское общество воспринимает эту войну не как войну, а как борьбу против международного терроризма. Иными словами, чеченская война это еще один пример того, как по-разному воспринимается одно и то же событие там и здесь.

Другой пример, конфликт на Балканах и война в Косово. В России война в Косово была воспринята как война НАТО в целях расширения зоны своего влияния, или даже как война Америки за установление своего мирового господства. На Западе, и особенно в Германии, был достигнут консенсус. Все общество считало, что войска НАТО обязаны войти в Косово в целях гуманитарной интервенции. В России же сам этот термин — «гуманитарная интервенция» — воспринимается не иначе, как с насмешкой.

А.З.: Не кажется ли Вам, что сами термины — «антитеррористическая акция» и «гуманитарная интервенция» — имеют логическую и политическую связь?

Г.З.: Я не исключаю, что благодаря интервенции НАТО в Косово российское правительство пришло к выводу, что война в Европе возможна, хотя вот уже 50 лет война казалась невозможной! Вдруг она оказалась возможной! Я не исключаю, что это стимулировало российское правительство относительно второго этапа чеченской войны.

А.З.: А Вы не считаете, что Путину удалось локализовать конфликт?

Г.З.: Он всегда был локализован на территории Чечни... Правда, второй этап начинался с вторжения в Дагестан. Но потом военные действия были вновь перенесены на территорию Чечни.

А.З.: А как Вы расцениваете выдвижение верховного муфтия Чечни на пост главы республики?

Г.З.: Мне трудно судить, я не знаю, пользуется ли он авторитетом у населения. Будет ли это началом политического решения конфликта? Сначала он занимал антирусские позиции и принимал участие в первой чеченской войне, поддерживая Масхадова и Удугова, теперь он с ними порвал. Кто он действительно? Куда он на самом деле стремится, мне трудно судить.

А.З.: Возвращаясь к главной теме нашей беседы, хочу задать Вам еще один вопрос: какой смысл вкладывается в понятие нации в России и Германии?

Г.З.: Современная нация это явление европейской истории XVIII и XIX вв. Мы уже говорили, что исторические пути Германии и России отличаются друг от друга. Это касается и понятия нации. Сегодня можно еще спорить, существует русская нация или нет. Мне всегда казалось, что русский национализм был сдержанным, он был как бы недоразвит[13] прежде всего, в связи с тем, что и дореволюционная Россия, и Советский Союз были многонациональными обществами. Условие существования такого государства как раз и состоит в том, чтобы главная нация была недоразвита, потому что русский национализм был бы бомбой под империей. И это отчетливо осознавало и царское правительство, и руководство Советского Союза. Русский национализм необходимо было ввести в определенные границы, и если бы это не было сделано, то распалась бы и дореволюционное государство, и Советский Союз. Неразвитость русского национализма или русского национального самосознания просматривается сегодня невооруженным глазом. Посмотрите на русские меньшинства в Прибалтике, в Средней Азии, на Кавказе, хотя их там уже мало осталось, на Украине. Десять лет тому назад многие боялись, что эти русские меньшинства станут пятой колонной по отношению к новой Украине или в прибалтийских государствах. По разным причинам этого не произошло, и это — доказательство того, что русское национальное самосознание, например, у русских на Украине или в Эстонии, довольно шаткое. Нет ирредентистского политического движения в Донецке. Если что-то и было, то это лишь кратковременный подъем русского сепаратистского движения в Крыму, что-

то было на протяжении двух—трех лет, но потом это все закончилось — довольно быстро и незаметно. Почему? На мой взгляд, одна из причин — недоразвитость русского национального самосознания.

А.З.: А может быть, это не недоразвитость, а, наоборот, — зрелость?

Г.З.: Может быть. Во всяком случае, эта недоразвитость наблюдается после разочарования. Смотрите, например, типичный пример с Германией. Немецкое национальное самосознание в послевоенное время стало достаточно мягким, неопределенным, исполненным чувства виновности, в отличие, например, от Франции.

Во Франции существует совершенно явное, ясное — в положительном смысле, конечно, — национальное самосознание. В Германии этого нет. Зрелость, о которой Вы говорили, возникает лишь в постнациональном государстве.

А Россия никогда не была национальным государством и, можно надеяться, что это и не произойдет, потому что сегодня национальные государства это, практически, дело прошлого. Можно надеяться, что России этот период удастся перепрыгнуть.

А.З.: Считаете ли Вы, что в Германии и России существуют националистические группировки?

Г.З.: Конечно, существуют. В Германии есть крайне правые движения и группировки и даже террористически настроенные. Но, слава Богу, это весьма маргинализированные группировки. Они объединяют от силы 200—300 человек, они, тем не менее, представляют собою опасность для общества.

А.З.: А как Вы оцениваете перспективы развития отношений между Германией и Россией.

Г.З.: Я не ожидаю серьезных перемен ни в лучшую, ни в худшую сторону. Пока экономическая ситуация в России не улучшится заметным образом, до тех пор и экономический обмен, и инвестиции останутся весьма ограниченными. К сожалению, это так и останется до тех пор, пока не изменятся правовые условия инвесторов. Но все эти предпосылки не могут возникнуть очень быстро, поэтому я не ожидаю резких перемен в этой области. В настоящее время было бы полезно сосредоточить большее внимание на культурном обмене — приглашении профессоров, студентов. Таким образом, можно было бы компенсировать весьма слабое развитие экономических отношений.

А.З.: А какая линия отношений является более эффективной — межгосударственная или та, которую называют grassroot?

Г.З.: И та, и другая! Но роль государства ограничена, и, слава Богу! Мы не хотим, чтобы государство всюду вмешивалось, государства недостаточно. Мы должны содействовать развитию отношений между университетами, городами, регионами, церковными общинами. Эти отношения более прочны. Но и это нелегко. Надо признать откровенно, — нелегко, в связи с тем, что подчас эти отношения строятся на односторонней основе, так как российская

сторона не может эти контакты финансировать. То есть, вновь мы возвращаемся к экономической ситуации.

А.З.: Возвращаясь к вопросу о национальном самосознании немцев: в какой мере это национальное самосознание является единым как для Западной, так и для Восточной Германии? Не приходилось ли Вам слышать, что политика, проводимая в отношении восточных земель, то есть, в отношении населения бывшей ГДР, ведет к своего рода этнизации восточных немцев, делит всю нацию на две части — настоящих немцев и немцев второго сорта?

Г.З.: Я не думаю, что это так. Может быть, кое-кто это так и воспринимает, но это, мне кажется, ложное восприятие. Об этнизации не может быть речи — ведь там и здесь — этнические немцы. Причем на востоке они даже более немцы, чем здесь, так как там значительно меньше доля иностранцев, чем в больших городах Западной Германии. Это мне всегда бросалось в глаза, когда я был в Ростоке или других городах Восточной Германии. Там практически нет иностранцев, входишь в ресторан, и тебя там обслуживают немцы. А попробуйте в Кёльне найти такой ресторан! Почти во всех ресторанах тебя будут обслуживать иностранцы. Но то, что произошло с Восточной Германией, это то, что политическая и *экономическая система Западной Германии была внедрена более или менее насильственно. Мы их не спрашивали на этот счет. Они воспринимали это, и некоторые воспринимают и до сих пор, в качестве колонизации.* Но не в этническом смысле, а в смысле экономического и политического проекта.

А.З.: А в области кадровой политики?

Г.З.: То же насчет кадровой политики. Например, Путин сделал свою карьеру в КГБ, даже служил в Дрездене, я думаю, в течение пяти лет. Такой человек в Германии сегодня не имел бы возможности стать политиком. Человек, который работал 15 лет штатным работником штази, не имеет возможности в Германии занимать какой-либо пост даже в партии посткоммунистов, тем более он не может продвигаться на уровень национального политика.

А.З.: А Вы считаете, что такое решение оптимально?

Г.З.: Оптимально или не оптимально, но решение принято. Таким образом обеспечивается кадровая ротация, очень радикальная в восточных землях. И я лично считаю, что в демократическом обществе трудно себе представить, как человек, социализировавшийся в КГБ, или штази, может управлять государством.

А.З.: Но в США был такой президент как Гувер!

Г.З.: И президент Буш был руководителем CIA, но одно дело быть политическим руководителем такой организации, а другое — быть оперативным сотрудником или резидентом. Кроме того, CIA и КГБ это не одно и то же. В США и у нас это службы, которые работают под контролем демократических правительств. КГБ — это была организация совершенно другого типа.

А.З.: А это не компенсируется тем, что наш президент двуязычен?

Г.З.: Знание языка — это a la bonne heure*, но я думаю, что это не компенсируется.

А.З.: В России многие бы приветствовали, если бы кто-то из руководителей западных стран свободно владел русским языком.

Г.З.: Возможно, что Мадлен Олбрайт владеет!

А.З.: Но она не президент!

Г.З.: Конечно, она не президент! Я не знаю, в какой степени Вацлав Гавел или Квасьневский владеют русским. Но сейчас можно наблюдать движение в обратном направлении. Ваши соседи — президенты Литвы и Латвии вообще не владеют русским языком, поскольку они прибыли из эмиграции. Зато эстонский президент Мэри прекрасно говорит по-русски. Он также свободно говорит и по-немецки. Я имел возможность с ним познакомиться, так как еще в советское время он бывал в нашем институте несколько раз. Тогда он занимался этнологическими вопросами, он сделал фильм в Сибири и на крайнем севере. Он посетил эвенков и ненцев и сделал о них очень интересный фильм. Он говорит по-немецки как прибалтийский немец, с таким же акцентом.

А.З.: А Ваше личное отношение к России менялось за эти годы? И в каком направлении?

Г.З.: Десять лет тому назад я ожидал большего. Я никогда не был оптимистом, я не думал, что Россия быстро превратиться в благополучную демократию, но тем не менее... Я ожидал больших изменений в том плане, что Россия более решительно отмежуется от своего коммунистического прошлого. И напрасно, мои ожидания были завышенными. Отсюда мои разочарования, я этого не скрываю. Даже не разочарования по поводу экономики, хотя и здесь мы видим удручающую картину. Но я ожидал, что Россия более внятно отделается от коммунистического прошлого, как это и казалось, между прочим, в 1991 г. Помните эту плеяду перестроечных публицистов? Антисталинский дискурс того времени. Но из этого мало, что получилось.

Но каждый рассуждает сугубо субъективно, разумеется. Я должен признать, что я всегда был антикоммунистом. Из-за этого мне порою было тяжело здесь, на Западе. Потому что когда я начал работать в 70-е и 80-е годы, то быть антикоммунистом было неправильным, тем более, в среде немецкой интеллигенции. Из-за этого я всегда был немножко аутсайдером.

А.З.: Большое спасибо за очень интересное интервью, на этом мы его закончим, и я выключаю магнитофон.

---

* в добрый час (*фр.*).

1.3. Россия вскоре станет одним из основных партнеров на международной арене

Беседа с профессором Мартином Кооли — директором Института социологии Свободного берлинского университета. Основная специализация М. Кооли — вопросы социальной политики, еще более узкая специализация — пенсионная политика в Германии и в других европейских странах. Беседа проходила 3 мая 2000 г. в кабинете проф. Кооли в Берлине на Бабельбергерштрассе 16, на английском языке. Заметим, что прогноз, высказанный проф. Кооли относительно роли России на международной арене полностью реализовался!

> ***Западные страны (в послевоенный период) в значительной мере основывались на конструкции антинемецкой идентичности, возникшей после Второй мировой войны.***
>
> ***Норвегия, Швейцария, Дания — во всех этих странах их собственная национальная идентичность имела антинемецкую направленность.***

А.З.: Здравствуйте, Мартин! Я бы хотел начать интервью, о котором мы договорились, с вопроса об оценке реформ в России, которые с моей точки зрения начались в 1987 г. Как Вы оцениваете этот процесс, и какое значение он имел для отношений между Россией и Германией?

М.К.: Прежде всего, я должен сказать, что я не являюсь специалистом по вопросам России. Я не специализируюсь также и в вопросах внешней политики и в международных отношениях.

Но для меня.., конечно, все это было очень интересно как в политическом плане, так и профессионально следить за событиями, которые происходили в России с середины 80-х годов. Здесь у нас было немало надежд, связанных с этими событиями. Кроме того, вряд ли кто-либо из нас мог вообразить, что в 1991 г. рухнет коммунистический режим в Восточной Германии и других восточно-европейских странах, что мы доживем до объединения Германии и до распада Советского Союза и т.д. Поэтому для нас все это было очень интересно. В этом плане я интересовался реформами в России, поскольку возник шанс улучшения международных отношений и построения новой системы равновесия.

Здесь открывались и новые перспективы для исследования такой проблемы: каковы возможности реформирования социалистической системы? Для нас это был в то время очень интересный вопрос и в теоретическом плане[14].

А.З.: А что было самым важным, по-вашему, для российско-германских отношений?

М.К.: Да, конечно, для Германии вопрос об отношениях с Советским Союзом всегда был вопросом жизненной важности. Я

должен сказать, что возникла ситуация, которая открывала новые перспективы для более легкого разрешения конфликтов в европейской системе международных отношений. Я никогда не считал, что Западная Германия имела намерение покануть западный союз, что, может быть, Вы хотели бы услышать. Правда, может быть, кое-кто на Западе опасался повторения Рапалло. Но я не думал, что такая возможность есть.

Я считал, что возникло время для того, чтобы Западная Германия могла использовать различные новые возможности для установления отношений на Востоке.

А.З.: А как Вы полагаете, немецкие представления о России — не только о Советском Союзе, который уже в прошлом, а именно о России более или менее консолидированы или же имеется несколько точек зрения по этому вопросу?

М.К.: Конечно, есть много точек зрения. Некоторые считают, что у России — большой набор возможностей в плане определения конечных целей трансформационного процесса. Другие полагают, что сейчас сложился наилучший момент для возврата к автократическому и даже репрессивному милитаристскому режиму. Третьи исходят в своих оценках из того, что изменения, произошедшие в сторону создания рынка и демократии необратимы.

Кроме того, есть широкий спектр соображений относительно того, что будет с Россией через 10 или 20 лет. Конечно, мы исходим из уважения к российской культуре, к российской ментальности.

А что касается вопроса, пренадлежит ли Россия Европе или нет, то в Германии по этому вопросу нет единой позиции.

А.З.: Вы обозначили две наиболее важные точки зрения на Россию: одни говорят о возможности установления милитаристского режима, а другие полагают, что процесс демократизации необратим. Не могли бы Вы каким-либо образом персонифицировать эти точки зрения?

М.К.: Я не думаю, что это легко сделать. Например, вряд ли эти расхождения могут точно совпадать с делением на левых и правых в политике, или с расхождениями между социологами и экономистами. И хотя мне кажется, что в целом социологи больше склоняются к точке зрения левых, но они обычно более пессимистичны в своих оценках возможностей или структурных изменений по сравнению с экономистами. Мне кажется, что экономисты более склонны рассматривать проблемы на институциональном уровне и анализировать вопросы вхождения России в систему международных связей, а социологи и, может быть, в какой-то мере и историки, большее внимание уделяют вопросам структурной преемственности.

А.З.: Вы говорите, что социологи более пессимистичны? А не могли бы Вы немного подробнее остановиться на этом? Почему это так?

М.К.: Видите ли, социологический взгляд больше внимания уделяет проблемам социальной интервенции в трансформационный процесс, изучению таких предпосылок развития как определенные изменения в базовых ценностях и менталитете. Для экономистов эти проблемы имеют гораздо меньшее значение.

А.З.: Вы упомянули проблему вхождения России в Европу. Каково Ваше мнение по поводу дистанции между Россией и Германией в европейском контексте?

М.К.: В историческом плане это своего рода игра, основанная на условностях. Немцы, например, могут сказать, что Азия начинается за Одером, а поляки скажут, что она начинается за Бугом, а украинцы, возможно, перенесут ее за Днепр, на границу с Россией, а русские отнесут границу с Азией к Казахстану, а казахи — к Китаю и т.д. Для большинства — Россия это значительная часть Восточной и крайне Восточной Европы, и это не вопрос о том, как Россия определяется географически.

Вопрос в том, как «Восток» определяется структурно — в социальном отношении. В этом плане большая часть (европейских народов. — *А.З.*) относит пределы Европы на «восточную границу». Себя они, как правило, включают в Европу, но в то же время они не воспринимаются более западными народами в качестве европейцев. Такое восприятие сыграло определенную роль в югославском конфликте, где речь шла, разумеется, не об Азии, а о Балканах. Для некоторых — Хорватия это уже часть Балкан. Для некоторых — Словения — часть Балкан, Австрия с ее традициями почитания и, пожалуй, коррупции также является частью Балкан. С уверенностью можно сказать, что Сербия — часть Балкан. Но сами сербы скажут: «Нет, мы — Европа, албанцы — вот это Балканы!» Или турки! Таким образом, это вопрос условностей.

А.З.: Разве Балканы исключаются из Европы?

М.К.: Если речь идет не о географии, то это исключающее понятие. Может быть, это надо разъяснить. С социологической точки зрения очень важно понять, в каком отношении российская социальная история отличается и сходится с западно-европейской социальной историей.

Есть немало исследований и предположений относительно причин отсталости Восточной Европы. Весьма распространенными являются утверждения, что в России не произошло отделения церкви от государства, что подлинная городская буржуазная (truly urban bourgeois) культура в ней не сформировалась, а это значит, что страна в целом оказалась неспособной освободиться от господства феодального режима. Так что, я думаю, что весьма влиятельная идея состоит в том, что в историческом развитии России были пропущены многие аспекты западно-европейского развития, ставшие решающими для становления современной Европы[15].

А в странах, располагающихся между Россией и Западной Европой продолжаются дебаты о том, куда они относятся в большей мере. Например, в Венгрии разрабатывается концепция промежу-

точного общества. В рамках этой теории считается недостаточным деление на Европу Западную и Восточную. С этой точки зрения ясно, что базовые различия существуют, но остаются сомнения насчет основательности суждений о том, что Россия структурно не принадлежит Европе.

И, разумеется, не ясно, к чему же стремится большая часть населения, в каком направлении будет развиваться Россия?

А.З.: Нельзя ли несколько подробнее остановиться на вопросе о структурных характеристиках Европы? Несколько проблем Вы уже назвали — церковь и государство, проблемы бюргерской культуры...

М.К.: Городской культуры; конфликты между различными центрами власти и становление оснований для гражданского общества.

А.З.: Понятно. А что можно сказать о России и Советском Союзе? Это та же самая страна или же это совершенно разные страны?

Может быть, сегодняшняя Россия гораздо ближе к России до 1917 г.?

М.К.: Прежде всего, имеет значение территориальный аспект проблемы. Балтийские государства теперь рассматриваются как возможные составляющие Европейского Союза. Эти государства претендуют на членство с большой вероятностью быть принятыми.

Распад Союза с этой точки зрения создал возможности дифференцированной политики по отношению к новым государствам. Разумеется, Россия, Среднеазиатские республики, Кавказские республики воспринимаются по-разному

Меньше ясности с Украиной и Молдавией, которые Молдавия, как кажется, расщеплена. Украина — стала интерсным игроком глобального масштаба, но будет ли она развиваться путем, отличающимся от российского, — вопрос открытый. Это касается и Белоруссии. Так что теперь мы имеем возможность видеть различные части и различные перспективы.

Мне, например, представляется интересным то, что само название «Советский Союз» не нашло преемника. Это государство не было зафиксировано географически. Я полагаю, что это была открытая конфедерация, к которой другие страны после революции присоединились не без пользы для себя и не без успеха

А.З.: Любопытное замечание!

М.К.: Теперь Россия — тоже *своего* рода якорь в открытом пространстве. Мы, конечно, не думаем о возрождении царского режима. Я лично не верю и в возрождение православной церкви. После 80 лет доминирования атеизма невозможно возвратиться к тому, что было.

А.З.: Вы не считаете, что одна из наиболее важных проблем в российско-германских отношениях связана с памятью о Второй мировой войне, особенно о германо-советской войне как ее части?

Согласны Вы с таким суждением?

М.К.: Конечно!

А.З.: А как Вы думаете, нужно что-нибудь предпринимать в этой связи или же не следует касаться этой проблемы?

М.К.: Конечно, я согласен с тем, что надо что-то делать, так как эти вопросы постоянно возникают. Например, сейчас в газетах постоянно обсуждается вопрос о возвращении художественных ценностей, собраний произведений искусства, которые были вывезены в Советский Союз после 1945 года.

А кроме того, здесь в Германии постоянно присутствует контекст «политики воспоминаний». Как Вы знаете, это — часть немецкой истории. Может быть, люди уже забыли об этом, но большая часть политических сил в Германии согласна с тем, что нужно проводить «политику воспоминаний».

А.З.: Что, есть такой термин — «политика воспоминаний»?

МК. Да, такой термин существует. Это целая область деятельности, которая касается памятников и вообще способов публичного обсуждения этих вопросов. Сейчас стал актуальным вопрос о немецко-еврейских отношениях в связи с мемориалом, посвященном холокосту. Другой вопрос — борьба по поводу сумм, которые решено выплатить (тем, кто были вывезены в Германию для принудительного труда).

Но эти вопросы не охватывают всех проблем. Я лично думаю, более того, я даже уверен, что «политика воспоминаний» должна быть направлена на Восток, и не только в сторону России!

Одним из самых значительных эпизодов германской внешней политики был, когда Брандт встал на колени в России перед памятником погибшим полякам. И многое другое. Это должно стать частью германо-российских отношений. Но я думаю, что здесь это всегда воспринимается только как часть отношений с Востоком. Что касается Польши, то это будет по-другому, так как возник практический вопрос о том, когда она станет членом Европейского Союза.

Относительно России этот вопрос не очень-то ясен, — может ли это когда-нибудь случиться, а если и случиться, то не очень (скоро). Вобщем, это еще не является вопросом ближайшей повестки дня.

Так что существует сильная дифференциация в отношениях к восточно-европейским странам!

А.З.: Возвращаясь к вопросам войны, как Вы думаете, была ли это война между двумя тоталитарными режимами, или же это была война между фашизмом и коммунизмом, или между двумя народами? В какой степени важно проводить различие между этими аспектами?

М.К.: Конечно, я это воспринимаю таким образом, что все эти три аспекта имели значение. Войны бы не было, если бы оба государства были демократическими. Как Вы знаете, демократические государства никогда не вели войн друг против друга[16]. Но, конечно, были какие-то предпосылки в национальной истории, были

основания и в борьбе двух идеологических систем, как и в отношениях между двумя тоталитарными системами.

А.З.: А можно ли оценить, и в какой мере, эту войну как войну между двумя народами (two nations) — русскими и немцами?

М.К.: Трудно сказать. Конечно, это была война между двумя народами в смысле политической мобилизации и общепринятого дискурса и т.д. Два народа встали друг против друга войной с их армиями, их чувствами и т.д. Также, как и в других современных войнах, которые являлись войнами не между армиями, а между народами. Но если рассматривать этот вопрос с точки зрения причинности, то я не думаю, что я могу сказать, что это была война между двумя народами. Таковой она оказалась в результате[17]!

А.З.: А некоторые авторы, которые пишут по этим пролемам, находят большое сходство между ситуацией, в которой оказалась Германия в 1918 г., и Россией после распада Советского Союза. Вы согласны с такой позицией? В какой мере?

М.К.: Причем здесь Германия после 1918 г.? Я этого не понимаю! Ведь Германия к тому времени потерпела поражение в войне и она должна была принять мирный договор, который никоим образом не был сбалансированным. И как бы это ни рассматривать, Германия не была активным игроком в этой ситуации. Так что если это уподобляется положению современной России, то я бы считал, что это весьма странный способ жертвенности по отношению к своей стране! Прежде всего, никто не рассматривает Россию в качестве потерпевшей поражение на поле битвы и вынужденной принять любые условия договора, навязанные ей противоположной стороной.

А.З.: Ход рассуждений здесь примерно таков. Немцы потерпели поражение, и это стало источником националистических чувств. Это был первый шаг, и это было использовано националистической пропагандой и националистическими силами, которые впоследствии пришли к власти. Это и стало основанием агрессивной внешней политики и милитаризации нацистской Германии.

А теперь Россия идет таким же путем. Распад Советского Союза — это тоже своего рода поражение. Так что это может быть источником националистических чувств. И вполне возможно, что появится новый Гитлер на этот раз русский по национальности, который ввергнет многие страны в пучину несчастий и может быть даже организует новый холокост!

М.К.: Да, это любопытно! Но мне представляется это своего рода психологией жертвенности: свалить свои проблемы на других. Принятые в этом рассуждении предпосылки ошибочны и все сравнение ошибочно в этом смысле. Россия не была побеждена в результате военных действий.

Объединение Германии стало результатом переговоров и договора между четырьмя державами и прежде всего между США и Советским Союзом. Может быть, можно сказать, что Россия проиграла экономическую войну, проиграла в конкуренции между

системами. Но только в этом смысле. Но все-таки, эти вещи несравнимы. Это несравнимо, так как 2000 г. не сопоставим с 1918 г. в структурном плане. Россия сегодня гораздо более модернизирована, и занимает совсем другое место, чем это было в 1918 г. В то время Германия была страной отсталой во многих отношениях, она сохраняла имперскую структуру. Так что в целом я не согласен с таким сравнением.

А.З.: А что означает сам термин «нация» в России и Германии? Есть ли у этих стран некоторый культурный базис для взаимного понимания?

М.К.: Да, мне кажется, что есть длительная история взаимных интересов. Было и восхищение не только со стороны России западной культурой и немецкой, и французской! А со стороны Германии — восхищение русской культурой. Одно время было увлечение своего рода мистикой традиционной «русской души», глубиной чувств и т.д. и т.п. Я имею в виду в том числе и огромный интерес к русской литературе и музыке. Интерес к тому, что происходило в русской культуре в 20-е годы сохранялся всегда! В Москве тоже была своего рода «культура Берлина» как точка соединения, взимных контактов и миграции. Это продолжалось почти до 40-х годов, но мы все еще помним об этом!

А.З.: На Западе?

М.К.: Да, мы помним о контактах, которые имели место до войны.

А.З.: До установления фашистского режима?

М.К.: Да, да! Особенно большой интерес был к левому искусству в 20-е годы в Советском Союзе. Особенно тяжело было наблюдать, как это все было разрушено Сталиным. Мы слушали Шостаковича, мы следили за художественным авангардом!

А.З.: Ощущаете ли Вы опасность национализма в России и Германии?

М.К.: Конечно, в Германии возникли такие разговоры: «Восстановим вновь нормальную нацию!»

А.З.: Нормальную?

М.К.: Да, нормальную! Вы знаете, в Германии до 1989 г. сам образ нации был резко снижен. Была принята точка зрения, что в политическом плане это не столь уж важная страна. Во всяком случае, ее политическая роль не соответствовала ее экономическому положению. Это продолжалось именно до 1989 г. Об этом свидетельствовали и опросы общественного мнения на континенте. Чувство национальной гордости немцев и самоидентификации всего населения были подорваны в западном мире.

Это в свою очередь имело большое значение для самоутверждения других европейских стран. Я имею в виду западные страны, которые в значительной степени основывались на конструкции антинемецкой идентичности, возникшей после Второй мировой войны. Норвегия, Швейцария, Дания — во всех этих странах их

собственная национальная идентичность имела антинемецкую направленность.

Так что это было не только вопросом отношений с Востоком, в значительной мере это было и проблемой отношений с Францией и Великобританией — самыми крупными державами Западной Европы, которые полагали, что избавление от немецкого монстра является громадным историческим достижением.

А теперь возникло искушение восстановить статус «нормальной нации», которая говорит: «Это — наши национальные интересы! Мы хотим этого, мы хотим того! Мы хотим гордиться собой и нашей национальной историей!» И так далее.

Я думаю, что это крайне нежелательное направление развития. *Германия должна отчетливо осознавать те катастрофы, которые возникли благодаря ее политике в XX веке.*

По этому вопросу наблюдается расхождение позиций между левыми и правыми. Правые более националистичны, они являются одним из главных агентов защиты более националистической версии вхождения Германии в систему западных альянсов. Так что в этом я вижу определенную опасность.

А.З.: Вы упомянули 1989 г. как поворотный в этом отношении?

М.К.: Да... или 1990.

А.З.: Вы имеете в виду, что это как-то связано с распадом Советского Союза?

М.К.: Благодаря воссоединению немецкое государство усилило свои позиции, именно это стало поворотным пунктом в его истории. Это означало окончание оккупационного режима с точки зрения права. Только после 1990 г. Германия вновь стала полностью суверенным государством.

А.З.: С точки зрения права?

М.К.: Да-да...

А.З.: А какие законы были приняты, которые стали основанием такой оценки?

М.К.: Российская армия покинула Восточную Германию, а войска западных союзников также ушли почти со всей территории Западной Германии. Не все, но их статус изменился. Это началось даже немножко раньше. Статус постоянно менялся. Но только после договора двух и четырех или четырех и двух прекратил свое действие последний законный аспект оккупационного режима в Западной Германии.

А.З.: Понятно! А что можно сказать о связях между немцами и русскими на неофициальном уровне?

М.К.: Да, эта сторона дела может быть ухудшилась, так как до воссоединения к вам приезжало много немцев из Восточной Германии, которые учились в России, в Советском Союзе. Русский язык преподавали в школе. Одним это нравилось, а другим нет. Но в целом довольно трудно сказать, стали ли эти связи более развитыми или нет. Теперь существует экономическое сотрудничество!

А.З.: А если посмотреть на мир в целом, как Вы думаете, можно ли охарактеризовать его в настоящий момент как полицентричный или как моноцентричный?

М.К.: Я не думаю, что мир стал моноцентричным. Западная Европа стала более влиятельной даже несмотря на то, что в военном плане она ослабла. И несмотря на некоторую дисгармонию отношений в самой Западной Европе.

Но я не думаю, что суждение о том, что США стали единственным центром мировой ситемы, правильно. И конечно, так никогда не будет!

А.З.: Но такая точка зрения существует в Германии по этому вопросу?

М.К.: Да, конечно. Но я с самого начала сказал, что я не специалист в этой области. Есть масса специальной литературы по международным отношениям. Это самостоятельный аспект для политических и научных журналов и других изданий по этому предмету. Некоторые авторы пишут о переходе от биполярной системы к монополярной, но я не вижу, что это на самом деле происходит. Сложилась полицентрическая система, в рамках которой только один центр имеет возможность осуществлять полицейские функции по отношению к другим частям мира с помощью военных действий, но это не означает установления полного господства.

А.З.: А как Вы относитесь к концепции Валлерстайна в этой связи? Не кажется ли Вам, что его теория миросистемы представляет собою моноцентрическую теорию, правда сам центр с точки зрения этой теории оказывается подвижным?

М.К.: Да, ситуация гегемонии встречается достаточно часто, но суть ее не остается той же самой.

А.З.: У меня осталось два последних вопроса. Первый — достаточно общий — какова ваша оценка германо-русских отношений?

М.К.: В этом вопросе довольно сложно отделить аналитические предсказания от ожиданий или нормативных желаний. Конечно, я надеюсь, что Россия не будет развиваться в сторону милитаристского режима. И я думаю, что *через некоторое время Россия станет одним из основных игроков (партнеров) на международной сцене*, что германо-российские отношения будут отношениями между двумя демократическими государствами, которые могут сопровождаться экономической и даже политической конкуренцией, но все же конфликт интересов не достигнет масштабов военных столкновений или же конфликта типа холодной войны.

Можно предположить кроме того и такое развитие событий, при котором Россия станет частью Европейского Союза. Почему бы не так? Станет ассоциированным членом со специфическими экономическими привилегиями. Я не знаю, может быть, возможен и такой поворот событий.

Но может быть и другой вариант: Россия разделится на несколько частей. Я, например, слышал, как один российский кол-

лега говорил, что Санкт-Петербург скоро покинет Россию и присоединится к Европе, и пусть Москва и все остальное идет на Восток (*смех!*).

А.З.: Я не думаю,что Вы восприняли это как реальную перспективу.

М.К.: Кто знает?

А.З.: Наконец, последний вопрос. Вы сказали, что вы не специалист в этой области. Не могли бы Вы порекомендовать мне несколько человек. С которыми мне следовало бы побеседовать?

М.К.: Называет несколько имен, в том числе Клауса Зегберса и Клауса Мюллера, с которыми впоследствии состоялись беседы.

А.З.: Большое спасибо за встречу и за организацию моего рабочего места.

1.4. Спор историков и проблема вины

Интервью с заведующей кафедрой философии Технологического университета в Берлине профессором Кристиной Кульке. Интервью проходило 4 мая 2000 г. в Берлине на кафедре философии Технологического университета на английском языке. Переведено на русский язык А.Здравомысловым с магнитофонной записи.

> *Мы потратили очень много времени, чтобы понять проблему Сталинграда. Это был очень трудный вопрос для нас. В Германии эта тема замалчивалась, существовало табу по этому вопросу.*
>
> *Это было своего рода идентификацией с нацистской армией. Даже среди немецкой интеллигенции!*

А.З.: Уважаемая проф. Кульке, во время нашей встречи в Москве, которая имела место несколько лет тому назад, Вы проявили большой интерес к российским проблемам. Надеюсь, что этот интерес сохранился, и поэтому я хотел бы Вас спросить о том, как Вы оцениваете ход реформ в России?

К.К.: Мы, действительно, встречались в 1992 г. Я помню, что это было у Вас дома, и мы говорили очень откровенно о проблемах того времени. Я была в сопровождении переводчицы с немецкого Любы Ведерниковой. Это был запоминающийся вечер! Я очень рада продолжить нашу беседу с той же откровенностью.

Вы спрашиваете о моей оценке реформ в России. Насколько я понимаю, речь идет о том, что называется перестройкой и о тех изменениях, которые происходили в России с 1989 г. Но, кроме того, речь должна идти о самом понятии реформ и модернизации, которые обрушились на Россию, можно сказать, внезапно. Мы здесь обсуждали в наших семинарах эти проблемы и размышляли о роли Чикагской школы, и о той политике, которую предложили

России Chicago boys. И у нас возникли серьезные сомнения главным образом по поводу предложенных темпов экономических реформ.

Но если рассматривать реформы в более широком плане в связи с задачами постоения гражданского общества и демократизации такой огромной страны как Россия — с ее просторами, огромным разнообразием, в том числе и этническим, — то нужно сказать о задачах поистине впечатляющих.

Я думаю, что изменения, которые произошли, очень полезны прежде всего с точки зрения глобальной безопасности. Это касается и российско-германских отношений. Ведь Россия — наш ближайший сосед в современном мире, ее отделяет от нас только Польша. Есть традиционные культурные связи между Россией и Германией. Они получили новые стимулы развития. В целом происшедшие изменения вызывают у меня огромное удовлетворение. Но если обратиться к деталям, то не все так однозначно! Когда я была в Москве, то видела своими глазами людей, переживающих огромные трудности, можно сказать, терпящих бедствие и впадающих в состояние нищеты. Поэтому, я думаю, что реформы должны были бы в большей мере быть ориентирваны на условия жизни простых людей.

Поскольку реформы касаются не только привелигированных слоев, но и массы людей умственного труда, постольку их нужно оценивать в более широком смысле слова.

А.З.: А как этот процесс — я имею в виду реформы — повлиял на изменение мнений в Германии относительно России и русских?

К.К.: Вы имеете в виду изменения на уровне политики, культурных отношений, отношений социального обмена?

А.З.: Я попытаюсь конкретизировать вопрос. Как Вы думаете, в Германии существует одна общая идея по поводу того, что есть Россия и русские или же существует несколько точек зрения относительно нашей страны?

К.К.: Конечно, на этот вопрос я могу ответить сразу. Есть масса разных точек зрения.

А.З.: Не могли бы Вы охарактеризовать эти точки зрения? Первую, вторую, третью...

К.К.: Вряд ли я могла бы справиться с этой задачей. Я могу сказать только о своей точке зрения, которая не является ни типичной, ни репрезентативной... Знаете, «эффект мафии» производит огоромное впечатление даже на интеллектуальные круги. Это влияет на развитие партнерских отношений.

Но оставим это в стороне. Берлин — стал многонациональным городом и в нем живут и действуют представители разных групп русского населения — евреи из России, бизнесмены, ученые, преподаватели Для меня лично очень важны контакты с русскими коллегами. Они очень эффективны и плототворны, так как я узнаю о иных, отличаюшихся от тех, которые существуют в Германии, философских концепциях и подходах.

3 Заказ № 1007

Значительная часть немецкой интеллигенции сформировалась под влиянием американского стиля мышления с его прагматизмом. Американские ученые видят проблемы и умеют хорошо их анализировать. Однако для меня очень важны те методы, которые раскрываются в беседах с российскими коллегами. Каждая такая встреча для меня событие, так как русские ученые предлагают иной взгляд на те же проблемы. Они формировались иначе. Они свободны от американского влияния. Они больше связаны с иными — европейскими — традициями, с исследованиями авторитарной личности[18], неофрейдизмом, с социальными и политическими идеями двадцатых и тридцатых годов. Этот угол зрения формирует наши контакты и обогащает видение проблем. Важно обращение к таким мыслителям как Маннгейм.

Я не сказала бы, что это предмодернизм. Мне кажется, что для решения современных проблем очень важно сотрудничество, совместные решения, которые достигаются российскими и немецкими учеными, российскими и немецкими политиками.

А.З.: Значит, с Вашей точки зрения, Россия — это часть Европы?

К.К.: Совершенно верно!

А.З.: А какова дистанция между Германией и Россией с этой точки зрения?

К.К.: Конечно, дистанция существует. Я бы сказала, что есть ассиметричное отношение. Дело в том, что многие немецкие ученые, особенно из молодого поколения, не имели возможности учиться у российских ученых, изучать их философскую традицию и теории.

А.З.: Вы имеете в виду российскую философскую традицию?

К.К.: Да, именно так! Ведь российская философская традиция весьма близка немецкой, и многие русские исследователи учились в Германии. Я сужу, прежде всего, по социальной психологии. Русские ученые пошли дальше во многих областях, где есть общие традиции, например, в области социальной психологии.

А.З.: Вы имеете в виду каких-либо конкретных российских ученых, которые известны в Германии и оказывают влияние на немецкую науку?

К.К.: Конечно! Например, в исторической науке. Мы потратили очень много времени, чтобы понять проблему Сталинграда. Это был очень трудный вопрос для нас. В Германии эта тема замалчивалась, существовало табу по этому вопросу. Это было своего рода идентификацией с нацистской армией. Даже среди немецкой интеллигенции! Я думаю, что это очень и очень важно — понять, что же было на самом деле после стольких страданий, которые выпали на долю нацистской армии и после стольких прошедших лет! Может быть, это затрагивает только мое поколение — послевоенное поколение интеллигенции, и в то же время это касается всей немецкой истории и немецкого народа! Многое нужно понять и

усвоить, разумеется, не из российских учебников, а на основе опыта, опыта общения между немцами и русскими.

А.З.: А какие же именно концепции были сформулированы и развиты в этой связи? Какие выводы были сделаны?

К.К.: Я не очень хорошо представляю себе российские концепции; я имею в виду то понимание событий, которое сложилось в Германии. Историческая ситуация представляется мне достаточно ясной — это была агрессия, особое событие, имевшее место в рамках нацистского режима. Но если посмотреть на средства массовой информации при освещении событий, произошедших несколько десятилетий тому назад, то можно заметить, насколько влиятельным оказывается мифологический аспект в интерпретации этого события. Это касается, прежде всего, представлений о страданиях немцев после поражения под Сталинградом.

Недавно были опубликованы письма участников Сталинградской битвы. Конечно, это важно как исторический документ, и с точки зрения политического образования. Но дело в том, что здесь явно просматривается *тема героизации немецкой армии*. Даже теперь, создаются и распространяются легенды о героях[19]. Это, прежде всего, видно по средствам массовой информации, а не на научных семинарах.

Недавно была организована встреча немецких и российских ветеранов — офицеров, генералов — участников Сталинградской битвы. Это показывали по телевидению. И общая тенденция, выявившаяся на этой встрече, такова, что герои были и с той, и с другой стороны! А серьезные вопросы философского и прагматического порядка даже не затрагивались в ходе этой встречи. Ничего не говорилось, в частности, о проблеме вины! О том, *как эта проблема должна быть преодолена с немецкой стороны, как, в каком направлении она должна быть переработана, например, офицерским корпусом в Германии.*

А.З.: А как Вы думаете, достаточно ли проанализированы события этой войны и сама война между Германией и Советским Союзом?

К.К.: Я думаю, что недостаточно. Более того, вряд ли когда-нибудь можно закончить эту дискуссию. Я более склоняюсь к точке зрения Хабермаса в споре историков. Мы это называем Historikerstreit. Этот спор стал своего рода традицией в Германии. Одни в ходе этого спора высказали такую точку зрения: уже достаточно было сказано о войне, сейчас уже другое время и надо смотреть вперед, а не назад. Другая же сторона, — прежде всего Ю.Хабермас — с этим не согласна. Эта сторона считает, что необходимо и дальше прояснять детали, анализировать, связать это прошлое с нашим опытом объединения Германии. Эти вопросы останутся навсегда, никогда нельзя сказать по этому поводу «достаточно, мы уже все узнали и все поняли!» Вся проблема «немцы—немцы» после объединения Германии показывает, что обе стороны в

самой Германии далеко не все сделали в «проработке» истории Второй мировой войны.

А.З.: А как Вы считаете, между кем и кем была эта война — между двумя тоталитарными государствами, между фашизмом и коммунизмом, или между русским и немецким народами?

К.К.: Насколько я понимаю и чувствую эту проблему, эта война не была войной между двумя народами! Думаю, что это скорее война между фашистским и коммунистическим строем, между правящими элитами этих стран. Но для Германии это не совсем верно. Вы ведь знаете, что у нас была оппозиция гитлеровскому руководству среди офицерского корпуса! И армия также в значительной степени сопротивлялась[20]!

А.З.: Вы имеете в виду заговор против Гитлера в июле 1944 г.? Покушение Штауффенберга?

К.К.: Да, да!

А.З.: Не знаю, согласитесь ли Вы со мной, но, как мне кажется, война имела разное значение для немцев и для русских. Я думаю, что для России это была Великая Отечественная война — не только по названию, но и по сути. Весь народ — от стара до мала — объединился в борьбе против захватчиков и каждый готов был пожертвовать собой и внести свой вклад в победу. И в этот период истории России интересы власти и народа были объединены.

К.К.: Я согласна с Вами. Особенно, если вспомнить историю ленинградской блокады! Я не очень точно выразилась. Народ, люди, наверное, не принимали участия только в самом начале событий, во время заключения гитлеровско-сталинского пакта. Но война с советской стороны действительно была Великой патриотической войной, она мобилизовала весь народ на борьбу с нацистской армией, которая была гораздо лучше оснащена в техническом отношении, и в целом лучше была подготовлена к военным действиям.

А.З.: Что касается ленинградской блокады, то в литературе есть и такая точка зрения, будто это одно из преступлений сталинского режима, что Красная армия должна была бы сдать город во имя спасения жителей. Такая точка зрения все переворачивает с головы на ноги.

Кстати, я сам житель блокадного Ленинграда. Перед войной мне исполнилось 13 лет. Мой отец работал в школе, он не был членом Коммунистической партии. Но я помню, что когда кольцо блокады уже замкнулось, он купил у соседа по квартире третье издание полного собрания сочинений Ленина для своей библиотеки. Тогда я, конечно, не придал этому значение. Но, размышляя об этом post-factum, я прихожу к выводу, что он не верил в возможность того, что Ленинград будет сдан немцам. К сожалению, он погиб во время блокады от голода. Думаю, что для большинства ленинградцев лучше было умереть, чем допустить оккупацию города!

Конечно, война дело очень серьезное, это, прежде всего, дело большой политики. Насколько я понимаю, война могла бы закончиться раньше, если бы отношения между союзниками были более конструктивными, если бы союзники уже во время войны не занимались расчетами относительно того, кто будет располагать большим влиянием после войны, как будут поделены сферы влияния? Что станет с Восточной Европой и Балканами, что будет с Грецией, как будет решен польский вопрос? Именно эти вопросы и определяли манипулирование проблемой открытия второго фронта, которое переносилось неоднократно с 1942 до 1944 г. Поэтому и нет ясности, кто же на самом деле воевал: народы (нации) или политические элиты?

Хотелось бы понять, как эта проблема освещается в немецкой литературе в связи с темой ответственности и вины? Не могли бы Вы очертить контуры этой проблемы?

К.К.: Я бы чувствовала себя гораздо лучше, если бы могла заранее подготовиться к такой теме. Но, насколько я знаю, проблема ответственности и вины в том виде, как она освещается Моммзеном и другими историками, остается центром дискуссии. Проблема вины есть прежде проблема долга, обращенного в прошлое. А проблема ответственности в большей мере обращена в будущее.

Я должна сказать, что я сама не историк. Но из того, что я знаю о дискуссии среди историков по этому поводу — из выступлений на различных семинарах в Берлине и в разных организациях, я могу сделать вывод: Вторая мировая война ***в ее российском аспекте не является центральным пунктом обсуждения. Я этим сама очень удивлена!*** И сегодня вы можете встретить людей, которые страдали во время войны, страдали их семьи, но дело ведь не в этом!

Всем известно, что поворотным пунктом в войне был Сталинград. Меня удивляет, что никто не задается вопросом: почему война не была закончена сразу после Сталинграда, я имею в виду, не Германию, а союзников: почему союзники не вынудили Германию завершить войну[21]? У них было достаточно сил, чтобы этого добиться. Ведь после Сталинграда стало ясно, что немцы не могут выиграть войну! Хорошо, что Вы задали этот вопрос, и мне надо об этом подумать.

Дело в том, что наша дискуссия в Германии обращена, прежде всего, на Запад, в сторону США. Масса работ посвящена плану Маршалла, Потсдамской конференции. Но если Вы послушаете весьма квалифицированный обзор событий, например, во время путешествия с экскурсоводом-историком, то Вы узнаете, как много несчастья и зла принесла нам русская сторона при Сталине. И Вы узнаете, как заботливо относились союзники к будущему Германии — все союзники, за исключением русских. С русскими, якобы, было очень трудно договориться, предложения оказывались слишком запоздавшими.

За этой концепцией стояли и стоят определенные интересы. Это, конечно, вполне естественно и законно — наличие определенных интересов у той или иной стороны. И русские также имели свои интересы. И русские были заинтересованы в судьбах послевоенной Германии гораздо больше, чем США. Нацисты не были в США. Конечно, они были во Франции, но при весьма специфических обстоятельствах.

Россия, несмотря на все то, что она вынесла в войне, не играла центральной роли. И если Вы посетите выставки здесь в Берлине, то увидите много интересного с этой точки зрения. Именно на выставках, в школьных программах, на экскурсиях наиболее отчетливо проясняется та или иная точка зрения, а отнюдь не в трудах историков как таковых. Эти труды никто не читает, люди воспринимают информацию совсем другим способом: через СМИ, от школьных учителей, через политическую риторику.

А.З.: Насколько я понимаю, проблема вины главным образом концентрируется вокруг еврейского вопроса, вокруг холокоста. И мне представляется, что немецкая послевоенная политика это учитывала, так как после войны было принято немало законов, направленных на то, чтобы стимулировать возврат еврейского населения в Германию.

К.К.: Это все Wiederhoodnachtung.

А.З.: А если бы война продлилась дольше, если бы Красная армия не смогла бы остановить немцев под Сталинградом, то что было бы с евреями во всей Европе, что было бы со славянскими народами? Почему-то никто не задается этим вопросом, и окончание войны воспринимается как результат «исторического прогресса».

К.К.: Невероятно! О такой альтернативе даже страшно подумать! Это ужасно! Но на конференциях, которые здесь проходили, и в России — я была там в 1992 г. — некоторая часть населения думала о такой альтернативе. И они думали, что если бы нацисты их не уничтожили, то, может быть, они стали бы жить лучше! Если бы эта альтернатива... и т.д. Но я думаю, что это абсолютный нонсенс! Об этом даже страшно подумать! Чтобы было со мной, с Вами! Во всяком случае, этот разговор не мог бы состояться. Нас бы, скорее всего, просто не было на свете!

А.З.: А что Вы думаете о самом понятии «нация»? Значение этого понятия для немцев и для русских одинаково или нет? В чем состоит различие?

К.К.: В чем различие? Оно в различной истории!

Строительство нации после 1945 г. было очень тяжелым делом. Я не воспринимаю этот процесс с большим энтузиазмом. Но многие забыли это время, как и вопрос о долгосрочных последствиях войны. Для поколения 60-х годов и после них, для наших студентов, если вы спросите, что Вы думаете по поводу нации, то они вряд ли ответят на этот вопрос что-либо внятное! Конечно, ситуа-

ция сейчас несколько иная, чем в 60-е годы, но наше поколение как бы разорвало отношения с нацией, с самим этим понятием.

Что касается различий, то я думаю, что они имеют историческое объяснение. При этом надо принять во внимание весьма позднее начало строительства нации в Германии. Только Бисмарк занялся строительством нации, соединяя эту задачу с преследованием, террором против социалистической партии в Германии.

Давайте обратимся к Ханне Арендт, — я с ней во многом согласна, — Вы знаете, вначале она работала с Хейдеггером, а затем она уехала из Германии в США — для нее само понятие «нация» связано с террором, с опытом Третьего рейха. Но в то же время для нее нация — это институт, который строится с большим напряжением, с громадными усилиями, с территориальными притязаниями.

Или посмотрим, как эта проблема рассматривается во Франции. Например, у такого философа как Деррида. У него тоже весьма скептическое отношение к нации. Даже во Франции! Где нация центр культуры и всего на свете. Но и Деррида считает, что нация органически связана с давлением, насилием, что нация есть конструкция, которая одних людей в себя включает, а других — исключает!

В этом отношении понятие нации, по-видимому, одинаково как для России, так и для Германии, но разница в том, как люди воспринимают это понятие здесь и там. После войны в коммунистических странах идея национального строительства была воспринята. Конечно, это не было центральной идеей коммунизма, но идея нации была воспринята многими людьми после всех тех испытаний, которые принесла война. Отсюда и разные подходы к нации. И сегодня, когда мы являемся свидетелями новой ситуации в России, когда произошел вновь распад нации, когда все центрально-азиатские нации в большей или меньшей степени страдают, а Россия уменьшается в размерах...

А.З.: Не думаете ли Вы, что ситуация в России сейчас похожа на ситуацию в Германии после 1918 г.?

К.К.: Нет! Разница здесь огромна!

Я знаю, что такое мнение существует, но Версальский договор был результатом проигранной войны. А распад Советского Союза не результат войны, а результат потери легитимности политической культурной и социальной системы. Причиной распада была внутренняя ситуация, а не давление извне. И в этом состоит огромная разница!

А.З.: Есть ли опасность национализма в Германии и России?

К.К.: Я думаю, что такая опасность существует. В Германии официально действуют националистические группировки и даже партии на уровне земель, например ХСС. Они организуют большие демонстрации, например, 1 мая. Я не могу сейчас это всесторонне проанализировать, но это постепенно нарастающий процесс.

Это происходит на фоне становления нового современного мирового порядка. Для молодых людей гораздо понятнее идеи тоталитаризма, идеология правых партий, расизма и антисемитизма, чем идеология глобализации и того, что мы называем неолиберальным порядком. Таковы их идеи, они считают, что таким образом они могут защитить себя и обеспечить стабильность, возвратить нормы и ценности, без которых нет нормальной жизни. Может быть, в этом одна из причин усиления позиций национализма в Германии, ведь когда мы встречаемся с такими явлениями как экстремизм, правое движение, то мы должны объяснить причины!

Что касается России, то я плохо знаю, что там происходит. Но, скорее всего, причины и символы национализма в России отличаются от тех, которые действуют в Германии.

Может быть, в России это связано с этничностью, которая долгое время была спрятана, не признавалась в этом огромном пространстве. Действовали, скорее всего, классические предрассудки, образы супермена в лице русского народа по отношению к чеченцам, народам Сибири и Центральной Азии. Мы называем это Grossmenschsuch.

Для меня остается весьма проблематичным, что, как кажется, государство поддерживает расистские и этноцентристские идеи.

А.З.: В России?

К.К.: Да, в России. Здесь, в Германии действующее правительство, как мне кажется, более просвещено в этом вопросе, так большая часть политической элиты вышла из так называемой критической Франкфуртской школы. Все они — от Шредера до Фишера — по крайней мере, слышали об «Авторитарной личности», об этнических предрассудках и т.д. Кроме того, существует и историческая память. Все это создает защитный механизм против этноцентристского образа мысли. Это вряд ли можно распространить на все немецкие партии!

Но то, что я вижу в России теперь, — разумеется, если наши средства массовой информации верно представляют картину, — это то, что период Едьцина—Путина как-то связан с проблемой этничности. Для Путина и Ельцина было ясно, что взрывы в прошлом году Москве были организованы чеченцами, радикалами и фундаменталистами. Такова официальная пропаганда. Я не знаю, может быть, это и правда. Может быть, они знают, что это сделали фундаменталисты или чеченские радикалы.

А.Г.: Положение в Чечне весьма сложно сравнивать с фундаментализмом, например, в арабском мире. Дело в том, что вот уже в течение ряда лет, примерно, с конца 1996 г. в Чечне восстанавливается обычай захвата заложников. Раньше — в прошлом веке — это было важным элементом работорговли. Во время набегов захватывали пленных — мужчин, женщин, детей — и отправляли их в Константинополь на невольничий рынок. Эта практика означала, что «иноплеменники» — это не люди, или не вполне люди.

Сейчас захватывают заложников ради выкупа. А если выкупа не удается получить, то заложников убивают. Взрывы в Москве вполне вписываются в эту практику. И это никак не связано с исламом в собственном смысле слова, тем более с современным исламом.

Но мне хотелось бы завершить нашу беседу другой темой. Насколько я знаю, у Вас в России и в Москве есть друзья. В чем Вы видите смысл этой дружбы? Какое значение эти отношения имеют для Вас лично?

К.К.: Вопрос очень интересный, и я сама задаю себе этот вопрос уже много лет. Почему я так привязана к российским коллегам, партнерам, друзьям? На это трудно ответить! У меня есть русские друзья в США и у меня с ними очень много общего, гораздо больше, чем с американцами. Мы устроены более или менее одинаково. У нас схожий подход к анализу проблем и почти одинаковый стиль дискуссии.

Американские коллеги просто «щелкают проблемы». Как правило, на американских конференциях я общаюсь с русскими коллегами.

Но в Германии и России это по-другому. В этих контактах я хочу понять с их помощью, как они воспринимают политическую, социальную ситуацию в России. А, кроме того, мне интересно узнать, что они думают о Германии. Я поддерживаю связь с несколькими российскими учеными — историками, экономистами, психологами, в основном из институтов РАН.

Войну я не застала, я выросла в послевоенное время, которое было очень трудным, и мне интересно понять, как люди выживают в трудных ситуациях. Наука в России находится в глубоком кризисе, особенно если посмотреть на зарплату, на бюджет исследовательских учреждений. И все это сказывается на личной и профессиональной ситуации многих российских ученых.

У нас тоже есть проблемы, но они несравнимы с тем, что происходит в российской науке. Наша ситуация стабильна, и мы можем заниматься сравнительно спокойно нашими исследовательскими программами и преподаванием. Конечно, повседневная жизнь сложна, так как и здесь денег не хватает, но вы можете делать все, что вам нужно, и использовать вашу фантазию в рыночной экономике.

В России — Москве, Санкт-Петербурге, наверное, в сельской местности — ситуация совсем другая. Это кризис. И мне интересно знать, как люди переживают этот кризис, как они решают свои проблемы в это трудное время. Поскольку они люди талантливые, то они находят выход из весьма сложных ситуаций.

Другая сторона этих отношений — это личные связи, дружба. В Германии личные отношения организованы совершенно иначе. Например, одна моя подруга из города Иваново — Люба — каждый год поздравляет меня с днем рождения. Я пытаюсь ей отвечать тем же, но мне это не удается. Мои друзья здесь забывают о моем дне рождения, и я забываю поздравить их вовремя. У меня

просто нет времени для того, чтобы отметить день рождения, и я вот уже 4 года, как не отмечаю это событие.

Я бы сказала, что это — качество личных отношений. Для меня это важно потому, что это связано с моим детством и юностью. Мне кажется, что человеческие отношения в нашей стране коммерциализированы, подчинены интересам менеджмента. Прежде всего, смотрят, есть ли какая-то польза от этих отношений. Они превращены в средство по отношению к работе и карьере. Понятие инструментальной рациональности очень важно для характеристики нашего общества. Оно очень актуально, и отвечает реалиям. Вот в этом и состоит качество жизни.

Как мне представляется, русские коллеги располагают большим временем. Так кажется, по крайней мере. На самом деле это не так, ибо они ведут борьбу за выживание. Но кажется, что у них больше времени, что они больше заинтересованы в личных контактах. Мне это очень интересно! Должна сказать, что это почти утрачено в Германии. Точнее, не в Германии, а среди глупых интеллектуалов, которые нагружают себя массой обязательств.

А.Г.: Что Вы думает о российско-немецких контактах?

К.К.: На политическом уровне контакты, как мне кажется, развиваются очень медленно. Пока еще Путин не является тем человеком, которому западные политики готовы доверять.

Другая сторона вопроса — развитие контактов между академической, университетской средой и теми, кто эмигрировал из России в Германию. Эта проблема изучается проф. Ивонной Шютце из Университета им. Гумбольта. Я не думаю, что эти контакты могут быть более интенсивными в ближайшем будущем. Этот проект показывает, что российское еврейское сообщество почти не развивает контактов с немецким населением. Это удивительно!

Нормально развиваются культурные и научные контакты. В Берлине образовалось несколько русских театров, работает Русский культурный центр, есть намерение организовать Русскую академию.

Это все на будущее. Но мы должны сами гораздо больше работать в этом направлении.

А.З.: Уважаемая проф. Кульке, мы с вами затронули очень большой круг вопросов, и я надеюсь, что мы еще будем иметь возможность продолжить наш разговор. Я очень ценю Ваше время и гостеприимство, хочу поблагодарить Вас за нашу беседу. Большое спасибо!

1.5. Преемственность культуры и современная Россия

Беседа с профессором славистики Билефельдского университета Гансом Гюнтером. Интервью проходило в Билефельдском университете 10 мая 2000 г. Договаривался о встрече проф. Фельд-

хофф. Он же проводил меня к проф. Гюнтеру и представил нас друг другу. Беседа шла на русским языке.

На самом деле очень много значит контекст непрерывности между советским и русским обществом. И чем дальше отдаляешься, тем ярче выступает эта нераздельность советского и русского.

А.З.: Я бы хотел начать нашу беседу с просьбы рассказать о себе, чтобы я понял, почему Вы занимаетесь славистикой, и что в славистике для вас интересно?

Г.Г.: Я уже давно занимаюсь славистикой. Это связано с тем, что я родился в Польше. Мой отец еще был подданным Российской империи. Я начал изучать русский язык в 50-е годы, именно у него. А потом этот интерес закрепился, и в университете я стал заниматься русским языком с 60-х годов. Вначале мои интересы были связаны, прежде всего, с вопросами теории и методологии. Я занимался русским формализмом, структурализмом, культурной семиотикой, а потом я перешел в совсем другую область — на изучение официальной советской культуры 20—30-х годов. Да, это, может быть, звучит немножко странно, но у меня уже несколько книг на эту тему, и я нахожу в этом очень много интересного, несмотря на то, что многие коллеги не понимают, как можно заниматься такой ерундой!

А.З.: По-моему, это не ерунда.

Г.Г.: Но так считают некоторые литературоведы. Они думают все-таки, что надо заниматься высококачественными текстами, — например, настоящей поэзией. А я думаю, что и это тоже интересно.

А.З.: Ну что же, это очень важная и редкая специализация, и вместе с тем, она Вам позволяет все время быть в курсе дела, знать, что происходит в России, видеть, каковы отношения между немецкой и российской культурой. Я бы хотел Вас спросить, как вы оцениваете последнее десятилетие — период интенсивных реформ в России?

Г.Г.: У меня сложилось двойственное впечатление.

С одной стороны, идет процесс разрушения старых норм советской культуры, которая все-таки давала массам какие-то ориентиры И я думаю, что как раз для этого периода — для нынешнего периода, — характерен недостаток ориентаций вообще — и в языке, и во всех отношениях, и в политике. Люди просто не знают, кто такие левые, и кто такие правые. Потому что, например, вот те, которые в Германии — либералы, в России являются правыми, — так что уже с этим начинаются проблемы! Это с одной стороны.

А с другой стороны, конечно, мне все-таки кажется, что идет процесс освобождения от каких-то советских канонов, и в этом

тоже есть очень много ценного. Я говорю о том, что сейчас вся мировая литература стала доступна российским читателям, и вообще вся мировая культура, от которой они в течение нескольких десятилетий были отгорожены. Поэтому я вижу и то, и другое.

А.З.: Но некоторые говорят, между прочим, что вся эта культурная эстетика, и тонкости, и доступ к высокой культуре в разных формах, это, мол, не имеет особого значения, потому что люди живут повседневной жизнью и т.д. Вы с этим согласны или нет?

Г.Г.: Для них, может быть, это непосредственно не имеет значения: они не читают Набокова. Но все-таки я думаю, что нужно видеть разные уровни культуры. ***Культура не может существовать только на уровне повседневности.*** Это очень существенный слой, и я даже вижу на этом низком уровне ухудшение, особенно в сравнении с советскими временами. Сейчас массовая культура в России стала очень низкопробной. Но дело в том, что культура в целом просто не может существовать без верхнего слоя! Поэтому я считаю, что от этих ценностей нельзя отказываться!

А.З.: А как, по Вашему мнению, изменились ли представления о России в Германии за этот период?

Г.Г.: Да, очень сильно!

А.З.: В какую сторону?

Г.Г.: Очень сильно! Как ни странно, в Германии появились огромные симпатии к России во времена перестройки. Об этом я могу говорить, потому что как раз в это время к нам поступила масса студентов, в школах стали заниматься русским языком, в прессе очень много писали о России, — и все были как будто наполнены надеждой на то, что все будет хорошо, что произойдет мирный переход и т.д.

Но потом, к середине 90-х годов, все очень сильно изменилось к худшему, и мы от этого страдаем. Я могу сказать, что славистика в Билефельде, вероятно, вскоре закроется, потому что теперь у нас не хватает студентов. У нас практически уже нет немецких студентов, приходят или русские, или русские немцы. По-моему, это связано с тем, что имидж России сейчас у нас очень плохой. Из того, что показывают по телевидению и о чём пишут газеты о России, создается такое впечатление, что это страна криминала, мафии, насилия, войны ну вообще, этнических конфликтов и т.д. Большинство только это и видят. А многие говорят: я не хочу этим заниматься, это так печально, так плохо там все развивается, что... меня это уже не интересует. ***Я думаю, что это так!***

А.З.: А не могли бы Вы охарактеризовать несколько наиболее крупных позиций в немецком public opinion, из которых складывается в целом мнение немцев? Это мнение дифференцировано или же оно консолидировано? Все ли согласны с тем, что Вы сказали, или все-таки есть разные точки зрения?

Г.Г.: Конечно, есть разные мнения насчет России современной. Я думаю, что многие бизнесмены и даже политики смотрят более

спокойно на это все, потому что они привыкли к тому, что историческое развитие требует очень много времени, особенно в России! Специалистам по российским проблемам хорошо известно: то, что в Европе происходит достаточно быстро, на это в России уходит несколько десятилетий. Они, как мне кажется, более терпеливы.

Кроме того, хотя, может быть, у большинства и сложилось не очень хорошее представление о России, но помимо этого большинства есть еще люди, которые всегда были очень привязаны к России эмоционально. Они по-прежнему продолжают читать русскую литературу, интересуются русской кинематографией и т.д. И хотя уже меньше у нас переводов, чем это было раньше, они все равно продолжают читать и интересоваться. Этот слой тоже существует. Так что это картина довольно пестрая, можно сказать.

А.З.: Я хотел бы задать более общий вопрос, скорее, политический, чем культурный: воспринимается ли Россия как часть Европы? Это часть Европы, или это Евразия или какая-то другая страна, в Европу не входящая?

Г.Г.: Я думаю, что большинство людей считает, что Россия не принадлежит к Европе в более узком смысле слова. И я должен добавить, что у меня тоже... я немножко сомневаюсь, потому что все-таки Европа — это что-то другое! Я не скажу, что евразийская идея правильна как идеология, но все-таки в этом что-то есть! Я думаю, что у России есть свои особенности.

Так что я думаю, что законы развития Европы нельзя переносить на Россию. В этом смысле Россия для меня тоже не Европа. И конечно, если заниматься историей русской культуры, то мне как специалисту ясно, что русская культура всегда шла особым путем. Об этом всегда говорили славянофилы! Я думаю, что в этом кое-что есть, и я вижу, что все попытки буквально перенести в Россию то, что существует в Европе — как в культурном, так и в экономическом смысле — заканчиваются крахом. Это оказывается невозможным! И даже иногда смешно — чистое западничество мне кажется не очень обоснованным!

А.З.: Это интересная мысль. Не могли бы Вы остановиться на этом немного подробнее? О дистанции между Россией и Германией в общеевропейском контексте?

Г.Г.: Да! Но я уже сказал, что Россия для меня не Европа — так, в более узком смысле. Германия занимает особое место в Европе. Я думаю, что классическая Европа — это западные страны. Это — Франция, Англия. И я думаю все-таки, что Германию и Россию связывают особые отношения. У нас есть свои особые связи, я имею в виду исторические, культурные связи разного характера. Я думаю, что нас очень много связывает! Это не только мой личный опыт, — когда говоришь с русскими, то очень часто они говорят об этом, и даже немцы говорят об этом. Ну, очень много, скажем, в истории, но я только сейчас говорю об истории

XX в.: скажем, и у нас, и в России были такие страшные диктатуры — это тоже как-то связывает.

Я думаю, что это не случайно, что эти тоталитарные системы возникли именно в Германии и в России. И я даже занимаюсь в каком-то смысле сравнением этих двух систем, особенно тем, какое место в этих системах занимает культура. Я не считаю, что они одинаковы. *Я не согласен с тем, что существует только один тип тоталитаризма.* Тоталитаризм, на мой взгляд, всегда очень окрашен цветами собственной истории, собственной культуры и т.д. Но, тем не менее, я думаю, что у нас очень много общего — и хорошего, и плохого. Эту мысль можно подтвердить самой историей, начиная с Петра Первого. В XIX в. можно проследить узкие культурные связи и т.д. Я думаю, что все-таки у нас есть особые отношения в рамках общеевропейских.

А.З.: А как Вы считаете, Россия и Советский Союз это одна и та же страна или это разные страны?

Г.Г.: Очень интересный вопрос! Мне кажется, что ответ на него во многом зависит от точки зрения!

Я начал заниматься советской культурой в 70-е годы. В 70—80-е годы мы все думали, — я также думаю, что и в Советском Союзе так думали, — что советская культура почти вечная, и что в ней ничего не изменяется. Но это мнение свидетельствует о том, что мы тогда находились под очень сильным влиянием — или прямо, или косвенно — под сильным влиянием советской идеологии. Это очень трудно объяснить, но это так! В каком-то смысле!

А когда я теперь смотрю на советский период с позиций начала третьего тысячелетия, то картина сильно меняется. С большего расстояния видно, что в Советском Союзе были очень многие черты не просто советские, а русские, что на самом деле очень много значит контекст непрерывности между советским и русским обществом. И чем дальше отдаляешься, тем ярче выступает эта нераздельность советского и русского. Конечно, я не отождествляю их полностью, но я понимаю, что их нельзя разделять как две совсем разные вещи. Так мне кажется! В культурном смысле.

А.З.: А нынешняя Россия, она что — больше похожа на Россию до 1917 г. или же эта другая Россия? Как вот Вы думаете?

Г.Г.: Это ни то, и ни другое! Это для меня что-то загадочное! То, что сейчас происходит в России, это для меня — это Я только смотрю на все это широко раскрытыми глазами (от удивления), потому что я не понимаю, и мне очень трудно объяснить, что же там происходит! Это такая странная смесь остатков советского времени, которое еще устойчиво сохраняется, особенно в менталитете, в экономике и т.д.; а с другой стороны, — очень странные формы дикого западного капитализма; потом, — такая фантастическая реклама! Я думаю, что вообще никто еще не понимает, что сейчас происходит, и как можно описать нынешнюю ситуацию — то, что сейчас происходит в России! Я очень затрудняюсь!

А.З.: Хорошо, это тем более интересно, что есть в России люди, которые пытаются описать все-таки это!

Г.Г.: Да, есть!

А.З.: Один из них сидит перед Вами! Но возвратимся к теме нашего интервью. Я бы сказал все-таки, что одна из основных проблем в российско-немецких отношениях это память о Второй мировой войне, особенно о советско-германской войне как части мировой войны. Вы согласны с этим?

Г.Г.: Я думаю, что это так. Но я принадлежу к другому поколению: я не воевал! Я думаю, что это (участие или неучастие в войне. — *А.З.*) сильно влияет. Но у меня есть знакомые в России, благодаря которым я знаю, что это значит. И я думаю, что это оставило печать на целом поколении! Для меня это уже немножко вне моего личного поля зрения, но я понимаю, что в общественно-политическом, культурном смысле это все еще существует!

А.З.: А как Вы считаете, тема войны должна разрабатываться с точки зрения формирования определенного отношения к этим событиям, или стоит, так сказать, об этом позабыть, и не надо к этому возвращаться?

Г.Г.: Позабыть?.. Нет, этого забывать не стоит никогда! Я думаю, что только формы меняются. Например, я уже практически не читаю, скажем, литературу о войне — это мне не очень интересно, но я понимаю, что для старшего поколения это сохраняет интерес. Я уже не могу читать! Даже такая книга, как В.Гроссмана, — я читал, но так, без большого увлечения... Но я понимаю, что для многих людей она может представлять большой интерес. Но это мое личное мнение.

А.З.: А в немецкой литературе существует какая-нибудь традиция или какие-нибудь книги, в которых этот опыт войны прорабатывается или раскрывается, или судьба людей в это время?

Г.Г.: Знаете, у нас о войне очень мало пишут. Собственно, о войне я даже не помню ни одной хорошей книги! Но это связано с тем, что Германия проиграла войну, и вообще, писать в положительном смысле о войне — у нас это совсем невозможно! Этим занимаются только крайне правые...

Была такая литература, но она практически не играет никакой роли, по-моему, у нас. В ГДР были некоторые книги в свое время.

А.З.: Вы объясняете это тем, что Германия проиграла войну, так?

Г.Г.: Да.

А.З.: Но если об этом говорить, то сегодня у нас 10 мая, а вчера было 9 мая!

Г.Г.: Да-да, я помню!

А.З.: День Победы! Я свидетель того, что происходило в этот день в Берлине. Мне кажется, что все-таки основная-то мысль должна быть иная: не проиграла войну, а освободилась от фашизма. И это разве проигрыш? Это же начало создания новой Германии!

Г.Г.: Да!

А.З.: И, кстати говоря, Советская армия, или руководство даже, Сталин, он же никогда не стоял за то, чтобы Германию уничтожить... да?

Г.Г.: Да-да, да!

А.З.: Он подчеркивал антифашистское содержание войны в своей формуле: «Гитлеры приходят и уходят, но народ германский и государство германское остается»!

Г.Г.: Да!

А.З.: И он даже в этом плане полемизировал и с Черчиллем и с Рузвельтом, которые одно время считали, что Германию следует уничтожить как государство на все времена! Поэтому мне несколько странно, что общественное мнение делает акцент именно на поражении. В этом случае *получается, что немецкое сознание идентифицирует себя с этой войной, с этой агрессией, с режимом, в конце концов, с тем, что немцы дошли до Волги — вот где проходили границы Третьего рейха в 1941 или 1942 г.* (смотрим на карту)!

Это, по-моему, очень важно! Важно потому, что, как я понимаю, война для русских и для немцев имеет разное значение

В этом плане у меня как раз и вопрос есть: вот что же это за война была — между двумя тоталитарными режимами? Между фашизмом и коммунизмом? Или между двумя нациями, русскими и немцами?

Г.Г.: Ну я очень затрудняюсь найти ответ на Ваш вопрос.

Все-таки мне кажется, что это была, прежде всего, война между тоталитарными системами. Ну, потом, конечно... на втором месте — между Германией и Россией. Но мне кажется, что... я не знаю так, мне кажется, что первое...

А.З.: Понятно, это ваша точка зрения: тоталитаризм был там и тут! Но, во время войны союзники были на стороне Сталина, и Сталин был на стороне союзников, Советский союз был в одном блоке с Великобританией и США, не так ли?

Г.Г.: Да-да, да! Да, ну как раз, поэтому я думаю, что для Гитлера эта война имела геополитическое измерение, и как раз поэтому я думаю, то, что он пошел на восток, это было только связано с тем, что на запад идти уже было невозможно[22]! И я думаю, что это такие общие соображения были у него

А.З.: Ну почему? План, если возвратиться к истории, состоял в том, что, после того как Советский Союз будет уничтожен, — а на это он отводил несколько месяцев, — можно будет заняться Англией уже вплотную. Не так ли? Ведь тогда был выбор: либо закончить войну с Англией, либо...

И Сталин считал, что Гитлер, конечно, сначала закончит войну с Англией! Поэтому он и не подготовился к войне — по крайней мере, в тактическом, оперативном отношении.

Г.Г.: Да-да, да-да. Нет, но я думаю, что вот этот лозунг жизненного пространства был применим только к Востоку.

А.З.: Понятно!

Г.Г.: Это то, что я имею в виду. Там, на Востоке, были и славяне, там была и Польша и, особенно, Россия. Поэтому, я думаю, у него были такие гигантские планы, конечно, сумасшедшие, так как он не видел, что это неосуществимо! Мне кажется, что это не направлено против России... Я думаю даже, что он мог бы на чем-то примириться со Сталиным; они же поделили между собой Польшу! Но он решил, что немецкому народу необходим выход только на Восток...

Но я этим не очень много занимался, — может быть, это Вас не удовлетворяет, но... (*Смеется.*)

А.З.: Дело не в том, чтобы Вы придерживались моей точки зрения. Поскольку Вы занимаетесь славистикой и Россией, постольку Вы неизбежно сталкивались с этими вопросами. И меня интересует тот уровень Ваших размышлений, на котором Вы находитесь в данный момент. Скорее всего, так думаете не только Вы, но и многие другие в Германии! Возможно, через некоторое время Вы придете к каким-то новым идеям в этом вопросе. Тем более что история для вас не есть предмет специальных занятий...

Я про себя тоже не скажу, что я профессиональный историк войны. Но поскольку я немножко старше Вас, то для меня очень важно, как воспринимается война, в том числе и на Западе!

Советская точка зрения и литература мне известна. А вот есть работа Вильяма Ширера, — Вы не знаете такого автора? Он написал «The Rise and Fall of the Third Reich».

Г.Г.: Нет, нет. Может, я слышал, но я не читал эту книгу.

А.З.: Мне кажется, что это одна из лучших работ по Второй мировой войне. Автор — американский журналист, который работал в Европе всю войну. И в конце написал огромную книгу, обстоятельно документированную, которая для меня, например, является одним из важных источников знаний о том, что было во время войны. Он уже пишет не как журналист, но как историк, который собрал массу материала. Если будет интерес, посмотрите этого автора...

Что же касается войны между двумя тоталитарными системами, то я тоже, как участник этих событий и войны, — хотя я не был призван в армию, но я все-таки был под бомбежками. И я знаю, что с нашей стороны это была патриотическая война. Действительно, Великая Отечественная война!

И она, конечно, не могла иметь то же самое значение для немцев и для русских в этом смысле.

Я бы хотел задать Вам вопрос о том, что такое национальное начало в истории? Как, по вашему мнению, в немецкой традиции и в российской традиции одинаково ли трактуется само понятие нации?

Г.Г.: Ну насчет нации я не совсем уверен, но я знаю, что, например, понятия «Volk» и «народ», — очень разные термины, хотя в словарях они идентифицируются.

А.З.: А в чем это различие?

Г.Г.: Я даже этим немножко занимался...

А.З.: Расскажите, пожалуйста, об этом.

Г.Г.: Русское слово *«народ»* связано с такими словами, как «родина», «родить», «родители», «родное», — в целом происходит от корня «род». И значит, здесь сложилось совсем другое представление, как мне кажется, о народе.

В то время как я нашел в книгах, что немецкое слово «Volk» — это слово из военного словаря, это значит «люди, которые объединены в какой-то отряд или, я не знаю, в военный отряд». Там всегда есть Führer (вождь) и Volk (народ). Я думаю, что это как-то связано с более воинствующим характером немцев. И немецкий национализм всегда имел, как мне кажется, более воинственную направленность по отношению к соседям, чем русский. Он был более экспансивным и более агрессивным.

И, по-моему, это все уже заложено в этой этимологии слов, в сравнении «Volk» и «народ». Слово «на*род*» соединяется с очень мирными представлениями — *род*ина как женское начало и т.д., это совсем другое!

А.З.: Но в немецком языке есть понятие Heimatland?

Г.Г.: Да, оно переводится на русский как родина. Но «Heimat» — в отличие от «Volk» — имеет другой корень. В русском языке «народ» и «родина» это практически от одного корня. А в Германии «Heimat» это нечто совсем иное, чем «Volk». Чтобы было яснее, я вернусь еще раз к слову «Volk». Исторически: ну, там Гердер начал писать об этом, а после этого слово «Volk» и, особенно «völkisch» — очень быстро эти слова превратились в слова, которые были обращены против какого-то врага или...

«Völkisch» особенно активно используется против евреев или против иностранцев, и т.д. Так что это очень тесно, к сожалению, связано с немецкой традицией, даже очень сильно, я думаю.

Heimat также использовался национал-социалистами, они тоже говорили о Heimat. Но я думаю, что Heimat — это совсем другое понятие. Это понятие, которое можно наполнить совсем другим смыслом.

Интересно, что у нас, может быть, лет десять назад была такая серия по телевидению, под названием Heimat, художественная серия. Очень интересно! Режиссер этого фильма показал, что история Германии отражается в истории одного города, практически. Значит, Heimat можно употреблять без обращения к большой идеологии, но как пространство—место, на котором живут люди, и т.д. Это для меня имеет большое значение!

Исторически слово «Volk» воспринимается в связи со смыслом угрозы! К сожалению, это так, особенно после фашизма.

А.З.: Вы подчеркнули, что Heimat может иметь совсем другое значение. Какое именно? Какие слова в немецком языке связаны со словом Heimat, которые бы раскрывали несколько иное содержание этого понятия?

Г.Г.: Heimat — это не политический термин. Heimat — это что-то другое, там очень много эмоционального может быть и...

А.З.: Herzlichkeit (сердечность)?

Г.Г.: Да, да-да. И теплоты, и всего этого. И личных воспоминаний, особенностей быта и т.д.

И я даже думаю, что в ходе формирования Европы слово Heimat приняло другое значение. У нас в Европе очень много таких регионов, где люди даже не знают — французы они или немцы, швейцарцы или немцы, но они говорят об этом месте, что это моя Heimat! Скажем, Южный Тироль — это Северная Италия. Хотя политически это Италия, но на самом деле там большой слой немецкоязычного населения; для них Южный Тироль это Heimat, — им это важнее, чем все политические определения. Я думаю, что это очень положительный процесс.

А.З.: А Heimatland и Faterland — это разные слова?

Г.Г.: Да, Faterland звучит более политически. Например, «Faterland в опасности!» — это значит: «к оружию!»

А.З.: А разве нельзя сказать, что Heimatland в опасности?

Г.Г.: А Heimatland — это более интимно, конечно, можно и так сказать «На защиту родины!», но это уже не внешний призыв, а голос, идущий изнутри

А.З.: Понятно. Это очень интересные рассуждения. И я, с Вашего позволения, буду это иметь в виду в дальнейших своих работах по национальным проблемам.

Теперь я хотел бы спросить относительно такой точки зрения: нынешняя Россия, которую, как Вы говорите, очень трудно понять, может быть, все же понята с помощью той модели, которая описывает ситуацию в Германии, сложившуюся в 1918 г. Вы согласны с этим утверждением?

Г.Г.: После Первой мировой войны?

А.З.: Да.

Г.Г.: Я думаю, что нет модели, пригодной для объяснения развития постсоветской России. Когда политики или экономисты стали говорить о моделях, все это было очень смешно: они говорили о Скандинавии, о Германии, и даже об Америке! По-моему, это все совершенно не применимо к России. У России — свое огромное пространство и своя история, свой быт, свои предания и т.д.

Конечно, многим очень хочется иметь модель, на которую можно было бы ориентироваться, но я не нахожу такой модели. Я думаю, что это очень поверхностный способ рассуждения!.. Я не вижу такой модели для России.

Я думаю, что русские должны выработать свою собственную модель, найти свой путь развития. Потому что ни Америка, ни Европа, ни Китай, никакая другая страна не могут служить примером для России.

А.З.: Вот вы сказали: «русские». А я бы задал вам вопрос: русские или россияне?

Г.Г.: Россияне. Да, конечно, россияне!

А.З.: А существует ли сейчас в России и в Германии неонацизм, какая-то националистическая опасность?

Г.Г.: Знаете, что касается России, это для меня тоже почти непонятно, как человек, который знает историю, как он может пользоваться национал-социализмом в качестве положительного примера?!

Для меня это знак отчаяния, эти люди — просто они ищут какие-то ориентиры, им это нравится, поэтому они и говорят о Гитлере, о дисциплине, потому что у них ничего другого нет! Но я даже не знаю, фашисты ли они, или это что-то другое? Мне это очень трудно понять.

Что касается нашей ситуации, — конечно, я об этом лучше могу судить, — такая опасность есть! Да, есть старые правые неофашистские партии. Но самое печальное, это то, что — особенно в бывшей ГДР — очень многие молодые люди как-то я не знаю, они видят в этом какой-то выход из безнадежного, можно сказать, социального положения. Это я объясняю безработицей, даже, может быть, объясняю в какой-то степени плохими традициями гэдээровского воспитания. Когда я узнаю, что там, например, нападают на иностранцев... — это особенно в Восточной Германии, к сожалению, — то мне становится очень жаль этих людей! Но, с другой стороны, я думаю, что если будут там лучшие социальные условия, то это пройдет. Я думаю, что это очень тесно связано с социальным положением: там безработица до 20%, даже больше в некоторых городах...

А.З.: В Восточной Германии?

Г.Г.: Да, в Восточной Германии! Представьте себе жизнь в деревне, где нет никакой работы, и ничего интересного нет! И вот выступают там такие в нацистской форме. Это как-то привлекает, это — интересно! Потом, — да, об этом тоже надо говорить, — очевидно, что многие люди старшего поколения, особенно в ГДР, молча поддерживают такие выступления. Сами они не выступают, но они говорят: то, что вы делаете, это не совсем плохо, потому что нам это тоже не нравится, что у нас столько иностранцев из Вьетнама, из Африки там... и т.д.

По-моему, неофашизм не представляет собою непосредственную опасность, это более или менее социальное явление. И поэтому я думаю, что это может кончиться когда-нибудь.

А.З.: А вот у вас лично есть опыт каких-то контактов с российскими учеными, с другими университетами в России?

Г.Г.: Да.

А.З.: И как Вы их оцениваете? Вот не могли бы Вы об этом рассказать?

Г.Г.: Вот уже более 30-ти лет я практически каждый год езжу в Россию. У меня там установились с самого начала контакты с коллегами, особенно по литературоведению. Конечно, раньше это было не так просто, потому что я всегда думал тогда: может быть,

этот коллега связан с определенными органами? Он интересуется, что ты думаешь, о чем ты пишешь и т.д.

Но очень быстро с большинством коллег я дошел до такой степени, что мне стало совсем ясно, что это не так. И установились контакты, которые существуют до сих пор, особенно в Москве.

Вначале, еще в советское время у меня были очень тесные контакты с неофициальными художниками в Москве. Они были вне официальной сферы еще в большей мере, чем, скажем, ученые, которые все-таки работали в университетах или в Академии наук. Они были... ну, не то что диссидентами, но, так сказать, маргинальными фигурами в этой системе, и с ними я очень быстро нашел общий язык.

А потом возникли более профессиональные контакты с литературоведами и т.д. Это имеет для меня большое значение

А.З.: Вы публикуетесь на русском языке?

Г.Г.: Да! Особенно в «Вопросах литературы», у меня там довольно много статей... Ну, в общем, я много публикуюсь на русском языке и в западных журналах. Скажем, «Russian Literature», это журнал, который выходит в Амстердаме...

Для меня очень важно то, что имеет отношение к Платонову, Андрею Платонову.

А.З.: Вы уже второе имя называете из русской литературы. Набокова...

Г.Г.: Ну, Набоков — это Набоков, это так! (*Смеется.*) А Платонов — это совсем другое, конечно!

А.З.: Набоков, ведь он интересен и как историк литературы. Вы знаете его работы?

Г.Г.: Ну, о Пушкине, конечно, да, да. Но у него очень субъективные суждения, это мне не всегда нравится у Набокова.

А.З.: А у кого же объективные суждения в этом мире?!

Г.Г.: Нет, ну!... (*Смеется.*)

А меня очень интересует Платонов, я уже 20 лет занимаюсь Платоновым, я практически бываю на всех конференциях, которые проходят в Москве. Прошлым летом я был в Воронеже. И Платонов мне очень близок, потому что он обрабатывает этот советский материал настолько оригинально, что это нельзя ни с кем сравнивать. И для меня до сих пор — это единственный писатель, которым я занимаюсь уже 20 лет.

А.З.: Это потрясающе, потому что это очень трудно... Ведь у него своя стилистика и грамматика, я не знаю что — свой язык?

Г.Г.: Да.

А.З.: Он строит фразу совершенно не похоже на всех остальных писателей, и его можно узнать всегда: вот это — платоновская фраза.

Г.Г.: Ну да, это почти не переводимо на иностранные языки. Знаете, когда я первый раз читал «Чевенгур», это для меня было откровением... Потому что я такого еще не видел. Я до сих пор думаю, что это одна из самых глубоких книг о русской революции,

о последствиях русской революции. До сих пор я могу писать и заниматься!..

А.З.: А укладывается ли образ революции, созданный Платоновым, в концепцию тоталитарного государства?

Г.Г.: Нет!

А.З.: А! Вот вам и...

Г.Г.: Но вы не думайте, что для меня...

Нет, меня не интересует тоталитаризм как политическое явление — об этом пишут политики. Меня интересует — какую форму это приобретает.., как это проявляется в литературе, в кино и т.д. Так что политический термин — для меня это ярлык. А, конечно, то, что пишет Платонов, это совсем не укладывается ни в какие исторические схемы, потому что...

Например, мне очень была интересна проблематика сектантства у Платонова! В этом семестре я веду семинар «Сектантство в русской культуре XX в.», и это мне очень интересно как культурное явление и у Платонова это, конечно, есть!

А.З.: Уважаемый профессор Гюнтер, я очень рад нашему знакомству, надеюсь, что мы продолжим каким-то образом обсуждение тех вопросов, о которых мы говорили сегодня, в том числе и с привлечением А.Платонова, которого я тоже очень люблю. Большое Вам спасибо за беседу!

1.6. Другая страна

Беседа с организатором проектов Магдебургского университета Ингрид Освальд. Берлин, 7 мая 2000 г. Интервью проводилось на русском языке на квартире респондента. И.Освальд многократно приезжала в Россию в связи с постоянным сотрудничеством с группой петербургских социологов из Института независимых исследований, а в дальнейшем с работой на социологическом факультете С.-Петербургского университета. Автор ряда публикаций на русском языке[23].

А.З.: Прежде чем перейти к основной части интервью, я бы хотел задать Вам несколько личных вопросов для углубления нашего знакомства. Позвольте Вас спросить, в каком году Вы родились[24]?

И.О.: Я родилась в 1957 г. в Штутгарте. Через две недели мне будет 43 года.

А.З.: 43 года? Замечательно! Надо будет иметь в виду! Какого числа?

И.О.: 16 мая...

А.З.: А кто Ваши родители по профессии, кто был Ваш отец, он жив или нет?

И.О.: Родители? Мои родители еще живы. Они живут недалеко от Штутгарта. Они переехали туда из Чехословакии, из Судетенланд. Ну, там где немцы жили.

А.З.: Они относятся к числу судетских немцев?

И.О.: Да.

А.З.: Это очень интересно, Вы, следовательно, немка, но из семьи, которая не происходит из самой Германии! Корни от судетских немцев!

И.О.: Да, мои корни оттуда, так как и отец, и мать выросли в Судетах! А я родилась в Штутгарте. Это Южная Германия, и у меня сохранился слабый акцент, но я не говорю на том языке, на котором они говорят. Это важно, но не столько для меня, сколько для моих родителей.

А.З.: А я хотел узнать, кем был Ваш отец во время войны, он участвовал в войне?

И.О.: Он участвовал в войне в самые последние месяцы. Ему было 17 лет, когда его взяли. Тогда брали всех парней. Поэтому он был в армии несколько месяцев, или может быть, даже несколько недель, а потом он был в плену у американцев.

А.З.: Значит, он попал в плен где-то в Западной части Германии?

И.О.: Я не знаю, это было где-то в Баварии. Он вообще никогда об этом не рассказывал[25]. И поэтому я очень мало знаю. Он один только раз кое-что рассказал, когда он писал историю семьи. Но это все равно осталось не вполне ясным. Во всяком случае, он был у американцев. А через несколько месяцев его освободили.

А.З.: Но Вы родились в 1957 г., и поэтому для Вас эта война — далекое прошлое! Вы о ней узнали только тогда, когда стали учиться в школе. Или даже в университете, когда стали учиться, узнали более подробно?

И.О.: О войне? О войне у нас говорили очень мало. ***Вообще в школе у нас так преподавали, что в 1933 году все кончилось!*** А потом мы вернулись к древним временам опять.

В школе я ничего не слышала о войне. Правда, я кое-что об этом уже знала от родителей. Дело в том, что когда отца освободили (из плена), то он не знал, где же находится его семья. Потому что семью изгнали из Чехии. И он долго искал их по всей Германии. А когда он их нашел... И моя мама была тоже изгнана[26].

Поэтому они были здесь пришлыми жителями, и жили, конечно, совсем бедно. Вели такой изолированный образ жизни. Это была жизнь иммигрантов, и продолжалась она довольно долго. Я понимаю, что это было не очень просто — жить в послевоенной Германии, здесь были свои сложности. Не такие, как сейчас, но все-таки...

И в этом состояли последствия войны для меня, а все остальное я узнала только в университете.

А.З.: Спасибо, теперь я бы хотел перейти к основной теме нашего интервью. Первый вопрос касается оценки реформ в России.

Вы уже давно сотрудничаете с российскими коллегами, занимаетесь русским языком и делаете определенные успехи. Что Вас привело к этим занятиям?

И.О.: Я начинала второе обучение в университете. Как социолог я должна была специализироваться по дополнительной программе в области Восточно-европейских исследований, и я могла получать соответствующую стипендию. Для этого нужно было учить русский язык. Это было в середине 80-х годов. Тогда как раз начинались все эти реформы в Восточной Европе, и это было, конечно, очень интересно.

Раньше для нас Восточная Европа в принципе не существовала. Иногда можно было поехать туда, хотя и с большими трудностями. Я лично ездила, но это было очень далеко: железный занавес!

Потом возникли шансы начать исследования, я тогда работала в газете. В Берлине есть такая газета — Tages Zeitung называется, — маленькая левая. Но все равно, это был такой политический проект, какая-то публичность была с этим связана.

Это было, конечно, очень большое событие — эти реформы в Восточной Европе. А у меня были в этой редакции определенные трудности, так как я не журналист. И чтобы быть журналистом, надо было обладать определенным талантом. Я хотела продолжать учебу, и поэтому и занималась в университете.

А.З.: Но Вы могли бы избрать не Восточную Европу, и не Россию и русский язык, а, скажем, Австралию, Францию или Великобританию как предмет Ваших интересов, но Вы почему-то выбрали русские дела?

И.О.: Нет, я не выбирала «русские дела». Я выбрала Восточную Европу как политический эксперимент, как политическое «новое время». Также как 20 лет тому назад здесь был большой интерес к Латинской Америке для молодых людей, потом к Греции, и другие вещи. Меня интересовал политический проект. А вообще, я тогда начала изучать венгерский язык. Это было еще до стипендии, до этой специализации. Мне было очень интересно, почему такой странный язык сохранился в середине Европы. Венгерский язык не связан с другими языками, а все равно там были очень интересные люди — писали, преподавали.

Я именно с этого начинала свою учебу, а Россия была от меня очень далеко.

Еще до России я успела побывать в Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии, — но до 1988 г. я не была в России. А на этих курсах, — обучение на них продолжалась два года, — изучение русского языка было обязательным. Так что это был не намеренный выбор, а скорее, вынужденный.

Конечно, я не была против, так как это было очень интересно.

А.З.: Теперь все-таки перейдем к вопросу о том, как вы оцениваете российские реформы? Прошло уже больше 10 лет, как Вы думаете, каков их результат?

И.О.: Я думаю, что очень много произошло за это время. Россия сейчас — это другая страна в сравнении с тем, когда я увидела ее в первый раз. Конечно, я тогда мало что понимала. Это было в 1988 г. в университете, а затем я была там одна в 1991 г. И уже за это время Россия стала другой страной. Изменения, как мне кажется, происходили очень быстро до середины 90-х годов.

Затем они несколько затормозились. Сейчас результаты реформ прежде всего заметны в больших городах — в Москве, Санкт-Петербурге, возможно, что и в других городах, которые я пока не знаю. В этих городах уже возник западный стиль жизни, но в других местах... пока еще далеко от этого. Развитие оказалось сфокусировано в центре. В этом я вижу серьезную проблему: все развитие оказалось сосредоточенным в больших городах, а все остальное мало затронуто реформами. Это не может рассматриваться как признак модернизации общества.

А.З.: Значит, это «другая страна», это — очень важная оценка, но что это дало для российско-немецких отношений?

И.О.: Этот вопрос я не могу обсуждать как специалист, это вообще не мой предмет. Этим занимаются политологи. Я могу только сказать как заинтересованный человек, который читает газеты.

А.З.: Но, может быть, именно такое мнение и важнее, чем мнение специалиста?

И.О.: Я думаю, что все политики в Германии очень рады тому, как развиваются связи с Россией. И при Ельцине, и даже при Горбачеве, которого мы все очень сильно здесь любили, и сейчас при Путине — все хотят, чтобы сохранялись хорошие связи с Россией, и поэтому они (политики) более или менее спокойны. Конечно, остаются проблемные пункты — в особенности в связи с тем, что происходит в Чечне. Но все — и в Европе, и в Америке — молчат на эту тему, так как они не хотят ставить под угрозу довольно хорошие отношения с Россией.

А.З.: А в какой мере мнения немцев по поводу России консолидированы или же это разные мнения? Каковы наиболее важные точки зрения?

И.О.: Я думаю, что их можно выделить на основе глобально-политических направлений, которые существуют в Германии. Это, конечно, несколько грубый подход, но все-таки он может быть полезен.

Есть, прежде всего, либеральный подход, связанный с культурологической ориентацией, здесь говорят о культурной близости с Россией, о толерантности, о том, что мы должны учиться друг у друга.

Далее, есть несколько более радикальный, но тоже либеральный подход. Это направление, более тесно связанное с политикой, которое, конечно, критикует, но, вместе с тем, занимается анализом того, что происходит в России. Эта точка зрения исходит из инструментализма. Она заключается в том, что критиковать

можно, но что у нас есть специфические интересы в политическом плане. Поэтому важно развивать эти отношения.

Кроме того, есть популистская линия, если можно так сказать. Это не мнение политиков, но здесь подчеркивают такие темы, что свободные границы с Россией — это, конечно, хорошо, но в этом есть немало проблем: будет наплыв иммигрантов, что в России — большая организованная преступность, мафия, и вообще, это совсем другой дискурс.

А.З.: Можно ли эти точки зрения персонифицировать каким-то образом?

И.О.: Можно их соотнести с определенными газетами. Либерально-культурологическое направление представлено газетой Zeit;

Либерально- инструментальное это — Spiegel;

Frankfurter Allgemeine — это консервативное направление. Там продолжают судить о России и странах Восточной Европы в рамках бывших советологических моделей: всегда там «империя зла», но не потому, что там мафия, а потому, что там такие люди, которые вообще не поддаются демократизации. Они генетически или антропологически совсем другие люди!

Потом это популистское мнение или дискурс — это Bildzeitung. Это «желтая пресса».

А.З.: «Желтая пресса»? А какие мнения разрабатываются в «желтой прессе»?

И.О.: Очень популярная тема — тема мафии, иммигранты, которые... Но они вообще обманщики!

А.З.: Очень интересная оценка! Я был бы рад, если бы Вы мне помогли понять эти различия более основательно за то время, пока я буду в Берлине. Хотелось бы просмотреть некоторые из публикаций, характерных для тех органов печати, о которых Вы только что сказали. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы подобрали несколько таких публикаций о России!

И.О.: Хорошо, я постараюсь!

А.З.: Теперь я хотел бы перейти к следующему вопросу. Мы к нему уже подошли. С Вашей точки зрения, является ли Россия частью Европы? Разумеется, это вопрос политологический, но мне хотелось бы узнать Вашу точку зрения.

И.О.: Я, безусловно, убеждена в том, что Россия — это часть Европы!

А.З.: А каковы Ваши аргументы?

И.О.: Мои аргументы не связаны с рефлексией относительно политических систем. Дело в том, что я много путешествовала и наблюдала, как живут люди в разных странах. Я имела возможность сравнивать жизнь простых людей там, где я была. Разумеется, я была не везде, но все же во многих странах. Я была в Южной Америке, в Северной Африке, в Турции, в Восточной Турции, то есть, в Азии. И я убедилась, что жизнь людей в этих странах сильно отличается от того, как живут люди в России.

Правда, может быть, жизнь эвенков или малых народов на Севере России тоже иная, чем у большинства жителей, но это, скорее, исключение, чем правило!

А.З.: Значит, Россия — это часть Европы, и это подкрепляется Вашими наблюдениями над тем, как живут люди. В России они живут в основном так же, как живут и европейцы.

И.О.: Может быть, это поверхностное суждение, но все же мне кажется, что, действительно, жизнь людей в России и Европе очень похожа. Я недавно побывала в Болгарии и убедилась, что хотя жизнь там несколько отличается от того, что есть в Германии, но очень похожа. Каждый европеец может там жить! Так же, как и в России! Но я сомневаюсь, что каждый европеец может приспособиться к жизни в Латинской Америке, тем более вне больших городов.

А.З.: А в чем все же состоит различие между Россией и Германией в европейском контексте? Можно ли охарактеризовать дистанцию между этими странами?

И.О.: Если говорить о больших городах, то разница в образе жизни незначительна. Это зависит, кстати, от точки зрения, с какого расстояния мы рассматриваем этот вопрос. Я социолог, и если я рассматриваю этот вопрос с позиций макросоциологии, то я говорю, что разница очень невелика. Люди живут здесь по европейским стандартам, независимо от того, кто находится в правительстве. Но если рассматривать с позиций микросоциологии, тогда разница заметна гораздо больше. И различия эти — очень важны.

А.З.: А в чем же они состоят?

И.О.: Разница в том, как люди живут вместе, в характере семейных отношений, в отношениях между мужчинами и женщинами...

А.З.: Вы связываете эти различия с культурой или с жилищным вопросом?

И.О.: Жилищный вопрос тоже имеет значение: ведь не все могут выбрать такие жилищные условия, какие они хотят. Но главное все-таки в том, как устроены социальные связи.

А.З.: Об этом, действительно, стоит задуматься, но теперь мне хотелось бы Вас спросить относительно того, что Вы думаете по поводу России и СССР. Это та же самая страна или это разные страны?

Вы, собственно, уже сказали, что это «другая страна», но какая именно? Может быть, Россия сегодняшняя более похожа на Россию до революции 1917 года?

И.О.: Я не думаю, что этот так. Историю невозможно повернуть назад!

В каком-то отношении жалко, что произошел распад Союза. Это был весьма интересный в политическом отношении эксперимент. Я не имею в виду коммунизма. Важнее другое. Это было своего рода международное сообщество наподобие Европейского

Союза или США. Почему бы не мог существовать и Советский Союз в этом качестве?

Я, например, никогда не была в Средней Азии, может быть, вхождение этой части в СССР было на самом деле очень сложным, так как это не Европа. Возможно, что люди там живут совсем по-другому. Но Кавказ или Балтика, Украина, почему они должны были отделиться?

Но теперь, когда они стали самостоятельными национальными государствами, чтобы понять, что там происходит, мне надо снова совершить путешествие по этим странам. Надо посмотреть, чем они отличаются от прежнего состояния. Если подходить к этому вопросу социологически, то, конечно, можно, наверное, заметить изменения, но за такой короткий срок — 10 лет — не может измениться все. Там, конечно же, есть еще советские черты.

А.З.: Мне кажется, что один из самых важных вопросов в отношениях между русскими и немцами это вопрос о Второй мировой войне и, особенно о советско-германской войне. Согласны ли Вы с этим, есть ли здесь проблемы, которые нужно осмыслить или это осмысление уже произошло, и сейчас, скажем, лучше было бы это не трогать?

И.О.: Трудно сказать. В Германии сложилась такая традиция, связанная с культурой воспоминания, и мне кажется, что этому вопросу уделяется слишком большое внимание. Мы сейчас живем и двигаемся к будущему, и поэтому важно, чтобы это было, но нельзя заставлять людей всегда участвовать в этих событиях. Я думаю, что эта культура поддерживается благодаря тому, что у нас сейчас такой состав правительства. Сейчас у власти люди, которые начинали в свое время дискуссию по этим вопросам. В 60-е и 70-е годы это было очень важно. Тогда были еще такие настроения, чтобы эту дискуссию не продолжать, чтобы все забыть как можно скорее и построить новую Германию. Поэтому это и было тогда очень важно. Когда я училась в университете, то многое узнала впервые. Я видела несколько фильмов на эту тему, и это было очень важно для меня. Но такая мобилизация не может быть постоянной. А на самом деле всего этого стало больше и больше. Еще какие-то эмоции, еще какие-то дополнительные Дни воспоминаний, еще какие-то памятники...

А.З.: А что такое «Дни воспоминаний»?

И.О.: Ну, например, говорят, что в этот день освободили какие-то лагеря или сегодня день Победы, или день, когда немцы пришли в Польшу и т.д. и кто-то из политиков произносит по этому поводу речь. Молодежь вынуждают участвовать в этих мероприятиях почти насильно. А они активно не хотят!

А.З.: Это и называется «политика памяти»?

И.О.: Да.

А.З.: Интересно, какие же события вошли в список таких дат? Как Вы знаете, в нашей стране нет «политики памяти». Есть лишь общий День Победы, который является праздником общенарод-

ным. Он, кстати, будет послезавтра. А что же в Германии может быть аналогом такого дня[27]? Вот Вы говорите, что это было важно в 60-е годы. А как сейчас? Есть ли какая-то совокупность фактов, которая зафиксирована в школьных учебниках?

И.О.: Да, тогда это было важно, и сейчас есть масса учебников. Кстати, когда я училась в школе, таких учебников не было!

А.З.: Если бы Вы дали хотя бы на время или подарили такой учебник по истории, в котором была бы отражена история войны, то было бы очень хорошо!

И.О.: Мне надо для этого зайти в Центр политического обучения — он недалеко отсюда. У нас есть такое учреждение — на федеральном уровне и на уровне земель. Для взрослых и для молодых. Я могу там посмотреть, потому что у меня лично таких учебников нет.

А.З.: Хорошо, я это согласие фиксирую.

И.О.: Да, конечно!

А.З.: А теперь следующий вопрос: что это была за война 1941—1945 гг.? Была ли это война между двумя тоталитарными режимами или между фашизмом и коммунизмом, или это была война между народами — немцами и русскими?

И.О.: Я не думаю, что это была война между немцами и русскими. Мне трудно ответить на этот вопрос, хотя я очень много видела фильмов и читала книг...

А.З.: А какие фильмы Вы смотрели?

И.О.: Я смотрела документальные фильмы. Там не было каких-то названий. Кроме того, я видела художественные фильмы. Но я не люблю такой жанр!

А.З.: Видели ли Вы фильм, которые сделали американцы — «Забытая война»?

И.О.: Это об этой войне, а не о Вьетнаме?

А.З.: Да, об этой войне.

И.О.: Я не помню... Я думаю, что это были люди, которые стали фанатиками фашистской идеологии. Они забыли, кем они были раньше. Я сейчас готова в это верить, иначе я не могу объяснить себе, что же произошло! Эти люди потеряли какие-то человеческие качества. Они стали фанатиками, и поэтому все остальные, если они не были немцами, — стали их врагами[28]. Так мне кажется. Это ужас! Даже не верится, что это было возможно! Но это для меня единственный способ что-либо понять и объяснить! При этом никто не думал, что надо бороться против коммунизма и против русских. До этого, я думаю, не дошло

А.З.: Это непонятно, что значит «до этого не дошло»?

И.О.: Не дошло до того, чтобы сознательно думать, против кого идет война... Они действовали как фанатики: «все вокруг враги!»

А.З.: Понятно, они думали, что все кругом враги, и что есть фюрер, который знает правду, который ведет народ вперед для утверждения Третьего рейха?

И.О.: Да, а все остальные — русские, греки, евреи — это была какая-то непонятная масса, но уже не люди.

А.З.: Интересное наблюдение. Я-то думаю, что сама война была ассиметричной — для русских и для немцев. Не только в силу различия идеологии, но и, прежде всего, потому, что Россия — Советский Союз должна была обороняться.

Я задаю этот вопрос потому, что мне кажется, что в прессе и литературе существует такая точка зрения, которая приравнивает сталинский и гитлеровский режимы, утверждает, что это, приблизительно, одно и то же, что сцепились между собою два врага «всемирной демократии», и в этом суть войны. Но я помню, что во время Великой Отечественной войны — я был тогда еще подростком — у нас во время войны была единодушная поддержка Сталина, Советского Союза, советского общества, партии, и люди готовы были жертвовать жизнью за то, чтобы освободиться от оккупации, чтобы разгромить врага, одержать победу, что, в конце концов, и свершилось.

А сейчас идет другая волна в связи с критикой сталинизма. Получается, что и те, и другие воевали за неправое дело.

Согласны Вы с этим мнением?

И.О.: Теперь, когда прошло более 50 лет, трудно судить, как и что было. Конечно, такая дискуссия идет и здесь. Идет как бы вторая война именно сейчас. Сравнивают между собою режимы, чтобы объяснить, почему немецко-фашистский режим вступил в войну. Может быть, это была «превентивная война», чтобы защищать Германию заранее... Это часть так называемого Historikerstreit «спора между историками»[29]. В ходе этого спора обрисовались два очень четких мнения:

1. Те, которые говорят, что можно сравнивать две тоталитарные системы, в рамках которых выполнялось все, что бы ни исходило от вождей.

2. Те, которые говорят, что сравнивать режимы нельзя, так как преступления немцев ни с чем сравнить невозможно.

Конечно, есть много таких, кто об этом совершенно не думают, но все же важно, что два таких ярких (отчетливых) мнения сформулированы. Конечно, в этой второй позиции в этом споре есть смешная черта. У людей, которые отстаивают эту точки зрения, — что именно немцы «самые ужасные», — иногда мне кажется, что у них какая-то странная психика: они как будто гордятся теми ужасами, которые совершили немцы. Это какая-то инверсия, они подчеркивают, что нельзя сказать, что другие могут быть хуже.

А.З.: А интересно, кто же лидеры этих точек зрения?

И.О.: Я сейчас не могу вспомнить фамилии этих историков, потому что всегда, когда я говорю по-русски, эти вещи уходят от меня[30]. Но Вы можете, если это Вам интересно, регулярно читать в журнале Zeit.

А.З.: Газета?

И.О.: Да, это еженедельная газета. ***Я могу Вам тоже дать статью, если я увижу сейчас.*** Это довольно интересно, но, по-моему, я уже охарактеризовала фундаментальные позиции, и там всегда находят новые доказательства в пользу своей точки зрения. Но мне кажется, что это весьма схоластический (sofisticated) спор, не имеющий фундамента и вообще бессмысленный. Если я рассматриваю, например, картины — фотографии из этого времени, то мне кажется, что на эстетическом уровне — то, как эти режимы презентировали себя, — наблюдается очень большое сходство.

Конечно, были и различия. Часто говорят, что Гитлер заставлял немцев уничтожать другие народы, а Сталин уничтожал свой народ.

Я думала об этом. Может быть, это так и есть, так как фашизм всегда был очень агрессивен по отношению к «другим». Но и внутри Германии существовала эта агрессивность. Например, мы видим, что уничтожили почти всех евреев. Конечно, можно сказать, что это «другой народ», но ведь тогда существовала такая точка зрения, что это были немцы, и, следовательно, агрессивность здесь тоже была направлена против своих... Очевидно, что фашисты были против всех!

А.З.: Я думаю, что здесь есть над чем поразмыслить.

Но у меня такая точка зрения, что отбор на уничтожение людей в одном случае шел по этническому признаку, точнее, по признаку рождения от родителей определенной национальности. Это означало некий безличный подход: уничтожение людей безотносительно к их собственной, личной позиции и даже без предъявления «виновности». Во втором случае критерии уничтожения были связаны с «вменяемостью личной вины», главным образом по принципу «классовой враждебности» «интересам народа». Здесь инкриминировалась личная ответственность тех лиц, которые по большей части сознательно участвовали в политике. В некоторых случаях это были какие-то социальные слои или группы, как, например, кулачество, которое должно было быть «уничтожено как класс».

Мне кажется, что именно в этом состояла основная разница. Это объективно, а далее, можно рассуждать...

И.О.: Безусловно, но я думала сейчас о войне. После революции были другие времена.

Ведь во время войны также и в Советском Союзе проводились большие чистки по этническому признаку, не так ли[31]? Я не знаю, какие именно группы могли стать предметом репрессий. У меня по этому вопросу нет твердого мнения.

И, кроме того, я вообще не считаю нужным размышлять над тем, «кто был хуже». Это не мой вопрос. И если существует такой «спор между историками» о том, кто начинал войну, да и по другим вопросам приходится читать кое-что, но я лично не думаю, что это — самый важный вопрос!

А.З.: Понятно! Пойдем дальше. Вы занимаетесь этническими проблемами, и в этой связи, как Вы полагаете, можно ли сказать, что термин «нация» имеет одно и то же значение, как в России, так и в Германии?

И.О.: Разные понятия нации — у разных людей. В России не существует единого понятия нации, в Германии — то же самое.

Мне кажется, что здесь есть большая группа, или, если можно так сказать, есть некое политическое стремление — рассматривать нацию в качестве этнической совокупности, или же в качестве культурной общности, что, в общем-то, одно и то же: у каждого этноса, с этой точки зрения, есть своя культура.

Такие же точки зрения, причем достаточно распространенные, есть и в России.

Что же касается политического понимания нации, классического для Франции или США, то оно и в Германии, и в России не очень популярно. Политическое понимание нации — это добровольное соединение людей для того, чтобы образовать правительство — «совместную крышу», безотносительно к их роду и этническому происхождению.

А.З.: Как Вы думаете, есть ли какие-либо культурные основы в России и Германии для их влияния друг на друга? И в историческом плане, что было наиболее важным с точки зрения культурного взаимного влияния России и Германии?

И.О.: Конечно, такие основы есть. Но ответ на этот вопрос, во многом зависит от того, что Вы имеете в виду под культурой! Если взять XVIII в., то можно увидеть, что тогда большое значение имела ремесленническая культура в России. Целый город был построен в Москве, где существовала немецкая жизнь. Можно сказать, что это была немецкая культура. На этой основе развивался совместный опыт.

Однако сейчас больше обсуждают другие аспекты культуры — проблему «культурных ценностей». Например, где же находится янтарная комната? Как должен решаться вопрос о художественных ценностях, похищенных друг у друга во время войны? Многие из этих ценностей до сих пор не найдены и не известно, где и у кого они находятся. Здесь по этому вопросу поднят большой шум, кто, что именно, кому и на каких основаниях должен возвращать. Должен ли состояться обмен?

Но на самом деле сама эта проблема никому не интересна. Этот вопрос возведен в сферу большой политики и дипломатии, там он играет огромную роль, но, например, мне лично это совершенно не интересно!

А.З.: Я имею в виду несколько иные вещи! Известно ли Вам, насколько глубоко было влияние немецкой культуры и немецкой философии, в том числе в России?

И.О.: Конечно, об этом мы иногда говорим, так же как и о влиянии греческой философии или французских мыслителей. Кое-что об этом читали. Иногда политики говорят по воскресеньям,

какие прекрасные у нас отношения с Францией или с Грецией, но для повседневной жизни — это не имеет никакого значения, этого просто не существует!

А.З.: В качестве примера — сочинения Гете переводились на русский язык неоднократно, у меня было 10-томное собрание сочинений. А Пушкин переведен на немецкий язык?

И.О.: Да, конечно!

А.З.: Достаточно полно?

И.О.: Да! Я, правда, не сравнивала. Но я уверена, что это так! Писатели такого масштаба и философы переводились неоднократно.

Но для меня этот уровень культуры, так называемая «высокая культура» не очень важна! Она существует как некий фон, который на бытовом уровне дифференцируется на очень много субкультур[32].

А.З.: А если взять бытовой уровень, то существует проблема — русские немцы в Германии. Ведь так? Можно ли ее охарактеризовать, в чем она состоит?

И.О.: Конечно, такая проблема есть, и у нее очень много аспектов. Например, мои родители также приехали из Судетского региона, они относятся к немцам, которые приехали в Германию из так называемых немецких регионов Восточной Европы. Их воспринимали довольно странно, хотя они говорили по-немецки, хотя и с акцентом. Поэтому они были не совсем чужими. Кроме того, было очень много экономических возможностей. Им были предоставлены рабочие места. И в целом этот вопрос тогда носил прагматический характер. А сейчас эти приезжающие немцы из России, или, может быть, даже из Румынии. Они приезжают сюда и не говорят по-немецки, не могут найти работу. И что же человек в этом случае должен делать?

Ему вообще ничто не поможет, если даже у него целая полка стихов Гете...

А.З.: Ну, он может выучить язык, хотя бы несколько фраз, нужных для работы.

И.О.: Но это будет древний язык, и когда он пытается говорить, то все начинают смеяться...

А.З.: А Гете это тоже древний язык?

И.О.: Конечно, Гете — это древний...

А.З.: А с какого времени язык становится современным?

И.О.: Современный — это послевоенный язык.

А.З.: А у нас, как мне кажется, нет большой разницы между языком пушкинским и современным. Есть, конечно, молодежный слэнг, но по сути дела язык остается тем же самым в культурном смысле.

И.О.: Конечно, мы тоже имеем возможность читать Гете и Гейне, но все-таки это другой стиль, другие слова, вообще это гораздо большее количество слов! Изменение языка у нас связано с сокращением словаря. Это очень жалко! Я сама получила довольно

хорошее образование, но нынешнее поколение знает очень мало! Студенты, например, кое-что слышали о Гете и Гейне, но они их не знают и не хотят знать. Конечно, с одной стороны, это действительно жалко, но с другой стороны, надо сказать, что у нас сегодня совсем другие проблемы... Конечно, если все очень хорошо, если работа есть, если есть еда, тогда можно читать литературу.

А.З.: А что, разве бывают такие ситуации? Я понимаю, если у кого-то нет работы, но чтобы не было еды?!

И.О.: Конечно, здесь довольно высокий уровень благосостояния...

А.З.: Мне кажется, что Германия это та страна, где уже построен коммунизм!

И.О.: Да, это всем так кажется, кто первый раз приезжает. Но если Вы будете приезжать чаще, то через пять лет Вы уже не будете так говорить!

А.З.: Да, наверное, мои потребности перейдут на новый уровень!

И.О.: Да, мы не можем определить какой-то объективный уровень потребностей, но люди, которые сюда приезжают, сравнивает себя вначале с теми людьми, откуда они приехали, а затем они начинают себя сравнивать с теми, кто живет здесь. И они видят, что по всем пунктам у них меньше шансов. Проблема не в том, что они голодают. Никто здесь не голодает из тех, кто приехал. Но они не знают, зачем они здесь, и буквально через два года они чувствуют, что они «чужие». Особенно среди молодежи большие проблемы, и высокий уровень преступности.

А.З.: Есть ли опасность национализма в России и в Германии?

И.О.: Национализм это своего рода «священная идея» — восстановить нацию. Ее выдвигают на первый план, а все остальные проблемы не идут с ней ни в какое сравнение. Такие люди есть, но их не очень много, особенно тех, кто мыслит политически и составляют программы. Но очень много тех, кто воспринимают эти идеи поверхностно. Например, побить каких-нибудь иностранцев, наделать шуму — таких довольно много.

А.З.: И эта тематика разрабатывается в «желтой прессе»?

И.О.: Да, повсюду такая тематика! В более серьезной прессе печатают аналитические статьи, помещают фотографии с мест событий. Но даже в «желтой прессе» у нас не допускается открытая ксенофобия. В печати такой уровень политической корректности, что это совершенно невозможно. Можно это читать только между строк, когда в печати косвенно обвиняют каких-то людей. Существует постоянная дискриминация, но назвать это открытым текстом невозможно! Такие вещи можно прочесть только в крайне правой прессе, как National Zeitung, и в таких газетах, которые не поступают в общую продажу, которые часто закрывают, и они размещают свои публикации в Интернете. Но газеты, которые выходят большими тиражами, все на поверхности, и они против откровенного национализма и ксенофобии.

А.З.: Вы сотрудничаете именно в этом направлении с российскими социологами? Насколько развиты такие отношения, которые могут быть названы grass-root level? Насколько распространены отношения, которые строятся не на государственном уровне, а в повседневной жизни и на почве частных интересов в науке и в других областях деятельности?

И.О.: Насколько я знаю, в науке такие отношения не очень сильно развиты. Но в других областях, это направление контактов развито гораздо больше. Речь идет о системе NGO — негосударственных организаций, о благотворительности, о культурных ассоциациях, обмене студентами, об изучении языка и т.д. Я довольно много знаю таких групп в Берлине и Санкт-Петербурге. В таких организациях работает довольно много молодых людей, но не только молодежь. Кстати, это своего рода укоренившаяся традиция и здесь, в Германии и в США. Некоторые занимаются этой деятельностью по убеждению, какая-то часть попадает сюда случайно, в связи с тем, что они были безработными, и таким образом они получили некоторую официальную позицию.

А.З.: А каков же Ваш опыт в этом плане?

И.О.: Можно сказать, что мой путь — промежуточный. Иногда у меня было официальное место работы, а иногда — такого не было. Но у меня всегда была большая симпатия к таким структурам, всегда я интересовалась самоуправлением и организацией совместной помощи. В таких организациях больше возможности делать то, что ты хочешь, но больше и личная ответственность. В них также меньше зарабатываешь. И я даже не знаю, чтобы я стала делать, даже если бы сейчас мне предложили очень хорошее место в государственном учреждении. Я хотела бы получить место в университете, потому что у меня в общем-то академическая карьера, но там мало мест. Но то, чем я практически занимаюсь, довольно сильно отличается от того, что делают обычно те, кто занимает такие позиции. Я все равно буду работать с такими людьми, независимо от того, где они работают. Но твердого места работы у меня нет. Я не могу совсем уйти из официальных структур.

А.З.: А сейчас у Вас какая позиция, я не очень хорошо понимаю?

И.О.: Это называется Projektsteller (организатор проектов). Я работаю в Магдебурге в проекте, который обеспечивается Немецким научным фондом, который меня финансирует через Университет. Я получаю эти деньги не лично, а через Университет. Для этого я должна иметь какой-то статус в Университете. Я собираюсь защищать сейчас вторую диссертацию. И это позволит занять мне позицию приват-доцента, а сейчас я член Магдебурского университета. Это не профессор, а Hochschullehrer (преподаватель высшей школы). Это статус, но не позиция. Профессор — это тоже позиция и одновременно статус, если у меня будет такое место.

А.З.: Как называется ваш проект?

И.О.: Название проекта «Изменение бытовых организаций или структур в России» — я не уверена, что это хороший перевод. Здесь использовано понятие Lebensfürung, введенное Максом Вебером — «изменение жизненного устройства в России». А чтобы осуществить этот проект совместно с российскими коллегами и еще с одним немецким сотрудником, Фонд выделяет нам средства через Магдебургский университет.

А.З.: Большое спасибо за подробный рассказ и позвольте пожелать Вам всяческих успехов.

1.7. Проблема переработки прошлого (Vergangenheitsbewältigung) в российском контексте

Интервью с О.А.Александровой. Ольга Александровна Александрова — вдова известного социолога Новикова Николая Васильевича (1930—1994). В конце 70-х годов Ольга Александровна уехала вместе с Николаем в Германию (ФРГ). С тех пор она постоянно работала в Федеральном институте восточно-европейских и международных исследований в Кельне, который пользовался репутацией основного советологического центра ФРГ. Автор публикаций о внешней политике России, вышедших в 90-е годы на русском языке.

Интервью проходило 16 июля 2000 г. в Кёльне в кафе на площади перед Кёльнским собором.

> *Разрыв должен быть с советским обществом, прежде всего, в политическом смысле. Он не может быть разрывом во всех смыслах — этого нельзя вычеркнуть, это было! Но это необходимо переработать! Эти вопросы нужно обсуждать...*
>
> *Невозможно вычеркнуть почти столетие своей истории! Это было! Люди еще там! Они несут это в себе!*

А.З.: Ольга Александровна, расскажите, пожалуйста, в двух словах о Вашем нынешнем статусе.

О.А.: Статус — в смысле моей работы? Я научный сотрудник Федерального института восточно-европейских и международных исследований в Кельне. В конце года институт наш сливается с другим немецким институтом, и мы переезжаем в Берлин, и я там тоже останусь научным сотрудником.

А.З.: Главная тематика Ваших исследований?

О.А.: Моя тематика — внешняя политика России и Украины.

А.З.: Ваша тема очень тесно связана с проблематикой бесед, которые я провожу с немецкими коллегами.

Прежде всего, меня интересует, как воспринимаются российские реформы, которые продолжаются уже 10—15 лет? Каково Ваше мнение?

О.А.: В двух словах это, конечно, очень трудно сказать. За последние 10—15 лет?

А.З.: Да.

О.А.: Т.е. начиная с перестройки... Ну, как это, наверно, ни странно, тем не менее, конечно, сделано очень многое! И изменилось, конечно, все кардинально, наверно...

Нельзя сказать, что все реформы успешно проведены, особенно в экономической области, — но об экономике я могу меньше сказать, потому что я не экономист. Я могу, так сказать, просто свои впечатления изложить, не более того, и это не будет претендовать на научную оценку экономических реформ. Политически тоже результат неоднозначен. Потому что, конечно, нельзя сегодняшнюю Россию назвать демократической страной. Очень многие признаки из тех, которые для демократии необходимы, все еще отсутствуют сегодня в России. Демократия очень часто понимается еще формально, и подается — как внутри самой России, так и особенно вне ее — в соответствие с этими формальным признакам и, самое главное, по признаку свободных выборов.

Да, выборы, действительно, проводятся, и уже много прошло выборов самых разных, на самых разных уровнях. Но мы знаем также, особенно если это происходит на региональном или на местном уровне, как эти выборы фальсифицируются.

Чисто формально — это неотъемлемый элемент демократии, но на практике это осуществляется совершенно недемократическим путем. По-прежнему многие органические элементы демократии в России отсутствуют, или присутствуют в недостаточной степени, или в очень, я не хочу сказать, в извращенном, но — в несовершенном виде. Это относится и к правам человека, конечно...

Если мы очень широко будем интерпретировать человека и перенесем это на социальную сферу, то тут вообще, так сказать, все выглядит более чем неоднозначно или, скорее, однозначно в негативном отношении, в негативном плане. Но, тем не менее, конечно...

Я не знаю, можно ли требовать, чтобы даже за 10 или за 15 лет... — дело не в том, что такая огромная страна, — а чтобы страна с таким тяжелым прошлым в этом отношении, сразу совершила бы качественный скачок, подобный тому, какой мы видели во многих странах бывшей Восточной Европы — той, что сегодня называется Центральной Европой. Хотя и там тоже результаты далеко не всегда однозначные.

Мы видим, что и в Польше бывают какие-то явления, которые тоже не очень-то отвечают западным представлениям о том, как должно выглядеть демократическое общество, не говоря уже о других государствах. Даже и в Чехии — может быть, одной из наиболее благополучных в этом отношении стран — и то, там есть свои проблемы в этом отношении... Поэтому это все очень неоднозначно.

Можно ли было экономические реформы проводить иначе? Я на этот вопрос отвечать не берусь! То, что было сделано очень много ошибок, безусловно. Наверно, не делать никаких ошибок

тоже было невозможно, потому что никто не знает, как нужно делать. Никто не знал, как такого рода реформы проводить, — тут, так сказать, был возможен только единственный путь — путь проб и ошибок. Наверно, ошибок могло бы быть меньше, и с менее тяжелыми последствиями для населения и для экономики страны. Но опять-таки, да, экономические реформы были проведены! Как будто бы была проведена приватизация. Но, тем не менее, существует еще такое количество этих огромных предприятий, чисто убыточных! И если они существуют хоть как-то на государственные субсидии, т.е. все это, если выражаться таким старым советским словом, все это — незавершенка.

А.З.: А как можно было бы охарактеризовать этот период под углом зрения развития отношений между Россией и Германией?

О.А.: Ну, этот вопрос, конечно, гораздо легче. Здесь можно было бы выделить разные периоды, но я этого делать не буду. Предположим, если бы кто-нибудь 20 лет назад, т.е. примерно, в 1980 г., сказал, что Германия будет одним из главных партнеров России, то, наверно, тогда мало бы кто в это поверил! Это уже, конечно, само по себе развитие достаточно уникальное. Если же говорить об отношении в Германии к России, — не только на уровне политики, а вообще на уровне общества, — то, конечно, был такой период, когда Россия страшно интересовала немцев! Это был период Горбачева, когда страна только начала открываться миру, когда страна, или Россия, или люди, вернее, поскольку люди стали ездить, обнаружили совершенно какие-то другие качества, которые не отвечали прежним стереотипам. Кроме того, огромную роль сыграло то обстоятельство, что Горбачев был так популярен в Германии! Это особенно после воссоединения Германии, хотя он был уже популярен и до этого. Достаточно популярен и до воссоединения, а после воссоединения, в особенности. Это был первый период — период воодушевления, можно сказать!

Период Ельцина и начало реформ, — поначалу тоже, конечно, было воодушевление, и были очень большие ожидания! И теперь всегда говорят о том, что эти ожидания, так сказать, не нашли адекватного ответа в России. Вот поэтому и наступила та фрустрация в обществе, которую мы сегодня наблюдаем.

Но надо сказать, что и у Запада были завышенные ожидания по отношению к России. Думали, что реформы пройдут, — там, я не знаю, — за два—три, четыре года, в крайнем случае, за пять лет! И Россия станет такая же, как Бельгия, Франция, Голландия, Германия или какая-нибудь еще из так называемых западных стран. Но этого не произошло! И наоборот, стали все более очевидными какие-то негативные явления, негативные последствия реформ, и негативные явления совершенно новые, которых раньше и не ожидали от России. И это, конечно, сильно повлияло на образ России в целом. И появление новых русских на Западе этому новому ее имиджу очень «поспособствовало»!

90-е годы, — конечно, если мы берем на уровне официальной политики, — во многом определялись личными отношениями между Колем и Ельциным. Это сегодня уже банальная истина. И с уходом Ельцина, — во-первых, и еще раньше — с выборами в Германии в 98-м году, когда в Германии пришло к власти новое социал-демократическое правительство, этот фактор исчез. Но дело не в партийной ориентированности, а в том, что произошла смена поколений. И это новое поколение уже не чувствовало себя в такой степени обязанным. Оно было свободно, так сказать, от этих долгов прошлого, которые еще сохранялось у поколения Коля.

А одновременно с этим, вот все эти негативные явления в России, они становились все более и более явными, и произошло некое охлаждение отношений, на которое особенно жаловались и российские дипломаты!

Очень много, опять-таки, ожиданий возлагалось и возлагается на Путина, хотя... отношение к нему характеризуется все еще определенной осторожностью. На вопрос «кто есть Путин?» еще не получен окончательный ответ. Во всяком случае, немецкие политики еще не имеют на этот вопрос окончательного или исчерпывающего ответа. И многие явления в сегодняшней политической жизни в России, конечно, тоже настораживают. Я уж не говорю о войне в Чечне, это само собой! Но и то, что происходит в области прав человека, со средствами массовой информации, все это вызывает определенную настороженность у политиков.

Экономическая программа, она, в общем, более или менее поддерживается в Германии, но, конечно, нужно посмотреть, насколько она будет реализована и будет ли она вообще реализована, и как далеко, насколько последовательно она будет проводиться в жизнь. Конечно, что касается немецкого бизнеса, как и бизнеса в любой другой стране, они, представители бизнеса, больше, чем политики, или чем представители общественности, готовы закрыть глаза на такие явления, как не совсем благополучная ситуация с правами человека или со средствами массовой информации.

И если экономические реформы действительно... Не только экономические, но и, предположим, новое законодательство, — налоговое законодательство, и законодательство о разделении доходов, и прочие все эти вещи, — если это действительно будет осуществлено, и все это будет функционировать, то я думаю, что представители бизнеса, и, прежде всего, немецкого бизнеса, будут готовы вернуться в Россию — они просто ожидают вот такого рода политического сигнала.

А.З.: В какой мере мнения о России являются консолидированными или дифференцированными, и под каким углом зрения?

О.А.: Ну, я думаю, они, конечно, скорее дифференцированы. И под каким углом зрения, — я думаю, критерии тут самые различные. Например, в свое время, когда я оказалась в Германии, для меня было большим открытием: Вы знаете, кто больше всего любит Россию в Германии? — Бывшие военнопленные!

А.З.: Я догадываюсь!

О.А.: Они действительно любят Россию, и у них действительно самые теплые воспоминания — не о том, как они были в плену, а о том, как им помогали простые люди: там кто-то, я не знаю, куском хлеба или там кружкой воды, или еще чем-то! И действительно, может быть, они самые большие симпатии испытывают к России...

Хотя... их тоже многое отталкивает в сегодняшнем ее развитии! Вот эта показуха! Богатство напоказ, они это... не могут понять. Ведь большинство из них, в общем-то, люди весьма среднего достатка; плюс к этому еще и протестантская этика, когда нельзя, так сказать, богатство так откровенно всем показывать, это тоже играет определенную роль.

Среди просто общественности, — я думаю, что молодежь, она относится к России, скорее всего, как почти к любой другой стране, видя определенные недостатки, но если ее Россия интересует как-то особенно, то только с точки зрения взаимоотношений, так сказать, с соответствующей группой в России, т.е. с молодежью. То, что сегодняшняя российская молодежь очень резко отличается от людей старшего поколения, это тоже, так сказать, само собой разумеется!

Что касается людей среднего поколения, то я думаю, тут очень смешанные, и очень многое зависит от того, есть ли у людей какие-то контакты с Россией или нет. Те, у кого такие связи есть, будь то по работе, бизнесу, или просто из какого-то общественного интереса — и таких людей довольно много — у них, в общем-то, отношение раздвоенное: у них очень теплое отношение к народу, к населению, будь то в России, на Украине, или в Грузии, или еще где-то; и, конечно, достаточно критическое отношение к каким-то политическим явлениям, к политической системе. А люди, которые никак не связаны с Россией, которые знают о России только из средств массовой информации, — т.е., конечно, достаточно ограниченно информированы, — у них отношение более отстраненное и менее дифференцированное и, так сказать, критическое. То, что можно сказать по отношению к государству или по отношению к социальной системе, они экстраполируют это на общество в целом.

А.З.: А как Вы оцениваете ту дискуссию, к которой постоянно возвращаются, Россия и Европа: является ли Россия частью Европы?

О.А.: Это трудный вопрос! И раз Вы сказали, что на эту тему ведутся дискуссии, — дискуссии ведутся не только в России, дискуссии ведутся и в Европе... Ну, политики — само собой считают, что Россия, так сказать, входит в Европу; не в политическую Европу, т.е. не в Европейский союз, а в широко понятую Европу, основанную на системе ценностей. Но и тут есть большая сложность! Если Россия, сегодняшняя Россия действительно не будет больше обращать внимания на такие проблемы, как права человека, свобода слова, свобода печати, дальнейшее развитие демократии, чтобы действительно Россия все-таки двигалась в сторону построения демократического общества не на словах, а на деле, — то

это ощущение того, что Россия принадлежит Европе может исчезать, потому что это утверждение, оно ведь базируется прежде всего не на географических соображениях, а оно обосновывается, прежде всего, ценностно-нормативно и культурно — насколько Россия признает европейские ценности, европейские нормы; а конечно, ценности демократии — это, прежде всего и есть эти европейские ценности, европейские нормы.

Что касается русской культуры, то тут, по-моему, просто ни у кого даже вопроса не возникает, является ли русская культура частью европейской культуры, — по-моему, на этот счет ни у кого не возникает сомнений, и такой вопрос не ставится. Вопрос ставится или в политическом плане, или в ценностно-нормативном плане.

А.З.: А как Вы считаете, Россия, нынешняя Россия, является ли она той же самой страной, что и СССР?

О.А.: Нет. Конечно, нет!

А.З.: Собственно, об этом Вы сказали, когда говорили о реформе, так? Но возникает один вопрос: есть ли... и в какой мере, преемственность, и должна ли она быть, или это полный разрыв с прошлым? И не является ли эта преемственность, разрыв с преемственностью поворотом в сторону России XIX в.? Есть ли в ходе создания нового облика России эта проблема — преемственность и разрыв?

О.А.: Безусловно! Это очень большой вопрос, и он касается не только России. Я, может быть, потом какими-то другими примерами постараюсь подтвердить. Разрыв должен быть с СССР, скажем, с советским обществом в смысле политическом, прежде всего, в политическом. Он не может быть разрывом во всех смыслах — этого нельзя вычеркнуть, это было. Но это необходимо переработать! Эти вопросы нужно обсуждать. На немецком языке этот термин звучит более или менее еще приемлемо, а в переводе на русский он звучит ужасно! Я постараюсь потом объяснить, что под этим термином скрывается. По-немецки это называется Vergangenheitsbewältigung. Этот термин возник в начале 80-х годов, когда была первая серьезная дискуссия среди немецких историков о нацистском прошлом, и насколько это прошлое еще существует, или существовало тогда, в начале 80-х годов, в сознании, или в каких-то, пусть маргинальных, политических явлениях или политических структурах, и что с этим делать?

Преодоление прошлого, но преодоление не в смысле забвения, а именно в смысле его обсуждения, критического обсуждения и переработки. Был момент, когда были какие-то попытки сделать это — это было, конечно, в конце перестройки, это было в конце 80-х годов, когда появилось огромное количество публикаций. Потом, с начала 90-х годов, все это абсолютно прекратилось. И вот это вот самое главное. Невозможно вычеркнуть почти столетие своей истории! Это было! Люди еще там! Они несут это в себе! И если это не переработать, если это не дискутировать, то это будет, скорее, ипотекой, негативной ипотекой, отрицательной, и будет и дальше

оказывать то самое отрицательное влияние, те самые отрицательные явления в сегодняшней России, о которых мы уже говорили.

К сожалению, те люди, которые что-то могут по этому поводу сказать, они сегодня не говорят. И не говорят они, прежде всего, потому, что никто не хочет их слушать! Обществу это стало неинтересно. И мне кажется, что самая главная задача перед сегодняшней российской интеллигенцией, или, как на Западе говорят, перед интеллектуалами, — было бы не просто снова начать об этом говорить, а как-то постараться убедить общество в том, что об этом говорить нужно, что без этого нельзя! Потому что дело уже не в людях старшего поколения, там хотят они это слышать или нет! Дело в том, что молодежь этим не интересуется, и они не хотят об этом слышать! Если они это не проработают, то тогда перспективы могут быть не очень радужными.

А.З.: А тема Второй мировой войны — Великой Отечественной войны, или советско-немецкой войны — ее теперь называют по-разному, эта тема включается в круг вопросов, необходимых для переработки?

О.А.: Ну, в общем, конечно, конечно! Конечно! Но не надо ее только включать, — я говорю совершенно не в том смысле, чтобы все отрицать. Все то, что было достигнуто во время войны, действительно! Нам с вами не приходится об этом говорить, мы, так сказать, с первого класса это в школе «проходили», но самое главное — говорить правду! Понимаете, не говорить неправды ни с одной стороны, и ни с другой стороны, вот это главное! И не пытаться то, что было совершено во время войны, снова сегодня преподносить только с точки зрения глорификации всего этого... Как было вот в этом году, например, с этими парадами, и все прочее. Попытки этого совершенно отчетливо прослеживаются! Конечно, нужно уважать ветеранов, конечно, они старые люди, конечно, они бедные люди, ветераны войны. Конечно, им нужно помогать! Но нельзя делать это единственной точкой отсчета, что вот это — единственное то хорошее, что было!

Там было, конечно, хорошее, но какой ценой все это было достигнуто? И то, что в этом была определенная философия Жукова, мы тоже знаем, — так сказать, любой ценой, ценой любого количества человеческих жизней добиться победы[33], там, я не знаю, тактически или, потом, стратегически, или... Самое главное, так сказать, — правду говорить!

А.З.: Но, правда — это, я бы сказал...

О.А.: Растяжимое понятие?

А.З.: Да, очень общее понятие. И, как говорят, у каждого — своя правда! Верно? И с этим трудно не согласиться. Я бы сказал так, что, вообще-то говоря, у России, нынешней даже России, и Германии существуют и сложились уже, ну может быть, тоже противоречивые и разные точки зрения на войну, и они отстоят достаточно далеко друг от друга.

О.А.: Ну, Вы знаете, конечно, в Германии... может быть, разные точки зрения, но не совсем, не совсем! Дело в том, что, если вы имеете в виду Нольте, то его здесь подвергают такой критике! И его концепция, его теория совершенно не популярна.

А.З.: А нельзя ли об этом поподробнее?

О.А.: Нольте, это историк, довольно известный, очень известный историк. В свое время он одной из своих работ и развязал эту дискуссию, о которой я уже упоминала, в начале 80-х годов — то, что потом вот называлось именно Vergangenheitsbewältigung. И его концепция заключается в том, что появление Гитлера можно объяснить, прежде всего, реакцией на коммунизм, и то, что Гитлер начал войну, он, в общем, должен был начать войну, потому что иначе... так сказать, он должен был реагировать на угрозу коммунизма.

Ну, эта концепция, если кем-то и разделяется, то каким-то очень-очень ограниченным... действительно, совершенно ничтожным числом историков и подавляющая часть, подавляющее большинство немецких историков, в общем, склоняется к такой интерпретации истории Второй мировой войны, которая, в общем, нам с вами достаточно хорошо известна. Другое дело, что, может быть, и в немецкой историографии гораздо больше говорится о том, что Сталин сделал до начала войны. О том, что можно подвергнуть критике, и серьезной критике. О таких его действиях как пакт Молотова—Риббентропа, о котором сегодня уже не любят упоминать, как то, что он готов был с Гитлером поделить Европу и сферы влияния в Европе[34]!

Я думаю, что также концепция превентивного удара со стороны Гитлера, что Сталин готовил войну, она тоже, в общем-то, здесь не пользуется популярностью.

А.З.: Но как Вы думаете, есть ли понимание друг друга в вопросе о взаимоотношении между мировой войной и российско-германской войной, советско-германской войной? Мне показалось, что методологически здесь как раз и проходят главные расхождения.

О.А.: Да, да, я с Вами соглашусь. Конечно! Наверное, советская историография, — я сознательно говорю, это у меня не оговорка — советская историография старалась не очень сильно подчеркивать, конечно, роль союзников, скажем, так! И в западной историографии вообще, и в немецкой, в частности, роли союзников уделяется гораздо больше внимания, чем это делалось в свое время в советской историографии. И, наверно, по традиции, это происходит и в российской историографии. Я, к сожалению, не могу на эту тему достаточно ответственно говорить, потому что я сегодняшних российских работ об истории Второй мировой войны просто не знаю.

А.З.: Ольга Александровна, можно ли сказать так, что, в то время как в советской историографии замалчивалась роль союзников, так и в западной концепции несколько недооценивается роль советского вклада?

О.А.: Нет, я не думаю, нет. Нет, нет! Просто, может быть, немножечко более уравновешенно. Нет, мне не кажется, что роль советского вклада недооценивается. Нет, я бы так не говорила!

А.З.: Возможно ли в принципе создание какой-то общей концепции, скажем, Второй мировой войны, которая была бы приемлема для учебников России и Германии?

О.А.: Безусловно! Сегодня, я думаю, вполне возможно. После того, как, так сказать, исчезла коммунистическая система, или коммунистическая идеология больше не стала обязательной в России, то, я думаю, возможно, безусловно! И, кстати говоря, над этим и работают, есть же комиссия совместная по школьным учебникам, которая продолжает свою работу; я знаю людей, которые с немецкой стороны работают в этой комиссии. Историки, и в частности, специалисты по истории войны, конечно, они занимаются очень серьезно. Занимаются и послевоенным периодом — и 50-е годы, когда там с Берлином — там 48-й и начало 50-х годов, и ГДР, проблема ФРГ—ГДР. Я думаю, что это возможно!

А.З.: А как Вы думаете, эта война была между двумя тоталитарными режимами, между коммунизмом и фашизмом, или между двумя народами?

О.А.: Ммм... Она, конечно, прежде всего, была война между двумя системами. Но, поскольку, и с одной, и с другой стороны — вначале в Германии... тоталитарная система, так сказать, держалась на определенной и обязательной для всех идеологии. А одним из элементов этой идеологии, прежде всего, в Германии, была проблема, так сказать, отношений к тем или другим народам, то это, конечно, была и война между народами.

Но это такой... ненаучный ответ...

А.З.: Но может быть так, что собственно для немецкого сознания и советского сознания, продолжающегося в какой-то мере и в российском, война все-таки имеет разный смысл?

О.А.: Ну, наверное, она имеет разный смысл. Конечно! Прежде всего, немцы проиграли войну, и не просто проиграли, а Германия лежала в руинах, Германия была 50 лет после этого разделена, Германия была... в Германии находились чужие войска 50 лет.

А Россия — тогда Советский Союз — считал себя, и заслуженно, победителем, был одним из победителей этой войны. Поэтому, конечно, в сознании это по-разному отложилось. *И конечно, у немцев, особенно у немцев, скажем так, более образованных, более начитанных, более думающих, у них есть, конечно, определенный комплекс вины по этому поводу, безусловно, от которого они еще не избавились,* — иначе, откуда, так сказать, берутся все эти дискуссии, если они периодически снова и снова возникают?

У русских, мне кажется, что касается войны, комплекса вины нет. И его, наверное, и не должно быть! Но должно быть критическое отношение к тем или иным явлениям или событиям, которые во время войны тоже имели место и по другую линию фронта, с другой стороны фронта.

А.З.: А когда началась дискуссия о вине? Вы не занимались этим вопросом?

О.А.: Нет, я специально не занималась, но она началась в самой первой дискуссии тогда... Сейчас, поскольку там Нольте опять что-то сказал, но сейчас не будет такой дискуссии, потому что уже тогда все высказались. Это было... самое начало 80-х годов, я думаю, год 80-й — 81-й. У меня даже дома есть книжка, там где все, — это были различные статьи таких различных, более или менее интеллектуальных, предположим, в еженедельниках, или даже в научных журналах, или в каких-то книгах, — и у меня дома есть одна из этих книг. Она продолжалась несколько лет тогда. И так она и называлась: Historikerstreit — т.е. «Споры историков». Да, это было связано с появлением одной из книг Нольте. С реакцией на нее со стороны не такой уж сугубо консервативной немецкой исторической или научной общественности.

А.З.: Вот есть такая тоже тема, касающаяся оценки России, сравнения России после распада СССР с ситуацией в Германии после 1918 г. Как Вы относитесь к этой теме, к этому сравнению?

О.А.: Ну, я не могу сказать, что мне это сравнение очень нравится, что сегодня это может... что Россия может, если сильно на нее жать, то она может превратиться в Версальскую Россию. Если повторять слова классика, то история никогда не повторяется дважды, а если какие-то события повторяются, то первый раз — в виде трагедии, а второй раз — в виде комедии! Я не хочу сказать, что это комедия, нет! Но это совершенно, тем не менее, разные вещи.

Я знаю, что сегодня в России есть у многих ощущение того, что, вот, в результате распада СССР Россия, так сказать, проиграла. Некоторые говорят: Россия проиграла холодную войну — Советский Союз проиграл холодную войну!

Но в Германии-то речь шла о том, что она проиграла настоящую войну! Не холодную, а более чем горячую, — Первую мировую войну, первую войну в истории человечества, которая принесла такое количество жертв, в которую одновременно было вовлечено такое огромное количество государств — наверное, больше, чем это было в 30-летнюю войну в XVII в.! Но речь шла все-таки только о Германии! Россия как Россия осталась. Т.е. сегодняшнюю Россию, — я бы скорее сравнивала все-таки с распадом Британской империи.

Интересно в этом отношении, и как раз в этом сравнение другое: как легко англичане или британцы отнеслись к распаду своей империи, той самой империи, которой они так гордились, и Индия — жемчужина Британской короны, и Цейлон, и т.д., и т.д. Потому что, конечно, это скорее можно сравнивать с этим, только там некоторые сопровождающие обстоятельства были другие: Великобритания была одной из победительниц Второй мировой войны, но ценой этой победы стала потом потеря империи и потеря колоний...

И уже все-таки в России — 10 лет прошло, почти 10 лет прошло! И в течение этих 10 лет очень многое было! Ну, я уже не говорю о том, что иногда, так сказать, помахивают вот этим вот красным флажком — что, мол, смотрите, если будете слишком на нас давить, то получите второй Версаль или вторую постверсальскую Германию, то бишь, постверсальскую Россию, — что в этом немножечко, так сказать, было определенное намерение добиться от Запада определенных уступок или, так сказать, заставить Запад не делать чего-то, что российской стороне не хотелось бы, чтобы Запад делал, или добиться от Запада чего-то, что Россия хотела бы!

А.З.: По-моему, эта концепция в основном Яновым пропагандировалась?

О.А.: Ну, не только Яновым, нет-нет, не только, не только Яновым, нет-нет! И в этом есть, конечно, — вот то, о чем я хочу сказать, — есть и определенная положительная сторона. Много раз речь шла и об угрозе российского фашизма, и о российском национализме, и уж, казалось бы, за 10 лет он должен был бы набрать силу, особенно если мы сравним, в какие сроки все это происходило в Германии!

В России, — и, тем не менее... Нет, *они все-таки остаются маргиналами!* Конечно, там, может быть, там они немножко посильнее, эти группки, там они послабее, но, тем не менее, пока — слава богу, будем надеяться, что и в дальнейшем — не получается! Все-таки... и все-таки, наверное, распад Советского Союза. Понимаете, ведь тоже он неоднозначно воспринимается.

Конечно, жалко, что Прибалтика... Так сказать, нету больше Прибалтики! Но ведь мы знаем, что всегда было ощущение того, что Прибалтика, так сказать, она и не совсем наша, и вообще не совсем по праву наша! Всегда было такое особое отношение.

И то, о чем мы говорим, это относится, конечно, прежде всего, к Украине и, наверно, в несколько меньшей степени это относится к Грузии, Армении, Азербайджану и Молдавии. Казахстан — тоже, конечно, определенная проблема, тем более проблема Северного Казахстана!

Но я думаю, что уже почти забыли о том, что Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан когда-то были составной частью той большой великой родины. Слишком это далеко от России! И это, так сказать, достаточно естественно... Ну, один простой факт, о котором мы очень часто забываем. Посмотрите, у России нет с этими государствами даже общей границы, за исключением Казахстана, поэтому я и говорю, что Казахстан это проблема.

Даже с Арменией, которая, так сказать, стратегический союзник, — она называется стратегический союзник России, — у России нет общей границы. Уж не говоря об Узбекистане, Туркменистане, Киргизии или Таджикистане.

А.З.: А как вы расцениваете концептуальную схему Бжезинского — по поводу перспектив распада России?

О.А.: Распада? Нет, я никогда в это не верила и... и считаю, что эти 10 лет уже, — ведь тоже говорили с 90—91-го года о том, что вот распался Советский Союз, а теперь следующее — это распад России, — *я в это не верила и не верю!* И даже если бы, предположим, если бы Чечне дали самостоятельность. Например, один из аргументов Путина в том, что, начав войну против Чечни, мы предотвратили распад России! Никакого бы распада России не было, абсолютно! И мало бы кто... Я думаю, очень многие бы радовались тому, чтобы Чечни не было бы в составе России, так сказать, баба с возу — кобыле легче! Может быть, многих бы проблем не было, не говоря уже о войне!

А.З.: А Тишков считает по-другому.

О.А.: Ну, это дело Тишкова!

А.З.: Да. Но он у нас достаточно солидный эксперт!

О.А.: Ну, я Валеру Тишкова знаю еще со студенческих лет, так что... Ну, пусть считает!

А.З.: Вы уже немало лет живете в Германии, и, конечно, я думаю, что Вы задумывались над вопросом о том, что такое национальность, что такое нация в культурном немецком и политическом контексте, и что такое нация в российском политическом контексте?

О.А.: Вы знаете, если мы оставим в стороне чисто академическое понимание, — потому что, конечно, сегодняшние немецкие ученые, они лежат в общем русле западной науки. Ну, скажем, англосаксонской науки. А в более традиционном понимании, т.е. за пределами академической среды, я думаю, что это одна из тех областей, где между немцами и русскими очень много общего! И больше различий между немецким и англосаксонским пониманием, и даже между немецким и французским пониманием! Дело в том, что в Германии это даже и юридически... А в России, по-моему, юридически хотя это и юридически, по-моему, даже определено... Может быть, не так четко, как в Германии, но каким-то образом зафиксировано. Тут я боюсь просто утверждать точно, — нация или национальное понимается в смысле этнического, и, прежде всего то, что называется jus sangvi, в отличие от jus soli — так, как это в англосаксонском праве, и так же, как это во Франции. Т.е. нация по крови, а не по месту рождения или по тому, как и где человек вырос!

А.З.: Но я что-то не помню, чтобы в российском законодательстве это...

О.А.: Нет, в законодательстве, может быть, этого нет, я не берусь это утверждать. Но в обыденном сознании это, конечно, очень распространено.

А.З.: А в немецком законодательстве существует такая формула?

О.А.: Ну она, может, называется иначе, но фактически это именно так! Она, может быть... Я не знаю, как это чисто юридически сформулировано, я думаю, это сформулировано, так сказать, более приемлемо. Но, в конце концов, это — и чисто практичес-

ки, это до последнего времени находило свое выражение в том, что немцам — переселенцам из России или из Казахстана, из Советского Союза, из Румынии, из Венгрии им сразу предоставляли немецкое гражданство — именно на основе этого jus sangvi, а не jus soli. Понимаете? А вот только сейчас, только вот вступило с этого года новое законодательство о приобретении немецкого гражданства, которое, конечно, сделано гораздо более современным, гораздо более модернизированным, хотя первоначальный вариант, он опять-таки там они вынуждены были сделать определенные уступки, но, тем не менее, они пошли дальше по сравнению с тем, что было до сих пор!

А.З.: И сейчас как это?..

О.А.: Ну сейчас все-таки человек, родившийся в Германии, может получить сразу же немецкое гражданство. Раньше это было...

А.З.: Независимо от «крови предков»?

О.А.: Да!

А.З.: Мне показалось, что иммиграционная политика Германии строится в основном на идее проблемы вины, так сказать, является ее в какой-то мере практическим приложением. Т.е. вина перед еврейским населением... Так или не так?

О.А.: Нет, это в определенном смысле. Но это только один из элементов немецкой иммиграционной политики. Вся проблема заключается в том, что немецкая иммиграционная политика строится на одной ложной, абсолютно ложной предпосылке: то, что Германия якобы не является страной иммиграции — официально, в то время как США, Канада, Австралия, они официально являются странами иммиграции. Но фактически — конечно же, есть иммиграция в Германию, и самого разного рода: гастробайтеры, т.е. иностранные рабочие, или этот небольшой контингент еврейской национальности, прежде всего из постсоветских государств, или же немцы из Восточной Европы и из бывшего Советского Союза. Конечно, это все иммиграция, только официально Германия не является страной иммиграции И они никак не могут И поэтому они все время должны какие-то делать совершенно глупые уступки в своем законодательстве, именно потому, что они до сих пор не могут от этой ложной предпосылки. Это уже есть, так сказать, определенный консенсус в немецком обществе. И просто, если они отказываются, даже...

А.З.: Т.е. это идея мононационализма?

О.А.: Нет, это не идея. Они просто боятся, что если они объявят, что Германия является страной иммиграции, то сразу ринутся толпы, потоки иммигрантов.

Речь идет не только о Восточной Европе, а о Юго-Восточной Азии, об Африке и т.д. или, я не знаю, о Латинской Америке. Прежде всего, конечно, речь идет о странах третьего мира. И поэтому они все время должны, прошу прощения за не очень научное выражение, такой танец на яйцах в этих вопросах устраивать. Даже социал-демократическое правительство не может пойти на

то, чтобы от этой предпосылки отказаться, потому что не позволяет общественное мнение! Оно уже так воспитано на этой идее, что... Если бы они сказали: да, Германия является страной иммиграции, — т.е. то, что есть на самом деле, — то многое стало бы гораздо проще.

А.З.: Т.е. проще бы стали турецкие...

О.А.: Нет, просто легче было бы тогда привести законодательство в соответствие с этим. А то все время там есть какие-то или противоречия, или все время нужно делать какие-то уступки именно потому, что исходят, прежде всего, из этой основной предпосылки, из этого положения.

А.З.: Но Вы и другое положение назвали — что существует понятие нации по крови, это тоже...

О.А.: Ну да, но оно — я не знаю, насколько это оформлено юридически, хотя может быть даже, это и юридически, — я не юрист, поэтому я не могу точно сказать, я не изучала специально эти законы. Но может быть, это даже имеет какое-то, нашло какое-то даже вербальное отношение, поскольку предоставляли же немцам из Восточной Европы гражданство сразу.

А.З.: Да.

О.А.: Значит, каким-то образом это отражено и в законодательстве!

А.З.: Вы мельком упомянули, что националистические настроения существуют, и что они носят маргинальный характер, — так?

О.А.: В Германии или в России?

А.З.: И в России, и в Германии. Они имеют какую-то перспективу в этих странах?

О.А.: Вы знаете, я думаю, что в Германии они практически не имеют перспективы. И в Германии это, действительно, совсем маргинальное явление, и это... маргинальное явление — оно наблюдается, прежде всего, в ГДР, и это не случайно, это опять-таки потому, что именно в Восточной Германии, в ГДР не было того самого преодоления прошлого, которое все-таки было в Западной Германии.

И это, прежде всего, этим объясняется. Там эта проблема замалчивалась. Официальная позиция ГДР состояла в том, что ГДР не являлась преемником нацистского государства, Третьего рейха.

Вы знаете, что Западная Германия должна была себя признать государством-преемником Третьего рейха. Иначе она, так сказать, и не должна была бы брать на себя все эти обязательства — и по выплатам, и всему прочему. В ГДР этого не было. И вот, эта вот ложь на протяжении 50-ти лет, она сегодня дает о себе знать в молодом поколении, к сожалению.

В России... имеет ли национализм шансы в России?.. На этот вопрос труднее ответить потому, что поскольку Западная Германия составляет три четверти немецкого общества, и то, что наработано уже в Западной Германии, оно постепенно будет распространяться и на бывшую ГДР. При этом речь идет, в том числе и о «преодо-

лении прошлого», о котором я уже говорила. К сожалению, в России этого не было, или не было сделано в достаточной степени. К сожалению, в России этому вопросу не всегда уделяется должное внимание. К сожалению, в России разрешено на улице продавать нацистскую литературу — т.е. что в Германии запрещено!

А.З.: Запрещено, но продается.

О.А.: Но в Германии это запрещено, это подвергается преследованию, судебному преследованию. Это запрещено! Конечно, может продаваться, но это есть тогда преступление. В России же это не есть преступление; я сама видела, продается там и «Mein Kampf», и всякого рода расистская и фашистская, такая ультранационалистическая литература. Это, конечно! Уж я и не знаю, что сказать! Просто ли руки у властей не доходят? Или же они боятся слишком активно в этом направлении действовать, исходя из того, что все это само собой просто выродится, а если с этим бороться, то, наоборот! Это будет означать стремление загнать это все в подполье, и тем самым придать этому определенный ореол романтизма и т.д., — трудно сказать, что правильно, а что нет. Но, наверное, все-таки каким-то образом надо преследовать это. И, как мы знаем, практически не было или очень мало было вообще каких-то судебных разбирательств в связи с оскорблением национальных чувств; там было в конце 80-х годов одно это — в связи с «Памятью» тогда, я помню... может быть, одно—два еще.

А.З.: Что более важно сейчас в отношениях между Германией и Россией, межгосударственные ли отношения, уровень отношений, или негосударственный?

О.А.: Я бы не стала отделять одно от другого, одно должно идти параллельно с другим, иначе и то и другое будет, так сказать, неполноценно. Это должен быть самый что ни на есть активный обмен — в прямом ли смысле, или в смысле обмена идей на уровне общества или каких-то отдельных социальных групп; и, слава богу, что это есть! И в Германии достаточно много такого рода активных, так называемых неправительственных, организаций разного рода или просто общественных организаций. Это большое подспорье для политики на государственном уровне. Но если не будет хороших отношений на государственном уровне, то это ясно, что тогда будут страдать и отношения на общественном уровне. Поэтому одно должно подкрепляться другим.

А.З.: А как Вы относитесь к такой теории: поскольку мир вступает или вступил уже в период глобализации, то государство как институт теряет свое значение, и поэтому, в общем-то, высказываются в пользу как бы негосударственных контактов?..

О.А.: Ну, пока еще государство не утратило свое значение, государство еще во многих государствах, прошу прощения за тавтологию, оно достаточно сильно и оно должно выполнять достаточно много функций в условиях глобализации или не в условиях глобализации: функции охраны общественного порядка, функции определенного регулирования. Ведь нельзя сказать, что государст-

во — вообще, так сказать, тут все пущено на самотек. Нет и нет! На эту тему уже и в России достаточно написано: глобализация не означает чрезвычайно сильного вмешательства государства в общественную жизнь. Она предполагает правовое регулирование, т.е. определенный свод законов, определенное законодательство, наблюдение за тем, чтобы это законодательство соблюдалось, чтобы это все осуществлялось, претворялось в жизнь и, в случае нарушения всего этого, так сказать, принимать определенные меры. Поэтому, может быть, в каких-то отношениях роль государства несколько уменьшается, но оно пока еще не отмирает...

А.З.: В этой связи насколько Вы разделяете идеи моноцентрического мира или полицентрического мира, или как вот к этой проблеме Вы?

О.А.: Примаковскую Вы имеете в виду идею?

А.З.: Ну, я не знаю...

О.А.: Ну это, монополярное — мультиполярное?..

А.З.: Да, многополярное.

О.А.: Да, многоплярное, мульти-... там и мульти-, и многополярное. Я отношусь к этой идее отрицательно, потому что она абсолютно бессмысленна! И, так сказать, что Примаковым двигало, когда он формулировал эту идею, это ясно — это определенные антиамериканские чувства! Прежде всего, мне не нравится эта теория тем, что она именно скрывает в себе латентный антиамериканизм.

И, во-вторых, она просто не соответствует действительности! Во-первых, мир — что это значит: он однополярен или многополярен? То, что США сегодня самая сильная держава в мире, это ни у кого не вызывает сомнения. И в связи с этим США оказывают определенное влияние на определенные тенденции развития, будь то в политической области или в экономической области. Но, с другой стороны, эти центры, другие центры — являются ли они полюсами или нет, это большой вопрос! Или просто сильные державы, они существуют. Но особенно смешно мне становится... В «Концепции внешней политики», которая была опубликована неделю назад. Там написано, что вот «Россия выступает против однополярного мира, и будет всячески содействовать строительству многополярного мира»! Вы можете мне сказать, как можно содействовать строительству многополярного мира? Это что — Россия скажет Японии: с завтрашнего дни вы — один из полюсов завтрашнего мира, и баста, и никаких возражений?! Что значит строительство многополярного мира?

А.З.: Ну, я думаю, что может быть и другая интерпретация, я еще не читал этого документа.

О.А.: Нет, но Вы же читали эти высказывания: «одномерность» versus «многополярность»? Так что вы знаете, там никаких откровений нет...

А.З.: Да, я просто думаю, что главная задача там мира полярного, или моно-, или полиполярного с российской точки зрения — это укрепление собственного государства.

О.А.: Так тогда Россия не должна там выдумывать теории из прошлого века или, я не знаю, прошлогодний снег, а заниматься действительно экономическими реформами, социальными реформами и становиться сильным государством, тогда она и будет одной из сильных держав, а не говорить, что это есть тогда многополярный мир. Не прикрывать одно другим!

А.З.: А каков, по Вашему мнению, был бы среднесрочный прогноз германо-российских отношений?

О.А.: Вы знаете, я думаю, что он вполне оптимистический! Не будет никаких отношений на уровне сауны — и, наверно, слава богу, потому что они не нужны ни на государственном уровне, ни на самом высшем государственном уровне, ни на уровне там между различными государственными институциями, ни на общественном уровне. Но я думаю, что они будут вполне положительными. И если, действительно, экономические реформы как-то продвинутся, подкрепленные определенным законодательством в области экономических отношений, то я думаю, что и будет довольно сильный прорыв и в экономической области. Только я Вас здесь должна сразу немножечко поправить. Мне кажется, что здесь у Вас сказывается очень распространенное российское заблуждение.

Мы с Вами все время говорим о билатеральных отношениях российско-германских. Но российско-германские отношения все более будут развиваться в рамках отношений между Россией и Европейским союзом. Германская внешняя политика будет все больше и больше включена в общую политику Европейского союза. Это очень важно!.. Уже есть определенные, так сказать, сигналы того, что люди начинают понимать эту проблему. Однако, тем не менее, еще не до конца. Что касается Европы, что касается Европейского союза, время двусторонних отношений уходит постепенно в прошлое. То есть они останутся, двусторонние отношения, но это будут отношения не России с Германией или Францией — да, они, конечно, будут оставаться и такого рода отношения, но они не будут главными, — а это будут отношения между Россией и Европейским союзом, все более и более. Тем более что в Европейском союзе уже принята и общая внешняя политика, и политика безопасности, общая военная политика, — это все, так сказать, пока еще больше на бумаге, но это будет все больше и больше претворяться в жизнь!

А.З.: Но вот недавно, вроде бы, был визит президента России в Германию...

О.А.: Да.

А.З.: Который, так сказать, и выделил, обозначил такое понимание Германии и Европы.

О.А.: России и Европы?

А.З.: Да.

О.А.: Да. Да я вам говорю, что начинают, начинают немножко уже и в России. Потому что несколько лет назад еще совсем это... Европейский союз воспринимали сугубо как экономическую орга-

низацию, и политическое измерение вообще не принималось во внимание, за исключением, может быть, одного—двух людей, даже, предположим, представителей такого института, которые, казалось, обязаны были бы это знать, — Института Европы. Но постепенно уже осознание этого...

А.З.: Я заметил, что у Вас нет негативного отношения к фигуре нового президента.

О.А.: У меня лично?

А.З.: Да.

О.А.: Нет, у меня лично есть негативное отношение. Абсолютно негативное отношение! Мое личное отношение. Мы сейчас отделяем мое отношение от немецкой политики. Ну, по целому ряду причин. Прежде всего, я совершенно не могу принять того, что он представитель КГБ, и... сравнения, которые иногда можно встретить, что вот и Буш в свое время, он тоже был директором ЦРУ, и другие президенты США... Но тут есть одна большая разница: да, они были, но они были — как политики, туда назначенные. Они не выросли из недр, они не были сотрудниками этих структур. И я думаю, тем не менее, в Америке невозможно, чтобы какой-нибудь сотрудник ЦРУ, именно который там начинал, так сказать, с самых первых шагов, всю жизнь провел в той организации, стал бы президентом, стал бы крупным политиком. Маловероятно.

А.З.: Ну а что теперь? Надо пересмотреть российские выборы или как?

О.А.: Ну, сейчас уже пересматривать поздно, уже президент избран, надо было в свое время думать! Но тут уже, так сказать, это... работа тех самых людей, которые определяются этим не очень красивым неологизмом — пиарщики и прочее! А во-вторых, конечно, целый ряд шагов, которые уже им сделаны, прежде всего, война в Чечне, война со средствами массовой информации, или, вернее, с некоторыми журналистами или с некоторыми органами массовой информации, — конечно, с моей точки зрения говорят против Путина, и я совершенно не знаю, что от него можно ожидать! Можно такой просвещенный или не очень просвещенный авторитаризм? Я не говорю о тоталитаризме, для этого уже Россия достаточно далеко продвинулась, это не так легко сегодня. А определенное... да, возможно.

И потом, конечно, то, что сегодня вместе с ним, так сказать, КГБ — не только он сам представитель КГБ, но КГБ просто пришло к власти, — посмотрите все новые назначения, особенно в области именно внешней политики: Совет Безопасности, и он играет все большую и большую роль, и бывший начальник внешний разведки — теперь министр по делам СНГ, и т.д., и т.п.; и Примаков возглавил какую-то идиотскую комиссию по урегулированию конфликта в Приднестровье, хотя есть комиссия ОБСЕ, непонятно, зачем еще одна комиссия... и т.д. И это, конечно, у меня вызывает абсолютное неприятие, это я говорю абсолютно открыто.

А.З.: Я просто задал этот вопрос в связи с тем, что Вы как бы некоторые компоненты из деятельности Путина, вроде бы, так оценили благоприятно.

О.А.: Нет, я сказала — мы говорили о немецкой политике.

А.З.: Да.

О.А.: Мы говорили не о моей оценке. До этого. Что касается моей личной оценки, я Вам сказала.

А.З.: Она не совпадает с немецкой политикой в целом?

О.А.: Не совсем. Хотя и... немецкая политика, — да, они, так сказать, не хотят плохих отношений с Россией, хотя они все еще достаточно настороженно относятся к Путину. Но... даже на какие-то вещи готовы закрыть глаза, именно потому, что не хотят ухудшения отношений с Россией. ***Хорошие отношения с Россией считаются одним из важнейших завоеваний немецкой внешней политики за последние 15 лет!*** Установление хороших отношений с Россией! И мы начали с Вами разговор с того, что 20 лет назад трудно было бы вообще подумать о том, что вот такое было возможно, правда? Если мы вспомним всю советскую пропаганду о фашистском государстве ФРГ и т.д., и т.д.

Но... я не считаю, что отношения между Россией и Германией должны быть плохими, но я считаю, что на фигуру Путина и на его политику нужно смотреть очень трезво.

А.З.: Как и на всякого политика!

О.А.: На всякого, конечно, безусловно!

А.З.: Одна из главных проблем в оценке российской политики — это чеченский кризис, тема Чечни.

О.А.: Да.

А.З.: Удалось ли Путину локализовать этот кризис?

О.А.: Если мы посмотрим, что было в августе или в сентябре 99-го года, то — нет! По-моему, ситуация даже хуже по сравнению с тем, какой она была в начале осени 1999 г. Удалось локализовать в том смысле, что это все происходит, так сказать, на территории Чечни. Но локализовать ценой энного количества, — «энное» количество — тысячи или там, я не знаю, скольких тысяч — жизней как российских военнослужащих, с одной стороны, так и чеченского мирного населения, с другой стороны, разрушенных городов, абсолютно разрушенных городов, прежде всего Грозного, который просто сравняли с лицом земли...

А рейды чеченцев продолжаются! Молодое поколение чеченских мальчиков, которое будет подрастать, оно будет вырастать в условиях абсолютной враждебности к России после этих двух войн. Т.е. этот внутренний враг, этот внутренний нарыв, он всегда будет, и он будет передаваться по наследству, так, как это было в Палестине в свое время. Так что локализовать — да, но это будет продолжать и дальше воспаляться...

А.З.: Произошла ли деэтнизация конфликта?

О.А.: Вы знаете, это мне трудно сказать, потому что, я думаю, для того, чтобы это понять, наверно, нужно все время находиться

в России. Понятие этноса подменили понятием религии! Он из «чеченца» стал «исламистом» или «ваххабитом», или «радикальным исламистом», «исламским террористом» и т.д!

И, кстати говоря, то, что там должны будут происходить выборы! Ведь и сами чеченцы, даже из тех, кто сотрудничает с Москвой, против этого! Я недавно слышала по радио!

А.З.: Но есть такая точка зрения, что в Германии средства массовой информации как бы больше работают над тем, чтобы закрепить отрицательный образ России. Вы с этим не согласны?

О.А.: Нет, это абсолютная ерунда! Нет! Хотя это очень распространенная точка зрения, и я это много раз слышала, и от посла слышала, и от других российских представителей слышала. Я совершенно с этим не согласна!

Наоборот, очень много... очень много и репортажей и в телевидении, и по радио, и статьи в газетах, которые, наоборот, в общем-то, с большой симпатией о России говорят. Только они пишут и о том, что они видят!

А.З.: Большое спасибо, Ольга Александровна! До следующей встречи!

Комментарии

[1] Профессор Фельдхофф употребляет здесь весьма мягкий термин «советские ортодоксы».

В то же время он указывает на чрезвычайно важный момент, недостаточно исследованный в социологической и исторической литературе.

Обычно установление личной диктатуры Сталина рассматривается в качестве результата его неуемного властолюбия. Однако Советское руководство в конце 20-х и начале 30-х годов с напряженным вниманием следило за тем, что происходит в Германии. Оно открыто поддерживало Коммунистическую партию Германии, которая занимала важное место в Коминтерне. Поражение КПГ на выборах 1932 г. и последующая милитаризация Германии стали тревожным сигналом для руководства ВКП(б). Антикоммунистические и антисоветские установки нового руководства Германии, пришедшего к власти в 1933 г., ни от кого не скрывались. Более того, они поощрялись и поддерживались демократическими странами, прежде всего Великобританией и Францией.

Нельзя исключать и той точки зрения, что в условиях созревания военного конфликта между Германией и СССР, стимулировавшегося Чемберленом и Даладье, личная диктатура одного лица рассматривалась руководством ВКП(б) в качестве важнейшего ресурса, который в какой-то мере мог компенсировать общую отсталость страны. Понимание этого обстоятельства, разумеется, не вербализированное с достаточной ясностью, объясняет то единодушие, с которым пленумы ЦК ВКП(б) принимали решения об осуждении оппозиционных группировок.

Иначе говоря, речь идет о формировании личной диктатуры Сталина как ответе со стороны ВКП(б) на победу немецкого фа-

шизма в Германии в 1933 г., на нарушение основных положений Версальского договора и милитаризацию Германии.

Впрочем, в немецкой литературе имеется и такая точка зрения, согласно которой гитлеровский режим был всего лишь западной реакцией на победу большевизма.

2 Это суждение не подтверждается данными опроса, проведенного среди немецкой молодежи журналом «Spiegel» в 1994 г. (см. примечание 13 на с. 21—22 настоящего издания).

3 Действующая в Германии Конституция провозглашена 23 мая 1949 г. после ее одобрения правительствами Земель ФРГ. В разработке Конституции приняли участие Курт Шумахер (Kurt Schumacher) и Эрнст Рейтер (Ernst Reuter) (от социал-демократов), Конрад Аденауер (Konrad Adenauer) (первый канцлер ФРГ) и Людвиг Эрхард (Ludvig Erchard) (инициатор и творец экономического чуда — оба последних представляли христианских демократов) и Теодор Хейс (Theodor Heuss) (первый Президент ФРГ — от либеральных демократов). (См. Крейг Гордон. Немцы. М., 1999. С. 34).

4 Действительно, проблема ответственности немецкой нации за преступления нацизма не решается однозначно в современном немецком самосознании. Отделение фашизма от немецкой культуры, немецкой традиции было предложено официальной советской версией объяснения фашизма как политики, выражавшей интересы германского милитаризма и крупного капитала. Эта точка зрения была принята и в ГДР. Однако эта точка зрения не была принята в политическом дискурсе США и западно-европейских стран. Социологи западной ориентации в основном склонялись к психологическому объяснению фашизма, опираясь на концепцию авторитарной личности, предложенную Т.Адорно. В исторической же литературе распространение получили две концепции — идея традиционной жестокости немцев (например, большая часть литературы по холокосту и упоминаемый в данном интервью Гольдхаген) и идея трансформации немецкого романтизма в идеологию и практику национал-социализма (Г.Крейг, В.Клемперер). «Немецкий корень нацизма — суженный, ограниченный, извращенный романтизм» (Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 270). «С чем был связан успех этих надутых сентиментальностей? Чувство не было здесь самоцелью, оно выполняло роль средства, промежуточного этапа. Чувство должно было вытеснить мысль, а затем уступить место состоянию оглушенного отупения, безволия и бесчувственности, — откуда иначе взялась бы необходимая масса палачей и мастеров пыточных камер?» (Там же. С. 313). На наш взгляд, эти точки зрения не противостоят друг другу, а взаимно дополняют одна другую.

5 В предисловии к книге «Другая война» (1995) Ю.Н.Афанасьев ставит под сомнение многие положения советской историографии Великой Отечественной войны. Главным объектом критики выступает сталинское руководство войной. Выдвигается тезис о том, что Советский Союз вступил в войну не 22 июня 1941 г., а в сентябре 1939 г. (приняв участие в разделе Польши), что с 1939 по 1941 г. СССР участвовал во Второй мировой войне на стороне Германии,

что, следовательно, Сталин был заинтересован в развязывании войны в Европе, поскольку у него была уверенность в возможности «расширения коммунизма» в результате поражения Германии, что Сталин провоцировал Гитлера на войну. Вместе с тем даже Ю.Афанасьев не поддерживает концепцию Суворова о том, что со стороны Гитлера война носила превентивный характер.

Для Ю.Фельдхоффа важна другая сторона вопроса — внутренняя борьба в руководстве страны, исход которой во многом определял бы направленность послевоенного развития Советского Союза. Разумеется, это была «подковерная борьба» двух группировок, одна из которых возглавлялась Маленковым и Берия, а другая Ждановым и Вознесенским. Н.А.Вознесенский, А.А.Кузнецов, П.С.Попков были обвинены в «антипартийной деятельности» по так называемому ленинградскому делу. Кузнецов и Попков были арестованы в августе 1948 г., а Вознесенский — в октябре того же года, т.е. более, чем через три года после окончания войны. В январе 1950 г. все участники «дела» были расстреляны на основании сфабрикованных обвинений. Инициаторами обвинения выступили Г.М.Маленков и Л.П.Берия. (См. подробнее: Пихоя Р. Социально-политическое развитие и борьба за власть в послевоенном Советском Союзе (1945—1955 годы) // Международный исторический журнал. 1999. № 6).

[6] Одна из точек зрения, сформулированная в ходе известной в Германии дискуссии историков (Historikerstreit) состоит в позиции «невозможности понять», к которой — по ходу беседы — примыкает и проф. Фельдхофф.

[7] Разоблачениями сталинизма была наводнена советская и российская публицистика конца 80 — начала 90-х годов. Демократической оппозицией была даже выработана формула «сталинско-брежневский режим», объединяющая политические характеристики разных этапов истории советского общества. Однако внятного ответа на вопросы, которые ставит проф. Фельдхофф, действительно не было дано.

Кампания десталинизации по сути дела игнорировала основной факт европейской истории XX столетия — итог Второй мировой войны.

[8] Задавая этот вопрос, я опирался на исследование А.С.Кармина «Внутренняя нация — правило или исключение?» (Россия на перекрестке мнений. РНИСиНП. 2001). Ответ Ю.Фельдхоффа высвечивает иной аспект этой проблемы.

[9] Экскурсовод Берлинского музея дала следующий ответ на мой вопрос о причинах поражения Германии во Второй мировой войне: «Германия проиграла войну, потому что Гитлер не выполнил своих обещаний немецкому народу. Поэтому немцы отвернулись от него». Мой следующий вопрос: «А что было бы, если бы Гитлер выполнил свои обещания?» — поставил молодую женщину с высшим образованием, только что рассказывавшую маленьким детям об ужасах холокоста, в тупик.

[10] Эмоциональные комплексы — чрезвычайно важный компонент структурирования образа «иной страны» или «иного народа». Вместе с тем, это существенные осевые структуры национальной

самоидентификации. Какие же комплексы выделяются в наших интервью?

Во-первых, проф. Зимон указывает на романтический комплекс: Россия как страна Толстого и Достоевского, как страна высокой культуры, которая притягивает к себе немецкий интеллект и немецкое сердце. По отношению к Германии — романтика России — нечто «восточное», то есть, то, что невозможно встретить в центре европейского континента. Россия — это богатый эмоциональный мир, это чувственность, это непонятная апелляция к «духовности», которая как бы противостоит меркантильному расчету и материальным интересам, ясно осознаваемой «выгоде» в прямом смысле этого слова, нечто загадочное, что объединяется в понятии «русская душа». Другой респондент говорит, что Россию он любит потому, что в ней есть нечто детское!

Вместе с тем, ясно, что все непонятное — опасно, оно таит в себе угрозы неупорядоченности, непредсказуемости, неопределенности и риска. А это — источник отнюдь не положительных эмоций. Скорее, сама эта непонятность порождает страх как одну из доминирующих эмоций по отношению к русским, к России. («По отношению к России наблюдаются совершенно противоположные чувства — страх, страх перед Россией, отрицание России в соответствии со стереотипами — «дикий Восток, невоспитанный, недемократичный, восточная тирания».)

Этот страх высказывается редко, он остается в глубине, на уровне подсознания. Прежде всего, он там, куда вытесняется память о войне! Действительно, как все было ясно в самом начале войны: «Солдаты! Перед вами последняя столица континентальной Европы!» Мало кто отдает себе отчет в том, что сама эта ясность соединялась с самым что ни на есть иррациональным моментом в собственном сознании немцев — с верой в фюрера, с верой в его абсурдную концепцию высшей немецкой расы! И с непониманием «другого» — своего противника, врага! Как писал тот же Гудериан, через несколько месяцев после начала войны выяснилось, что «все, что мы знали о России до сих пор — абсолютный вздор!»

А каков был конец? Об этом лучше не вспоминать! («Память о войне в массовом сознании, в сознании обывателя исчезла. Другое дело, политический класс Германии». «Я думаю, что если Вы скажете выпускнику даже гимназии, что Париж был занят немецкими войсками, то он очень удивиться!»)

Грубые жестокие варвары, все мажущие в красный цвет, и не умеющие пользоваться туалетом, пришли в Германию — светоч европейской культуры — для того, чтобы насиловать немецких женщин! (С попустительства Политбюро ЦК КПСС, как это следует из интервью с П.Шульце).

Таким образом, в каждом индивидуальном сознании складывается некоторый противоречивый баланс эмоций — от позитивного ресентимента до глубинного страха перед непонятным.

Это создает внутреннее напряжение, по отношению к которому существуют две стратегии. Одна — рационализация, попытка ввести весь свой опыт в некоторую систему категорий. Особенно удачно это осуществляется с помощью понятий Россия и Европа, российские реформы, демократия и демократизация, глобальные процессы и т.д.

Интересно заметить, что в этой концептуальной схеме как бы исчезает как понятие, так и проблема нации. И это не случайно...

Другая стратегия — вытеснение неприятного, нежелание его вербализировать, стремление сделать вид, что предмета моей озабоченности просто не существует, что это некоторое наваждение, туман, мираж! Вот я дуну, и он рассеется!

[11] В контексте нашего интервью весьма примечательны слова Ф.Тютчева, высказанные им более 150 лет назад от имени немца, не испытывающего симпатий к николаевской России: «Мы обязаны вас ненавидеть; ваше основное начало, самое начало вашей цивилизации внушают нам, немцам, западникам, отвращение: у вас не было ни феодализма, ни папской иерархии; вы не испытывали ни борьбы религиозной, ни войн империи, ни даже инквизиции, вы не принимали участия в крестовых походах, вы не знавали рыцарства...» и т.д. (Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Ф.И.Тютчев. Полн. собр. соч. СПб., 1913. С. 292).

[12] В этой формулировке — вторая важнейшая дилемма немецкого самосознания. Каждая сторона ее, несомненно, по-своему проецируется на восприятие, прежде всего самой истории Германии и «немецкости», а затем уже на русских и Россию. Вытеснение памяти о войне на основе аргумента о поколениях, не участвовавших в войне и не ответственных за действия отцов, дедов и вообще «предков», разрушает идею преемственности поколений, на которой строится образ нации и национальной культуры. Поэтому, как мы увидим далее, многие немцы «не хотят быть немцами, предпочитая быть европейцами»!

Попытка отделить «хороших» немцев (Германию Шиллера и Гете) от «плохих» немцев (Гитлера и его своры) многих не удовлетворяет (См. интервью с Фельдхоффом), тем более, что это разделение пытались реализовать в ГДР с помощью идеи двух немецких наций.

Иной выход из положения предложен Ю.Хабермасом: признать вину за прошлое и начать новую историю Германии с 1945 г.!

Однако и новая история так или иначе, опирается на противоречивые традиции истории старой! И, прежде всего, она касается упрощенно-политического способа решения вопроса о взаимоотношении двух Германий.

[13] Тезис о неразвитости национального самосознания русских весьма спорен. Многие респонденты, как мы увидим позже, подчеркивают, что для Германии понятие нации как бы осталось в прошлом. Они не хотят задерживать внимания на проблемах нации. Поэтому и национальное государство оказывается устаревшим. Однако вся русская культура строилась на стремлении понять иные народы и иные культуры (Достоевский о Пушкине, или В.Соловьев), а советский этап строился на провозглашении принципов интернационализма! В этом состоит неразвитость русского национализма? Конечно, в сравнении с государственным национализмом некоторых иных политических движений и линий политического поведения это можно было бы назвать неразвитостью, если бы за умеренной позицией русских не стояло иное отношение к нации как символу веры.

[14] Респондент не подвергает сомнению реальное существование социалистической системы, несмотря на то, что он вполне мог бы сказать о системе «тоталитарной».

[15] Эта мысль более подробно развита в интервью с проф. Г.Зимоном.

[16] Правда, были в истории случаи, когда демократические государства натравливали одно тоталитарное государство против другого, что имело весьма трагические последствия для всех! Были и «случаи» применения средств массового уничтожения людей — Хиросима и Нагасаки, Вьетнамская война.

[17] Очень важный ход мысли, не снимающий ответственности с народов за участие в войне, а с государств — за инициативу!

[18] Речь идет о книге Теодора Адорно и его сотрудников «Авторитарная личность» (Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford R.N. The Authoritarian Personality) опубликованной в 1950 г. в США. В книге на материале тестов различного рода предлагалась классификация обследованных респондентов по степени их приверженности этноцентризму, антисемитизму, фашизму.

[19] Проблема героизма оказывается очень чувствительной в немецком дискурсе. (См. интервью с Х.Харбахом и П.Шульце.) Весьма примечательно также рассуждение о самом понятии героизма у В.Клемперера «Язык Третьего рейха», для которого примером подлинно героического поведения являются немецкие женщины, не разорвавшие связи со своим супругом еврейского происхождения, несмотря на постоянное давление властей и общественного мнения.

[20] Сопротивлялась ли армия нацистскому режиму? Мнение проф. К.Кульке явно расходится с мнением Ю.Фельдхоффа, который по сути дела высказывает несогласие с решением Нюрнбергского трибунала, исключившего немецкий Генеральный штаб из числа преступных организаций. Гамбургская выставка о деяниях вермахта на оккупированной территории опровергает мысль о расхождении позиций гестапо и вермахта по вопросу об отношении к мирному населению, к уничтожению евреев и комиссаров, о неучастии солдат в организации массовых экзекуций.

См. также оценку Гудерианом заговора Штауффенберга. Мнение ближайшего военного советника Гитлера на последнем этапе войны состоит в том, что успех заговора не мог привести к радикальным изменениям в руководстве Германии. Он также высказывает сомнение в возможности квалифицировать заговор как феномен сопротивления режиму, с чем, конечно же, не согласно большинство немецких историков.

[21] Несколько странная постановка вопроса. После поражения под Сталинградом у немцев еще оставались ресурсы всей Европы, которые они и использовали в ходе дальнейших военных действий. Большая наивность полагать, что союзники были готовы к мирным переговорам с Гитлером в этот период. И Рузвельт, и Черчилль стояли за войну до победного конца. В 1943 г. у них еще не было сил принудить Гитлера к капитуляции. А, кроме того, немцы в подавляющем большинстве своем находились под обаянием личной харизмы Гитлера. Вот свидетельство В.Клемперера: «В апреле 1945 года, когда даже слепцы видели, что все идет к концу,.. все же и тогда, среди этих замученных войной, разочарованных и

ожесточенных людей обязательно находились такие, кто с непреклонностью на лице и абсолютной убежденностью уверял, что 20 апреля, в день рождения фюрера, произойдет «поворот», начнется победоносное германское наступление: фюрер сказал об этом, настаивали они, а фюрер не врет, ему следует больше верить, чем всем разумным доводам» (Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция. С. 74).

22 В.В.Кожинов полагает, что нападение на СССР до окончания войны с Великобританией определялось тем, что война на Западном фронте для немецкого руководства времен Третьего рейха не была войной с «расовым противником». Демократические правительства Англии и Франции с 1 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г. всячески демонстрировали нерешительность в военной области. Начиная войну против СССР, Гитлер был полностью уверен в скорой победе, которая станет решающим аргументом для англичан в пользу заключения мира. Ход развития событий в битве под Дюнкерком, равно как и условия мирного договора с Францией после падения Парижа, свидетельствовали, что война на Западе была за доминирование Германии в Европе, в то время как война с СССР была «войной на уничтожение». (См.: Кожинов В.В. Россия. Век ХХ-й. Опыт беспристрасного исследования. М., 2001. С. 6—72.)

23 См., например: Освальд И. и Воронков В. Назад в Россию! Но куда? // Беженцы. М.: РНИСиНП, 1993. С. 117—134.

24 Вопрос не вполне корректный, но все же в пределах приличия. Главным образом ориентирован на фиксацию границ личного опыта, которые во многом определяются принадлежностью к поколению.

25 Довольно типичная картина. Представители поколения, участвовавшего в войне, весьма редко рассказывают о своем опыте военных лет.

26 В 1945—1946 гг. миллионы немецких семей были насильственно переселены с территорий Восточной Пруссии, Польши, Судет в Германию. Документ советской разведки от 16.06.1945 г., опубликованный накануне Дня победы 2001 г., свидетельствует: «Чехословацкое правительство вынесло постановление, согласно которому все немцы, проживающие в Чехословакии, обязаны немедленно выехать в Германию. Местные органы власти объявляют немцам, чтобы они в течение 15 минут собирались и выезжали в Германию. На дорогу разрешают взять с собой 5 марок. Никаких личных вещей и продовольствия брать не разрешается.

Ежедневно в Германию прибывают из Чехословакии до 5000 немцев, большинство из которых женщины, старики и дети. Будучи разорены и не имея перспективы на жизнь, некоторые из них кончают жизнь самоубийством, вскрывая бритвой вены на руках. Так, например, 8 июня районный комендант зафиксировал 71 труп со вскрытыми венами» (Последние дни войны и первые дни мира в Германии // Независимая газета. 5 мая 2001 г. Публикация С.Константинова).

27 В Германии не сложилось единого антифашистского дня, который отмечался бы всеми немецкими землями. 8 и 9 мая 2000 г. в Берлине не отмечались в качестве дней памяти. 8 мая прошел митинг лишь в Трептовер парке около памятника советскому воину-осво-

бодителю. В мероприятии участвовало несколько сот человек, выступал хор ветеранов с интернациональным репертуаром. На русском языке исполнялись «Дороги» (муз. А.Новикова, слова Л.Ошанина) и знаменитая «Катюша». На митинге было произнесено несколько речей официальными лицами Берлина, возлагались цветы к памятнику. Однако все это организовывалось на уровне одного из районов города Берлина. 9 мая аналогичное мероприятие пыталась провести группа левых, но местом сбора был уже не памятник, а кафе на набережной Шпрее.

[28] Более детальную проработку этого сюжета за немецкую сторону см. в рассуждениях Рудольфа Оскара Вальца из рассказа А.Платонова «Неодушевленный враг», написанного в 1943 г. на фронте. Платонов А. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Советская Россия, 1985. С. 59—69.

[29] В.Випперман дает следующую характеристику спора историков: «Спор историков» был вызван провокационным вопросом немецкого историка Эрнста Нольте: Не осуществил ли Гитлер свое... деяние лишь потому, что национал-социалисты считали себя потенциальными жертвами некоего «азиатского» деяния? Не предшествовал ли Освенциму Архипелаг ГУЛАГ? Этим тезисом, развитым им позже в объемистом томе о «европейской гражданской войне между национал-социализмом и большевизмом» (Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nazionalsozialismus und Bolschevismus. Berlin, 1987), Нольте отмежевался от защищаемой прежде концепции фашизма, чтобы сделать более радикальной доктрину тоталитаризма. Коммунизм и фашизм (соответственно, национал-социализм) были для него равны или, по крайне мере, сравнимы. Нольте рассматривал коммунизм (соответственно, большевизм) как предпосылку фашизма, который лишь защищался от более раннего и намного более агрессивного большевизма. При этом совершенные фашизмом преступления обретали в определенном смысле превентивный характер.

В «споре историков» утверждение Нольте о причинной связи между ранним коммунистическим классовым убийством и поздним расовым убийством национал-социалистов вызвало резкие и бескомпромиссные возражения ряда немецких и иностранных историков и публицистов... Некоторые критики Нольте даже считали, что уничтожение национал-социалистами евреев было преступлением не только единственным в своем роде, но и в конечном счете необъяснимым, стоящим на «грани понимания» (например, см.: Löwy H. (Hg.). Holocaust: Die Grenzen des verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte. Reinbek, 1992).

Но это не было последним словом в споре. После совершенно неожиданного краха коммунизма в Европе произошло столь же неожиданное возрождение теории тоталитаризма, причем общая допустимость сравнения коммунизма и национал-социализма теперь уже не оспаривается... С немецкой точки зрения, такие сравнения преступлений немцев с преступлениями «других» могут и должны привести к релятивизму в отношении их собственной вины. Именно это пытались делать в историко-политических дебатах о Гольдхагене. (Речь идет о книге Даниеля Гольдхагена. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewönliche Deutsche und Holocaust,

о «Черной книге коммунизма» и о речи писателя Мартина Вальзера. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922—1982. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2000. С. 186—187.)

30 Примечательное признание, для объяснения которого можно было бы применить «теорию вытеснения», предложенную З.Фрейдом.

31 Речь идет о репрессированных народах. Как известно, официальным поводом репрессий по отношению к ним были обвинения в сотрудничестве с гитлеровцами (или в потенциальной угрозе такого сотрудничества), а не в «этнической принадлежности». Внеправовой характер акции состоял в том, что по отношению к этим группам использовался принцип «коллективной ответственности». Сами условия депортации при осуществлении этих акций отличались жестокостью и бесчеловечностью. Вместе с тем, сотни тысяч русских и украинцев (в индивидуальном порядке) также были репрессированы на основе аналогичных обвинений, не говоря уже о тех, кто попал в немецкий плен.

32 Проф. Г.Гюнтер не согласен с такой точкой зрения (см. с. 76 настоящего издания).

33 «Победа *любой* ценой!», — звучит нарочито жестко с той точки зрения, которая направлена на дегероизацию Великой Отечественной войны. Но так это было!

Эта формула означает предельную концентрацию усилий, на которую люди были способны в 1941—1945 гг. Она означает также и готовность к самопожертвованию, характерную для военных лет.

В песне Булата Окуджавы из кинофильма «Белорусский вокзал», ставшей одной из наиболее популярных песен военного цикла, зафиксировано это экзистенциальное отношений к войне, жизни и смерти: «И значит нам нужна одна победа! Одна на всех, мы за ценой не постоим!» Г.Жуков упоминается здесь в связи с его якобы признанием Д.Эйзенхауеру в том, что в ходе битвы за Берлин путь для танков сквозь минные поля прокладывался таким образом, что вначале по этим полям должны была пройти пехота! В принципе возможность такой тактики вряд ли можно исключить для того времени. Но все же необходимо иметь в виду, что сам «факт» здесь зиждется на сообщении единственного источника, который нельзя признать незаинтересованным.

34 Непредвзятое изложение предвоенной истории предполагает выявление связи между действиями Чемберлена и Даладье, отдавшими Гитлеру Чехословакию в 1938 г. (Мюнхенское соглашение) и пактом Молотова—Риббентропа. Известно также, что Гитлер предложил Советскому Союзу раздел не Европы, а всего мира. На это предложение немецкая сторона не получила ответа.

Часть 2
ПАМЯТЬ ИСТОРИИ

2.1. Цена победы и трансформация поражения

Интервью с руководителем Представительства Фонда им. Ф.Эберта в Москве доктором политологии Питером Шульцем 21 марта 2000 года.

П.Шульце родился в 1942 г. В 1971—1981 учился и работал в Свободном Берлинском университете; 1984—1988 гг. — работа над докторской диссертацией в Калифорнийском университете (США) на тему «Господство и классы в СССР в 30-е годы». С 1997 г. работает в Москве. Уделяет большое внимание организации исследовательских проектов по изучению различных аспектов реформирования российского общества.

Интервью проводилось в Москве в офисе представительства Фонда на английском языке под магнитофонную запись.

> *...Мы проиграли войну. У тех, кто проиграл войну, кто потерпел поражение, и у тех, кто победил, складывается различная ментальность. Победитель и побежденный! Побежденный принужден считаться с результатами поражения. Он должен задуматься над вопросом о том, почему он потерпел поражение. В то время как победитель не задумывается над тем, почему он одержал победу. Нация, потерпевшая поражение, принуждена к изменению.*

А.З.: Первый вопрос, которым мне хотелось бы начать нашу беседу, касается восприятия реформ, которые происходили в России с 1987 г. Какова Ваша оценка этого периода, и каково было воздействие реформ на российско-германские отношения? В какой мере они влияли на общественное мнение относительно России и русских?

П.Ш.: Прежде всего, реформы в России, начавшиеся в 1986—1987 гг. под флагом перестройки и гласности, поначалу были встречены с определенной осторожностью, поскольку прежний опыт не внушал больших надежд. Но когда немецкая публика и политические элиты — руководство партий и правительственные круги — убедились в том, что это не временные изменения, что в

основе их лежат серьезные намерения переструктурирования политической и экономической системы российского общества — в то время Советского Союза, — тогда немецкое общественное мнение оценило горбачевские реформы как весьма и весьма положительные.

Что бы ни говорили потом, эти реформы вели прямой дорогой к объединению Германии и к падению железного занавеса, разделявшего Европу. В сознании немцев сложилось убеждение, что *главный результат этих реформ состоял в прекращении холодной войны, в объединении Европы и Германии.*

Последующий ход реформ в эпоху Ельцина рассматривался как логическое продолжение того, что было сделано во времена Горбачева. Теперь нужно было сделать главное: убрать завалы разрушенной и прогнившей советской экономики. Это также было встречено с поддержкой. Насколько я помню, в 1991—1992 гг. немецкие граждане добровольно посылали голодающему населению России (hungering population in Russia) огромное количество гуманитарной помощи. Я знаю, что ведущие политические фигуры Германии, например, Президент Центрального немецкого банка мистер Велтеке (Welteke) — в то время министр экономики одной из немецких земель лично сопровождал поставки помощи из Москвы в Ярославль. Эти факты говорят о том, что немцы с большим сочувствием воспринимали страдания русских людей.

Вместе с тем мы надеялись, что семена демократии, посеянные во времена Горбачева, взойдут, и принесут свои плоды, что возникнет демократическая Россия, опирающаяся на сильную реформированную экономику.

Я думаю, что даже события 1993 г. — расстрел Белого дома — не поколебали этой надежды. Этот расстрел был воспринят как необходимое, хотя и несимпатичное, нежелательное средство, как действие, которое было направлено на разрыв с прошлым, как действие, направленное на преодоление сопротивления сил реакции.

Я думаю, что поворотный момент в восприятии российских реформ в Германии относится к середине 90-х годов, когда стало очевидным, что процессы трансформации общества и в особенности переструктурирования экономики действительно имеют место. Но эти процессы осуществляются вне связи с законом. Западная Европа, в особенности Германия, как практически соседняя страна, должны принимать некоторые меры предосторожности. Речь идет о криминальных бандах, которые внезапно проникли и на территорию Германии, о торговле женщинами, о распространении проституции, о наглых грабежах и убийствах. Возникла так называемая мафия. И в середине 90-х годов эта тема в общественном сознании по сути дела перекрыла тему развития реальной России. Общественное мнение очень остро воспринимает эту совокупность тем: *мафия, проституция, наркотики, взятие людей в заложники, отмывание денег и т.д.*

К этому надо добавить и то, что происходит в самой России. Открытые конфликты между криминальными бандами, постоянные разборки, покушения на жизнь, и убийства, жертвы которых исчисляются ныне тысячами. В результате в общественном мнении возникает образ страны, которая все еще движется в направлении демократии и рыночной экономики, основанной на частной собственности, но политические институты которой — я имею в виду правительство, парламент, правоохранительную систему — по сути дела не способны контролировать негативные последствия трансформационных процессов.

Образ современной России в Германии формируется, прежде всего, как образ страны беззакония, где за деньги можно купить все, что угодно, где даже в высшие политические институты вплоть до самых верхов, включая институт президента, проникает коррупция, где контролирующие инстанции — парламент и Совет Федерации — то ли не могут, то ли не хотят, то ли не имеют сил направить страну в нормальное правовое русло так, как мы это понимаем в Западной Европе. Эта удручающая картина сложилась, в том числе, и благодаря финансовому кризису 1998 года.

И только, может быть, начиная с лета 1999 г., появляются более или менее последовательные силы, которые впервые привлекают внимание общественности к борьбе с коррупцией, отмыванием денег, и пытаются что-то предпринять в этом отношении. Это касается, прежде всего, правительства Примакова.

Благодаря этому в общественном мнении Германии возникает более обнадеживающий и позитивный образ России, который опирается на поддержку прессы. Эти усилия — совместно с неожиданными показателями экономического роста многих отраслей российской промышленности — привели к тому, что постепенно возникает тенденция или сдвиг в сторону преодоления преобладающих негативных оценок российских трансформационных процессов и формирования позитивного восприятия российских реформ.

Надо также сказать и о том, что та политика, которую Россия проводила в балканских делах, ее упорство в отрицании проблем Blut und Boden («крови и земли»), ее поддержка наиболее консервативных сил Сербии не могут быть приняты общественным мнением на Западе, в особенности, в Германии. Это стало фактором, который привлек внимание общественного мнения к России как великой европейской державы. Конечно, общественное мнение не принимает во внимание мотивы и обоснования политики. Во внешнеполитических вопросах общественное мнение видит только действия. Сейчас оно больше помнит ту критику в адрес НАТО и западных держав, которая исходила от России во время интервенции, и оно почти не помнит последствия конфликта. Я имею в виду действия российских миротворческих сил и их достаточно конструктивное сотрудничество с миротворческими силами западных держав и США в урегулировании косовского конфликта. Возможно, что в этих вопросах требуется немного больше времени, и

тогда картина корректируется сама собой, во всяком случае, и здесь можно отметить некоторые позитивные тенденции.

А.З.: А общественное мнение в Германии по поводу России консолидировано или же существуют разные концепции России и разные точки зрения? Можно ли охарактеризовать эти точки зрения?

П.Ш.: То, что я сказал, это базовая позиция, объединяющая все слои политической интеллигенции или политического класса Германии. В основе ее — уважение и надежда на благоприятный исход трансформационного процесса. Это определяется тем, что политическая интеллигенция и экономические круги Германии серьезно заинтересованы в стабильном и здоровом развитии российской экономики и политики. Но с другой стороны, они не могут закрывать глаза и не принимать во внимание реальные факты. А факты таковы, как я их описал. Они видят страну, которая не управляется законом. Она управляется незаконными элементами. А коррупция вошла в порядок дня. При этом государство и правоохранительная система не принимают серьезных мер против этого. Эта позиция, я полагаю, разделяется всеми. Это не только то, что пишут в «желтой прессе». Это впечатление, которое Россия создает сама о себе в силу того, что в ней происходит.

А.З.: А как Вы думаете, является ли Россия частью Европы, и какова дистанция между Россией и Германией в европейском контексте и в мировом контексте?

П.Ш.: Прежде всего, я думаю, что ни один серьезный немецкий политик или бизнесмен не будет отрицать или сомневаться в том, что *Россия есть часть Европы*. Несмотря на все политические различия в самой Германии, все сходятся в том, что Россия — это континентальная страна. Она — часть Европы, и не только часть — она должна играть ответственную роль в формировании европейской политики. Россия это страна, которая представляет собою важный фактор европейской политики. Но не только фактор. Это страна, которая нуждается в том, чтобы она была вовлечена в Европу. Не только в силу истории. Ее геополитическая позиция такова, что она существует в Европе. В отличие от Америки мы должны жить с Россией, и мы всегда жили с Россией!

Поэтому то, что мы видели отрицательного за последнее десятилетие это то, что Россия не участвовала активно в формировании и определении европейской безопасности и европейской экономики. Это, разумеется, не обвинение, поскольку мы понимаем огромные сложности трансформационного процесса, благодаря которому в России доминируют внутренние проблемы. Но с другой стороны, позиция российского правительства по отношению к Европе характеризуется тем, что она не проявляет инициативы, у нее мало воображения. Это в значительной мере демобилизационная позиция.

Она напоминает более всего позицию Микояна или Молотова. Предпочтение отдается формуле: «Нет, нет!», нежели согласию

принять какие-либо предложения. Но вы не можете быть ответственным актором в европейских делах, если вы все время занимаете негативную позицию по отношению к тем предложениям, которые поступают в ваш адрес. А так как у вас нет концепции относительно того, какими должны быть отношения с Европой, то ответ всегда и состоит в этом «Нет!». Но такое положение дел невозможно! Если бы Россия выступала со своими программами и представлениями относительно таких вопросов: как разрешать конфликты в Европе, как сотрудничать и вести дела в Европе, как формировать европейско-российский экономический диалог и т.д., и т.п. — очень много тем, — то это было бы обнадеживающим моментом, и встретило бы понимание и в Западной Европе и, в особенности, в Германии.

А.З.: А каково взаимоотношение между Россией и Советским Союзом. Это одна и та же страна или это совершенно разные страны? Может быть, современная Россия в большей мере похожа на Россию дореволюционную?

П.Ш.: Я рассматриваю все эти концепции как абсолютную чушь. Я знаю, что некоторая часть консервативной интеллигенции, в особенности в Москве, дискутирует эти проблемы. Пытаться Россию возвратить в дореволюционное прошлое безнадежно! Такого рода дискуссия закрывает путь к будущему. Конечно, вы можете воздвигнуть какие-то символы царизма, как вы и сделали, с двуглавым орлом повсюду, или принять старый царский флаг. Но, я полагаю, что сходство на этом и заканчивается. Ибо сегодняшняя Россия не напоминает Россию царскую ни в каком отношении. Равно как она и не напоминает ни один из этапов развития страны большевистского периода.

Я не исключаю того, в особенности на первом этапе трансформации, что сохраняются определенные традиции советского периода, но это не значит, что нравственные нормы советского периода играют роль на современном этапе. Это в большей мере воспоминания, ностальгия, фрустрация. Но сходства современной России с тем, что было 10 лет назад, не существует. Может быть, в каких-то отдельных регионах, или в некоторых отраслях народного хозяйства, которые не реструктурировались, или даже среди некоторых групп интеллигенции.

А.З.: Что Вы имеете в виду под большевистским периодом?

П.Ш.: Весь период с 1917 по 1991 год.

А.З.: До 1991 г.? Все это большевистский период?

П.Ш.: Да, конечно!

Это, разумеется, общая фраза, и вы можете провести более детальную периодизацию. Например, военный коммунизм — это чрезвычайный период, достаточно короткий по своей продолжительности, являвшийся отражением потребности в защите, и одновременно агрессией.

Затем вы выделяете период 20-х годов.

Затем опять чрезвычайный период коллективизации и индустриализации.

Весьма специфический период с середины тридцатых годов до 1941 г., — реконструкция и консолидация, коллективизация и индустриализация.

Затем следует период войны.

Затем период реконструкции после середины 50-х годов.

Затем с конца 50-х до конца 70-х — новый период консолидации.

Затем начинается упадок советской экономики с 1978 г. практически до сегодняшнего дня.

Все это различные этапы развития страны, но они входят в единый период времени. Вы можете назвать его советским периодом, большевистским периодом или как-либо иначе.

А.З.: Я думаю, что одна из главных проблем во взаимном восприятии русских и немцев состоит в памяти о Второй мировой войне, в особенности о германо-советской войне. Вы согласны с таким утверждением?

П.Ш.: Нет, совершенно не согласен! *Может быть, с российской стороны это и так, но с немецкой стороны это не так!*

А.З.: А не думаете ли Вы, что необходимо что-то делать в связи с памятью о войне или лучше не касаться этой темы?

П.Ш.: Вы можете касаться всего, чего вы хотите.

Что касается войны, то с российской стороны она все еще прославляется, она не изображается такой, как она была — отталкивающим, ужасным событием[1]. Я участвовал в дискуссии о том, чтобы установить памятник немецким солдатам, похороненным в российской земле — в качестве памятника ужасам войны. Но оказалось, что практически этого сделать невозможно. В Германии есть такие памятники. И российское правительство это знает. Все российские памятники, которые были поставлены с 1945 г., сохраняются и о них заботятся. Так что у нас нет проблем с памятью о Второй мировой войне[2].

У нас нет негативного отношения даже среди старшего поколения в Восточной Германии, которое страдало во времена советской оккупации[3]. Особенно если принять во внимание факты, что миллионы немецких женщин были изнасилованы после 1945 г. с согласия командования и даже с согласия Политбюро[4], а население Восточной Пруссии было насильственно выдворено со своего места жительства[5].

Но это факты — это история.

А.З.: Но образ страны и образ народа обычно связан с историей. Очень трудно отделить историю и современность в этом плане. Очень интересно Ваше замечание по поводу того, что в сознании немецкого народа такой проблемы — памяти о войне — не существует, но что она существует в сознании россиян. Почему? Как это можно объяснить?

П.Ш.: Очень просто! Мы проиграли войну. У тех, кто проиграл войну, кто потерпел поражение, и у тех, кто победил, складывается различная ментальность. Победитель и побежденный! Побежденный принужден считаться с результатами поражения. Он должен задуматься над вопросом о том, почему он потерпел поражение. В то время как победитель не задумывается над тем, почему он одержал победу. Нация, потерпевшая поражение, принуждена к изменению. Это одна из движущих сил.

Вот почему после 1945 г. Германия и Япония так быстро восстали из пепла, из разрухи. Они пришли к выводу, что этот отрезок нашей истории привел к ошибкам[6], к милитаризации общества, к обществу с империалистическим мышлением. И теперь мы не должны больше смотреть «во вне» с позиций экспансионистских или империалистических установок; мы должны смотреть «во внутрь», мобилизуя инновации и творческий потенциал людей, и их способности. И в этом состоит один из наиболее важных моментов, объясняющих очень быстрое превращение Германии и Японии в экономически лидирующие нации мира.

Кроме того, после войны все было в руинах. Не только в Германии, но также и в Японии. Если экономика разрушена, то ее необходимо восстановить. Вместе с тем необходимо принять во внимание, что война, разрушившая Германию, привела к ее разделу. В условиях разрухи мы должны были принять 17 миллионов жителей, изгнанных поляками и русскими из наших восточных земель[7]. 17 миллионов! Мы должны были интегрировать 17 миллионов человек в разрушенную страну, где была разрушена экономика, где не было ни пищи, ни жилья, ни электричества — ничего! Поэтому мы должны были сконцентрироваться на экономических задачах, в противном случае население было обречено на гибель.

И эти два фактора сыграли решающую роль: во-первых, то, что было покончено с войной, были разрушены милитаристские, экспансионистские ориентации в своем собственном сознании, были извлечены уроки из войны, и, во-вторых, была осознана необходимость работать, восстанавливать экономику. Эти два фактора были наиболее существенны.

А.З.: А может быть, имел значение и тот факт, что в Германии и Японии после войны произошла демилитаризация, и было запрещено производство вооружений?

П.Ш.: Мы в любом случае не стали бы этого делать! Изменение произошло прежде в сознании, а затем превратилось в действие.

А.З.: Прошу прощения, очень важная деталь: Вы упомянули, что российские (советские) солдаты насиловали немецких женщин с согласия Политбюро. Было какое-то решение на этот счет?

П.Ш.: Нет, специального решения не было. Это был просто результат победы советских войск. Солдатам-победителям было позволено делать все, что они хотели! И офицеры не вмешивались. И это прикрывалось согласием Политбюро. Теперь это ясно из до-

кументов, которыми мы располагаем. Солдат Красной армии нельзя было обвинять ни в чем, и на них было некому жаловаться.

А.З.: Но я думаю, что психология солдат-победителей более или менее одинакова во всех войнах. Разве немецкие солдаты не насиловали русских женщин на оккупированной территории?

П.Ш.: Немецкие солдаты убивали, но не насиловали[8]!

А.З.: А между кем и кем была эта война: между двумя тоталитарными режимами, между коммунизмом и фашизмом, или между двумя народами?

П.Ш.: Хороший вопрос. Во всяком случае, на мой взгляд, это не была война между двумя народами. Я не думаю также, что это была война между двумя тоталитарными или авторитарными режимами, хотя она осуществлялась этими режимами. Но реальная движущая сила, стоящая за действиями политиков, заключалась в идеологии немецкого фашизма. И она имела двойственные цели — экономическую задачу и геноцид. Война против России и Советского Союза была начата с целью разрушить советскую систему, разрушить коммунизм и в то же время обратить в рабство российское население[9]. Таковы были цели войны. Но это не была война между двумя народами. Ведь не было ненависти между русскими и немцами ни перед войной, ни после войны. И даже во время войны. Война велась в очень грубых и жестоких формах, но она не сопровождалась ненавистью[10].

А.З.: Весьма интересное мнение! Я этого никогда не слышал

П.Ш.: Я, конечно, сам не участвовал в войне, так как родился в 1942 г., но я знаю об этом по рассказам.

А.З.: А я родился в 1928 г., и война застала меня в подростковом возрасте. Когда началась война, мне было 13 лет, и я пережил блокаду Ленинграда. Так что у нас разные точки отсчета...

П.Ш.: Если посмотреть на Санкт-Петербург или Ленинград, то возникает такое мнение, что это была бесчеловечная акция, рассчитанная на то, чтобы довести население города до голодной смерти... Таким способом надеялись придавить Красную армию с помощью экономического фактора. В этом состояла, прежде всего, военная цель, но это не является свидетельством существования ненависти между двумя народами[11].

Я очень и очень редко сталкивался с негативным отношением к русским в Германии[12].

Напротив, то, с чем мы сталкивались и сталкиваемся до сих пор в Чеченской войне, это неуважение русских солдат к правам человека, к гражданскому населению. Если мы посмотрим на картину, которую представляет собою Грозный и Чечня, безотносительно к мотивам и обоснованиям... Нельзя разрушать город только для того, чтобы захватить пару тысяч так называемых террористов... Может быть, это так и осталось в памяти со времен войны.

Я думаю, что в каком-то смысле русские военные не извлекли никаких уроков со времени 1941 г. и до сих пор. Направить танки, все кругом расстрелять, давить, давить, и давить, не считаясь с

тем, сколько людей будет уничтожено на стороне противника, и сколько погибнет своих. Так что, как не было, так и нет уважения к правам человека и ценности человеческой жизни[13]. И эта концепция войны вновь и вновь возрождается именно в том виде, как это было в прошлом.

Вспомним колоссальные потери русских солдат во время Второй мировой войны. Миллионы смертей, в которых не было необходимости, и которые лежат **на совести** российских генералов и офицеров[14]. Даже в одной из последних битв на Зееловских высотах, где немецкие войска обладали явным преимуществом в средствах защиты — Жуков потерял 50—60 тысяч человек только ради того, что Сталин хотел взять Берлин к определенной дате, не считаясь с людскими потерями своей собственной армии[15]. Эта бесчеловечность, этот догматизм вел к тому, что и жертвы со стороны гражданского населения не принимались во внимание.

А.З.: Существует мнение, что положение в нынешней России можно сравнить с положением Германии в 1918 г. Как Вы относитесь к этой точке зрения?

П.Ш.: Это абсолютная чепуха. Здесь нет никакого сходства. Во-первых, Россия в 1991 г. не была побежденной страной. Да, произошел распад системы, но этот распад не был связан с военным поражением. Он не был связан с оккупацией и иными средствами применения военной силы. Распад системы произошел в силу внутренних причин. Дело в том, что советское руководство, советская система не могла справиться с задачами управления экономикой и обществом. И идеология перестала работать, она перестала кого-либо интересовать. Самым неожиданным элементом распада было то, что ценности прекратили действовать в один момент. Все потеряло значение!

И это стало ясно, когда Ельцин запретил Коммунистическую партию. Как могло случиться, что в один момент исчезла партия, насчитывавшая около 20 млн человек? И никто не пошевелил пальцем. Это показало, насколько слабой и прогнившей была система. Нечего было защищать! Такова была ситуация в Советском Союзе, в России в 1991 году.

Эта ситуация совершенно не похожа на то, что происходило в Германии. В Германии в результате военного поражения масса солдат возвращалась домой, в страну, разрушенную войной. Возникли огромные экономические трудности как результат Версальского договора. Победители диктовали нам свои условия. Общество было поляризовано, и политическая ситуация была также совершено иной. Разразился экономический кризис. Тогда еще не было международных экономических и политических институтов, на чью помощь можно было бы рассчитывать. Так что это была совершенно иная ситуация!

А.З.: Обычно это сравнение между послевоенной, версальской Германией и Россией после распада СССР используется для того, чтобы указать на опасность национализма, так как национал-со-

циализм пришел к власти в Германии, опираясь на настроения реванша, существовавшие в немецком обществе после Версальского договора. В этой связи возникает вопрос: что означает само понятие нации применительно к Германии и России?

П.Ш.: В Германии мы теперь очень редко используем понятие нации. Очень редко. Мы говорим об обществе, говорим о немецком народе. Мы даже не очень часто используем термин «народ». Я думаю, что оба эти термина — «народ» и «нация» — утратили свое значение в контексте европейской интеграции. Мы говорим о Германии, мы говорим о Европе. Мы говорим о Германии как части Европы, мы говорим о европейской семье как ассоциации или союзе наций. Так что нация для нас, также как и народ, это своего рода антикварный термин. Антикварный термин, который принадлежит периоду, который уже пройден, преодолен.

А.З.: Но когда Вы говорите «немцы», «русские» — это различные «нации»?

П.Ш.: Мы употребляем понятия русские и немцы вне связи с понятием нации. Мы говорим о евреях, русских, американцах, южноамериканцах, итальянцах. Но это не о русской нации, не об итальянской нации, не об американской нации. Это, скорее, географические, политические, экономические понятия. Например, мы говорим о рабочих местах для турок, но мы не говорим о турецкой нации.

А.З.: А есть ли какой-то более общий термин для обозначения этих групп?

П.Ш.: «Люди» или «государства» (people and states) — в зависимости от контекста.

А.З.: Существует ли какое-либо культурное основание для взаимного понимания между русскими и немцами? И для взаимного влияния друг на друга? Можете ли Вы привести какие-либо примеры такого культурного взаимовлияния?

П.Ш.: Я не знаю, я так не думаю.

Существуют не столько культурные, сколько экономические и политические взаимоотношения. Культура может играть определенную роль, но это не главный фактор. Я думаю, что большая часть культурного наследия России — Пушкин, Тургенев и т.д. — мало известна в Западной Европе. Этих авторов немногие читают. Они известны лишь в весьма узких кругах интеллигенции.

Я думаю, то, что сближает нас с Россией, делает нас ближе к России в сравнении с другими европейскими странами или народами, так это наша история. Ведь у нас сложились более или менее дружественные, или более или менее конфликтные отношения с XV в., когда началась экспансия немцев на восток в конце средних веков. И, наоборот, у нас есть общая история разделов и разрушения Польши. Затем у нас есть история отнюдь не святого Священного Союза, поддержания консервативного режима в Европе на протяжении XIX в. при Меттернихе и Священном Союзе после 1848 г., затем опыт внешней политики Бисмарка, поддержи-

вавшего хорошие отношения с Россией ради сохранения безопасности Европы. Вплоть до Первой мировой войны.

И даже во времена Веймарской республики, да и после, установились тесные отношения с большевистским режимом. Было организовано тесное сотрудничество между вермахтом и Красной армией. Ваши офицеры учились в Потсдаме, в военной Академии германского Генерального штаба, а войска вермахта испытывали свое оружие — новые танки и самолеты — на территории Советского Союза после 1933 г. Так что есть определенные заделы в истории, экономике, политике, может быть, даже в некоторых сходных чертах менталитета, связанные с возможностью развития российско-германских отношений.

А.З.: А известна ли Вам статья Ф.Тютчева «Россия и Германия», опубликованная в начале 40-х годов прошлого века в газете «Франкфуртер Аллгемайне»? Как германофил и дипломат он пишет о предпочтительности отношений между Германией и Россией в пределах Европы.

П.Ш.: Нет, этой статьи я не читал, но я знаю, что в Германии существовала подобная школа философской мысли в конце Веймарской республики. Ее лидером был Никиш (Niekisch). Он мечтал о немецко-российской империи, и его идеи были основательно усвоены некоторыми офицерами рейхсвера. Гёрделер (Goerdeler) и генерал-лейтенант фон Зик (v. Seeck) поддерживали тесное военное сотрудничество и сотрудничество по линии органов госбезопасности между Советской Россией и Германией в 20-е годы.

И вплоть до 1941 г. в рейхсвере не было единодушно враждебного отношения к Красной Армии. Они знали большую часть командиров Красной Армии, так как они учились в Германии. Это подтверждает мою мысль: они выполняли бесчеловечную работу, но ненависти к врагу у них не было.

А.З.: Наблюдаете ли Вы опасность национализма в Германии и России?

П.Ш.: Нет. В Германии — определенно нет! А в России есть элементы национализма, но они будут преодолены. Я на это надеюсь. Здесь есть своего рода виртуальный национализм. Это нереальный, абстрактный национализм, который возникает из-за фрустрации, из-за недостатка уважения к стране, но он не имеет внутренних оснований.

А.З.: Ваша позиция в интерпретации современных международных отношений ближе к идее моноцентричного или полицентричного мира?

П.Ш.: Мир всегда был полицентричен. В советский период он был биполярен, но биполярность не была монолитной, так как была масса конфликтов как внутри западного, так и внутри советского лагеря. Это своего рода символы, которые охватывают очень многое, но мало что объясняют.

И даже теперь понятие моноцентризма означает лидирующую роль США в сфере безопасности, но отнюдь не в области экономических отношений.

А.З.: Как Вы полагаете, каковы перспективы отношений между Россией и Германией?

П.Ш.: Эти отношения во многом зависят от того, как будут решаться внутренние вопросы в самой России. Если Россия с помощью собственных усилий станет сильной экономически, надежной, предсказуемой, рациональной страной, где действуют демократические институты и уважение к правам человека, то не останется места для конфликта между Россией и Европейскими странами. Все зависит от того, что происходит здесь. И этот процесс не поддается внешнему влиянию. Единственное влияние, которое могут оказывать немцы, французы, другие западные страны это влияние посредством слова, с помощью дискуссии. Иногда это более важно, чем торговля.

А.З.: Вы, кажется, противоречите своей собственной позиции. Только что Вы говорили о том, как важна экономика!

П.Ш.: Их нельзя отделить друг от друга! Экономическое развитие, экономические отношения очень важны, но экономические отношения — это не только экономика, они воздействуют на изменение социетальных структур. Если в пределах обозримого будущего экономическое развитие в России продолжится в том же направлении, в каком оно идет сейчас, тогда вы почувствуете изменения жизни в большинстве регионов, равно как и на уровне общества в целом! Тогда будут происходить изменения к лучшему в области благосостояния людей, в культуре и образовании. Финансовое положение местных властей также улучшится, так как будут поступать деньги от налогов. Так что они смогут расходовать эти средства, скажем, для улучшения образования и т.д.

А диалог между нами — это передаточный механизм, необходимый для обмена информацией и тем опытом, который у нас накопился в ходе трансформации нашего общества. Это не означает, что вы должны повторять наш опыт. Но кое-что полезное можно принять во внимание. Например, если сегодня новая идея рождается в Лондоне, то завтра она может обсуждаться во Франкфурте. Почему же идея, возникшая во Франкфурте, не может на другой день обсуждаться в Москве или Санкт-Петербурге? И наоборот! Это же Европа! Это сообщество постоянного диалога, который должен основываться на общих ценностях.

И эти ценности — закон, уважение к правам человека, гарантии социального и экономического благосостояния.

А.З.: В связи с этой идеей постоянного диалога хотел бы заметить, что данные последних опросов показывают, что в общественном мнении россиян повысился ранг немцев. Если несколько лет тому назад американцы были на первом месте в российском общественном мнении, то теперь они потеряли эти позиции, а немцы их «обошли», что для нас было несколько неожиданным.

П.Ш.: Да, но это не подтверждается данными об изучении иностранных языков. Английский язык более распространен в сравнении с немецким, и российская молодежь предпочитает учиться в США, а не в Германии!

А.З.: Английский язык является языком международного общения!

П.Ш.: Это понятно, но вы — Россия — становитесь все более и более американизированной страной. Я имею в виду культуру, массовую поверхностную культуру. В этом надо отдавать себе отчет!

А.З.: Мы исчерпали лимит времени, отведенного на наше интервью. Я Вас благодарю за то, что Вы изыскали возможность встретиться со мной. Спасибо. До свидания.

2.2. Можно ли это назвать победой?

Интервью с доктором Х.Харбахом — факультет социологии Билефельдского университета. Интервью состоялось по рекомендации проф. Фельдхоффа, который помог возобновить знакомство с респондентом, состоявшееся во время моего первого визита в Билефельдский университет. Оно происходило на факульте социологии в кабинете проф. Харбаха 11 марта 2000 г. на английском языке.

Все эти рассуждения — о победе, о стране — результат ошибочной макроскопической методологии XIX в. Я это не признаю, я это отвергаю! Не было победы, были только покойники! (There was no victory, there were only dead people!). Эти жестокости! Но поколения, которые верили в это, живут своими победами!

А.З.: Уважаемый проф. Харбах! Первый вопрос, который мне хотелось бы Вам задать касается Вашей оценки реформ, проходивших в России за последние десять лет.

Х.Х.: Это не очень простой вопрос, но я попробую на него ответить! Конечно, большая часть немцев, в том числе и те, кто занимаются преподаванием и исследованиями. не очень-то много знают о том, что происходит в России! Страна находится в сложном пложении, и немецкая пресса собщает об этом в очень отрицательном смысле. Значительная часть журналистов из ведущих компаний создают весьма пристрастную картину. Преступность в больших городах, беспризорные дети и т.д. У меня такое впечатление, что немецкие журналисты устроили из России своего рода тренировочный полигон. Россия! Ее сейчас легко критиковать, а когда вы выступаете с критикой чего-нибудь, то вы выглядите более интеллигентным! У нас в университете можно найти этому

подтверждение. Так что я думаю, что здесь есть своего рода профессиональная заинтересованность, пристрастие своего рода, особенно важное для молодых журналистов, которые представляют Россию в негативном свете. Это одна сторона дела.

Другая же сторона вопроса состоит в том, что немцы, кажется, очень интересуются Россией и русскими. Если оставить в стороне политические репортажи, то можно увидеть передачи, которые представляют большой интерес для зрителей. И их смотрят миллионы! Например, передача об озере Байкал, которую повторяли по меньшей мере трижды за короткий период...

Но общественное мнение создается средствами массовой инфориации, и в целом они дают негативную картину. Да и наши коллеги в университете — они очень мало знают о России, о социальной подоплеке реформ.

Они больше интересуются Путиным, и никто не понимает, что он за человек! И немецкая пресса пишет, что у него холодный взгляд! Они его не любят, как Горбачева, и не шутят над ним, как это делали по отношению к Ельцину. А о Путине они не знают, что и думать!

А.З.: Но помимо прессы есть ведь и другие источники, на основе котрых складывается мнение. Мне кажется, что многие немцы могут составить мнение о русских на основе личных контактов. Разве не так?

Х.Х.: Личные контакты и обобощенный образ страны — это разные вещи! Когда рассказывают о личных контактах, то не могут избежать пристрастия, склонностей. Об этом говорят положительно, иначе зачем же тогда иметь эти контакты? Так что здесь тоже пристрастия. Вы же исследователь и Вы понимаете, что результат исследования не может излагаться вне контекста Ваших интересов. Например, если Вы будете говорить с сотрудникми нашего университета, они будут говорить что *Россия — это катастрофа в политике и экономике. Но русские сами по себе люди неплохие и творческие.* Таков обобщенный образ!

А.З.: Простите, что Вы сказали по поводу катастрофы?

Х.Х.: Это об экономической и политической ситуации. Немцы очень боятся потери контроля над атомным оружием, ...что произойдет загрязнение Северного моря: атомные ракеты и прочее.

Это одна из главных тем, и немцы, так же, как и все западные страны боятся, что русские не имеют экономических возможностей обеспечить безопасность тех огромных вооружений, которыми они располагают. Это общее опасение. Я думаю, что общее настроение немецких и вообще западных политиков состоит в том, чтобы закрыть глаза на Чечню и профинансировать Россию. И немцы дали уже миллиарды России на эти атомные станции, кучу денег, огромные деньги! Потому что существует огромный страх из-за этой русской атомной угрозы. Это общее чувство: атомная угроза для Запада сейчас сильнее, чем до перестройки. В силу экономического кризиса и благодаря тому, что нет денег на под-

держание оборудования, на его ремонт, на обучение персонала, и т.д.

А.З.: А можно ли расположить эти подходы к России на некоторой шкале? От наиболее негативных к наиболее позитивным высказываниям? Какова группировка и типология мнений по поводу России?

Х.Х.: Основная точка зрения связана, конечно же, с войной, сталинизмом и тому подобными вещами. Антироссийское немецкое общественное мнение основывается на той роли, которую Россия играла в Восточной Германии.

Считают, что русские разделили нашу страну и привели к власти этих саксонских коммунистов, которые поддерживали свой авторитет с помощью Гулага и т.п. Это — наиболее отрицательный образ!

А с другой стороны, есть и позитивные стереотипы по поводу русских — они очень творческие люди, особенно в том, что касается музыки и искусства. Почти каждый немец, учившийся в средней школе, читал русских писателей — Льва Толстого и Достоевского, читал русских поэтов и слушал русскую музыку. Позитивный образ складывается главным образом благодаря искусству.

И русские, и немцы похожи друг на друга тем, что они сентиментальны и меланхоличны, и тем, что они воспитывались в автократических и репрессивных общественных структурах. И у них сходное мироощущение!

А.З.: А что Вы думаете о России и Европе? Является ли Россия частью Европы? Каково мнение интеллигенции по этому поводу?

Х.Х.: Ваш вопрос относится ко мне лично или к тому, что я думаю по поводу немцев, общественного мнения в Германии?

АЗ. Конечно, меня интересует то, как этот вопрос рассматривается в Германии.

ХХ. То есть, на основе общих рассуждений. Хорошо! Я полагаю, что *западные немцы всегда считали Россию частью Европы!*

А.З.: Всегда?

Х.Х.: Да, всегда! Все знают, что Россия простирается вплоть до Японского моря, но об этой азиатской части России никто не задумывается. По-моему, точно так же люди думают и в самой России: важнее всего то, что Москва и Санкт-Петербург расположены на Западе, а что касается остальной части, то это не так уж и важно!.. Но когда на них нападают в споре, и они защищаются, то я слышал и такое мнение от одного москвича — Леонида Ионина. Очень интересный способ защиты. Очень разумно они говорят: «Сибирь гораздо интереснее, чем Западная Европа! Запад застоялся, стал скучным со своей сверхцивилизованностью и т.п.! А у нас есть Сибирь! И в Сибири — все лучшее!» Но мы знаем, что Байкал — это огромная экологическая проблема!

А.З.: Это что, точка зрения Леонида Ионина?

Х.Х.: Да, он говорил: «Наша Сибирь интереснее Франции и Англии», — это аргумент, который используется в полемике между

российскими интеллектуалами, своего рода стратегия защиты. Бороноев так же рассуждает!

Среди русских есть люди, которые многое выстрадали. Вряд ли кто-либо страдал больше в нынешнее время! И вот, они рассуждают об этой огромной стране! Так же как и вчерашняя интеллигенция в России. Для них это основная переменная во всех разговорах и спорах по поводу русских, с ее помощью они объясняют все хорошее, и все плохое! Через размеры страны! Это внесоциальная переменная! Я бы сказал вслед за Сорокиным, что это географический редукционизм! Но он ничего не объясняет!

Но есть точка зрения — в Германии она известна — что Россия — это Евразия. Но на основании тех контактов, которые у меня есть, на основе прессы, я могу сделать вывод, что общий образ России иной. ***Немцы считают, что русские — это европейцы, но с некоторыми проблемами, это — «трудные европейцы».***

Они смотрят на другие народы, расположенные на территории России, на востоке, примерно так же, как англичане смотрят на свои колонии. Это своего рода колонии, своеобычные племена на востоке. Но не имеют отношения к формированию русской политики и к поведению русских.

А.З.: А не могли бы Вы охарактеризовать дистанцию между Россией и Германией с точки зрения европейского взгляда на мир? В чем состоят наиболее важные различия между Россией и Германией, если оставить в стороне вопрос о размерах этих стран?

Х.Х.: Вопрос в том, какие критерии здесь могут быть операционализированы. Например, критерий заключения межнациональных браков. Я думаю, что этот показаталь выше, если сравнивать с числов браков между французами и немцами или французами и англичанами У немцев существует представление, они сконструировали такой образ, будто их менталитет гораздо ближе к русскому, чем к английскому или французскому!

А.З.: Неужели?

Х.Х.: Да, это так!

А.З.: Это описано в литературе или же это просто психологическое ощущение?

Х.Х.: Да, есть и литература научная, и беллетристика на этот счет.

Но я и сам наблюдаю это вот уже 8 лет по поведению наших студентов. Если отвлечься от некоторых психологических трудностей, которые могут быть у каждого, то можно сказать, что у русских студентов нет проблем с интеграцией в немецкую культуру. Они хорошо воспринимают и язык, и литературу. Они не чувствуют... то, что немцы — особенно теперь — говорят всякие гадости о коммунизме и России, они на это просто не обращают внимания. А немцы не отвергают контактов с русскими, ни личностных, ни телесных, не отвергают и их поведения. (They do not feel... the German say a lot of negative things these days about Russia and so, about

communism and so. But in personal contacts they have no rejection of Russian persons with the bodies and behavior.) (*Смех!*)

Я сказал бы, что можно наблюдать какую-то химию совместной жизни русских и немцев. Если бы они не нравились друг другу... Например, немцы не любят датчан, а датчане не любят немцев. Но у них нет препятствий к заключению брака, так как их менталитет (русских и немцев) имеет много сходных черт. Предрассудки относительно поведения других — это, как известно, только интеллектуальные конструкции, и от реального поведения они очень далеки! Неважно, какие это стереотипы — позитивные или негативные!

Возьмем, например антисемитизм. Явные антисемиты могут иметь евреек или евреев в качестве girlfriends или boyfriens. Нет проблем! Это просто иная область отношений. Конструкции относительно жадности евреев и их погоне за деньгами или о мировом заговоре, о чем все еще думают русские и немцы... вряд ли состоятельны!

А.З.: Итак, вернемся к вопросу о дистанции между Россией и Германией с точки зрения европеизации. Вы отметили, что между немцами и русскими довольно много сходства, и что русские студенты легко входят в немецкую среду.

А что Вы думаете по поводу Второй мировой войны? Какое место память о ней занимает в памяти людей?

Х.Х.: Это похоже... У меня своя теория на этот счет... Это похоже на отношения с Францией! Я думаю, что немцы знают... Есть своего рода взаимный счет. Вы знаете, я склонен к бихейвиоризму, хотя я думаю, что это тоже спекулятивная конструкция. Между французами и немцами установились неплохие отношения и не только благодаря тому, что немцы выделяют миллиарды на финансирование французского сельского хозяйства — об этом каждый знает, что мы платим в десять раз больше в европейскую кассу, чем другие, которые получают только прибыль! Об этом мало кто знает, например, в Испании, в других странах. Мы финансируем все. Но что касается Франции, то важно, как я думаю, что примерно равное число людей с обеих сторон было убито во время войны.

Моя теория применима и к России. Немцы знают, что они убили миллионы и миллионы русских людей. 17 и 18-летних молодых людей, и это не было только результатом некомпетентности русских генералов (which was not at least a fault of incompetent Russian generals). Это — темная сторона истории войны с Россией: «некомпетентные русские генералы, которые виновны в гибели», ценой этой некомпетентности стали жизни сотен тысяч молодых русских парней. Но это одна сторона проблемы. Но, с другой стороны, немцы знают и о том, что масса немцев пострадала от России, что множество людей было убито русскими солдатами. Кроме того, существует некоторый дополнительный образ, самостоятельный аспект по поводу изнасилований, и эта точка зрения не пре-

одолена. Это образ русских солдат, которые насиловали массу немецких женщин. Этот образ несет особую отрицательную нагрузку. И если Вы спрашиваете о предрассудках людей в Германии относительно русских, то Вы обязательно встретитесь с этим аргументом, несмотря на время, которое прошло с тех пор!

Но с другой стороны, хорошие отношения устанавливаются тогда, когда приходит мысль о взаимном балансе: «Война не имеет смысла: ничего не произошло, кроме того, что с обеих сторон была убита масса людей, и, можно сказать, что счет, если можно так выразиться, закрыт!»

Это так же, как и с Францией! Это как битва при Вердене, в которой участвовал мой отец. Сотни тысяч людей были убиты в штыковых атаках в течение нескольких месяцев... Убиты ни за что! Но я думаю, что это психологический факт, что люди начинают что-то понимать, образумливаются после...

Это моя теория — несколько спекулятивная — относительно численности убийств и смертей, которые должны свершиться прежде, чем люди снова начинают задумываться над тем, что они делают!

И теперь мы видим это и на примере России. Они пришли к мысли, что слишком много людей пострадало, было убито ни за что, без всякого результата! Ни русские, ни немцы не получили никаких преимуществ от этих войн! Только несчастья! Но теперь это — в прошлом!

Теперь молодые люди... у меня есть дочь 19 лет. Они смотрят на это все заново, свежим взглядом! Они знают об этих войнах, но у них нет к этому особого интереса! Они считают, что это огромная бессмыслица со стороны взрослых, что эти войны и массовые убийства были спровоцированы учеными с большими званиями и титулами. Но их это не касается... Моя дочь... Кажется, что она не интересуется ни Россией, ни российской историей, но она интересуется русскими. Она обедала с господином Скворцовым и с господином Головиным, ходила с русскими студентами на дискотеку. И это — ее впечатления о России. Она читает Чехова и т.д. А кроме того, они не мыслят в категориях макроуровня. Они отбирают некоторых из русских, и я думаю, что это хорошая стратегия!

А.З.: Может быть, это и так! Но вряд ли это можно сказать по поводу Вашей теории сбалансированности жертв... Ведь они не были пропорциональны!

Х.Х.: Да, я знаю, но они так думают! Они создают конструкцию!

А.З.: И еще: Вы упомянули о неподготволенности русского военного командования!

Х.Х.: Конечно, они сильно виноваты (highly guilty) в этих массовых убийствах! Они оказались некомпетентными перед немецкой военной машиной, технологической машиной войны, созданной в Германии! И бюрократия могла послать этих мальчиков!.. Я был в Волгограде, я видел многие населенные пункты и эти стел-

лы с именами и датами: 19 лет, 18 лет! Они шли с «калашниковым» против немецких танков, против военной машины! В начале войны они сами бросались под танки, чтобы остановить их! Они виноваты! Я думаю, что многие из них знали...

В Москве и Санкт-Петербурге в связи с пятидесятилетием были собрания ветеранов. И были сообщения в прессе, которые были неоднозначны в оценке этих руководителей!

А.З.: Вы имеете в виду, что должна была быть избрана в то время какая-то иная стратегия защиты? Вас так можно понять?

Х.Х.: Да. Они (командование Красной Армии) были политически индоктринированы, и в то же время слабо знали военное дело! Это и обошлось русским в такое количество утерянных жизней!

А.З.: Но ситуацию надо рассматривать в целом, по итогам войны! С Вашей точки зрения руководство Красной Армии было некомпетентно в военном отношении, а в политическом — «индоктринировано»!

Х.Х.: В начале войны...

А.З.: Но тогда как же объяснить, что «некомпетентные» победили «компетентных»?

Х.Х.: Да, они жертвовали! Русская сторона несла неоправданные потери!

А.З.: А кто знает, какие потери можно считать оправданными, и во имя чего?

Х.Х.: Такая цена была уплачена не за что! (The price was for nothing!)

А.З.:: Не за что?!

Х.Х.: Русские ничего не приобрели в результате этой войны, они понесли только потери! Это была не Великая патриотическая война. Это была война небольшой элиты, война *аппаратичиков* и догматиков (indoctrinated people).

Но большая часть населения была в самом начале против войны, и Коммунистическая партия была сравнительно невелика. Она окрепла во время войны, благодаря немецкой агрессии! Но в самом начале у нее не было поддержки населения. Поддержка коммунистов и большевиков стала сильной во время войны, с нашей точки зрения[16]. Это ясно особенно, когда сравнишь членство в партии до войны и после нее. Так *мы* это понимаем!.. Многие немцы думают, что без немецкой агрессии против России Коммунистическая партия не смогла бы удержаться у власти! Во всяком случае, *у нас* **такое** представление... Мы говорим сейчас о представлениях людей, а не об эмпирических фактах.

А.З.: Да, но есть два основополагающих факта: агрессия Германии и победа Советского Союза!

Х.Х.: Что это за победа, если вы потеряли 40 млн человек убитыми[17]! Какая же это победа? Это была победа для генералов, а не для народа!

А.З.: Но в войне Германии и СССР могло быть только два исхода — победа или поражение. Поражение означало бы победу немецкого нацизма, превращение Советского Союза в страну рабов, а славяне бы оказались в очереди на полное уничтожение после евреев!

Х.Х.: Гитлеровцы имели в России такую же судьбу, как и Наполеон!

Русские отступали, но они никогда бы не смогли завоевать Россию, прежде всего, потому что они не были последовательны в политике и были коррумпированы! Они могли бы даже захватить Москву и сжечь ее, но затем они вынуждены были бы отойти[18]! Они потерпели поражение, так как на западе у них не было нефти, а генералы были некомпетентны[19] и коррумпированы. За те приказы, которые они отдавали, они получали деньги от Гитлера! Генералы на Восточном фронте получили огромные деньги, частным образом «черные деньги» от Гитлера за подписание нужных ему приказов! Это была черная касса! И они служили за эти деньги и за престиж!

А.З.: За что они получали деньги?

Х.Х.: За то, чтобы они не блокировали этих идиотских и бесчеловечных распоряжений, не имеющих отношения к военным делам, как нам известно! Это публиковалось в «Spiegel», в течение нескольких лет. Были черные счета, использовавшиеся Гитлером и его группой для армейских генералов. Они были куплены!

А.З.: Кто? Генералы немецкой армии или Красной Армии?

Х.Х.: Нет, нашей армии, немецкой армии! Эти генералы исполняли и отдавали приказы только за деньги!

А.З.: Такие как Гудериан?

Х.Х.: Гудериан... Все эти люди были отвратительны (they were very bad characters), большая их часть! Им создали фальшивый имидж. Они воевали не за Пруссию, не за так называемый прусский кодекс чести, а за деньги! То, что они делали, они делали за деньги!

А.З.: И этому есть доказательства?

Х.Х.: Это эмпирический факт. Это все опубликовано и Вы можете прочесть! Это публиковалось в «Spiegel», — большой материал об этих черных кассах...

Но как ученый, как специалист в области социальных наук, я не могу утверждать, что русские одержали победу!

Я думаю... Я — по моим методологическим и нравственным позициям — индивидуалист. Я думаю только о конкретных людях, о русских. Я не думаю о России! Я вижу миллионы трупов мужчин, и женщин, оставшихся без супругов и сыновей. Если погибла такая масса людей, то это значит, что победы не было! Они все должны были идти на похороны! Хоронить покойников. А не устраивать парады и демонстрации! Это — поведение XIX века!

В каком-то смысле это реабилитация всех этих политиков и генералов, которые совершили эти ошибки! Но что значит — побе-

да? Что русские вступили в Берлин? Но что это означает в наше время? Это значило что-то во времена Фридриха Великого! Или во времена Цезаря!

В наше время не может идти речи о победе, когда убивают миллионы людей! А кто побеждает?

А.З.: Позвольте... давайте обратимся в фактам, как Вы сами предлагали не вдаваться в эмоции и не предаваться спекулятивному мышлению. Война заканчивается теми, кто выступал в ней в качестве действующих субъектов. Такими субъектами являются государства.

Х.Х.: И эти генералы, и этот Сталин! Но Сталин — это не государство[20]! Он — преступник! Преступник, организовавший массовые убийства всесте с этими купленными генералами, которые преследовали свои личные интересы, убивая русскую молодежь[21]!

Это все делалось ради партии, а не для России, этот грузин из Грузии! Они воевали за свои собственные интересы! А не за Россию. Россия — это только русские. Ничего больше! Как говорил Леви Стросс: «Я пришел в эту страну и встретил там только людей!» Все эти рассуждения — о победе, о стране — результат ошибочной макроскопической методологии XIX в. Я это не признаю, я это отвергаю! Не было победы, были только покойники! (There was no victory, there were only dead people!). Эти жестокости! Но поколения, которые верили в это, живут своми победами[22]!

А.З.: Ваша теория, может быть, и хороша, если Вы собираетесь доказать, что война бессмысленна!

Х.Х.: Это преступление!

А.З.: Но Ваша теория ошибочна, как только речь заходит о жертвах! Думаю, что те, кто погибли в войне против нацизма, погибли не напрасно. Ваша теория стремится принизить подвиг тех, кто погиб. Она несправедлива по отношению к памяти людей, которые сражались не за личные интересы, а за освобождение Европы!

Х.Х.: Какое освобождение?!

Холодная война, атомное оружие и все такое, эксплуатация! Освобождение Европы было ценой за развязывание войн в развивающихся странах! Это были показательные войны между Востоком и Западом по поводу различных сфер влияния, и в этих войнах убивали и умирали миллионы... Они были лишены власти в силу так называемого баланса сил, которого на самом деле не было. Это все идеология! Я думаю, что такое мышление представляет собою предпосылку следующей войны. 9 мая вы должны посещать ваши кладбища и стеллы, вспоминать тех молодых людей, которые погибли, не зная, за что[23]! Потому, что их заставляли идти с наганом против немецкких танков, чтобы остановить немецкие танки. Они должны были умирать за Сталина, который был самым большим преступником.

Даже Ленин был преступником! Один из первых декретов, который он подписал, это был приказ об уничтожении монахов, 1800 монахов[24]...

А.З.: Всякая революция есть преступление! (С точки зрения свергаемого режима.)

Х.Х.: Есть разные революции.

А.З.: Я бы хотел, чтобы Вы разъяснили мне Вашу концепцию войны, она для меня в какой-то мере необычна! Как раз в этом плане мне хотелось бы узнать Вашу точку зрения на то, чем была эта война. Кто были по разные стороны? Фашизм и коммунизм? Два тоталитарные государства? Как Вы сказали, фашизм против преступников в российском правительстве? Или же это была война между двумя народами?

Х.Х.: Это была война между двумя кликами, которые заставляли людей умирать за них! (Категорическим тоном).

В Германии им промывали мозги с помощью такого новшества тогда, как радио. В России промывали мозги с помощью обещанного рая социализма и равенства и т.д.[25]

А.З.: А Вы не думаете, что это происходит в любых войнах?

Что так было и во время Первой мировой войны и в случае войны между Францией и Германией в XIX веке?

Х.Х.: Да, но этому должен быть положен конец!

А.З.: В этом я согласен!

Х.Х.: Политика отвратительна, если она не помогает тем, кто находится в самом худшем положении, если не помогает униженным, бедным, отвергнутым, тем, кто не может сам себе помочь! Я не верю, когда говорят о помощи «группам», «массам», «народам»! Это время прошло! Это было катастрофой!

Эта теория национального государства XIX в. — одна из главных причин всех несчастий, с которыми мы теперь живем. Наша политика и все общественные науки должны быть перестроены так, чтобы предметом — единственным предметом — был только индивидуум, и ничто больше! А если вы рассуждаете в терминах наций, структур и культур и т.д., то вы подрубаете собственные корни. Это — ошибочное мышление (wrong thinking)!

А.З.: Но, возвращаясь к вопросу о войне, есть ли разница в ситуации между теми, кто нападает и теми, кто защищается? Согласны ли Вы с тем, что война имела разное значение для русских и для немцев?

Х.Х.: Разное значение? Я не знаю... Я... Большая часть людей об этом не думали! Их заставляли. Они были вынуждены... Они были в армии.

В Германии их призывали, и их обрабатывали специалисты по пропаганде и нацисты, которые были у власти[26]. Они сами были никто! Их могли лишить работы и т.д. Это был механизм!

А немцы... Не... Во Второй мировой войне. В Первой мировой войне, в войне с Францией все было по другому... Тогда были некоторые интеллектуалы, которым нравилась та война! Они хотели

освободиться от жестких рамок индивидуальной жизни. Они думали, что смогут решить свои личные проблемы, получив заряд физической активности!

Но в этой последней войне был только автоматизм коррумпированных преступных элит, которые использовали бюрократию и структуры индустриального общества, для осуществления своих ошибочных идей по поводу мира[27]...

А ученые, они тоже были коррумпированы, и не сделали того, что они могли. Они могли бы предупредить приход Гитлера к власти, они могли бы предупредить приход Сталина. Я не стану сравнивать Гитлера со Сталиным[28]. Я мог бы это сделать как немец... Но... эти прусские генералы, Шлейхер, они легко могли бы... объединить вокруг себя противников нацизма, но они этого не сделали[29]!

А.З.: Объдинить?

Х.Х.: Они могли... Они же были у власти. Эти генералы рейхсвера! Нацисты были очень небольшой и не имеющей силы партией в самом начале. Они могли бы их без труда посадить в тюрьму, отдать их под суд, но они ничего не предпринимали. Они ничего не понимали в политике, и были коррумпированы, больше всего они хотели возвратить свои привилегии, которые они имели до Первой мировой войны[30].

Это длинная история, но эмпирически...

А.З.: Это история немецкого милитаризма? Часть этой истории?

Х.Х.: Да, немецкого милитаризма и отчасти истории Певрой мировой войны, ее результатов. А также ошибок, которые совершили западные державы! Особенно Франция по отношению к Германии с этими репарациями!

Они не должны были этого делать!

Если бы не эта репрессивная политика, которая была просто нонсенсом, так как они могли бы получить деньги иным способом, то нацисты никогда бы не пришли к власти!

Но если мы говорим о сегодняшнем мире, то я думаю, что мы не должны праздновать победы в этих национальных войнах. Мы должны посещать кладбища

А.З.: Вы имеете в виду Ваш личный опыт?

Х.Х.: Да, я был там. У меня есть «личный опыт» в мировой войне. Когда война окончилась, мне было 7 лет. Каждую ночь я прятался в убежище, когда американцы бомбили наш город. Я видел русских военнопленных, видел этих рабов и все такое! На фабрике моего отца были рабочие русские, французы, итальянцы!

А.З.: А что производила фабрика?

Х.Х.: Мебель.

А.З.: Большая фабрика?

Х.Х.: Сравнительно большая!

Я видел все. Я видел даже 8 мая. Когда американцы пришли в наш город!

А.З.: Какой город?

Х.Х.: Висбаден в Рейнской области... Для меня это было, как вчера!

А.З.: А Ваш отец не служил в армии?

Х.Х.: Мой отец служил в армии в обеих мировых войнах, он служил во Франции...

А.З.: В обоих случаях?

Х.Х.: В обоих случаях. И он присылал кучу шоколода из Франции. Он рассказывал о войне, как в Первую мировую на Рождество было установлено перемирие, а солдаты обменивались подарками в первый день Рождества между собою, а во второй — с французами! А на следующий день они надевали штыки и шли убивать друг друга!

А.З.: Но во Вторую мировую этого не повторялось!

Х.Х.: Не повторялось!

А.З.: Я думаю, что для преодоления враждебных национальных чувств, необходимо, чтобы каждая из сторон провела такую работу, которая направлена на понимание концепции другой стороны в своей собственной стране. Это называется, кажется, концептуальной переработкой прошлого?

Х.Х.: Да, а также, концепции элиты и ученых, которые это наблюдают, и концепции отдельных людей. У них очень разные концепции войны!

А.З.: Повидимому, индивидуумы как частные лица не разрабатывают собственной концепции войны, они их воспринимают.

Х.Х.: Нет, у них складываются частные концепции, но эти концепции не имеют никакого значения для войны. Они думают главным образом о том, что они потеряют, если они не будут подчиняться, что станет с их семьей. Это и есть главная основа патриотизма и национализма. Если ты не будешь делать то, что делают другие, то ничего хорошего из этого не последует. Наоборот, будет плохо для моей семьи, для моего брата и т.д. Эта главный стимул, почему солдаты идут на войну.

А.З.: А сейчас существует национализм у немцев, у русских? Что Вы об этом думаете?

Х.Х.: Я думаю, что он очень не велик в России, и в Германии тоже.

Я думаю, что люди поняли, что политики не говорят им правду! Это касается и специалистов в области политической науки. Они говорят неправду о человеческих отношениях.

Я думаю, что идеи у людей всюду одинаковы: жизнь коротка, и у каждого масса проблем! А войны — это растрата ресурсов, это глупость, войны не имеют никаких рациональных объяснений[31].

Это своего рода глупость, даже если мыслить о войне в рамках теории рационального выбора, предполагающей, что вы преследуете собственные материальные интересы... Нет никакого положительного результата. Даже с точки зрения теории игр: как бы ни рассчитывать, нет того, кто выигрывает, нет победителя!

На самом деле основной причиной коррупции и несчастья в мире является только интеллектуальная фантазия. Если бы люди были менее способны к интеллектуальной деятельности и к фантазиям, то они были бы менее жестоки и не так преступны. Преступность, жестокость и национализм — обосновываются идеологически. Они не вытекают из инстинктов, и из чего-либо еще в этом роде. Это типичные продукты человека, его идей, идеологические конструкции.

Посмотрите на результаты исследования предрассудков. Антисемитизм на идеологической основе представляет собою нечто совем иное, чем в области непосредственных отношений. Национализм и патриотизм существуют только в уме, в голове человека! Они не имеют ничего общего с лучшей частью человеческой природы, то есть с инстинктами, которые гораздо лучше, чем наши интеллектуальные способности[32]. Толстой с этим бы согласился!

А.З.: Может быть! Но Толстой — это тоже XIX век!

Х.Х.: Но он был очень умен, и написал правильные вещи о войнах! Я не вполне... Я думаю, что основная его теория неправильна, но у нее есть некоторые побочные ркзультаты. Как и у всех великих мыслителей: основная теория ошибочна, но примечания — великолепны! Так же и с Марксом, Фрейдом и другими. Половина теории может быть ошибочной, но примечания верны! Вот так я думаю! А национализм в Германии... никто не знает, что это значит!

А.З.: Что означает — нация, немцы?

Х.Х.: Ничего!

А.З.: В Германии?

Х.Х.: Ничего! Они думают только о паспорте, и о твердой валюте, которая стала теперь уже не такой твердой!

Например, если вы поедете в Прагу что-нибудь купить для дочери. Вы можете купить там массу хороших вещей для нее. Это и есть национализм! Молодежь теперь крепкая, здоровая. Они смотрят прежде всего на самого человека. Они говорят про некоторых русских студентов: «они — assholders», а про других, что они «здорово танцуют». Они очень отличаются друг от друга даже внутри той же самой группы. Но они никогда не говорят: «Эти русские!» Только журналисты и ученые говорят: «эти русские» или «эти немцы!».

А.З.: Если принять во внимание Вашу точку зрения, то это значит, что Вы как бы заинтересованы в grassroots relations между русскими и немцами?

Х.Х.: Да, я заинтересован в неофициальных отношениях, когда люди встречаются и говорят друг с другом.

Кроме того, я полагаю, что разговоры «о русской ментальности» это огромная ложь. В январе у нас был семинар, который обсуждал эти вопросы. До семинара я встречался с русскими студентами и преподавателями, и, казалось, что все знают, что такое русский менталитет.

Даже профессор Бороноев прочел лекцию «О русских». В конце семинара оказалось, что никто не знает, что такое русская ментальность! Это конструкция интеллектуалов, у которых свои собственные интересы.

А.З.: Это относится и к немецкому менталитету?

Х.Х.: Конечно! Что общего между немецким фермером из Восточной Вестфалии, который работает на своей ферме вот уже 300 лет, и южногерманским рабочим или баварским производитедем пива или рабочим, который работает на Фольксвагене? Какая ментальность? У них нет ничего общего! Они даже с трудом понимают язык друг друга!

Единственное, что их объединяет, — это немецкий паспорт!

А.З.: Но это значит, что государство существует?

Х.Х.: Государство... государство — это не совсем так! Это администрация! Министерства! Администрация — это американский термин, и он более демократичен, более ориентирован в будущее, чем государство и нация! Когда большое количество людей живет вместе, то им необходима координация действий. Должен быть некоторый контроль, координация, производство некоторых предметов совместного потребления. Но это не государство в смысле XIX в., это — администрация! Моя мечта в том, чтобы примерно лет через 50 это осуществилось. Нужно для этого только, чтобы газеты стали публиковать на первых страницах анекдоты и информацию «о маленьких людях», а на последних страницах мелким шрифтом о политике — официальные сообщения, о законах и парламенте. Администрация должна действотвать как растения, как экологическая система. Прогресс будет состоять в том, что политика исчезнет с первых страниц газет!

А.З.: Такая Ваша мечта?

Х.Х.: Это мечта об администрации, если мы живем вместе в мире, который становится Но политики должны быть изгнаны, люди должны жить без политики! Эта нечистая сила должна быть устранена из национальных государств, различных культур и борьбы между ними. Газеты должны сообщать о людях, а не о социальных конструкциях в интересах интеллектуалов. Нам нужна администрация, а не государства.

А.З.: И каковы же перспективы германо-российсих отношений с этой точки зрения?

Х.Х.: Нам не нужны германо-российские отношения, нам нужны отношения между русскими и немцами!

Может быть, нужны профессиональные мезоструктуры, регулирующие отношения между разными оркестрами. Например, немецким и российским симфоническим оркестрами, немецко-российским клубом пианистов, играющих в четыре руки, нужны отношения между университетами — российскими и немецкими, и даже не университетами, а между лекторами. Нам не нужны эти надстройки и бюрократические структуры. Нам нужны только

люди, и координация. Но координаторы должны быть всегда открыты для критики.

Они не должны главенствовать, как политики или начальники. Это неправильно! Если политики занимают очень важное место в обществе, то это негативный показатель. Они должны всегда чувствовать, что в них нет нужды. Так же и с бюрократией. Это — не элита, они, конечно, могут быть полезны, но мы думаем о том, как бы уменьшить их число.

А.З.: А что Вы думаете по поводу концепции моноцентрического мира? Вы согласны с этой концепцией?

Х.Х.: Глобализация неизбежна, но она принесет массу потерь для развивающихся стран, в том числе, вероятно, и для России. Она, прежде всего, выражает специальные интересы крупных компаний. У некоторых из этих компаний больше денег, чем у того или иного национального государства. Так что важна не просто глобализация, а что за этим стоит. Надо это знать! Она обойдется дороже тем, кто слабее! Когда мы говорим об этих потерях, то это в меньшей степени касается западной культуры, которая подавляет культуру развивающихся стран. Происходит макдонализация мира. Голливуд, макдональдс, кока-кола; эти глупые голливудские сериалы, которые охватывают весь мир! Это — потери! С точки зрения теории социальной эволюции это означает американизацию. Я это не поддерживаю: мне нравятся американцы, но не нравится Америка!

А.З.: Почему?

Х.Х.: Американцы в принципе надежные люди, они воспитаны в духе демократических ценностей. Они открыты, они слушают... они более эмпиричны в своем поведении, чем европейцы. Но у них очень плохое представление о русских — в черно-белом цвете. И это воспроизводится миллионными тиражами по всему миру благодаря Голливуду!

(Заходит профессор Фельдхофф, который говорит, что время интервью истекло, и что нас ожидает следующий респондент!)

А.З.: Мы как раз заканчиваем, и нам нужна еще одна минута, чтобы завершить объяснение весьма интересной концепции о мировых делах. Хотя остается большое число вопросов, которые можно было бы обсуждать и далее, если бы позволило время!

Х.Х.: Может быть, мы организуем семинар в Москве и пригласим мистера Путина?

А.З.: Идея неплохая, но только у нас несколько разные круги общения!

Х.Х.: Но он говорит по-немецки?

А.З.: Да, говорит! И это, наверное, важное преимущество российского президента! Я не знаю, есть ли другой президент современного государства, который свободно говорит на языке другой страны, тем более страны, с которой на протяжении последнего века было две войны! А может быть, президент — это индивидуум,

не так ли? И его личность сможет сыграть роль в конструировании того мира, о котором Вы мечтаете? Мира, в котором не будет ни наций, ни государств, а будут только обыкновенные люди и администрация, которая будет открыта для критики?

Но поскольку время действительно истекло, то я хотел бы поблагодарить Вас, доктор Харбах, за интервью. Я понимаю, что наши взгляды не могут совпадать, но надеюсь на то, что мы еще встретимся для продолжения дискуссии!

2.3. Я был в советском плену

Беседа с профессором истории Свободного университета Берлина Клаусом Майером. Беседа состоялась 29 мая 2000 г. в Институте социологии этого университета на Бабельсбергерштрассе 16. Беседа шла на английском языке.

Образ русских в Германии — очень сложен. Старшее поколение, которое еще жило в Германии во время войны, представляет русских как солдат, в военном образе. А у молодого поколения — более рациональная картина.

А.З.: Профессор Майер, расскажите, пожалуйста, немного о себе. Я знаю, что Вы преподаете российскую историю. Как возник у Вас интерес к этому предмету? И какой период русской истории Вы охватываете в своем курсе?

К.М.: Я занимался некоторое время российскими университетами и высшими учебными заведениями, написал несколько книг по организации науки в России.

А.З.: Так Вы интересуетесь главным образом российской системой образования!

К.М.: Да! А потом у меня возник интерес к истории российских городов. Особенно к истории Ленинграда—Санкт-Петербурга. Между Свободным университетом в Берлине и Ленинградским—Санкт-Петербургским государственным университетом есть соглашение. Благодаря этому я имел возможность каждый год проводить несколько недель в Ленинграде—Петербурге.

*А.З.:*С какого времени?

К.М.: Кажется, с 1971—1972 г. Так что Ленинград стал моим городом, и мы проводили экскурсии с нашими студентами по Ленинграду и его окресностям!

Я опубликовал несколько статей по истории Ленинграда—Петербурга.

В этом городе я нашел коллег и друзей!

А.З: А я в свое время закончил Ленинградский университет... Так что видите, у нас есть кое-что общее!

Теперь я хотел бы спросить Вас о том, как Вы оцениваете реформы, происходящие в России в течение последнего десятилетия?

К.М.: Горбачев очень популярен в Германии, но пока не видно окончания реформ! Страна прошла только половину пути. Я думаю, что для населения страны это был очень трудный период. Потому что политические и экономические реформы идут как бы совместно, но и те, и другие очень плохо подготавливаются. Такое у меня впечатление!

Но мы в Германии очень благодарны Горбачеву за то, что он сделал решительный шаг к объединению нашей страны.

Но затем произошло так, что вся Германия несколько подвинулась в сторону Востока, и в то же время возникли трудности с поездками в Россию, усложнилась процедура получения визы, и теперь лишь очень немногие хотят посещать Россию и путешествовать там в качестве туристов!

А.З.: А Вы работали в Восточном или в Западном Берлине?

К.М.: В Свободном университете!

А.З.: То есть, Вы работали как раз в этом университете!

К.М.: Да, но у меня хорошие связи и с коллегами из Восточной Германии, например, с Гумбольдским университетом.

А.З.: А как Вы думаете, реформы в России содействовали улучшению отношений между Россией и Германией?

К.М.: Конечно!

А.З.: А мнение немцев и немецкой интеллектуальной элиты о России — консолидировано или разнообразно?

К.М.: Я думаю, что оно разнообразно. Ведь в России наступила новая эра! Теперь пришел к власти Путин. И никто ничего не знает о его карьере, его идеях и т.д. Кроме того, его выдвижение на пост Президента России связано с войной в Чечне.

Я думаю, что мнение о Путине в Германии еще не установилось окончательно. Требуется некоторое время для того, чтобы понять, в чем состоит его новый курс!

А.З.: А каковы крайние точки зрения или комплексы идей по поводу России? Вы говорили о Путине, но Путин — ведь это еще не вся Россия!

К.М.: Да, но он каждый день появляется на страницах наших газет и...

А.З.: Каждый день?

К.М.: Да, практически каждый день! Я думаю, что они подписали контракт по поводу художественных ценностей, попавших в Россию после войны... Но все эти проблемы — в целом — остаются достаточно трудными! Не определены рамки для стабилизации отношений и трудно понять, что же происходит в России. Мы здесь постоянно слышим о миллиардерах и миллионерах, о Березовском и других, но люди не понимают, чего они хотят!.. Но ведь все понимают, что эти люди и им подобные — ничтожная часть населения России!

А.З.: Вы неоднократно бывали в Петербурге, у Вас там есть друзья. Как Вы считаете, Россия — это часть Европы?

К.М.: Конечно! Но это мое личное мнение! ***Россия — огромная страна, и в то же время это часть Европы.*** Есть также и азиатская часть России. А европейская часть России, конечно, часть Европы. Ленинград—Санкт-Петербург — европейский город! Он отличается от Москвы. Москва же несколько восточная, азиатская чуть-чуть! Но она — центр страны, ее сердце, а Петербург все же периферия.

А.З.: А можно ли определить дистанцию между Россией и Германией с европейской точки зрения?

К.М.: Да, да! Дело в том, что Сибирь — это часть Азии, но для немцев и европейцев это настолько далекая часть России, что о ней подчас забывают! «Сибирь» — это какой-то миф!

А.З.: А что Вы думаете о России и СССР? Это одна и та же страна? Или это разные страны?

К.М.: Конечно, разные!

А. З.: Вы не думаете, что Россия сегодняшняя гораздо ближе к России до 1917 года?

К.М.: Нет. Нет... СССР и Российская Федерация — разные страны! Произошли большие изменения! Произошло разделение... СССР был огромной страной, такой же, как США в мире.

А Россия — не так велика и могущественна в сравнении с СССР. Да! И я думаю, что величие... что идея СССР состояла в том, чтобы объединить массу населения, и благодаря этому добиться могущества. Но теперь эта идея — страны первого ранга в современном мире — для русских утрачена.

А.З.: В этом и состоит основное различие между Россией и СССР?

К.М.: Да, да!

А.З.: А как историк Вы, наверное, думали о том, сохраняется ли память о войне? Насколько важно сохранение этой памяти?

К.М.: Да! Да, я тоже участвовал в войне, в самые последние дни. Около Берлина. Потом я попал в плен и топал до Волги! Пробыл там два года.

Я думаю о войне, потому что я сам участвовал в ней, но новым поколениям, которые в ней не участвовали, это неинтересно! Все эти мемуары и прочее! И я думаю, что все это в прошлом! Уже прошло!

А.З.: А Вы какого года рождения? 1926?

К.М.: 1928.

А.З.: Мы с Вами ровесники! Но мой возраст не призывался. Те, кто были на год старше, их брали в армию в последний год войны. А в Германии было по-другому?

К.М.: Да, когда мне исполнилось 15 лет, я целый год служил в противовоздушной батарее. А с 1945 г. в немецком вермахте.

А.З.: В пехоте?

К.М.: Да, ведь вермахт — это и есть пехота!

А.З.: И как Вы воспринимаете это время? Не сегодняшнее, ...а те дни? Вы пошли в армию добровольно, с желанием или Вас заставили?

К.М.: О, это довольно сложно! Когда мне исполнилось 16, у нас возник выбор — идти в вермахт, в пехоту или в СС. Но в СС мы идти не хотели, потому что это было... не для нас! И поэтому мы заявили о том, что остаемся в вермахте.

А.З.: «Вы» — это кто?

К.М.: Это те, с кем я учился в школе. Нас было 28 человек. Да...

А.З.: Ваши одноклассники.

К.М.: Да...

А.З.: Так что вы выбрали вермахт вместо СС?

К.М.: Да.

А.З.: А в это время было ли уже какое-то критическое отношение к немецкому руководству?

К.М.: Да, но от этого не было пользы...

Мы надеялись, что... наша армия пойдет на запад в сторону американцев. И мы не собирались воевать против Америки.

Но тут вышел приказ фюрера отправляться на восток, в сторону русских. Но о русских никто ничего не знал, ничего не знали, что происходит на самом деле!

А.З.: Это было в 44-м или 45-м?

К.М.: В 1945-м.

А.З.: В 45! И как далеко вы ушли на восток в это время?

К.М.: В окрестностях Берлина!

А.З.: А, это было уже в мае? Или в другом месяце?

К.М.: В апреле.

А.З.: В апреле! Так что Вы участвовали в этой битве за Берлин!?

К.М.: Да, да...

А.З.: ...И попали в плен?

К.М.: Да.

А.З: Или Вы сдались по приказу Кейтеля или Йодля в связи с капитуляцией — 8 или 9-го мая?

К.М.: Нет, я попал в плен 21-го апреля.

А.З: 21-го апреля, за две недели до окончания войны!

К.М.: Да, за две недели!

А.З: И как потом сложилась Ваша судьба?

К.М.: Две или три недели мы шли маршем по Восточной Германии и Польше, а потом нас посадили на поезд и отправили в Саратов на Волгу.

А.З: И как Вы теперь вспоминаете это время в плену? Ужасный опыт?

К.М.: В первый момент это был шок!

В нашем подразделении было 10 солдат. И шесть из десяти были убиты! А четверо — попали в плен! Шок и травма! Понимаете?

А потом я постарался жить с новым опытом, с новыми отношениями! Мы долго ехали в поезде. Я видел новую для себя страну, о которой ничего не знал, и первое впечатление — это были широкие просторы, поля, которые можно было наблюдать из вагона. Я стал заниматься русским языком, чтобы хоть что-нибудь понять...

А со стороны русских — ничего плохого не было! Я думаю, ничего плохого. Первое время — полный контраст — как бы попал на другой край Земли! А потом было очень хорошее отношение со стороны русских.

А.З.: Со стороны населения?

К.М.: ...И со стороны солдат!

А.З.: А те шесть... солдат из Вашего подразделения, которые погибли в том бою, как именно они погибли?

К.М.: От выстрела катюши!

А.З.: Катюши?!

К.М.: Прямым попаданием!

А.З.: Значит, Вы были сами на краю гибели!

Отсюда у Вас и возник интерес к истории России? Или другие причины?

К.М.: Да, да! Конечно, я мог выбирать, и я сделал свой выбор! До этого я ничего не знал о России, и я пытался построить какой-то мысленный образ! Появился интерес именно к России, и я стал читать поэтов XIX в., а потом я стал профессором русской истории.

А.З.: В этом университете?

К.М.: В Свободном университете Берлина. И это оказалось моей судьбой! Тем, что мне более всего подходит! Теперь у меня есть коллеги и друзья и в Ленинграде, и в Саратове, в замечательных городах — Петербурге и Москве. Я бывал в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии, в Москве и Ленинграде... Это то, что мне подходит!

А.З.: Очень интересно у Вас сложилась жизнь! А Вы не писали по истории войны?

К.М.: Да, я написал некоторые вещи о войне в Ленинграде...

А.З.: На той войне?

К.М.: Да!

А.З.: А я был внутри немецкого окружения...

К.М.: Так Вы блокадник?!

А.З.: Да, я — блокадник. Отец и маленький брат погибли во время блокады, а я вот выжил.

А как Вы думаете, нужно продолжать писать об этом, нужно изучать эти события историкам?

К.М.: Конечно, нужно!

А.З.: Да? А Вы говорите, что новым поколениям это не интересно, что они не хотят об этом думать!

К.М.: Да, но как интеллектуалы они должны... И это очень, очень важно, я так считаю. Но блокада Ленинграда — это миф[32]!

А.З.: Миф?

К.М.: Миф! Русский миф... Нет полной ясности во всех деталях, что же было на самом деле! Поэтому я считаю, что исследование должно быть продолжено совместно немецкими и российскими коллегами. Я думаю, что и в архивах недостаточно материалов!

А.З.: Вы считаете, что надо продолжать исследование, чтобы получить более реалистическую картину. Но я не думаю, что гибель почти миллиона людей от голода — это миф, а не реальность. И Пискаревское кладбище — это тоже реальность!

К.М.: Я был на этом кладбище, так же, как и в Волгограде...

А.З.: А что Вы думаете по поводу самой войны — это была война между двумя политическими режимами или системами, между двумя тоталитарными государствами, между фашизмом и коммунизмом, или между двумя народами?

К.М.: Я думаю, что это была война между народами, всем населением. Между народами (volks)! Германия вела войну на уничтожение! Vernichtungs Krieg... да! С самого начала...

Я писал в своих статьях и в своей книге, что Гитлер со своей командой планировали начать эту войну на уничтожение еще до 22 июня — в мае, и даже в апреле. Было несколько планов...

А Ленинград должен был быть разрушен согласно этим планам и специальному приказу Гитлера. План состоял в том, чтобы Ленинград был затоплен! Российский город! Уничтожить все, все население...

Вот что такое Vernichtung. Понимаете?

А.З.: А по Вашему мнению, имела ли война одинаковое значение для обоих народов? Или они придавали разный смысл самой войне?

К.М.: (Не улавливает вопроса, увлечен своим ходом мысли!) История молниеносной войны! Но в немецкой историографии есть и другая точка зрения. Она состоит в том, что если бы канцлер, то есть Гитлер, не начал войну первым, то на следующий год Сталин бы начал войну сам...

А.З.: Это позиция тех, кто рассматривает войну против СССР в качестве превентивной.

Это одна из проблем, по поводу которой идет дискуссия среди историков, а еще какие спорные вопросы обсуждаются?

К.М.: Еще? Проблема поражения, роль партизан, проблема русских солдат, которые оказались в плену! Тех, которых затем приняли в армию Власова — *генерала Власова.*

Кроме того, есть проблема немецких военнопленных в России — «*Свободная Германия!*» Freie Deutschland! Организация, которая стала посредником между пленными офицерами и коммунистами.

А.З.: Она же не была воинским подразделением наподобие власовской армии!

К.М.: Нет, она занималась только *пропагандой...*

А.З.: Да, это была пропагандистская организация только для информации, но не военная. А армия Власова — это было воинское подразделение...

К.М.: Но мне кажется, что она участвовала в военных действиях только на последнем этапе войны в Чехословакии и Польше. Это было очень поздно. И не очень хорошо все это было организовано. Военная организация была создана в 1944 г. и командование было поручено Власову. Их задача состояла в том, чтобы защитить Россию от Сталина. А Власова сделать героем!

А.З.: Так что была героизация Власова?

К.М.: Да!

А.З.: А в чем споры по поводу партизан?

К.М.: Есть две точки зрения по поводу партизан. Первая рассматривает партизан в традициях крестьянской войны, войны гражданской. А вторая — в том смысле, что они, если и не часть армии, то все же они воевали под сильным влиянием партии большевиков.

А в 1944 г. возникли определенные проблемы между партизанами и Красной Армией. На Украине были даже военные действия между партизанами и армией. В то же время была огромная разница между Украиной и Белоруссией — огромная разница! Я даже удивляюсь, почему украинцы стали воевать?

А.З.: Мне кажется, что многие авторы, из тех, что пишут о войне, исходят не из того, что было во время войны, а из сегодняшней ситуации, из того, что существуют три самостоятельных государства — Россия, Белоруссия, Украина.

А некоторые считают, что ситуация в России в 90-х годах очень похожа на ситуацию в Германии после окончания Первой мировой войны. Вы с этим согласны?

К.М.: Нет, я думаю, что здесь мало сходства!

А.З.: А что означает сам термин «нация» для русских и для немцев?

Или, более конкретно, что означает для немца — быть немцем?

К.М.: Я думаю, что роль нации в Германии не особенно велика. Это небольшая страна в Европе. Возьмем футбол... Турки выиграли европейское первенство, и все здешние турки празднуют на улице... Это для них большое событие! Понимаете!

Я думаю, что у немцев это чувство нации не так... не так распространено. У нас есть небольшие группы правых, в политическом смысле правой молодежи, но это не идея, объединяющая всю нацию!

На самом деле есть более широкая идея — Европа, а затем уж немецкая нация! Или немцы, которые отдыхают в Италии, Испании и т.д. — вот это и есть Европа для большей части населения. Я думаю так!

А.З.: Интересная мысль! А что же Россия? Вы ведь бывали и там, каковы Ваши впечатления?

К.М.: Да, да... Я видел прежде всего другое поколение, поколение блокадников... Но вряд ли это можно назвать национальным чувством! Это то, о чем люди говорят друг с другом.

И я думаю, что молодежь и в России не очень интересуется нацией, национальным. Может быть, если речь идет о футболе или спорте... Это то, что интересно и для Европы! Интересуются изучением английского, может быть, немецкого. Я не обнаружил русской национальности. Даже и в маленьких нациях...

Например, я был в Риге, там я видел русских, литтов...

А.З.: Литовцев...

К.М.: Литовцев, евреев...

А.З.: Когда это было?

К.М.: В 1994 г., после распада.

Было довольно сложно говорить с коллегами, так как не знаешь, кто они? Русские, литовцы или евреи? Можно было вызвать конфликт между ними...

А.З.: Но если Вы были в Риге, значит, Вы говорили с латышами.

К.М.: В Латвии!

А.З.: Литовцы — это другой народ! В Латвии доминирующая нация — это латыши.

К.М.: Да, я был и в Эстонии, общался с эстонцами.

Их национальность проявляется не очень сильно, и они пытаются наладить хорошие отношения с русскими. Не такие конфликты, как в Риге!

А.З.: Интересное наблюдение относительно Европы. А что Вы думаете о российских и немецких культурных связях? Есть ли здесь традиции, ресурсы и т.д.

К.М.: Да, да!

А.З.: А в чем они, не можете ли рассказать поподробнее?

К.М.: Вы знаете, особенно развиты эти связи в Берлине. В Берлине живут более ста тысяч русских. Даже больше! Образ русских в Германии — очень сложен. Старшее поколение, которое еще жило в Германии во время войны, представляет русских как солдат, в военном образе. А у молодого поколения — более рациональная картина. Но я думаю, что культурный обмен очень полезен. Но есть и мифы, например, миф о донских казаках. Они — не русские, но для многих немцев... они знают только «казаки, водка и «Калинка»» — вот и все!

А.З.: «Калинка», которую исполнял Президент?

К.М.: Да! (*Смеется!*) Он был в Берлине и дирижировал оркестром!

А.З.: А как это воспринималось публикой?

К.М.: К Ельцину было особое отношение. Люди думают, что он хотел всем понравиться, и забавлял народ, так как сам был в хорошем настроении!

А.З.: Да, понятно!

К.М.: Кроме того, есть традиции в философии, искусстве, особенно в литературе! Например, Достоевский здесь известен с 20-х годов. Были изданы хорошие переводы на немецкий. Потом, Пастернак: «Доктор Живаго». По этой книге был поставлен фильм по телевидению. Для немцев очень интересна была «русская душа»!.. Несколько романтическая! Очень популярная тема!

А.З.: А как Вы оцениваете Ваш личный опыт, связанный с Вашей исследовательской работой? Я не думаю, что Ваши впечатления ограничиваются общеизвестными штампами... Что Вы думаете о возможности совместной работы с русскими коллегами, по изучению системы образования в Санкт-Петербурге?

К.М.: Обмен с коллегами — это очень важно! Но я был не только в Санкт-Петербурге! Коллеги приезжали к нам и из других городов, жили в семьях. Это важно!

Но что касается общественного мнения, приведу один пример.

Первым комендантом Берлина после войны был Николай Берзарин. Вы, конечно, знаете...

А.З.: Генерал-полковник Н.Э.Берзарин, который погиб в 1945 году.

К.М.: Разбился на мотоцикле... Это была катастрофа.

А.З.: Организованная?

К.М.: Нет, я не думаю.

А.З.: Несчастный случай.

К.М.: Он очень много сделал для населения Берлина. Водоснабжение, продовольствие, театр, школы и т. д. И он был отмечен, его избрали еще во времена ГДР почетным гражданином Берлина! А после объединения список почетных граждан был уточнен, из него исключили Гитлера, конечно... и т.д. и... Берзарина.

А.З.: Гитлер был в этом же списке?

К.М.: Да, с 30-х годов?

А.З.: А что же этот список не был изменен сразу после войны?

К.М.: Нет, после войны список уточняли и нацистов вычеркнули.

А.З.: А Берзарин был включен!

К.М.: Да.

А.З.: А на каком основании его исключили в 90-е?

К.М.: Как большевика!

А.З.: Коммуниста?

К.М.: Как коммуниста. И теперь есть инициатива восстановить Берзарина в списке почетных граждан!

А.З.: Чья инициатива?

К.М.: Инициатива исходила от нас, от моих коллег, в том числе от директора германо-российского музея в Карлсхорсте, доктора Питера Яана. Это — музей по истории войны. Он был моим студентом, когда я преподавал в Свободном университете. Мой ученик!

Он внес в немецкий парламент предложение восстановить Берзарина в списке почетных граждан Берлина. Население поддержа-

ло, общественное мнение, публикации в газетах, письма читателей в редакции. Одна женщина написала письмо о том, как русские обращались с населением сразу же после войны, и как он изменил отношение. А в другой газете пишут: «Если Берзарина включить в список почетных граждан, то надо включать и Сталина!»

Понимаете? Если включать Берзарина, то надо включать и Сталина, почему бы нет? Так думают те, кто помнит о войне!

А.З.: Вряд ли теперь немцы с этим согласятся!

Я был на выставке, которая называется «Топография террора», и заметил, что история ГДР представлена там как продолжение фашистского террора, это значит, что фашизм и коммунизм не различаются.

Но ведь на самом деле это разные вещи.

А Вы думаете, справедливо так представлять историю?

К.М.: Я думаю, что модель была та же самая. Организация системы — от всемогущего Первого лица, которое возглавляло государство, и до...

Так что я думаю, что для управления использовались те же самые инструменты.

А.З.: Для меня это странно! Я не понимаю и не принимаю этого отождествления. Может быть, потому, что я сам не сидел в Гулаге...

К.М.: Но это попытка, они пытаются сравнивать системы! Вопрос о сравнении нацистского правления и правления в ГДР только теперь начал обсуждаться в Германии.

Пока неизвестно, к каким выводам они придут через несколько лет! Это может помочь пониманию того, как работал механизм власти.

А.З.: Но в чем различие между этими системами?

К.М.: В конце концов, разница в том, как нацисты обращались с евреями!

В ГДР этого не было. Это раз! Во-вторых, война на уничтожение. Это воплощение национализма. В ГДР это тоже иначе. Разница огромная!

А.З.: Интересно, сначала Вы сказали, что сходство более важно! А теперь Вы приходите к выводу, что различия более существенны?

Какова же Ваша точка зрения? Кроме того, непонятно, чем вызвана эта дискуссия? Почему она возникла только через несколько лет после объединения? Мне кажется, что это очень важная проблема для немцев!

К.М.: Я не могу сказать, почему! Я только могу сказать, что в ГДР не проводилось таких исследований. Эта идея возникла только в конце 90-х...

А.З.: А как Вы оцениваете новый национализм в Германии и России? Представляют ли сейчас националистические идеи опасность?

К.М.: Что касается Германии, то я думаю, что такой опасности нет. Есть очень небольшие группы, но они не имеют влияния во всей стране, а только в новой ее части, то есть в бывшей ГДР. При выборах эти правые партии не смогут набрать более 5% голосов. Поэтому я и не считаю их опасными.

А.З.: Я рад, что познакомился с Вами, профессор Майер. Спасибо Вам за беседу, и надеюсь на следующую встречу!

2.4. Смыслы войны и проблема вины (Schuldproblem)

Беседа с Петра Стыков. П.Стыков родилась в ГДР, после школы в 1979 г. поступила на исторический факультет Московского университета, который закончила в 1984. В 1990 — защитила кандидатскую диссертацию о немецко-польских отношениях на региональном уровне. В ГДР работала переводчиком, после объединения Германии стала заниматься исследовательской и преподавательской работой в Университете им. Гумбольда. Приобрела специализацию политолога. Сотрудничает с Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Беседа состоялась 19 мая 2000 г. в университете им. Гумбольда. Интервьюер опоздал на целых два часа. Несмотря на это, респондент дала согласие на беседу. Беседа шла на русском языке.

История Великой Отечественной войны — это часть коллективного рассказа о русской нации Но это никогда не было частью коллективного рассказа немцев! И я думаю, что это нельзя прививать, потому что это, собственно, другая сторона истории! Другая — в том смысле, что немцы должны рассказывать свою собственную историю, и она не может быть такой же, какой ее рассказывают русские!

А.З.: Я прошу прощения за опоздание. Дело в том, что в Берлине оказалось несколько улиц с одним и тем же названием: Jagerstrasse. И поначалу я поехал совсем в другой конец Берлина, где и обнаружил свою ошибку. Потом я приобрел телефонную карту, чтобы Вам дозвониться, но и это не удалось! Но все же я здесь, и Вы еще не ушли. Большое спасибо! Расскажите для вступления немного о себе!

П.С.: Мне почти 40 лет. Я родилась и училась в школе в ГДР, а в 1979 г. я поступила на исторический факультет Московского университета, который окончила в 1984 г. Я получила диплом по истории.

После этого я отработала свой срок, но не вполне по специальности: работала переводчицей, секретаршей...

И только после воссоединения Германии я в конце концов, все-таки пришла в науку. К тому времени я уже написала кандидатскую диссертацию, которую защитила в 90-м году. И, начиная с 91-го года, я работала в системе образования, причем не как историк, а как политолог.

А.З.: На какую тему Вы защитили диссертацию?

П.С.: «Братские отношения между округом Дрезденом и Польским воеводством — Войцлав и Зелена Гура». (*Смеется.*)

А.З.: Зелена Гура? Польское воеводство? А что тут смешного? Вы так усмехнулись, я не понимаю, в чем дело?

П.С.: По названию видно, что это был проект настоящей социалистической историографии, смысл которого доказать, что все идет к лучшему! Что дружба все крепнет и крепнет! Но и в 1990 г. мне было уже не трудно защититься, потому что все-таки, когда я сидела в этих архивах и читала документы, стало ясно, что все развивалось отнюдь не к лучшему, а все к большему регулированию со стороны государства и партии всем, что происходило.

Об этом в это время уже можно было писать спокойно, поэтому моя диссертация и прошла еще в 90-м году!

А.З.: А что было потом?

П.С.: Первое время я работала переводчицей в Дрездене. Это оказалось довольно интересно, потому что в педвуз, в котором я работала, стали приезжать советские профессора, и вдруг начали говорить совсем другие вещи, чем раньше! Переводить стало интересно, и у меня появилась немецкая публика, которая хотела это слышать, ей это тоже было интересно.

Я, например, помню, эту идею, когда Горбачев решил, что нужно выбирать директоров предприятий. Приехали преподаватели из Москвы и рассказывали нам, что это очень хорошо! А наши все отпали — как это может быть такое, избирать директоров? Это ни к чему хорошему не ведет! Очень интересное было время!

Но интерес к научным занятиям у меня возник только после того, как я перешла в западную науку. В Союзе я не смогла получить той профессиональной квалификации, которая имела хоть какое-нибудь значение для западной науки. Зато у меня было знание языка и некоторый опыт. Поэтому я решила просто опираться на это — и как бы на предмете развивать свою позицию, переучиваться снова, так сказать.

А.З.: А сейчас Вы политолог?

П.С.: Да.

А.З.: Какая же сфера политики Вас больше всего интересует?

П.С.: Сначала я занималась организованными интересами и союзами, ассоциациями, в том числе и ассоциацией бизнесменов.

Но сейчас меня больше интересуют некоторые вопросы теории, и я подбираю себе проблемы, которые можно осмысливать под определенным углом зрения!

А.З.: Какого рода эти проблемы?

П.С.: Проблемы разные. Сейчас меня интересует теория разумного выбора.

А.З.: Rational choice theory!

П.С.: Да, и тем самым я обрабатываю как бы подряд разные проблемы: и революции, и проблему, почему так трудно организовать хорошие семинары со студентами, и, скажем, проблему коррупции, и проблему ассоциаций...

А.З.: Т.е. в основе Ваших научных интересов все-таки не политическая тематика. Рациональность, — я бы сказал, — философско-социологическая проблематика, которую Вы применяете в разных областях?

П.С.: Я так не думаю... нет. Я думаю, это скорее микросоциологическая проблематика...

А.З.: Микросоциологическая? Понятно!

Из того, что Вы сказали, уже ясно, что Вы оцениваете перемены, совершившиеся за последние десять лет в России, как позитивные.

П.С.: Конечно!

А.З.: Для Вас лично. Это означает, что они позитивны и для общества? Или это не так?

П.С.: Я вообще не думаю об обществе, потому что я... я могу сказать, что для меня самой это было очень важно и продуктивно и...

Пусть каждый оценивает для себя, как это — хорошо или плохо? В конечном счете, я не думаю, что социализм был системой, которую следовало бы сохранять. Т.е. я рада, что система прекратила свое существование.

А.З.: А если оценивать это последнее десятилетие не с точки зрения социализма и капитализма, а с точки зрения, скажем, отношений между Россией и Германией, или русскими и немцами, это как выглядит?

П.С.: Насчет всех немцев я ничего не могу сказать. Мне больше известны проблемы восточных немцев, здесь я могу что-то сказать! Мне кажется, что *к концу 80-х годов сложилось очень плохое отношение к русским. Многие восточные немцы ненавидели русских, прямо скажем.* Т.е. даже...

А.З.: В ГДР?

П.С.: Да, в ГДР — к середине 80-х годов. Причем, преимущественно у простых людей сложилось очень негативное отношение.

А у интеллектуалов это изменилось в лучшую сторону в связи с приходом Горбачева. Скорее, в этой среде произошел некоторый раскол. Одни говорили: «Ну что он там такое делает? Боже, все и так хорошо!»

Но были и другие, которые видели какое-то новое начало, что ли! И многие стали интересоваться тем, что происходит в России.

Но, как я понимаю, хотя наши люди и обучались русскому языку в школе, начиная с пятого класса, но на самом деле никто не выучил русский язык, никто сегодня не помнит, никто не гово-

рит по-русски, он для всех — как для западных, так и для восточных немцев — просто не существует!

И я думаю, что атмосфера была очень плохой. Потом, немножко такая имитация реформ в виде Горбачева. И потом, мне показалось, что довольно-таки скоро, к началу 90-х годов, это все-таки изменилось. Просто стало известно, какое плохое положение в России, и появилась какая-то жалость, какая-то симпатия по отношению к русским, в частности, вот этот путч августовский! И люди начали интересоваться россиянами как людьми.

До этого они были как бы ну, это такая оккупация, армия здесь сидела, надо было дружить с ними, но, чем больше было *надо*, тем меньше *хотелось*. Вообще, это все было организовано очень формально

Конечно, каждый приходил в какой-нибудь гарнизон, и что-то там делал, но ощущение было такое, что там просто не было никакой жизни.

А потом, в 90-е годы, все-таки это положение нормализовалось в том смысле, что русские тоже стали людьми, я бы даже так сказала. Т.е. стало ясно, что были какие-то отношения формальные, которые надо было продолжать, — это отпало, и появились новые установки.

Например, мой сын — ученик 9-го класса — в прошлом году начал изучать русский язык. Это был третий язык, который изучается факультативно, на основе добровольной записи. И в прошлом году первый раз получилось столько людей, что можно было открывать класс. В течение 30 лет люди не хотели учить русский, а сейчас положение меняется! Какая-то часть молодежи открыто говорит: мы интересуемся Россией, мы хотим изучать русский язык!

У меня много студентов, в том числе много западных студентов, которые вдруг решили, что они должны учиться в России: им это очень важно, интересно! И они говорят: мы хотим что-нибудь совсем новое! Всю эту Францию, Италию мы знаем, мы понимаем, какая там логика жизни, мы понимаем этих людей. Но нам интересно другое, мы хотим учиться в России. Это люди, которые уже побывали в Африке, и в какой-то мере удовлетворили свое стремление прикоснуться к экзотике совершенно чужой жизни.

А.З.: А у Вашего сына какие мотивы обращения к русскому языку?

П.С.: Мы с ним обсуждали в общем плане вопрос о третьем языке. Вначале разговор зашел о выборе между испанским и индийским. Что касается испанского, то, как мне кажется, это язык не такой сложный для изучения, он ближе к французскому, и его изучает большее количество людей. А русский язык — совершенно другой язык. Это, опять-таки, как бы экзотика, но давай изучай что-нибудь такое, что было бы достаточно трудно изучать самостоятельно и, тем более, овладеть разговорным русским.

А.З.: Сколько ему лет?

П.С.: Шестнадцать.

А.З.: Это очень интересное наблюдение и Ваш опыт.

А если обратиться к дискуссии о России в целом, то как Вы считаете, Россия часть Европы или нет?

П.С.: В понимании людей?

А.З.: Да.

П.С.: Мне кажется, что *с точки зрения немецкой политики Россия достаточно далека от Европы.* Прежде всего, немецкая политика не очень-то интересуется Россией, а если и интересуется, то в том смысле, что *Россия — страна непонятная, от нее исходит некоторая угроза.* Поэтому они не воспринимают ее как часть Европы. И люди, которые живут в Германии, думают примерно так же. Россия не рассматривается как страна европейская!

А.З.: А в целом мнения немцев относительно России консолидированы или дифференцированы? Можно охарактеризовать некоторый спектр этих мнений и отношений?

П.С.: Ну, есть, я думаю, есть всякое! У меня несколько студентов, которые страшно хотят все это понимать. У меня в прошлом году был семинар о политической системе в России, и я думала, что, скорее всего, никто не придет, так как семинар был в рамках курса общей политологии, вне страноведения. Т.е. я думала, что наверняка никто не придет на Россию. Но оказалось наоборот! Пришло довольно много студентов! Причем они сказали, что им именно это и было важно узнать: не отдельные факты про Россию, а попытаться понять, сравнить, что у нас и что у них? Можно ли объяснить эти различия тем, что русские совершенно другие, или у них иные обстоятельства, на которые они должны иначе и реагировать? И что их реакция является вполне нормальной и понятной, если знать контекст! Это один вариант.

А другой вариант таков: мол, мы этих русских не понимаем, у них все по-другому, и пусть они там делают, что хотят!..

Но на самом деле о России очень мало информации! И, если говорить честно, то я вообще не знаю, какой страной здесь интересуются на самом деле, по какой стране здесь собирается систематически информация!

А.З.: А как вы думаете, Россия и СССР это одна и та же страна? А может быть, Россия нынешняя больше похожа на Россию дореволюционную?

П.С.: Пожалуй, это скорее так! В сознании людей это так. Но мало кто входит в детали. Например, простоты ради говорят — «русские», когда на самом деле речь идет о молдаванах! Был такой случай с нелегальными рабочими из Молдавии, причем это были — я даже помню — молдаване из Украины, и, конечно, их называют русскими! Скорее всего, это потому, что людям просто лень выяснять такие тонкости!

Но в принципе, я думаю, что Россия — это не все бывшие республики СССР. В России, как мне кажется, есть сильное стремление как бы обосновывать себя на дореволюционной позиции! Мне так кажется! Но есть и другие течения, которые ищут опору в Со-

ветском Союзе. Или третье направление с поиском опоры на Западе, то есть, западничество! Иными словами, идет поиск опоры, поиск идентификации, и в настоящее время в России все есть: и то, и другое, и третье!

А.З.: Понятно! А с точки зрения немецкого общественного мнения война остается каким-то важным эпизодом в российско-германских отношениях, в русско-немецких отношениях?

П.С.: По-моему, *сейчас война не рассматривается в качестве важного события в истории российско-германских отношений.* На первый план выходит тема войны применительно к евреям, но, по-моему, не по отношению к России. Мне так кажется!

Тема войны еще интересна вот в каком смысле: за последние годы развернулась публичная дискуссия, в которой участвовали историки, писатели, представители общественности. Главная проблема немцев сейчас состоит в том, как быть с этой виной?

Немцы начали войну, они уничтожали евреев, а войну проиграли! Кто несет ответственность — коллективную или индивидуальную? «Народ» или «руководители»? И каковы следствия того или иного ответа на этот вопрос? Вот это проблема!

А для подрастающего поколения этот вопрос формулируется иначе: наши отцы, деды это сделали, — хорошо, но мы-то здесь причем? И тут проблема, что молодое поколение все-таки... даже не очень молодое, а под 40 — под 50 лет, все-таки хотят закончить это дело более или менее в том смысле, что мы не должны чувствовать себя на веки вечные виновными!

Это было! Это было страшно! Но нужно стараться, чтобы это не повторилось это, и все! Но мы-то — невиновны! *Нельзя постоянно и на веки вечные вот так нам тыкать в нос: «вы виноваты!»... И вот в этом-то именно и суть: как быть с этой виной, которая существует как коллективная вина, но которую нельзя просто передать каждому новому поколению немцев!*

А.З.: А есть ли, по Вашему мнению, какие-либо способы рационализации этой «вины»[34]? ...Теоретически, как мне кажется, должны быть способы рационализации этой проблемы, которые должны быть связаны просто с большим знанием о войне, о России, о самой Германии, о фашизме?

Я встречал здесь достаточно культурных людей, профессоров, которые, собственно, знают о войне только то, что решающая битва была в Сталинграде, а остальные события войны — они как бы для них не существуют! Сталинград есть! А уже Курская дуга — это никому не известно! Может быть, стоило бы более основательно разобраться в самой истории войны?..

П.С.: Я не думаю, что вина может быть преодолена тем, что мы узнаем о тех или иных фактах. Я не вижу тут никакой связи! Вот что я вижу. Скажем, для советских людей, я думаю, что и для русских, наверняка, война — это важная часть истории — и мифа тоже! Т.е., это надо было знать, все эти битвы — я помню свою

учебу в Москве — надо было знать все этапы Великой Отечественной войны! Это как бы часть коллективного рассказа о нации.

А.З.: Да.

П.С.: Но это никогда не было частью коллективного рассказа немцев! И я думаю, что нельзя тут прививать это, потому что — это, собственно, другая сторона истории! Другая — в том смысле, что немцы должны рассказывать свою собственную историю, и она не может быть той же самой, какой ее рассказывают русские!

Я думаю, что сама последовательность событий на войне — переход от битвы к битве — это для них не так уж и важно! А важно для немцев то, что было в концлагерях. А это, в свою очередь, для русских не очень важно, потому что через эти концлагеря или лагеря уничтожения не получается коллективного рассказа русских о своей нации. Может быть, это интересно только для тех узников этих лагерей, которым удалось остаться в живых!..

А немцы должны разобраться именно с проблемой концлагерей, с проблемой русских военнопленных, с проблемой геноцида и холокоста!

А.З.: Как?

П.С.: Они должны осознать, понять, что они сами — немцы — были добровольными пособниками Гитлера, исполнителями его воли! Вот эта проблема — проблема, которую должны немцы своим коллективным сознанием решать, а не проблему каких-то конкретных эпизодов войны!

Два или три года тому назад в Германии прошла очень важная дискуссия, эмоционально очень насыщенная! Я даже не знаю, как ее назвать! Когда я знакомилась с материалами этой дискуссии, то мне в голову пришла мысль: новая информация о войне мало что дает!

А, кроме того, если человек мучается проблемой вины и чувствует себя как бы униженным тем, что его постоянно тыкают, то он не очень-то хочет еще больше узнавать об этом! Это просто, я не знаю, к чему это ведет! Это похоже на психологическое или интеллектуальное изнасилование! Я знаю по школе, в которой учится мой сын, по студентам, что им очень много рассказывают! Они должны знать, в рамках некоторой рациональной системы мышления, основные факты о том, что тогда было! И что есть в памятных местах — в Дахау, Освенциме и т.д. Но это путь к фрустрации, а не к рационализации того, что рационализировать невозможно!

Я думаю, что рациональный способ переработки этих вещей связан с практическими акциями. Например, вот этот фонд, который сейчас образуется, по частичному возмещению ущерба узникам концлагерей и лицам, чей принудительный труд использовался в Германии во время войны! Правительство и немецкие предприятия собирают денежные суммы для передачи их этим жертвам концлагерей и тем, кто в войну работал в Германии принудительно! Я не помню, как называется! Вот такой фонд образовался — не

по инициативе немцев, а по инициативе американских адвокатов и т.д., этих жертв! Ну, я думаю, это рациональный и корректный способ разобраться, и сделать в этой области то, что надо и что правильно! Кроме того, я думаю, что нужно все-таки этот дискурс нужно очистить от этой проблемы вины! На самом деле, я думаю, что нельзя внукам объяснять, что они виноваты за деда! Им это непонятно на самом деле!

А.З.: Вы провели очень интересное и, на мой взгляд, важное различие между памятью о войне у русских, у россиян, и у немцев! Особенно важно это различие с точки зрения взаимоотношения поколений.

Вы говорите, что внукам нельзя объяснять, что они виноваты за деда. А значит ли это, что они должны не знать о том, что их дед был виноват?

А как быть, если дед или прадед был участником «Красной капеллы»?

Применительно к русским этот вопрос мог бы быть поставлен так: должны ли внуки гордиться тем, что их деды победили в войне с самым жестоким врагом?

А как быть, если дед оказался в рядах власовцев?

Ассиметричный ответ проистекает из ассиметричного участия самих народов в войне. Не так ли?

А была ли эта война, с Вашей точки зрения, войной между двумя тоталитарными системами, или это была война между фашизмом и коммунизмом, или же эта война была между двумя народами?

П.С.: Я думаю, что Германия начала войну в целях установления мирового господства. Третий рейх заявил о своем стремлении образовать огромную империю! А другие страны, в том числе и Советский Союз, защитились, потому что они не хотели подчиняться этой мировой державе!.. Что касается войны на германо-советском фронте, то это, к тому же, была еще, конечно же, и борьба систем, и народов. Я вообще не думаю об этой войне только как о народной!

А.З.: Но Вы же сами сказали, что для немцев эта война имеет иное значение и иной смысл, чем для русских! И для русских она обозначалась термином «Великая Отечественная» война. Вы согласны с этим?

П.С.: Для русских!

А.З.: Для русских эта война стала — именно благодаря тому, что она была войной за сохранение самого народа и страны — война стала средством социализации и идентификации нации, народа в целом. Даже идея «советского народа» имела в этом некоторое реалистическое обоснование!

П.С.: Да, но эта война была примерно такой же, как и наполеоновская война!

А.З.: А какой смысл сейчас имеет термин «нация»?

П.С.: В каком смысле?

А.З.: В разных контекстах говорят: «нация», «государство», «русская нация», «русские как нация», или «немцы как нация» Или это все уже, может быть, устаревшее понятие в том смысле, что немцы хотят быть европейцами?

П.С.: Одно другое не исключает!

А.З.: А смысл самого термина, который вкладывают в это понятие в Германии и в России, — один и тот же или разный?

П.С.: Скорее всего, смысл разный. Но это опять-таки нельзя использовать в очень общем виде: ведь и немцы, и русские, как и представители других наций, бывают разные! У немцев национальное сознание связано с идеей крови, а в какой-то степени с идеей общей культуры! В то же время я не думаю, что «нация» годится для критерия в том смысле, о котором Вы сейчас сказали: немцы думают так, а вот русские думают так и так!

Да, есть определенная национально-политическая культура, но наряду с этим существует настолько большая дифференциация людей в рамках и той нации, и другой нации, что эту дифференциацию необходимо учитывать в первую очередь!

Нужно внутри нации сравнивать какие-то группы. Например, группы, скажем, с определенным комплексом ценностей. Например, сравнивать — чем политически отличаются крайне правые от крайне левых в Германии? Вот это можно, наверно, еще сделать. Но сравнивать русских и немцев вряд ли возможно! Это можно делать, скорее, на уровне публицистики, на уровне определенных клише или стереотипов.

А.З.: Это важное уточнение! И все же мы только-что вместе с Вами провели сравнение восприятия войны немцами и русскими! Как мне кажется, не бесполезное!

Вы сказали, что в последнее время даже среди молодежи возник интерес к русскому языку, появляется некоторое оживление интереса к русской истории или политике. Это как-то влияет на развитие отношений между странами? Те контакты, которые называются grassroot расширяются или снижаются, по Вашей оценке? Что подсказывает Вам Ваш личный опыт в этом смысле?

П.С.: Если взять Германию, то здесь происходит процесс интеграции русских иммигрантов. Интенсивность его зависит от них самих! В Берлине, например, есть большое русское сообщество, в котором можно крутиться целиком! Одни выбирают такой путь, а другие — ведут себя иначе!

А.З.: Последний вопрос и мы заканчиваем. Вы говорили, что проводили семинар по политической структуре в России. А на какую литературу Вы опираетесь, когда проводите семинар?

П.С.: Я участвовала в нескольких российских проектах с коллегами из Санкт-Петербурга. Кроме того, я регулярно читаю по крайней мере два журнала «Полис» и «Социс».

А.З.: Большое спасибо, за то, что Вы мне ответили на все вопросы. Еще раз прошу извинить меня за опоздание! И надеюсь, что мы с Вами еще встретимся.

2.5. К вопросу о связи времен

Интервью с доктором Питером Яаном — директором музея в Карлсхорсте (Берлин). Беседа проходила на русском языке 7 июля 2000 г. в кабинете д-ра Яана.

> *Мы постепенно осознали то, что, что не только евреи были жертвами геноцида, но и масса нееврейского населения — русские, украинцы, белорусы и, конечно, поляки — тоже были жертвами, что не мы были жертвами, а другие народы, так как мы сами напали на Россию-Советский Союз, что все эти акции — не менее серьезные преступления против человечества, чем холокост.*

А.З.: Первый вопрос, который мне хотелось бы Вам задать, касается Вашей оценки событий, произошедших в России за последние 10—12 лет. Как известно, это время называется у нас периодом реформ. Каково Ваше восприятие этого периода?

П.Я.: Ха-ха! Какой вопрос!..

Извините, но моя реакция объясняется тем, что, конечно, невозможно дать простой ответ на этот вопрос! Каждый знает, что примерно 30 лет тому назад по сути дела прекратилось экономическое развитие страны. Это был провал или тупик. Практически, это был экономический крах. За ним последовал и крах политической системы или политического режима.

Почему это произошло? На мой взгляд, это вообще старая проблема Российской империи, начиная с Петра Первого. Я имею в виду проблему взаимоотношения задач внутренних и внешнеполитических. Россия всегда отдавала предпочтение внешнеполитическим целям в ущерб интересам внутреннего развития. Соответственно, и роль России на международной арене всегда была выше, чем ее экономические и социальные возможности. Со времен Петра Первого всегда огромная часть государственного бюджета расходовалась не в интересах внутреннего развития страны, а в целях поддержания или упрочения места России в соревновании великих держав.

Конечно, это не просто психологический вопрос, поэтому весьма сложно оценить, насколько оправданной была эта политика притязаний, являлась ли она гипертрофированной или нет. Ведь если бы Россия ни на что не претендовала во внешнеполитическом плане, то она, скорее всего, не смогла быть самостоятельным государством, а стала бы объектом политики западных держав. Пример Польши в этом отношении достаточно поучителен. Я имею в виду Польшу со времени ее разделов в середине XVIII в. вплоть до окончания Второй мировой войны. Поэтому можно ска-

зать, что если бы и Россия не развивала свои силы, то она не могла бы занять свое место в международном концерте.

В этом вопросе невозможен точный расчет, как и при игре в рулетку: попал или не попал! Из за этого, собственно, и произошел развал советской власти.

По этому вопросу Ханс Магнус Энценсбергер написал в 1991 г. очень хорошую статью. По-немецки она называется «Die Heldung des Hotzugs». Потом она была переведена в ряде западно-европейских стран. Он показал, что революции в Восточной Европе произошли фактически по инициативе руководящих политических деятелей, которые, так или иначе, приняли эти преобразования. Это наблюдение верно относительно почти всех стран за исключением Румынии. Люди, которые потеряли власть в ходе этих революций, на самом деле активно участвовали в их подготовке. У Энценсбергера главным героем является Горбачев, который сам это делает, избегая при этом кровопролития.

Кстати, очень важный момент: публикация Энценсбергера показала то, что мне было ясно и до этого: *все теории тоталитаризма практически бесполезны для анализа советского общества и стран Восточной Европы.*

Гибель фашизма показывает, что тоталитарная система имеет единственную альтернативу: победа или совершенное разрушение, саморазрушение.

В странах Восточной Европы и в СССР была иная альтернатива — уступить власть и ее на самом деле уступили, отдали в этих странах. Почему это произошло — это другой вопрос, я не могу на него ответить детально. Единственное, что надо отметить: все это произошло с большим запозданием. Если бы это случилось на 20 или хотя бы на 10 лет раньше, то и разрушений было бы значительно меньше.

Конечно, в любом случае (это мое личное мнение), и при этом варианте из состава Советского Союза вышли бы Прибалтийские республики на основе свободного голосования.

Возможно, что также поступили бы и некоторые Среднеазиатские республики... Может быть — Закавказские республики.

Но я не думаю, что Украина и Белоруссия стали бы самостоятельными государствами. Их отделение для меня непонятно. Искренне говорю, я думаю, что это было в интересах Соединенных Штатов, которые стремились ослабить бывшего противника (в холодной войне) и таким образом этого достигли. Это была огромная ошибка, потому что Россия, Украина и Белоруссия составляли экономическое и социальное единство. Смотрите, насколько тесны личные и семейные связи между населением Украины и России, особенно если рассматривать Восточную Украину. Поэтому создавать новые государства из этих трех совершенно бессмысленно. Это нанесло огромный ущерб развитию экономических связей, что стало одной из причин, которые тоже являются причиной углубления экономического кризиса в последующем.

А потом, посмотрите, как происходило индустриальное развитие тех стран, которые достигли в этом деле значительных успехов. Так называемые страны запоздавшего развития, которые не являются авангардом индустриализации. Они все это сделали отнюдь не в условиях свободного рынка. Посмотрите хотя бы на Пруссию XIX в.! Всегда это была сбалансированная политика. Не слишком много налогов или таможенных налогов, чтобы не задавить собственную промышленность. Наоборот, надо было содействовать тому, чтобы собственная промышленность могла соревноваться с другими странами. Следовательно, нужна была политика определенного протекционизма. В новой России этот опыт не учитывался. Промышленность не могла работать при таких условиях. Кроме того, приватизация! Это было акцией, направленной на создание феодальных отношений! По-моему, так нельзя было делать. Это значит, что чикаго-бойс, разрабатывавшие теорию российских реформ, делали эти реформы не в интересах российской промышленности и российского общества, а в интересах западной промышленности. Реформы, в особенности приватизацию, нужно было рассчитывать минимально на 15 лет. В течение года такие преобразования без ущерба для экономики и интересов населения осуществить невозможно! Этим определилась сегодняшняя структурная слабость российской экономики.

В обосновании проводимых реформ огромную роль сыграла неверная оценка предшествующего состояния общества.

Я, например, никогда не думал, что советское общество было тоталитарным в том смысле, как у нас думают. Конечно, политическая система, диктатура, и проверка, спецслужбы очень много знали... Но во время моего пребывания в России у меня сложилось иное впечатление. Попытаюсь объяснить это на примере. В дремучем лесу, скажем, в тайге, государством были прорублены огромные просеки. На этих просеках все просматривалось, и они были даже заасфальтированы... И проверка там была прекрасная... А вокруг этого — хаос. Действительно, если смотреть на внешнюю сторону дела, то казалось, что в обществе есть определенный порядок. Но вокруг этой формальной структуры шла своя жизнь. Это микроотношения, или отношения на среднем уровне. И здесь действовала другая структура, нерегулируемая государством. Традиции, семейные отношения, «иметь руку» где-нибудь и т.д. Эти группы, эти специальные социальные отношения, важные для жизни, которые я встретил только в России и в Советском Союзе. Это было важно для жизни людей там. Западный наблюдатель видел только одну сторону дела, которая регулировалась государством. А остальное нам было не видно. Например, мы не представляли, что всегда существовал целый мир отношений, связанный с преступностью, где существовали свои правила поведения. Для нас это было незаметно. А это был преступный мир. В новых условиях этот мир не исчез, а стал действовать более эффективно со своей точки зрения, в соответствии со своими понятиями.

Государство также развивалось после перелома, оно создавало определенный корсет, который не давал возможности полного развала общества.

И сейчас это раздвоение общества на официальную структуру и неформальные связи сохраняется. Возьмем, к примеру, бюджетную статистику или статистику зарплаты. Они не объясняют, как люди могут существовать, как они могли пережить все это. Потому что неформальные отношения, выходящие за пределы официальности, не учитываются статистикой. Но эти отношения связаны со многими жизненно важными проблемами. Если Вы посмотрите на официальную зарплату, и на то, что они на самом деле зарабатывают, то увидите огромную разницу.

Общество продолжает существовать в раздвоенном состоянии, но, по-моему, это не база для настоящего развития. Государство не может развиваться подобным образом, оно не может собирать адекватные налоги, необходимые для решения социальных задач. Потому что все эти зарплаты неофициальные, они не зафиксированы в документах. Поэтому они не могут и работать. Это настоящая проблема для развития.

И вообще, как мне показалось уже несколько лет назад, главная проблема: существует ли вообще государство? Или Россия будет развиваться как средневековое общество? Значит, там — великий князь, там — маленький князь... Это — личные феодальные отношения. Разница лишь в том, что если раньше были князья из дворян, то сейчас — князья от промышленности. А монополия власти на территории страны — это, как известно, является самым важным моментом в определении государства (речь идет о монополии насилия согласно определению государства, предложенному М.Вебером) — то, этого больше не существует. Что касается законов, то в России существуют одновременно взаимоисключающие законы. По одному и тому же вопросу есть один закон, но есть и другой закон! Вместе они невозможны, как вода и огонь. И никто не говорит, что надо сделать выбор: или — или!

Это еще одна проблема. Может быть, Путин ни в коем случае не демократ, но, по-моему, он понимает значение государства, понимает способы его функционирования и его регулирующую роль. Это — то, что мы называем правовое государство (Rechtsstaadt). Правовое государство не следует смешивать с демократией. Важно, что оно вообще существует и что есть законы для всех. А значит, есть государственный порядок, у государства есть задачи, которое оно должно выполнять. Если это сохраняется — по-моему, уже много сделано для развития.

Еще одна проблема. Когда я знакомлюсь с вашей прессой или телевидением, то прихожу к выводу, что общественное мнение у вас далеко от свободы. Это не значит, будто я считаю, что на Западе в этом отношении все благополучно, что на Западе — свобода, а в России — ее нет. В Германии, например, Вы не можете создать газету, которая действовала бы против интересов промыш-

ленности. Без рекламы газета не может существовать. Конечно, можно издавать журнал, у которого будет 5000 читателей. Это значит, что здесь тоже существуют определенные границы свободы в самой системе. У вас: чуть-чуть хуже.

Но, я думаю, современные средства, например, интернет серьезно расширяют границы свободы. Все попытки возродить цензуру практически невозможны. Посмотрите даже на Китай! Там еще старая система, и все-таки так много мнений находят путь туда. Это такая проблема... Уровень техники сегодня такой, что монополизация очень трудна.

А.З.: А как можно оценить этот период с точки зрения отношений между Германией и Россией. Что он дал нового и каковы результаты?

П.Я.: С одной стороны, конечно, то, что случилось 10 лет назад, это очень важный шаг. Настоящая нормализация отношений, настоящий конец войны. По-моему, у людей были очень оптимистические настроения в то время. Они говорили: «Все старые предрассудки больше не существуют». Это, конечно неправда. Смотрите, как в Германии эксплуатируется тема русской мафии, в прессе и в кинофильмах. Это, конечно, миф, но все-таки... При этом воспроизводится старый взгляд на так называемые старые устойчивые черты и привычки русского характера.

А если Вы посмотрите, как пишут о политике России в Чечне! Я думаю, конечно, что надо давать информацию о том, как действуют войска, и что там происходит. Но, если посмотреть на комментарии нашей прессы, то получается, что там «полный беспредел», и никто не дает серьезного анализа. Только «Frankfurter Allgemeine Zeitung» — самая консервативная и серьезная газета — нашла некоторые характеристики чеченского общества, показывающие, какие проблемы там существуют, какие из них поддаются решению, а какие — нет. Суть дела, по-моему, в том, что в Чечне терроризм есть на самом деле, и что это — не только «пропаганда Путина». Нельзя представить ситуацию в Чечне в черно-белом цвете. Но об этом никто не пишет. Наоборот, дело представляется так, будто есть хорошие-чеченцы, и плохие-русские. Good guys and bad guys.

К тому же, употребляются хорошо знакомые стереотипы о русских войсках. Это мне хорошо знакомо как историку по литературе XIX века.

Надо сказать, что общественное мнение Германии о России еще не основательно, не фундаментально. Существует еще очень много старых предрассудков. И мы только ждем, что они мнимо реализуются в политике.

С другой стороны, существует взаимная заинтересованность наших стран и народов друг в друге, и это очень важно. В Совете директоров Газпрома, например, есть немецкий менеджер, который занимается поставками газа из России, и, с другой стороны, поставками техники в Россию. Это — хорошие отношения. И я

думаю, что это не просто так. Сейчас это может выглядеть как.., ну просто как колониализм... Территория, которая дает энергию, нефть, или другие дела... И взамен получают промышленные продукты. Но я думаю, эта ситуация в России не будет продолжительной. У России большие возможности... (сейчас у меня в голове, в основном английские выражения). Ну, скажем, в России хорошо поставлено естественное и инженерное образование, есть там такой menpower, что они могут развивать свою современную промышленность относительно быстро... Кадры есть, но, в принципе, и денежный капитал тоже есть. Но только люди это не инвестируют в своей стране, а значит потенциал России намного выше, чем то, что реализовано.

И у нас, конечно, очень большие возможности во взаимодействии России и Германии, которые открылись вслед за событиями десятилетней давности. Я в этом отношении не являюсь пессимистом, может быть, только самую малость. Но дело в том, что осталось очень много старых предрассудков и стереотипов. И есть еще очень много людей, включая нашего канцлера и министра иностранных дел, которые придерживаются старых стереотипов относительно России. А есть такие, которые новое развитие признают, и считают, что надо помочь, которые действительно сторонники настоящего развития отношений.

А.З.: Вы несколько раз уже упомянули эти стереотипы, которые имеются в сознании политиков, в общественном мнении, в прессе относительно русского характера. Что это за стереотипы, и можно ли их охарактеризовать?

П.Я.: Есть стереотипы, которые касаются характера. «Русский человек — такой». Эти стереотипы действуют еще с XIX в. «Русские — более эмоциональны, чем немцы, их поведение в меньшей степени контролируется умом». Это — как стереотипы французов о немцах. Эти мнения как бы распространяются с запада на восток: французы о нас, а мы — о русских. Далее, конечно, «русские это не только широкая натура, но также дикий характер русских». Это тоже по-прежнему осталось. Еще одна черта — «у русских — детский характер, они — как большие дети». Это наши стереотипы об индивидуальном характере.

Затем есть стереотипы относительно общества, о политике и государстве. Потом есть стереотип империализма как черте русского государства, как традиции.

Кроме того, отношение к деспотизму. Ну, скажем, с одной стороны, люди подчиняются деспотизму, и действуют по указанию власти. Но, с другой стороны, они не только привыкли к этому, но любят ту власть, которая стоит над ними. Значит, им нужна сильная рука.

Эти стереотипы сформировались еще в XIX в. У нацистов вы также их найдете. Они использовали их в качестве программы своей политики.

Но очень многие из этих представлений сохранились, к сожалению, и до сегодняшнего дня.

А.З.: Очень важная мысль. Вы сказали, что мнение о русских в Германии аналогично мнению французов о немцах. Но проблема отношения к государству: ведь, в западной культуре тоже существует мнение о том, что немцы прежде всего государственно обязанные люди, они всегда будут делать то, что государство скажет, и не только государство, но любой начальник. Но этот же стереотип он переносится и на русских. Так это или не так?

П.Я.: Конечно, так. Но у меня по этому поводу есть теория, связанная с психоанализом. Это теория внутреннего регулирования эмоций. Конечно, на этот счет существуют общественные нормы. Мы живем в обществе, которое требует считать, что руководствоваться чувствами в своем поведении нельзя, что чувства должны быть поставлены под контроль разума и мышления, что должен быть самоконтроль. Другой вопрос, как каждый индивидуально это делает. В целом это результат модернизации. Это везде бывает. Это требование. Например, вы должны быть ровно в девять часов на заводе, вы должны выполнять однообразную скучную работу. Вы это выполняете вопреки вашим чувствам, вам не хочется, но вы все равно это делаете. От вас много требуют, и вы выполняете это потому, что для жизни это необходимо. Но у вас накапливается чувство неудовлетворенности. В то же время, вы видите, что это относится не ко всем, что есть люди, которым можно то, что вам нельзя. Ваша неудовлетворенность связана с чувством, которое можно было бы обозначить фразой: «Они могут, а я не могу». Обычно вы становитесь агрессивны по отношению к тем людям, которым больше позволено. Вы удивляетесь тому, как это люди могут быть счастливы?

С другой стороны, это вам приятно. Например, если немцы приезжают в Россию, они даже ожидают, что русские будут более свободны, что они действуют не всегда в соответствии с общепринятыми нормами, и немцы от этого испытывают удовлетворение, поскольку им кажется, что они — благодаря этой раскованности поведения русских — могут лучше понять, чего же они хотят на самом деле. При этом не важно, так это или не так на самом деле. Может быть, это самые сухие люди, совершенно без эмоций. Но все-таки от них ожидают, что у них должны быть эмоции. Таковы же ожидания и французов по отношению к немцам. Они считают, что мы более эмоциональны, что у нас еще действует иррационализм, ибо у самих французов всегда существовал культ рационализма. По сравнению с ними, как они полагают, немцы — более свободны. Но, с другой стороны, немцы — ужасные люди, потому что у них был разрыв с рационализмом, так как фашизм основан на иррациональном, чувственном подходе к действительности. Следовательно, немцы для французов интересны и ужасны одновременно. И подобное восприятие наблюдается и у немцев по отношению к русским.

А.З.: Вы сказали, что Вы были в Союзе, или в России в 70-м году.

П.Я.: Да, в 70-м году, я был на стажировке, жил в общежитии, 160 рублей в месяц была стипендия. Я был в Ленинграде. Тогда еще не было генерального консульства...

А.З.: В Ленинграде? А где Вы учились?

П.Я.: В аспирантуре Ленинградского университета, на историческом факультете. Но, фактически, я был свободен. Время от времени я встречал моего профессора и говорил ему, чем я занимаюсь. Я проводил почти все свое время либо в публичке, либо в архиве. Собирал материал и писал свою докторскую (в вашей системе — кандидатскую) диссертацию. Очень много работал и с большим удовольствием.

А.З.: А кто был Вашим руководителем?

П.Я.: Профессор Окунь.

А.З.: Очень известный человек, прекрасно читал лекции.

П.Я.: Я действительно с большим желанием работал над диссертацией. В Берлине я мало работал, так как это было время студенческой революции, в которой я принял участие. Для меня возможность работать в Ленинграде была очень важна, так как в ходе этой революции мы научились выдвигать собственные идеи. Я занимался исследованием общественного мнения в Германии о России в начале XIX в. В публичке были все необходимые материалы, там есть специальное отделение «Россика», где собраны все брошюры и публикации, опубликованные в Западной Европе о России еще с XVIII, и, тем более, XIX в. В Германии такой библиотеки нет.

А.З.: Скажите, пожалуйста, насколько дифференцированы в Германии мнения о России?

П.Я.: Я думаю, обычная ситуация такова, что Вы встретите, скажем, в газетах все предрассудки о русских. И одновременно Вы найдете интересные статьи о развитии там, о развитии там... Об одном проекте социальной работы, скажем, в Петербурге, о жизни в деревне — очень хорошая работа, сделанная журналистами. Общий баланс при этом будет таков, что вы найдете и то, и другое — и информацию о новом, и воспроизводство устаревших стереотипов. Однако во время различных критических ситуаций, которые для нашей прессы как своего рода сигналы для собаки Павлова, баланс резко изменяется в пользу стереотипов.

Например, во время второй Чеченской войны я был в Москве и там встретился со знакомой, которая там работала корреспондентом. Интересно, что для нее все оказалось «предельно ясным». Честно говоря, я удивился тому, насколько корреспонденты на местах подвержены стереотипному восприятию проблем. Даже журналисты, работавшие в Германии, писали более дифференцированно об этой ситуации.

Я думаю, что наши корреспонденты в России — это самостоятельная проблема. То, что они публикуют, весьма важно для фор-

мирования общественного мнения в Германии. Но дело в том, что они живут в какой-то мере замкнутой группой, их собственное мнение формируется на основе того, что они говорят в своей среде. Поэтому они пишут как бы по единому шаблону, достаточно единогласно. Я считаю, что у них нет опыта самостоятельной жизни в России, и это сказывается на их профессиональных качествах. Во времена советской власти такое положение дел было вполне понятно. Иностранные корреспонденты жили вместе в отдельном доме, который охранялся милицейским постом. Контакт с ними был возможен только на основе разрешения из бюро. Я не знаю, кто там работал. Они жили как на другой планете. И мы — студенты или аспиранты — знали о жизни в стране гораздо больше, чем люди, которые этим занимались профессионально. Сегодня же они действительно свободны. Ну, конечно, достать себе квартиру в Москве бывает нелегко, поэтому все еще сохраняются некоторые здания, где они живут и сегодня. Но теперь они могут подойти к любому человеку на улице с микрофоном и спросить у него/нее: «Пожалуйста, скажите мне, каково Ваше мнение о том-то и том-то». Но они все еще живут так, как будто продолжается советский порядок, советский режим. В этом и состоит проблема. Если возникает какой-нибудь, даже самый небольшой конфликт, то немецкая пресса прежде всего обвиняет российскую сторону. Но вполне понятно, что есть и другая точка зрения на этот конфликт, которая заявляет о себе: «мы правы».

Это вполне нормально, но освещение российских событий оказывается окрашенным в агрессивные тона, и здесь не наблюдается самокритичности. Например, косовский конфликт и бомбардировки силами НАТО территории Югославии. Здесь никто не обратил внимание, что Россия имела право сказать: «Минуточку, ведь между Германией и Россией существует договор, в котором записано, что немецкие, германские войска не могут действовать вне территории стран НАТО без нашего согласия. Вот, смотрите — текст договора». Об этом никто не задумался, как бы принимая за само собою разумеющееся, что мы имеем право или обязательства защищать права человека в Косово. А когда аналогичная ситуация возникла в Чечне, то освещают ее совсем в ином ключе. Выработан двойной стандарт оценок, и это, на мой взгляд, сохранение остатков холодной войны.

Или другой пример. Когда я читаю корреспонденции из Вашингтона, Лондона, Парижа, Варшавы или Праги, то замечаю что тон их таков: «Это — интересное общество. Читатели должны о нем знать». Критика, разумеется, допустима, но установка такова, что корреспондент в целом действует в интересах улучшения наших отношений. Но применительно к России ситуация выглядит иначе. Похоже на то, что Россия рассматривается в качестве «потенциального врага». Не «потенциального друга» и не «актуального врага», а именно «потенциального врага». Такая установка еще остается!

А.З.: А как Вы воспринимаете дискуссию относительно того, является ли Россия частью Европы?

П.Я.: Это просто идеология! Что такое Европа? Конечно, географически это более азиатская, чем европейская страна. Но, конечно же, я не это имею в виду. Можете ли Вы представить себе европейскую культуру без России? Нет! Конечно, Россия стала относительно поздно частью Европы в культурном отношении. Но совершенно ясно, что культурная модернизация в России началась примерно 300 лет тому назад, а до того времени ее культура строилась на иных основаниях.

А.З.: 300 лет тому назад — что Вы имеете в виду?

П.Я.: Я имею в виду, что российское государство стало действовать не только через религию. До этого центром всей жизни была религия, как и у нас в Европе в средние века. Религия была тогда в центре selfdefinition — в центре самоопределения. Потом начался новый этап, на котором было заявлено: «Религия не является нашим самоопределением, это часть идентичности, но она не находится в центре нашей культуры». Наша культура — это часть нового развития. Конечно, для этого нужно было время. Но посмотрите на XIX в. в России: в основе ее культуры литература, музыка, техника, естественные науки. Это было вполне нормальное европейское государство, если мы имеем в виду, что под европейским понимается новая техника, новая промышленность, определенные сферы культуры, включающие в себя в качестве наиболее важных элементов музыку, литературу. Особенно важны общие нормы, которые действуют не только в одной стране, но во всех странах Европы, включая в себя те же Соединенные Штаты. И исключая все остальные культуры. В этом всегда была проблема. Ведь во времена колониализма думали, что все остальные культуры были ниже по отношению к европейской. Однако сейчас мы знаем, что это другие культуры — не высшие и не низшие, а просто «иные».

Я сам, например, вырос в Западном Берлине во время холодной войны. В Западной Германии — я там жил в 1945 г. — ситуация была очень напряженной.

А.З.: В каком году Вы родились?

П.Я.: Я родился в 1941 г. в относительно консервативной семье, в которой было несколько членов нацистской партии. Я вырос совершенно в духе холодной войны. И, конечно, для меня враг — это были русские. Они были примитивные, и они не умели пользоваться туалетом — те солдаты, которые пришли к нам. Но опыт 1945 г. — окончания войны — был очень противоречивым. С одной стороны, я сам чувствовал — мне было 4 года — страх и угрозу. Взрослые — женщины — использовали меня как защитника, как щит против насилия. Конечно, это не было еще физическим чувством, я, скорее, позже самоидентифицировал себя с этим чувством. А с другой стороны, я сидел на коленях этих русских солдат, и мне было приятно сидеть на коленях у этих дядей. Сохрани-

лось прекрасное детское воспоминание. Я им мог рассказать — по-немецки, конечно, — какие ужасные эти русские, они забрали у меня тетушку и дядю, которых депортировали. А они говорили: «Да, да, да, мальчик!».

То есть, в эмоциональном плане этот опыт был чрезвычайно разнообразным. А потом, кода мне было 15—16 лет, я очень много читал, ну скажем, классическую литературу. Я прочел в этом возрасте Достоевского «Преступление и наказание», читал Толстого и т.д. Помню, как я пропустил два дня школьных занятий, чтобы прочитать «Войну и Мир». Я решил пропустить контрольную по математике, чтобы прочесть эту книгу.

Потом я заметил одну вещь. Многие немцы считали: «русские — хорошие, а коммунизм — плохой». Они считали, что все определяет система, и поскольку система была плохая, постольку и русские не могут быть хорошими. А другие считали, что коммунизм это типично для русских, что коммунизм соответствует русской природе. Поэтому, мне было очень интересно то, что даже после 1917 г. в СССР издавалась прекрасная литература. Это означало, что культура не остановилась, не закончилась вместе с революцией. Она продолжала определенную традицию, хотя и в измененном виде, конечно. И в области музыки — тоже. Даже для развития модернизма нашлось место в Советской России... (небольшой пропуск — окончание первой стороны магнитофонной ленты).

А.З.: Я хотел бы затронуть еще одну тему: какое значение для современного немецкого общества имеет память о войне?

П.Я.: Трудно сказать. У меня есть об этом представление, связанное не только с детскими впечатлениями, но и с тем, что я как историк профессионально занимался этой проблемой. Что касается большинства современной молодежи, то память об этом слабеет. Их впечатления связаны с семейной историей, и историей уже не отцов, а дедушек или даже прадедушек, которые участвовали в войне, погибли или были в плену.

Кроме того, для ФРГ и бывшей ГДР — это была совершенно разная история до 1990 г. Я скажу только о ФРГ. В ФРГ в 50-е годы для большинства людей это были только наши страдания, а о страданиях других мы не говорили. Субъективно это было понятно, потому что для большинства, для солдат это был ужасный опыт. Война — была неприятным воспоминанием — для многих это было страдание и плен. Для тех, кто жил в Восточной Германии, это тоже был ужасный опыт. Но тогда никто не говорил о том, что мы там сами натворили. При этом во время холодной войны это было частью нашей идентичности. Все остальное — фашизм, холокост, агрессия по отношению к другим народам, все это невозможно было защищать. А вот война против Советского Союза оценивалась иначе. Ведь защита Германии в 1945 г. рассматривалась как стремление не допустить выход Сталина и советских войск к Эльбе. *Вы были «неправильными союзниками»*. У нас даже ходил анекдот относительно того, что Черчилль якобы сказал

(хотя на самом деле он этого не говорил), что — Wir haben eine Falsche Gans geschlachtet — «мы (то есть западные союзники) убили не того гуся». Нам очень хотелось во времена холодной войны, чтобы он именно так сказал.

Война, таким образом, воспринималась как «защита демократической культуры на берегах Волги, под Сталинградом». К сожалению, такой подход к оценке войны не преодолен полностью. Он воспроизводится. Тем более, что выдвигается и такой аргумент: «Мы должны служить в армии теперь только потому, что тогда Советские войска дошли до Эльбы».

Такова была позиция в 50-е годы.

В последующие несколько десятилетий мы постепенно изменили точку зрения. Мы постепенно осознали то, что, не только евреи были жертвами геноцида, но и масса нееврейского населения — русские, украинцы, белорусы и, конечно, поляки — тоже были жертвами, что не мы были жертвами, а другие народы, так как мы сами напали на Россию—Советский Союз, что все эти акции — не менее серьезные преступления против человечества, чем холокост.

К сожалению, далеко не все разделяют эту точку зрения. Очень мало историков, например, занимаются изучением судьбы советских военнопленных.

И очень важно было то, что президент Германии Рихард фон Вейцзеккер в 1985 г. в своей официальной речи в парламенте сказал, что несмотря на индивидуальные судьбы многих миллионов людей, события 1945 г. означали освобождение. Это был долгий путь к признанию вины и ответственности немецкого народа. *Для многих людей,* — конечно, это меньшинство, но которое, правда, нельзя назвать незначительным, — *и сейчас события 1945 г. остаются «поражением», а не «освобождением».*

В 1995 г. был проведен общенациональный опрос, в ходе которого спрашивали «Следует ли события 1945 г. называть "поражением" или "освобождением"»? 80% опрошенных высказались за то, что это было освобождение. Но если Вы посмотрите, как люди характеризуют нацизм, то увидите, что прежде всего это связывается в головах людей с геноцидом евреев. Очень мало тех, кто связывает этот режим с преступлениями против других народов и ответственностью за развязывание Второй мировой войны и нападением Германии на СССР. Лишь в некоторых случаях это дополняется политикой уничтожения сумасшедших или цыган. А когда речь заходит об уничтожении военнопленных Советской армии, то сразу задают вопрос: «А наши военнопленные?» Конечно, они тоже были не в райских условиях, страдали. Многие из них погибли, но не в таких масштабах, и *они не умерщвлялись теми способами, которые применялись по отношению к советским военнопленным.* А политика нацизма по отношению к гражданскому населению!? Например, блокада Ленинграда. Мало известно об этом. Нельзя сказать, что это полностью замалчивается. Но это не закреплено в нашем

сознании. Эти факты находятся на втором или третьем месте. Я считаю это неправильным.

Вполне возможно, что *наши политики даже не хотят выдвигать эти факты на то место, которое они должны были бы занимать в сознании людей, в общественном мнении. Они, возможно, думают, что если этим фактам придать должное значение, то тогда наша политика станет несвободна по отношению к России,* что бремя прошедшего станет очень большим грузом, не позволяющим противостоять России. Это, правда, лишь мое предположение. Но факт состоит в том, что ни наш консервативный канцлер, ни наш социал-демократический канцлер, также как и никто из прежних или нынешних министров не нашли времени для посещения этого музея.

А.З.: Никто не был?

П.Я.: Нет.

А.З.: Странно!

П.Я.: Очень странно. Тем более, что иного такого учреждения, которое находилось бы в совместном ведении двух государств, нет нигде больше.

А.З.: А что означает — совместное ведение? Что российская сторона имеет и сейчас отношение к этому музею?

П.Я.: Конечно! Юридически музей принадлежит Обществу, которое зарегистрировано под названием «Общество музея в Берлине в Карлхорсте». Члены общества — три министерства нашего федерального государства: министерство обороны, культуры и иностранных дел. С российской стороны такое же членство — Министерство культуры, Министерство обороны и министерство иностранных дел РФ тоже члены нашего общества. Кроме того, поскольку культурные вопросы у нас переданы в ведение земель, постольку Земля Берлин также является членом нашего Общества.

А.З.: Теперь мы вплотную подошли еще к одному вопросу, который был запланирован для нашей беседы. Как Вы считаете — между кем и кем была война? Со стороны России (Советского Союза) и Германии: между двумя тоталитарными режимами, между коммунизмом и фашизмом, или между двумя народами?

П.Я.: Я думаю, что этот вопрос неправильно сформулирован.

Для немецкого *народа* при нападении на Россию было безразлично, какой там политический строй, есть там большевизм, или нет. Гитлер написал «Майн Кампф», где были определены его цели в политике — ему было все равно — коммунизм или нет.

Так, в Польше в 1939 г. был консервативный авторитарный режим. Не тоталитарный, но и не демократический. Этот строй политически был ближе к гитлеровскому режиму, чем демократии во Франции или в Англии. И все-таки он напал, и уничтожил несколько миллионов поляков, не говоря уже о польских евреях. Ему был безразличен политический строй, поскольку его агрессия обосновывалась не политическими аргументами, а идеологией расизма.

Нападение на Россию, на Советский Союз также обосновывалось этой идеологией: «Нам нужно жизненное пространство, нам нужна Украина! Нам нужна территория сама по себе без населения!» С точки зрения Гитлера на этой территории проживало слишком много людей, поэтому их надо было уничтожить голодом. При этом верят они в коммунизм или большевизм, это не имело для них первостепенного значения.

Конечно, в целях пропаганды использовались антикоммунистические лозунги и аргументы. Так, когда принималось решение об уничтожении Ленинграда, то упоминалось, что Ленинград был колыбелью революции, и якобы по этому должен был быть уничтожен. Но когда речь зашла об уничтожении Москвы (разумеется, после победы), то выдвигалась совершенно другая причина: что это — центр московитизма. Но это совсем не связано с большевизмом.

Дело же в том, что в том и другом случаях речь шла об уничтожении крупных центров промышленности и культуры. А «Тысячелетний рейх» не нуждался в таких центрах, поскольку он планировался в качестве колониальной империи, где господствовать должны были люди высшей расы. Прочее же население должно было обслуживать эту расу. Только в этом качестве оно и могло сохраняться в поддерживаемых искусственно для этой цели пропорциях.

Что касается Сталина и его внешней политики — это очень сложная тема. Конечно, совершенно аморальной и жестокой была политика, направленная на аннексию и захват чужих территорий. В определенном смысле это была экспансия. Конечно же, Сталин утвердил диктаторский режим, с этим спорить нельзя. Он уничтожил несколько миллионов человек. И мы даже не знаем сегодня, сколько именно миллионов!

По своим масштабам сталинская диктатура похожа на диктатуру нацистскую. Но внутренний механизм общества был совершенно иным. И было совершенно другое направление репрессий и уничтожения. Нацистская диктатура уничтожила главным образом людей других наций. Было уничтожено несколько тысяч и своих (главным образом, коммунистов и социал-демократов), но все же главное острие террора было направлено за границу.

Наоборот — сталинизм был главным образом самоуничтожением! Террор был направлен даже внутрь партии, даже внутрь органов ГПУ, и так далее.

Разумеется, было уничтожено несколько сот тысяч представителей иных национальностей — немцев, поляков, представителей некоторых других народов. Но все же это направление террора на имело первостепенного значения в сталинской политике.

Можно ли это назвать войной между двумя идеологиями? Конечно, это играло определенную роль, но не это выступало в качестве главной причины. *Причина состояла в нацистской расовой идеологии.*

Война между народами? Это напоминает постановку вопроса Генриха Белля и Льва Копелева в их переписке — почему они

стреляли друг в друга?[35] Конечно, оба они сидели в окопах с винтовками, такие же, как они, стреляли и погибали. В этом смысле можно говорить о войне между народами. Имел значение и идеологический момент. Оба в тот момент верили официальной идеологии своей страны!

Но народ? Вы знаете — это понятие существует для обозначения определенной массы людей, которая живет и действует в рамках определенной политической и социальной структуры. При этом сами люди очень разные: есть такие, и такие! В конце концов, они действуют, конечно, по приказу, но в то же время большую роль играет интериоризация идеологических установок, и это надо принимать во внимание.

А.З.: Прошу прощения, я не понял, как в Вашей концепции объясняется, почему же Советский Союз победил в этой войне?

П.Я.: Совершенно ясно, что (пауза) Извините, если я употреблю это пропагандистское выражение. Это был слишком большой кусок для фашистского зверя, чтобы его проглотить. Иначе говоря, тигр не может напасть на слона. Он может его ранить, но он не может уничтожить слона. Вот это — главное. Они не смотрели на карту, и они не могли представить себе, что там, куда они направились, есть люди, которые отнюдь не на уровне животных, что эти люди самостоятельно думают, что у них есть свои ценности и свои представления о жизни. Это — во-первых.

А во-вторых, я иногда думаю, что для советского общества того времени — 1941 г. — конечно, с одной стороны, это нападение было ужасным; посмотрите особенно на потери первого года. А с другой стороны, как изменилось психологическое настроение в результате этого! Это было самый хороший момент. Внутренняя гражданская война была закончена, а появился настоящий враг. Отнюдь не мнимый враг. Не только троцкистско-зиновьевские заговоры или бельгийские, японские и так далее конспирации... Конструкция «враг народа» продолжала существовать, но эта конструкция уже потеряла свое значение, и это было важно. ***Возник настоящий враг, борьба против которого объединила и жертв сталинского произвола, и сторонников Сталина. Это стало очевидно каждому: мы защитим страну против противника, который не хочет освободить нас от диктатуры, а хочет установить еще более жестокую диктатуру.*** Что касается психологического состояния общества — то это лучшее, что можно было бы сделать. Гитлер не мог придумать ничего лучшего для легитимации Сталина

А.З.: Есть такая точка зрения, что жертвы Великой Отечественной войны со стороны Советской Армии не столько объясняются этим главным врагом, сколько неумением командования, безразличием к людям, и даже есть такая идея, что Ленинград лучше было бы сдать, тогда бы в живых осталось больше людей. Как Вы к этому относитесь?

П.Я.: Что касается Ленинграда, то Вы знаете, что если бы его сдали, то все население было бы уничтожено. Это было 2 миллио-

на, а не 800 тысяч, которые погибли в дни блокады. Цифры, конечно, приблизительные. Немцы планировали окружить город, и оставить его без продовольствия до весны., и потом, по их расчетам, осталось бы в живых около 100 000 человек. Оставшихся предполагалось выгнать, и затем разрушить город. Смерть 800 000 — это, конечно, ужасно! Но все же лучше, чем реализация планов гитлеровского командования.

Что касается ошибок и просчетов, то это было типично для существовавшего режима. Ценность человеческой жизни стояла очень низко. С другой стороны, была хорошая военная техника. Я даже думаю, что касается, например, танков и некоторых других видов оружия, то они были гораздо лучше, чем немецкие или те, которые производились союзниками. Но их было не так много. Часто говорили: лучше 10 000 погибших, чем потерять, скажем, 100 танков. Жизнь человека, конечно, при этом режиме ценилась очень низко.

Третье, после чистки в вооруженных силах уровень подготовки командных кадров резко снизился. И в то же время произошло огромное увеличение армии, примерно в 3 раза. Смотрите, какие люди стали командирами батальонов или полков. Способности этих людей в 41-м году, в 42-м году были очень низкими. Мы видели приказы Жукова, даже в 1944 г. направленные на повышение воинской подготовки. Из этих приказов видно, что даже в это время очень многие командиры не очень хорошо знали свою работу. Из-за этого, конечно, советская армия несла очень большие потери.

А.З.: Но я хотел еще спросить Вас о значении понятия нация. В российском контексте и в немецком контексте. Это примерно одно и то же, или это само понятие — нация, народ, может быть... Только, это как понимается.

П.Я.: Я не испытываю больших симпатий к этому слову. Мне понятно, если о нации говорит француз. Для него культура и нация, политическая структура общества — это одно и то же. А для нас, для немецкой истории... Конечно, «мой народ». Но до 1887 г. немцы жили в разных государствах. При этом была одна немецкая культура. И в Австрии, и в Пруссии, и в Баварии... И, конечно, один язык, и музыка. Скажем, Бетховен — родился в Бонне, умер в Вене и так далее... Для нас вопрос о политическом единстве не представляется слишком важным. Для меня, например, это не так важно. Действительно, я родился, когда еще существовал Третий рейх — единая Германия. А Grossedeutschreich включал в себя и Австрию.

Затем, в Германии были 4 оккупационные зоны. Я жил в Западном Берлине. В самом Западном Берлине было три сектора — английский, французский, американский. Восточный Берлин был столицей советского сектора, а затем — ГДР.

Все это было у меня перед глазами, и я, ничего, жил, все-таки. Я мог читать, работать в библиотеке. Я жил в английском секторе Берлина. И особенно важным для меня был собственный опыт.

Даже во время холодной войны, до построения стены, я мог переехать в Восточный Берлин «к врагу», там сидел в Опере, покупал свои книги — прекрасную классику, русскую литературу. При этом своего государства у нас совсем не было, а все-таки у меня было хорошее образование, мама неплохо жила. Мы жили. Потом я жил 3 года в ФРГ, служил добровольно в армии... Потом — вернулся обратно в Берлин. Конечно, у нас было государство Берлина, немецкое государство... Но в конце концов, решения в Западном Берлине принимали союзники.

А система налогов, например, или зарплаты... Тарифы и так далее. Страховки. Как это все оформлялось в Западном Берлине? Я жил вроде бы не в государстве, а все-таки в государстве. В таком же обществе, как и ФРГ. Принимал участие в культурной жизни, в Берлине было очень много германских писателей. У нас был самый лучший оркестр в Берлине... А в других отношениях лучшее было, скажем, в Штутгарте, в Гамбурге, в Мюнхене... Это все и было одной нацией. Объединение для меня не было очень важным.

А для людей, которые живут, скажем, в Виттенберге, для их жизни, я бы тоже не сказал. Если вы думаете, что это хорошо, то пусть будет так! Но у меня сердце из-за этого не дрожит. Для нас — для людей в ФРГ.

В ГДР — это было другое дело. По разным причинам, и не последняя из них, конечно, материальная, экономическая, уровень жизни. Они заплатили за войну Германии в целом. Нам было легче. Поэтому проблема нации для меня не важна. И я всегда был сторонником объединения. Но для меня важно то, что делает наше правительство в Берлине. Решения этого правительства для меня действительно важны. Строят новую линию метро... Это затрагивает мою жизнь. Моя жена работает в школе. Сколько уроков они обязаны преподавать? Это затрагивает мою жизнь. Это на уровне жизни и здоровья. Остальные дела — ну, конечно, налоги — это интересное дело. Но это, может быть, уже на уровне Федеративного государства Германии. Может быть, даже на уровне Европы — в Брюсселе решаем этот вопрос, в конце концов. Даже сегодня, когда они сидят здесь в Берлине, это мне не ближе.

А.З.: А Ваш интерес к России: Вы так рассказали уже про это — детские впечатления, затем интерес к литературе — какие еще такие моменты важны для того, чтобы у Вас определился именно интерес к истории, непосредственно?

П.Я.: Вы знаете, были, наверное, биографические причины того, что я так заинтересовался Россией.

А, например, моя дочка... Для каждого важно, чтобы он знал по крайней мере одно общество, не свое. Это может быть Италия, Франция, Соединенные Штаты, Япония. В этом случае он или она знает, что есть другой мир, другой способ организации общественной жизни, семейной жизни, даже внутренней — эмоциональной жизни. И для меня это была Россия. Из личных причин. Конечно, это просто банально, если я скажу: и в России есть ле-

нивые, и есть прилежные, и есть люди — практически без эмоций, и есть люди очень эмоциональные, теплые. И, может быть, у русских первые отношения всегда бывают более теплые, чем у нас. А в Англии, или, — я часто бываю в Норвегии — первое отношение всегда более холодное, чем в Германии. Все-таки — совсем не агрессивные, все-таки — очень вежливые, очень приятные. Но... более дистанцированные. Эти опыты важны. Все-таки мы знаем: наш образ жизни — это не единственная возможность.

Мне очень нравится, что моя дочка бывает во многих странах мира и собирается и дальше учиться и знакомиться с жизнью в других странах. Еще на полгода поедет во Францию, а потом на полгода в Америку. Конечно, для совершенствования языка. Важно при этом, чтобы жить там в семье, чтобы лучше познакомиться с повседневной жизнью. Я надеюсь, что и мой сын примет решение жить за границей.

А.З.: Большое Вам спасибо, доктор Яан, за очень интересное интервью. Я надеюсь, что мы продолжим встречи, может быть, в форме дискуссии.

2.6. Память семьи и ценность коммуникаций

Беседа с доктором Марком Кейзером. Д-р Кейзер был один из четырех респондентов Билефельдского университета, о встрече с которыми договорился проф. Фельдхофф. Он представляет молодое поколение университетских работников. Интервью состоялось 11 мая 2000 г. в рабочем кабинете доктора Кейзера. Беседа шла на английском языке.

> *Дело в том, что не существует коллективной памяти о событиях военного времени. А поколение, которое обладает такой памятью, не желает помнить об этом. Так что эта память не передана более молодым поколениям как нечто такое, о чем следует помнить, что сбедует обсуждать и дискутировать! Это — память о поражении, и люди хотят забыть о подобных вещах. Так что было такое поколение, которое не создало коллективной памяти. Для последующих поколений память была утрачена. Она не передалась новым поколениям.*

А.З.: Я очень признателен Вам и профессору Фельдхоффу за возможность побеседовать с Вами. Я хотел бы, прежде всего, попросить Вас сказать несколько слов о себе.

М.К.: Об университете?

А.З.: Нет, лично о Вас.

М.К.: Я занимаю должность ассистента в университете и пишу диссертацию, чтобы впоследствии стать профессором в немецкой академической системе. Мои исследования и преподавание будут связаны с социологией развития.

А.З.: Такая отрасль социологии уже утвердилась?

М.К.: Да. У нас в университете на факультете социологии есть центр социологии развития.

А.З.: И Вы проводили исследования, как мне сказал проф. Фельдхофф, в одной из бывших Среднеазиатских республик?

М.К.: Да, я писал работу на PhD по проблеме «Неформальный сектор в Узбекистане и приграничная торговля», то есть по проблеме *челноков* («челноки» произносится по-русски). Это исследование было связано с попыткой найти приложение программам развития в Центральной Азии и в Юго-Восточной Азии.

А.З.: А как Вы собирали материал для Вашей работы?

М.К.: Я прожил около 10 месяцев в Узбекистане, и ездил в другие республики и в Индию вместе с теми, кто занимался торговлей. Но база моя находилась в Ташкенте. Я проводил интервью, собирал полевой материал, занимался включенным наблюдением в ходе торговли, стремясь собрать как можно больше материала. Я и сам работал и использовал помощников — студентов и преподавателей, которые знали русский и узбекский.

А.З.: Таким образом, у Вас была возможность непосредственно наблюдать события по крайне мере в одном из новых независимых государств?

М.К.: И да, и нет. Насколько это было возможно, я следил за событиями по газетам.

Кроме того, в прошлом году я был в течение трех месяцев в Санкт-Петербурге, на социологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Я некоторое время там преподавал, и это пришлось на тот период, когда произошло нападение на Косово. Так что я имел возможность наблюдать реакцию российских масс-медиа и россиян на действия НАТО, на то, как НАТО действовала в косовском кризисе.

Помимо этого я наблюдал, как осуществлялся переход президентской власти от Ельцина к Путину, но все же я не могу себя назвать специалистом по этим вопросам. Я только смотрел телевизор, читал некоторые статьи, обменивался с друзьями письмами по электронной почте. Но я этим не занимался регулярно, как должен был бы делать исследователь («academic»).

А.З.: Понимаю, но все же, какова Ваша оценка реформ в России? В общих чертах.

М.К.: Вы имеете в виду, поддерживаю ли я их или нет?

А.З.: Нет, дело не в этом. Видите ли Вы как исследователь какие-либо позитивные моменты, связанные с развитием и реформами в России и в других новых странах, и каковы негативные аспекты этих реформ?

М.К.: Конечно, я думаю, что весь процесс трансформации имеет свои pro и contra. Плюс состоит в том, что теперь мы имеем более тесные контакты. Во времена Советского Союза я не бывал там, может быть, потому, что был слишком молод! Но не только поэтому. Насколько я знаю, таких возможностей просто не было.

Так что открытость общества — несосмненное преимущество реформ и политических перемен.

Наблюдаются и определенные демократические перемены, но здесь у меня есть сомнения относительно функционирования системы партий. Может быть, на самом деле олигархия управляет страной. Но об этом мне трудно судить, так как моя информация только из газет. Но если на самом деле правительством управляют подобные группы, то я против этого. И в этом я вижу большой минус, который также является следствием реформ.

Дело в том, что демократию весьма трудно внедрить за короткое время при таком повороте событий, связанных со сломом прежней системы.

Кроме того, очевидны большие изменения в социальной структуре. У вас огромная дифференциация, образовались новые богатые, новый средний класс.

И только очень немногие люди имеют доступ к власти и деньгам, имеют работу, заняты торговлей и вообще чем-либо заняты. Этот круг людей выиграл, и выиграли даже их дети или другие родственники, которых они посылают за границу на учебу.

Но с другой стороны, совершенно очевидно, что возникло много бедных. Их теперь можно видеть на улицах Санкт-Петербурга — людей, подбирающих пищу из мусорных ящиков или достающих отбросы из свалок.

В Узбекистане, например, трансформация идет медленнее, но и там заметна необеспеченность, увеличивающийся риск безработицы, низкой оплаты труда, или вообще отказа от оплаты, или же крайне низкая зарплата. Доход здесь никак не соответствует стоимости жизни — ценам на продукты питания, энергию, воду, оплату жилья и тому подобные вещи. Особенно трудно пенсионерам, насколько я понимаю. Так что пенсионеры, а может быть и молодежь, и некоторые другие социальные группы получили очень сильный удар в ходе трансформации. Я думаю, что это очень плохо, когда реформы проводятся таким образом, что они наносят ущерб определенным группам населения.

Я могу сказать, что спектр экономической свободы расширился, что стало больше активности. Например, появились новые небольшие фирмы, которые занимаются маркетингом, исследованиями, где работают социологи. У меня есть контакты с такой молодежью. Должен сказать, они достаточно энергичны, они находят себе дело, и мне это очень нравится. Они получают хорошие результаты, используют интересные методы и тому подобное. Так что, с другой стороны, можно видеть открытость и новые возможности, и я думаю, что это, наверное, хорошо! Им это нравится, и

это открывает для них новые перспективы. После двух—трех лет такой работы у них появляются шансы на год или два поехать на Запад, а затем вернуться с хорошим знанием английского языка. Так что есть и нечто положительное во всем том, что там происходит.

А.З.: А как Вы полагаете, мнение о российских реформах в Германии консолидировано или нет?

М.К.: Думаю, что оно консолидировано в том отношении, что никто не говорит и не верит в возможность поворота назад, в восстановление коммунистического, советского политического режима. В самом начале существовали опасения по этому поводу. А сейчас, я думаю, что поворота назад не будет.

Но относительно будущего, здесь нет единой точки зрения. И даже экономический кризис, падение рубля воспринимались без особого беспокойства. Косовский кризис вызвал больше озабоченности, особенно в начале событий. Некоторые ожидали ну, не военного конфликта, а острого дипломатического конфликта. Так что пространство неопределенности еще сохраняется.

А.З.: А деление на левых и правых в Германии, как оно отражается на восприятии России?

М.К.: Я думаю, что и у левых, и у правых более или менее одинаковые позиции по этому вопросу. Они отличаются друг от друга по некоторым вопросам, но я не могу сказать, что у них разная в политическом отношении повестка дня. Это не заметно, по крайней мере, на уровне повседневной жизни. Есть очень небольшие различия относительно иммиграции немцев и евреев из Казахстана и России, но и те, и другие согласны в том, что необходимо ввести квоты и уменьшить ежегодное количество въезжающих, что мы должны помогать им в том, чтобы они оставались в России или Казахстане. В этом все согласны, хотя правые группировки и партии более склоняются к тому, чтобы стимулировать въезд в Германию.

А.З.: А сколько немцев, русских немцев мигрировало в Германию за последние два года?

М.К.: Я не очень уверен в этих цифрах, но я слышал, что вообще въехало в Германию около миллиона человек.

А.З.: За какой период? За десять лет? То есть примерно сто тысяч в год?

М.К.: Да, это возможно. Но в целом идет некоторое уменьшение. Сначала вообще не было никаких ограничений, а потом ввели квоты

А.З.: В каком году?

М.К.: Не знаю. И на уровне земель есть трудности. Фактически приходится строить небольшие поселки в Германии для русских, я не хочу сказать «лагеря», но такого рода поселения, где они остаются жить. На самом деле реальной интеграции не происходит.

А.З.: В Билефельде это тоже наблюдается?

М.К.: В Билефельде есть «русские», но они живут не в лагерях. «Гетто» здесь распространены меньше, чем в других частях Герма-

нии. Вот в Южной Германии, например, проводиться другая политика, направленная на то, чтобы они жили концентрированно. Или в Берлине! Там живет много русских, там даже есть барахолки (где продают подержанные вещи), где говорят по-русски. Торгуют сами русские. А в обществе продолжается дискуссия о проблемах благосостояния и социальной политики: насколько это дорого, можем ли мы это себе позволить, сколько это будет продолжаться, будут ли они интегрироваться и т.д. Такие дискуссии идут всюду, где есть подобные сообщества. И они вовсе не интегрируются так, как это должно было бы быть. У нас есть такие же проблемы и с турками. Но правительство сказало, что они — немцы, так что по отношению к ним нет проблемы интеграции. У русских же иная культура — они остаются более русскими, чем немцами, и их поведение тоже русское, а не...

А.З.: А в целом, представления немцев о России, может быть, они формируются на основе контактов с иммигрантами? Не так ли?

М.К.: Конечно, для некоторых немцев так оно и есть, но у нас есть личный опыт. Мы бываем в России и следим за СМИ. Они, конечно, дают очень много!

А.З.: Вчера во время моей лекции мы говорили о том, является ли Россия частью Европы или нет. Каково Ваше мнение по этому вопросу?

М.К.: Лично моя точка зрения состоит в том, что *Россия это часть Европы, так как социализация не отличается очень сильно.* У нас сходные системы образования, похожие ценности относительно обязанности трудиться. Работа признается важной частью личной идентификации, она должна быть выполнена! И мне... гораздо легче было строить контакты с русскими в Санкт-Петербурге или Узбекистане, чем с тайцами в Таиланде. И легче было контактировать, чем с узбеками, так как культурная дистанция меньше. Это не значит, что меня игнорировали. Меня приглашали и в узбекские семьи, и в тайские, но реальной коммуникации не получалось, не было взаимодействия. Скорее, была вежливость, но не взаимопонимание.

Я бы сказал, что устанавливать дружеские отношения легче там, где меньше культурная дистанция. Ясно, что культурную дистанцию преодолеть легче в России, так как здесь есть сходное понимание проблем и их восприятие. С этой точки зрения Россия, как я бы сказал, часть Европы. Но с другой стороны, Россия — очень большая страна, и ее нельзя понять только с точки зрения Санкт-Петербурга. Может быть, Санкт-Петербург и является частью Европы, но что можно сказать о более отдаленных местах — Владивосток, Сахалин, Камчатка, Бурятия? Я думаю, что внутри самой России различия очень велики. Вы и сами говорили на лекции о роли пространства и о многих культурах, которые сильно отличаются друг от друга. Россия — это не гомогенная среда! Хотя, может быть, все и говорят по-русски, но они привязаны к

своей культуре. Я не вижу в этом ничего плохого, но любой может сказать: да, в России, внутри России есть разные культуры!

Мы это хорошо понимаем на примере турок: Турция — часть Европы или нет? И культурные различия здесь также очень важны, почему же в России должно быть иначе? У нас нет проблем с их религией, также и в России не должно быть проблем с 20% населения, исповедующими ислам. Есть определенные политические различия — многопартийность, демократия, права человека и т.п. Мы обсуждаем все эти проблемы с турками, и на Ближнем Востоке, и с такими странами, как Болгария и Румыния. Идет переговорный процесс, но различия все же остаются.

А.З.: Однако в отношениях между немцами и русскими существует проблема памяти о Второй мировой войне. Как Вы считаете, это важный вопрос? Что Вы думаете по этому поводу?

М.К.: Нет, я думаю, что это важно не забывать, что эту проблему надо обсуждать и преодолеть ее!

У меня как у немца не возникало никаких проблем, когда я был в России. Даже во времена косовского кризиса я мог обсуждать эти проблемы. Может быть, в России и есть отдельные индивиды или правые группировки, но с ними у меня не было контактов. Конечно, гражданам Германии было направлено официальное письмо из посольства: «имейте в виду, что было нападение на американское посольство со стороны участников демонстрации, проявляйте осторожность» и т.д. в этом духе. Но это было благодаря косовскому кризису!

Я помню дискуссию на социологическом факультете, когда одна студентка сказала, что у нее есть родственники в Сербии. И я почувствовал определенное неудобство, я не знал, что сказать. Это было как раз в этот период. Конечно, так совершается история, но все же мы могли разговаривать на эту тему. Она отнеслась ко мне дружелюбно Конечно, была определенная дистанция, но в то же время коммуникация не прерывалась даже при этих обстоятельствах. Примерно также и с проблемами Второй мировой войны... Я бы сказал, что сейчас из-за этого нет антагонизма. Даже у старшего поколения, которое это помнит и может об этом рассказать...

В прошлую пятницу я был на свадьбе. Один узбек — русский узбек — женился на немке, и его отец приехал на свадьбу, он был советским офицером во время войны и он сказал: «Я никогда не думал, что когда-нибудь попаду в Германию!». Он жил в Ташкенте и познакомился там с будущей женой своего сына. И он с ней там беседовал и обсуждал эти вопросы. Он сказал, что для него это было важное событие! И он оказался в Германии первый раз в своей жизни! Так что все как-то связано...

А.З.: А какова наиболее распространенная интерпретация войны в немецком общественном мнении? О ее причинах и результате?

М.К.: Общепринятая версия, я бы сказал, состоит в том, что война была агрессией со стороны Германии, со стороны нацист-

ского руководства, Гитлера и его последователей, со стороны НСДАП, что война была проиграна, так как была идиотская идея превосходства немцев, и осталось чувство вины перед евреями и перед другими жертвами войны... Несколько миллионов человек... Такова наиболее распространенная версия!

А.З.: А эта война была между двумя тоталитарными системами, между фашизмом и коммунизмом или между двумя народами?

М.К.: Может быть, все это было вместе... Прежде всего, это была война между двумя тоталитарными системами. Но и против других стран — Франции и Великобритании была также агрессия. Так что с этой точки зрения *это была война против всех народов, окружавших Германию.* В основе была идея превосходства и лидерства в мировом масштабе. Это было такая установка в мышлении, направленная против других народов, индивидуумов, других религиозных групп. Я имею в виду, что была внутренняя война против гомосексуалов, лиц с физическими недостатками и т.п., так что это была такая идеология, которая создавала войну и ненависть по отношению ко всем, к любой нации и другой системе. Это включало в себя и антагонизм между фашизмом и коммунизмом. Ведь фашизм в Германии, Италии, а позже и в Испании — режим Франко — пытался как-то решить проблемы, оставшиеся после Первой мировой войны и после установления коммунистического режима в результате большевистской революции... Так что этот антагонизм, по моему мнению, имел какое-то отношение к развязыванию Второй мировой войны. Я бы сказал, что это невозможно отрицать, но это, разумеется, не единственная причина. Ее недостаточно для объяснения.

А.З.: Но если общественное мнение Германии согласно с Вашей интерпретацией, то почему же тогда в Германии не отмечается 8 или 9 мая как важные дни в истории страны?

М.К.: Дело в том, что *не существует коллективной памяти об этих событиях и датах. А поколение, которое обладает такой памятью, не желает помнить об этом. Так что эта память не передана более молодым поколениям как нечто такое, о чем следует помнить, что следует обсуждать и дискутировать! Это память о поражении, и люди хотели забыть о подобных вещах.* Так что было такое поколение, которое не создало коллективной памяти. Для последующих поколений память была утрачена. Она не передалась новым поколениям.

Я помню, как я пытался говорить с моей бабушкой об этих проблемах, и она сказала: «Что было, то было, не надо об этом говорить! Твой дед умер во время войны!». Мой дед умер во время блокады Санкт-Петербурга, и поэтому она была против того, чтобы я ехал в Петербург. Мне это было понятно, ведь она хранила память о своем муже и боль, так как он был убит.

А.З.: Он был в пехоте? Или в других войсках?

М.К.: В пехоте!

А.З.: В пехоте! По другую сторону линии фронта во время блокады Ленинграда? Не так?

М.К.: Да, так!

А.З.: По другую сторону. А я был внутри, в блокированном Ленинграде. А Ваш дед был одним из тех, кто эту блокаду осуществлял. Интересная ситуация!

М.К.: В какой-то мере Конечно, в личной памяти об этом ничего хорошего не осталось, так что пусть будет все забыто[36]! А, кроме того, она должна была воспитывать ребенка без отца и пройти сквозь все эти трудности. Она говорила: «Мы все ничего не знали о гитлеровском режиме, обо всем, что он сделал с евреями!». Она была уверена в этом, и говорила, что, может быть, только в самом конце войны какая-то информация об этом просочилась. Часть нового поколения этому верит, часть — не верит, но она сказала, что мы ничего не знали о подобных вещах. Они ведь не участвовали в политической жизни, не были членами партии. Они просто жили своим домом в Констанце, недалеко от границы, они пытались выжить, доставая продукты из Швейцарии, где у них были родственники.

А.З.: А какое же отношение сложилось к этому периоду немецкой истории? Это воспринимается как несчастье, или же этот период совсем забыт, или же, может быть, есть такие группы, которые гордятся тем, что во время войны были такие достижения, что границы Германии в этой великой войне были раздвинуты вплоть до Волги?

М.К.: Последний взгляд разделяется только очень небольшой группой населения: я бы сказал, что только самыми правыми группировками и партиями, которые не вошли в парламент. Есть у них и газеты Но эти группы не пользуются поддержкой со стороны других партий и населения. Они просто изолированы. Они обсуждают эти вопросы только в рамках своих групп, в своей среде. Открыто эти вопросы не обсуждаются.

А.З.: Значит, их поддержка составляет менее 5%, и поэтому они не попали в парламент?

М.К.: Как социолог я встречал разные оценки. По этим оценкам (MSD-studies) *правые партии имеют потенциал до 15%.*

А.З.: Даже так?

М.К.: Но это по большей части новые правые, которые против иностранцев в Германии, и которые нападают на турок. Их идеология основывается не на прошлом, она более путаная, особенно относительно современной ситуации. И они оценивают свой потенциал до 15% в среднем по всей Германии. Поэтому возможно, что в некоторых регионах они имеют и большую концентрацию сторонников. Например, в Восточной Германии их электорат оказывается достаточным для того, чтобы быть представленными в местном парламенте!

А.З.: А почему именно в Восточной Германии они получают большую поддержку? Ведь в восточной части социалистические

ориентации были более сильными? И они должны бы быть в большей мере антинацистскими?

М.К.: Конечно, они должны были бы быть такими с точки зрения официальной идеологии, системы образования и социализации. Но, во-первых, официальная социализация не воспринимается всем населением. Правые были против старой системы, они ей оказывали какое-то сопротивление.

А кроме того, всякая дискуссия по этим вопросам была запрещена! *Не было гражданского общества, учителя не объясняли этот период в школе, родители также не рассказывали ничего своим детям, и дети не спрашивали ни своих родителей, ни своих бабушек и дедушек. Обсуждение было невозможно.*

И, в-третьих, у них не было опыта общения с иностранцами, так как иностранцы в прежней ГДР были изолированы. Они жили в отведенных для них домах. Как, например, граждане Мозамбика или иных социалистических стран. Так что никакой интеграции не допускалось и никаких личных контактов. Это означало, что жители самой Германии становились очень немецкими, что они боялись утратить свою «немецкость», и что иностранцы были некоторым средством преодоления этой фрустрации.

Таковы три главных объяснения того, что в ГДР массовое сознание не совпадало с идеологическими установками. Конечно, я согласен, что должно было бы быть иначе!

А.З.: А в других землях Германии? Например, в Баварии, которая считается националистической традиционно?

М.К.: Бавария традиционно националистическая земля в силу причин исторических. В Баварии была сильная королевская власть, и она отстаивала свой суверенитет внутри Германии. Она называется не просто Землей (Bundesland), но и Свободной территорией (Freischtadt). Кроме того, население там более сельское. А сельское население имеет меньше контактов с иностранцами. Оно ведет деревенский образ жизни в своей деревне, вокруг церкви маленьким сообществом. Мобильность там весьма низкая, у них нет ни опыта, ни нужды общаться с иностранцами, и психология их остается более или менее неизменной. Так я думаю. А католическая церковь там обладает более сильной властью, она не настолько либеральна, как протестантская, и это еще один фактор влияния.

А.З.: А как преподносится в этой связи история войны в разных землях? Второй мировой и войны с СССР? В какой мере стандартизировано образование? Например, в Мюнхене, Берлине, Бонне, Кельне или в некоторых городах Восточной Германии преподается та же самая история или же это зависит от самих учителей, и никто не интересуется тем, как интерпретируется история?

М.К.: Конечно, преподается та же самая история, одинаковая концепция Второй мировой войны. Об этом можно судить по школьным учебникам. Конечно, многое зависит от учителя. Но учителя — это гражданские служащие (civil servants), и все они подлежат контролю со стороны родителей, руководства школой,

гражданского общества, чтобы они не говорили детям что-то от себя, даже если это им хотелось бы. Я бы сказал, что это достаточно унифицированный дискурс!

А.З.: Я попытаюсь ознакомиться с таким учебником, но ведь возможно, что в школе говорят одно, а в семье — нечто другое. Традиции и опыт семьи, испытания семьи в послевоенные годы очень различаются между собою в самой Германии. В особенности есть разница между Восточной и Западной Германией, насколько я мог заметить. Например, я был в Берлине 8 и 9 мая и видел, что эти дни как-то отмечались в Трептовер парке, но в западной части Берлина — даже в Тиргартене и, по-видимому, в остальных частях Германии эти дни не отмечались. Мне сказали, что это традиция существует только в Восточном Берлине. И это объясняется разными концепциями войны, которые расходятся между собою, прежде всего, в оценке роли Советской Армии и западных союзников. ***В Западной Германии до объединения доминировала интерпретация, связанная с преуменьшением роли Советской Армии с тем, чтобы возвысить роль западных союзников и их вооруженных сил.***

М.К.: Да, это верно! Это как-то забывается, причем достаточно нагло (defiantly)!

А.З.: Это касается в том числе и оценки Сталинградской битвы и битвы под Курском. Как Вы думаете, многие ли знают о Курской битве? Вы о ней знаете?

М.К.: Нет.

А.З.: Это было крупнейшее сражение после Сталинграда. Сталинградская битва происходила зимой 1942 г., а Курская — летом 1943 г.. Это было крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны. Немецкие генералы были уверены, что они прорвут русский фронт, двинутся вновь на Москву и сумеют закончить войну победой в соответствии с директивой Третьего рейха. Но это им не удалось. Немецкие войска потерпели вновь поражение.

М.К.: Нет, я очень мало знаю об истории этой войны.

А.З.: А о послевоенном времени? О переговорах в Ялте? Вы не читали мемуары Черчилля?

М.К.: Нет, не читал.

А.З.: Нет? А я думал, что в Германии все об этом знают.

Это ведь выдающийся документ по истории Второй мировой войны. И я бы сказал, что та оценка, которую Черчилль дает Советской армии и даже Сталину, более или менее справедлива. Интересно, как Черчилль описывает встречи со Сталиным, который даже принял его у себя дома. Сталин производил на Черчилля и Рузвельта впечатление человека сильного, вполне компетентного и уравновешенного. Я думаю, что это очень интересно прочесть всем даже для общего образования.

Но давайте вернемся к основной теме нашей беседы — к перспективам отношений между Германией и Россией. Что сейчас препятствует развитию этих отношений?

М.К.: Необходимо развивать отношения на уровне гражданского общества. Большие трудности связаны с языком — наши языки весьма трудны для изучения, но все же это не может служить препятствием. Надо развивать контакты по академической линии, в области литературы. Сейчас появилось много переводов русских авторов на немецкий язык. Кроме того, выставки, путешествия Есть даже какое-то сотрудничество по военной линии. Можно наблюдать открытость с обеих сторон. Нет проблем и в области политического сотрудничества. Но я бы сказал, что у России нет реальных перспектив стать членом Европейского Содружества. Во всяком случае, в ближайшем будущем. У меня есть сомнения и относительно Румынии и Болгарии. Может быть, иначе обстоит вопрос с Чехией, Польшей, Балтийскими странами. Я не думаю, что их примут очень скоро.

Но что касается России, то я сомневаюсь, примут ли ее вообще когда-нибудь! Но это не значит, что не должно существовать контактов или политического сотрудничества по поводу прежде всего проблем глобального характера и защиты окружающей среды. Даже в условиях такого крупного конфликта, как косовский кризис. Конечно, согласия о способах его решения нет. Это, конечно, конфликт антагонистический, но все же и он как-то регулируется. И контакты между сторонами сохраняются.

Одна из проблем связана с финансовым кризисом, с устойчивостью рубля, с падением российского производства, с условиями рынка. Может быть, эти неудачи случились благодаря тому, что оценка ситуации была слишком оптимистической или в том, что в российской культуре не было сформировано соответствующего отношения к бизнесу. Благодаря этому возникла коррупция, взятки и все такое. Но в то же время перспективы экономического процветания весьма значительны и многое обещают. Я думаю, что интеграция во многом зависит от экономики.

А.З.: Большое спасибо, доктор Кейзер. На этом мы закончим до нашей следующей встречи.

Комментарии

[1] Хотим мы этого или нет, война как самая острая и массовая форма насилия в человеческой истории, имеет множество измерений. Сложность этого феномена увеличивается по мере усложнения социальных и национальных структур, вовлеченных в этот процесс насилия и являющихся субъектами этого насилия.

Война не может иметь одинаковое значение для разных сторон вооруженного столкновения. Смысл ее меняется в зависимости от того, кто является инициатором войны, а кто — обороняющейся стороной. Формула войны как «отталкивающего и ужасного события» останавливается на внешней стороне дела — на гибели людей, разрушениях и потерях. Она как бы призывает не вникать в суть войны, в тот смысл, который она имела для участников войны с той и другой стороны, и который был для них в тот мо-

мент более важен, чем их собственная жизнь. Для нацистской Германии — это была агрессия и война на уничтожение населения оккупированных земель; для солдата и офицера немецкой армии — по меньшей мере, исполнение солдатского долга, и предмет гордости, во всяком случае до Сталинграда. Для Советского Союза и России — война 1941—1945 гг. была войной оборонительной и справедливой. Это была война, названная Великой Отечественной войной (в отличие от Отечественной войны 1812 г). В этой войне Россия—СССР отстояла свое достоинство и независимость, и принесла освобождение народам Европы от нацизма. Именно характер войны задает общий смысл — общую рамку оценки индивидуального поведения солдата — главного участника военных действий!

Общий характер войны и победы не меняется от того, что определенная часть населения оккупированных территорий (по некоторым оценкам до одного миллиона человек) вынуждена была сотрудничать с вермахтом. Не изменяют характер войны и факты перехода на сторону врага: РОА, несколько казачьих соединений, калмыцкий корпус, соединения крымских татар, «бывшие русские», участвовавшие в Сталинградской битве на стороне немцев. Такого рода действия всегда и всюду имеют одно название: предательство и измена Родине. И без жесткой оценки предательства сама победа вряд ли была возможна.

Ревизионистский подход к истории Великой Отечественной войны формулировался еще в ходе войны. Один из главных тезисов, выдвигавшийся, в частности, генералом Власовым, состоял в том, что его измена была «борьбой против сталинской диктатуры». Однако выбор, сделанный генералом Власовым, по законам военного времени был изменой, совершенной ради сохранения собственной жизни. Поэтому нет оснований для пересмотра приговора, вынесенного военным трибуналом в 1946 году!

После распада СССР ревизионистский подход получил еще большее распространение, так как исчезла главная опорная точка интерпретации Великой Отечественной войны! «Разоблачители догм», — пишет Л.Ионин, — фактически предлагают отказаться от сознания победы и признать поражением всю собственную историю. Те же, кто продолжают видеть войну так, как они видели ее все прошедшие 50 лет, чувствуют себя униженными и обманутыми. У них похитили победу, завоеванную ценой миллионов жизней, украли и обесценили их всемирный триумф — триумф правого дела, триумф освободителей, ибо *ни один русский солдат не шел в Европу искать «рабов», «жизненного пространства», сырья и рабочей силы*. Сейчас их мир извратили прямо по орвелловски: их победу сделали поражением, освобождение, которое они несли, назвали рабством!» (Ионин Л. Свобода в СССР. Санкт-Петербург, 1997. С. 50.)

2 В обсуждении вопроса о памятниках немецким солдатам на территории России, Украины, Белоруссии, Кавказа так же необходимо принимать во внимание многозначный характер символов такого рода. Для одних они могут служить памятью о солдатах, павших в чужой земле, для других — это могут быть пространственные символы границ Третьего рейха, для третьих — напоминанием о зверствах захватчиков на оккупированной территории!

По мнению г-на Шульце, такие памятники должны были бы символизировать неприятие ужасов войны. Но никто не может поручиться за то, что смысл, приписываемый им в массовом сознании, будет именно таков.

Аргументация же относительно существования и сохранения памятников павшим советским солдатам на территории Германии исходит из предпосылки равной ответственности нападающей и обороняющейся сторон в войне 1941—1945 годов.

[3] Термин «советская оккупация» — весьма широко распространенный стереотип, используемый для обозначения всего периода существования ГДР. При этом термины «американская, британская, французская оккупация» распространены в гораздо меньшей степени. См. об этом подробнее интервью с доктором П.Яном.

[4] В данном случае П.Шульце обращается к тому, что «как бы всем известно», поскольку рассказы об изнасилованиях и соответствующие публикации в прессе союзников стали появляться уже в 1945 г. К сожалению, этой информации не придавалось большого значения, хотя известны случаи суровых наказаний солдат и командиров Красной Армии на основе жалоб гражданского населения. Теперь это также одна из распространенных тем воспоминаний о военном времени!

Скорее всего, образ русского солдата — насильника немецких женщин был создан как противовес образу солдату-освободителю, запечатленному в монументе Вучетича в Трептовер-парке (русский солдат со спасенным из огня немецким ребенком на руках), в котором изображен реальный случай, имевший место при освобождении Берлина.

Что касается поведения немецких военнослужащих на оккупированной территории Белоруссии, Украины, России, то в памяти населения не зафиксированы следы гуманности и благородства в качестве массовых явлений. Оккупация, особенно в периоды отступления немецких войск, сопровождалась крайней жестокостью и бесчеловечностью. Семья моего двоюродного брата — В.М.Кириллова, находившаяся на оккупированной территории Новгородской области, чудом спаслась от сожжения заживо в сарае, где находилось 16 человек детей и женщин — деревенских жителей. (В последний момент отступления немцев из этого населенного пункта один из солдат открыл запертые ворота и дал возможность этим людям скрыться в лесу. По сути дела, этот солдат совершил героический поступок: он не выполнил приказ, отданный ему непосредственным командованием).

[5] Политика переселения граждан немецкой национальности с оккупированных и аннексированных территорий проводилась после войны на основании совместного решения союзников. См. примечания к интервью с И.Освальд.

[6] Характерный оборот: «этот отрезок нашей истории привел к ошибкам». Субъект действия устраняется, процесс обезличивается, и в то же время косвенным образом признается идентификация с режимом, ибо это — «наша» история!

[7] Цифра 17 млн не подтверждается официальной статистикой. С 1945 по 1950 г. в Германию было переселено или переселились добровольно 11,7 млн беженцев. См.: Германия, Deutschland //

Политика, культура, экономика и наука. Франкфурт-на-Майне. 2000. № 6. Миграция. С. 41.

8 В этой дискуссии — польза которой весьма сомнительна не только по давности лет, но и в силу очевидной идеологической нагрузки — не следует игнорировать свидетельств немецких военнопленных. См. в качестве примера показания старшего капрала 2-ой роты 9-ой танковой дивизии Арно Швагера об изнасилованиях 13 и 14-летних девочек старшим лейтенантом Цюдерихом (в Дмитриеве), капралом Штейгером (в районе Землянска), квартмейстером Бенером (в Курске). Во всех трех случаях изнасилования сопровождались истязаниями и убийством жертв. Известна достаточно широко распространенная практика распределения женщин среди офицеров вермахта на оккупированных восточных территориях. (См.: Независимая Газета. 22.06.2001. Приложение «Хранить вечно». С. 15; см. также фильм «Сталинград»).

9 Это неполная характеристика целей войны против СССР, которая велась как война на уничтожение населения.

10 Весьма странное утверждение, скрытый смысл которого в реабилитации гитлеровских преступлений. Массовое поведение немецких солдат и офицерского корпуса вермахта, не говоря уже о войсках СС, эйнзацкомандах и гестапо, характеризовалась презрением к русским, украинцам, белорусам как представителям неполноценной расы.

В официальных документах немецкого командования подчеркивалась, что методы войны на Востоке коренным образом отличаются от методов войны на Западе. Немецкие войска с самого начала войны демонстрировали жестокость, которая не могла не вызвать справедливого чувства ненависти к врагу. И общее определение врага состояло в формуле «немецко-фашистские захватчики».

Обратим внимание и на то, что мотивация жестокости была различной. Жестокость немецких солдат исходила из повиновения приказам, следовательно, из своеобразно понятого чувства солдатского долга, которое традиционно культивировалось в немецкой армии.

Ненависть и жестокость советских солдат по большей части возникали в результате жажды отмщения. (Вместе с тем, см. рассказ Шубкина В.Н. о пленении немца (с. 501).)

11 Уничтожение массы людей без ненависти к жертвам! Возможно, что это специфический элемент немецкой военной культуры и традиции. Возможно, что в этом заявлении раскрывается наиболее глубокое различие в подходе к оценке военных действий с немецкой и российской стороны. Г-н Шульце исключает эмоциональную составляющую действий оккупантов, которые, якобы, были «частью военной машины», неспособной к тому, чтобы испытывать чувства по отношению к врагу. Эмоции русских солдат, партизан, мирных жителей были полностью противоположны. Они были ответом на презрение, высокомерие, угрозу незваных гостей, принесших разруху и смерть близких. Ненависть к врагу была глубинным чувством, возникавшим и у фронтовика, и у труженика тыла. И не Илья Эренбург был виновником этой ненависти.

[12] По-видимому, респондент не знаком с результатами массовых опросов, проводимых, например, Институтом демоскопии в Алленсбахе. Согласно этим опросам, примерно пятая часть населения Германии высказывается в пользу суждения о том, что «они испытывают симпатии к русским», а четвертая часть присоединяется к противоположному суждению, при этом половина респондентов уклоняется от ответа на этот вопрос!

[13] Получается, что немецко-фашистские войска в 1939—1945 гг. были очень озабочены «правами человека»!

[14] Здесь наш респондент также следует весьма распространенному клише о цене победы.

При рассуждениях «о цене победы», с которыми мы уже встречались, следует иметь в виду, что самым важным фактором в ходе войны была и остается сила армии. Армия Германии была гораздо сильнее в военном отношении, особенно на первом этапе войны. Это в значительной части объясняет неслыханные потери советских войск в 1941—1942 гг. Значительная часть этих потерь приходится на тех, кто попали в плен, и кто были уничтожены в немецком плену самыми варварскими методами.

[15] Большие потери Красной Армии в значительной мере определялись и тем, что потери войск союзников были сравнительно невелики. Военная тактика США и Великобритании определялась принципом экономии сил, который был вполне рационален в традиционной войне, проводившейся немцами на западном направлении. На Востоке шла иная война — на уничтожение, и здесь иначе ставился и сам вопрос о цене победы или поражения.

[16] «Наша точка зрения», — по-видимому, «немецкая» точка зрения! Респондент невольно забывает о продекларированной им индивидуалистической позиции и принимает некоторую коллективную «нашу точку зрения» с исторически размытыми неопределенными границами.

[17] Сильное преувеличение. По многократно проверенным данным потери Советского Союза составили 27 млн человек. В том числе потери Красной Армии, ВМФ, пограничных и внутренних войск были оценены специалистами в 8 670 тыс. человек. Остальные потери приходятся на гражданское население оккупированных немцами регионов. Потери эти громадны, они составляют 14% населения, проживавшего до начала войны на территории Советского Союза.

Людские потери собственно Германии составили, по оценке некоторых специалистов, 9% от общей численности населения, в Польше — 12,4%, Югославии — 11%. Потери Великобритании составили 0,8% населения, США на всех театрах военных действий — 0,2%. (См.: Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001. С. 24, 30, 57, 60, 100.)

Большая часть потерь военного времени в СССР приходится не на военных, а на гражданское население, проживавшее на оккупированных территориях.

[18] Сравнение Великой Отечественной войны с Отечественной войной 1812 г. со стороны немецкого ученого невольно приподнимает Гитлера до уровня Наполеона! На самом деле эти события не сопоставимы ни по целям войн, ни по взаимоотношениям сторон,

ни по средствам уничтожения войск противника, ни по обращению с мирными жителями. Как известно, Гитлер дал четкое указание «стереть Ленинград с лица земли», такая же участь ожидала и Москву в том случае, если бы она была взята немцами в 1941 году.

[19] Теперь некомпетентными оказываются немецкие генералы.

[20] Нравится это кому-либо или нет, но и Сталин, и Гитлер воплощали в своих решениях волю своих государств — СССР, с одной стороны, и фашистской Германии, с другой.

[21] Теперь тема коррупции, незаметно для самого респондента, переходит с немецкого военного командования на командование Красной Армии!

[22] В этом эмоциональном пассаже, который, кстати, весьма характерен для немецкого менталитета, трудно найти логические основания. Это, скорее, призыв «к русским»: поскорее забыть о победе, несогласие с итогом войны, с напоминанием о поражении. То есть предложение исключить из национального дискурса одну из коренных идей российской национальной идентификации! По-видимому, этим объясняется и приверженность респондента к индивидуалистической методологии и анархизму.

Внешне эта позиция как бы основана на сострадании к жертвам войны, но за этим кроется:

а) идея приравнивания ответственности сторон в смертельной схватке;

б) отрицание решающей роли государственно-политического начала как в развязывании войны, так и в определении ее исхода.

[23] Здесь сформулировано коренное расхождение в понимании смысла войны. Советские солдаты знали, за что они сражались, за что они погибали. Немецкие солдаты представляли это с большим трудом: после 1942 г. идея расового превосходства, а вместе с тем и «жизненного» — «геополитического» — пространства для немецкой нации, потерпела практический крах при сопоставлении силы оружия сражающихся сторон.

[24] Как известно, первым декретом Советского правительства был Декрет о мире.

[25] Здесь тоже логическая неувязка — сопоставление технических средств пропаганды с содержанием идеологической доктрины, которая вытесняется на уровень подсознания!

[26] Вновь воспроизводится идея личной безответственности. Ни словом не упоминается о том, что: а) нацистская программа и практика действий были вполне открыты для ознакомления; б) что НСДАП пришла к власти на основании победы на выборах.

[27] Все же нацистские идеи признаются лишь ошибочными!

[28] На самом деле в ходе интервью уже был ряд сравнений Сталина и Гитлера, основанных на предпосылке приравнивания этих исторических деятелей.

[29] Речь идет о генерале Курте фон Шлейхере, который 2 декабря 1932 г. — за два месяца до прихода Гитлера к власти — был назначен канцлером Германии, но который не был членом НСДАП.

[30] Гитлер и его партия действительно пришли к власти при поддержке вермахта, главного носителя духа реванша за поражение в Первой мировой войне.

[31] В основе рационализации военной политики и военных действий лежит, как правило, образ врага.

[32] Вопрос о соотношении инстинктов и разума имеет и иные решения, нежели то, которое предлагает респондент.

[33] По-видимому, проф. Майер имеет в виду, что во время блокады Ленинграда происходили не только героические поступки. Действительно, за время осады города, продолжавшейся два с половиной года, были зафиксированы и случаи перехода на сторону немцев, и агитация в пользу сдачи города врагу, и случаи канибализма. Были и те, кто наживались на несчастье других, спекулируя продуктовыми карточками, продажей жилья и грабежом имущества умерших от голода.

Однако эти факты не ставят под сомнение подвиг тех, кто сохранил человеческое достоинство перед лицом неимоверных испытаний. Оборона города на Неве останется в памяти потомков как один из самых высоких примеров героизма в истории войн! Из личных воспоминаний об этих днях:

19 сентября 1941 г. немецкий летчик сбросил 500-кг бомбу на жилые кварталы Ленинграда. Она попала в наш дом (Гулярная ул., дом 25 на Петроградской стороне, недалеко от Зоосада и Народного дома, который был сожжен несколько позже). Мне было тогда 13, а моей сестре 9 лет. Мы с сестрой, мамой и маленьким братишкой оказались буквально в двух шагах от той части здания, которая обрушилась от взрыва. Отец оказался под обломками здания, которые едва не погребли его — он отделался несколькими переломами. Вся семья соседей погибла. Отец умер несколькими неделями позже — 7 февраля 1942 г. на станции Харовская от дистрофии, в поезде, который вез нас в эвакуацию.

[34] Чувство вины на самом деде существует до тех пор, пока оно не рационализировано — не объяснено и не высказано. Поэтому индивидуальное ощущение вины, как и его психологическое воздействие, весьма различно.

Можно сказать, что в Германии впервые проблема вины стала национально-культурной проблемой. И в качестве таковой — предметом дискуссии, который достаточно тонко анализируется респондентом. Дилемма заключается в следующем: включение передачи чувства вины в процесс социализации вызывает чувство протеста, (в тезисе: это совершили не «мы», а наши предки), а исключение его из социализации ставит вопрос о разрыве с «немецкостью».

Такая попытка и была предпринята в ГДР — вина распространялась не на немцев, а на фашистов! Но с объединением Германии эта точка зрения была как бы «опровергнута», что эмпирически подтверждается, например, переименованием улиц в тех случаях, когда улицы назывались именами антифашистов, сражавшихся на стороне Красной Армии! Немцы-антифашисты стали рассматриваться в качестве тех, кто выступил «против своего народа»! Значит, в выборе между фашистами и коммунистами «настоящие немцы» должны были оставаться на стороне фашистов?! В этом сердцевина проблемы немецкой идентификации.

[35] Böll Heinrich and Kopelev Lev. Warum haben wir auf einander geschossen? Bornheim (Lamuv-Verlag), 1981.

[36] Формула забвения не разделяется другими респондентами.

Часть 3
ТОТАЛИТАРИЗМ КАК «ПОНЯТИЕ БОРЬБЫ» ИЛИ КАКОВА ЦЕНА ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ?

3.1. Российские реформы в контексте глобализации

Интервью с профессором Клаусом Зегберсом. К.Зегберс известен как один из ведущих специалистов по проблемам России, СССР и Восточной Европы. Интервью с ним состоялось 13 июня 2000 г. в Институте исследований Восточной Европы (Berlin, Garystrasse 55). О встрече договорились заблаговременно, примерно за две недели. Встреча происходила в рабочем кабинете проф. Зегберса. Беседа проходила на русском языке за чаепитием.

Текст, подготовленный к печати, был направлен проф. Зегберсу по электронной почте. Замечаний не последовало.

Я не очень-то люблю термин «тоталитаризм», поскольку у этого термина есть своя специфика, особенно в применении к Германии...

После Второй мировой войны этот термин служил способом «нормализации» национал-социализма. Этим термином можно было охватить все: и национал-социализм, и коммунизм, и реальный социализм, и итальянский фашизм, и т.д. — и то, и другое, и третье, и четвертое. А специфика потерялась.

Были тогда люди и группы, которые намеренно, по-моему, этим занимались.

А.З.: Здравствуйте, профессор Зегберс. Я подготовил для нашей встречи несколько вопросов, но прежде чем к ним перейти, я хотел бы получить представление о характере Вашей деятельности. Не могли бы Вы сказать несколько слов о себе?

К.З.: В рамках Свободного университета у меня две позиции. С одной стороны, я работаю в Институте политических исследований этого университета и, с другой стороны, в Институте исследований Восточной Европы. Имеются, следовательно, две структуры и два круга задач. И в данный момент приходится достаточно трудно, поскольку нужно быстро реформировать и ту, и другую структуру.

А.З.: Насколько я знаю, Вы давно специализировались по Восточной Европе, исследуя, прежде всего, политический процесс в этом регионе. Я правильно понимаю?

К.З.: Здесь также два направления: международные отношений в целом, — юридические аспекты международных отношений, с одной стороны, и процессы трансформации в странах Восточной Европы, с другой.

А.З.: Реформы в России уже идут более десятка лет. Хотелось бы знать Вашу оценку реформ. И особенно — с точки зрения того, какой эффект они имели для российско-германских отношений.

К.З.: Это очень большой и обширный вопрос, на него вряд ли удастся ответить очень коротко.

Кроме того, все ответы на вопросы такого типа зависят от позиции Вашего собеседника, от его или ее интересов, это раз. Во-вторых, это всегда зависит от перспективы. Вообще на Западе, а частично и в России, наблюдается очень большая склонность к нетерпению, к спешке. Но если мы сравниваем процессы такого исторического масштаба, такие перемены, которые сейчас происходят в России и на всем пространстве бывшего Союза, если мы сравниваем эти процессы с другими процессами такого же масштаба в других эпохах, тогда, по-моему, нет повода для какой-то там особой спешки!

То, что произошло, начиная с конца 80 — начала 90-х годов, в особенности для тех, кто живет в этом контексте, означает очень и очень многое. *Произошло фундаментальное изменение политических, социальных, экономических форм регулирования, сместились культурные фокусы. И это все еще продолжается, течет.*

Исследователям всегда важно понять, что именно происходит. Одновременно происходят процессы изменений политических, экономических, социальных и культурных взаимоотношений на основе того, что было до этого. Т.е. на основе того, что экономисты называют... dependency — зависимость от прошлого.

И в то же время имеет место совершенно другой новый контекст этих же процессов. Это глобализация. Иными словами, все, что меняется в России, это одновременно, частично, ответ на региональный и национальный контекст, на контекст прошлого, и, в тоже время, это ответ на шансы, на ограничения, на вызовы глобализации. Это, по-моему, — в самых общих чертах — основной контекст анализа современных преобразований в России.

Если мы используем такой подход, тогда, наверно, у нас получатся более удачные интерпретации, чем в том случае, если бы мы фокусировали нашу работу только на таких понятиях как «реформы», «антиреформы» и т.д.

А.З.: Вы заметили, что оценка реформ или преобразований в России зависит от позиции респондента. В этой связи хочу Вас спросить: насколько дифференцировано отношение к России, и мнение о ней в Германии в настоящее время? Или насколько оно

консолидировано? Какие крайние и промежуточные точки зрения существуют?

К.З.: Нигде в мире большинство людей не являются экспертами по какому-то вопросу. Скорее всего, процессы восприятия других стран задаются сложившимися стереотипами. И мне кажется, что на Западе, особенно в Германии, наше понимание процессов в бывшем Союзе — а сегодня в Российской Федерации, — всегда определяется двумя полями, или экстремами. С одной стороны, *то, что мы понимаем под Россией, это всегда очень опасно.* А в то же время, с другой стороны, *это всегда очень неэффективно.*

Во времена Советского Союза это, вроде, было все очень опасно, поскольку там был марксизм-ленинизм и, вроде, экспансионистские настроения руководства, и коммунистическая риторика, и военный потенциал, и т.д., и т.п. Одновременно, все это было очень неэффективно, поскольку экономика не очень работала, и, сравнивая с другими великими державами, культурная сфера тоже была не очень эффективна, то же самое и в других пространствах и т.д.

Структура этого дискурса сохраняется и сегодня.

Опять-таки, все, что происходит в России, — это очень опасно, но теперь уже из-за мафии, или потому, что там наблюдается некий потенциал хаоса, непорядка. И, одновременно, все это очень неэффективно: реформы идут слишком медленно, начальство не понимает, что делать, нет определенной концепции... и т.п.

В результате *у меня создалось такое мнение, что немцы говорят о России одно и то же, независимо от того, что там на самом деле происходит. Возможно, что таким способом они говорят о самих себе,* используя при этом какие-то российские мотивы.

А.З.: А какая точка зрения преобладает среди экспертов?

К.З.: Примерно, такая же!

А.З.: А политическая дифференциация на левых и правых разве не влияет на оценку России?

К.З.: Сегодня вряд ли. Во-первых, это ничего не дает, но главное, что это ничего не дает для понимания самой России. Что это такое сегодня: левые и правые? Если посмотреть внимательно на наши политические партии, то обнаружится, что самые большие дискуссии и споры ведутся не между партиями, а внутри них. То есть, в рамках каждой отдельно взятой партии есть люди, которые более или менее хорошо понимают позиции разумных людей по какому-то вопросу в другой партии. Большие споры между партиями — это скорее исключение, чем правило.

Но, в общем, надо сказать, что внимание, которое уделяется России, стремительно падает, особенно, если сравнивать с тем, что было 10 или 15 лет тому назад, во времена перестройки Горбачева, во времена путча и т.д. Сегодня мало кто, на самом деле, действительно занимается Россией, за исключением пары экспертов. И только если политическая agenda, т.е. повестка дня, заставит наших decision-makers обратить внимание на Россию, тогда они

это сделают, но уже опять в рамках шаблонов, каких-то стереотипов.

Я должен сказать, что настоящий интерес не очень развит.

А.З.: А обсуждается вопрос о том, является ли Россия частью Европы? Как Вы относитесь к этой дискуссии, какова Ваша позиция?

К.З.: Я лично не представляю себе Европу без России. И если я правильно помню... тысячу, наверно, разговоров с российскими друзьями, коллегами, — большинство из них тоже плохо представляет себе Россию вне рамок Европы.

А все эти разговоры и течения евразийства, «соборности», «особого коллективизма», — да, такие разговоры идут, и это значит, что есть еще часть интеллигенции, которая занимается такими вопросами. Но те люди, которые заняты настоящим делом, — молодежь, функциональные элиты, директора, все вузы и т.д., — они, если я правильно понимаю, видят, что их место больше всего в Европе, чем где-то еще.

А.З.: А что Вы скажете о России и Советском Союзе — это одна и та же страна, или это разные страны?

К.З.: Разные пространства.

А.З.: Разные пространства? В каком смысле?

К.З.: Здесь есть несколько аспектов. Для меня лично самый интересный аспект в следующем: Советский Союз — несомненно, был государством, а Россия — это вряд ли государство!

А.З.: Интересная точка зрения!

К.З.: Отсутствуют почти все классические атрибуты государственности. Т.е., нет монополии власти, нет эффективной администрации, нет совершенно понятных и ясных границ вокруг России. Достаточно серьезные проблемы с национальной идентичностью со стороны населения. Очень много разных голосов, даже на уровне начальства, руководства, буквально по каждому отдельному вопросу. Неэффективность сбора налогов, неэффективность военного призыва и т.д. Т.е., является ли сегодня Россия государством — это, мягко говоря, большой вопрос!

Но как раз поэтому Россия для меня очень интересна, поскольку мне кажется, что это вовсе не специфика страны, а это — некоторая общая тенденция. И те тенденции современной политологии, которые мне особенно интересны, привлекают наше внимание к весьма важному вопросу: governance without governement — регуляция без правительства или государства. Всюду можно наблюдать, что очень важные потоки финансов, коммуникации, транспорта, миграции идут мимо — под или над — государственных каналов регулирования. Государство еще существует как-то физически, но оно уже не так влияет, как раньше. И в этом процессе наблюдаются очень интересные параллели между так называемыми развитыми промышленными странами, с одной стороны, и восточно-европейскими странами, с другой, включая Россию.

А.З.: И Вы полагаете, что такая неопределенность сохранится и далее?

К.З.: Очень интересный вопрос. К сожалению, это... Вам покажу свою схему (показывает мне схему институциональных связей между Германией и Россией, на которой нашли отображение важные направления «проникновения» Германии в Россию). Вот, я могу показать это наглядно...

Старое наше понимание, в принципе такое, что... есть президентский режим, парламентский режим, какую роль играет общество и т.д., но обо всем этом можно спорить А в принципе это такая точка зрения, что есть государственные интересы, которые выражаются руководством и т.д. Все это мне представляется совершенно неадекватным сегодня. Поэтому мы переходим к новой схеме, к новой интерпретации, в рамках которой мы рассматриваем систему новых акторов, среди которых есть и экономические, т.е. отраслевые, территориальные, федеральные, бюрократические, общественные, между которыми идут какие-то там потоки, переговоры, торги и т.д. Вот это, примерно, картина, с помощью которой мы стараемся понять, что же сегодня происходит там!

А.З.: В России?

К.З.: Не только. В мире в целом. И в России.

А.З.: Таким образом, выходит, что Россия ушла дальше других стран в этом направлении?

К.З.: В какой-то степени, да! Сейчас особенно интересно, в какой мере новому руководству удастся справиться с этими новыми вызовами: может быть, ему придется несколько отступить назад, в ту сторону, где пока еще находятся остальные государства.

АЗ: Скажите, пожалуйста, как сейчас оценивается Вторая мировая война? Каково ее значение для нынешнего восприятия России в Германии? Война — это уже абсолютное прошлое или остается какая-то группа проблем, которые требуют прояснения?

К.З.: Это опять-таки зависит от того, с кем Вы говорите. Вы спрашиваете лично меня?

А.З.: Да.

К.З.: Мне не кажется, что вопрос о войне является определяющим фактором для восприятия России сегодня...

Когда мне было, допустим, 20—25 лет, то у нас дома были очень бурные дискуссии, в семье. Я спросил у родителей, чем они занимались тогда. Мой отец был солдатом в России...

И тогда многие считали, что тогдашняя политика — 60-х и 70-х годов — должна рефлектировать какие-то конкретные примеры и какие-то там уроки этого времени. И это было оправдано!

Сегодня в обеих странах большинство людей живут без конкретной памяти об этом периоде. И *мне не кажется, что есть очень большой смысл, чтобы... так сказать, искусственно воссоздавать это историческое пространство, чтобы этим сегодня заниматься.*

Знаете, история очень часто является ресурсом и используется для актуальных интересов конкретных групп.

Если вы говорите, например, с собеседниками из Прибалтийских стран, то они до сих пор вам говорят — если вы из Германии, — что из-за 39-го года вы, Германия, и вы, Запад, должны включить нас побыстрее в НАТО. А если вы говорите с людьми из России, принадлежащими тому же поколению, то, скорее всего, они будут говорить вам как раз противоположное: вы в Германии из-за 39-го и 41-го годов как раз не должны включать эти страны в НАТО! Т.е., история толкуется и используется по-разному, и по понятным причинам.

А поэтому мне кажется, — но это, конечно, личное мое мнение, — что наше новое правительство, которое работает уже полтора года, оно это выражает. Если вы сравните правительство Коля и правительство Шрёдера, то убедитесь, что они как раз в этом сильно отличаются. Такие символические исторические такие жесты, как рукопожатие Коля с Миттераном на кладбище в Витбурге, или с другими лидерами, совершенно невозможно представить себе Шрёдера — он уже представляет другое поколение.

А я лично считаю, что это хорошо, что надо развивать немецкую политику в сторону признания того, что мы являемся цивилизованными, нормальными общественными и политическими акторами этого века, которые должны решать проблемы, исходя из сегодняшнего понимания этих проблем.

Хотя те люди, которые жили тогда, в 30-е и 40-е годы, они, конечно, помнят. Но молодежь мало в этом понимает. И навязывать им насильно: вы должны это помнить и понимать, — это, возможно, является даже немножко опасным!

А.З.: А как вы смотрите на войну между Германией и Советским Союзом? Это была война между двумя тоталитарными режимами? Война между фашизмом и коммунизмом? Или это была война между двумя народами?

К.З.: В меньшей степени между народами...

А.З.: А в большей?

К.З.: (Пауза)... Я не очень-то люблю термин «тоталитаризм», поскольку у этого термина есть своя специфика, особенно в применении к Германии... После Второй мировой войны этот термин служил способом «нормализации» национал-социализма. Этим термином можно было охватить все: и национал-социализм, и коммунизм, и реальный социализм, и итальянский фашизм, и т.д. — и то, и другое, и третье, и четвертое. А специфика потерялась. Были тогда люди и группы, которые намеренно, по-моему, этим занимались. К тому же, этот термин очень сильно политизирован. Это то, что мы называем Kampfbegriff — «термин борьбы», политической борьбы.

Поэтому, как специалист, как ученый, я считаю, что это не очень продуктивный термин...

Другой вопрос — это, возможно, второй аспект Вашего вопроса — в какой степени тогдашнее начальство, руководство обеих стран... поступали так или иначе, руководствуясь какими-то идеологическими убеждениями, или, с другой стороны, прагматическим расчетом.

Это очень спорный вопрос в историографии... Мне лично кажется, что если бы нам удалось интерпретировать конкретное поведение и советского руководства, и немецкого руководства *без того, чтобы смотреть на какие-то там идеологические обоснования,* тогда это было бы более убедительно, чем использовать идеологические клише. Они, скорее, даже мешают понять, что же конкретно и на самом деле происходило. Это относится и к советскому руководству, и к немецкому руководству.

И есть сильные сомнения относительно того, в какой мере, действительно, идеологические стереотипы служили в качестве конкретного повода поведения[1]...

А.З.: Т.е., Вы считаете, что, помимо тех заявлений, которые делались руководителями, были какие-то еще дополнительные причины, которые должны быть приняты во внимание?

К.З.: Естественно. В Советском Союзе были очень конкретные задачи: после краха старого режима построить новое государство, модернизировать страну в очень сложных обстоятельствах и условиях... Там были жесткие споры насчет выбора пути этого развития в 20—30-х. И это нужно понять, рассматривая конкретно варианты, которые были предложены разными группами.

В Германии тоже была очень сложная ситуация. После Первой мировой войны, тоже были поставлены конкретные задачи реинтеграции страны в мировое, или в Европейское сообщество. Были очень трудные социально-экономические условия тогда... у очень многих людей в обществе был конкретный опыт или боязнь конкретного опыта социального... ну как сказать.., чтобы не потеряли те позиции, которые были у них раньше.

Т.е. были очень конкретные условия, задачи в обеих странах. Были разные попытки политического, экономического, социального регулирования вот этих задач и этих процессов. Естественно, идеология присутствовала, но была ли она действительно доминирующим фактором? Я лично сомневаюсь.

А.З.: А вот не кажется ли Вам, что было бы полезно обратить внимание на тот факт, что война имела разное значение для народов Германии и Советского Союза?

К.З.: Возможно. Что вы имеете в виду?

А.З.: Я имею в виду то, о чем Вы говорите — это об идеологии и практической политике. Со стороны Гитлера был выдвинул лозунг, практически, войны на уничтожение (Vernichtung). Не так ли? Сейчас по этому вопросу тоже, кажется, нет единой точки зрения в немецкой исторической науке, скажем: там одни говорят, что это превентивная война, другие принимают ту позицию, что это была Vernichtungskrieg. А со стороны Советского Союза это

была оборонительная сначала война, а потом уже она перешла, так сказать, по мере того как советская армия одерживала победу, к тому, чтобы уже, так сказать, наказать агрессора, противника и покончить с фашизмом.

К.З.: Да, в принципе, я согласен.

А.З.: Мне кажется, что, может быть, я согласен с Вами тоже в том отношении, что проблемы войны не являются сейчас доминирующими, и не являются главными в определении взаимоотношений между Россией и Германией, русскими и немцами и т.д. Но в этой дискуссии, как мне кажется, было бы полезно попытаться найти общую точку зрения. Пока еще нет общей точки зрения на причины и характер Второй мировой войны в целом, а тем более российско-немецкой войны.

К.З.: Но нет общей точки зрения по этому вопросу в самой России, так же, как нет ее и внутри Германии! Как в таких условиях можно было бы найти общий подход к вопросу о мировой войне?..

А.З.: Это правильно. Но есть экспертные группы, которые работают и которые публикуют какие-то материалы.

К.З.: Это очень тонкий вопрос.

А.З.: Да.

К.З.: Простите, но Вы сами понимаете это очень хорошо! Спросите у западных украинцев, спросите у чеченцев, спросите у очень многих народностей, групп и социально-этнических, и других, у которых есть специфическое видение, какая-то особая память насчет этого периода. И у нас тоже. Так что... Опять-таки, *история* это, по-моему, не какое-то там явление, которое лежит на улице, и можно просто так взять и посмотреть, что это такое? *Это скорее процессы, которым приписывается определенное значение конкретными группами.*

Почему, кем, как? Это интересный предмет обсуждения.

Другой интересный предмет обсуждения — это, вообще, как сегодня интеллектуалы — чтобы избежать термина «интеллигенция» — или, скажем, культурные элиты и политики относятся к собственной истории?

Мы очень долго и болезненно обсуждали этот вопрос — я имею в виду мое поколение — с родителями. До сих пор продолжается полемика в Берлине и других городах — кому и что мы должны компенсировать? Только евреям или и другим группам жертв?

В России совершенно другой процесс. Начиная с выступления Хрущева в 56-м году, — но это был относительно узкий круг, — какие-то там переименования, общество «Мемориал».

Но структуры этого дискурса фундаментально отличаются, помоему, друг от друга, — вот это действительно интересно!

А.З.: Да, это, пожалуй так! Здесь есть, над чем подумать. Я бы хотел еще обратить внимание на такую точку зрения, которая существует в нашей литературе. Это точка зрения о том, что ситуа-

ция в России сейчас очень похожа на ситуацию в Германии в 1918 г. Это так или не так?

К.З.: Если такое сравнение кому-то что-то дает, тогда... ну, пожалуйста! Но для меня лично это совершенно неубедительно!

А.З.: Но обычно это сравнение используется в качестве аргумента, указывающего на угрозу национализма, на то, что из этого хаоса в России, о котором Вы говорите, может возникнуть сильное националистическое движение, которое будет представлять собой такую же опасность для мира, как немецкий фашизм в 30-е годы.

К.З.: Единственное, что, возможно, пожалуй, похоже, это тот факт, что национализм это как раз то, что может быть использовано в целях мобилизации теми, кому это выгодно. Вспомните, как в 90-м и 91-м годах последнее поколение так называемых коммунистов в союзных республиках очень быстро конвертировалось в сторону умеренного национализма. Это, прежде всего, Грачев, Дудаев, и многие другие, и даже сам Ельцин. Т.е. национализм — это средство мобилизации, и он используется в качестве такового конкретными заинтересованными группами, если им надо. Это было тогда, и это происходит и сегодня!

Но теперь условия изменились, возникли новые рыночные отношения, существуют финансовые потоки, которые действительно намного сильнее и влиятельнее, чем каждое отдельно взятое национальное правительство. Есть Интернет. И все российские группы, акторы, кланы, сети — осознанно или неосознанно — в весьма сильной степени зависят от каких-то процессов, которые происходят вне России, — от МВФ, от ОБСЕ, от финансовых рынков и т.д. Т.е., любая стратегия развития в изоляции, в отдельности — просто не работает. Просто не работает!

Поэтому мне кажется, что эти модели... они, вроде, интересны как историческая аналогия, но это не реальность.

А.З.: А Вы не задумывались над вопросом об интерпретации термина «нация» в России и в Германии? Они, по-моему, очень различаются между собой, или нет?

К.З.: (*Пауза*) ...*Мое поколение вообще не очень охотно использует этот термин, поскольку это понятие дискредитировано нашими предшественниками.* Это наблюдается сегодня в следующем. У нас есть законодательство относительно гражданства, которое предусматривает предоставление немецкого гражданства при очень определенных, ограниченных условиях. Наше понимание гражданства отличается в этом смысле от того, которое существует во Франции.

А.З.: Например, какие это условия?

К.З.: Ну это скорее связано не с тем, где вы родились, но это связано с кровью.

А.З.: С кровью?

К.З.: Ну да. Были у вас предки немецкие, допустим, даже в Поволжье или не важно где, тогда вы являетесь немцем.

А.З.: Гражданином Германии, или немцем?

К.З.: Гражданином. Плюс немцем. Но это у нас как-то очень тесно взаимосвязано.

А.З.: То есть, Герман Греф — это немецкий гражданин?

К.З.: Если он претендует, если он собирается претендовать на это, то у него, по нашей Конституции, есть полное право получить наше гражданство! На здоровье! И Вы знаете, к чему это приводит? В некоторых больших городах у нас живут, причем, компактно, люди из России, которые приехали сюда как немцы, поскольку у них были немецкие предки... со времен Екатерины Великой. Их дети, да и сами они, в какой-то мере, плохо говорят по-немецки, но у них есть паспорт. Рядом с ними живут тоже компактно, выходцы из Турции, скажем, в четвертом поколении. Они великолепно владеют немецким языком, но у них нет гражданства, поскольку у них другое прошлое — нет предков, нет крови! И на этой основе рождается нечто не очень приятное. Поэтому, видимо, нам предстоит изменить такое положение дел, но пока наше законодательство, особенно наша Конституция, это еще не предусматривает.

А.З.: А как в этом смысле решается еврейская проблема в правовом отношении? Может ли еврей стать гражданином Германии? На основании какого закона? Он должен указывать, что он еврей, или это...

К.З.: Нет, вопрос еврейства — это не решающий фактор. Это связано с тем, были ли какие-то там немецкие корни в прошлом... в этой семье. Плюс, есть исключение. Допустим, у нас наблюдается достаточно — возможно, небольшая группа, но все-таки заметная группа — так называемый «контингент». Это беженцы. Речь идет о евреях из России, которые приезжают в Германию. Это единственная группа, которая принимается здесь без больших трудностей, за исключением немцев. Есть несколько десятков тысяч этих евреев, часто и неевреев, которые по этим каналам приезжают и здесь живут. И это еще пример того, как сегодня история еще работает.

А.З.: Меня интересует формальная юридическая сторона. Что нужно иметь, чтобы претендовать на немецкое гражданство?.. Предположим, что я еврей, родившийся в России, и я хочу переехать в Германию, — как узнается, как становится известным, что я вхожу в этот контингент?

К.З.: Там работают достаточно эффективные сети, связывающие этих людей. Поскольку кто-то живет здесь, а какие-то члены семьи еще живут там, постольку между ними сохраняется коммуникация. Есть СМИ, и есть пресса, которая сообщает о данном конкретном человеке. Кто хочет, тот, конечно, найдет способ иммиграции. Этот контингент не получает автоматически гражданства, они могут жить в Германии, и лишь по истечении какого-то времени и при наличии определенных условий может быть предоставлено гражданство, это все оговорено в соответствующих законах.

А.З.: А что Вы можете сказать о контактах не на уровне государственном, а на том уровне, который называется Grassroot — между Россией и Германией, в том числе в вашей области?

К.З.: Очень много контактов. И, по-моему, они работают гораздо эффективнее, чем контакты по линии правительств и чиновников. Это более конкретно, более наглядно, более эффективно. И есть уже опыт достаточно богатый, особенно на уровне контактов между регионами. Там есть очень много прямых связей между нашими бундеслэндами, землями, и регионами, республиками в России. Очень много контактов на уровне породненных городов, между ассоциациями, между вузами, между — очень важно сегодня — негосударственными организациями.

И я поддерживаю как раз вот эти контакты и постоянно указываю, если я беседую с нашими чиновниками, что как раз вот это и надо развивать побыстрее, поскольку это, действительно, очень эффективно и очень многие люди отсюда туда собираются и обратно. И это очень важно, по-моему, даже важнее, чем контакты между правительствами.

А.З.: А общая перспектива, общая оценка перспектив российско-немецких отношений?

К.З.: Смотря для кого... Молодые люди, которые приезжают сюда из России, студенты, и принимают участие, допустим, в летней школе Свободного университета, это... жители мира. Они моложе наших студентов, но не хуже образованы.

А.З.: Не хуже?

К.З.: Не хуже. Но моложе. Они хорошо знают Интернет. И в перспективе насчет личного развития, профессионального развития более или менее реалистичны. У них есть другие точки сравнения, чем, допустим, у поколения их родителей и, тем более, у поколения еще более старшего. Но если они живут в России, они живут в квартирах вместе с родителями, и у них совершенно другие перспективы часто. И опыт, ожидания. Поэтому я всегда отказываюсь давать какие-то там оценки насчет России в целом — это невозможно! Россия — это все это вместе взятое!

А.З.: Большое спасибо, профессор Зегберс, за Ваше интервью!

Много интересных вопросов, требующих размышления! Надеюсь, что мы еще встретимся.

3.2. Воссоединению люди были рады в обеих частях Германии

Беседа с професором Гансом-Дитером Клингеманном — директором Международного центра социальных исследований. Интервью проходило 12 мая 2001 г. в Берлине в помещении центра по адресу Reichpietschufer 50. Беседа проходила на английском языке.

Вклад России и российской армии в избавление от Гитлера, от фашизма и нацизма, от холокоста не может быть недооценен... Я думаю, что есть чувство благодарности за это...

Но с другой стороны, — и это также правда — историческая память немцев хранит и то, что коммунизм был партократической версией тоталитаризма в организации государства. И особенно в годы жизни Сталина.

А.З.: Мы с Вами встречались около 10 лет тому назад в Буэнос-Айресе во время работы Всемирного конгресса политических наук. Я помню нашу беседу о теории трансформации системы ценностей, предложенную Ингельхартом.

Теперь мы в Берлине, и меня по-прежнему интересует эта тема. Но в данном случае речь идет о конкретных преобразованиях. Мне хотелось бы понять, как изменяется образ России и русских в современной Германии. Вы — известный специалист в области политических наук. Возможно, что проблематика восприятия России не находится в центре Вашего внимания. Однако так или иначе интеллектуальная элита в Германии обращается к этому вопросу и обсуждает то, как развиваются события в этой, с точки зрения западного наблюдателя, несколько странной и огромной стране.

Я хотел бы начать нашу беседу с того, чтобы попросить Вас дать оценку того, что происходило в России, на протяжении последнего десятилетия, какова Ваша точка зрения на российские реформы, какое воздействие они оказали на германо-российские отношения?

Г.-Д.К.: Реакция на изменения и трансформацию России была неоднозначной.

С одной стороны, Горбачев открыл возможности объединения Германии. В Западной Германии это вызвало большие надежды. Затем мы наблюдали распад СССР и борьбу между Горбачевым и Ельциным. По этому поводу у нас были смешанные чувства. Ведь объединение союзных республик обеспечивало достаточно устойчивое положение в этом большом регионе. А в результате распада на этом пространстве возникла масса независимых государств. Я думаю, что это осложнило ситуацию. Но в то же время возникла возможность свободного волеизъявления для всех этих народов, которые жили под советским правлением. Это уже другая сторона вопроса.

А потом мы с интересом наблюдали конфронтацию между Думой, избранной еще в советское время, в условиях ослабленной горбачевской власти, и Президентом России[2]. Возможно, что Горбачев тогда хотел воссоздать однопартийную представительную систему, но это было невозможно[3]!

И вопрос о президентстве Ельцин решил путем референдума. Большая часть этих изменений была одобрена с помощью референдума. А конфликт между всенародно избранным легитимным Президентом и парламентом, который не обладал легитимностью в той же самой степени, был, на мой взгляд, наиболее интересным событием в развитии России. И Вы знаете, лучше, чем я, что этот конфликт был разрешен с помощью силы.

Я думаю также, что решение Ельцина, связанное с предложением моратория на демократические выборы в Думу после ее роспуска, было большой ошибкой[4]. Он это предлагал, поскольку он хотел продолжать экономические реформы. Но всем известно, что экономические реформы требуют гораздо большего времени. Он смог бы достичь гораздо большего, если бы он сумел наладить сотрудничество с Думой, легитимной в демократическом смысле. Это было следующим из того, за чем немецкая публика следила с большим интересом[5].

А дальше история России разворачивалась таким образом, что после выборов, я думаю, после декабрьских выборов, избрание, во-первых, Президента, а, во-вторых, Думы — привело к такому ее составу, в котором доминировали коммунисты, а Президент все в большей мере становился демократическим в кавычках. И постоянно стали возникать проблемы в принятии решений на основе конфликта между Президентом и Думой, которая отказывалась утверждать то, что предлагал Президент! И таким образом возник постоянный конфликт между сторонами, и я думаю, что это влияло весьма отрицательно на весь процесс развития политической демократии в России.

Были и другие вопросы, к которым привлекалось внимание.

Так, неясно было, будет ли Ельцин настроен на сотрудничество по проблемам безопасности, и, прежде всего, в области контроля за ядерными вооружениями? Это тоже была большая и очень сложная проблема, поскольку многие оборонные структуры остались в новых независимых государствах.

Но я думаю, что проблемы безопасности регулируются на должном уровне, и что Путин ведет дела именно в этом направлении.

А.З.: Вы сказали, что объединение Германии в определенной мере связано с трансформационными процессами в СССР, и в России. А с точки зрения общественного мнения, было ли объединение Германии осуществлено в интересах обеих частей Германии или же оно отвечало интересам только ГДР?

Г.-Д.К.: Неоспоримо, как я считаю, то, что немецкие граждане бывшей ГДР хотели установления демократической системы и рыночной экономики, и парламент, образованный в результате первых и единственных демократических выборов в ГДР, принял решение о вхождении в Федеральную Республику, и это было его конституционным правом.

Как Вы знаете, в основном законе ФРГ есть статья, согласно которой если бы народ ГДР изъявил такое желание, то мы бы должны были их принять. Поэтому не оставалось никаких возможностей действовать как-либо иначе. Так что, на мой взгляд, в обеих частях Германии люди были рады воссоединению.

Но далее следует более практические вопросы. Скажем: «Во сколько обойдется восстановление прогнившей экономики бывшей ГДР до того уровня, который существует в Западной Германии?» Я полагаю, что этого никто не знал заранее. Вам, как и мне, известно, сколько миллиардов в год западные немцы должны выплачивать для того, чтобы улучшить инфраструктуру и выплачивать пенсии, которые не были предварительно оплачены населением ГДР. И все же я думаю, что все идет нормально.

Другой аспект, как я думаю, имеющий отношение к этому вопросу, состоит в том, что была совершенно ясна необходимость прочной интеграции Германии в Европейский Союз. Эта линия имела успех, и процесс в этом отношении является необратимым. Так что объединенная Германия не должна восприниматься как источник повышенной напряженности националистического плана.

А.З.: А как Вы связываете эти два процесса — объединение Германии и объединение Европы?

Г.-Д.К.: Было довольно много рассуждений и возражений со стороны Великобритании, Франции, и не так много от США, связанных с тем, что 80-миллионная Германия снова будет представлять собой опасность, поскольку она становится сильнейшим национальным государством в Европе. Но я думаю, что эти страхи были в значительной мере преодолены, поскольку Европейский Союз стал реальным политическим союзом с общей валютой и Маастрихтскими соглашениями.

А.З.: А какое место занимают внутренние проблемы Германии? Я имею в виду отношения не между Западной Германией и ГДР, а отношения между западной и восточной частью нынешней Германии. Можно ли преодолеть те проблемы Германии, которые все еще существуют в отношениях между этими ее двумя частями?

Г.-Д.К.: Да, теперь не существует двух независимых государств. Германию составляют Земли, мы являемся, как Вы знаете, федерацией. И эти Земли разыгрывают свою политическую карту, так же как и Германия в целом. Я имею в виду то, что называется финансовым выравниванием (Finance Ausgleich) в соответствии с нашей Конституцией. Мы должны учитывать уровень жизни в каждой из немецких земель и не допускать слишком большого разрыва между ними. И эта политика является основой финансирования земель и трансфертов.

С другой стороны, экономическое оздоровление ГДР остается долгосрочной проблемой. Я имею в виду то, что на территории прежней ГДР уровень безработицы составляет сейчас около 14%. Хотя земли эти значительно отличаются друг от друга! Вы знаете,

Саксония, Тюрингия, Магдебург... Каждая из земель развивается своим путем и мы не должны рассматривать их в качестве единого целого. Прежде всего, в связи с задачами финансирования земель со стороны федерального государства. Я думаю, что никто не хочет тратить такие огромные деньги. В то же время, я полагаю, что деньги будут выделять... Экономика Германии достаточно сильна для этого.

А.З.: Возвратимся к вопросу о восприятии России в Германии. Является ли мнение о России консолидированным или дифференцированным? Как можно охарактеризовать различие в подходах?

Г.-Д.К: Интеллектуалы Германии и России всегда восхищались друг другом. Мне кажется, что сотрудничество, нормальный обмен мнениями и персоналом возрастают. И если посмотреть на наш маленький мир здесь, то и здесь можно увидеть коллег из Москвы, Санкт-Петербурга и бог знает, откуда еще! И это сейчас становится составляющей частью моей сравнительной политологии. Мне известно и от других моих коллег, что обмен с российскими студентами и преподавателями организуется на основе многих частных инициатив. И это также ведет к лучшему взаимопониманию. Я думаю, что в данном случае будут происходить примерно те же процессы, как это было в наших отношениях с Францией, и которые сейчас имеют место в отношениях с Польшей. Я думаю, что примерно таким же образом будут развиваться и отношения с Российской Федерацией.

А.З.: В Вашем Центре имеется какое-то подразделение или группа, занимающаяся Россией?

Г.-Д.К.: Нет, у меня нет таких намерений строить исследования в региональном разрезе. Но у меня есть, к примеру, одна сотрудница, которая заканчивает диссертацию о Российской Государственной думе, о политических партиях и т.д. Это, как если бы я писал аналогичную работу по Франции, или что-то в таком же роде. Со мной сотрудничает молодая коллега из Санкт-Петербурга — Наталья (Яргомская?). Она занимается сравнительным анализом избирательного закона в Российской Федерации и Германии.

Недавно я обращался с просьбой к группе специалистов из Европейского университета в Санкт-Петербурге написать о выборах в России. Они выполнили этот заказ, и я могу показать Вам этот том...

А.З.: Это о каких выборах?

Г.-Д.К.: Об основополагающих выборах в России. От первых выборов 1989 г. во времена Горбачева до самых последних.

А.З.: Это на немецком?

Г.-Д.К.: Нет, нет, на английском. Мы помогли им подготовить издание. Или еще пример (встает и достает книгу на русском языке). Я выпустил книгу по политическим наукам, она сейчас вышла на русском языке. Такой обмен мнениями становится обычным.

А.З.: Лена Шестопал! (Редактор русской версии собрания докладов Мирового конгресса политических наук, вышедший под редакцией Клингеманна). Очень хорошо!

Г.-Д.К.: Или вот еще. В Германии есть Общество Поля Лазарсфельда. На этой неделе в понедельник в этом Обществе была дискуссия на подиуме по итогам последних выборов в России. Из Москвы приезжала Елена Башкирова. Она с нами сотрудничает уже достаточно долго, она проводила для нас опросы, и мы сотрудничаем по сравнительному проекту. Так что в сотрудничестве с российскими коллегами нет недостатка!

А.З.: Это хорошо! Но Вы упомянули Россию в контексте сравнения с Францией и Польшей. *Считаете ли Вы, что Россия — часть Европы?*

Г.-Д.К.: Определенно!

А.З.: Определенно! Но все-таки есть и другая точка зрения. Некоторые говорят об Евразии, некоторые об ее отличиях от европейских стран, поскольку у нее масса специфических черт, и русская душа, и сильно отличающаяся история Есть еще теория запаздывающей модернизации, согласно которой все то, что случилось в Европе, повторяется в России через 200 лет.

Г.-Д.К.: Невозможно отрицать, что у России была великая история. Это верно. И эта история включает в себя сравнительно жесткую автократию. Я хочу сказать, что Романовы были весьма автократичны, и что империя, организованная ими, была автократичной. Такого рода черты можно обнаружить и в истории других народов. Конечно, если вы говорите о России, вы должны говорить и о Сталине, о его депортациях, последствия которых сказываются и по сей день на Кавказе. Это уже иные аспекты. И если у вас сложились такие традиции, то для того, чтобы преодолеть этот патернализм в массовом сознании, понадобиться долгое время.

В России существует также различие мнений между западниками и славянофилами. Я думаю, что, в конце концов, и те, и другие принадлежат Европе.

Нельзя отрицать и того, что азиатская часть России также неоднородна. А если говорить о высокой русской культуре, необходимо также учитывать и традиции православия. И это еще один аспект. У вас существует автокефальная церковь с традицией весьма тесных отношений между церковью и государством. Это одна из особенностей России.

И все же я полагаю, что это вполне вписывается в римско-европейскую традицию. Европа — это ведь не только Западная Европа. *Европа — это широкая и весьма разнообразная целостность. И Россия — это ее часть. С ее весьма своеобразной собственной историей. Я считаю, что она внесла большой вклад в европейскую культуру — в особенности ее литература и наука.* Это неоспоримо!

А.З.: А что Вы скажете относительно России и Советского Союза? Это одна и та же страна или это разные страны?

Г.-Д.К.: Советский Союз был воплощением коммунистической империи. В его состав входило множество народов, которые были независимы в формальном смысле, и выступали как носители своеобычной культуры. Возьмем, к примеру, республики Балтии — Литву, Латвию, Эстонию. Или Молдавию, которая определенно не была частью России. Или Закавказье: Армения, Грузия, Азербайджан. В этом смысле менее проблематичным было положение Белоруссии, которая никогда не была самостоятельным государством, может быть, и Украины. Только эти три славянские республики Советского Союза и составляли нечто связное целое[6]. Они и могли составлять русский народ. Но относительно Западной Украины в этом отношении остаются большие сомнения. Киев и правобережная Украина — да[7]! Так что проблема Советского Союза не так проста! Как я сказал, это была империя, которая подавляла все эти народы. А титульные нации, как Вы знаете, были первыми, которые захотели из него выйти!

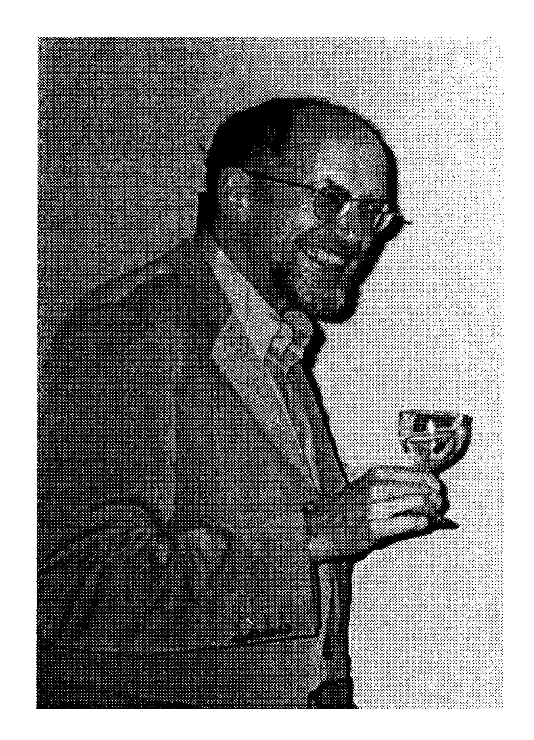
А.З.: Весьма интересная точка зрения! Впрочем, в связи с распадом Советского Союза очень часто подчеркивалась его имперская сущность.

Г.-Д.К.: Да, но никто не хотел возникновения центрально-азиатских республик. Россия не захотела платить за то, чтобы они выразили желание не выходить из состава СССР (смеется!). Но это другая история...

А.З.: Мне лично кажется, что политика руководства СССР была сильно дифференцирована применительно к названным регионам. Если рассматривать центрально-азиатские республики и Закавказье, то надо заметить, что эти территории СССР развивались гораздо быстрее, чем центральные регионы Союза. В основу политики была положена идея выравнивания республик. А индустриализация выступала в качестве средства решения этой проблемы. Благодаря этому были обеспечены более высокие темпы развития пограничных регионов страны. Кроме того, я не думаю, что русские воспринимали сами себя в качестве имперской нации и пользовались привилегиями, вытекающими из статуса империи.

Г.-Д.К.: Но это было так же, как и при царях. Они хотели все больше и больше от этих стран... Я думаю, что это невозможно устранить из картины жизни СССР в период сталинского руководства... Например, если взять Эстонию или Латвию, то, пожалуй, нет ни одной семьи, которая бы не пострадала. И они этого не забудут. Я имею в виду, что рассматривать нужно не только перестройку или годы после смерти Сталина, но в целом весь этот период был травматическим для большей части республик. А крымские татары, а все другие народы, которых он уничтожал. Это не имело никакого отношения к экономическому развитию!

А.З.: Мне представляется, что важную роль в формировании образа России в Германии играет память о войне! Память о Второй мировой войне, которая с нашей стороны называется Великой Отечественной войной. Вы согласны с этой точкой зрения?

Профессор Мартин Кооли.
Институт социологии Свободного Берлинского Университета

Гунда Якоби — секретарь проф. Кооли в своей художественной мастерской

Профессор Герхард Зимон. Кельнский Университет

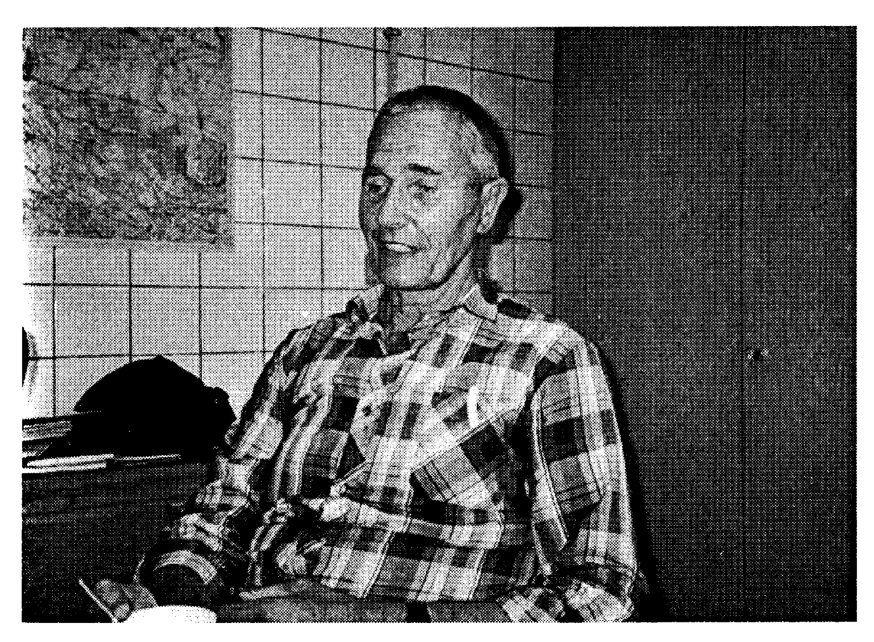
Надежда Петровна Зимон. Профессиональная переводчица

Профессор Эрхард Штёльтинг с супругой у себя дома.
Потсдамский Университет

Доктор Питер Яан. Директор музея в Карлсхорсте

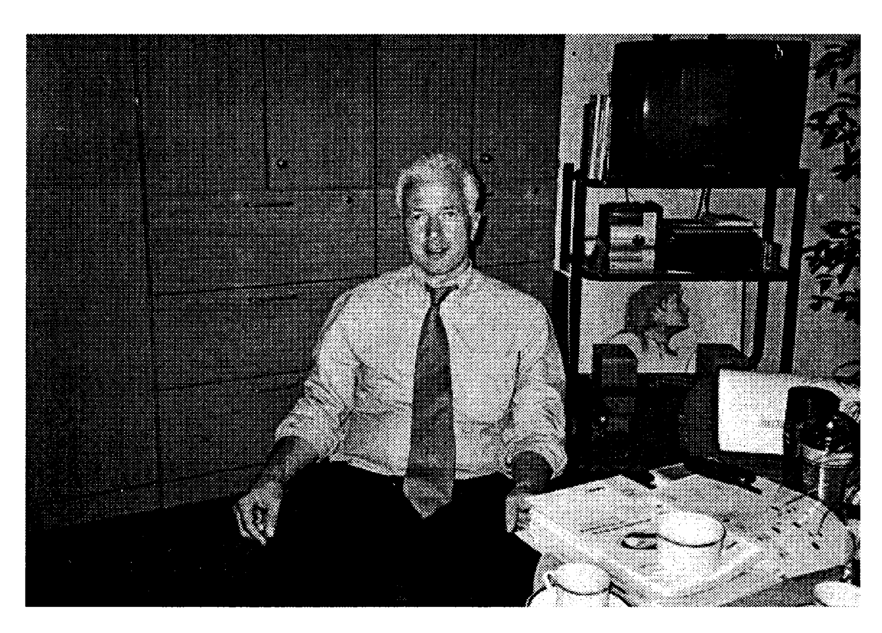
Борис Борисович Рохлин — писатель, живет в Берлине с начала 90-х годов

Барбара Йон — руководитель Департамента по работе с иностранцами Берлинского Сената в своем офисе

Тигго Эйхлер. Научный сотрудник Университета им. Гумбольдта, математик

Профессор Эрих Хаан. Академик Академии наук ГДР,
член общества им. Лейбница

Профессор Клаус Зегберс. Институт Восточной Европы
Свободного Берлинского Университета

Профессор Крисманский (Мюнстерский Университет) со студентками
из Южной Кореи и автором книги. Акт передачи «Мерседеса»
в трехмесячное пользование. Билефельд, 1994 год

Доктор Ольга Александрова. Федеральный институт исследований Восточной Европы и России

Профессор Кристина Кульке. Технологический Университет, Берлин

Берлинский карнавал многообразия культур. Июнь 2000 года

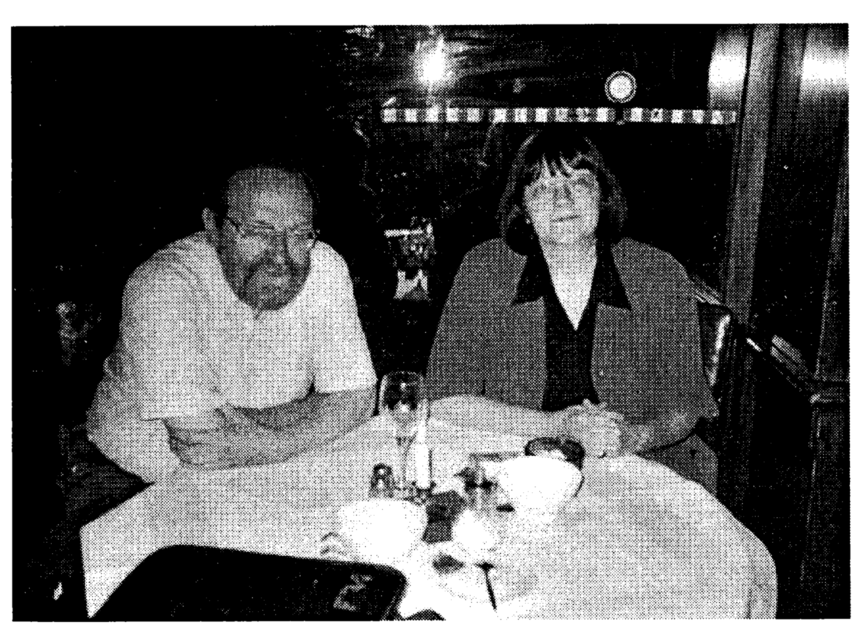
На том же карнавале — оркестр инвалидов

На том же карнавале — «русская» группа

Доктор Ингрид Освальд.
Магдебургский Университет,
Социологический факультет
Санкт-Петербургского университета

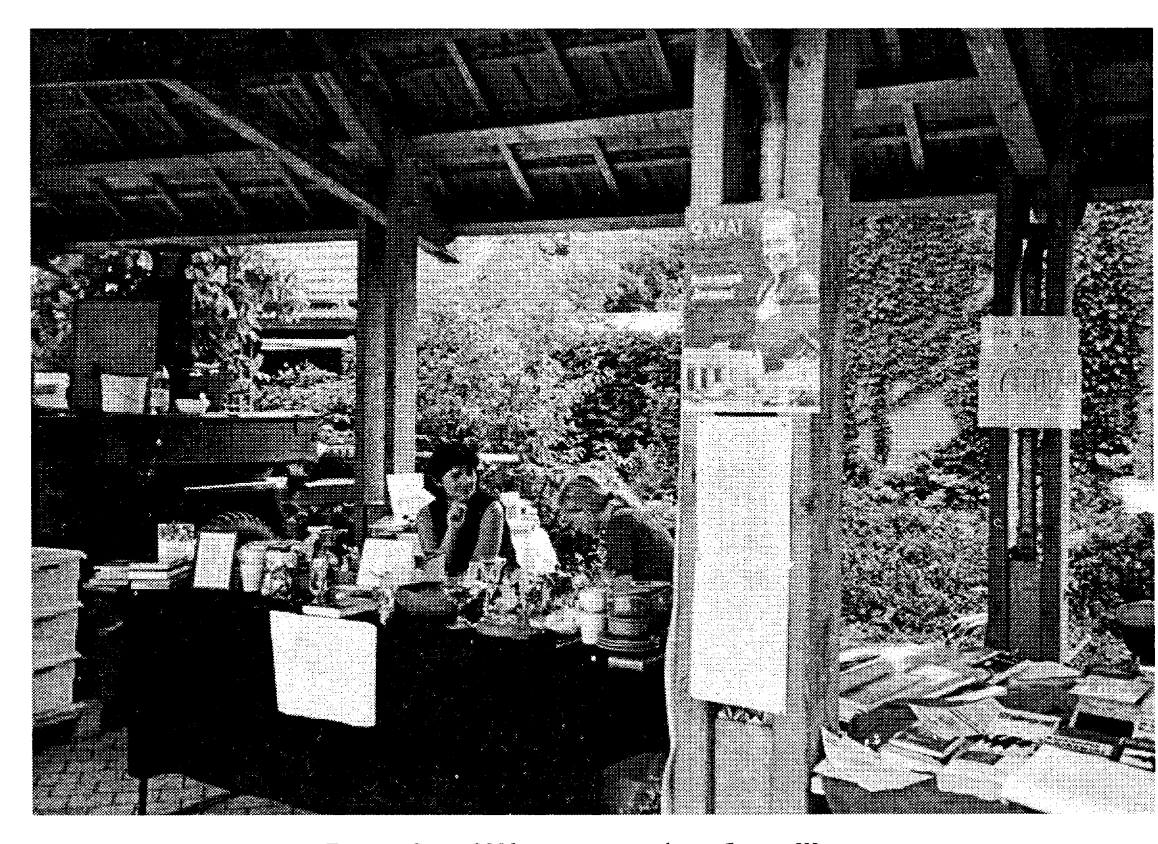

Гельмут Штейнер и Ингрид Питчински в кафе Бориса Пастернака (Берлин)

8 мая 2000 года в Трептовер парке. Выступление хора ветеранов

Лотерея 9 мая 2000 года около кафе на берегу Шпрее

Профессор Габриэла Розенталь дома. Автор книг о потомках жертв и палачей в третьем поколении

Дом памяти конференции в Ваннзее

Здание, в котором проходил Нюрнбергский процесс

Доктор Питер Шульце — руководитель Представительства Фонда им. Эберта в Москве

Миша Хартлебен — мой юный друг, май 2000 года — по отцу — немец, по матери — русский. Двуязычен. Школьник, уважает Гудериана

Г.-Д.К.: Конечно, да! Значение Второй мировой войны трудно переоценить.

А.З.: Как Вы думаете, необходимо прояснять некоторые проблемы истории этой войны или же Вы согласны с тем, что не следует без конца ворошить прошлое, «все и так ясно и лучше было бы прекратить разговоры о войне. И так сказано слишком много»!

Г.-Д.К.: Это было бы самое глупое решение, которое можно было бы принять. Я считаю, что можно оставить только то, что уже понято. И если эти вопросы не обсуждать, то они останутся закрытыми, и не будут поняты! Эти вещи можно преодолеть лишь путем обсуждения и понимания.

А.З.: Я с этим совершенно согласен! Но какие вопросы необходимо обсуждать в этой теме?

Г.-Д.К: Здесь так много разных уровней, особенно если принять во внимание уровень солдата. Они теперь уходят из жизни просто в силу возраста. Но были события, и сохранился опыт, который настолько ужасен и травматичен!

А с другой стороны, есть и противоположный опыт помощи людям и проявлений гуманизма. Вот это и следует обсуждать, те действия, в которые был вовлечен отдельный человек. Нужно обсуждать убийства, совершенные немцами в Белоруссии, на Украине и т.д. Все те ужасные вещи, которые произошли с евреями. В это невозможно поверить! И это надо обсуждать!

Но надо обсуждать также и то, как русские военные обращались с мирными гражданами в этой Великой Войне! Конечно, Вы можете сказать: «Гитлер начал первым!»

Но в то же время есть преступления sui generis. И не имеет значения, кто их совершил. Это необходимо проговорить, это нужно обсуждать, это нужно если не понять, то, по крайней мере, попросить прощения, и задуматься об этом как в момент траура. Так что все время сохраняются разные уровни опыта, которые нуждаются в обсуждении.

А.З.: А Вы не считаете, что следовало бы попытаться выработать некоторую общую точку зрения относительно этой войны и участия в ней России? Мне кажется, и я думаю, что я не ошибаюсь, что до сих пор имеют место две точки зрения на эту войну: западная точка зрения и российское видение проблемы. Небольшой пример в этой связи. Сейчас первая половина мая, и 9 мая для России — великий день. В восточной части Германии этот день отмечался в Трептовер парке. Но в других местах Германии это было не так!

Г.-Д.К.: Да, довольно трудно сравнивать эти вещи!

Но я думаю, что прежде всего вклад России и российской армии в избавление от Гитлера, от фашизма и нацизма, от холокоста не может быть недооценен... Я думаю, что есть чувство благодарности за это...

Но с другой стороны, — и это также правда — историческая память немцев хранит и то, что коммунизм был партократической

8 Заказ № 1007

версией тоталитаризма в организации государства. И особенно в годы жизни Сталина (при организации ГДР) модель государства не была привлекательной моделью идеального государства.

И я думаю, что к этому нужно добавить: то, что Силезия оказалась отрезанной, равно как и другие части Германии, оказало влияние на образ России. Или, точнее сказать, не России, а сталинского Советского Союза! И это — негативный образ! Дело в том, что Польша должна была подвинуться на Запад, так как она отдала часть своей территории Советскому Союзу. Конечно, совершенно ясно, что не поляки выступали с такой инициативой. Это Сталин, который хотел перекроить карту Европы.

А.З.: Я вижу, что проблем для дискуссии очень много... Теперь я хотел бы задать следующий вопрос: как Вы воспринимаете эту войну? Между кем и кем она была? Между двумя тоталитарными режимами, между фашизмом и коммунизмом? Или между двумя народами?

Г.-Д.К.: Моя точка зрения состоит в том, что это была война США, Великобритании и остального мира против фашизма. Вы знаете, насколько ужасен был фашистский режим! Я имею в виду, что этот режим совершил такое, что находится за пределами воображения любых цивилизованных народов. И Советский Союз победил в этой войне, заплатив высокую цену. В этом — положительный аспект того, что произошло!

Но негативная сторона дела в том, что случилось после войны. Я имею в виду то, что часть Германии была лишена права самоорганизации на демократических принципах, как они того хотели, если бы они не находились под сталинской армией!

А.З.: Может быть, тогда действовали более сложные причины, связанные с ситуацией холодной войны, которые...

Г.-Д.К.: Нет, это случилось позже...

А.З.: Но я не думаю, что только сталинскую сторону следует обвинять в возникновении холодной войны.

Г-Д.К.: Нет-нет! Это другой вопрос! Вы спросили, как я оцениваю войну между Германией и Россией. Была ли это война между двумя народами? Я бы ответил — нет!

Я имею в виду, что это была война между всем миром и фашизмом. И я представляю то поколение, которое благодарно за то, что все произошло так, как оно произошло.

А.З.: Вы родились после войны?

Г.-Д.К.: В 1937 г. Я убежден в том, что тоталитарная коммунистическая система не являлась тем вариантом политического режима, к которому стремилось большинство тех людей, которые оказались под пятой коммунистического правления, я чувствую, что это была депривация, что советский коммунизм...

А.З.: Вы изучали этот режим как специалист? Вы весьма авторитетный ученый в области политических наук, поэтому очень интересно знать, как сложилось Ваше понимание этого режима, коммунизма вообще, советского коммунизма?

Г.-Д.К.: Как специалист в области сравнительной политологии, я занимался коммунистическими режимами, как они организовывали государство, и что у них при этом выходило. Конечно, все это было гораздо сложнее, чем это можно высказать за пять минут. Но одна вещь совершенно ясна: это не был режим плюралистической представительной демократии.

А.З.: Ни в коем случае!.. Но я хотел бы заметить одну вещь, по поводу которой мне хотелось бы услышать Ваше мнение. Мне представляется, что война имела разное значение для немцев и для русских!

Г-Д.К.: Конечно, русские победили, а немцы оказались побежденными!

А.З.: Да... оказались побежденными, но это только одна сторона дела...

Г.-Д.К.: Согласен. Другая сторона дела состоит в том, что мы избавились от фашизма. И это великое благо!

А.З.: Это очень важно! И мне кажется, что это должно было бы быть введено в массовое сознание!

Г.-Д.К.: Да, я так и сказал! *Вклад российской армии и Советского Союза в избавление от фашизма имеет огромное историческое значение. И мы за это благодарны.*

Но все же я имею в виду солдата, который пришел с войны... Вы знаете, у него было чувство поражения. Это тяжелое и подчас противоречивое чувство!

А.З.: С точки зрения немцев?

Г.-Д.К.: Да...

А.З.: Да, и я думаю еще об одном различии. Обе стороны определенным образом обратились к мобилизации своих народов, населения стран. В войне, как и во всяком конфликте, неизбежны лозунги и аргументы в пользу мобилизации сторон. Я бы хотел сказать о том, что было очень важно для российской стороны: это была Великая патриотическая война!

Г.-Д.К.: Да, конечно... Германия напала, а Россия защищалась! В этом нет сомнения!

А.З.: Вы не думаете, что современная ситуация в России — скажем, за последнее десятилетие — особенно, после Горбачева, была более или менее схожа с ситуацией, имевшей место в Германии после Первой мировой войны?

Г.-Д.К.: Я, конечно, не знаю из первых рук, как это все происходило после Первой мировой... Но дайте мне подумать... Я думаю, что различия очень большие.

Прежде всего, против Советского Союза никто не вел войны. Проблема была в том, что идея Горбачева использовать выборы для легитимизации и упрочения своей власти в конфликте с теми, кто представлял более жесткую линию в Политбюро, была ошибочной. Дело в том, что обращение к выборам привело к тому, что возникли новые вопросы — плюрализма, демократии и устранения

монополии одной партии на власть. Выборы означали только начало пути. А Горбачев этого не понял!

Кроме того, экономическая ситуация была очень плохой: в стране не возникла мотивация, необходимая для того, чтобы повернуть дела по-другому. Не было средств для капиталовложений и улучшения производства. Такова была ситуация.

Я вижу также большую проблему в том, что у вас такая большая диаспора. По сути дела почти в каждой из бывших республик имеется русская диаспора. И не так просто найти решение для ситуации такого рода: вы больше не являетесь сверхдержавой, которая могла бы сказать латышам, как надо поступать. Теперь все наоборот! Русские должны сдавать экзамен по латышскому языку, и тому подобные вещи. А это не так легко. Я думаю, что это порождает напряженность.

А.З.: А что Вы думаете по поводу термина «нация»? Имеет ли это понятие то же самое значение для русских и для немцев?

Г.-Д.К.: Я думаю, что главное различие состоит в трактовке взаимоотношений между нацией и государством! В Германии во многих отношениях наблюдается совпадение между нацией и государством. В России все это более сложно. В вашем государстве живут не только русские, в нем гораздо больше наций. Но если мы оставляем за понятием нации культурную идентичность, а за государством государственную организацию, то, я думаю, что мы находимся на верном пути в понимании того, что такое нация.

А.З.: В начале нашей беседы Вы заметили, что контакты с Россией развиваются не только по государственной линии. Можно ли эти контакты рассматривать в качестве базовых для более тесных отношений между Германией и Россией, Россией и Европой?

Г.-Д.К.: Я думаю, что так оно и есть. Эти контакты следует развивать. В этом самый важный момент новой ситуации. Мы можем путешествовать сравнительно свободно. Мы можем слушать симфонический оркестр из Санкт-Петербурга, а вы — из Берлина. Это большой вклад культурных контактов для развития взаимопонимания. Важны также и контакты между группами молодежи, которые сами могут увидеть, что все мы люди. Что как хорошие, так и плохие люди есть в каждой стране.

А.З.: И последний вопрос... Ваше мнение о моноцентрическом и полицентрическом мире.

Г.-Д.К.: Все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на вещи. Если взять проблемы ядерных вооружений, то мир бесспорно полицентричен. Но если подойти к этому вопросу с точки зрения экономических возможностей, то мир оказывается в большей мере моноцентричным, поскольку США обладают наиболее развитой экономикой. Сама экономика становится в значительной мере глобальной. А область культуры, конечно, полицентрична. Я думаю, что вклад даже самой маленькой нации в литературу, музыку, танцевальное искусство и во все эти виды деятельности яв-

ляется выражением полицентрической культуры мира в целом. Я ценю такого рода вклад очень высоко.

А.З.: Большое спасибо, профессор Клингеманн за эту очень интересную беседу. Здесь есть, над чем задуматься, и я надеюсь, что у нас будет еще возможность продолжить наш разговор.

3.3. Российские реформы нельзя оценить однозначно!

Интервью с профессором Эрихом Хааном — академиком Академии Наук ГДР, директором Института философии Академии общественных наук при ЦК Социалистической Единой Партии Германии. Я познакомился с профессором Э.Хааном в конце 80-х годов, когда он был частым гостем в Москве. В это время он был сопредседателем (наряду с академоком Т.И.Ойзерманом) советско-немецкой комиссии по вопросам философии, представляя в этой комиссии АН ГДР.

Мне более всего запомнилась встреча с Э.Хааном на международном симпозиуме в Москве по вопросам диалектики общечеловеческих и классовых интересов, состоявшемся 11—12 января 1989 г. До того я знал его только по публикациям. В ходе обсуждения вопросов, поставленных на симпозиуме, передо мной раскрылся человек ясного — отнюдь не догматического ума, — глубоко понимавший сложный спектр политических проблем, возникших в ходе перестройки.

Естественно, что поселившись на три месяца в Берлине спустя 10 лет после нашей довольно острой по тем временам дискуссии, мне захотелось встретиться с коллегой, который уже давно был лишен позиций в академической науке. Я разыскал его телефон, мы договорились о встрече, которая сосотялась 26 мая 2000 г. у меня на квартире в Далеме, Гариштрассе, 69. Интервью проходило на английском языке.

Я никогда не говорил о том, что происходит в России, примерно с 1989 года. Это нельзя оценить однозначно, однолинейно! Это какой-то комплекс очень противоречивых чувств!

А.З.: Здравствуйте, Эрик Хаан! Мы с Вами не виделись с 1989 г.!

Э.Х.:: Да, я помню нашу дискуссию у Вашем институте, она была крайне интересна не только с позиций тех времен, но и с современной точки зрения!

А.З.: Теперь я приехал в Германию по приглашению Свободного Берлинского университета для того, чтобы выяснить мнение немецкой интеллектуальной элиты о процессах, происходящих в России, чтобы понять, какой образ России складывается в немецком самосознании.

Э.Х.: Но я теперь не принадлежу к элите!

А.З.: В свое время... Вы безусловно принадлежали к ней, и я думаю, что этот статус сохраняется пожизненно. Важно, чтобы и Ваша точка зрения была высказана... Поэтому мой первый вопрос...

Э.Х.: *Как жизнь?* (на русском языке).

А.З: На какие средства... Вобщем, я знаю, что Вы на пенсии!

Э.Х.: Да.

А.З.: Но есть ли у Вас какие-то возможности участвовать в интеллектуальной деятельности, в дискуссиях, что-либо публиковать?

Э.Х.: Понимаю. Да, есть! Прежде всего, я бы хотел сказать, это верно, что я на пенсии, но эта пенсия очень низкая. Это так называемая пенсия... не знаю, как назвать — это «пенсия-наказание» (punishment pension)!

А.З.: Наказание?

Э.Х.: Я не знаю, как это называется на английском или на русском. Дело в том, что были люди, связанные с прежней системой. И теперь они наказаны — наказаны методом сокращения размера пенсии!

Конечно, у меня много связей в интеллектуальной области, и в различных группах...

Во-первых, это Общество имени Лейбница (Leibniz Sozialität). Может быть, Хельмут Штейнер о нем говорил, так как он тоже член этого Общества. Это очень интересное учреждение!

Знаете, в ГДР, разумеется, была Акакдемия Наук. Академия Наук Германской Демократической Республики. В 1990 г. она была распущена. Это был длительный процесс. Все прежние члены Академии были исключены. Затем образовали новую Академию — так называемая *Прусская, Бранденбургская Академия наук.* Формально это новое учреждение. Но так же, как и в Москве, прежняя Академия состояла из двух частей: одна часть — это избираемые члены, общество избранных членов, а другая — так называемые институты. В них работало около 30 тыс. человек. Я был полным членом Академии, избранным членом. В состав Академии входило около двухсот человек, также, как и в Советском Союзе. В 1990 все эти члены были исключены!

Но! Некоторые из этих членов Академии в 1990 или 1991 г., — я точно не помню, — написали обращение ко всем другим членам Академии и пригласили их принять участие в организации нового сообщества. Без оплаты, на общественных началах! Все деньги, которые выделяло правительство, были направлены вновь созданной Бранденбургско-Прусской академии. Нам же не дали ни гроша!

Но все же это была прекрасная идея! И она сработала! Мы начали тогда с двадцати членов старой Академии. А теперь мы... Нет, я скажу иначе... Теперь из прежних двухсот членов старой Академии наук около ста человек члены Лейбницкого общества. Это очень важно! Очень важно понять разницу между Обществом

Лейбница и этой бранденбургско-прусской структурой. У них есть деньги, много денег. Их поддерживает государство и т.д. А мы — Общество имени Лейбница — нас несколько сот человек... Herbert Hörz может быть, Вы его знаете, он был философом из ГДР, он сейчас Президент этого Общества. А Wolfgang Eichhorn стал его Генеральным секретарем. Сейчас оно объединяет несколько сот членов прежней Академии. А кроме того мы избрали около 50 или 60 новых членов, более молодых, сотрудников некоторых институтов.

Члены прежней Академии — все теперь уже в пенсионном возрасте. До сих пор мы платили только членские взносы. Взнос составляет 100 марок в год, и это все! Мы не получаем денег ни от государства, ни от городских властей, ни от кого.

А.З.: А как исчисляется эта «пенсия-наказание», сколько она составляет?

Э.Х.: (*Смеется.*) Я не могу объяснить, это просто грабеж! Они ограбили. Но это очень долгая история.

Немецкий парламент принял массу законов. Они решили, что некоторую часть прежней элиты надо наказать. Например, сотрудников КГБ, министров ГДР, всех профессоров и доцентов партийных школ, Академии общественных наук, она тоже была партийной школой, ну и профессоров, например, вроде меня! И еще несколько категорий: если Вы были директором комбината или фабрики и т.д., если Вы были секретарем партийной организации, например, в области и т.д...

А.З: А Вы можете публиковаться?

Э.Х.: Да, конечно, но без гонорара!

А.З.: Без гонорара?

Э.Х.: В том-то и дело! Я как раз и пытаюсь это объяснить. Я — член Общества им. Лейбница, и мы работаем как Академия наук ГДР. Это означает, что в один из четвергов каждого месяца мы собираемся и заслушиваем доклад одного из нас — членов нашего Общества. Заседание делится на две секции — одна секция это общественные науки и философия, а другая — естественные науки!

А.З.: Каждую неделю?

Э.Х.: Нет, нет! Раз в месяц. Но очень регулярно, не откладывая...

А раз в году мы организуем выборы новых членов, выборы на основе тайного голосования. Это моя главная общественная деятельность. Я тоже делаю доклады в этом обществе[8]. Они размножаются. У нас есть свое периодическое издание, свои «Записки». Хельмут Штейнер знает это лучше, чем я: он — член Совета и главный редактор этого издания. Он может Вам дать экземпляр. Но я повторю: все расходы мы оплачиваем сами! За счет членских взносов. И некоторую помощь мы имеем от тех, кто называется ассоциированные члены[9]. Их не выбирают, но они дают некоторую сумму денег и таким образом становятся ассоциированными членами общества. У вас тоже есть такие институты. Есть пожилые

люди, которые располагают финансами, но у них нет возможности работать в этом обществе в качестве исследователей. Мы обращаемся к ним за поддержкой. Их, конечно, не так много...

А.З.: А Ваша жена? Она работает?

Э.Х.: Она... она — забыл это слово — arbeitlos, безработный.

А.З.: Безработная?

Э.Х.: Да, вот уже два года. С 1990 до 1998 г. она работала в качестве социолога. У нее была хорошая работа. Она получала зарплату от Deutsche Forschungsgemeinschaft — Вы знаете это учреждение.

А.З.: Это то общество, которое финансировало мою поездку в Германию!

Э.Х.: Точно, у нее был проект по изучению безработных... Хороший предмет для изучения, ей хорошо платили, а теперь она сама безработная, а этой осенью она выйдет на пенсию.

А.З.: Теперь перейдем к России. Как Вы оцениваете реформы, которые происходили в России за последние десять лет?

Э.Х.: Это очень сложный вопрос!

Я хотел бы еще сказать, что я участвую еще и в массе других сообществ. Несколько иного рода... Лейбницевское общество, о котором я говорил, это нормальное научное общество! А другие общества — это группы с левой ориентацией. Но принцип действия тот же самый: вы должны платить деньги за свое членство или за возможность опубликовать свой текст, но я не получаю никаких денег, ничего. Когда эти общества собираются в других городах, а не в Берлине, то появляется возможность посетить эти города, поскольку командировки они могут профинансировать, и это неплохо! Но это не является гонораром!

А теперь относительно Ваших вопросов по поводу того, как я ощущаю российские реформы.

Это очень, очень трудно! Я об этом совершенно не говорил примерно с 1989 г. Это нельзя оценить однозначно, однолинейно! Это какой-то комплекс очень противоречивых чувств!

Например, одно ощущение, одно чувство... Может быть, Вы знаете, что я был председателем так называемого Германо-Советского комитета по философии, был такой комитет в то время! Этот комитет был своего рода посредником между вашей и нашей академиями общественных наук. Но он включал в себя представителей всех философских учреждений в обеих странах. Комитет собирался каждый год. Последнее собрание состоялось в Ленинграде, осенью, нет, весной 1990 г. Да, в 90-м! Тогда еще существовала ГДР, а в Советском Союзе только начиналось некоторое движение. Мы встретились тогда с некоторой неожиданностью во время нашего заседания. Т.Ойзерман возглавлял делегацию с советской стороны, в составе ее были И.Нарский, А.Одуев и другие. Ойзерман и я выступали с докладами. Главный тезис моего доклада — я помню это очень хорошо — я говорил о реставрации капитализма в нашей стране.

А.З.: В вашей стране?

Э.Х.: У нас, в Германии, так как ГДР еще существовала. Но мы все знали, что будет, что произойдет дальше. Оставался только один год существования ГДР после 1990 г. И этот один год был переходным, причем события развивались только в одном направлении, как в туннеле. А основной процесс состоял в том, что ГДР должна была стать частью Западной Германии, частью ФРГ. Поэтому я говорил о восстановлении капитализма в нашей стране.

Но никто из наших советских друзей не понял этого и не воспринял. Я говорил, как в пустоту... Они закрывали глаза на происходящее. Они не могли поверить в ту перспективу, которая была перед нами. Ни Ойзерман, ни Нарский, ни другие... Так что у нас была очень оживленная дискуссия весь день, и весь вечер. (*Смеется!*)

Мы обсуждали вопросы, которые происходили в нашей стране — экспроприацию предприятий, экспроприацию жилищного фонда и т.д. И я никогда не забуду, как в конце нашей встречи, после дискуссии, которая продолжалась целую неделю, мы посетили Смольный.

И вдруг один из российских друзей — я не помню, кто именно — задал вопрос: а кому же принадлежал Смольный до революции?! Конечно, в других условиях... Но кто был собственником? Реальным хозяином с прежних времен... Жив ли кто-нибудь из князей? В прежние времена всегда был какой-то владелец... Это значит, что после недельной дискуссии они признали... (*смех!*) и наконец-то поняли, о чем идет речь!.. Да, это была последняя встреча с коллегами из Советского Союза!

Я потом написал моему другу Ойзерману, и мы пригласили его вступить в члены Общества им. Лейбница в качестве иностранного члена. У нас есть такой институт — иностранные члены. *Он не ответил!* Таково мое первое впечатление!

Второе впечатление. Я прочел кучу книг ваших прежних руководителей — членов Политбюро вашей партии. Например, Яковлева, Черняева... он долгое время работал в советском посольстве в Западной Германии. Он был сильно ориентирован на Запад. Его всюду знали, он был коллегой... и жил здесь в Гамбурге. Он занимался иностранными связями, был советником Горбачева по внешнеполитическим вопросам. Вы его знаете... Я встречался с ним незадолго до нашего краха. Он был в международном отделе ЦК. Занимался социал-демократией, социалистическими партиями в западных странах. Очень знающий и опытный.

Теперь он написал огромную книгу!

Потом Качемасов — был последним послом СССР в ГДР! Из комсомола. И у него были большие связи с Западной Германией, и одно время он был послом в ФРГ. Читал я и Горбачева, но теперь не читаю...

А.З.: Только что вышла новая книга Горбачева на немецком языке.

Э.Х.: Новая? Да, да... Нет, я не читаю, я не читаю! Все эти книги, должен я сказать, меня сильно разочаровали!.. Очень сильно! Да, действительно, я получил много всякой информации о тех временах. О чем я не знал раньше! Но я был разочарован их установкой на должность! Их теперешнее отношение к их прежней работе. Например, Яковлев или Черняев. Я читаю: «Вот, я работал, например, в таком-то институте или учреждении, а потом я работал в ЦК, и вдруг я стал заведующим такого-то отдела Центрального Комитета!»

А.З.: Да!

Э.Х.: *«Вдруг, внезапно я стал! Я не знаю, каким образом! Я не знаю, почему? Я не хотел! И вдруг я стал членом так называемой советской элиты! Внезапно!»* Буквально так!

Конечно, я прочел многое из того, что написали и А.Н.Яковлев, и М.С.Горбачев о самих себе. Яковлев писал: «Мы начали перестройку, но мы не понимали, что это значит! Мы знали точно, что нужно было разрушить, но что нужно было создать, мы не знали»!

Это буквально! Это не мое личное впечатление! Я это читал! Особенно в сфере экономики. Яковлев пишет: «Мы знаем, насколько важно, чтобы все люди могли питаться, и имели бы жилище, чтобы жить! Но как этого добиться — этого мы не знали!»

Катастрофа!

Затем мы читаем... Я должен сказать, что я читаю по большей части американскую литературу. Например, — я забыл фамилию — один советник по внешней политике, который работал в администрации американского президента при Буше (старшем). Был очень близок к нему. У него есть соавтор, с которым они написали книгу о последнем годе пребывания Буша на посту Президента США. В книге они использовали протоколы встреч Буша с Горбачевым, состоявшихся на Мальте. Это было в конце 1989 или весной 1990 г.

И несколько других встреч, где Буш и Горбачев обсуждали будущее Германии. И я прочел у этих авторов, что Горбачев продал нашу республику!

А.З.: Продал?

Э.Х.: Продал! Да, в информации есть расхождения. Одни пишут, что за 15 млн долларов, другие — за 30 млн, третьи — за 18 млн. Но вообще, может быть и за 15 млн. В особенности...

А.З.: Пятнадцать?

Э.Х.: Пятнадцать, пятнадцать!!! Это не дорого, это не дорогая цена... за целую страну! Это немного!

И была еще специальная наценка за то, чтобы НАТО продвинулось до Одера, то есть до польской границы! Вот в чем дело!

Горбачев долгое время не соглашался на то, чтобы НАТО распространилось до границ Польши, но эти деньги!.. Это достаточно

широко известно! Это зафиксировано в протоколе, и западные журналисты об этом уже писали. Телчик (Teltschik) — близкий сотрудник Коля — вел собственные заметки для себя, и он сообщает то же самое, те же факты. Телчик разработал способ включения Германской Демократической Республики в ФРГ! Вот так!

Так что второе мое впечатление — *разочарование*. Глубокое разочарование! Я был очень сильно разочарован! Это мое личное чувство, и очень глубокое!

И третье чувство! Я лично очень опечален таким развитием (*смеется с горечью*) ситуации в Вашей стране в этом десятилетии. Я даже не уверен в том, что это можно назвать развитием... Я был очень, очень опечален, потому что, знаете, мое поколение политической элиты ГДР, да и ФРГ — у нас были очень сходные чувства по отношению к Вашей стране. Очень сходные! И это отношение не было инструментальным, не было средством для каких-то иных целей! Конечно, это было средством самого существования! ГДР не могла существовать без поддержки Советского Союза!

Но наши чувства — они означали гораздо большее! Они были... Мы были партнерами! У нас была масса друзей в Советском Союзе, и мы бывали там очень часто! Мы любили Ваши города, обычаи Вашей страны, людей, архитектуру и все это, что не связаано непосредственно с политикой, а соединено с нормальной жизнью, с повседневностью, с ситуацией в метро. Мы любили смотреть с площадки перед зданием МГУ на Москву. Я часто там останавливался и смотрел на Москва-реку, на башни, на Кремль! И так далее.

Мы читали... Мы читали массу книг советских авторов. И не только авторов старшего поколения, не только Фадеева, Шолохова или Федина, но и тех, кто принадлежал к молодому поколению — Айтматова и других. В этом было что-то великое! Я хотел бы сказать, что это была не только большая надежда, но что это было наше... это был наш сосед, более, чем сосед! А теперь? Наступила иная жизнь, и это не продолжение того, что было! Это, я думаю, это какое-то смешение... путаница!

Например, была первая годовщина объединения Германии, которое произошло 3 октября 1990 г.! Вы знаете, что 3 октября ГДР официально была включена в состав Федеративной Республики! И, естественно, каждый год это событие отмечается. Вы знаете!

И вот первая годовщина! Это значит, в 1991 г. По нашему телевидению передавали интервью с Горбачевым. Он давал интервью, и он не сказал ни одного слова о том, что страна, в которой работали его друзья, более не существует! Ни единого слова! Он говорил обо всем, я не знаю, о чем он только не говорил! Но это было как будто с другой планеты! Ни единого слова!

Ну, Ельцин, нам рассказывали, как он вел себя в США в последние годы Горбачева, мы его представляли себе... Я имею в виду, что Ельцин — это была катастрофа, катастрофа для страны,

потому что... потому что... Я бы хотел заметить одну вещь. Я сказал, что это для меня — *печаль!*

Конечно, у нас много информации о низком жизненном уровне, и об экономических *трудностях* (по-русски), трудностях в вашей стране. И у нас есть информация о положении в армии. Известно отношение Ельцина к Западу, к Соединенным Штатам, и мы должны были научиться тому, как наше новое правительство, представители нашего правительства, и журналисты — как они говорят о России или о Советском Союзе!

Они ничего не знают о жизни людей в Советском Союзе, хотя они профессионально заняты сбором информации. Они тратят массу времени на путешествия по России, иногда делают очень хорошие репортажи о Байкале, о Петербурге, о Москве, о Кремле, о золоте, которое они видели в Петергофе и т.д.

Но у меня такое чувство, что у них нет, *...у них нет ощущения росссийкой жизни!..*

Некоторые, конечно, их очень немного, они пытаются пойти вглубь Вашей страны, они пытаются проникнуть в по-настоящему противоречивую жизнь при Советской власти. Они пытаются. Но это относится к очень немногим журналистам и политикам.

А большая часть рассуждает таким образом: «Ох, эти русские, мы должны быть осторожны! Они опасны! Мы так и не знаем, можно ли им доверять или нет, но лучше — не доверять! Мы должны вести с ними дела и зарабатывать, вести торговлю, конечно, но все же мы должны быть очень осторожны, так как Германия может быть ввергнута в катастрофу благодаря им! Это тем более опасно, что мы, а не США, являемся первыми партнерами России.

Взять эти нефтепроводы! Газ, нефть из бывших республик СССР, из Казахстана, из района Аральского моря и т.д. Все эти американцы хотят получить этот газ, и хотят укрепить свои позиции с помощью НАТО, чтобы выгоднее грабить эти территории, так что нам тоже надо заботиться о выгодных условиях в развитии торговли с Россией! Но каковы должны быть условия? Какие должны быть отношения?»

Это — не мои слова, я хочу подчеркнуть, что это не мои слова!

А.З.: Вы считатете, что общественное мнение консолидировано в этом именно духе?

Э.Х.: Да, так оно и есть!

А.З.: А каковы же крайние позиции?

Э.Х.: По моему мнению?

А.З.: Нет, по мнению немцев!

Э.Х.: О! Я не могу ответить! Я могу только... но мой ответ не будет репрезентативным. Я могу сказать о моих соседях или друзьях... Эта печаль!.. Я хотел бы сказать, что очень много таких, как я, у которых было такое же отношение, а теперь — это сочувствие и печаль! Но те, кто не испытывали прежних чувств, у них, конечно, нет этой печали. *Случайно* я и моя жена познакомились с

одной западной парой. Они жили в Западной Германии, точнее в Западном Берлине. Мы подружились, и я могу рассказать об их отношении к России. Это просто любопытсво (Neugierde)! Они хотят кое-что узнать о России, побывать там, получить личные впечатления.

Я так скажу: они хотели бы поехать в Москву, посмотреть на нее, пожить с людьми. Потому что это для них — это tabula rasa! То, что я Вам сказал, — это мое впечатление, мое отношение, которое у меня сложилось потому, что я был связан с Вами. У них таких связей нет, для них — это чужая страна! И они хотят знать об этой стране.

А.З.: А как сейчас воспринимается война с фашизмом, война между Россией и Германией? Сохраняется ли память о войне?

Э.Х.: Память о Второй мировой войне?

А.З.: Да!

Э.Х.: Понимаю. Это хороший вопрос! Трудно на него ответить, очень трудно! Я скажу только о себе, это не репрезентативный ответ.

Прежде всего, должен сказать, что в современном языке понятие фашизм почти не употребляется. В лучшем случае говорят о Третьем рейхе!

Я хочу обратить внимание на позицию Ю.Хабермаса, потому что он еще в 90-е годы...

(Далее следует разрыв в магнитофонной записи. Оказалась пропущенной важная часть интервью, в которой раскрывался подход респондента к оценке войны и различия в понимании ее характера в Западной и Восточной Германии.)

Э.Х.: Кто такой Путин? Как с ним себя вести? И какие будут отношения между Россией и Германией? Это большой вопрос. И Вы знаете, каково отношение к войне в Чечне и на Кавказе. Официальное мнение и то, что дается в средствах массовой информации, по телевидению и т.д. ...И у нас складывается не то чтобы симпатия к чеченцам, но негативное отношение к России и Путину. Они все время повторяют требование — остановить войну, что Путин должен оттуда уйти и т.д. Это общее мнение! На каждой встрече Европейского сообщества принимаются резолюции и т.д. По поводу Иванова, по поводу Путина и России. На мой взгляд, это лицемерие!

И если Вы задаете мне вопрос по поводу русского национализма, я не знаю, можно ли оценить политику Путина с этой точки зрения? Считать его националистом? Я не могу, не могу! Я не знаю, я не знаю! Но я считаю, что ситуация на Кавказе в значительной степени осложняется амбициями США, Германии и других стран, которые хотят добраться до нефти и дестабилизировать Россию! Если позиция Путина против них, то он мой друг! (*Смеется.*) Это видно из предыдущих акций: смысл войны в Косово в том, чтобы дестабилизировать российскую ситуацию!

А.З.: Теперь я бы хотел спросить Вас о России и Европе. Является ли Россия частью Европы?

Э.Х.: А! Это старый вопрос! Я не занимался теоретической деятельностью последние годы. Как известно, вплоть до Урала — Россия — часть Европы.

А.З.: В географическм смысле...

Э.Х.: Географически, но когда это обсуждается в научной среде, то я должен сказать — в смысле культуры. *В культурном отношении Россия — часть Европы!* Конечно, это специфическая часть Европы — Восточная Европа отличается от Западной. Кстати, этим вопросом мне пришлось заниматься в связи с тем, что я был членом общества, которое развивало диалог между марксизмом и христианством!

Дело в том, что в самом конце существования ГДР у нас в Академии проводились интересные дискуссии между партией и церковью. Я имею в виду нашу евангелическую церковь. И я пришел к выводу, что история христианства не должна оставлять в стороне, отбрасывать историю православия. Православие тоже принадлежит Европе. Если греки принадлежат Европе, то и русские принадлежат Европе. Это совершенно ясно! Понятны поэтому и все эти связи между Западной Европой и царской Россией. Я прочел недавно книгу о политике Августа Сильного — саксонского короля в средние века. Он оказал большое влияние на историю Саксонии. Он был долгое время королем Польши — Саксонии и Польши.

У него были связи с Петербургом, многие связи. Иногда с мирными намерениями, иногда с военными! Разные были отношения, но они существовали. Так что нет сомнений, что Россия — часть Европы, что она принадлежит Европе!

А.З.: А Россия и СССР? Это та же самая страна?

Э.Х.: Конечно, нет! Я уже на это ответил! Но я не могу оценить ситуацию в так называемых азиатских республиках на юге. Не могу оценить... Даже в Советском Союзе была дискуссия — их вхождение в СССР было ли полезным, прогрессивным для этих республик? Я не могу сказать. Я там не жил, хотя и был в Узбекистане, но у меня нет объективной информации для того, чтобы составить собственное мнение. Я не могу оценить и ситуацию в Латвии или Эстонии. Но меня есть друг — выходец из Балтии, из Латвии. Он там родился. Сейчас он член немецко-балтийского общества. Он написал книгу о ситуации в Латвии. Он ее часто посещает, и он мне недавно сказал, — примерно месяц тому назад — что в Латвии сейчас растут симпатии к коммунистам. Сейчас у них больше поддержки, чем в 1989—1990 гг. Несмотря на все прошлое! Он это не оценивал и не говорил, что это симпатии к Советскому Союзу. Этого он не мог сказать, но мне это было очень интересно, так как коммунисты, как я считаю, идентифицируются с Советским Союзом. Даже коммунисты в Латвии!

А.З.: Мы опустили один важный вопрос. О значении понятия «нация». Что значит нация для немцев? Немецкая нация?

Э.Х.: Да... Я могу сказать только о себе... Да, *нация — это определенная ценность!* Это ценность!

А.З.: Ценность?

Э.Х.: Ценность! Да, да! Я не отношусь к нигилистам! Я не могу сказать, что нация не имеет для меня смысла. Я имею в виду, что обсуждение вопроса о нации имеет смысл. Для меня самого нация есть прежде всего культурный и исторический феномен. Я имею в виду, что экономическая основа нации, ее фундамент — это процесс. Существует немало процессов, подрывающих экономическое существование нации. Как и политическое... Я имею в виду, что для более или менее длительного периода политическое существование наций необходимо! Я не вижу никаких шансов для существования мирового государства.

А.З.: А европейского?

Э.Х.: Это сложнее, хотя, я тоже не думаю, что эта перспектива имеет большие шансы, и прежде всего благодаря языку. Это трудно сравнивать с США, или даже с Советским Союзом. Слишком большие различия в языке. Поэтому я не вижу шансов. Я бы лично хотел, чтобы английский стал бы официальным языком для Европы. Я не против! Но реальных шансов нет! Я не вижу! И хотя огромное число людей говорят на английском, но для признания его в качестве официального европейского языка я не вижу возможностей. Экономическое измерение — другое дело, я думаю, что оно имеет большой смысл, финансовая сторона дела продвигается, но не без трудностей.

А.З.: Но, можеет быть, введение евро и есть начало разговора на едином языке?

Э.Х.: Да, мы должны были начать, но никто не хочет. Например, во Франции огромное сопротивление... изучению английского.

А.З.: Я имею в виду финансовый язык, — введение европейской валюты.

Э.Х.: Да, да, у нас уже такая есть. Наши цены объявляются теперь и в марках, и в евро. Но в этом я не вижу смысла! Это лишь формальность, и евро сейчас находится в очень плохом отношении к доллару. Я думаю, что будет расти сопротивление европейской валюте. Я не знаю никого, кому нравится евро. Но я знаю очень многих, которые говорят: у нас есть немецкая марка — о'кей! А прочая валюта нас не интересует! Другое дело — объединение в культурном или историческом отношении. Я хочу сказать, что понятие нации все же очень важно! Я не хотел бы поменять свою нацию, даже если бы это и было возможным!

Пусть будет иначе, пусть я могу жить в любой другой стране, о'кей! Но я немец, я остаюсь немцем, но я и европеец, и т.д. Это означает, что я, конечно, не африканец

А.З.: А что это значит — быть немцем?

Э.Х.: Значит, что мы живем в данной природе, на этой части земли. Во-вторых, точнее, во-первых, жили и живем в немецкой культуре, говорим на немецком языке... Я живу немецкой культурой, хотя и не живу немецкой религией!

А.З.: Большое спасибо, профессор Хаан, за очень интересное интервью!

3.4. Одна или две Германии?

Беседа с Тигго Эйхлером. Тигго Эйхлер — научный сотрудник Университета им. Гумбольда. 1940 г. рождения. С 1960 по 1969 г. студент, а потом аспирант мехмата Ленинградского государственного университета. Занимался проблемами сетевого программирования. Аспирантуру закончил без защиты диссертации. С 1969 г. работал вначале в Университете им. Гумбольта, с 1971 г. — в Министерстве высшего и среднего специального образования ГДР, затем в Академии наук ГДР. В этих учреждениях работал как специалист в области математики. С 1980 по 1984 г. — заведующий сектором в Международном центре научно-технической информации в структуре Совета Экономической Взаимопомощи. На протяжении трудовой биографии занимался широким кругом проблем математического моделирования от экономического моделирования до визуализации климатических моделей. Первая семья образовалась в России—СССР, жена — украинка. Трое детей от этого брака приняли немецкое гражданство в 90-е годы. Беседа проходила 2 июля 2000 г. на русским языке в рабочем кабинете Т.Эйхлера во время обеденного перерыва.

> *ГДР очень все-таки... отмахнулась от некоторой доли этой ответственности. Она... стала больше праздновать День Победы, чем День Освобождения... А на западе нельзя было и говорить про освобождение! Это Вейтцекер первым осмелился сказать, как президент, в 1985 г.! Он впервые как официальный политик говорил о том, что все-таки Германия не просто потерпела поражение, но и была освобождена! За это ему и попало, и многие все еще говорят про поражение, а не про освобождение. И на востоке все-таки — это, по-моему, фундаментальная разница — в среднем лучше понимают, что были освобождены. А официальные политики на востоке склонялись к тому, что они оказались на стороне победителей.*

А.З.: Как Вы оцениваете реформы, которые произошли в России?

Т.Э.: Я мало в них понимаю. Я, во-первых, не понимаю сути, кроме общих фраз, как приватизация и т.д. И, кроме того, не понимаю, насколько меняет это людей, которые этим заняты. Очень

пугает, конечно, мафиозность, воровство и т.п., но я просто не могу судить. Всем, кто вроде бы все понимают на расстоянии, я говорю всегда, что так судить нельзя, не зная конкретики!

А.З.: Ну а Вы что-то чувствуете, находясь в Германии, какое-то ощущение возникает того, что изменились российско-немецкие отношения? Разве это не конкретно?

Т.Э.: Нет, конечно, к лучшему, но насчет доверия взаимного — пока, мне кажется, очень поверхностно!

А.З.: А почему Вы так думаете?..

Т.Э.: Ну потому что есть, и достаточно глубокие, как бы симпатии с очень давних времен! Но, с другой стороны, сохраняется сильная недоверчивость, при этом, я думаю, что с немецкой стороны недоверчивость даже больше, чем с русской. И много предвзятых мнений, предрассудков, и т.д.

А.З.: Это очень важный момент: эмпирические данные, которые есть в нашем институте, показывают, что почему-то русские доверяют немцам больше, чем немцы русским!

Т.Э.: Конечно!

А.З.: А чем это можно объяснить, по Вашему?

Т.Э.: Опыт такой. Все-таки опыт!

А.З.: То есть?

Т.Э.: Немец — так, как он представлен в литературе, и всем это как бы известно, — на него можно положиться! Он и пунктуален, и сделает, что обещает, если он сможет! Он, конечно, не все сможет, но все-таки! В рамках обычных рассуждений — он исполнителен и пунктуален.

А русский — не так! Он, конечно, может и поработать совсем по-другому, но на самом деле он обычно не любит работать. Это такая общая установка, это, как говорят, стереотип немецкого взгляда на русских!

А.З.: А те мнения, которые существуют о России, о русских в Германии, они более-менее консолидированы или они дифференцированы?

Т.Э.: Они очень смльно различаются!

А.З.: Вот не могли бы вы охарактеризовать разные полюса этих позиций или мнений?

Т.Э.: Нет.

А.З.: Почему?

Т.Э.: Эти мнения нельзя упорядочить по полюсам. Здесь нет линейного какого-то отрезка, это многогранное...

А.З.: Хорошо! А можете охарактеризовать некоторые грани?

Т.Э.: У некоторых сохранилась ненависть еще с прошлых времен! Есть люди, у которых ненависть сохраняется, сохраняется и страх перед непонятным и перед ...большевизмом! Хотя такие чувства и не высказывают открыто, понимая, что вроде бы это некорректно и нельзя! Но...

А есть, конечно, и настоящие друзья России, не только на должном уровне понимания, но и чисто эмоционально. Например, из рабочего движения.

Но эти люди чувствуют себя побежденными, они уже потеряли веру в то, что в бывшем Союзе, в России сохранится то, во что они верили. Они испытывают большое разочарование! Вплоть до того, что «нас предали!». Ведь некоторые считают Горбачева предателем! Не понимая тогдашней ситуации...

А.З.: Мне кажется, что те вещи, о которых Вы говорите, в большей мере характерны для Восточной Германии. Или же они типичны для Германии в целом?

Т.Э.: В начале 90-х годов мне казалось, что глубина левых идей на западе больше, чем на востоке. Потому что общий крах идеологии и строя на востоке в Германии обнаружил, что мировоззренческий фундамент был очень слаб и поверхностен. Это касается прежде всего массы населения. А нормальные левые или левонастроенные взгляды у людей на западе, среди, так сказать, вновь приобретенных родственников, были более стабильными!

Конечно, есть там и люди, которые до сих пор плачут по Гитлеру...

А.З.: Есть люди, которые плачут по Гитлеру, — где? В обеих частях Германии, или только на западе?

Т.Э.: В Восточной Германии людей с такими взглядами я не встречал! Дело в том, что в ГДР все знали, что такие симпатии выражать нельзя! Поэтому никто не знает, насколько такие взгляды сохранились. Но в Западной Германии я сам встречал таких, которые открыто говорили, примерно, в таком духе: конечно, Гитлер сделал много ненужного, и вообще, плохого, а в целом для нас — и для Германии, и для народа — столько хорошего!

А.З.: Для кого же характерен такой взгляд?

Т.Э.: Это встречается только у какой-то части старшего поколения. Для тех, кто помнит это «хорошее»! А среди людей среднего или молодого возраста я таких не встречал!

Но, конечно, есть правые дураки, которые... ради красного словца там... Но среди тех, кому за 70, есть люди убежденные в том, что при Гитлере было хорошо и правильно!

А.З.: А как Вы относитесь к дискуссии относительно Европы и России? Является ли Россия частью Европы?

Т.Э.: В принципе, никто всерьез об этом не спорит!

А.З.: Почему не спорит? Спорят, по-моему. Я не знаю, насколько интенсивно, но...

Т.Э.: Нет, всерьез не спорят. Всерьез — знают, что... это Тургенев или Достоевский. Эта культура... несмотря на все азиатское, все-таки является европейской! Об этом, по-моему, спора нет! А сможет ли Европа ужиться с русским медведем, это большой вопрос!

А.З.: Это интересный поворот... А Россия и СССР это одна и та же страна или нет?

Т.Э.: Вы сейчас меня лично спрашиваете, или я должен как бы передать мое понимание того, что говорят?

Для меня это, конечно, разные страны. И хотя я в свое время даже на официальных выступлениях по разным поводам, например, в связи с 60-летием Союза ССР, или в 1982 г. — просто в нашем коллективе, в Центре научно-технической информации в Москве, — говорил о том, что вся проблема в России! Что, мол, только ей еще можно верить, и что вся надежда на нее. Потому что уже тогда ясно было, что Союз находился в застое, хотя слова такого еще не было!

И для меня было еще с 60-х годов непонятно, почему нет собственно российских... учреждений, институтов! Что, мол, это Политбюро левой рукой там управляет Россией, — да? Это я еще как питерец привык так рассуждать. И ясно было, что весь Союз — в каком-то смысле, а особенно окраины, республики жили за счет России, скажем, на ее плечах. Да?

А.З.: Такая точка зрения была!

Т.Э.: Да, была! Конечно, это не стопроцентная правда, но это многое объясняет Мне кажется, что во многом недостаточное политическое внимание к весу России в старом Союзе стало корнем распада!

А.З.: Интересно... Я хотел бы обратить внимание на то, что в германо-российских отношениях определенное место все-таки занимает война. Прежде всего, память о войне. Для нынешнего поколения это остается проблемой? Или же это только проблема старших поколений — тех, которым сейчас за 70 лет, а уже более молодые не воспринимают эту проблему?

Т.Э.: Как бы все отмалчиваются! Но я думаю, что и молодежь открывает эту проблему для себя. Об этом говорит, например, история с выставкой, посвященной действиям Вермахта во время войны на Восточном фронте, и реакция на эту выставку! Во всяком случае, она несколько уравновешивает тот отрицательный образ немцев, который сложился в целом.

А.З.: Проблема войны, конечно, очень многогранна. И есть дискуссия относительно того, в чем состоит вина немецкой нации? Как эта вина интерпретировалась на Западе и на Востоке? Есть ли какие-либо опубликованные списки военных преступников?

Т.Э.: Одно из различий в интерпретации ответственности за войну состоит, как мне кажется, в том, что в ГДР не признавалась «коллективная вина», «коллективная ответственность» за преступления нацизма. А в ФРГ с конца 60-х годов начала разрабатываться тема коллективной ответственности за эти преступления.

Об этом многое сказано, но некоторые вопросы почти не затрагивались. Например, вопросы стерилизации определенных групп нежелательного населения. Эта медицинская практика применялась не только к евреям. Так, в Германии после Первой мировой войны были сотни потомков сенегальских войск — фран-

цузских, но черных, кажется, с Берега Слоновой Кости. Их не считали за людей и называли «Rheinbastard».

Но на Ваш вопрос насчет ответственности, о наличии списка каких-то лиц, я просто не могу ответить. Все знали о преступлениях, но никто не был ответственным! Это часто так бывает — один лишь фюрер или Эйхман! То есть, там, где что-то точно доказано!

Но по большей части все до конца утверждают, что только бюрократия занималась этим, которая никаких собственных решений не принимала. Есть такая тема, затрагивавшаяся в «Деле врачей»[10]. Как раз — это тема стерилизация душевнобольных. Кстати, эти африканцы тоже были почти все стерилизованы!

Но центральной ответственности, как... — ну, в нашем опыте (имеется в виду опыт ГДР. — *А.З.*), когда все на Политбюро можно было свалить, — этого здесь пока еще не найдено.

Для немцев типична опережающая готовность: исполнители знали, чего от них хотят, и делали даже больше того, чем им приказывали. Это развитое верноподданическое сознание! «Понявшие» начальство, делали то, что им не было приказано, но что, по их умозрению, было на руку или в духе того, чего от них хотели!

Но все же, я исхожу из того, что коллективной вины не существует! Это, по-моему, очень легко понять. Есть индивидуальная вина.

А что должно быть коллективным, так это стыд за то, что предки натворили! И я не знаю, сохраниться ли Германия на этом пути, или она растворится в каком-то там европейском или всемирном глобальном духе? Потому что произошел распад германского, немецкого общества, и он зашел достаточно далеко! Конечно, не так далеко, как в Штатах, где богатых легче призвать к патриотическим чувствам — «за Америку»!

А.З.: А скажите, в чем различалась сама политика преодоления нацизма в Восточной и в Западной Германии?

Т.Э.: В Западной Германии поначалу, после войны не было такой политики. Она началась с опозданием в несколько десятилетий. А на востоке она была.., по известным причинам, половинчатая.

А.З.: Половинчатая?

Т.Э.: Не в таком смысле, что ее не было, или что она была фальшивой, но она останавливалась на полпути, как и во всех бывших социалистических странах. Везде политика денацификации останавливалась перед каким-то табу!

А.З.: И в данном случае, что это было за табу?

Т.Э.: Самое важное из них — проблема жертв сталинизма. Это было такое табу или препятствие, которое не позволяло глубже разобраться в жертвах Гитлера. Если подумать, ведь мало кто знал, что немецкие военные летчики обучались летному делу в России еще в 20-е годы, когда в Германии это было запрещено Версальским договором! Или что какую-то часть немецких эмигрантов Сталин после договора 1939 г. отправил назад в Германию на вер-

ную смерть! И вообще, за эти два года — 1939—1941 — произошло очень много некрасивого!

В те времена об этом можно было говорить с очень близким другом, но в принципе обсуждать эти вопросы публично было невозможно!

К сожалению, есть вопросы взаимоотношений между Россией (СССР) и Германией, по которым до сих пор нет ясности. Многие соглашения оставались неразглашенными, их упоминание подлежало запрету! А поскольку война, — а фашизм неразрывно связан с этой войной, — обосновывалась идеологически, постольку невозможно было перейти те границы понимания этих вопросов, которые были заданы идеологическими системами.

Может быть, отдельные люди понимали эти вопросы более глубоко, но понимания этих проблем в общественном сознании, подлинного понимания в более глубоком смысле, достичь было нельзя! Поэтому у думающих людей или у просто любопытных читателей оставалось очень много вопросов, слишком много!

Поэтому после 90-го года так легко было все вывернуть наизнанку! Не было создано достаточно крепкого фундамента.

Моих знаний явно недостаточно, чтобы это сейчас более конкретно проанализировать. Много неясного остается в связи с репрессиями внутри Коминтерна, и в ВКП(б). Но... в эти сюжеты, наверно, сейчас не стоит углубляться. Ведь мало кто знает, например, что компартия Польши в 1939 г. была распущена официально. А такие вопросы в ГДР нельзя было обсуждать!

А.З.: А в Западной Германии в конце 60-х годов началась кампания...

Т.Э.: Да, после майских событий 1968 г. во Франции. Они стали как бы толчком тому, что потом происходило в ФРГ. Конечно, в ФРГ это пошло глубже, поскольку долго накапливалось чувство неудовлетворенности в новом поколении... Ведь до этого в ФРГ тоже был застой, — это понятие очень широкое, оно касается не только отношения к нацизму! Да и в ГДР тоже — происходило какое-то обновление общества! Это было общезападное явление, возможно как-то связанное даже с Америкой. Ведь там тоже такие подобные явления имели место, например, хиппи и т.п.

А.З.: Я имею в виду более конкретные вещи, связанные с публикацией целого ряда работ, в которых в Западной Германии была поставлена проблема вины — коллективной, индивидуальной и т.д.

Т.Э.: Ну, я этих работ, может, и не знаю, потому что не настолько следил. Но в общем можно вспомнить, например, что издание книги Эренбурга «Люди, годы, жизнь» в ФРГ встречало сопротивление с самых разных сторон. Оно было задержано на несколько лет! Эта книга вышла в Западной Германии несколько раньше, чем в ГДР. Это произошло как раз во второй половине 60-х годов. И если бы не было 1968 г., то Эренбурга вообще бы не опубликовали в то время. И тогда же, примерно, — в начале 70-х,

а может быть, в конце 60-х, был показан американский сериал «Холокост». Может быть, Вы слышали?

А.З.: Да-да, да!

Т.Э.: Тогда в ФРГ были взорваны телевизионные мачты и т.д. Была большая дискуссия, и многие сопротивлялись!

А.З.: Правильно я Вас понял, что этот взрыв был своего рода протестом против демонстрации этого фильма?

Т.Э.: Да!

А.З.: А это было расследовано или не расследовано?

Т.Э.: Наверно, но я не знаю, чем это закончилось. Наверно, нашли кого-нибудь в виде козлов отпущения, но глубже расследовать не решились. То же самое продолжается и по сей день! Как только поступают сообщения про зверства против иностранцев, то почти стало стандартом — сейчас уже меньше, но последние два года — почти стандартом: «нет данных о том, что это было правое подстрекательство», это просто какая-то хулиганская выходка или глупость. Совершенно ясно, что глубже копать просто боятся!

И весь вопрос насчет бундесвера — что не хотят сделать добровольной армию, профессиональной, что не хотят отказаться от всеобщей повинности — тоже от боязни: что же будет с такой армией, если она будет слишком самостоятельной? Конечно, есть другой фактор, связанный с так называемой альтернативной службой, где используется труд тех, кто отказывается от воинской повинности. Это ведь почти половина всех молодых немцев, которые уходят от армии благодаря тому, что они работают в разных социальных медицинских учреждениях. Я не могу точно сказать: половина. Но порядка половины.

А.З.: А нацистские настроения, о которых Вы упоминали, говоря о старшем поколении? Разве они не проникают в молодежную среду?

Т.Э.: А что такое нацистские настроения? Ведь очень сложно провести четкую грань: где это нацистские настроения, а где это просто... великодержавные! Немцы... конечно, всегда остаются немцами! Им всегда говорили, что, мол, это ***немецкое*** достижение или ***немецкое*** качество. И они сами видят, что во многих видах продукции другие, например, французы, не обеспечивают такого же качества, а почему это так — немец этим просто не интересуется! Тем более, тонкости «русской души» их просто не интересуют!

Немцы очень зазнались, еще более ста лет тому назад! От этого у них и возникло это самоощущение своего сверхдостоинства! А власти им всегда об этом твердили! Вот отсюда и происходят все беды... Без этого нельзя представить себе нацизма!

А.З.: Это очень важный и интересный момент. Мне пока еще никто не раскрывал это дело подробно.

Т.Э.: Я говорю только о своих чувствах. Я не настолько политик, чтобы их прятать!

А.З.: Скажите, а сама эта идея как бы превосходства немецкой нации, это ощущение сверхдостоинства, как Вы его назвали, это

выражено в каких-то публикациях? Или она передается через семью?

Т.Э.: Наверное, есть достаточно и публикаций. Я их не могу называть, — наверно, они и не очень серьезные! Но больше всего передается через общественность.., а через семью даже в меньшей степени!

А.З.: Школа?

Т.Э.: Конечно, школа. Ну и средства массовой информации...

А.З.: Но я сам наблюдал, как детей приводят в музей и показывают им выставку о зверствах нацизма, по истории Германии, об истреблении евреев, цыган и т.д. Некоторым детишкам было не более 6 или 7 лет, и им все это пытаются объяснить. Что это? Попытка все-таки воспитать новое поколение немцев?

Т.Э.: Конечно! Но действительность потом оказывается совсем другой. Это в каком-то смысле школа старается, считает своим долгом детей отвезти в разные места. Раньше — и наверно, по сей день — много тратилось денег, чтобы классы из гимназий могли поехать в Аушвиц на экскурсию.

Но, по-моему, здесь наблюдаются те же самые тенденции, как и в ГДР. Многое воспринимается как необходимая формальность — вроде все уже знаем, зачем нас этим все еще мучают?..

А.З.: А вот в Западной Германии, как я заметил, очень широко распространено чувство или идея благотворительности. Так?

Т.Э.: Да, да.

А.З.: А в ГДР?

Т.Э.: В ГДР в такой мере этого не было. Смысл благотворительности в том, чтобы чувствовать себя лучше. Прежде всего, с религиозной точки зрения. Если есть, что пожертвовать, то почему бы и не пожертвовать? Еще лучше себя будешь чувствовать!

А.З.: А вот эти два чувства, они не могут переплетаться: с одной стороны, благотворительность, а с другой стороны — вот это сохранение ненависти к бывшему врагу?

Т.Э.: Не знаю, ведь ненависть, наверно, даже... Ненависть всегда должна быть конкретной. И, по-моему, ее как таковой и нет, разве только у тех, кого я имею в виду — где там память и что-то такое еще держит. А страх, он есть, какой-то неопределенный! А благотворительность, она... ну сколько? Ведь немцы гордятся тем, что больше всех приютили у себя беженцев, и что они больше всех собрали средств и денег и шмоток для бедной России или других там районов.

И... конечно, в ГДР тоже были кампании солидарности с Вьетнамом, с Кубой и т.д., но это никогда не было связано с духом благотворительности у людей — они отдавали от себя. А благотворительность на западе? Все-таки с этим не сравнить! Конечно, хорошо попасть на экран телевизора с тем, что ты там дал тысячу марок во время наводнения! Вы, наверно, знаете, что года два или три тому назад было большое наводнение на Одере. Было много разрушений и бедствий! Тогда и на западе очень много денег собрали, и на вос-

токе, конечно, тоже, но не настолько... во всяком случае, простые люди жертвовали, что могли, что им было по карману!

А.З.: Т.е., все-таки было очень разное восприятие проблемы ответственности за войну в ФРГ и ГДР, да? Можно такое сделать заключение или суждение?

Т.Э.: В какой-то мере верно то, что ГДР все-таки отмахнулась от своей доли этой ответственности! В ГДР стали больше праздновать День Победы, чем День Освобождения! А на западе нельзя было говорить про освобождение! Только Вейтцекер первым осмелился сказать, как президент, в 1985 г., — Вы, наверное, слышали про эту речь, — где он впервые, как официальный политик, говорил о том, что все-таки Германия не просто потерпела поражение, но и была освобождена! За это ему и попало, и многие все еще говорят про поражение, а не про освобождение.

И на востоке все-таки — это, по-моему, фундаментальная разница — в среднем лучше понимают, что были освобождены. А что касается официальных политиков на востоке, то есть, руководства ГДР, то они склонялись к тому, чтобы оказаться на стороне победителей.

А.З.: Теперь я хочу задать Вам следующий вопрос. Эта война, о которой мы говорим, была между двумя тоталитарными режимами, политическими системами, или между фашизмом и коммунизмом, или это была война двух народов друг против друга?

Т.Э.: Не знаю, можно ли ставить так вопрос? Ни то, ни другое! Это была война Гитлера со всем миром! Конечно, по-разному изображают сейчас эту картину. По-моему, Клинтон сам был убежден в том, что этот DDay был решающим моментом победы над фашизмом, что, мол, русских можно по сути дела и не вспоминать!

Ведь в Америке многие даже и не знают, кто с кем воевал! В 1994 г. я следил за кампанией, когда они отметили 50 лет с открытия второго фронта. И как Клинтон и все другие утверждали, что это они войну выиграли!

А.З.: А про Советский Союз как бы забыли? Да, это интересный момент!

Т.Э.: Это вопрос не немецкий, конечно, не германский, а американский. И музыку в таких вопросах заказывают все-таки из Америки. И, по-моему, одним из... я мало что понял в Путине, но мне казалось очень правильным, что он перед немцами-промышленниками тут говорил, что, по его ощущениям, Германия слишком руководствуется чужими интересами!

Это я случайно слышал, и комментаторы, вроде, на это не очень обращали внимание; по-моему, это даже было вне текста. Но мне этот тезис показался очень важным!

Германия еще не вышла к самостоятельности. Она гордится тем, что в Европе им как-то... нет никого под стать, а с Америкой надо бы,.. но лучше — не надо!

Тем более что они не знают, насколько Англия все-таки хочет быть более близким другом Америки, чем Германия. Это тоже

такая тема: раньше были «особые отношения» между Великобританией и Штатами, как во времена Аденауэра и Коля между Францией и Германией.

Теперь уже немножко меняется: уже Клинтон, после того, как пришел к власти, говорил Колю, (и это здесь многие комментировали), что есть «особые отношения» с Германией, — просто зная, что Германия в 90-е годы и дальше будет как бы лидером в Европе, негласным или гласным.

А Германия не знает, что с этой ролью делать!

А.З.: Объединять Европу...

Т.Э.: Да. Надо ли — против Америки, но лучше — не надо...

А.З.: Но почему против? Можно было бы и так сказать: объединять не только на базе «против», а...

Т.Э.: Но на самом деле, между Европой и Америкой идет торговая война, и есть еще немало других тонких вопросов, не говоря уже о ракетах. И вся эта авантюра на Балканах состояла в том, чтобы таскать чужими руками каштаны из огня! И в принципе, Европа в этой акции никакой самостоятельной роли не играла!

А.З.: А в какой форме сейчас существует национальная идея в Германии?

Т.Э.: Все боятся, что если она и дальше будет так укрепляться, то из этого не получиться ничего хорошего!

А.З.: Но объединение Германии было фактором, укрепляющим нацию?

Т.Э.: Было фактором, вот именно!

И как раз это был последний пропущенный шанс чтобы... возбужденные чувства направить в хорошее русло.

Это главная вина именно Коля: он рассуждал, что мы, мол, заплатим все, что надо! И в принципе никаких жертв не нужно!

Тут надо было бы призвать к жертвам все 80-миллионое население Германии, и поставить конкретные цели! Просто надо было открыто говорить о трудностях этой задачи. Никто этого не делал!

И еще: продолжается борьба за то, чтобы на востоке платили бы за работу столько же, сколько и на западе. Говорят, что в среднем зарплата на востоке составляет около 70% от средней зарплаты на западе при равной квалификации и условиях работы!

А.З.: 70%?

Т.Э.: В среднем. Потому что очень многие трудовые отношения оформляются вне всяких профсоюзных и тарифных ставок.

И служащие — ну как бы все бюджетные работники городских служб, полиции, университетов, они получают сейчас 86—86,5%, по-моему. И главным итогом последних переговоров профсоюзов было для востока то, что через два года будет 90%. Значит, еще через 12 лет 90% от того, что люди получают на западе. Если подумать, 1945 и 1957 — это тоже 12 лет! Фактически разрыв был и исторически, и экономически намного больше, но тогда национальное чувство — в смысле чувства взаимной ответственности после проигранной войны — было более явным. А мобилизации таких же чувств в хорошем смысле слова после 90-го года не происходило!

На западе наиболее распространенным является мнение, что на востоке должны сами работать: «Мы не будем за них платить!» Но в принципе мне так кажется, что многим выгодно существование такого разрыва. Потому что — зачем церемониться, не хочешь работать — так и не нужно...

Ведь большие расхождения в оплате труда и в выплате социальных пособий являются сильной стороной США в глазах банковских верхов. Почему бы и Германии не следовать по такому же пути?

А.З.: А в чем еще? Т.е. вот уровень зарплаты, пенсии, то же самое, да...

Т.Э.: То же самое.

А.З.: Медицинское страхование, детские учреждения?

Т.Э.: Конечно! Ну, все это стало намного дороже! Ведь в гедееровское время это было бесплатно фактически. Это совсем другой вопрос!

А.З.: Спасибо за беседу, я понимаю, что наше время уже закончилось, но я надеюсь, что мы еще продолжим наш разговор!

3.5. Немецкая идентичность — прошлое и настоящее

Интервью с профессором Эрхардом Штёльтингом — профессором кафедры общей социологии Потсдамского университета (Германия). Проф. Штёльтинг (1942 г. р.) окончил социологический факультет Свободного университета в Западном Берлине. Диссертацию защитил по проблемам социологии науки.

Интервью проходило в два приема на квартире проф. Штёльтинга, по адресу Циммерманштрассе, 15, в Штеглице (часть Берлина) 19 июня и 10 июля с 10 до 12 часов. Первая беседа шла под магнитофонную запись, которая была расшифрована и передана респонденту. Содержание второй встречи состояло в редактировании текста интервью и ответах на некоторые дополнительные вопросы. Беседа в обоих случаях шла на русском языке. Наша беседа началась с телефонного разговора. Когда я представился, проф. Штёльтинг высказал удовлетворение и сказал, что он меня знает.

Немцы хотят быть европейцами, но только не немцами. Чувство позора, доставшееся от прошлого, объясняет, почему большая часть немцев не любит немецкую культуру, немецкий язык и самих себя...

А.З.: Откуда Вам известно мое имя?

Э.Ш.: Я социолог. Слежу за социологической литературой в России, в том числе за социологической периодикой — прежде всего журналами «Социологические исследования» и «Социологический журнал». Знаю работы В.Ядова, Ю.Левады, Л.Ионина, Ваши работы. Сфера моих интересов достаточно широка. Я зани-

маюсь социологической теорией и тем, как она используется для анализа общественных отношений и изменений.

А.З.: Не могли бы Вы дать общую оценку тех процессов, которые происходят в России последние полтора десятилетия?

Э.Ш.: Кризис российской экономики я отношу к началу 80-х годов. М.Горбачев, придя к власти, попытался исправить положение дел, но это у него не получилось. Вместо подъема экономики произошел распад СССР. Нужно сказать, что пока еще кризис не завершился. Россия ищет средства выхода из него и, по моему мнению, она решит свои проблемы. Мой взгляд на Россию достаточно оптимистичен: страна располагает огромными ресурсами: особенно важен интеллектуальный потенциал страны. В России очень много грамотных людей и я уверен в том, что они найдут верное решение вопросов экономики. *Главная проблема России сегодня — недостаточное развитие правовых институтов и законодательства.* Все предыдущие правители как Советского Союза, так и постсоветской России, не обращали внимания на то, что право и правовые институты должны стать независимыми от текущей политики. Это условие существования нормального и эффективного общества.

События, происходящие в России в последнее десятилетие, дают постоянную пищу социологическому воображению и мышлению. Изменения происходят чрезвычайно быстро. Надо быть постоянно в курсе событий. Я не только слежу за тем, что происходит в России по литературе, но и постоянно — примерно два раза в год — бываю в России.

А.З.: Насколько консолидировано общественное мнение Германии относительно России?

Э.Ш.: Восприятие России определяется длительной историей отношений двух стран. В Германии всегда существовал глубокий интерес к России, ее культуре. Русская литература XIX и XX вв. получала большой отклик в Германии, многие произведения переводились на немецкий. Русскую литературу знали в Германии. Я сам начал заниматься Россией после того, как познакомился с Гоголем и Толстым. Из тех, кто писал и публиковался в советское время, мне нравились больше других Бабель, Ильф и Петров, и особенно Булгаков. Я думаю, что этот путь восприятия России достаточно характерен для немецкой интеллектуальной среды.

Особое внимание в политическом дискурсе относительно России занимает вопрос: является ли Россия частью Европы? Для меня этот вопрос решается однозначно. *Я считаю, что Европы без России не существует.* Дело не только в географии, но и в культурной истории. Немецкий компонент со времен Петра I всегда играл большую роль в истории России. Или, вспомним, например, происхождение Екатерины II и вообще прибалтийских немцев. И наоборот, российская политика играла большую роль в истории многих — почти всех — европейских государств[11].

А.З.: Какое значение для российско-германских отношений в настоящее время имеет тема Второй мировой войны и в особенности войны между Германией и СССР?

Э.Ш.: Я думаю, что последствия войны сейчас все еще остаются очень различными для этих стран. Для Германии теперь первостепенное значение имеет конец коммунизма и воссоединение страны. В этих процессах роль России достаточно велика. Поэтому, например, Горбачев в Германии воспринимается позитивно, в то время как в России он воспринимается скорее негативно.

А.З.: А интерпретация войны сильно отличается в Германии и России?

Э.Ш.: Да, конечно! Для Германии война и в целом нацизм — это позор! Дело не только в том, что в войне Германия потерпела военное поражение. Это не так существенно. Суть вопроса в моральном поражении и моральном кризисе[12]. Очень немногие в Германии считают, что они не несут ответственности за развязывание войны, а чувство позора испытывает большинство. И это большинство предпочло бы отказаться от немецкой идентичности. Поэтому в Германии патриотические чувства не являются распространенными. Для многих немцев похвала состоит в том, если им скажут, что они непохожи на немцев. Это типично.

А в России это совсем иначе! Советский Союз не был инициатором войны. Наоборот, Третий рейх выступил в качестве агрессора. Россия одержала блестящую, хотя и трудную, победу и поэтому отношение русских к войне в общем носит позитивный характер. Это отношение заслуженной гордости.

Вот это главное различие в восприятии войны объясняет, почему в Германии редко можно встретить человека с патриотическими чувствами и почему у немцев есть стремление выйти за рамки немецкой нации — немцы хотят быть европейцами, но только не немцами. Чувство позора, доставшееся от прошлого, объясняет, почему значительная часть немцев не любит немецкую культуру, немецкий язык и самих себя.

А.З.: А существуют ли в Германии в каких-то экстремистских кругах реваншистские чувства по отношению к России, чувства нелюбви или даже ненависти?

Э.Ш.: Да, такие настроения существуют, в том числе, и в интеллигентской среде, но их разделяет незначительное меньшинство. Более существенно то, что в общей массе населения существуют неофашистские группировки. Это наблюдается и в Восточной части Германии[13]. Но эти чувства направлены не столько против России, или против иных групп, сколько против иностранцев вообще. При этом идеология этих движений не играет большой роли. Самое главное — это разжигание чувства ненависти против конкретных групп: против африканцев, против евреев, против поляков, против людей с физическими недостатками и, между прочим, и против россиян. Но они не на первом плане. Я думаю, что

в этом движении преобладают эмоции и у него нет интеллектуальных обоснований. Это неприятное явление, и у него нет будущего.

А.З.: А есть ли связь между этим комплексом и дискурсом по поводу проблемы вины?

Э.Ш.: Не ясно. Во всех политических группировках признана вина Германии за Вторую мировую войну. В то же время существует и реакция на это. Например, неофашистское движение характеризуется тем, что оно призывает гордиться тем, что мы немцы. По этому признаку сразу же определяются именно неофашисты. В других же странах — в России, Америке, во Франции — гордость за свою страну имеет совсем другой смысл. Таким образом, Германия отличается в этом отношении от других стран Европы. Признание вины сохраняет свое значение, и это порождает неофашистские провокации.

Отстранение от Германии и чувство принадлежности к международному сообществу дополняют друг друга. Например, если спросить студентов: «Что значит быть немцем? Что такое Германия?» — ответ будет скорее негативный. Примерно в таком духе: «мы не немцы, а европейцы», «нас это не интересует», «мы самостоятельные личности». Немецкая молодежь хочет быть похожей на французов или англичан, но особенно на американцев.

А.З.: Какую роль в развитии национального чувства сыграло воссоединение Германии? Скорее положительную или отрицательную? Чем объяснить Ваше утверждение, что неофашистское движение имеет большее распространение в Восточной Германии? Верно ли, что в общественном мнении существует деление немцев на «настоящих» немцев их Западной Германии и «немцев второго сорта» — немцев из Восточной Германии?

Э.Ш.: Это касается в большей мере именно восточной части Германии. В ГДР проблема вины не обсуждалась на официальном уровне. Считалось, что Восточная Германия была освобождена от фашизма Советской армией и на этом была как бы поставлена точка. Тем самым утверждалось, что никакой связи с фашистским прошлым в Восточной Германии нет, и что такая связь имела место только в Западной Германии.

В Западной Германии разрыв с фашистским прошлым занял длительное время после 1945 г. Этот процесс закончился только в 60-е годы. Именно тогда произошли изменения в народной культуре, идеологии, в публичной сфере. К этому времени относятся два крупных судебных процесса, оказавших значительное влияние на умонастроения немцев. Это процесс по делу Эйхмана и процесс против палачей Освенцима (1962 г.).

Этот период истории Германии характеризуется также возрастанием роли западных ценностей. Усилилась американизация немецкого образа жизни, что усилило разрыв между ФРГ и ГДР прежде всего в повседневной жизни и в области формирования моральных установок.

Если обратить внимание на повседневную жизнь, на структуру семейных отношений, то нетрудно заметить, что в Восточной Германии наблюдается более сильный крен в сторону традиционализма в разных его вариантах. А поскольку Западная Германия пошла по пути американизации, то складывается впечатление, что Восточная Германия в целом является более «немецкой». В этом есть известная доля правды: если вы посетите провинциальную часть Восточной Германии — в сельской местности или с небольших городах, — то обнаружите, что вы оказались чуть ли не в довоенном прошлом! Во многом это касается прежде всего внутрисемейных отношений, которые в Восточной Германии остаются более прочными и устойчивыми.

А.З.: Мне хотелось бы задать еще один вопрос в связи с тем, что Вы сказали об Освенциме. Не получается ли так, что в общественном сознании Германии в связи с обсуждением проблемы вины и геноцида вопрос о судьбах еврейского народа занимает большее значение, нежели проблема войны, ответственности за ее начало и последствия? Ведь «окончательное решение еврейского вопроса» в фашистской терминологии лишь часть более широких процессов, описанных достаточно детально, например, американским историком и журналистом В.Ширером, работа которого «Подъем и падение Третьего Рейха» почти неизвестна в Германии даже специалистам?

Э.Ш.: Книга В.Ширера была переведена на немецкий в 1962 г. Она стала тогда бестселлером. За эти годы было написано огромное количество книг о фашистском периоде истории Германии, хотя многое остается неизвестным. Главной же темой остается геноцид, вокруг которого концентрируется чувство вины. Развязывание же самой войны и ответственность за ее ход, находится по большей части на периферии немецкого сознания. Интересно, что Германия потеряла значительную часть территории, но это не сохраняется в памяти людей. В других странах такого не наблюдается. Но благодаря этому мы имеем хорошие отношения с Польшей. Сама память войны в какой-то мере исчезла.

А.З.: Можно ли считать, что иммиграционная политики Германии в значительной мере опирается на концепцию вины? Что эта политика отражает идею большей ответственности за геноцид по отношению к еврейскому населению в сравнении с иными преступлениями фашизма? Какова в этой связи специфика законодательства об иммиграции в Германию?

Э.Ш.: После войны население Германии стало гомогенным в этническом отношении. ГДР, как и другие социалистические страны, сформировалась как закрытое общество. Что касается Западной Германии, то ее Конституция гарантировала право на политическое убежище. Эта статья Конституции, действовавшая до 1998 г., была своего рода реакцией на фашизм. После того как была построена стена в Берлине, поток беженцев из Восточной Германии практически прекратился.

Экономическое чудо ФРГ породило большой спрос на рабочую силу, который уже не покрывался за счет беженцев из Восточной Германии. Поэтому были широко открыты двери для рабочей иммиграции из Югославии, Италии и Турции.

70-е годы — это экономический кризис, который положил начало массовой безработице. Иммиграция и иммигранты стали восприниматься отрицательно как на политическом уровне, так и в массовом сознании. Даже право на убежище было устранено de facto. После уничтожения Берлинской стены только советские немцы и евреи могут свободно иммигрировать в Германию. Немцы из России и стран СНГ впускаются в Германию на основе Закона о гражданстве. Что касается еврейской иммиграции из России, то она после распада Союза увеличилась. В начале 90-х годов в Германии было зарегистрировано еврейскими общинами около 30 тысяч евреев, сейчас их число увеличилось вдвое. И более половины членов еврейских общин — это выходцы из России и СНГ.

А.З.: Что это за общины? Каков их статус — общегерманский или локальный?

Э.Ш.: Еврейские общины существуют на локальном уровне, но есть и общегерманская ассоциация еврейских общин в Германии. Особенно строгой является Берлинская община. Право приезда в Германию связано с последствиями холокоста[14]. Нельзя отказать в приезде в Германию еврею, хотя это и связано с определенной напряженностью в отношениях с Израилем.

А.З.: Почему?

Э.Ш.: Потому что Израильское правительство придерживалось такой точки зрения, что все евреи должны ехать в Израиль. Тем более они были против приезда евреев в Германию по понятным причинам.

А.З.: Возвращаясь к вопросу о войне, хотелось бы выяснить вашу точку зрения на природу германо-советской войны. Была ли это война между двумя тоталитарными системами, между коммунизмом и фашизмом или между двумя народами?

Э.Ш.: Думаю, что фашизм и коммунизм — это были два тоталитарные режима, но это — разные системы. Как в случае с болезнью у человека: человек болен, но заболевания разные.

А.З.: В чем же, по Вашему мнению, состояли различия между двумя системами?

Э.Ш.: Первое различие касается характера репрессий. Репрессии были в обеих системах, но их было бы неверно отождествлять: различия — весьма существенны. В Германии были четко обозначены жертвы репрессий. Категории лиц, подлежащих дискриминации, а затем и уничтожению, были известны. Это были евреи, цыгане, политические противники фашизма и некоторые другие «нежелательные» категории населения. Отнесение конкретного человека к этим категориям было жестко формализировано — были разработаны соответствующие бюрократические правила и проце-

дуры. Та часть населения, которая не входила в обозначенные рубрики, жила спокойно.

А жертвы сталинских репрессий никоим образом не кодифицировались, и тем более, не объявлялись заранее. По сути дела любой человек мог стать жертвой репрессий безотносительно к политическим убеждениям.

Таким образом, в Германии люди до войны знали, что они либо могут жить нормально, либо у них нет никаких надежд на спасение от репрессий. Это было источником совершенно разной психологической атмосферы в обществах. У советских людей всегда сохранялась надежда на то, что можно избежать репрессий. В то же время даже те, кто сознательно и активно поддерживали Сталина, часто оказывались жертвами репрессий.

Второе различие касается идеологических доктрин. В обоих случаях доминировала некоторая идеологическая установка. Но в советском обществе это была идеология марксизма-ленинизма, опиравшаяся на серьезную теоретическую традицию и разработанную очень тщательно. В фашистской Германии были некоторые элементы идеологии расизма, антидемократизма, но идеология как система не была разработана с такой же тщательностью. Для тех, кто работал в академических институтах это создавало некоторое впечатление сохранения «свободы мышления». Конечно, речь идет только о тех группах, которые не принадлежали к категориям лиц, подлежащих репрессиям.

Третье различие состояло в том, что марксизм-ленинизм опирался на традиции просветительства, которые благодаря этому играли весьма важную роль в социализации индивида и стимулировали рост образованности в обществе. Фашистская же идеология была антипросветительской, и в принципе иррациональной. Поэтому духовная жизнь в советском обществе была гораздо более интеллектуально насыщенной, хотя она и регулировалась бюрократией.

Что касается экономических различий между системами, то об этом трудно что-либо сказать, поскольку фашистская диктатура просуществовала всего 12 лет. С момента прихода Гитлера к власти экономика была нацелена на подготовку войны. Экономические успехи первого периода фашистской диктатуры — рост благосостояния населения, создание рабочих мест, социальные программы, пенсии и т.д. — обеспечивались постоянно растущим государственным долгом перед банковскими структурами. Эти долги покрывались за счет еврейского имущества, конфискуемого государством, а позже грабежом на оккупированных территориях. Несомненно, что одна из причин войны состояла в том, что фашистское государство должно было оплачивать свои долги.

А.З.: А почему же все-таки Советский Союз вышел победителем в германо-советской войне?

Э.Ш.: Главная причина состояла в ложной постановке самих исходных задач войны. Нельзя победить весь мир и утвердить мировое господство, или «новый порядок».

Во-вторых, США обладали огромными экономическими ресурсами, которые были задействованы на стороне союзников, в особенности после того, как США вступили в войну вначале с Японией, а затем и с Германией.

В-третьих, немецкая армия не могла оккупировать огромные пространства Советского Союза.

В-четвертых, на оккупированной территории немецкие войска проводили ужасные репрессии, которые не могли не вызвать сопротивления со стороны народа. Политика Германии в войне против СССР это политика уничтожения и разрушения. Она опиралась на расистские убеждения и особенно жестоко проводилась на территории Польши и СССР. Это проявлялось в том числе и в положении военнопленных. Французские и английские военнопленные обеспечивались сносными условиями существования, по отношению же к военнопленным Советской армии проводилась карательная политика, в результате которой в первый же год войны было уничтожено более двух миллионов военнопленных.

А.З.: Мне кажется, что Вы отвечаете не на вопрос о причинах победы СССР в войне, а о причинах поражения Германии в мировой войне в целом.

Э.Ш.: Да, это так. Дело в том, что у Германии и России разный взгляд на войну, разная перспектива. Для немцев это прежде всего «мировая война», для русских — Великая Отечественная война.

А.З.: Каковы, по Вашему мнению, перспективы культурного взаимодействия между Германией и Россией?

Э.Ш.: Перспективы неплохие. В Германии постоянно переводится русская литература на немецкий язык. Мне представляется, что даже в большей степени, чем на английский (правда, о социологической литературе этого сказать нельзя).

Что касается лингвистической стороны дела, то здесь положение изменилось. В ГДР существовало обязательное изучение русского языка в школе, теперь это отменено. Но многие не хотели его учить, так как исходили из того, что знание русской культуры не столь важно. Вместе с тем сформировалось меньшинство из той части молодежи, которая получила профессиональное образование в Советском Союзе. У них сложились личные отношения в России. Они говорят и читают по-русски, посещают Россию, поддерживают контакты. Что касается западных районов Германии, то интерес к изучению русского языка здесь даже больше, чем в восточных областях. Это небольшая часть студенчества, но зато они изучают русский язык на добровольной основе и достигают при этом неплохих результатов. Я оптимист в оценке перспектив взаимоотношений между культурами наших стран.

9 Заказ № 1007

А.З.: Проф. Штёльтинг, Вы давно занимаетесь российской проблематикой, и, слеедовательно, проблематикой национальных отношений. В этой связи мне хотелось бы Вас спросить, как Вы оцениваете работы Норберта Элиаса о немцах?

Э.Ш.: Работы Н.Элиаса о Германии и немцах[15] хорошо известны в профессиональной среде. Но я не могу оценить их как достаточно современные. Я думаю, что его интерпретация немецкой истории слишком проста. Он описывает достоверно некоторые частные процессы, но его общая теория не отвечает уровню сложности событий, происходящих в современном мире. Конечно, Н.Элиас весьма эрудированный автор, но его оценки — это оценки человека 20-х годов.

А.З.: Есть ли в немецкой литературе более основательная проработка тех вопросов, которые обсуждает Н.Элиас?

Э.Ш.: Думаю, что нет. Среди тех, кто занимается этой проблематикой, я бы назвал Хельмута Плеснера (1892—1985). Это выдающийся немецкий еврейский философ и социолог, профессор Геттингенского университета. Он первым определил Германию как «запоздавшую» нацию[16]. В Германии долго дискутировался вопрос о специфике немецкого развития. Но я думаю, что и Италия представляет собою пример запоздавшей нации, восточно-европейские страны — тоже «запоздавшее нации». Я думаю, что специфического «германского пути» не существует. Есть общий центрально-европейский путь развития. В определенном смысле Германию также следовало бы рассматривать в ряду восточно-европейских стран.

А.З.: Как сейчас рассматривается распад СССР — как реванш и поражение советского общества? В какой мере самокритика, предпринятая по отношению к советскому обществу и советскому человеку дает основания для того, чтобы рассматривать советский период истории России и фашистский период в истории Германии как нечто одинаковое, совпадающее?

Э.Ш.: Да, я знаю, что российская интеллигенция поспешила сделать такой вывод. Но я все же думаю, что различия между двумя системами существенны. Распад Советского Союза в значительной мере был мотивирован национальными чувствами. Это достаточно очевидно в Прибалтике и даже в Закавказье. Но желание освобождения было очень разным в бывших советских республиках. Белоруссия вряд ли стремилась к независимости, среднеазиатские республики также под вопросом в этом отношении. Главным стимулом распада СССР стала борьба между общесоюзным и российским руководством.

А.З.: Профессор Штёльтинг, время которое Вы выделили для этого интервью давно истекло. Большое Вам спасибо за обстоятельные ответы. Я думаю, что наша беседа найдет какое-то продолжение.

[1] Специфика политической деятельности состоит в тесном переплетении «идеологических обоснований» и «прагматического расчета». Идеология претендует на роль обоснования конечных целей и благодаря этому она выступает в качестве решающего аргумента при обсуждении выбора конкретных действий. Отказ от исследования роли «идеологических шифров» ведет, в конечном итоге, к приравниванию практик политического действия Третьего рейха и СССР. При всем сходстве форм и способов осуществления власти, *различия в таких характеристиках сопоставляемых обществ как перспективное целеполагание общественных систем (декларируемые цели), одобряемая система ценностей, вплетающаяся в образование и иные процессы социализации личности, способы самоидентификации индивидов, соотношение нормального и девиантного поведения — остаются принципиально несовместимыми.*

[2] Респондент допускает неточность. Даже в самый поздний период советского времени Государственная дума в качестве органа законодательной власти не избиралась и не могла избираться. Речь идет о конфронтации между Б.Ельциным на посту Президента РФ и правительством Е.Гайдара, с одной стороны, и высшим законодательным органом страны в тот момент — Верховным Советом РФ, возглавляемым Р.Хасбулатовым. Верховый Совет выступал: а) против мер шоковой терапии, проводимых правительством, б) за конституционное/установление верховенства власти Съезда народных депутатов над властью Президента, в) за самоопределение России в качестве парламентской республики. Активное противостояние двух ветвей власти продолжалась полтора года — с весны 1992 г. по октябрь 1993 года.

См. анализ этой конфронтации, преисполненный драматическими эпизодами, в моей книге «Социология конфликта» (М., 1996. С. 271—283).

[3] Здесь также допускается неточность. Горбачевский проект демократизации был связан в конце 80-х годов с предложением усилить роль Советов в условиях партийного плюрализма. Однако неприятие со стороны Верховного Совета РФ курса шоковой терапии побудило Ельцина объявить всю систему советов главным препятствием реформ (Здравомыслов А. Социология канфликта. С. 280—281).

[4] Не ясно, о каком моратории идет речь: между роспуском Верховного Совета и избранием первого состава Госдумы прошло менее трех месяцев.

[5] В данном случае речь идет действительно о первой Думе, избранной 12 декабря 1993 года.

[6] Респондент воспроизводит позицию И.Ильина и А.Солженицина по вопросу о «русской нации». И тот, и другой включают в ее состав белоруссов и украинцев в качестве восточно-славянских народов.

[7] Оговорка — «левобережная» Украина.

[8] Один из докладов Э.Хаана в Обществе им. Лейбница был посвящен анализу хода переговоров между руководством СЕПГ и руко-

водством социал-демократической партии ФРГ накануне объединения Германии.

[9] Речь идет о Фонде друзей Общества им. Лейбница (Stifftung der Freunde der Leibniz Sozietät).

[10] Речь идет о Деле врачей в ходе Нюрнбергского процесса.

[11] Суждение профессора Штёльтинга по вопросу о взаимовлиянии России и Европы гораздо более взвешенно, чем мнения обычно встречающиеся в западной литературе. Сейчас многие специалисты по русскому вопросу широко используют известные высказывания П.Я.Чаадаева, даже не ставя перед собой задачи уяснения их смысла. Например: «There was practically no talk of Russia influencing the West, since it was assumed even by Slavophiles that Russia had little or nothing to offer the West» D.Rancour-Laferriere. Imagining Russia: Ethnic Identity and the Nationalist Mind» Ch. 15, «The Empty Russian Idea».

[12] Оценка морального кризиса Германии, последовавшего за ее поражением во Второй мировой войне, ставит не мало сложных вопросов, которые формулируются не только в философской, исторической, социологической литературе, но и в практике воспитания и социализации. Должна ли нация в целом нести ответственность за преступления политического режима? Существует ли коллективная (в данном случае, национальная) ответственность немцев за эти преступления? Можно ли «искупить вину»? И если можно, то перед кем и каким образом? На сколько поколений распространяется вина (Schuld) за допущенные злодеяния? Эти вопросы возникают перед каждым немцем, и каждый из них находит свой ответ на эти вопросы. Обсуждение этих проблем по сути дела вносит новые черты в характер немецкой нации. И все же начало морального кризиса, как мне представляется, следовало бы отнести к 30-м годам, когда большая часть немецкой нации поддержала национал-социализм, вместе с его политическим руководством и фанатичными лидерами, открыто провозглашавшими расовую идеологию.

[13] Мнение о большей склонности к «немецкости» среди населения бывшей ГДР достаточно широко распространено в интеллектуальных и политических кругах Германии. Однако события в Дюссельдорфе в конце июля 2000 г. (террористическая акция на национальной почве) ставит под сомнение этот взгляд.

[14] О холокосте см. с. 517—520 настоящего издания.

[15] См.: Norbert Elias. Studien über die Deutschen. Frankfurt (Main), Suhrkamp, 1990.

[16] Plessner H. Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart, Kohlhammer, 1962. Респондент характеризует автора как немецко-еврейского философа и социолога. В нынешней Германии двойная идентификация национальной принадлежности встречается достаточно часто.

Часть 4
РОССИЯНЕ В ГЕРМАНИИ

4.1. О немецкой иммиграционной политике

Беседа с руководителем Департамента по работе с иностранцами Берлинского Сената (Ausländerbeauftragte des Senates von Berlin) Барбарой Йон.

Интервью состоялось 7 июля 2000 г. в офисе Департамента, возглавляемого респондентом, по адресу Потсдамерштрассе 65. Беседа проходила на английском языке

Оффис довольно просторный с большим залом-приемной, стены которого увешаны плакатами, иллюстрирующими этническое многообразие жителей Германии и Берлина. Фрау Йон немного задержадась, так что я имел возможность рассмотреть эти плакаты. В кабинете фрау Йон было жарко, и она предложила провести разговор прямо в приемной, где было несколько прохладнее.

До войны в Берлине жило около 170 тысяч евреев, а сейчас — всего 11 тысяч!

А.З.: Я социолог из Москвы, из Российского независисмого института социальных и национальных проблем*. Последнее время я изучаю, как в нынешних условиях немцы и русские воспринимают друг друга. В Берлине я нахожусь по приглашению Берлинского свободного университета. Мои респонденты сказали мне, что нужно обязательно посетить Ваш департамент. Спасибо Вам, что Вы согласились со мной встретиться.

Пока я Вас ожидал, я имел возможность узнать, что Германия занимает выдающееся место в Европейском Союзе по такому показателю как количество людей, приезжающих сюда навсегда. Более 7 млн человек в течение 10 лет!? И многие из них остались в Берлине?!

Б.Й.: Полмиллиона!

А.З.: И эти пятьсот тысяч человек в каком-то смысле находятся под Вашей защитой?

Б.Й.: Защита — это очень сильно сказано! Я должна уделять внимание не только иностранцам, но и немцам, так как моя задача состоит в том, чтобы помочь интеграции этого населения в Гер-

* В 2001 г. преобразован в Институт комплексных социальных исследований РАН.

мании, чтобы они не жили изолированно. Я навожу мосты взаимопонимания.

А.З.: Понятно! Я нахожусь в Германии вот уже два месяца, и я встретил массу людей из России, я слышу очень часто в Берлине, русскую речь... Мне бы хотелось немного понять вашу концепцию, и познакомиться с фактической стороной дела относительно въезда иностранцев в Германию.

Прежде всего, какова процедура приезда в Германию иностранцев?

Б.Й.: Это зависит от того, какой статус вы имеете в виду получить в Германии. Мы до настоящего времени не являемся страной открытой иммиграции. По этому поводу идет дискуссия, но сейчас допускается иммиграция только для некоторых случаев.

Прежде всего, для воссоединения семьи, если у вас здесь супруг или ребенок, то вам разрешается въезд в страну. Это касается взрослых людей — супругов — не родители, а супруги. Или дети, которым еще не исполнилось 16 лет. Это и есть воссоединение семьи!

Следующее основание — это, когда вы приезжаете в качестве студента. Вы подаете заявление в своей стране. Например, русские студенты могут подавать заявление на въезд в посольстве в Москве, они могут получить разрешение и приехать учиться.

Третье основание — заявление о политическом убежище. Они приезжают сюда каким-либо образом, и подают заявление об убежище (asylum).

Еще одно основание — в некотором смысле вы имеете приглашение приехать, если вы, например, русский еврей. У нас есть специальная иммиграционная программа для русских евреев. Они тоже подают заявление в наших посольствах.

Но здесь существует некоторый контроль, так же, как и в случае с этническими немцами (German Aussiedler) из Казахстана или из других стран. Они так же подают заявление в посольствах и либо получают, либо не получают разрешение. Обычно они получают. Только таким способом и можно въехать в Германию.

Но есть и более редкий случай, когда люди получают разрешение на работу в Германии на срок до пяти лет. И это все!

А.З.: Это все сформулировано в каких-то законах?

Б.Й.: В законе об иностранцах, в законе о беженцах, и в других законах, где формулируются условия работы. Имеются так называемые правила найма на работу для тех, кто ищет временную работу. Они называются «Особые правила для рабочих», где сформулировано, на каких условиях можно приехать на работу в Германию.

А.З.: А в чем смысл этих законов? Ведь все эти группы приезжают на разных основаниях. Воссоединение, это понятно...

Б.Й.: Дело в том, что мы не стремимся к большому числу иностранцев. Но в обозначенных выше случаях, которые все являются исключением, мы не можем сказать «Нет!». Мы говорим, что принимаем вас на определенных условиях — воссоединение семьи, работа, беженцы...

А.З.: И сколько же человек подпадают под эти законы?

Б.Й.: Общее число — примерно 350000 в год... Между 300 и 350 тысячами.

А.З.: А какая часть приходится на Россию?

Б.Й.: Этнические немцы — около 100 000, из Казахстана и беженцы.

А.З.: Но Казахстан — это не Россия!

Б.Й.: Да, это верно... а из России не очень много — примерно 2—3 тысячи в год как беженцы (asylum seekers).

А.З.: А на основании еврейского происхождения?

Б.Й.: По еврейской линии — между 3 и 5 тысячами.

А.З.: Вы проводите интервью со всеми?

Б.Й.: Наш департамент не отвечает за въезд, мы занимаемся только интеграцией. Въездом занимается Министерство иностранных дел и его представительства.

А.З.: А с какими обществами или ассоциациями Вы контактируете по поводу иммигрантов из России?

Б.Й.: Здесь довольно много разных общества. Есть брошюра «Русские в Берлине». Любой человек может туда обратиться.

А.З.: Нужно получить рекомендации от этих организаций?

Б.Й.: Нет, но вы должны соответствовать критериям того, что вы этнический немец, или член семьи...

А.З.: А у Вас возникают трудности, когда Вы контактируете с этими сообществами?

Б.Й.: Это больше зависит от того, с каким сообществом имеешь дело. Больше всего проблем возникает в связи с безработицей. Русским евреям обычно очень трудно найти работу: у них обычно хорошая профессиоанльная подготовка в качестве врачей или архитекторов, но они не знают языка. Образование, которое они получили, сильно отличается от образования здесь. Турки, например, которые приехали в качестве членов семьи, не получают разрешения на работу в течение 4-х лет, так как у них нет квалификации. По-разному бывает! Но работа для них — это главная проблема.

А.З.: А какие особенности Вы наблюдаете у русских с точки зрения интеграции?

Б.Й.: У нас две группы, приезжающих из России. Русские евреи — это сравнительно небольшая группа. Но по этой линии вряд ли будет больше, так как многие из них поселились в Берлине, и теперь они должны будут селиться в других землях. И этнические немцы, но они выходцы их Казахстана... они не из России!

А.З.: Вы сказали, что у русских евреев есть трудности с работой? А с языком и с жильем?

Б.Й.: Прежде всего, язык... Это для старших поколений, 60 лет или больше, им очень трудно выучить немецкий! Жилье — это не проблема, так как жилье они получают, и получают welfare money.

А.З.: А это какая сумма?

Б.Й.: Это сумма — на одного человека. Около 500 марок на человека в месяц.

А.З.: У них здесь есть свои издания и нормальная общественная жизнь, но они не германизируются?

Б.Й.: Нет!

А.З.: А в чем тогда должен состоять процесс интеграции?

Б.Й.: Это не означает германизацию. Это означает, что они должны будут иметь возможность получить немецкое гражданство. Но для этого они должны говорить на немецком. Их дети имеют лучшие шансы на интеграцию, для этого они могут ходить в немецкие спортклубы, в церковь, но это они решают сами!

А.З.: То есть, в этом вопросе проводится некоторая последовательная политика? Она имеет какое-либо отношение к последствиям Второй мировой войны?

Б.Й.: Да, конечно!

А.З.: В каких аспектах?

Б.Й.: Это касается прежде всего проблем иммиграции евреев из России. Дело в том, что в Германии до войны была большая еврейская община до того, как Гитлер их уничтожил... И мы хотим увеличить еврейское сообщество в Германии, не только в Берлине, но и в других землях.

А.З.: Сколько же евреев жило в Берлине?

Б.Й.: Я думаю, что 170 тысяч, а сейчас — 11 тысяч!

А.З.: 11 тысяч — это не так много, особенно если иметь в виду цель восстановить довоенное число...

Б.Й.: Да, восстановить...

А.З.: Это официально провозглашенная задача?

Б.Й.: Я не знаю, можно ли назвать это задачей. Думаю, что так оно и есть. Но приезд продолжается, и очень многие хотят приехать именно в Берлин. Но Берлин занимает такую позицию: «Если у вас есть работа, то, пожалуйста, приезжайте, а если нет работы, то селитесь в другой земле Германии!»

А.З.: А у Вас есть информация о преступности, которая идет от русских?

Б.Й.: Нет, у нас такой информации нет, может быть она есть в полиции...

А.З.: Есть такой образ

Б.Й.: Да, но я не знаю.

А.З.: Когда Вы говорили о двух причинах возвращения в Германию — немцев из Казахстана и евреев, то получается, что в обеих случаях действуют этнические факторы, не так ли?

Б.Й.: Да, так!

А.З.: А не означает ли это воспроизводства этничности?

Б.Й.: Нет, это основание, это соответствует нашей Конституции. В ней говорится, что люди, предки которых были немцами в прошлом, например, при Екатерине Великой, имеют право возвратиться в Германию. Это 116 статья Конституции.

А что Вы сами думаете по поводу Германии как страны с открытой иммиграцией? Был бы такой закон слишком великодушным или бы это было нормально? Должна ли она и дальше дви-

гаться в напрвлениии ассимиляции и германизации или пора остановиться? Что мы должны делать?

АЗ.: На такой вопос очень трудно ответить человеку со стороны. Но мне кажется, что этнические основания селекции тех, кто приезжают в Германию, не является лушим решением вопроса. Кажется, что это не соответсвует декларации, провозглашенной странами Европейского Союза о приоритете прав человека.

Почему, например, белорусы или украинцы не попадают в этот список? Или население других стран, которые постардали от войны, от немецкого режима? Почему поляки не имеют такой привелегии?

Это — проблема! И я не знаю, кто должен ответить на эти вопросы.

Б.Й.: Я тем более! Думаю, что никто не может ответить. Политика же стран Европейского Союза такова, чтобы граждане любых стран могли работать и жить во всех странах Европы, в том числе и в Германии.

А.З.: А Россия тоже будет в ЕС?

Б.Й.: Это было бы хорошо, но немного позже.

А.З.: А Вы считаете, что Россия — часть Европы?

Б.Й.: Да, конечно! В гораздо большей степени, чем Турция!

А.З.: А какой образ России складывается на основе контактов с иммигрантами?

Б.Й.: Я думаю, что есть позитивный образ, и есть — негативный. Негативный образ примерно такой: «Все русские принадлежат мафии!» Это широко распространенный предрассудок. Но другой образ — вполне положительный. Его создают интеллигентные люди из числа иммигрантов. Например, русские евреи! Они легко и быстро приспосабливаются к новым обстоятельствам. А дети их очень мобильны, они очень амбициозны в обучении и образовании. Очень хороший образ, но, конечно, и на них падает тень мафии.

А.З.: Значит, образ мафии гораздо сильнее?

Б.Й.: Для некоторых. И очень часто в средствах массовой коммуникации.

А.З.: А на основе какого опыта складывается этот образ?

Б.Й.: Ну, когда в газетах читают об очередном убийстве русского... Это и создает образ! И это происходит все время!

А.З.: В Берлине?

Б.Й.: Нет, в самой России тоже!

А.З.: Да, это так и есть!

Б.Й.: И здесь тоже это случается.

А.З.: Большое спасибо, фрау Йон за интервью! Если у Вас будет время, то я хотел бы пригласить Вас на свой доклад на тему об образе немцев в России, который состоится в среду в 12.30 на Гариштрассе 55, в Институте Восточной Европы. Я был очень рад с Вами познакомиться!

4.2. Россияне в Берлине

Беседа с профессором Университета им. Гумбольда Ивонной Шютце. Встреча проходила 18 мая 2000 г. по рекомендации Ингрид Освальд на кафедре социологии этого университета. Интервью проводилось на английском языке.

Немцы на самом деле не помнят того, что они сами сделали по отношению к русским! Они забыли об этом!

А.З.: Большое спасибо за предоставленную возможность побеседовать. Я бы хотел перейти прямо к делу и задать Вам мой первый вопрос. Ингрид Освальд мне сообщила, что Вы изучаете русских в Берлине — русское или еврейское сообщество и что Вы сотрудничаете с социологами из Санкт-Петербурга. Скажите, пожалуйста, как Вы пришли к этой теме? И как сложились контакты с российскими социологами?

И.Ш.: Я веду этот проект с коллегой из Израиля. Мы хотели сравнить евреев из России, переезжающих в Израиль и в Германию. Так что я не занимаюсь Россией. Скорее, я изучаю евреев, мигрирующих в две очень разные страны. Прежде всего, меня интересуют евреи, с одной сторны, прибывающие в Израиль, а, с другой стороны — в Германию! Но в то же время я, конечно, расспрашиваю и моих респондентов о том, как они жили в России, так что я кое-что узнала об их жизни там.

А.З.: И какое же общее впечатление у Вас сложилось о России, особенно о последнем десятилетии?

И.Ш.: Я могу сказать только то, что говорили мне мои респонденты.

А.З.: Хорошо!

И.Ш.: Во-первых большая часть моих респондентов говорит, что они приехали сюда потому, что жизнь в России стала очень неопределенной, ни на что нельзя положиться. И это касается не только экономической ситуации. Они говорят о распространении преступности! С другой стороны, они очень высоко ценят русскую культуру, и что они хотят здесь сохранить русский язык.

Кроме того, они говорят, что Россия очень сильно изменилась с 1990 г. И насколько я их понимаю, они считают, что эти изменения не в лучшую сторону. Раньше было лучше, да!

А.З.: Очень интересно!

И.Ш.: Но это не мое мнение!

А.З.: Да, я понимаю!

И.Ш.: Это мнение тех, кто покинул Россию... Когда они ездят в Россию из Германии, они всегда рассказывают, насколько они удивлены. Прежде всего тем, как изменилась жизнь людей, которых они знали раньше! Что у них нет никаких возможностей получить действительно хорошую работу. Они говорят, что единствен-

ная альтернатива — самим стать на путь преступности, связаться с мафией или с чем-то в этом роде! А если ты беден, то нет никаких шансов!

А.З.: А в каком направлении те изменения, которые произошли в России за последние десять лет повлияли на германо-российские отношения?

И.Ш.: Вы имеете в виду отношения на государственном уровне или же отношения между людьми?

А.З.: Пожалуй, и то, и другое!

И.Ш.: Ну, я думаю, что поначалу был большой энтузиазм по поводу падения социалистического режима, но потом... я не знаю, что думают немцы, не могу этого сказать.

Но с моей точки зрения отстранение Горбачева было ошибкой, а этот Ельцин! Это с самого начала была катастрофа! *(Смеется.)* Я правда понимаю, что русские не очень-то уважают Горбачева, что они его не любят!

С тех пор структура власти в России так и не сформировалась. Есть партии, но эти новые партии действуют вовсе не так, как ведут себя партии в демократическом обществе. И я слышала также, что Российская армия оказалась изолированной от общества, что она утратила свое самосознание, и русские больше не являются второй нацией в мире после США.

К тому же чеченская война не способствует упрочению самосознания.

А.З.: А как Вы относитесь к дискуссии о том, является ли Россия частью Европы или нет?

И.Ш.: Ну, я думаю, что это часть Европы, по крайней мере, до Урала (смеется). В этом нет сомнения. Но на самом деле есть другой вопрос: будет ли Россия частью Европейского Союза. Я думаю, что это займет годы и годы!

А.З.: А что Вы думаете о Второй мировой войне. Сама память о войне в свете германо-российских отношений важна или нет?

И.Ш.: Я думаю, что... Я приведу один пример. В самом конце войны первым комендантом Берлина был один русский генерал. Я не помню его имя. И он был — почетным гражданином в Восточном Берлине. Ему присвоили это звание после его смерти. Очень хороший человек, желающий добра и мужественный. После окончания войны в течение трех месяцев до тех пор, пока не пришли американцы и англичане, он был единственным хозяином города, и он очень много сделал для людей. Он сделал так, чтобы у людей была пища, чтобы начали работать школы и т.д. Он очень хорошо все это делал, и даже христианские демократы его очень уважали. Вот так!

А теперь — после объединения случилось так, что западные немцы исключили его из списка почетных граждан города, вот так!

А.З.: Почему?

И.Ш.: Да... А почему? Социал-демократы и зеленые говорят: «Мы восстановим его в списке почетных граждан! Он был на самом деле хороший человек... он умел заботиться о людях!» А

христианские демократы говорят: «Нет! Он был по меньшей мере соратником Сталина!»

Я думаю, что это и есть показатель того, что люди очень мало думают об истории! Ведь если он был соратником Сталина, то удивительно, что он не стал мстить, что он не сказал: «Пусть они все подохнут, эти проклятые немцы!» Наоборот, он вел себя по-человечески, он жалел этих немцев и т.д.

Поэтому я и думаю, что это является одним из символов того, что немцы на самом деле не помнят того, что они сами сделали по отношению к русским! Они забыли об этом!

О евреях — другое дело! Здесь достаточно живых свидетелей. Не проходит дня, чтобы об этом не напоминали газеты или другие средства массовой информации. Но что касается русских, то все это свалено в кучу критики коммунизма и сталинизма, ...и пусть, мол, поскорее забудут о прошлом! Такое у меня ощущение.

А.З.: Очень интересное наблюдение! А Вы имеете какое-то личное отношение к еврейской проблеме?

И.Ш.: Нет, нет! Это просто благодаря моей коллеге из Израиля. Мы хотели работать вместе...

А.З.:: Она историк?

МШ.: Нет, она социолог в Народном Иерусалимском университете. И я тоже социолог.

А.З.: Значит, это Ваша специализация! А Вы не могли бы рассказать мне о русском сообществе в Берлине? Каковы особенности этого сообщества? Это только еврейское сообщество, или в него входят и русские?

И.Ш.: Нет, нет...

А.З.: Совсем нет?

И.Ш.: Только евреи.

А.З.: Только евреи? А как же можно узнать, кто еврей, а кто нет?

И.Ш.: Для начала я пошла в еврейскую общину и попросила дать мне несколько имен. Затем, опросив первых, я просила их назвать мне других...

А.З.: Метод «снежного кома»?

И.Ш.: Да, я строила выборку таким образом.

А.З.: А какова же, по Вашему мнению, разница между теми, кто приехал в Германию, и теми, кто эмигрировал в Израиль?

И.Ш.: Я думаю, что последние волны миграции не показывают большой разницы. Пожалуй, что есть географическая разница. Сюда приезжает больше людей непосредственно из Москвы, Санкт-Петербурга, из Украины, Молдавии, Риги. А в Израиль едут люди из азиатских республик и из Грузии.

Здесь многое зависит от климата. И потом, многие из тех, кого я интервьюировала, говорят, что чувствуют себя европейцами, что они ближе к европейской культуре, и поэтому они не хотели ехать в Израиль. Они называют Израиль страной восточной культуры. Это, конечно, не так, но во всяком случае они так считают. Поэтому они предпочитают Германию.

А.З.: А есть ли сейчас какие-то квоты въезда со стороны ФРГ? Для всякого ли еврея открыты двери?

И.Ш.: Для евреев из бывшего СССР двери открыты. Но введены небольшие изменения. До объединения Германии руководство ГДР некоторым образом приглашало русских евреев приезжать в ГДР, но ГДР никогда не платила каких-либо денег или чего-либо еще евреям. Они (руководство ГДР) всегда считали себя антифашистами, а за рекомпенсацию и прочие вещи должна была нести ответственность ФРГ. В печати много писали о том, мы (в ГДР) ничего хорошего для евреев не сделали. А так как сейчас есть некоторый антисемитизм в России, то пусть русские евреи приезжают сюда! Так что они приезжали, и без всяких сложностей.

А после объединения ФРГ изменила подход, и теперь русские евреи должны заполнять анкету, дожидаться в очереди, пока не придет на них информации — этим занимается одно учреждение в Кёльне. Только после этого они получают разрешение на приезд в Германию. И это ожидание может продолжаться несколько лет!

А.З.: А сколько евреев иммигрировало в Германию?

И.Ш.: Около ста тысяч!

А.З.: В Израиль, мне кажется, больше!

И.Ш.: Да, в Израиль семьсот тысяч!

А.З.: Это за какой же период времени?

И.Ш.: С 1989 года.

А.З.: Как раз за эти десять лет!

И Вы говорите, что эти сто тысяч человек, что у них сложилось отрицательное мнение о России!

И.Ш.: Да, да!

А.З.: Но это мнение как-то дифференцировано, или же оно монолитно?

И.Ш.: Нет. Например, родители моих респондентов (а я интервьюировала только студентов) имеют довольно высокий уровень образования. Но здесь они не могут получить работу, которая бы соответствовала их уровню квалификации. И большая часть их остается безработными. Поэтому зачастую родители моих респондентов занимаются каким-либо бизнесом с Россией. Импорт-экспорт или консультации. Так что они ездят туда и сюда.

У некоторых уже есть немецкий паспорт, у других сохраняется паспорт российский. Семья остается здесь, но их бизнес так или иначе связан с Россией. Я думаю, что они занимаются не тем, что они имели в виду, когда отправлялись в Германию, но дело в том, что здесь рынок труда не очень благоприятен для них. И они не имеют большого успеха, но во всяком случае они не возвращаются назад, а просто ездят из Германии в Россию, и обратно.

А молодежь, которая учится здесь, среди них тоже есть такие, которые ездят туда-сюда, но таких только пять человек в моей выборке, в которую входят 37 человек. Значит, среди молодежи таких меньшинство, но никто не хочет возвращаться назад насовсем. Никто!

А.З.: А у них есть планы стать немецкими гражданами? Как это решается?

И.Ш.: Хотя они хотят получить немецкий паспорт, но большинство стремится уехать в другую страну. Для большей части Германия вовсе не мечта жизни!

А.З.: Она, таким образом, вроде вокзала?

И.Ш.: В каком-то смысле. Но никто не знает, можно ли будет осуществить этот план.

А.З.: А в сознании этих людей сохраняется ли память о холокосте, о немецких, о нацистских преступлениях против евреев?

И.Ш.: Эти молодые люди, конечно! Это уже третье поколение, так как их родители появились на свет уже после войны. Это их дедушки и бабушки жили во времена нацистского режима.

И удивительно то, что они только здесь (в Германии!) узнали о том, что на самом деле происходило — о холокосте!

В России — в школах и везде — им всегда говорили о большой войне, о том, сколько погибло русских во время этой войны — 20 миллионов. Евреи также входят в это число. Но не это было главным! Страдания русских — вот что было важно!

А некоторые из моих респондентов говорили, что когда они слышали в России о холокосте, то они говорили себе, что это сталинская пропаганда! Они в это не верили! И это удивительно, потому что... почти во всех семьях были родственники, которые пострадали от немцев.

Поэтому я думаю, что в русских еврейских семьях эта память не передается новым поколениям. Это не... Может быть, иногда сохраняются традиционные воспоминания в семье, но это не становится публичным! Это остается фактом их частной жизни.

А.З.: А как Вы думаете, это не может быть связано с проблемой ассимиляции? Я бы выдвинул такую гипотезу: холокост был реальностью на самом деле! О нем известно по российской литературе и т.д. Но для некоторой части евреев память об этом означает отождествление себя с евреями.

А оставить это в покое означает — «не быть евреем»! Ведь многие руссские евреи не думают о себе как о евреях. Они называют себя: «Я — русский/русская».

Например, моя коллега-социолог говорит: «О чем ты говоришь? Какой антисемитизм? Я выросла в еврейской семье, и я не сталкивалась никогда с антисемитизмом! У меня прекрасная карьера, я профессор и доктор наук, я издавала и издаю свои книги и т.д.»

Может быть, ...это некоторая крайность.

В отличие от той крайности, которая утверждает, что «холокост был самым важным событием в истории, и мы должны думать об истории XX в. только с точки зрения холокоста!»

И.Ш.: Я думаю, что вторая точка зрения не свойственна русским евреям. Первая позиция или крайность, о которой Вы говорите, относительно того, считают ли они себя евреями, вполне возможна.

Некоторые из тех, кого я опрашивала, они во времена своего детства даже не знали, что они были евреями. Они узнали об этом позже...

А.З.: Интересно! В каком же возрасте?

И.Ш.: Да, был один... Я не помню, это был юноша или девушка Во всяком случае этот человек сказал, что только когда они покидали Россию родители сказали: «Мы — евреи!»

А в других случаях они узнавали об этом в возрасте 10 или 6 лет, что-то в этом роде.

А некоторые знали с самого начала, что они евреи. И они говорили об этом в школе, и их дразнили. Но они всегда говорили об этом в таком духе, что это было несерьезно! Знаете, это были дети... И они не считали нужным это раздувать и говорить, что это был антисемитизм!

По сути дела они хотели таким образом сохранить русскую культуру. Русская культура — это то, с чем они хотели себя идентифицировать!

Знаете, есть один израильский журналист, который пишет о русских евреях в Израиле: «У них, видите ли, есть их Достоевский! А в израильской культуре ничего подобного нет, и они об этом никогда не забывают!»

А.З.: Простите, я не понял?

И.Ш.: Он говорит: «Русские евреи в Израиле гордятся тем, что у них есть Достоевский. А у израильтян — нет Достоевского! И они никогда не простят нам того, что у нас нет Достоевского!»

А.З.: (*Смех!*) ...Но один из самых известных писателей в России — Шелом Алейхем! Я его помню со времен моего детства, он издавался еще до войны в детских изданиях.

Но возвратимся к вопросу о войне. По Вашему мнению, эта война была между двумя тоталитарными системами, между фашизмом и коммунизмом, или же это была война между двумя народами — русскими и немцами?

И.Ш.: Гм... Я думаю, что немцы ворвались в Россию как варвары, пытаясь завоевать ее. И, стремясь сломить достоинство этих славянских народов, превратить их в рабов божественной нордической расы, божественной расы, стоящей на вершине мира! Так что я думаю, что ни одно из Ваших определений не подходит...

А.З.: А как же Вы объясняете эту войну?

И.Ш.: Я думаю, что они хотели завоевать весь мир, и они бы не остановились даже после завоевания России... Они пошли бы дальше воевать с США и со всем миром. Они хотели завоевать весь мир!

А.З.: А Вы сами — немка?

И.Ш.: Да, да!

А.З.: Из ГДР или из Западной Германии?

И.Ш.: Из Западной Германии.

А.З.: Из какой части?

И.Ш.: Я родилась в небольшом местечке недалеко от Кёльна, в Рейнской области.

А.З.: А Ваши родители были протестантами или католиками?

И.Ш.: Ни теми, и ни другими!

А.З.: Так же как и Вы?

И.Ш.: Да.

А.З.: Вы принадлежите к поколению 60-х годов?

И.Ш.: Да, 1968 года.

А.З.: 1968! Знаете, меня интересует сама идея нации: как она существует, как она воспроизводится, что она значит для разных людей?

Например, для немцев и русских, сама идея нации... Это две разные нации, но сам термин «нация» — имеет ли этот термин тот же самый смысл?

И.Ш.: Я не знаю, что это означает для русских...

А что касается немцев, то я думаю примерно так: ***«Слава богу, что в сознании людей не много национального». И немцы сейчас не очень-то гордятся тем, что они немцы, как это было при нацизме или даже раньше!***

Я думаю, что очень многие вовсе не гордятся тем, что они принадлежат к этой нации. (*Смех.*) ***В каком-то смысле я не горжусь тем, что я немка...***

А.З.: Но Вы не можете это изменить?

И.Ш.: Да, я никогда не сказала бы, что я не немка, но я не вижу оснований этим гордиться!

А.З.: Да, но, может быть, это не только проблема гордости, а проблема отношения к различным ценностям. Ведь в истории Германии был не только фашизм, но и кое-что другое...

И.Ш.: Это верно, но я имею в виду, что обычно, когда проводят опросы относительно политических мнений и т.д., и хотят узнать отношение к нации, то спрашивают: «Вы гордитесь тем, что Вы немец?» Это то, что я имею в виду сейчас! Этот вопрос относительно гордости мне кажется неудачным вопросом. Можно ответить «Я — немец, я принадлежу к немцам, но я думаю, что здесь нет причины чем-нибудь гордиться!» Принадлежность к нации и гордость этим — вовсе не одно и тоже.

А.З.: Конечно, Вы правы! А много ли людей согласны с этой позицией, с тем, что они не гордятся?

*И.Ш.:*У меня сейчас нет цифр под рукой. Такие люди есть, их, скорее всего, незначительное меньшинство, которые разделяют позицию: «Я не горжусь тем, что я немец!»

А.З.: Думаете, меньшинство?

*И.Ш.:*Я думаю так! Но я не имею в виду данные опросов, я это отношу скорее к молодежи!

А.З.: Да, да! Я помню публикацию в «Шпигеле» 1964 г. Это были результаты любопытного опроса на тему «Когда Вы хотите умереть?» Было включено много разных вопросов о национальности, гордости быть немцем, оценки других и т.д.

А что касается войны, то Ваша позиция не совпадает ни с одним из трех вариантов, и Вы говорите, что задача войны состояла в том, чтобы завоевать весь мир, что, собственнно и было заявлено в официальных речах фашистских лидеров!

И.Ш.: Так!

А.З.: Вы упомянули важную с моей точки зрения вещь, что в Германии не проходит дня, чтобы не было каких-либо напоминаний о холокосте.

Но есть и другие аспекты этой темы — темы войны. Почему так случилось, что Советский Союз победил Германию и внес важный вклад в ее освобождение от фашизма? Почему этой теме не уделяется внимания?

И.Ш.: Я думаю, что это продолжение холодной войны!

Со времени начала холодной войны сложился разрыв между этими двумя блоками, и ФРГ была все время на стороне западного блока! И теперь «у нас был постоянный враг», и это был Коммунизм.

И в контексте борьбы с коммунизмом выбросили идею, что по сути дела пытались завоевать Россию и... Они развязали эту войну! Я думаю, что, потом... Между Сталиным и Гитлером был своего рода договор (contract)! Но в то же время... Это тоже проблема, так как можно видеть, что Сталин в каком-то смысле был готов объединиться с Гитлером. Это не было подлинным антифашизмом... *(Смеется.)*

*А.З.:*А Вы сами изучали этот период? По литературе, по документам? Эту историю... хотя бы с 1938 и 1939 г., со времен Мюнхенского соглашения?

И.Ш.: Нет, я не занималась этим специально. Я знаю об этом на уровне обычного гражданина.

А.З.: Но Вы не «обычный гражданин», Вы — профессор, и Вы...

И.Ш.: Да, но это не мой предмет исследований.

А.З.: Но в каком-то смысле — Ваш, в каком-то смысле... Мне так кажется, хотя я не уверен, когда мы изучаем еврейский вопрос, геноцид, советско-германскую войну, Вторую мировую войну. Это очень интересно!

А можно ли наблюдать какие-либо националистические настроения в Германн среди молодежи, в том числе и среди еврейской молодежи, которую Вы изучаете?

И.Ш.: Что Вы имеете в виду?

А.З.: Я имею в виду националистические настроения.

И.Ш.: Среди немецкой молодежи?

А.З.: Да.

И.Ш.: Да, ясно! Это о скинхедах, которые всем более или менее известны... Но я не думаю, что это политические настроения, это, скорее, выражение общей неудовлетворенности, своего рода провокации. В то же время это — групповое явление. Знаете, быть включенным в группу физически сильных ребят, которые любым могут набить морду! Они избивают не только иностранцев, но и выступают против тех, кто имеет физические недостатки...

Это так на самом деле! Я думаю, что с этими ребятами трудно справиться, но они не представляют политической опасности. Они опасны, но у них нет шансов...

А.З.: Вы сказали, что они «против тех, кто имеет физические недостатки»? Каким образом?

И.Ш.: Они избивают этих людей...

А.З.: Избивают?

И.Ш.: Да, они ведут себя крайне жестоко, и эта жестокость направлена против тех, кто слабее, кто не может им оказать сопротивления. Я думаю, что они это делают для того, чтобы почувствовать себя сильными. Для этого они обращают свою силу против тех, кто слабее их!

А.З.: Но обычно пожилые люди слабее, чем молодые!

И.Ш.: Да. Были такие случаи, когда они избивали бездомных.

А.З.: Боже мой!

И.Ш.: Да, так! В этом тоже есть какая-то расовая или этническая идея, потому что... например, черного можно сразу определить, что он черный. Но это только внешняя сторона, и я думаю, что им безразлично, что такое нация! (*Смеется.*) Так что я думаю, что в этом нет политического содержания!

А.З.: Но если нет политического, то значит, есть культурное содержание! Что Вы думаете?

И.Ш.: Да!

А.З.: Это проблема субкультуры?

И.Ш.: В каком-то смысле, да! Но есть и небольшая группа правых, у которых достаточно высокий уровень образования, которые знают, что им нужно. Я думаю, что они пытаются использовать этих скинхедов в своих интересах и создать организацию. Некоторые из них весьма активны в Интернете. Но во всяком случае, я не вижу опасности, которую несут нынешние правые...

Что касается евреев, то у меня есть публикация на английском языке. Это своего рода сравнение между русскими евреями в России и в Германии. Мы собираемся издать книгу, и когда она выйдет, я смогу Вам ее послать.

А.З.: А Вы не считаете, что еврейское сообщество внутри себя довольно сильно дифференцировано именно по признаку идентичности, самосознанию, чувству принадлежности к еврейской среде? Не наблюдается ли внутри этой группы разделения на настоящих евреев и евреев не вполне настоящих, более важных и менее важных с точки зрения значимости еврейства?

И.Ш.: Конечно, в этих целях я задавала вопрос: «Кем Вы себя чувствуете?»

По большей части отвечали: «Я — русский еврей» или «Я — еврей из России». Но некоторые говорили: «Я еврей», ничего не добавляя.

Но я думаю, что большая часть отвечала: «Я — русский еврей».

А.З.: Этот ответ отличается от ответов немецких евреев?

И.Ш.: В Германии осталось очень мало немецких евреев. Но я не думаю, что те, кто остались, говорят: «Я немецкий еврей». Они говорят: «Я — еврей» и «Я — немец!»

А.З.: А они не могут сказать о себе: «Я — немец», просто «Я — немец»?

И.Ш.: «Я — немец»? Может быть, кто-то и может так сказать, но я не думаю, что это обычный способ самоопределения.

А.З.: Дело в том, что в России — до войны — вопрос о том, кто ты есть, не был большой проблемой. Эта проблема возникла только после войны. когда начали обращать внимание на национальность, на то, кто ты такой с этой точки зрения.

ИШ И когда Сталин организовал автономную республику!

А.З.: Биробиджан!.. /

И.Ш.: Биробиджан! Да, я об этом слышала!

Один молодой человек жил там одно время, и он рассказывал, что уже тогда был антисемитизм в России. Особенно среди казаков.

А.З.: Казаки... Да, конечно!

Но это трудный вопрос. И это — долгая история — о казаках и евреях. О евреях и коммунистах, евреях и рабочем классе и т.д. Есть проблемы траадиционного антисемитизма, который существовал с дореволюционных времен в повседневной жизни. А в политике, а кадровой политике особенно, он возник все же после войны. Но этот антисемитизм был скрытым. Он нигде не провозглашался и не фиксировался в документах. Но он, конечно, был.

И.Ш.: Но в XIX в., особенно в конце, довольно много евреев приехали из России. Это были самые настоящие беженцы, потому что в России было столько еврейских погромов! Примерно 100 лет тому назад. Они ехали в Германию и в США, но часто оставались здесь. По этому вопросу есть масса литературы, и есть даже специальный термин — «восточные евреи».

А.З.: «Восточные евреи»?

И.Ш.: Термин возник в Берлине. Так называли людей, которые приезжали из России, которых там преследовали. Они селились здесь в знаменитом Шонеберге.

Так что я думаю, что какой-то вид антисемитизма в России существовал и до войны, так же, как и в Германии.

А.З.: Когда я говорил «после войны», то я не имел в виду историю России в целом. Я имел в виду только послереволюционный период, период после 1917—1918 гг., когда в 1917 г. была отменена так называемая черта оседлости. И евреи активно включились...

И.Ш.: В политику...

А.З.: В революцию, в Красную Армию... Троцкий был руководителем Красной Армии в Гражданскую войну.

И.Ш.: Да, и он был убит... *(Смеется.)*

А.З.: Да, но это другая история Множество людей было убито уже в других условиях. Но это не значит, что он сам никого не убивал...

И.Ш.: Да.

А.З.: Он убивал... И теперь Гражданская война стала изображаться... И Троцкий в том числе изображается как самый кровожадный человек, вместе с Лениным.

Но Гражданская война была гражданской войной, убивали с обеих сторон. И война, тем более гражданская — это вещь ужасная! Вот Вы вспомнили коменданта Берлина, который был соратником Сталина. Но я не думаю, что комендантом Берлина мог быть в то время человек, которого Сталин бы не знал (Речь идет о коменданте Берлина генерал-полковнике Н.Э.Берзарине, чьи части первыми вступили в Берлин в мае 1945 г.).

И.Ш.: Я не сказала, что он был соратником (a companion), я сказала, что люди, которые не хотят его восстановления в качестве почетного члена города Берлина, так говорят... Это они его так называют, а не я...

А.З.: Но комендант Берлина не мог проводить своей собственной политики по отношению к населению, каким бы хорошим человеком он ни был...

Сталин еще во время войны высказал очень важную мысль. Это была война не против немцев, а против фашизма, против Гитлера. Так что даже во время войны советская точка зрения состояла в том, чтобы проводить различие между Германией и фашизмом. Конечно, тогда не все могли это понять, были писатели, которые писали «Убей немца!» Не так ли? Но как раз Сталин дал более взвешенную установку...

И.Ш.: Это интересно... Дело в том, что мои русские евреи всегда говорят «Нужно отличать нацистов от немцев». Они это всегда повторяют, да, да! Это смешно!

А.З.: Но мы все были воспитаны именно в таком духе. Фашизм и Германия — это не одно и то же!

И.Ш.: Понятно!..

А.З.: Еще раз большое спасибо! Может быть, мы продолжим наше знакомство!

4.3. История одной адаптации

Интервью с Борисом Борисовичем Рохлиным — ленинградским писателем, проживающем в Берлине с 1991 г. Б.Б.Рохлин родился в январе 1942 г., в Башкирии (село Карандель), куда его мать была эвакуирована из блокадного Ленинграда. Отец был на фронте, он погиб на следующий день после рождения сына в ходе контрнаступления Советской армии под Москвой. Интервью состоялось по рекомендации Тигго Эйхлера, проходило 4 июля 2000 г. на квартире у Б.Б.Рохлина в Schöneweide в Берлине. По окончании интервью Тамара — супруга Бориса Борисовича — пригласила к обеду.

Борис Борисович подарил мне во время этой встречи одну из своих книг «Превратные рассказы», изданные издательством журнала «Звезда» в Санкт-Петербурге в 1995 году.

А.З.: Мой первый вопрос, Борис Борисович, вот какого свойства. Вы живете в Германии вот уже более 8 лет. И я хотел бы задать тему нашей беседы. Это проблема адаптации к новой жизни.

Начнем с того, что Вы 8 или 9 лет тому назад приняли решение покинуть Советский Союз, Россию теперешнюю — тогда она уже была, кажется, Россией?

Б.Р.: Нет, тогда это был Советский Союз.

А.З.: Меня, конечно, интересуют, прежде всего, мотивы Вашего решения — что Вас подвигло на это. Потому что некоторые остаются, некоторые уезжают, — ни то, ни другое не является каким-то оценивающим моментом личности, я не могу сказать, что здесь что-то плохое или что-то хорошее, но вот у каждого свои мотивы, и мне интересно знать эти мотивации решения.

Б.Р.: Самый сложный вопрос и самый интересный.

Я бы сказал, что у меня нет мотивации, честно говоря. Я же приехал сюда просто в гости. Мы приехали погостить, нас пригласили приятели-немцы

Это был наш первый выезд в Европу. И у меня такое ощущение, что, может быть, со мной произошло то, что произошло с несколькими молодыми дворянами, которых Борис Годунов впервые в истории Российского, или Русского, царства отправил в Европу поучиться — в Италию он их отправил, — ни один из них не вернулся. *(Смеется.)* Если бы у них спросили мотивацию, я думаю, что они бы затруднились ответить. *(Смеется.)* Вот, боюсь, что у меня так же.

В общем, вот я приехал, что-то увидел, и оказалось, что можно остаться. И я остался, а жена уехала. И никакой определенной, так сказать, идеи, мысли — там положительной или отрицательной — абсолютно не было, да ее и сейчас нет. Пожалуй, единственное, что потом мы как-то осознали, — это то, что поступок мой был правилен. Не только я, но и жена думает, что если бы мы там остались, то мы бы уже были покойниками. Это точно совершенно! Т.е. мы бы просто умерли!

Ни у меня, ни у жены даже тогда уже не было работы! У меня не было потому, что я сам ушел, поскольку я решил стать вольным художником (*смеется*), т.е. переводчиком, в принципе. Появилась же масса контор, ты давал свою фамилию, адрес, телефон; если появлялись работы на тех языках, с которыми ты мог работать, они тебе звонили, — вот таким образом я хотел жить. Но выяснилось, что это... т.е. это, действительно, все так. Но, к сожалению, это оказались такие маленькие деньги (*смеется*) — где-то я нарабатывал 60 рублей, 80, 90...

А.З.: У Вас шведский? Или какой-то еще?

Б.Р.: Шведский и немецкий.

А.З.: И немецкий тоже?

Б.Р.: Да, я переводил на русский язык, этим занимался. Бывали какие-то месяцы, где, может, и 200 рублей я там зарабатывал, но это редко очень было. В общем, вот такая была ситуация. Я думаю, что если бы я вот так совершенно спонтанно не остался, то думаю, что нас просто бы уже не было в живых, потому что вряд ли мы смогли бы там приспособиться к этим новым условиям. Я не успел с ними познакомиться, но, так сказать, слушаю и могу судить — только по тому, что говорят другие, потому что сам я там не бываю! Жена приезжает, и она всегда в ужасе уезжает оттуда, естественно. Наши родственники, к сожалению, там не процветают. Из четверых взрослых только двое работают, есть еще младенец, и — нищенская плата! Т.е., вся надежда только на нас! Хотя я сам сейчас не работаю.

А.З.: А когда Вы приехали, у вас была возможность работать или нет?

Б.Р.: Нет, я остался, и, естественно, никакой возможности работать у меня не было. Естественно, я... оформился на биржу труда, разумеется, — и прошел все эти официальные (ступени).

А.З.: Вот именно, а что это такое? Я, например, никакого представления не имею. Что такое возможность остаться? — это следующий вопрос. И сразу за ним: какие этапы человек проходит, когда он такое решение принимает?

Б.Р.: Ну, видите, здесь же очень много линий, как, видимо, и в любой другой стране. Кстати, и в России, видимо, сейчас приблизительно то же самое. Т.е. есть линия беженцев, есть так называемая еврейская линия, есть линия немецкая — это касается немцев Поволжья и со всего Союза бывшего. И есть еще понятие «политический беженец». Вот это основные линии, по которым человек имеет право остаться.

Естественно, он подает документы, его дело рассматривается.

Оно рассматривается, прежде всего, полицией. А потом социальным ведомством: человек, который сюда приезжает, — я думаю, что практически никто, — не может рассчитывать сразу на какую-то работу, на какой-то источник самостоятельного дохода, если только он не приехал по договоренности, если его не призвали сюда, не попросили, как специалиста, предположим. А так человек приезжает — начинает оформляться.

Две линии оформления. Вначале, так сказать, — полицейская линия: т.е. ты должен получить разрешение на то, чтобы здесь остаться. Ты можешь получить разрешение на полгода, на три месяца, на год, на два или бессрочно. Я получил бессрочно.

А.З.: Сразу же?

Б.Р.: Сразу же, да.

А.З.: И это Вы знали, когда вот принимали это решение?

Б.Р.: Нет, я ничего этого тогда не знал! Я вообще ничего не знал, честно! *(Смеется.)* Я вообще ничего не знал!

А.З.: Ну а как Вы узнали об этой возможности?

Б.Р.: А это мой приятель немец, он сказал: ты знаешь, вот я узнал, что ты можешь, если хочешь, можешь остаться, и вообще, вы можете остаться. Мы поехали тогда вот я не помню, как это называется, но это, в общем, ведомство, которое занимается оформлением иностранцев. Это первое, это еще до полиции даже. Потому что полиция это просто: вот я приехал в гости, — и мой приятель пошел, ну так полагается, я приехал на месяц, и он пошел к себе в жилконтору, назовем это так, и оформил меня там — прописал. На месяц прописал. У меня до сих пор даже эта бумажка есть.

И оказалось, что это очень важно, потому что — прошло несколько лет, и вдруг меня вызывают в полицию, я прихожу, и меня там спрашивают: «Где это Вы жили с такого-то по такое-то?» — целых 23 дня или 30 дней! А я говорю: «А я вот жил у приятеля» (*смеется*), — «А! Все в порядке. Все в порядке».

Значит, тут два основных момента: разрешение, вообще право на то, чтобы ты остался — официально. Но этого мало, ты же должен еще что-то кушать и где-то жить, крыша над головой должна быть. И вот здесь уже, так сказать, работает социальная линия.

Если ты имеешь право, — ну вот, опять же, еврейская линия, немецкая линия, там политзэк, я не знаю, еще кто-то

А.З.: Но Вы не по немецкой линии шли?

Б.Р.: Я шел по еврейской линии.

А.З.: По еврейской.

Б.Р.: Да-да, да!

А.З.: А чем она отличается от других линий?

Б.Р.: Вы знаете, сейчас, может быть, она меньше отличается, а раньше она сильно отличалась, я имею в виду, немецкая линия от еврейской. Еврейская — вот человека принимают, раз правительство решило — принимать евреев, — ну понятно, почему, так сказать: уничтожение еврейской общины немецкой в Германии, и они решили восстановить ее. Эта линия дает тебе право, во-первых, жить в Германии, во-вторых, получать социальную помощь, если ты не работаешь, в-третьих, что очень важно, бессрочное право на работу...

А.З.: Т.е. не до 60-ти лет?

Б.Р.: Нет, я имею в виду, ты можешь получить право работать, скажем, на два года или на пять лет, на не знаю, на сколько! Или — бессрочно! Т.е. до своего пенсионного возраста, до 65-ти лет.

А.З.: А, 65 лет — пенсионный возраст?

Б.Р.: Да, 65 лет! И, пожалуй, еврейская линия больше ничего не дает, кроме этих двух — очень важных — прав, естественно!

А.З.: А жилье временное дается?

Б.Р.: Дается, да, общежитие. Дается общежитие... ты там живешь какое-то время и ищешь квартиру.

А.З.: Бесплатно?

Б.Р.: Абсолютно бесплатно. Абсолютно!

А.З.: А пособие в каких размерах?

Б.Р.: Ну пособие, я думаю, оно сейчас не очень изменилось — где-то было 500 марок, скажем, муж и жена, семейный человек, 500 марок — муж и 400 — жена.

Я знал одного человека, которому сделали наоборот, он пошел и устроил страшный скандал: он заявил, что он должен получать 500, а жена 400, а не наоборот, потому что он главный. *(Смеется.)* Но в принципе это на семью где-то 900 марок. Где-то 900 марок.

Когда ты живешь в общежитии, у тебя все бесплатно, т.е. вода, газ, крыша над головой, постели — ну все, в общем, бесплатно. И поэтому, естественно, тебе не дают никаких больше денег. А когда ты, вот, нашел квартиру, — ты сам должен искать квартиру, сам писать, сам ездить там! Опять же, это те же самые... ну они иначе называются, так сказать, гезельшафты, в общем, так сказать, баумгезельшафты, но... это просто жилконтора. Ну, не то что жилконтора, есть же частные, ну, разные: кооперативные, есть так скажем, полугосударственные, что ли, даже не то что полугосударственные — муниципальное жилье.

И обычно, конечно, человек моего уровня, т.е., самого низкого, какой можно себе представить, он ищет себе муниципальное жилье. Муниципальное — т.к. оно дешевле! Но когда ты уже нашел квартиру и стал жить самостоятельной, что ли, жизнью, а работы у тебя нет, то тебе, опять, «социал»! Социальное ведомство — платит за квартиру. У тебя же нет ни копейки...

Во всяком случае, официально, так сказать, нет. А у нас и официально, и неофициально, у нас ничего не было! Вот мы приехали без копейки денег, без единой! Наш приятель нас пригласил, сказал: не волнуйтесь, я вас кормлю, пою, все так и будет! *(Смеется.)* Но он не может же нас содержать, так сказать, месяц содержал — ну и хватит! *(Смеется.)*

Ну, Вы знаете, здесь правила тоже разные, потому что, скажем, в Баварии более жесткие правила. Они, например, вот... ну мало ли, человек мог приехать ведь и с деньгами, правда? Мог приехать на машине. Своя машина, так сказать, все в порядке! Значит, они тогда не дают ему социальной помощи: у тебя есть машина — продай и живи. Вот когда ты ее прокушаешь, вот тогда мы тебе будем помогать. *(Смеется.)*

А.З.: Это интересно.

Б.Р.: По-разному, да, по-разному. Потом, вот об этой социальной помощи, тут такая довольно жесткая вещь есть: ты в общем как бы должен отрабатывать это дело, потому что тебе помогают, но это, знаешь, не подарок! Ты должен две недели в месяц отрабатывать — так называемые социальные работы. Социальная работа: это ты работаешь две недели, — ну за исключением, естественно, субботы, воскресенья, — по четыре часа в день, это куда тебя пошлют. Бывают, что люди находят там, что это неудобно — там справку приносят, что они там-то, там-то работают. Но обычно это — куда пошлют! Обычно посылают — нас гоняли, например, в

дома для престарелых. Ну, работенка еще та, в общем-то! Ну — что делать!.. Тебе помогают! Я считаю, что это справедливо...

А.З.: Т.е., это работа санитарная?

Б.Р.: Ну там разная работа, все что угодно, что тебе скажут, то и будешь делать. Главное, что в этой работе, что от нее нельзя отбрыкаться. Но она тоже не бесплатна! Платили три марки в час. Ну, это просто символические, конечно, деньги, но все-таки, все-таки! Скажем, вот 40 часов я отработал в месяц — 120 марок дополнительно! Вот, сейчас я даже не знаю, сейчас, может быть, они стали меньше платить, а может быть, больше платить, это я не знаю, я уже давно сошел с социала — когда начал работать. Уже несколько лет я социальной помощи не получаю!

А вот Вы спросили насчет немецкой или еврейской линии. Раньше, — сейчас они все время ужесточают все это, — у немцев были огромные, чудовищные льготы, ну просто громадные льготы! Например, им засчитывался трудовой стаж — ну и, следовательно, и пенсия, так сказать. Вот человек работал на тяжелых работах — ну шахтер, например, вот он приехал в Германию — он здесь ни одного дня не работал, ни одного часа, ни одной секунды, но он получает там великолепно — 3000 марок, две с половиной — три тысячи марок!

Я знаю таких людей... особенно пожилых. Вот они приехали. Но это было лет 10—12 тому назад, может быть, 9 лет тому назад. Потом они (власти) стали все урезать, урезать, урезать и урезать!

А раньше даже, скажем, вот... приехал немец, он доказал, что он немец, а его жена русская. Вообще, тут очень редко бывает, что приехала вся семья чисто немецкая.

Приезжает какая-нибудь бабушка, которая была когда-то очень давно немкой, так сказать, — это мне рассказывал мой приятель, — а за нею приезжает человек тридцать грузин! Все по этой (немецкой) линии! Они все грузины, они даже русский язык не знают (*смеется*), не то, что немецкий! Но формально она им бабушка — она их, так сказать, предок, — и они все, так сказать, немцы, и их по закону обязаны всех принять.

И они даже пенсию получают... им даже стаж учитывался. Вот людям... там жена русская, например, — не важно, кто она: русская там, татарка — абсолютно не важно, все равно учитывался стаж и начислялась пенсия. Сейчас этого нет!

Вот уже несколько лет тому назад они это все обрезали. Только непосредственно тот, кто доказал, что он немец по национальности!

А.З.: А вот когда речь идет о еврейской линии, тоже надо как-то доказывать?

Б.Р.: Да, да.

А.З.: Или просто декларируется это?

Б.Р.: Нет, нет, это тоже, естественно, предоставляешь документ! Но здесь все, понимаете, условно. Я думаю, что... и не только я так думаю, но так оно и есть! Примерно 50% приезжающих по еврейской линии, к евреям на самом деле никакого отношения

не имеют! Это — совершенно понятно! Потому что сделать там, сбацать документ, который лучше, чем у меня, поскольку мой — настоящий (*смеется*): там плохо видно, значит, у меня, расплывчатая печать и т.д., — ничего не стоит! А они делают это хорошо (*смеется*). Много таких было, они даже и не скрывали, когда мы в общежитии жили. Там был человек, который этим занимался, уже здесь сидючи, так сказать. Т.е. жульничества, конечно, очень много, это понятно! Но немцы же, они же не... не могут, так сказать, читать мысли или еще что. Они просто смотрят: ага, документ, все, вот паспорт, там написано — «еврей», «Jude», так сказать... Но, в принципе...

А.З.: Значит, это советский паспорт принимался как документ?

Б.Р.: Да, советский паспорт.

А.З.: Вот что является документом, фиксирующим национальную принадлежность?

Б.Р.: Свидетельство о рождении.

Во-первых, уже к тому времени, по-моему, уже даже в советском паспорте нигде не записывалась национальность. По-моему, это не писалось уже по-моему, и в Советском Союзе уже... не писалось! По-моему, уже не писалось.

Ну, не говоря о том, что человек же приезжал сюда с заграничным паспортом!

А.З.: Да-да, да.

Б.Р.: Там уж точно не писалось. Европу точно не интересовало, еврей ты там или кто? И поэтому просто там документы — свидетельство о рождении, свидетельство о твоих предках, так сказать, — вот это нужно было! Это нужно было подтвердить, подтвердить обязательно! А как же? Без этого с тобой не стали бы и разговаривать, разумеется. Они там не определяли по форме носа, или еще как-то — нет, документ! Ты можешь быть голубоглазым блондином, вообще кем угодно, это твои проблемы! *(Смеется.)*

Так что... вот эти две, две эти линии были, видимо, вот тогда были основные. Я думаю, что и сейчас они основные.

Хотя вот они поняли, что они, видимо, не выдержат, потому что такой поток огромный на сегодня — помимо живущих — огромный поток! И вот они и стали урезать все эти социальные дотации, социальные помощи и плюс ну все пенсионные дела, так сказать. Теперь это все срезается, срезается, срезается!

Например, военным — ну вот ты там немец, но ты служил в армии или в милиции, еще где-то, тогда это вообще не учитывается здесь как стаж... Но в принципе, это все-таки исключение! Это касается, как мне кажется, советских немцев, бывших советских немцев. Не важно, откуда они — из Казахстана приехали, там, или из России — это не имеет значения!

А.З.: А кем Вы работали до того, как Вы пошли на свободный режим?

Б.Р.: Я, кажется, в 77-м году бросил свои занятия с языком. Я работал переводчиком. А мои приятели меня соблазнили, и я

пошел «в наладку», т.е. вещи, которые совершенно для Вас тоже, наверное, таинственные, да? *(Смеется.)*

Ну, в общем, по-моему, ни в Европе, ни в Америке такого понятия вообще нет. Скажем, что-то запускается — не важно, завод запускается или новый станок или еще что-то, — и вот строители построили цех вот этот, поставили там станки, и строители эти вручают, ну условно я говорю, ключ тем, кто будет на этом оборудовании работать.

А в Советском Союзе всегда была какая-то, мне так кажется, промежуточная наладочная контора. Т.е. то, что поставили, это работать еще не будет, и никогда не будет. *(Смеется.)* Приходят наладчики, и начинают налаживать оборудование.

Мои приятели работали в такой оригинальной наладке, действительно оригинальной, это наладка очистных сооружений. Очистных сооружений, канализационных и очистных сооружений с питьевой водой. Причем, почему я говорю об оригинальной наладке? Потому что это всегда было в Ленинграде, вообще в больших городах, — понятно, что питьевая вода всегда чистилась, там, и стоки тоже. Ну, насколько они чистились? Но должны были все-таки чиститься!

А дело в том, что вот это, по-моему, еще хрущевские заморочки, когда стали уничтожать маленькие деревни и переселять людей в большие усадьбы, центральные усадьбы. И там начали строить эти пятиэтажки, трехэтажки, и т.д.

Что такое пятиэтажный дом? Это канализация, прежде всего! Значит, возникла проблема очистки. И вот тогда стали возникать, — вот эта наша контора, где я работал, она вообще, по-моему, первая в Союзе была, причем она была достаточно своеобразная. Она занималась биологической очисткой.

В общем, они меня туда завлекли, и я там проработал вплоть до почти до отъезда. За год до отъезда я оттуда уволился. Я тогда решил, что вернусь к языку, и буду переводить, пока я еще не совсем забыл языки, так сказать. А до этого, значит, с 77-го там по 89-й, скажем, я работал в этой наладке. Наладчиком.

А.З.: Но это совсем не по профилю?

Б.Р.: Нет, ну это абсолютно не по профилю, а просто... Это постоянные командировки.

А.З.: Ваша работа требовала каких-то технических знаний?

Б.Р.: Вы знаете, там, конечно, какой-то технический навык должен был быть, но в основном это скорее химия, биология, понимаете, потому что... мы же не занимались строительством. Строители делали, но зато мы знали какие-то тонкости — вот, нас научили этим тонкостям, — это мы знали лучше строителей. Тонкости, которые связаны уже непосредственно с очисткой. Естественно, не сама проводка труб и т.д., это строители лучше нас знали все.

Ну, нас послали на курсы в ЛИСИ, там мы полгода проучились, лекции нам читали. Ну вот, какие-то задатки, но главное

тут — просто был опыт, или ты работаешь с опытным человеком, и от него учишься.

А.З.: А эта работа Вам в стаж как-то вошла здесь?

Б.Р.: Здесь нет. У меня никакого стажа, вообще ничего, абсолютно!

Дело в том, что для того, чтобы это, может быть, пошло в стаж, для этого нужно было... подтверждение своего диплома!

Я не знаю, насколько это точно, — вот меня жена все время ругает, но мне сразу сказали — тогда это, по-моему, совершенно было точно — что дипломы типа исторического, филологического, философского и т.д. — они считаются идеологическими дипломами, поэтому они не подтверждаются! Т.е. что ты учил, что ты не учил, это не имеет значения!

Хотя, естественно, у меня на бирже труда отмечено, что у меня высшее образование, что я с такими-то языками, то да се! Правда, насчет наладки я не особенно распространялся. *(Смеется.)* И я иду именно по этой линии «акадэмиков» — т.е. людей, имеющих высшее образование.

А.З.: Вы сказали, что Вы уже перестали получать пособие, а как Вы прожили несколько лет...

Б.Р.: Видите ли, здесь есть понятие — «социальная помощь»... А есть понятие — «пособие по безработице»: т.е. ты работал и перестал!

Это совершенно разные вещи! Т.е. по деньгам это, примерно, вот я сейчас получаю меньше, чем если бы я получал по социальной помощи. Но это на двоих.

А.З.: Борис Борисович, из того, что Вы рассказали, все-таки складывается такое впечатление, что, хотя у Вас и не было какого-то конкретного мотива уехать в Германию, но обстоятельства жизни в Союзе были таковы, что у Вас не было ни перспективы роста, ни привязанности к работе какой-то, даже по специальности, — да? И для Вас было, я бы сказал так, — может быть, я не прав, — в принципе безразлично, где жить, и только потом Вы поняли, что жить в Германии — это был для Вас лучший вариант, чем жить в Союзе.

Так или не так?

Б.Р.: Вы знаете, вот если все-таки точно говорить, вот такого рационализма у меня не было, чтобы я думал, что я плохо там жил.

Наоборот, мне казалось, что, вроде, я свободный, я могу... мне что-то дают — какую-то работу дают. Я иногда, вот я Вам говорил, я мог там чуть ли не двести, а может быть, иногда и чуть больше в месяц заработать. Т.е. как бы все было не так уж и плохо, ну, очень бедно, но где-то выходило все на мою, к сожалению, обычную зарплату в 120 рублей. Понимаете?

Поскольку я не знал лучшего, то я к нему и не стремился. Поэтому этой идеи совершенно не было! Я Вам и говорю, — недаром я вспомнил этих юных дворян, это вот — ну вот такой...

Может быть, такое ощущение бессознательное было — «вот надо» — что это я правильно делаю? Может быть!

Но рационально вот так, чтобы... «вот я постараюсь, мне будет лучше!»

Я помню, ведь Тамара уехала, и она писала, и говорит: ты там, пока меня нет, ты сделай, ты найди! А я даже удивлялся: а что я должен искать, где, кто я, кому я нужен? Я ж понимал, что у меня такой-то возраст, ну, приехал, ну, оставили, ну, разрешили...

А.З.: Т.е. Вам было уже за 50?

Б.Р.: Мне 50 здесь исполнилось.

А.З.: Значит, сорок...

Б.Р.: ...девять. Почти пятьдесят. Практически 50, да, считайте, ну месяца, может быть, не хватало. Практически 50. Вот, и конечно, когда я приехал, я ничего не нашел!.. Многие люди, конечно, — я заметил, — они... они приезжали с идеями. Вот они там хорошо жили — они хотят жить еще лучше! Я утрирую, но так, это совершенно точно, именно так, да!

Наверное, им как-то удавалось, они мечтали точно о своем деле, о том... ну, естественно, стать, там, богатыми людьми, красиво жить! Я помню по общежитию эти разговоры, забавные, так сказать: «Я — буду стирать? Нет. Чтобы приходила, убирала, там...» и т.д., и т.д., т.е., это такой уровень был! Но в плане жизни это как раз были те люди, которые могут выжить там, не важно, мне так кажется, при капитализме или при социализме, это абсолютно для меня не важно!

Нет, у меня ничего этого не было, так сказать. Вот как бы сам факт, что я приехал в Европу, где я никогда не был...

Берлин — не самый удачный, мне так кажется, город для ознакомления с Европой. *(Смеется.)* Ну, учитывая, что просто он был разрушен, к сожалению, на 90%, наверное, разрушен.

Но сама вот эта идея была чисто, я бы сказал... ну не знаю, ну романтическая, можно так сказать, да!

А уже потом стало вырисовываться: да, я прав, да, вот здесь надо бы...

А.З.: Но это с самого начала касалось Вашей семьи? Вот жена не захотела...

Б.Р.: Жена не смогла: мама же болела! Вот, Тамара (жена) Вам сказала, что она все время — несколько лет она — просто то там, то здесь, то там, то здесь, пока Мария Федоровна не умерла. Она умирала медленно, от рака, это все было очень долго, мучительно, тяжело и т.д. И Тамара практически... ну, в общем, — где она жила, я даже не могу сказать, где она жила: в Берлине жила, или в Ленинграде — Петербурге...

Другое дело, что уже вот именно даже в связи с этим я как раз это абсолютно отчетливо понял, что я правильно сделал! Потому что мы могли чем-то помочь. Простите, мы хотя бы дали деньги на похороны! Хотя бы это! Уж я не говорю о постоянной какой-то помощи, так сказать, ну в пределах наших нулевых возможностей.

А.З.: А дети, у Вас одна дочь?

Б.Р.: У нас сын, да! И у нас... вот, любимица наша, которая у нас сейчас гостит, мы зовем внучкой, но вообще это наша внучатая племянница. Это внучка сестры Томиной, скажем так.

А.З.: А сын Ваш, он где сейчас?

Б.Р.: Он в Ленинграде.

А.З.: В Ленинграде. Т.е. это решение не касалось Вашего сына?

Б.Р.: Абсолютно!

А.З.: Он был уже самостоятельный человек.

Б.Р.: Ну человеку за тридцать лет...

А.З.: И он не поехал с вами, или такой проблемы не возникало?

Б.Р.: Нет, нет. Вообще, так сказать, он решил остаться! Вообще, такой проблемы не возникало.

А.З.: Он имеет специальность какую-то?

Б.Р.: Вообще он имеет специальность, но боюсь, что он давным-давно ее забросил и... давно ею не занимается. Вообще, у него была хорошая специальность, — я даже не знаю, существует ли она сейчас в природе, — он был столяр-краснодеревщик. Причем такой, он талантливый, он почти художник, я бы сказал. Во всяком случае, у него есть эта такая способность, такой талант. Но он человек... я бы сказал, наверное, не любящий работать, любящий (получить) — все сразу! Вот как раз в конце 80 — начале 90-х, когда все, ну многие, молодые люди хотели стать сразу же, так сказать, миллиардерами, миллионерами и т.д., он тоже ударился в какой-то там бизнес, но, конечно, прогорел... Ну, не главный, не то, что он сам организовал, но, во всяком случае, он пошел... но, в общем, ничего не получилось с этим.

И сейчас он то работает, то не работает.

А.З.: Вы поддерживаете отношения с ним, с его семьей?

Б.Р.: Ну он, Вы знаете, у него бывают разные семьи. *(Смеется.)* Не успеешь там углядеть...

Нет, ну т.е. он развелся сейчас, ну вот какая-то семья у него... Но поскольку я-то... я вторую не знаю. А Тамара знает, потому что она ездила, с ним встречалась. Нет, так все нормально, но...

А.З.: Давайте, Борис Борисович, возвратимся к началу нашего разговора. Вы рассказали о каналах, так сказать, приезда сюда: немецкая линия, еврейская линия и т.д.

А у Вас возникали какие-то проблемы психологические, когда нужно было заполнять документы или как-то доказывать, что Вы принадлежите к определенной линии?

Б.Р.: Вы знаете, нет. Нет! Я не знаю, как сейчас; боюсь, что немцы уже очень утомились, так сказать, и от немцев (*смеется*), и от евреев, и от всех.

Но тогда — все это было абсолютно корректно, абсолютно достойно! Я бы даже сказал, что это было благожелательно! Вот что-то там не выходит, что-то не очень точно — «ну, постарайтесь, найдите, у Вас еще есть время!» Нет, ну, очень корректно, очень корректно!

А.З.: Это когда Вы проходили через полицию?

Б.Р.: И в полиции тоже корректно! Понимаете, полиция это... ну это как бы некое безымянное существо, понимаете: вы приходите, сдаете документы, вот каморка, чиновник за окошечком. Вы сдали ему документы, «здравствуйте» — «до свидания», «подождите, Вас вызовут», — все, сидишь там час, два—три, там четыре, — зависит от количества людей. Потом, ага, твой номер, ты входишь. Уже другой чиновник говорит: «Я вам поставил бессрочное!» — ну, право на бессрочное пребывание!

А.З.: Он на каком языке говорит?

Б.Р.: На немецком языке. «Я вам поставил право на бессрочное», или: «Я вам поставил на два года», или: «Вы знаете... — но у меня такого не было, так сказать, если там отказ или что-то, — все, спасибо, до свидания».

А если тебе он скажет, что «нет, я отказал» там, опять же: «до свидания!» Можешь не говорить «спасибо», но «до свидания», и все! Т.е., никаких тут каких-то серьезных контактов и нет, абсолютно! И не может быть!

А.З.: Это очень важный момент!

Б.Р.: Здесь нет каких-то личных бесед, так сказать, там объяснений, там кто ты такой? Ты его совершенно не интересуешь, таких проходят миллионы, понимаете! Ну, не миллионы, но в день там сотня в одну каждую комнату только, ну десятки в каждую комнату, а их там, этих комнат, десятки. Т.е. это огромный поток, бесконечный!

И конечно, там никаких этих самых. Ты сдаешь документы, он говорит — «А, нет, не хватает, нет, нужна еще такая-то бумага», «приходите завтра» или, не знаю, когда — когда достанете (нужный документ!). «А, да, все нормально!» Или: «Мне нужно это, это, это!»

А.З.: Он действует на основании закона.

Б.Р.: Да-да, да, абсолютно! Абсолютно.

А.З.: И все эти документы, все эти... что там вот от вас требуется, это прописано в законе?

Б.Р.: Да! Да-да, абсолютно! Железно! Он не...

А.З.: А какие основные документы, можно их перечислить вот сейчас по памяти?

Б.Р.: Ну вот сейчас могу перечислить. Первое: право на работу. Ну, т.е. я сейчас имею в виду, когда ты продлеваешь, вот это я имею в виду.

Я, понимаете, я ж давно уже оформился, поэтому я сейчас не знаю, что там еще требуется. Но вот я хочу продлить...

А.З.: Но у вас же бессрочно?

Б.Р.: Да, но у моей жены-то не бессрочно. И, к сожалению, вот они сейчас очень жестко уперлись, что... по идее, т.е. не по идее, а это так и есть — человек, проживший 5 лет в Германии, имеет право на бессрочное проживание: уже не надо ездить каждые два года, там продлевать, — это формальность, но ее нужно делать, нужно стоять в очереди, сидеть там и т.д., брать номерок, кстати...

Но одно условие. Условие, которое ну почти практически не... ну его нельзя выполнить: источник дохода, т.е. работа.

Что значит источник дохода? Ну естественно, вы... у тебя должна быть работа!

А.З.: При продлении?

Б.Р.: Нет, если ты хочешь на бессрочное!

Нет, когда ты только вначале, так ты вообще никто, это же ясно — какая у тебя работа, если ты не имеешь права еще даже на проживание? — нет!

А.З.: Вот меня интересует этот первый период.

Б.Р.: Первый период вот то, что я Вам и говорил.

А.З.: Свидетельство о рождении...

Б.Р.: Первые документы это... ну, когда я был — тогда: если ты идешь по еврейской линии, значит... Нет, первый документ — что тебя приняло вот это ведомство, которое... ну то, что вот евреи называют абсорбцией. Абсорбирует тебя, так сказать, берет. Вот оно берет тебя на свой кошт, скажем, так, на свое содержание. Это по еврейской или по немецкой линии, по какой-то еще линии. После этого ты идешь в полицию.

А.З.: Абсорбция называется?

Б.Р.: Ну, нет, ну абсорбция — это когда вот еврейские иммигранты приезжают в Израиль, там это называется абсорбцией. Ну вот абсорбировать там как-то их, впитать там в себя, я не знаю. Здесь это так не называется, во всяком случае...

А.З.: А как здесь?

Б.Р.: Я не знаю, это — ну просто «постановка на учет», или, «взятие на содержание», что ли? В общем, тебя берет социальное ведомство, или как-то иначе, — не помню, как оно там называется, — это социальное ведомство берет тебя на содержание — принимают тебя, оно принимает, оно дает тебе крышу над головой, оно дает тебе

А.З.: А это социальное ведомство, оно немецкое государственное?

Б.Р.: Да, естественно.

А.З.: Или это еврейское?

Б.Р.: Нет-нет, нет, евреи вообще здесь не имеют никакого...

А.З.: Никакого?

Б.Р.: Вообще! Они здесь никто! Это ноль без палочки, как... ну естественно, а есть государство, есть официальная система, есть полиция там, есть там милиция. А евреи, простите, община, таких общин здесь миллион! Есть евангелическая община, есть там эти самые... адвентисты седьмого дня, да какие угодно, так сказать. При чем тут это?

Другое дело, что община, если она хочет человека... Вот, скажем, его не оставляют, хотят изгнать из Германии: он не имеет права, у него не хватает документов там, все! — Тогда община может за него хлопотать. Это другое дело! Хлопотать, взять на себя. Т.е., что это значит? Это же очень важно, для немцев очень

важно, для власти, чтобы он не бегал по улицам голодный, с ножом, там, и не крал, и не убивал, и не резал! Т.е., кто будет за тебя отвечать? Вот, у тебя нет работы — что ты будешь сегодня есть? Что ты будешь завтра есть? Где ты будешь жить? Я имею в виду, это как принцип, — я понимаю, что полно безработных, бездомных, и кого угодно! Но принцип должен соблюдаться! Община взяла, — скажем, адвентисты седьмого дня, или любая другая община — религиозная в данном случае, — все! Пожалуйста, тогда полиция тебе поставит, ну, продлит прописку, скажем, право на проживание!

А если нет, тогда, конечно, сложно!

А.З.: А в Вашем случае это кто был, какая община?

Б.Р.: Нет, у меня никакой общины не было. В моем случае было просто немецкое государство, которое меня приняло просто по этой линии.

Это, я говорю, о крайнем случае: государство отказало, полиция отказала, все отказали, и не только отказали, а хотят тебя выслать за пределы Германии, а ты уезжать не хочешь, естественно! Тогда человек, — вот я знал такой случай, — он побежал в общину и сдался, так сказать. Нет, но у них принцип!

Кстати, у евангелической немецкой церкви; ну, в Берлине же в основном лютеранство, это Бавария — католическая, хотя здесь тоже есть католические храмы и католики, естественно, в Берлине живут, но в основном это евангелическая церковь, лютеранская церковь. Ты можешь туда прийти и объяснить свое положение — вот я такой-то! Я не знаю, но, по-моему, они не требуют никаких документов, — если человек религиозный, ну, какие документы, ну, где? Может, это жулик, может, это вор, может, убийца, но ты же верующий человек, — ты должен ему все равно помочь, так я понимаю, в принципе. И они берут, вот, и заявляют в полицию, видимо, сообщают, что, вот, они борются за этого человека! Они хотят, чтобы он остался, а они ему помогут! Это очень многие люди, так сказать, ну, так я слышал, а одного я просто знаю! Т.е. ему просто церковь помогла!

А.З.: Значит, вот эта как бы немецкая ассоциация, или как она называется, занимающаяся иностранцами (ауслендерами)?

Б.Р.: Это — это просто власти, это сами власти. Это, действительно, так и называется, «Отдел для иностранцев», который занимается иностранцами.

А.З.: И он вам дает вот это право...

Б.Р.: Когда вы в первый раз приехали.

А.З.: Да, право обращения в полицию.

Б.Р.: Он смотрит Ваши документы. И если они его устраивают, так сказать, то...

А.З.: Документы — это анкета и... свидетельство о рождении?

Б.Р.: Значит, вы должны свидетельство о рождении там, да, или паспорт. Свидетельство, если вы идете по этой... понимаете, я же Вам сказал, по определенным линиям, кто вы там — политический беженец из Танзании, я не знаю, или вы отнюдь не поли-

10 Заказ № 1007

тический какой-то, а просто вот еврей приехавший, или немец там приехавший, — совершенно точно: вот это, это, это — эта группа принимается, а остальные группы не принимаются, скажем. Значит, у вас есть все подтверждающие документы — все! Вас тогда оформляют, и вы можете ехать в полицию. Насколько я помню, по-моему, первое это, потом полиция. Вы едете в полицию, а полиция, уже на основании этих документов, которые вы представили в это первое учреждение, которое вам какую-то бумагу выдало, они смотрят, и уже дают вам право.

Зачем полиция? Полиция существует только для одного — для прописки!

А.З.: Это называется аусвайс или нет?

Б.Р.: Нет, они не выдают никаких документов. Вот у вас есть советский паспорт, они в советский паспорт ставят — «разрешение на проживание» (Aufinhalterlaubniss). Разрешение на проживание может быть, как я говорил, самое различное.

А.З.: Это дает полиция. Еще какие-то инстанции, следующая инстанция существует?

Б.Р.: Так, сейчас подумаю... Значит, вот, скажем, я пропустил один вариант. Вот посетили вы эту инстанцию, где первое начальное оформление. Вот они мне дали адрес, — я имею право жить, что-то там получать, на что жить, — они мне дают адрес, и я еду в общежитие, куда они меня направляют.

Вот я приезжаю в это общежитие... и оформляюсь там!

И потом уже — это, естественно, уже полиция — да, скорее всего, да, естественно, только так они.

Или, может быть, вы знаете, я, может быть, что-то и напутал. Это было очень давно. Вот эти вещи, они взаимосвязаны абсолютно, даже здесь не важно, что первично, может быть, даже первичнее полиция, все-таки, черт его знает, может быть! Во всяком случае, эти вещи абсолютно связаны.

Но мне кажется, что все-таки вначале ты проходишь вот эту инстанцию, которая вообще свидетельствует о том, имеешь ли ты право на пребывание в Германии. А полиция уже по этим бумагам смотрит, и говорит — да, имеешь, но только там два года или год, или полгода. Нет — имеешь бессрочно. Мои бумаги представили — было бессрочно.

А.З.: А вот следующий этап, конечно, самый важный, — потом, может быть, вернемся к психологической стороне дела, — это работа, да?

Б.Р.: Конечно.

А.З.: Вот Вы нашли какую-то работу. Что это была за работа, и как вы к ней приступили, и что это такое?

Б.Р.: Андрей Георгиевич, я не могу сказать, что я нашел! Я ничего не могу найти в этой жизни, я могу только потерять! *(Смеется.)*

А.З.: Ну, Вас нашла...

Б.Р.: Ну да! Но, правда, я действительно сделался тем, что называется арбайтцантом, т.е. проще говоря, я зарегистрировался на

бирже труда. Я, действительно, там канючил, чего-то говорил — вот, я хочу на любую работу! Ну я действительно говорил «просто ну любую!» Потому что, ну вот, все, все, все!

Во-первых, это унизительно, — социальную помощь получать, это омерзительно, когда тебя гоняют на — но это моя, вот, мое восприятие — на эту социальную работу, на любую. Мне потом повезло просто, — понимаете, все зависит от чиновника!

Вот появилась другая чиновница, я прихожу. Там же разные все: один тебе выплачивает пособие, другой гонит тебя на работу. Появляется какая-то другая дама, она первый раз меня видит, я — ее.

Она говорит: а Вы кто такой, чего там, какое образование у Вас?

Я говорю, вот такое-то.

Ага, говорит, ну надо нам подыскать, надо подыскать!

Смотрит картотеку вот такую! И находит мне библиотеки. Вот предыдущая сидела, извините, стерва, и гоняла меня только вот в это самое в дом для престарелых! Где я там занимался вообще черт знает чем! Не говоря уже о том, что иногда это было тяжело! Потому что у меня возраст тоже, мне же не 12 лет там, не 15 там и не 18. А эта так посмотрела, говорит — нет, в библиотеку!

Библиотека, тоже там разные работы, естественно, меня же не библиотекарем взяли, сами понимаете!

Но, однако, все-таки приятно — уже с книгами, с журналами! *(Смеется.)* — Уже как-то душе легче!

Но все равно я ездил, как-то просил, ну, говорил, сообщал о себе — не только вот в тот день, когда... там же регулярно нужно являться, ну, формально. А я и неформально приезжал, говорил — ну вот я хочу... любую, говорю, любую!

Она говорит, нет у нас никакой!

Тогда я помню, однажды не выдержал, и говорю: да вон, на стройке, вон сколько требуется!

Ну, действительно, рабочие требуются! Половина работает черт знает откуда: немцы не хотят работать, вообще, низкие эти... работа тяжеленная, а зарплата очень маленькая!

А она так на меня посмотрела хитро и говорит — да, говорит, работа есть, но права не имеем! У вас специальность не та, и возраст (смеется), — ну и все!

А я был согласен, ну, естественно, чернорабочим, разумеется! Я же не строитель. А она говорит, нет, не получится! Не выйдет!

В общем, в конце концов, вдруг получаю письмо. И, действительно, мне предложили работу в библиотеке. Вот это гениально! Государственная служба, государственная школа! Там библиотека, и я там работал библиотекарем прекрасно! Один! Вот один библиотекарь на всех, и обслуживаешь всех там — учителей, преподавателей...

А.З.: Что это за библиотека?

Б.Р.: Ну, скажем, это уровень, понимаете, вот это не просто школа, это уровень — когда-то называли это не институт, но это

10*

то, что называли техникум, во всяком случае. Люди выходят оттуда с определенной специальностью; школу они уже закончили, грамоте они уже ученые. И естественно, эта школа — несколько сот детей учится, естественно, там десятки преподавателей — и там, разумеется, есть библиотека. Там, во-первых, она обще... ну не знаю, общекультурная, что ли, и плюс, естественно, учебные пособия — огромное количество, потому что у них...

Но это вообще, кстати, немножко связано даже, может быть, и с вашей... Это вот такой социальный уклон — социологический уклон, скажем. Из этой школы выходят люди ну самых, я не знаю, разных: от воспитателей детских яслей там, детских садов, кончая преподавателями школ, — это вот направление, зависит от направления, — и вот социальные работники, которые занимаются... ну, с такими, как я, занимаются... инвалидами, или больными детьми, или...

А.З.: Т.е. это то, что называется школа социальной работы, да?

Б.Р.: Да, школа социальной работы, она так и называется, кстати!

А.З.: Сколько там было учеников?

Б.Р.: Ой, я тут, конечно, точно не могу сказать, но несколько сот. У меня было по картотеке, я не знаю, может быть, человек триста-то уж точно там было, естественно, а может и больше, ну и... Учителя не так часто приходили брать книги — видимо, давно уже все прочли (*смеется*), ну, или для себя, чтобы в их личный формуляр это все записывать. А иногда они приходили и просили книгу на два часа, и это не надо записывать, зачем? И приносили, естественно, возвращали. Учителей было несколько десятков, человек тридцать, может быть, или больше!

А.З.: А штат в библиотеке какой был, сколько человек?

Б.Р.: Я один! Я без десяти семь приходил — и до четырех часов. Т.е. практически не обедал. Т.е. обед там был получасовой, но... но это бесполезно: я закрывался, но они знали, что я здесь, и я... естественно, открывал. Закрывался в половине четвертого. Но я был один, поэтому уйти... ну раз я закрываю, и говорю — все, уже никто ничего не получит.

А.З.: Понятно. А количество томов в библиотеке?

Б.Р.: В библиотеке? Небольшая она была. Я вообще-то тоже не могу вам сказать количество томов, ну не знаю, наверное... нет, ну больше, чем здесь (указывает на книжные полки в своей комнате), естественно *(смеется)*, разумеется. Ну, я не знаю, наверное, тысяч шесть—восемь...

А.З.: А к тому времени вы уже разговорным немецким владели достаточно хорошо?

Б.Р.: Вообще-то я плохо говорю, я просто изъясняюсь — это не разговор, это... По-немецки — немцы говорят по-немецки, и то не все хорошо, как известно (*смеется*), многие очень плохо! Нет, я не говорю, естественно, — я могу объясниться, могу сказать, могу понять то, что... Нет, это не язык!

А.З.: Но эта работа, она как раз требовала...

Б.Р.: Понятно, но это не язык! Есть хороший язык, а есть плохой язык, Вы сами понимаете. Нет, это разные вещи: объясняться — это одно, а знать язык! это, я не знаю! Вот Гете знал язык... а может, и он сейчас уже плохой! Нет, но там, я так думаю, все-таки.

В общем, мне моих знаний языка было достаточно для работы с посетителями и для обработки новых поступлений. Это тоже была часть моих обязанностей. Вот я последний прирост помню, где-то полторы тысячи книг сразу — вот я их обрабатывал, я один, я их получаю, их обрабатываю.

Ну, не супер, но, сами понимаете, это же не... городская библиотека, и даже не районная, это просто при школе, и поэтому там специфические книги...

А.З.: А эта работа, сколько зарплата была?

Б.Р.: Маленькая. *(Смеется.)* Очень маленькая, чудовищно маленькая!

Именно поэтому, я думаю, мне иногда и давали работу, потому что очень маленькая зарплата! *(Смеется.)* Нет, вначале было совершенно вообще мало — было две тысячи марок в месяц, это...

А.З.: Это считается очень мало, да?

Б.Р.: Это ноль. Это катастрофа! Это смерть! Это можно вешаться, кончать жизнь самоубийством!

Объясняю почему. Очень просто: вы получили 2000 марок, — да? — так, вы платите: квартира, свет, газ, телефон, купить два проездных, если у вас все-таки жена есть, или там, не знаю, или кто там... — 1100—1200 у вас ушло!

Что останется — 800 марок! А социальная помощь, — а они считают по минимуму, поймите это верно! Социальная помощь дается не для жизни, поймите это правильно, а чтобы выжить! Выжить. Временно выжить!

Для жизни это невозможно. Это только самоубийством может кончить человек, если он решил жить на социальную помощь.

Я не имею в виду тех орлов, которые приехали из Союза, катаются на мерседесах и получают социальную помощь, — там другое дело, другие проблемы. Значит, у меня оставалось меньше, чем социальная помощь на двоих, вот что такое 2000 получать. Это ерунда!

Причем у меня очень дешевая квартира, имейте это в виду, у меня даже на сегодняшний день 630 марок — это сейчас, по нынешним временам в Берлине, вот такая квартира. Это очень дешево!

А.З.: Двухкомнатная?

Б.Р.: Двухкомнатная. Да дело не в этом — дело в метраже.

А.З.: Сколько?

Б.Р.: 63 квадратных метра. Это очень дешево! 10 марок за квадратный метр — считается очень дешево. Так что это копейки!

Но дело в том, что как-то они там слегка повысили, еще немножко, еще там, — довольно быстро, кстати, — и я стал получать где-то две с половиной. Вот с этого можно начать жить, я серьез-

но, тогда можно как-то и жить — очень скромно, без кино, без театра.

А.З.: На двоих, да?

Б.Р.: На двоих, да. Но мы все делали... мы еще деньги умудрялись — так, даже когда социальную помощь я получал, мы умудрялись помогать, непрерывно практически.

Но когда я начал работать, то как-то вот, конечно, стало немножко легче. Вот, впервые тогда смогла Ирка приехать к нам, т.е., наша внучка. Впервые! Потому что до этого — на что? Мы же должны оплатить билеты туда, обратно, нормально жить, я же не могу вот считать копейки и говорить — нет, вы знаете, ребята, сегодня мороженое я купить не могу. Ну, Вы сами понимаете, — бред, безумие! Только благодаря этой работе. Я как раз закончил работу, и мы их вызвали, в смысле пригласили, купили билеты, все оплатили, они приехали — и нормально вот полтора месяца смогли, или почти два месяца смогли здесь жить. Но только благодаря работе! Когда социальная помощь, то здесь...

А.З.: Можно эту Вашу работу назвать как заведующий библиотекой?

Б.Р.: Можно, да, да! Я, кстати, так обычно... Нет, я считался, по-моему, как бы старший библиотекарь, вот так. Хотя там не было младших (смеется), не было тогда.

А.З.: И сколько лет Вы пробыли на этой работе?

Б.Р.: Около двух лет.

А.З.: А потом?

Б.Р.: Потом — перерыв. Я получал по безработице. Здесь же, знаете, деление такое, очень серьезное, кстати, деление: человек, закончивший работу, получает Arbeitlösunggeld — *деньги* по безработице, в зависимости от длительности своей работы. Скажем, если он отработал год, он получает деньги по безработице полгода, — где-то, по-моему, так, да! Это 60%. 60% от зарплаты. Зарплата маленькая, как у меня, даже если считать две с половиной, то это не очень... даже совсем мало. А потом он получает уже Arbeitlösunghilfe — это *помощь* по безработице. Это, по-моему, 53%. Там, вроде, разница небольшая — 60 или 53, а тут совсем ничего.

Но опять же, это зависит, конечно: если ты получал 10 тысяч, то ты и можешь жить! А если ты получал 2200 или 2500, то это, конечно...

А.З.: И этот период, т.е., он у Вас продолжается и сейчас, или?..

Б.Р.: Вот сейчас я получаю помощь по безработице. До... — дальше не знаю, что будет, — до марта, по-моему, 2001 г. А что дальше, я не знаю...

А.З.: И это была единственная у Вас работа?

Б.Р.: Нет, это я уже сейчас получаю — уже я другой работой занимался. Я снова работал, так сказать...

А.З.: А в другой раз — что это, если не секрет, конечно?

Б.Р.: (Смеется.) Ну, если судьба бросает человека... Я был Kunsterzier — воспитатель. Ну, как бы художественный воспитатель, можно сказать. А можно не называть воспитателем, а просто — преподаватель рисования, скажем так! *(Смеется.)*

А.З.: Это было в школе или где?

Б.Р.: Нет, это было объединение... официальное, государственное. Даже не государственное. Скорее, бургомистр Берлина, помоему, это организовал, ну дал денег, скажем так. Эта идея была хорошая, т.е. она вообще замечательная идея: это как бы попытка объединения детей Европы с помощью рисунка...

В разные школы разных стран Европы посылаются запросы или просьбы, или предложения, что присылайте рисунки ваших детей, мы будем их оценивать, мы будем выбирать лучшие, мы будем устраивать выставки, и будем издавать книги. И действительно, откликнулись, ну почти все страны Европы! И очень многие школы. Вот, этим мы и занимались. Как раз там были все эти доктора, профессора и т.д. *(Смеется.)*

А.З.: А эта работа сколько продолжалась времени?

Б.Р.: Это год.

А.З.: Но она выше оплачивалась, чем предыдущая?..

Б.Р.: Нет. Нет, меня, естественно, взяли на самую низкую ставку. Нет, во-первых, я иностранец, во-вторых, я не специалист... Ну, и потом, там просто было еще, учитывая, что разные страны, там были еще переводы; я, конечно, так шучу, что я там учил детей рисовать — конечно, нет, и отметок я не ставил. Кстати, и все, кто работал, тоже не ставили отметки. Это какие-то небожители, которых мы ни разу не видели. Тоже три каких-то доктора наук, профессора; я знаю их только по именам на грамотах — Золотая медаль, там три профессора, то Серебряная, три профессора (смеется), — вообще их не видел никто никогда.

А мы занимались вот этой обычной текущей работой. Это же миллионы... ну, не миллионы, мы получили 10 или 15 тысяч рисунков! Извините меня, это же нужно обработать, нужно просмотреть, что-то разложить там. Это огромная работа!

Нет, я там — там была еще меньше зарплата. И когда меня брали, то я сказал — я все, опять на любую готов! — а мне вот там работодатель непосредственный говорит: — «Послушайте, Вы же еще не знаете, какая у меня зарплата, что я могу вам дать! (*Смеется.*) Все люди уже радуются, а у меня очень такая, знаете, маленькая, маленькая, я даже не знаю...»

Ну, обычно они и не знают, действительно, какая точно! Знает бухгалтерия, которая рассчитывает.

А.З.: А Ваша помощь по безработице, она зависит от зарплаты?

Б.Р.: Ну а как же!

А.З.: Или только зависит от срока, Вы сказали от времени пребывания?

Б.Р.: Ну, конечно, она зависит от зарплаты. От срока работы зависит продолжительность получения денег по безработице.

А.З.: А, понятно!

Б.Р.: Вот вы 20 лет отработали или там сколько-то, и будете в течение там, не знаю, трех с половиной, четырех, пяти — точно я боюсь Вам сказать, — может быть, три с половиной — четыре года получаете Arbeitlösunggeld, т.е. 60% от Вашей зарплаты. Отработали там 20 лет, получали там 25 тысяч — вот и отсчитайте.

А.З.: Это за счет...

Б.Р.: Это за счет работодателя!

А.З.: Работодателя? Или за счет вашей зарплаты, которую вы откладывали там на?..

Б.Р.: Работодатель, — в чем трагедия этой системы, и почему всякий работодатель стремится брать людей только «по-черному», и не хочет брать «по белому и светлому»! Вот вы отработали у него, и он обязан вам платить Arbeitlösunggeld, Arbeitlösunghilfe. Он обязан!

Вы все время откладываете, — я так понимаю, я, конечно... с меня же снимают, так сказать, там, но это же в общем копейки, в принципе. Т.е. для человека, который получает немного, — да и для человека, который много получает, с него еще больше снимают, — для него это большие деньги. А на самом деле это, в общем-то, очень небольшие деньги, когда с него... ну что, ну если ты 2000 получаешь — ну 400 или там 300 с тебя снимают... Тут же ведь медицина, страховка, пенсионный фонд, понимаете.

В принципе, это все платит работодатель. Вот я государственный человек, в том смысле, что я работаю в государственном учреждении, — государство платит, ну конкретно — не знаю кто, кому школа принадлежит — Министерству образования там или местному муниципалитету, или там берлинскому. А если это частное, значит частник и платит!

Вот вы хозяин там такого-то объединения, я пришел к вам работать, вот вы мне платите. Вы выплачиваете, естественно, и мою страховку, и все остальное. Поэтому, конечно, с одной стороны, это очень хорошо, а с другой стороны... Поэтому, может быть, люди и стремятся на государственную службу, т.е. потому, что там стабильнее! Хотя там меньше, там намного меньше!

А.З.: А вот Вы упомянули, что по-черному еще может быть заработок какой-то, т.е. левый заработок, который не фиксируется?

Б.Р.: Нет, ну я имел в виду строительство. Тут же все время, тут огромное количество людей работает — в данном случае я имею в виду Берлин — огромное, потому что поляки просто этим живут. Тут же свободный въезд—выезд, и приезжают они. Вот несколько месяцев летних работают от зари до зари, не знаю, с шести утра там до двенадцати ночи. Ну, может, утрирую: там до десяти вечера, во всяком случае. Получают гроши. Но им хватает на год жизни. Вот они три месяца здесь работают, они возвращаются в Польшу, и год живут припеваючи.

Ну, так мне рассказывал человек, который там работал. Я не работал на строительстве, тем более я ни разу не работал по-чер-

ному на строительстве. По-черному — да, работают. Наверно, подрабатывают, конечно, и те, кто получают социальную помощь. Я не знаю! Т.е. наверняка подрабатывают, разумеется. Но официально это запрещено. Если поймают, то тебя просто лишают — ничего как бы смертельного не произойдет, но тебя лишают социальной помощи на какое-то время! Наказание достаточно суровое, а может, и вообще могут снять, не знаю!

А.З.: А когда Вы купили или получили, или появилась возможность снимать эту квартиру? У Вас эта квартира — собственность или нет?

Б.Р.: Да о чем Вы говорите? Это Вы смеетесь!

А.З.: Нет, ну просто я темный человек, я не знаю...

Б.Р.: Нет, ну, конечно, снимаем. Нам однажды присылали бумагу: «Мы приватизируем в нашем районе, там, 500 квартир. Пожалуйста, если хотите, можете ее купить».

Ну, честно говоря, вообще-то квартира дерьмовая, должен прямо признаться, хотя внешне она так, ничего! 180 тысяч заплатить!

А.З.: А эта, — да, Вы мне сказали, что 10 марок за метр, да?

Б.Р.: Ну да, да.

А.З.: Это муниципальное или нет?

Б.Р.: Это цена вот как раз, да, это... да, можно сказать, муниципальная, видимо так. В общем, это дешево, я одно могу вам сказать, это дешево!

Дело в том, что, насколько я знаю... ведь в общем-то кто строит дома: строят дома ведь, простите меня, не бургомистры и не муниципалитеты там, а берут фирмы подряды, строят. В принципе это, в основном, все, конечно, частное, все — частные дома. Другое дело, что там есть разные степени частности: это есть вот типа кооперативов, типа обществ, там еще что-то, еще что-то, еще что-то. Но в чем величие, так сказать, и сила муниципалитета: это их земля. Ты хочешь здесь строить дом?

У нас (у муниципалитета), например, нет ни копейки, чтобы дом построить. А мне даже один унитаз поставить — у нас на это нет денег! (*Смеется.*) А у тебя есть деньги! Но земля-то наша! Мы тебе даем, разрешаем, строй! Мы тебе или продаем, или там, я не знаю, сдаем в аренду, или просто землю, но при условии... Скажем, ты построил дом, — там могут быть какие угодно цены. Это твои проблемы, это твой дом. Ты можешь заламывать какие угодно цены... Но, скажем, из 50 квартир 10 квартир — наши, т.е., социальные квартиры!

И так, в общем, мне кажется, что это... может быть, это не обязательно везде, но обычно, мне кажется, даже в самых... ну, я не говорю там о Potsdamerplaetz, где квартира стоит миллион марок, — ну купить, я имею в виду. Там вряд ли есть социальные квартиры. Я сомневаюсь, естественно!

Но в принципе, в обычных домах, в нормальных домах, там муниципалитет обговаривает, что эти квартиры — это наши, это

для нас, для наших жителей, для людей... Понимаете, не обязательно же ты безработный и с маленьким достатком.

В Германии получают очень мало, вообще-то! Это из России кажется, что здесь... очень богатые люди, здесь т.е. нищета разная, уровень бедности разный, разумеется, а вообще зарплаты небольшие; но, учитывая стоимость просто жизни, и стоимость, кстати, квартир... ну 2000 — это ноль!

Вы понимаете. И поэтому человек, получающий 2000 чистыми — чистыми! Это, знаете, 2000: это значит у него 3200 «нечистыми», извините, или 2800 — у него приличная зарплата, и если чистыми он 2000 марок получает, то он, конечно, не может 1200 платить за квартиру. А как же он будет жить?

А если еще 600 марок, то он может. Или 700, скажем, марок, то он может все-таки! Поэтому муниципалитеты, они стараются как-то...

А.З.: И эта квартира как раз такого типа?

Б.Р.: Конечно, естественно.

А.З.: Муниципальная квартира в частном доме.

Б.Р.: Да, да-да, да. Она муниципальная квартира, поэтому и стоит...

А.З.: Но Вам пришлось, следовательно, работать в нескольких группах или коллективах, да?

Б.Р.: Ну разных, да-да, да.

А.З.: И общаться с немецкими учителями...

Б.Р.: Угу.

А.З.: Немецкими...

Б.Р.: «Профессорами» *(смеется)*, да!

А.З.: Профессорами и т.д. В социологии такой есть термин — русская идентичность, или национальная идентичность, — вы себя немцем не считаете, да?

Б.Р.: Да, Вы знаете, нет, я бы сказал, что, понимаете, мне в общем-то... я, вроде, еврей... пишу и говорю только по-русски, живу в Германии.

Я бы сказал, что моя идентичность это идентичность советского человека эпохи Никиты Сергеевича Хрущева 60-х годов. Я серьезно Вам говорю!

Нет, в Германии... я вообще, даже я не очень верю в это. Я не верю — ни в какие вхождения, перерождения там... Нет, я в это не верю!

Как-то я мало сталкиваюсь с такими. Я верю в одно: вот человек... т.е. каждый продолжает ту жизнь, которой он жил там! Это точно совершенно!

Вот человек когда-то... просто меняются места, — но это мое мнение, может быть, несколько пессимистическое, не знаю. Вот человек ошивался когда-то там, скажем, в парткоме или в месткоме, — я не говорю, что это плохо, просто — вот были места жизни, живые, где давали путевки, там... В общем, понятно, человек хочет к источнику прикоснуться! *(Смеется.)*

А.З.: Да-да, да.

Б.Р.: А сейчас это община еврейская, сейчас они там все крутятся—вертятся. Мне так кажется!

Я их почти не знаю, я вообще никого из них не знаю, действительно. Ну я немножко сталкивался и... у меня возникло такое ощущение — может быть ошибочное, но, по-моему, не ошибочное, — не оттого, что они вдруг стали там большими такими религиозными деятелями, в смысле верующими людьми, поверили они там вдруг! Никогда не верили, и Библию-то никогда не читали, не открывали даже, может быть, не знали название.

Конечно, есть религиозные, но это другое — он и там был религиозным человеком, — я вообще этих людей не касаюсь! Он и там читал Библию и думал об этом. Но таких единицы! Таких даже не единицы, а наверное, какие-то... микро-микро... элементы, да. *(Смеется.)*

Я знаю, что в каком плане вживается уже: которые здесь — ну вот они приехали с деньгами, они здесь еще сделали, они открыли какое-то дело — лавку, магазин и т.д. Вот русские магазины! Они что, вживаются в немецкое общество? Да они в гробу его видели! Они делают свои деньги, вот и все! Может быть, сделают — уедут обратно на Украину там или не знаю куда!

Не говоря о том, что это совершенно — это разные миры, по-моему. Другое дело, что вот... как-то разное отношение.

Вот у меня самые теплые чувства, так сказать, в местах моей работы именно по отношению к немцам — вот немецкие преподаватели, вот те люди, с которыми я работал; по-моему, милейшие люди.

Но я сам не умею идти в данном случае на контакт! У меня вот до сих пор могли бы, по-моему, быть отношения какие-то, потому что вот я работал в библиотеке, меня всегда же приглашали — какие-то вечеринки там, это, это! Вы знаете, ну и возраст не тот, и как-то... ну мне тяжело, честно говоря, ну тяжело общаться, я не такой певун там на немецком.

Но дело даже не в языке, дело не в этом. Дело в том, что мне трудно общаться! Но если бы я хотел, я мог бы как-то, так сказать, более. Но это не значит, что я стал, как бы вошел в этот ритм жизни. Нет, у них... Все равно, я остаюсь иностранцем, мне так кажется! При всем великолепном отношении, я серьезно говорю, очень корректном, хорошем, замечательном!

Бывает... т.е. единственное, правда, у них всегда — у всех, у самых корректных, говорят: ну чего ты сюда приехал? Чего тебе надо? *(Смеется.)* Это я перевожу так! Нет, вопросы задаются корректно! Но все-таки... И это понятно! А действительно — чего? Я никогда не знаю, зачем! Понимаете, я не знаю! *(Смеется.)* Что вот Вы задаете — я не знаю, не могу ответить, я начинаю махать рукой говорить знаками (*смеется*), да? Я не знаю!

Но... вот этот Вас интересует вопрос вживания? Я не верю. Так же, как можно жить, насколько я так понимаю, так можно жить в

Нью-Йорке: вот китайская где-то община там, я не знаю, или там ну целый город, вот и живут китайцы, по-китайски говорят.

А.З.: Ну хорошо, все равно Вы не можете жить только вдвоем, и еще с детьми, которые иногда приезжают, или с внучками...

Б.Р.: А мы так живем.

А.З.: Так и живете? Какой-то круг общения есть?

Б.Р.: Нет.

А.З.: Никого?

Б.Р.: Нет. Тома пыталась, но ее отвергли!

А.З.: А тот же Тигго — это что?

Б.Р.: Нет, дело в том, что Тигго... Тигго — кто такой Тигго, откуда я знаю Тигго? Тигго я знаю лет 40 или 50, или... ну не знаю, сколько там, — он был учеником моей мамы, он был одним из первых студентов. Ну не первый, — это не первый, так сказать, набор был, а может быть второй или третий.

В 1949 г. в Ленинграде, в Ленинградском университете организовалась кафедра русского языка для иностранцев — впервые, по-моему, на территории Союза. И мама там работала. Как раз тогда вот произошли некоторые... как Вы помните, перевертоцы — борьба с космополитами, как известно. *(Смеется.)* А мама была ученицей Бориса Эйхенбаума.

Эйхенбаум тогда загремел... ну, он был уволен с работы... Ну вот, и мать осталась без работы, и вот тут вдруг вот эта кафедра!

Образовалась эта кафедра, — и она, значит, дает... ну взяли ее работать, в общем. И Тигго был одним из студентов, не первый, конечно, а какой там — уже не знаю, конец 50 — начало 60-х. Во всяком случае, лет сорок я знаю Тигго! Ну как знаю? Ну, вот он тогда учился, приходил в гости.

Это, кстати, просто... не только было принято, а как бы даже, так сказать, обязывали преподавателей принимать студентов, показывать жизнь — красивую советскую жизнь! Не говоря о том, что мама всегда — она любила свое дело, обожала свою работу. Тигго нам не звонил лет семь! Это вот ради Вас. *(Смеется.)* Ну, ему надо было, вот он решил Вам как-то там сделать приятно, и вспомнил — а, да, есть такой, позвоню-ка я ему, так сказать. Это точно я Вам говорю, так что это...

А.З.: Т.е. у вас тут постоянной среды общения не сложилось вот какой-то?

Б.Р.: Нет, я и, честно говоря... и она и не нужна!

А.З.: Вам не нужно?

Б.Р.: Абсолютно. Вот я серьезно вам говорю, что у меня нет этого понятия — страдания там вот по поводу какой-то среды! Вот среда, вот обитание — книги! (*Широкий жест в сторону книжных полок.*)

Да? Для меня этого вполне достаточно, абсолютно!

А.З.: Это Вы привезли все из Питера, так надо понимать?

Б.Р.: В основном, да, на 90%.

А.З.: Вряд ли, что Вы купили это все...

Б.Р.: Это все привезено. Кроме части книг на немецком, — это вот когда я работал, так хоть что-то там... Я люблю вообще покупать книги...

А.З.: А возникает у Вас в контактах с немцами тема войны? Бывает или нет? Или она просто как бы...

Б.Р.: Нет, Вы знаете, вот не было так, нет.

Вот... когда я работал, это единственные мои контакты с немцами, других у меня нету, остальное — это контакты с чиновниками — с полицией там, еще с кем-то. *(Смеется.)*

Нет, пожалуй... Нет, не «пожалуй», а просто не было!

Если вообще кто-то и говорил там, скажем, о Советском Союзе, — кстати, не о России, а о Советском Союзе! — то это были люди, которые когда-то ездили туда, которым очень понравилось, которые с любовью вспоминали те места, где они были. Но это просто юность их! И они были — многие из них, кстати, были студентами, когда ездили.

Скажем, простите, то, что мы не очень любили — сельхозработы, а студентов ГДР посылали на сельхозработы куда-нибудь на Кавказ (*смеется*) — это интересно! И они с удовольствием вообще вот вспоминали! Вот это есть, я ничего не преувеличиваю. Но это вот такая ностальгия, легкая такая существует... Есть, есть такое.

А.З.: А сами Вы не вникали в историю войны? Вот одна из таких тем...

Вы сказали сами, что немцы хотят в Берлине и в Германии в целом — восстановить еврейскую общину, которая была уничтожена во время войны...

Б.Р.: Ну *такая идея возникла, я бы сказал, у правительства Коля. Немцы не хотят! Уверяю вас, что немцы не хотят!* Немцы плохо относятся к евреям. Они плохо относятся к иностранцам вообще!

И особенно эти последние годы, когда канцлером был Коль. Я тоже считаю, что это безумная глупость: ну, есть предел, есть перенасыщение какое-то, особенно в связи с Боснией вот, когда 400 тысяч сразу было принято.

Но... извините, я Вас перебил.

Мне кажется, что раньше отношение к иностранцам было лучше. Но, опять же, к иностранцам, а не... Вообще, сейчас вот такого, особого... антисемитизма в Германии, может быть, даже и нет! Потому что евреев, во-первых, не так уж много! Хотя подъехало какое-то количество, но в общем их не так уж много, а иностранцев — много!

И скорее это болезнь вот анти... антииностранщины, как бы, вот этой неприязни к ним. А к евреям стабильно плохо, вот и все, с моей точки зрения. Причем и те, кто хорошо, так сказать, тоже...

Я помню гениальный разговор с директором школы. Значит, поскольку вот заключаешь договор на год, — нет денег, ни у кого нет денег! Для оплаты таких, как я, нет денег! Библиотекарь нужен

вот так! Нету библиотекаря — копейки платят, никто не идет. А денег нет!

В общем, год я отработал, и вот директор — просто гениальный человек, он боролся за меня, он боролся за эти деньги! Чтобы мне выбить еще на год! И вот в очередной раз он меня пригласил и говорит, что — все, я сделал все, что мог, больше ничего не могу, мне на бирже сказали: все, хватит, мол, хватит писать, звонить! Надоело! Пусть теперь — мол, ему надо — вот пусть он теперь сам там...

Ну, стали составлять письмо. И директор говорит: *«Ты пиши там... это, это, это!.. Ну, что-нибудь такое покруче, так сказать! Что тяжело! Что в Россию не вернуться, так как туда не пущают!.. Вы знаете, мол, что евреев там»*... ну и т.д.

Я так остановился, и говорю, а стоит ли? Про евреев! Да и про остальное! В результате, я очень мягко так написал: что нужно кушать вообще, что нужна социальная помощь, — ну это самое обычное, что и любой немец написал бы.

А все остальное — я отверг абсолютно!

А вот его предложение насчет евреев — это было гениально! Вот тогда-то я и понял, что... — я здесь не преувеличиваю, — как немцы относятся к евреям! Я так подумал... и говорю: ну зачем это писать?

А он сказал дальше — гениально он сказал:

— Я-то хорошо отношусь к евреям, а вот как там (наверху)? Черт его знает, как они относятся?

И вот это еще больше меня поразило: «Я-то хорошо отношусь!». *(Смеется.)* Человек, который не является антисемитом, просто никак не относится — он не знает, он не обращает внимания на то, кто ты — еврей, татарин или китаец. *(Смеется.)*

Кстати, было давным-давно это социологическое исследование в Америке проведено по поводу отношения к неграм. Наверное, Вы знаете, да? — которое... «Я? да что вы! у меня есть! да я пью чашку кофе с негром! о! я люблю!..»

Там ту-ду-ду! — так сказать.

А социологи пришли и говорят: да это все расист! Потому что нормальный человек просто не заметит, негр там или кто? *(Смеется.)*

Так и здесь. Вот когда он сказал, что «Я — о! Да, я хорошо!»

Но отношение ко мне, действительно, замечательное было, знаете!

А вот как внутренне? Ну, понимаете, не знаю, не знаю, все это очень сложно!

Может быть, немцам, действительно, уже надоело, тем более они-то не убивали, им уже надоел этот визг там — что вот...

А.З.: А Вы сами были в этом музее Ванзее?

Б.Р.: Нет, я так и не добрался, не был там ни разу. Другой конец города. А Вы там побывали уже?

А.З.: Да, конечно! Я думаю, что это... одно из самых важных впечатлений, которое я вынес в Германии в этот раз!

Б.Р.: Да? Как ни странно, я... ну это вот, да простит меня Бог, но поскольку я почти не двигаюсь (*смеется*), поэтому это объяснение. Я не выхожу из дома — мне не за чем выходить из дома сейчас...

Во-первых, мне и не на что выходить из дома; чтобы выходить из дома, нужно иметь деньги. А во-вторых, просто не знаю... Раньше, когда работал, я иногда выходил хоть в книжные магазины. И в музеи, кстати!

А сейчас я никуда не выхожу из дома. Так что... Ну да, я понимаю, нет, надо съездить, конечно, когда-нибудь, если не умру... соберусь, съезжу!

А.З.: Просто одно дело, когда говорят о холокосте, а другое дело, когда это все собрано в одном месте, и видишь, как это все было... это, конечно, производит очень сильное впечатление!

Это для меня... важно для понимания немцев. Вот он сказал, «я-то хорошо отношусь, а как другие...»

А вот любят ли немцы сами себя?

Б.Р.: Черт их знает, я не знаю, но я знаю одно — что, мне кажется, что им уже все это надоело!

Вот у меня стоит книжка — это «Дегенеративное искусство». Была выставка такая лет... ну, как только я приехал, лет там, не знаю, восемь уже назад.

Вы знаете эту историю: Гитлер собрал там всех художников, которых он считал идиотами и дегенератами, т.е. весь модерн, все современное искусство, и эта выставка развозилась по городам Германии. Она так и называлась: «Дегенеративное искусство». Потом часть картин была продана, естественно, — нацистам, как и всем любителям насилия, нужна валюта (*смеется*), «родине нужна была валюта!». А то, что купили, то было распродано, а остальное было, по-моему, уничтожено.

Так вот, я помню, там была огромная, великолепная выставка, но там были залы, где... ну, скажем, кино — ну экран, в смысле, и кадры концлагарей — нацистских концлагерей!

И вот я помню, что... А, да, и там разные кадры эпохи: вот маршируют там эсесовцы, вот там визжащие девчонки кричат, приветствуют Адольфа Карловича там, и т.д. и т.д.

И все немцы сидят смотрят абсолютно нормально.

И вдруг — бац! — газовая камера, печь уже, и оттуда вытаскивают, значит, кости. И все немцы встали и ушли!

Это я помню. И я один остался! Не потому, что я хотел это смотреть — это я уже много раз видел. И я их понимаю: ну сколько можно?

А.З.: Это в каком году было?

Б.Р.: Ну, я могу посмотреть, эта выставка была... вот сейчас я вам скажу... в 92-м году!

А.З.: В начале Вашего приезда.

Б.Р.: Да-да, 8 лет назад!

Очень хорошая выставка, интересная, прекрасно сделана! Они как бы хотели передать дух эпохи, а он не только в картинах, а он прежде всего и в фотографиях, и в этих кинокадрах! И вот немцы — все — поднялись и ушли! Причем, как один! Вот это меня поразило! Это не потому, что они такие вот сентиментальные, а просто потому, что это им уже надоело!

Ну что же, им все время сообщают, что они это сделали!

Люди убивали друг друга, я не знаю, сколько... сколько человечество существует — миллион лет, там пять или десять миллионов? — все время резали друг друга, а тут вот им все время сообщают, что они убили шесть миллионов евреев!

Ну, а им-то что? Во-первых, они не убивали сами...

Поэтому, я не знаю, я к этому отношусь довольно сложно...

Память вообще здесь (внутри) сидит! А то, что каждый день сообщают, так сказать, от этого ничего не изменится!

От того, что кремлевским уголовничкам сообщать каждый день, что они там убили... там 10 тысяч, или 15 тысяч или 20 тысяч человек в чеченской кампании, — я имею в виду всех, все люди, я отнюдь не имею в виду только чеченцев, — что им от этого? Ничего! Ни холодно, ни жарко! А они сами это делают.

А так же эти бедные немцы: они же родились — там моложе меня все... в том зале уже точно были, по-моему, все молодые... ну, нет, ну моего возраста, может быть, — все равно они не успели, понимаете, поучаствовать, даже если они родились в 42-м году! Так что я не... Тут вообще палка о двух концах. Для меня этот вопрос болезненный и такой — довольно сложный!

Ты сам помнишь — этого достаточно! А зачем другому-то говорить?

Ему на это наплевать! Вот я помню... «Я помню все, я все запоминаю, любовно, кротко в сердце берегу», как сказала Ахматова. *(Смеется.)* Так что, так сказать...

Я помню, да, я помню, ну отец, — вот я родился 22 января 42-го, а он 23-го января был убит! Вот я с ним и не познакомился, — конечно, помню, а почему же не помнить! Но я же не буду бегать, и сообщать об этом...

А.З.: Где он был убит?

Б.Р.: Под Москвой... Ну там, считается, под Москвой. В принципе, этого я не помню сейчас, какой там уезд, или губерния — Калужская или там что... Под деревней Ю... В общем, это бои под Москвой!

Так что это... Да, это трагедия — убийство просто людей, тем более мы, действительно... чем как бы... знаменателен холокост? Потому что это просто убийство по признаку там, «по носу», ну там, я не знаю! Это убийство детей! Но просто убийство полутора миллионов просто этих самых!.. Ну, действительно, как-то становится странно! Так что...

Но ведь не нужно и выдумывать: немцы всего-навсего люди, а вовсе не это самое... не нация там этих самых Гете и Шиллеров, — все это глупости! Обыкновенные люди, нормальные. Есть нормальные, есть нет. Кстати, интеллигентные немцы очень приятные — вот это, кстати, это точно! А неинтеллигентные — ну, как, наверно, в России или в Китае — совершенно абсолютное хамство и мразь, дурной тон и... Тут уж действительно антисемитизм и ненависть к иностранцам, все, весь набор дерьма! Ну что делать?

Я не считаю, что образованный человек это хороший человек, ни в коем случае! Но все-таки что-то как бы обязывает! *(Смеется.)*

А.З.: А Ваш опыт и Ваши знания, — это можно как-то обобщить в нескольких фразах, впечатлениях, — о немецкости и русскости?

Б.Р.: ...По поводу русскости могу сказать, ну да простите меня, конечно, но то, что я вот видел в общежитии. Вот чем человек больше хам... больше хам, прохвост, — я не преувеличиваю ничего, — тем более он «патриот»!

Ну, в данном случае я это имею в виду. Тем более, тогда еще как бы был и Союз, еще и непонятно — там Россия, Союз там... Большой патриот. Только патриотизм! Он приехал сюда — он здесь... Ну и там он делал, и там он тем же самым занимался, но уж — «самая великая страна!» «Россия — самая великая!» Мне это просто непонятно, понимаете?

Насчет немецкости? Вот я этого, честно говоря, не заметил! Вот так, чтобы какая-то особая... Я не знаю, просто у меня же очень круг... ну вот я работал — я общался там.

Да, они немцы, они иначе смотрят, они иначе... ну это на уровне быта, знаете, вот когда... вот для них... Они до сих пор в восторге от кадров в фильме «Судьба человека», помните? И там он стакан за стаканом выпивает, — Бондарчук там играл?

А.З.: «После первой не закусываю», да?

Б.Р.: Да-да, да, после первой не закусываю! Так вот, там очень... гениально имитировал один из докторов — но это с любовью!

Что для них это... вот до сих пор для них какая-то загадка. Ну не может он так пить, понимаете. *(Смеется.)*

Но немцы пьют страшно, они ведь пьяницы чудовищные!

Даже Ницше еще обратил на это внимание, сказал, что — правда, после франко-прусской войны — что, мол, вы там, ребята, не очень-то гоношитесь, мол, что «победили»! Ничего вы не победили, французская культура еще такая-то!

К тому же, вы и пьете еще много (*смеется*), — замечательно, что-то в этом роде.

Так что вот для них как-то яснее: «это можно», «а это — нельзя!». Ну и вспоминают, что а вот «как можно там?» Для них — это непонятно! Ну, и юморок такой, на уровне... ну я не знаю, легкой экзотики — борщ, щи... Но такой я вот как бы особой немецкости?..

Понимаю, что, наверно, такая немецкость какая-то особая есть, но... Наверно, у интеллектуалов каких-то есть! А есть и у неонацистов, там, поскольку они — дети природы, так сказать, обезьянки! Наверно, у них тоже какая-то особая немецкость есть!

А.З.: Ну а вот аккуратность там эта пресловутая какая-то?

Б.Р.: Фантазия! Я не знаю, ну может быть, до нашей эры, так сказать, у древних германцев, может, они пунктуально били римлянина по голове, по черепу? *(Смеется.)*

Нет! Ни разу не было, чтобы немец не опоздал!

Я понимаю, я даже говорю — ну да, я иностранец, мало ли что, так сказать... Чтобы точно позвонил, чтобы во время пришел, чтобы... ну, ты просишь его позвонить, сказать, потому что, мало ли что может быть — я могу заболеть, я могу уйти, я могу выйти, да еще собака у нас была, я помню, и я могу пойти с собакой гулять, и не приезжай, а позвони... никогда! Никогда!

Т.е. никакой пунктуальности нет, я не знаю, что такое немецкая пунктуальность. Может, китайская пунктуальность есть, но немецкой нет. *(Смеется.)* Я серьезно, я не столкнулся ни разу. Просто ни разу!

А.З.: Да? Это интересно. А вот восточные, ГДР-ские, и западные немцы, как Вы их воспринимаете?

Б.Р.: Вы знаете, я — Вы же сами понимаете, что я не специалист в этой области. Но сами немцы ГДР-ские, как мне недавно на работе одна милая дама: «Вы же знаете, у нас немножко разный менталитет!» «Немножко разный менталитет!» И в принципе, они как бы и горды этим... Нет, ну Вы сами видите, что немецкие земли — они так недавно объединились, что у них у всех разный менталитет! Это не важно, это была Западная так называемая Германия или Восточная, — ну, по последним, наверно, десяткам лет. Так что разница между ними огромная, и северянами, и южанами там, и т.д. Но вот есть и такой, в общем-то, и ГДР-ский и западный, мне кажется, что есть, да, есть.

Ну, т.е. наверняка есть, — ну *все-таки несколько десятилетий существовала совсем другая система жизни, к которой они привыкли, кстати, к которой в общем они... относятся хорошо, должен вам прямо сказать!* Другое дело, что, конечно, с иронией, конечно, понимают, что... Но это же разные люди!

Вот я общался с элитарными в общем ребятами, и конечно... Но многие из них — марксисты в душе. Вот они... все-таки марксисты! И главное, то, что они наблюдают последние годы, ну что, все правильно, что Маркс обо всем этом говорил!

Но даже отринув, так, скажем, некий там фундамент, может быть, и ущербный, я не знаю, или утрированный, — хотя они все понимают, они понимают и Маркса, но... и то, что они говорят, кстати, я с ними тоже согласен, что они говорили, но тут есть и другой момент.

«Вот мы теперь, естественно, вот открылась граница!»

Ну конечно, они — да, они не работают, но вот, простите, они же работали до этого всю жизнь — очень хорошие по безработице они получают, они могут себе позволить, например, съездить там в Испанию, там во Францию, еще куда-то!

Вот это — это точно немецкость, о которой я — ну я вообще это... это свойственно кому угодно, но я это не люблю: после каждой поездки — фотографии! И это все привозится! И все смотрится: вот я с женой, вот это Собор Парижской Богоматери, а это... (Шепчет, смеется.) И это с любовью!

И причем как-то все тоже с удовольствием это смотрят!

Так что поэтому они и говорят — вот мы, да, говорят, вот, мы можем ездить. Ну, действительно, раньше они в Союз в очередь записывались, чтобы съездить, на Кавказ или в Крым... Они говорят — да, вот, ну конечно, о, это очень здорово...

А.З.: А Вы сумели поездить по Европе?

Б.Р.: Нет. На что? Если бы мне кто-нибудь дал денег, я бы съездил! Нет, ну единственное — мы съездили — один раз я съездил в Испанию, была очень дешевая путевка, и то я пошел и сдал книги. Я вспомнил юность, молодость, пошел сдал несколько книг — и тогда смог доехать до Испании, хотя это стоимость всего двести марок! Нету денег!

В прошлом году, правда, мы съездили в Париж, но только потому, что наши знакомые позвонили и сказали — ребята, хотите, а то мы улетаем в Италию, приезжайте, но вы должны... Там вот они в среду позвонили — в пятницу до двух часов дня вы должны быть, чтобы вам ключи отдать. Ну, поэтому мы смогли приехать, потому что это бесплатно мы жили.

Ну а на еду — мы могли ничего не есть — это копейки уже. А на автобусе это недорого — 400 марок туда и обратно на двоих — мы наскребли. А так больше — нет, просто! Поездить я бы поездил, но для этого нужны деньги. Для этого нужно не полтора года и не там год работать, а три—четыре, пять лет...

А.З.: Ну хорошо, большущее Вам спасибо, Борис Борисович!

4.4. Столкновение культур в личной жизненной истории

Беседа с Надеждой Петровной Зимон — женой профессора Герхарда Зимона, с которым она состоит в браке около 25 лет. Родилась в России, отец был репрессирован. Надежда Петровна окончила филологический факультет Московского университета, после этого работала переводчицей с немецкого в Интуристе. Познакомилась с Герхардом в один из его приездов в Москву. Мать двоих детей. Старший сын говорит по-русски.

Беседа состоялась 16 июля 2000 г., в доме Зимонов в Пулхейме под Кёльном.

А.З.: Я занимаюсь сейчас сбором материалов об отношении немцев к России, и наоборот, русских к немцам. Вы для меня исключительно интересный человек...

Н.З.: Каждый человек интересен...

А.З.: Это так, но Вы объединяете в себе обе культуры.

Н.З.: Да...

А.З.: Немецкую и русскую культуру. И в этом отношении Вы являетесь экспертом по этому вопросу: от российской, русской культуры Вы перешли к немецкой, ее освоили, и у Вас сейчас есть дистанцирование и к той, и, может быть, к другой. Так? Благодаря Вашей такой двойной идентичности. Вот я и хочу, чтобы Вы мне рассказали некоторые моменты, связанные с тем, что же такое этот процесс освоения другой культуры?

Н.З.: Ну, это у каждого по-своему.

У меня он был значительно легче, потому что я, уже будучи в России, в какой-то степени была вовлечена в эту другую культуру, ибо я изучала язык немецкий, была знакома с литературой, с историей, поэтому для меня это было не сложно, я была морально готова.

А.З.: Но все-таки в этом процессе были какие-то трудности или нет?

Н.З.: Ну, трудности были, но они всюду есть. Они и в своей культуре есть.

А.З.: Т.е., Вы считаете, в своей культуре, да? Т.е. в какой своей?

Н.З.: Российской.

А.З.: У вас неравнозначное отношение к той и другой культуре?

Н.З.: Конечно, неравнозначное. Я была, есть и останусь русской. Даже если у меня немецкий паспорт, это не меняет сути дела. Я освоила немецкую культуру, потому что у меня дети здесь родились, выросли, я с ними прошла школу, детский сад, университет, все главные жизненные ситуации. А с другой стороны, можно сказать, что я почти уже равное количество времени живу в России и живу в Германии. С другой стороны, конечно, то, что было в детстве, это самое главное! Это закладывается в детстве; и чем старше я становлюсь, тем больше я ощущаю себя как русский человек.

А.З.: Интересно. А почему это так?

Н.З.: Ну, потому что в детстве возможность усвоить что-либо значительно выше. Вот я живу...

А.З.: Нет, почему именно Вы говорите: чем старше Вы становитесь, тем больше Вы как бы ощущаете себя как русскою.

Н.З.: Ну, видимо, это такой процесс у многих: чем человек старше становится, тем больше он осознает свои корни, тем больше он возвращается к истокам...

Я Вас совсем озадачила!

А.З.: Да.

Н.З.: Я не ведомая, это известно. Со мной вести интервью невозможно. Вы не первый, который отчаивается.

А.З.: Хорошо, нет, это...

Н.З.: (Смеется.)

А.З.: Но давайте забудем об интервью, да? Пусть это вот тут... (о диктофоне).

Н.З.: Я не обращаю внимания на это, да.

А.З.: Да. А меня просто интересует... вот развить эту тему, можно ее развить? Вопрос о том, кем Вы себя ощущаете? Что такое немецкая культура для Вас, вот скажите. Кроме знания языка, — что само собой разумеется.

Н.З.: Для меня это литература, для меня это совокупность всех вот этих явлений жизненных. И что значит немецкая культура, — она также меняется в ходе времени: когда я сюда приехала 25 лет тому назад, я обнаружила здесь одну страну, а сейчас страна радикально изменилась, следовательно, что осталось — это язык, да и то язык был также подвержен значительным изменениям. Поэтому для меня немецкая культура это то, что было раньше — это Гёте, это Шиллер, это...

А.З.: Классика немецкая.

Н.З.: ...это философия, это музыка, это литература. Это для меня немецкая культура! А все вот это — то, что сейчас происходит, это все преходящее. Это все изменяется, а в какой-то степени оно и повторяется.

А.З.: А что сейчас происходит такое, что позволяет говорить об изменениях?

Н.З.: Полное изменение вообще-то в стране. Страна больше не та, в которую я приехала 25 лет тому назад.

А.З.: В каких отношениях произошло изменение? Это мне очень трудно было уловить.

Н.З.: Да! Во многих отношениях. Что касается стиля людей, обращения друг с другом, что касается стиля государственных учреждений, что касается стиля политиков, это все значительно изменилось. Не в лучшую сторону!

А.З.: Не в лучшую?

Н.З.: Не в лучшую!

А.З.: А в какую же сторону?

Н.З.: В худшую! *(Смеется.)*

А.З.: Ну а в чем это ухудшение произошло, в чем конкретно?

Н.З.: В чем конкретно, ну, например... Система обслуживания ухудшилась: раньше не было такого, как сейчас. Система обращения людей друг с другом ухудшилась: повысился эгоизм, уменьшилось значение религии, падают ценности. Ценности упраздняются, новые не создаются, да и невозможно создать новые ценности, они вечны. Они, может быть, получают иногда другое наименование, но они вечны. И... ну, это общая система. Молодым людям нелегко сориентироваться сейчас.

Уровень знаний падает, и вообще, знания не играют такой роли больше, как раньше они играли. Раньше специалист — это было важно, а сейчас важно себя преподнести, презентация, вот что самое важное! Пыль в глаза пустить: вот если ты сможешь это сделать, тогда ты на коне. Это такие социалистические явления, которые у нас сейчас повсеместно получили распространение.

А.З.: А почему они социалистические?

Н.З.: Ну, потому что раньше этого здесь не было. Здесь этого раньше не было, это появилось после воссоединения!

А.З.: Т.е. воссоединение, вы считаете, положительный процесс?

Н.З.: В принципе, я считаю, это — положительный процесс. Но ситуация сложилась так, что большее влияние оказали восточные (немцы) на западных, чем западные на восточных. Просто восточные, они более жизнестойкие, они более настырные! Мы на западе очень обленились. И поэтому, когда человеку хорошо живется, он становится не таким бдительным, он очень доброжелательный, очень спокойный, и он не замечает, как у него что-нибудь отбирают, самые важные ценности.

А.З.: Т.е. вы считаете, что это ухудшение как раз связано с...

Н.З.: Моральное падение — это связано не в последнюю очередь с воссоединением. Это мое мнение.

А.З.: Понятно.

Н.З.: Это мое мнение. У каждого есть свое мнение. Но это не только мое мнение, а это мнение очень многих, с которыми я общаюсь. Я имею в виду простых людей, не обязательно профессоров, я общаюсь с самыми разными людьми.

А.З.: Надя, а Вам приходится когда-либо в практике своей работы сталкиваться с темой войны, ее последствий?

Н.З.: Да! Очень и очень часто приходится!

А.З.: Какое она имеет значение, эта тема?

Н.З.: Это все зависит от того, с кем вы имеете дело. Если я работаю в Союзе бывших военнопленных, то, естественно, эта тема наложила неизгладимый отпечаток на всю их жизнь! Хотя они сейчас в преклонном возрасте, но, тем не менее, они по-прежнему занимаются этой темой.

А для молодых людей эта тема больше не играет вообще никакой роли!

А.З.: А в каких направлениях разрабатывается эта тема? Что это, так сказать, — военнопленные, значит, существует объединение военнопленных?

Н.З.: Да, да.

А.З.: Оно какое-то отношение имеет к российским структурам или нет?

Н.З.: Да, в последнее время, после так называемого поворота и после того, как в отношениях с бывшим Советским Союзом, т.е. сейчас с Россией, Украиной, Белоруссией, в общем-то наступила разрядка, то Союз бывших военнопленных стал поддерживать контакты с Союзом ветеранов в Советском Союзе. И там даже

была создана ячейка бывших советских военнопленных. Но это тоже не очень много, их осталось мало, советских военнопленных.

А.З.: А, советских военнопленных в Германии?

Н.З.: Между ними установился контакт. Они очень гармонично друг с другом общаются. Поразительно! Бывшие враги... Все ушло в прошлое.

А.З.: Т.е. враждебность ушла?

Н.З.: Никакой враждебности нет, абсолютно. Наоборот, исключительно дружеские отношения. Теплые дружеские отношения. Это очень трогательно! Да потом, вообще, у бывших военнопленных немецких, бывших солдат немецких — нормальных солдат, я не говорю об эссэсовцах и других. (Хотя, тоже, и в СС — нужно различать, там, собственно эссэсовские структуры и вспомогательные, обслуживающие части). У нормальных солдат и военнопленных отношение к России очень положительное, значительно более положительное, интереса больше к России, чем, предположим, у молодых людей! Молодые люди вообще не интересуются Россией, им абсолютно безразлично, для них — то ли это Россия, то ли это Чехия — ну хорошо, большая территория!

А.З.: А чем это объяснить? Так сказать, тем, что связано с их молодостью было?

Н.З.: Это было связано с их молодостью; эти люди видят себя молодыми, и все, что было в молодости, постфактум идеализируется — это у всех людей такая особенность. А молодые люди — ну это, в общем-то можно сказать, это нормализация наступила. Нормализация, нормальное отношение к России. Раньше Россия — Советский Союз — было либо страх, либо ненависть, либо любовь. Безразличия не было.

А сейчас преобладает безразличие!

А.З.: Страх, ненависть и любовь, да?

Н.З.: Да, да.

А.З.: Это раньше — это когда? И до какого времени продолжался этот комплекс?

Н.З.: Практически — до появления Горбачева.

А.З.: До появления Горбачева?

Н.З.: До появления Горбачева.

А.З.: А Вы же живете здесь уже 25 лет, т.е. это...

Н.З.: С 1975—76-го года. Около 15-ти лет!

А.З.: Значит, около 15-ти лет Вы жили в таком обществе, где доминировали эти чувства, да?

Н.З.: Да, очень сильные чувства. Я знаю по себе тоже. Меня, например, я сталкивалась... никто не воспринимал... Было очень мало русских в Германии.

Ко мне великолепно относились, как правило. И не в последнюю очередь из-за того, что я русская.

А потом, видимо потому, что стало русских больше, может быть, даже не тех русских, которых себе представляли немцы, —

отношение к русским значительно ухудшилось. Значительно ухудшилось!

А.З.: Это еще в тот, догорбачевский период, да?

Н.З.: Нет, это сейчас, в постгорбачевский. Спала всякая такая идеализация. До этого Россия очень идеализировалась многими, особенно в Западной Германии; про Восточную Германию я не берусь судить, — я была там только один раз, за год до падения стены...

А.З.: Т.е. Вы в этих условиях... так, вы сказали: любовь, ненависть и страх. Для кого эти чувства были наиболее характерны, кто же испытывал чувство любви, а кто же чувство ненависти, какие это группы населения, или как вот они?

Н.З.: Здесь трудно провести какую-нибудь черту. Иногда эти чувства испытывал один и тот же человек. Но, по крайней мере, не было безразличия. Всегда очень сильная эмоциональная заангажированность, как только речь шла о России. А сейчас ее нет, сейчас безразличие.

А.З.: А объясняется ли это тем, что Советский Союз был, так сказать, великой державой, или это объясняется больше памятью войны — объяснялось бы?

Н.З.: Я бы сказала, это объяснялось в какой-то степени и памятью войны. Это объяснялось у одних людей памятью войны, у других людей — интересом к России, не к совдепии, а к России; это еще интерес, который с XIX столетия: литература, русская литература, некоторые монархи, особенно, например, Александр Второй, который очень часто был в Германии, это помнят еще! Да, и Достоевский, Чехов, Тургенев, Толстой, Лесков.

А.З.: Лесков тоже?

Н.З.: Да. Чайковский. Идеализация такая. Россия — это что-то романтичное! Лескова очень любят, он многократно переводился, Лесков. Его «Соборяне»...

А.З.: «Соборяне» — да. А «Железная воля»? Не помните?

Н.З.: Это вы мне напомните сюжет рассказа, я читала Лескова очень давно!

А.З.: Ну, это — Гуго Карлович Пекторалис, немец, приезжает в Россию и...

Н.З.: Да-да, да, я помню! Который... *(Смеется.)*

А.З.: ...погибает в состязании с попом.

Н.З.: ...погибает... со священником, при поглощении блинов!

А.З.: Да, совершенно верно!

Н.З.: (Смеется.) Нет, это вообще неизвестный рассказ, кстати говоря, он не был переведен на немецкий язык, а, кроме того, он также поздно был опубликован и в России — в советский период он почти был... один раз он был опубликован, а потом даже и не был опубликован, был забыт. Нет, этот рассказ мало здесь известен, даже славистам!

А.З.: Т.е. амбивалентность чувств доминировала, так можно сказать?

Н.З.: Да, можно!

А.З.: Как вы сказали, что и любовь, и ненависть в одном лице могли совмещаться.

Н.З.: Да.

А.З.: И еще страх перед угрозой нового тоталитаризма и т.д.

Н.З.: Да, нового тоталитаризма.

А.З.: А вот сейчас в Германии очень широко открыты возможности для иммиграции, да? Согласны ли Вы с тем, что широко открыты?

Н.З.: Возможности для приезда в Германию людей из других стран. Да, кто хочет, тот может сюда приехать. Это... это так!

А.З.: Так уж просто, кто хочет, так вот и приедет?

Н.З.: Ну, я Вам скажу, делают люди так, что они берут билет в одну сторону... Сейчас уже сложнее стало, в последние два—три года.

А.З.: Да, да.

Н.З.: А до этого люди брали билет в одну сторону, прилетали в Кёльн или приезжали в Кёльн и сразу шли в ведомство по делам иностранцев, и подавали прошение о предоставлении им политического убежища. После этого сразу же они получали направление в общежитие и, пока разбиралось их дело, они могли здесь жить. И это продолжалось годами иногда — год, два, три. Потом им сообщали, что они не получают политического убежища, им назначалось время выезда из страны, но они не уезжали. И если они не нарушали порядок, то они и по сей день живут здесь!

А.З.: Это очень любопытно... Вступление в брак — это основание для получения гражданства?

Н.З.: Да, ну это всегда. Но не сразу — по прошествии пяти или десяти лет, я не знаю точно, как сейчас законы. В свое время, когда я вступила в брак, по закону нужно было прожить здесь пять лет, будучи замужем — или женатым — за лицом немецкой национальности, немецкого гражданства.

А.З.: И Вы получили это гражданство?

Н.З.: Я получила раньше. Я получила раньше — я получила через полтора года. Я очень не любила советскую власть... *(Смеется.)*

А.З.: Понятно. У вас был, так сказать, политический капитал в этом плане.

Н.З.: Нет, у меня не было политического капитала, я не была ни диссидентом, ничего, наоборот, даже была членом партии, кстати говоря.

А.З.: Да?

Н.З.: Но просто, после того как я один раз в Шереметьево должна была там догола раздеваться при въезде (*смеется*), я подумала, что я могу на пляже это делать лучше. А это было преимущество собственных граждан, иностранцев они так не мучили, для своих собственных граждан, как мне сказал один высокопоставленный коммунист: что они были очень гуманны, они унижали только своих, а не чужих...

Гитлер уничтожал чужих, а вот они уничтожали только своих! Этот аргумент меня убедил. *(Смеется.)*

А.З.: Но возвращаясь к вопросам культуры, к нынешним делам. Мы начали говорить об иммиграции, да? И о том, что образ России, в общем-то, снизился или, точнее говоря, стал более реалистичным.

Н.З.: Более нормализовался, да!

А.З.: А какие же чувства доминируют сейчас?

Н.З.: Доминирующее отношение — безразличие! Ну, т.е. в этом я и вижу признак какой-то нормализации. Такое же отношение, как к Франции, как к Испании, как... я не знаю, ну много ли стран на свете, и Россия — одна из этих стран. Кто ею интересуется, тот интересуется.

Но нет такой прикованности всеобщего внимания, как это было раньше! Это вы видите также и по СМИ: сообщения о ситуации в России больше не занимают так много места на телевидении или радио. Я это знаю по себе, потому что раньше мне приходилось значительно больше работать, переводить. Сейчас речь идет — о чем идет речь? — ну какие-нибудь фильмы — нормально, как о Франции, как об Испании, как о Голландии, Италии. Т.е. в этом тоже есть свое преимущество. И эти люди, которые здесь живут, русские, они больше не иммигранты, они просто живут здесь. Они просто здесь живут. Они просто решили жить в Германии, и все! И это их право!

А.З.: Но у них есть, вот как мне объясняли в этом ведомстве, есть несколько оснований для того, чтобы жить в Германии: это воссоединение семьи...

Н.З.: Да.

А.З.: ...это политическое убежище — сейчас оно, правда,..

Н.З.: Не предоставляется. Из России никому не предоставляется!

А.З.: И национальность. Так?

Н.З.: Только еврейской и немецкой.

А.З.: А остальные — они не очень-то приветствуются... Ну, на работу если.

Н.З.: Если у них есть эти — вот сейчас специалисты по компьютерам — если у них есть зеленая карточка, или как она называется, карточка для работы, а так... Ну, это квоты. Это еврейская квота — по-моему, 50 тысяч в год.

Об этом тоже очень так не распространяются, это есть, но никто особенно не знает, что есть такая система приглашения людей еврейской национальности. Потому что вот в этом есть какое-то ханжество. Либо нужно признать, что евреи преследуются в Советском Союзе и в России и поэтому они имеют право на переселение в Германию, — но этого признать не могут, никто это не признал, никто об этом официально не заявил, что евреи преследуются в России. А тем не менее они получают разрешение на переселение. Я считаю, что каждый должен получить, кто хочет.

Почему обязательно евреи? А может быть, там есть и другие, я не знаю — грузины, армяне или таджики...

А.З.: Но официальная точка зрения имеется на этот счет как бы. Вот в Берлине, например, есть такой план — воссоздать еврейскую общину, которая существовала еще в довоенное время.

Н.З.: Я не знаю, почему нужно все воссоздавать, что когда-либо было в истории? Если мы начнем все воссоздавать, что когда-либо было в истории, и что потом плохо кончилось!..

Я не вижу в этом смысла, признаюсь в этом откровенно, это я — я не антисемит, упаси господи, но я не вижу в этом смысла, потому что большинство приезжающих сюда вообще не имеют никакого отношения к еврейской религии. *А тот, кто действительно убежденный иудей, он никогда не поедет в Германию! Он сочтет это ниже своего достоинства!*

Он поедет в Израиль — что я и понимаю, я бы тоже на его месте поехала бы только в Израиль.

А люди неверующие, как они могут работать в синагоге? Я знаю, у нас сейчас в Кёльне в синагоге две трети евреев — из бывшего Советского Союза и одна треть — здешних евреев, — ну, что это получается? Атмосфера не очень-то...

В основном это люди неверующие. Тогда, если эти люди приезжают сюда потому, что здесь живется лучше, это их право — каждый человек имеет право искать! Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше, — пожалуйста, но почему обязательно афишировать свое еврейство? Тем более, обычно они его не афишируют, когда они приезжают сюда...

В этом какая-то странность.

А.З.: А когда они уже приехали, они тоже не афишировали?

Н.З.: Вот именно! Вот именно, что они тоже не афишируют. А почему бы не афишировать? Я бы афишировала, — уж раз вы приехали под этим флагом, то тогда можно и афишировать...

Но это сложный вопрос, мы с вами углубились...

А потом, понимаете, им очень трудно интегрироваться, им труднее интегрироваться, чем русским немцам. Потому что русские немцы, как правило, они ремесленники — они водопроводчики, бульдозеристы, и такую работу найти легче.

А интеллектуалам труднее найти работу. Женщины еще приспосабливаются, они делают все, чтобы пропитать свою семью. Но мужчины — они считают себя либо полными философами, полными музыкантами... бог его знает, но все крупное!

А.З.: Т.е. можно сказать так, что между различными группами, иммигрирующими в Германию из России, — ну, это не одна группа, а есть как бы несколько, и они не очень в хороших отношениях?

Н.З.: Ну, нельзя сказать, что они не в хороших отношениях, просто параллельные прямые не пересекаются. Абсолютно! И что меня поражает, я действительно вот недавно общалась с одним психологом, который занимается преступниками, вообще-то, как правило, он готовит экспертизы для суда, для случаев каких-то, и

он углубился в эту проблематику. И он обнаружил, что, предположим, русские немцы не склонны заключать смешанные браки с местными аборигенами, так же, как с местными немцами. Обычно — браки происходят между ними, внутри.

А.З.: Внутри. С русскими немцами.

Н.З.: Русские немцы: русский немец — русская немка. Русская... ну, так они. То же самое касается русских евреев — тоже браки между собой. Нет такой связи между немцами, которые все время здесь живут, и теми, кто приезжает. Это бывает очень редко, очень редко! Они в своем собственном соку варятся.

А.З.: А вот есть же еще такое понятие — немецкие евреи?

Н.З.: Немецкие евреи — их почти нет! Их почти нет, их очень мало. Они в Израиле. Екес — они выехали в Израиль.

А.З.: Как Вы их называете?

Н.З.: Они называются екес. Они выехали в Израиль, у них... голова на плечах есть. Они сразу поняли, что если я хочу быть евреем, то я лучше всего... Кто остался: остались функционеры, как Фридман, я не знаю, целый ряд людей, которые просто... здесь исполняют какие-то функции!

А.З.: Но... это я не понял.

Н.З.: У них очень маленькие общины. Поэтому они и были заинтересованы в том, чтобы приехали евреи из Советского Союза, потому что если бы продолжалось так дальше, то вообще евреи немецкие в Германии практически исчезли бы. Они даже в Кёльне не могли проводить богослужение!

Я не разбираюсь в иудаизме, но нужно какое-то определенное количество людей для совершения иудейского богослужения. И у них не хватало. И они поэтому, для того чтобы вообще не исчезло с горизонта это, Будес, ныне покойный, председатель Совета немецких евреев, он настаивал, — я не знаю, я не специалист, это, действительно, я могу вам сказать что-нибудь не то, — не знаю, сколько тысяч, но это минимальное количество. И в основном долгие годы они сидели на чемоданах, т.е. в любой момент хотели уехать в Израиль, т.е. обратно выехать в Израиль. Даже песня была такая: я сижу на чемодане, у каждого еврея немецкого стоит чемодан, уже готовый, упакованный. Я могу их понять. После того, что было, можно их понять!

А.З.: Но в немецком самосознании как бы прорабатывается эта проблема?

Я не знаю, в каком она состоянии, но есть целый блок литературы по проблеме вины, — да? Schuldproblem? И есть разные точки зрения. Сейчас я наблюдаю в Германии одно из этих изменений состоит в том, что очень приветливое отношение к иностранцам в целом, независимо от...

Н.З.: Всегда было.

А.З.: Да?

Н.З.: Всегда было. В Западной Германии всегда так было. Больше, чем в Восточной!

А.З.: Это связано вот с этой идеей вины или нет?

Н.З.: Нет! Молодые люди, они просто вообще более открыты. Большинство молодых людей, они проводят год за границей, в ходе еще посещения школы. Вот наш сын, например, был год в Соединенных Штатах, а до того, как в Соединенных Штатах, все каникулы проводили в Англии или где-нибудь в других — там где-то во Франции или Испании, в зависимости от языка.

Т.е. у них нет, у молодых людей нет такого отношения. Это только у каких молодых людей — это вот эти, из Восточной Германии безработные, узкие, узколобые, тупые — вот они, пожалуйста, поджигают там, я не знаю, дома, где живут... чужие, переселенцы со всего мира.

А так, нормальные молодые люди этим не занимаются. И у них вообще нормальное отношение к иностранцам. Какая разница? Каждый из нас иностранец где-нибудь.

А.З.: Это хорошая мысль! Каждый из нас иностранец.

Н.З.: Конечно!

А.З.: Замечательно. Собственно, я хотел именно в этом плане, чтобы Вы так рассказали, и, по-моему, мы уложились в то время, да?

Н.З.: Мы уложились, да !

А.З.: Так что большущее спасибо Вам!

Н.З.: Не за что, не за что!

А.З.: Да, вот еще! Я вспомнил наш разговор один. Вы как-то мне сказали — это после ресторана — что Вы видите одно из различий между немцами и русскими в том, что немцы предпочитают вещи, а русские предпочитают деньги, или наоборот, вот я не помню точно?

Н.З.: (Смеется.)

А.З.: Вы помните такое сравнение?

Н.З.: Нет, наоборот, русские предпочитают вещи... Русские любят вещи, а немцы любят деньги!

А.З.: А вот почему это так, чем это объяснить, это что?

Н.З.: Объяснить — отношением к благосостоянию. Для немца какой-нибудь... я не знаю, и потом, вообще, ***у немцев вот такая ментальность: они любят деньги. Они любят деньги.***

Русские не любят деньги, поэтому им очень трудно наладить экономику. Для того чтобы наладить экономику, нужно обязательно любить деньги. А русские, они в этом отношении как испанцы — они очень идеалистически настроены: идеи, идеалы для них важнее, чем... ну, элементарные какие-нибудь деньги или элементарная сделка. И переделать это очень трудно. И еще, у русских есть особенность, которая у немцев... ***У русских слово рождает слово, а у немцев слово рождает дело.*** Это...

А.З.: А вот согласитесь ли вы, что поведение русских и немцев в конфликтных ситуациях очень сильно отличается?

Когда в конфликте русские находятся друг с другом или с другим, они стараются выяснить непосредственно отношения.

Н.З.: Да.

А.З.: А немец, он не будет выяснять.

Н.З.: Они не выясняют.

А.З.: Он пойдет наверх, как бы мы сказали, нажалуется, — и пускай там начальство разбирается и наказывает того, кто...

Н.З.: Вы знаете, *это меня поразило в самом начале, с какой скоростью немцы идут в полицию, и докладывают в полиции что-нибудь.*

Вначале меня это шокировало, а потом я поняла почему. Потому что, вы знаете, если в России в свое время кто-нибудь стукнул бы в полицию, в милицию, я не знаю, то для этого человека это имело бы колоссальные последствия. А здесь это не имеет никаких последствий! Поэтому — тут вы не так можете навредить человеку. Т.е. дистанция между гражданами и вот этими органами, она не столь велика, как в России!

В России очень большая дистанция, по крайней мере, так было в то время, когда я там жила, — уже много прошло времени, я не берусь судить.

А.З.: Но стереотип сохранился, конечно! В российской системе воспитания, — я не знаю, как вы воспитываете своих детей — всегда осуждается ябедничество!..

Н.З.: Да, совершенно верно, да!

А.З.: Это вызывает презрение всеобщее!

Н.З.: Совершенно верно!

А.З.: А тут как бы считается это нормой.

Н.З.: Это норма! Если кто-то нарушает... Закон есть закон, вы знаете, закон есть закон!

Меня поразило недавно, — я на этом закончу, — я смотрела русскую экранизацию сказки «Волшебная лампа Алладина». И я была потрясена отношением к закону. Вот этот волшебник, он живет в лампе и он должен повиноваться каждому, кто является обладателем, хозяином этой лампы. И тут, значит, произошел такой эпизод: вначале хозяином был Алладин, а потом эта собственность перешла к какому-то злому волшебнику, и этот злой волшебник отдал приказ убить Алладина этому магу, который сидел в лампе.

И вот этот маг, если бы этот маг был немецкой национальности, он бы убил Алладина и вернулся бы в свою лампу, так?

А вот русский маг, он это не сделал, он пришел к Алладину и сказал — вот мне этот вот человек, который сейчас является хозяином лампы, он мне отдал приказ тебя убить, а ты — мой друг, как я могу тебя убить, что я должен делать, ведь я же живу в лампе, и кто является хозяином, того я и должен слушаться?

Тогда ему Алладин сказал — ну тогда переселяйся в кувшин, а кувшин мне принадлежит, и ты будешь слушаться меня. Так он и сделал! *(Смеется.)*

Какое представление о законности!!! *(Смеется.)* Вот такая мелочь, но это уже с пеленок детям внушается!..

А.З.: Да. Ну что ж, большущее спасибо.

Раздел II

Конструирование образа России — основные составляющие (на основе контент-анализа текстов интервью)

В первом разделе нашего исследования мы имели возможность познакомить читателя с первичным материалом — содержанием 22 экспертных интервью о восприятии России и россиян в немецком самосознании.

Во втором разделе мы отобрали те высказывания, которые оказались наиболее существенными для конструирования образа России. В текстах наших бесед выявилось 16 доминирующих тем, и из каждого интервью были отобраны узловые высказывания, представленные в виде совокупности «значимых суждений». Таких суждений получилось 295. В среднем на одного респондента приходится более 13,5 значимых суждений. Впоследствие они могли бы стать предметом количественного анализа.

Как можно было предположить, эти значимые суждения различаются между собою объемом, степенью развернутости аргументации, направленностью по отношению к предмету высказывания — России. Положительная направленность сменяется отрицательной, причем эту неоднозначность можно проследить не только в тексте всей совокупности интервью, но порою в высказываниях одного и того же респондента.Часто при этом вектор высказываний определялся самим значением слова «Россия», который имел в виду респондент: Россия как империя, Россия как СССР, Россия в состоянии кризиса, Россия, переживающая процесс трансформации.

Избранный нами метод представления текстов позволяет читателю воспринять достаточно разнообразную картину взглядов. Для оценки результатов исследования необходимо иметь в виду, что использованный нами опрос не был массовым. Это был опрос экспертов, большая часть которых так или иначе была связана с Россией. Определенная часть респондентов являются профессорами немецких университетов, занимающимися российской проблематикой, к ним примыкают профессиональные исследователи — социологи, политологи, слависты, накопившие значительный опыт изучения российских проблем. Несколько человек жили в России длительное время и имели возможность непосредственно наблюдать и даже участвовать в тех или иных акциях внутри СССР и России. Среди наших респондентов есть люди с именами в Германии и Европе, авторы статей и публикаций, организаторы конференций и круглых столов.

11 Заказ № 1007

Часть 1
ДИНАМИКА ОБРАЗА РОССИИ В НЕМЕЦКОМ САМОСОЗНАНИИ

1.1. Общее восприятие (1—20)

1.1.1. Вообще на Западе, а частично и в России, наблюдается очень большая склонность к нетерпению, к спешке. Но если мы сравниваем процессы такого исторического масштаба, такие перемены, которые сейчас происходят в России и на всем пространстве бывшего Союза.., с другими процессами такого же масштаба в других эпохах, тогда, по-моему, нет повода для особой спешки!

То, что произошло, начиная с конца 80 — начала 90-х годов.., означает очень и очень многое. Произошло фундаментальное изменение политических, социальных, экономических форм регулирования, сместились культурные фокусы. И это все еще продолжается, течет. *К.Зегберс.*

1.1.2. В России нет уверенности в своем будущем, и нет ощущения собственной национальной идентичности. В России идет строительство нового общества так, как будто бы никогда раньше России не существовало! *Ю.Фельдхофф.*

1.1.3. Хотел бы подчеркнуть, что структуры ментальности не остаются неизменными. В истории все меняется. И нынешняя Россия переживает один из самых значительных переворотов, который, несомненно, сказывается на менталитете общества. *Г.Зимон.*

1.1.4. Я всегда отказываюсь давать... оценки насчет России в целом — это невозможно! Россия — это все это вместе взятое! *К.Зегберс.*

1.1.5. В России, как мне кажется, есть сильное стремление как бы обосновывать себя на дореволюционной позиции!.. Но есть и другие течения, которые ищут опору в Советском Союзе. Или третье направление — с поиском опоры на Западе, то есть, западничество! Иными словами, идет поиск опоры, поиск идентификации, и в настоящее время в России все есть: и то, и другое, и третье! *П.Стыков.*

1.1.6. Когда я читаю корреспонденции из Вашингтона, Лондона, Парижа, Варшавы или Праги, то замечаю, что тон их таков: «Это — интересное общество. Читатели должны о нем знать!» Критика, разумеется, допустима, но установка такова, что корреспондент в целом действует в интересах улучшения наших отношений. Но применительно к России ситуация выглядит иначе. Похо-

же на то, что Россия рассматривается в качестве «потенциального врага». Не «потенциального друга» и не «актуального врага», а именно «потенциального врага». Такая установка еще остается. *П.Яан.*

1.1.7. Немцы очень боятся потери контроля над атомным оружием, боятся того, что произойдет загрязнение Северного моря! Атомные ракеты и прочее. Это одна из главных тем, и немцы, так же, как и все западные страны, боятся, что русские не имеют экономических возможностей обеспечить безопасность тех огромных вооружений, которыми они располагают. Это общее опасение.

Я думаю, что общее настроение немецких и, вообще, западных политиков состоит в том, чтобы закрыть глаза на Чечню и профинансировать Россию. И немцы дали уже миллиарды России на эти атомные станции, кучу денег, огромные деньги! Потому что существует огромный страх перед русской атомной угрозой. Это общее чувство: атомная угроза для Запада сейчас сильнее, чем до перестройки! В силу экономического кризиса и благодаря тому, что нет денег на поддержание оборудования, на его ремонт и на обучение персонала, и т.д.

Но основная точка зрения связана, конечно же, с войной и сталинизмом и тому подобными вещами.

Антироссийское немецкое общественное мнение основывается на той роли, которую Россия играла в Восточной Германии. Считают, что русские разделили нашу страну и привели к власти этих саксонских коммунистов, которые поддерживали свой авторитет с помощью Гулага и т.п. Это — наиболее отрицательный образ!

А с другой стороны, есть и позитивные стереотипы по поводу русских — они очень творческие люди, особенно в том, что касается музыки и искусства. Почти каждый немец, учившийся в средней школе, читал русских писателей — Льва Толстого и Достоевского, читал русских поэтов и слушал русскую музыку. Позитивный образ складывается главным образом благодаря искусству. *Х.Харбах.*

1.1.8. Как только речь шла о России, всегда была очень сильная эмоциональная заангажированность. А сейчас ее нет, сейчас безразличие!

Я бы сказала, что у одних людей это объясняется памятью войны, у других — интересом к России, не к совдепии, а к России. Это еще интерес, который существует с XIX столетия: русская литература, некоторые монархи, особенно, например, Александр Второй, о котором очень часто вспоминают здесь в Германии. И еще: Достоевский, Чехов, Тургенев, Толстой, Лесков, Чайковский. Такая идеализация России — это что-то романтичное! Лескова очень любят, он многократно переводился. *Н.Зимон.*

1.1.9. Из того, что показывают по телевидению и о чем пишут газеты о России, создается такое впечатление, что это страна криминала, мафии, насилия, войны... ну вообще, этнических конфликтов и т.д. Большинство только это и видят! *Г.Гюнтер.*

1.1.10. Образ России: на основании иммиграции складывается двойственный.

Я думаю, что есть позитивный образ, и есть — негативный.

Негативный образ примерно такой: «Все русские принадлежат мафии!» Это широко распространенный предрассудок.

Но другой образ — вполне положительный. Его создают интеллигентные люди из числа иммигрантов. Например, русские евреи! Они легко и быстро приспосабливаются к новым обстоятельствам. А дети их очень мобильны, они очень амбициозны в обучении и образовании. Очень хороший образ, но, конечно, и на них падает тень мафии. *Б.Йон.*

1.1.11. Кризис российской экономики я отношу к началу 80-х годов. М.Горбачев, придя к власти, попытался исправить положение дел, но это у него не получилось. Вместо подъема экономики произошел распад СССР. Нужно сказать, что пока еще кризис не завершился. Россия ищет средства выхода из него и, по моему мнению, она решит свои проблемы. Мой взгляд на Россию достаточно оптимистичен: страна располагает огромными ресурсами: особенно важен интеллектуальный потенциал страны. В России очень много грамотных людей, и я уверен в том, что они найдут верное решение вопросов экономики.

Главная проблема России сегодня — недостаточное развитие правовых институтов и законодательства. Все предыдущие правители как Советского Союза, так и постсоветской России, не обращали внимания на то, что право и правовые институты должны стать независимыми от текущей политики. Это условие существования нормального и эффективного общества.

События, происходящие в России за последнее десятилетие, дают постоянную пищу социологическому воображению и мышлению. Изменения происходят чрезвычайно быстро. Надо быть постоянно в курсе событий. Я не только слежу за тем, что происходит в России по литературе, но и постоянно — примерно два раза в год — бываю в России. *Э.Штёльтинг.*

1.1.12. (Существует некоторая) базовая позиция, объединяющая все слои политической интеллигенции или политического класса Германии.

В основе ее — уважение и надежда на благоприятный исход трансформационного процесса. Это определяется тем, что политическая интеллигенция и экономические круги Германии серьезно заинтересованы в стабильном и здоровом развитии российской экономики и политики.

Но с другой стороны, они не могут закрывать глаза на то, что происходит, и не принимать во внимание реальных фактов... Они видят страну, которая не управляется законом. Она управляется незаконными элементами. А коррупция вошла в порядок дня. При этом государство и правоохранительная система не принимают серьезных мер против этого. Эта позиция, я полагаю, разделяется всеми. Это не только то, что пишут в «желтой прессе». Это впечат-

ление, которое Россия создает сама о себе в силу того, что в ней происходит. *П.Шульце.*

1.1.13. Конечно, большая часть немцев, в том числе и те, кто занимаются преподаванием и исследованиями, не очень-то много знают о том, что происходит в России! Страна находится в сложном пложении, и немецкая пресса сообщает об этом в очень отрицательном смысле. Значительная часть журналистов из ведущих компаний создают весьма пристрастную картину. Преступность в больших городах, беспризорные дети и т.д. У меня такое впечатление, что немецкие журналисты устроили из России своего рода тренировочный полигон.

Россия! Ее сейчас легко критиковать, а когда вы выступаете с критикой чего-нибудь, то вы выглядите более интеллигентным! У нас в университете можно найти этому подтверждение. Так что, я думаю, что здесь есть своего рода профессиональная заинтересованность, пристрастие своего рода, особенно важное для молодых журналистов, которые представляют Россию в негативном свете. Это одна сторона дела.

Другая же сторона состоит в том, что немцы, кажется, очень интересуются Россией и русскими. Если оставить в стороне политические репортажи, то можно увидеть передачи, которые представляют большой интерес для зрителей. И их смотрят миллионы! Например, передача об озере Байкал, которую повторяли по меньшей мере трижды за короткий период...

Но общественное мнение создается средствами массовой инфориации, и в целом они дают негативную картину. Да и наши коллеги в университете — они очень мало знают о России, о социальной подоплеке реформ.

Они больше интересуются Путиным, и никто не понимает, что он за человек! И немецкая пресса пишет, что у него холодный взгляд! Они его не любят так, как Горбачева, и не шутят над ним, как это делали по отношению к Ельцину. А о Путине они не знают, что и думать!

Личные контакты и обобощенный образ страны — это разные вещи! Когда рассказывают о личных контактах, то не могут избежать пристрастия, склонностей. Об этом говорят положительно, иначе зачем же тогда иметь эти контакты? Так что здесь тоже пристрастия. Результат исследования не может излагаться вне контекста ваших интересов. Например, если Вы будете говорить с сотрудниками нашего университета, они будут говорить, что Россия — это катастрофа в политике и экономике. Но русские сами по себе люди неплохие и творческие. Таков обобщенный образ!

И русские, и немцы похожи друг на друга тем, что они сентиментальны и меланхоличны и тем, что они воспитывались в автократических и репрессивных общественных структурах. И у них сходное мироощущение! *Х.Харбах.*

1.1.14. Я думаю, обычная ситуация такова, что вы встретите, скажем, в газетах все предрассудки о русских. И одновременно вы

найдете интересные статьи о развитии там, о развитии там... Об одном проекте социальной работы, скажем, в Петербурге, о жизни в деревне — очень хорошая работа, сделанная журналистами. Общий баланс при этом будет таков, что вы найдете и то, и другое — и информацию о новом, и воспроизводство устаревших стереотипов.

Однако во время различных критических ситуаций, которые для нашей прессы как своего рода сигналы для собаки Павлова, баланс резко изменяется в пользу стереотипов. Например, во время второй чеченской войны я был в Москве и там встретился со знакомой, которая работает корреспондентом. Интересно, что для нее все оказалось «предельно ясным». Честно говоря, я удивился тому, насколько корреспонденты на местах подвержены стереотипному восприятию проблем. Даже журналисты, работавшие в Германии, писали более дифференцированно об этой ситуации. *П.Яан.*

1.1.15. Как и куда идет Россия? Одно мне кажется ясным. Россия всегда — в дореволюционное время, в советское время — была централизованным государством. Мне кажется, что это идет к концу.

Россия развивается сейчас в направлении к федерации. Как я уже заметил, традиция регионализма была очень слабой в России, но кажется, что сейчас все-таки регионализм в России развивается, причем не только в национальных республиках, но и в русских областях. В принципе, это хорошо. На мой взгляд, это положительный процесс. Может быть, я смотрю на это с точки зрения немецкого опыта, потому что мы в Германии имели, в общем, положительный опыт федерализма и регионализма. И я думаю, что никто не может управлять современным обществом из одного центра, такого, скажем, как Москва. Это — антимодерн. Общество должно иметь разные центры. Власть должна быть делегирована и децентрализована. Но мы знаем, что развивать такой федерализм — это нелегкое дело. Последние десять лет федерализация России шла отчасти анархическим путем. Очень много возникло в этой связи странного, несогласованного. Например, законы некоторых областей (субъектов федерации) вступили в противоречие с общероссийским законодательством, или Конституция Татарстана находится в противоречии с общероссийской Конституцией, — это не годится, конечно. Это то, что я называю анархическими тенденциями.

Сейчас новое правительство работает над этим, старается найти выход из создавшегося положения. И, тем не менее, возможно, что это и есть главное направление изменений. *Г.Зимон.*

1.1.16. Теперь доминирующее отношение к России — безразличие. В этом я вижу признак какой-то нормализации. Такое же отношение, как к Франции, как к Испании, как к многим странам, и Россия — одна из этих стран. Кто ею интересуется, тот интере-

суется, но нет такой прикованности всеобщего внимания, как это было раньше.

Теперь сообщения о ситуации в России больше не занимают так много места в СМИ — на телевидении или радио. Я это знаю по себе, потому что раньше мне приходилось значительно больше работать, переводить.

Сейчас о чем идет речь? — ну какие-нибудь фильмы — нормально, как о Франции, как об Испании, как о Голландии, не знаю, Италии. В этом тоже есть свое преимущество.

И эти люди, которые здесь живут, русские, они больше не иммигранты, они просто живут здесь... Они просто решили жить в Германии, и все. И это их право. *Н.Зимон.*

1.1.17. Точки зрения на современную Россию сильно различаются в зависимости от принадлежности к поколениям, от возраста.

Прежде всего, есть военное поколение. Оно еще живо. Им около 70—80 лет, и у них двойственное отношение к России.

С одной стороны, они чувствуют себя жертвами. Они знают, что были агрессорами и в этом смысле слова жертвами, но они не могут примириться с мыслью, что именно они были агрессорами. Они не хотят помнить того, что на самом деле произошло в их жизни. Они были очень горды собой, когда они вернулись с войны, потому что они забыли то, что они сделали. Сейчас в Германии прошла очень интересная выставка о Вермахте во время войны. Она прошла почти во всех землях Германии. Эта выставка документов и фотографий времен Второй мировой войны. Она была инициирована из Гамбурга. Судьба этой выставки показала, что эти люди и до сих пор не могут смотреть в глаза действительности, частью которой были они сами: когда обнаружились некоторые ошибки в опубликованных фотографиях, они были этому очень рады.

С другой стороны, они помнят очень хорошо, что когда они были в советском плену — а большая их часть именно и была военнопленными, так как основная группировка немецких войск воевала на Востоке — то население окружавших сел и деревень относилось к ним по-доброму и с пониманием. Русские люди многим из них просто помогли выжить. А через плен прошла огромная масса населения!

Так что у этого поколения сохранилось двойственное впечатление.

Следующее поколение, к которому принадлежу я, было полностью ориентировано на Запад.

Я родился в 1936 г. Я не принимал участия в войне, так как был еще ребенком.

У нас не было никакого представления о русской истории или истории российско-немецких отношений. Вся история, которую мы изучали, была полностью связана с холодной войной. Холодная война определяла содержание преподавания в средней школе и вузе. То, что преподавалось по таким предметам как география

или история, было чистой пропагандой. Немцы запрещали какое-либо иное знание об СССР!

В этом поколении люди очень боялись России! Некоторые из них имели личный опыт, связанный с жизнью в ГДР, ситуация в которой с западной точки зрения была совершенно нетерпима. Это касалось прежде всего тех людей, которые пытались пересечь границу, чтобы навестить родственников в Западной Германии.

Теперь обратимся к тому поколению, которое было следующим после меня. Это поколение — 1968 г. Их судьба очень сложна. В принципе у них сложилось негативное отношение к России. У них сформировались антиавторитарные настроения. В 1968 г. они были молодыми студентами, как правило, настроенные революционно и просоциалистически. Но их симпатии были направлены не на Россию. Они больше симпатизировали таким лидерам как Хо Ши Мин, Мао Цзе дун, Че Гевара. Они смотрели на Россию с точки зрения социальной революции, происходившей в третьем мире. А Россия для них не была революционной страной. Это было более или менее утвердившееся буржуазное государство и буржуазное общество. Это было общество, где была установлена «диктатура нового правящего класса». Они критически относились к ленинизму, который, по их мнению, отошел от марксистской теории. Эту точку зрения развивал, например, Дучке. Его сторонники переворачивали Ленина с ног на голову, подчеркивали идеи азиатского способа производства. Это поколение поддерживало третий мир в его борьбе и против Америки, и против советской России.

Следующее поколение — поколение ровесников моих детей — сейчас им около 30—40 лет, некоторые из них были членами социалистических групп в Западной Германии. Например, мой сын был членом Германской коммунистической партии. И как достойный член своей организации он был направлен в Москву. Он получил образование в Москве, в школе Коминтерна, которая существовала в молодежном движении. Там он встретил довольно много своих сверстников из разных концов света. Но это было в очень напряженное время перестройки, когда никакие ценности уже не признавались. Большая часть этих молодых людей пришли к выводу, что никаких законов истории не существует. Условия жизни для них были очень тяжелыми. Единственное, что было понятно для немцев как из Западной, так и из Восточной Германии, так это были их собственные отношения. В ходе учебы они, естественно, растеряли все свои коммунистические или социалистические убеждения. Они пришли к выводу, что комсомол это мафия! И что никакого социализма нет! Поэтому они оставили свои политические идеи и карьеру. *Ю.Фельдхофф.*

1.1.18. Общественно-политическое развитие России, начиная примерно с XIV в., с возникновения Московского государства, довольно сильно и ясно отличается от «европейской нормальности». Основное отличие касается внутренней структуры российского об-

щества. В старом русском обществе были сословия, например, дворянство, но оно было под властью князя, а затем царя. В России дворянство — не имело власти против царя или императора. Я бы сказал: в России не было феодализма. Кроме того, в России был очень слабо развит регионализм. Это особенно ясно при сравнении с Германией, где регионализм всегда был развит, даже до такой степени, что практически не существовало централизованного государства. Наоборот, Московское государство развивалось именно как централизованное государство. А Германия, Италия, скандинавские государства развивались как региональные сообщества.

Иным в России было и правовое развитие. Понятие собственности на землю сформировалось только в конце XVIII в., когда российское дворянство получило от царя гарантии земельной собственности. В Германии, а тем более, в Англии, это произошло приблизительно на пять столетий раньше. То есть, до конца XVIII в. царь имел возможность просто изгонять дворян с земли. Это было немыслимо на Западе. Поэтому самосознание дворянства было на Запале значительно выше в отношении к императору, чем это было в России. Русский дворянин был в значительной степени служащим своего царя. Здесь же, на Западе он был хозяином земли. Он, конечно, тоже служил царю, но при этом он имел собственные права. Русское дворянство не имело собственных прав в том смысле, что дворянство в качестве сословия не имело права требовать чего-либо от царя. Царь «жаловал» дворянина, но дворянин не имел права чего-либо просить у царя, и тем более, требовать. Отношения, таким образом, были односторонними. На Западе же очень рано сформировались двусторонние, сбалансированные отношения между царем, императором, князем и подчиненными.

Принцип разделения властей, разделение прав развивалось значительно быстрее на Западе. То же самое с церковью. К примеру, отделение церкви от государства. Папская католическая церковь и государство отделились друг от друга в Европе еще во времена средневековья. Они не только разделили сферы влияния, но они и боролись друг с другом. В России это было немыслимо! Церковь остается и сейчас частью того, что в византийских понятиях называется «симфонией». И вообще, я думаю, для России очень характерно интегральное мышление, интегральный менталитет. А на Западе же развивались, как раз наоборот, конфликтные отношения между разными группировками, сословиями, менталитетами. В России же и до сих пор, на мой взгляд, сохраняется эта жажда единства, жажда целостности, интегральности. И это довольно сильно отличает русский менталитет от западного менталитета. *Г.Зимон.*

1.1.19. Примерно 30 лет тому назад по сути дела прекратилось экономическое развитие страны. Это был провал или тупик. Прак-

тически, это был экономический крах. За ним последовал и крах политической системы или политического режима.

Почему это произошло? На мой взгляд, это вообще старая проблема Российской империи, начиная с Петра Первого. Я имею в виду проблему взаимоотношения задач внутренних и внешнеполитических. Россия всегда отдавала предпочтение внешнеполитическим целям в ущерб интересам внутреннего развития. Соответственно, и роль России на международной арене всегда была выше, чем ее экономические и социальные возможности. Со времен Петра Первого всегда огромная часть государственного бюджета расходовалась не в интересах внутреннего развития страны, а в целях поддержания или упрочения места России в соревновании великих держав.

Конечно, это не просто психологический вопрос, поэтому весьма сложно оценить, насколько оправданной была эта политика притязаний, являлась ли она гипертрофированной или нет. Ведь если бы Россия ни на что не претендовала во внешнеполитическом плане, то она, скорее всего, не смогла быть самостоятельным государством, а стала бы объектом политики западных держав. Пример Польши в этом отношении достаточно поучителен. Я имею в виду Польшу со времени ее разделов в середине XVIII в. вплоть до окончания Второй мировой войны. Поэтому можно сказать, что если бы и Россия не развивала свои силы, то она не могла бы занять свое место в международном концерте.

В этом вопросе невозможен точный расчет, как и при игре в рулетку: попал или не попал!

Из-за этого, собственно, и произошел развал советской власти. *П.Ян.*

1.1.20. Образ современной России в Германии формируется прежде всего как образ страны беззакония, где за деньги можно купить все, что угодно, где даже в высшие политические институты вплоть до самых верхов, включая институт президента, проникает коррупция, где контролирующие инстанции — парламент и Совет Федерации — то ли не могут, то ли не хотят, то ли не имеют сил направить страну в нормальное правовое русло так, как мы это понимаем в Западной Европе. Эта удручающая картина сложилась, в том числе, и благодаря финансовому кризису 1998 г. *П.Шульце.*

1.2. СССР и Россия (1—16)

1.2.1. СССР и Российская Федерация — разные страны! Произошли большие изменения! Произошло разделение... СССР был огромной страной, такой же, как США в мире.

А Россия — не так велика и могущественна в сравнении с СССР. Да! И я думаю, что величие... что идея СССР состояла в том, чтобы объединить массу населения, и благодаря этому до-

биться могущества. Но теперь эта идея — страны первого ранга в современном мире — для русских утрачена! *К.Майер*.

1.2.2. Для меня лично самый интересный аспект в следующем: Советский Союз — несомненно был государством, а Россия — это вряд ли государство! Отсутствуют почти все классические атрибуты государственности. Т.е. нет монополии власти, нет эффективной администрации, нет совершенно понятных и ясных границ вокруг России.

Достаточно серьезные проблемы с национальной идентичностью со стороны населения.

Очень много разных голосов, даже на уровне начальства, руководства, буквально по каждому отдельному вопросу. Неэффективность сбора налогов, неэффективность военного призыва и т.д.

Т.е. является ли сегодня Россия государством — это, мягко говоря, большой вопрос!

Но, как раз, поэтому Россия для меня очень интересна, поскольку мне кажется, что это вовсе не специфика страны, а это — некоторая общая тенденция. И те тенденции современной политологии, которые мне особенно интересны, привлекают наше внимание к весьма важному вопросу: governance without governement регуляция без правительства или государства. Всюду можно наблюдать, что очень важные потоки финансов, коммуникации, транспорта, миграции идут мимо государственных каналов регулирования. Государство еще существует как-то физически, но оно уже не так влияет, как раньше. И в этом процессе наблюдаются очень интересные параллели между так называемыми развитыми промышленными странами, с одной стороны, и восточно-европейскими странами, с другой, включая Россию. *К.Зегберс*.

1.2.3. Распад Советского Союза в значительной мере был мотивирован национальными чувствами. Это достаточно очевидно в Прибалтике и даже в Закавказье. Но желание освобождения было очень разным в бывших советских республиках. Белоруссия вряд ли стремилась к независимости, среднеазиатские республики также под вопросом в этом отношении.

Главным стимулом распада СССР стала борьба между общесоюзным и российским руководством. *Э.Штёльтинг*.

1.2.4. С большего расстояния видно, что в Советском Союзе были очень многие черты не просто советские, а русские, что на самом деле очень много значит контекст непрерывности между советским и русским обществом.

И чем дальше отдаляешься, тем ярче выступает эта нераздельность советского и русского. Конечно, я не отождествляю их полностью, но я понимаю, что их нельзя разделять как две совсем разные вещи. Так мне кажется! В культурном смысле. *Г.Гюнтер*.

1.2.5. Советский Союз был воплощением коммунистической империи. В его состав входило множество народов, которые были независимы в формальном смысле и выступали как носители

своеобычной культуры. Возьмем, к примеру, республики Балтии — Литву, Латвию, Эстонию. Или Молдавию, которая определенно не была частью России. Или Закавказье: Армения, Грузия, Азербайджан. В этом смысле менее проблематичным было положение Белоруссии, которая никогда не была самостоятельным государством, может быть, и Украины. Только эти три славянские республики Советского Союза и составляли нечто связное целое. Они и могли составлять русский народ. Но относительно Западной Украины в этом отношении остаются большие сомнения. Киев и (левобережная) Украина — да! Так что проблема Советского Союза не так проста! Как я сказал, это была империя, которая подавляла все эти народы. А титульные нации, как Вы знаете, были первыми, которые захотели из него выйти! И никто не хотел возникновения центрально-азиатских республик.

Россия не захотела платить за то, чтобы они выразили желание не выходить из состава СССР...

Это было так же, как и при царях. Они хотели все больше и больше от этих стран... Я думаю, что это невозможно устранить из картины жизни СССР в период сталинского руководства... Например, если взять Эстонию или Латвию, то, пожалуй, нет ни одной семьи, которая бы не пострадала. И они этого не забудут. Я имею в виду, что рассматривать нужно не только перестройку или годы после смерти Сталина, но в целом весь этот период был травматическим для большей части республик. А крымские татары, а все другие народы, которых он уничтожал! Это не имело никакого отношения к экономическому развитию! *Г.-Д.Клингеманн.*

1.2.6. В каком-то отношении жалко, что произошел распад Союза. Это был весьма интересный в политическом отношении эксперимент. Я не имею в виду коммунизма. Важнее другое. Это было своего рода международное сообщество наподобие Европейского Союза или США. Почему бы не мог существовать и Советский Союз в этом качестве?

Я, например, никогда не была в Средней Азии, может быть, вхождение этой части в СССР было на самом деле очень сложным, так как это не Европа. Возможно, что люди там живут совсем по-другому. Но Кавказ или Балтика, Украина почему они должны были отделиться?

Но теперь когда они стали самостоятельными национальными государствами, то чтобы понять, что там происходит, мне надо снова совершить путешествие по этим странам. Надо посмотреть, чем они отличаются от прежнего состояния. Если подходить к этому вопросу социологически, то, конечно, можно, наверное, заметить изменения, но за такой короткий срок — 10 лет — не может измениться все. Там, конечно же, есть еще советские черты! *И.Освальд.*

1.2.7. Россия в 1991 г. не была побежденной страной. Да, произошел распад системы, но этот распад не был связан с военным поражением. Он не был связан с оккупацией и иными средствами

применения военной силы. Распад системы произошел в силу внутренних причин. Дело в том, что советское руководство, советская система не могла справиться с задачами управления экономикой и обществом. И идеология перестала работать, она перестала кого-либо интересовать. Самым неожиданным элементом распада было то, что ценности прекратили действовать в один момент. Все потеряло значение!

И это стало ясно, когда Ельцин запретил Коммунистическую партию. Как могло случиться, что в один момент исчезла партия, насчитывавшая около 20 млн человек? И никто не пошевелил пальцем. Это показало, насколько слабой и прогнившей была система. Нечего было защищать! Такова была ситуация в Советском Союзе, в России в 1991 году. *П.Шульце.*

1.2.8. Никто не рассматривает Россию в качестве потерпевшей поражение на поле битвы и вынужденной принять любые условия договора, навязанные ей противоположной стороной. *М.Коолu.*

1.2.9. Разрыв должен быть с СССР, скажем, с советским обществом в смысле политическом, прежде всего, в политическом. Он не может быть разрывом во всех смыслах — этого нельзя вычеркнуть, это было! Но это необходимо переработать! Эти вопросы нужно обсуждать... На немецком языке этот термин звучит более или менее еще приемлемо, а в переводе на русский он звучит ужасно! Я постараюсь потом объяснить, что под этим термином скрывается. По-немецки это называется Vergangenheitsbewaeltigung. Этот термин возник в начале 80-х годов, когда была первая серьезная дискуссия среди немецких историков о нацистском прошлом, и насколько это прошлое еще существует, или существовало тогда, в начале 80-х годов: в сознании, или в каких-то, пусть маргинальных, политических явлениях или политических структурах, и что с этим делать?

Преодоление прошлого, но преодоление не в смысле забвения, а именно в смысле его обсуждения, критического обсуждения и переработки. Был момент, когда были какие-то попытки сделать это — это было, конечно, в конце перестройки, это было в конце 80-х годов, когда появилось огромное количество публикаций. Потом, с начала 90-х годов, все это абсолютно прекратилось. И вот это вот самое главное. Невозможно вычеркнуть почти столетие своей истории! Это было! Люди еще там! Они несут это в себе!

И если это не переработать, если это не дискутировать, то это будет, скорее, ипотекой, негативной ипотекой, отрицательной, и будет и дальше оказывать то самое отрицательное влияние, те самые отрицательные явления в сегодняшней России, о которых мы уже говорили.

К сожалению, те люди, которые что-то могут по этому поводу сказать, они сегодня не говорят. И не говорят они, прежде всего, потому, что никто не хочет их слушать! Обществу это стало неинтересно. И мне кажется, что самая главная задача перед сегодняш-

ней российской интеллигенцией, или, как на Западе говорят, перед интеллектуалами, — было бы не просто снова начать об этом говорить, а как-то постараться убедить общество в том, что об этом говорить нужно, что без этого нельзя! Потому что дело уже не о людях старшего поколения, там хотят они это слышать или нет! Дело в том, что молодежь этим не интересуется, и они не хотят об этом слышать! Если они это не проработают, то тогда перспективы могут быть не очень радужными. *О.Александрова.*

1.2.10. Я знаю, что сегодня в России есть у многих ощущение того, что, в результате распада СССР Россия, так сказать, проиграла. Некоторые говорят: Россия проиграла холодную войну — Советский Союз проиграл холодную войну! Но в Германии-то речь шла о том, что она проиграла настоящую войну! Не холодную, а более чем горячую, — Первую мировую войну, первую войну в истории человечества, которая принесла такое количество жертв, в которую одновременно было вовлечено такое огромное количество государств — наверное, больше, чем это было в 30-летнюю войну в XVII в.! Но речь шла все-таки только о Германии! Россия как Россия осталась. Т.е. сегодняшнюю Россию, — я бы скорее сравнивала все-таки с распадом Британской империи.

Интересно в этом сравнении другое: как легко англичане отнеслись к распаду своей империи, той самой империи, которой они так гордились: и Индия — жемчужина Британской короны! и Цейлон! и т.д., и т.д. Только там некоторые сопровождающие обстоятельства были другие: Великобритания была одной из победительниц во Второй мировой войны, но ценой этой победы стала потом потеря империи и потеря колоний...

И уже, все-таки, в России — прошло почти 10 лет! И в течение этих 10 лет очень многое было! Я уже не говорю о том, что иногда, так сказать, помахивают этим красным флажком! — Мол, смотрите, если будете слишком на нас давить, то получите второй Версаль, или вторую поствёрсальскую Германию, то бишь, поствёрсальскую Россию! В этом немножечко, так сказать, было определенное намерение добиться от Запада определенных уступок... *О.Александрова.*

1.2.11. Россия и СССР — для меня это, конечно, разные страны. Для меня было еще с 60-х годов не понятно, почему нет собственно российских... учреждений, институтов! Что, мол, это Политбюро левой рукой там управляет Россией, — да? Это я еще как питерец привык так рассуждать. И ясно было, что весь Союз — в каком-то смысле, а особенно окраины, республики жили за счет России, скажем, на ее плечах. Конечно, это не стопроцентная правда, но это многое объясняет...

Мне кажется, что во многом недостаточное политическое внимание к весу России в старом Союзе стало корнем распада! *Т.Эйхлер.*

1.2.12. Пытаться Россию возвратить в дореволюционное прошлое безнадежно! Такого рода дискуссия закрывает путь к будуще-

му. Конечно, вы можете воздвигнуть какие-то символы царизма, как вы и сделали, с двуглавым орлом повсюду, или принять старый царский флаг. Но, я полагаю, что сходство на этом и заканчивается. Ибо сегодняшняя Россия не напоминает Россию царскую ни в каком отношении. Равно как она и не напоминает ни один из этапов развития страны большевистского периода.

Я не исключаю того — в особенности на первом этапе трансформации, что сохраняются определенные традиции советского периода, но это не значит, что нравственные нормы советского периода играют роль на современном этапе. Это в большей мере воспоминания, ностальгия, фрустрация. Но сходства современной России с тем, что было 10 лет назад, не существует. Может быть, в каких-то отдельных регионах, или в некоторых отраслях народного хозяйства, которые не реструктурировались, или даже среди некоторых групп интеллигенции. *П.Шульце.*

1.2.13. Большевистский период — это, разумеется, общая фраза, и вы можете провести более детальную периодизацию. Например, военный коммунизм — это чрезвычайный период, достаточно короткий по своей продолжительности, являвшийся отражением потребности в защите, и одновременно агрессией.

Затем вы выделяете период 20-х годов.

Затем опять чрезвычайный период коллективизации и индустриализации.

Весьма специфический период с середины 30-х годов до 1941 г., — реконструкция и консолидация, коллективизация и индустриализация.

Затем следуют усилия войны.

Затем период реконструкции после середины 50-х годов.

Затем с конца пятидесятых до конца семидесятых — новый период консолидации.

Затем начинается упадок советской экономики с 1978 г. практически до сегодняшнего дня.

Все это различные этапы развития страны, но они входят в единый период времени. Вы можете назвать его советским периодом, большевистским периодом или как-либо иначе. *П.Шульце.*

1.2.14. Термин, который использовался на Западе по отношению к СССР — «Советская Россия» одновременно корректен и некорректен. Дело в том, что Россия — русский народ, российское государство — была ядром Советского государства. Язык, менталитет, образование, — все это концентрировалось вокруг русской культурной традиции, видоизмененной применительно к «советским» установкам. *Г.Зимон.*

1.2.15. Советское общество не было тоталитарным в том смысле, как у нас думают!

Конечно, политическая система, диктатура, и проверка, спецслужбы очень много знали... Но во время моего пребывания в России у меня сложилось иное впечатление. Попытаюсь объяснить это на примере. В дремучем лесу, скажем, в тайге, государст-

вом были прорублены огромные просеки. На этих просеках все просматривалось, и они были даже заасфальтированы... И проверка там была прекрасная... А вокруг этого — хаос.

Действительно, если смотреть на внешнюю сторону дела, то казалось, что в обществе есть определенный порядок. Но вокруг этой формальной структуры шла своя жизнь. Это микроотношения, или отношения на среднем уровне. И здесь действовала другая структура, нерегулируемая государством. Традиции, семейные отношения, «иметь руку» где-нибудь и т.д. Эти группы, эти специальные социальные отношения, важные для жизни, которые я встретил только в России и в Советском Союзе. Это было важно для жизни людей там. Западный наблюдатель видел только одну сторону дела, которая регулировалась государством. А остальное нам было не видно. Например, мы не представляли, что всегда существовал целый мир отношений, связанный с преступностью, где существовали свои правила поведения. Для нас это было не заметно. А это был преступный мир. В новых условиях этот мир не исчез, а стал действовать более эффективно со своей точки зрения, в соответствии со своими понятиями.

Государство также развивалось после перелома, оно создавало определенный корсет, который не давал возможности полного развала общества.

И сейчас это раздвоение общества на официальную структуру и неформальные связи сохраняется. Возьмем, к примеру, бюджетную статистику или статистику зарплаты. Они не объясняют, как люди могут существовать, как они могли пережить все это. Потому что неформальные отношения, выходящие за пределы официальности, не учитываются статистикой. Но эти отношения связаны со многими жизненно важными проблемами. Если Вы посмотрите на официальную зарплату, и на то, что они на самом деле зарабатывают, то увидите огромную разницу.

Общество продолжает существовать в раздвоенном состоянии, но, по-моему, это не база для настоящего развития. Государство не может развиваться подобным образом, оно не может собирать адекватные налоги, необходимые для решения социальных задач. Потому что все эти зарплаты неофициальные, они не зафиксированы в документах. Поэтому они не могут и работать. Это настоящая проблема для развития. *П.Яан.*

1.2.16. Я вижу также большую проблему в том, что у вас такая большая диаспора. По сути дела почти в каждой из бывших республик имеется русская диаспора. И не так просто найти решение для ситуации такого рода: вы больше не являетесь сверхдержавой, которая могла бы сказать латышам, как надо поступать. Теперь все наоборот! Русские должны сдавать экзамен по латышскому языку, и тому подобные вещи. А это не так легко. Я думаю, что это порождает напряженность. *Г.-Д.Клингеманн.*

1.3.1. По вопросу о политичесой трансформации России Ганс Магнус Энценсбергер написал в 1991 г. очень хорошую статью. По-немецки она называется «Die Heldung des Hotzugs» (»Разворот на полном скаку!») Потом она была переведена в ряде западно-европейских стран. Он показал, что революции в Восточной Европе произошли фактически по инициативе руководящих политических деятелей, которые так или иначе приняли эти преобразования. Это наблюдение верно относительно почти всех стран, за исключением Румынии. Люди, которые потеряли власть в ходе этих революций, на самом деле активно участвовали в их подготовке. У Энценсбергера главным героем является Горбачев, который сам это делает, избегая при этом кровопролития.

Кстати, очень важный момент: публикация Энценсбергера показала то, что мне было ясно и до этого. Все теории тоталитаризма практически бесполезны для анализа советского общества и стран Восточной Европы.

Гибель фашизма показывает, что тоталитарная система имеет единственную альтернативу: победа или совершенное разрушение, саморазрушение.

В странах же Восточной Европы, и в СССР была иная альтернатива — уступить власть! И ее на самом деле уступили, отдали в этих странах. Почему это произошло — это другой вопрос, я не могу на него ответить детально. Единственное, что надо отметить: все это произошло с большим запозданием. Если бы это случилось на 20 или хотя бы на 10 лет раньше, то и разрушений было бы значительно меньше.

Конечно, в любом случае (это мое личное мнение), и при этом варианте из состава Советского Союза вышли бы Прибалтийские республики на основе свободного голосования.

Возможно, что также поступили бы и некоторые Среднеазиатские республики... Может быть — Закавказские республики.

Но я не думаю, что Украина и Белоруссия стали бы самостоятельными государствами. Их отделение для меня непонятно. Искренне говорю, я думаю, что это было в интересах Соединенных Штатов, которые стремились ослабить бывшего противника (в холодной войне) и таким образом этого достигли. Это была огромная ошибка, потому что Россия, Украина и Белоруссия составляли экономическое и социальное единство. Смотрите, насколько тесны личные и семейные связи между населением Украины и России, особенно если рассматривать Восточную Украину. Поэтому создавать новые государства из этих трех совершенно бессмысленно. Это нанесло огромный ущерб развитию экономических связей, что стало одной из причин углубления экономического кризиса в последующем.

А потом, посмотрите, как происходило индустриальное развитие тех стран, которые достигли в этом деле значительных успехов.

Так называемые страны запоздавшего развития, которые не являются авангардом индустриализации. Они все это сделали отнюдь не в условиях свободного рынка! Посмотрите хотя бы на Пруссию XIX в.! Всегда это была сбалансированная политика. Не слишком много налогов или таможенных налогов, чтобы не задавить собственную промышленность. Наоборот, надо было содействовать тому, чтобы собственная промышленность могла соревноваться с другими странами. Следовательно, нужна была политика определенного протекционизма.

В новой России этот опыт не учитывался. Промышленность не могла работать при таких условиях. Кроме того, приватизация! Это было акцией, направленной на создание феодальных отношений! По-моему, так нельзя было делать. Это значит, что чикаго-бойс, разрабатывавшие теорию российских реформ, делали эти реформы не в интересах российской промышленности и российского общества, а в интересах западной промышленности. Реформы, в особенности приватизацию, нужно было рассчитывать минимально на 15 лет. В течение года такие преобразования без ущербы для экономики и интересов населения осуществить невозможно! Этим определилась сегодняшняя структурная слабость российской экономики.

В обосновании проводимых реформ огромную роль сыграла неверная оценка предшествующего состояния общества. *П.Яан.*

1.3.2. Весь процесс трансформации имеет свои pro и contra. Плюс состоит в том, что теперь мы имеем более тесные контакты. Во времена Советского Союза я не бывал там, может быть, потому, что был слишком молод! Но не только поэтому. Насколько я знаю, таких возможностей просто не было.

Так что открытость общества — несомненное преимущество реформ и политических перемен.

Наблюдаются и определенные демократические перемены, но здесь у меня есть сомнения относительно функционирования системы партий. Может быть, на самом деле олигархия управляет страной. Но об этом мне трудно судить, так как моя информация только из газет. Но если на самом деле правительством управляют подобные группы, то я против этого. И в этом я вижу большой минус, который также является следствием реформ.

Дело в том, что демократию весьма трудно внедрить за короткое время при таком повороте событий, связанных со сломом прежней системы.

Кроме того, очевидны большие изменения в социальной структуре. У вас огромная дифференциация, образовались новые богатые, новый средний класс.

И только очень немногие люди имеют доступ к власти и деньгам, имеют работу, заняты торговлей и вообще чем-либо заняты. Этот круг людей выиграл, и выиграли даже их дети или другие родственники, которых они посылают за границу на учебу.

Но с другой стороны, совершенно очевидно, что возникло много бедных. Их теперь можно видеть на улицах Санкт-Петербурга — людей, подбирающих пищу из мусорных ящиков или достающих отбросы из свалок.

Доход здесь никак не соответствует стоимости жизни — ценам на продукты питания, энергию, воду оплату жилья и тому подобные вещи. Особенно трудно пенсионерам, насколько я понимаю. Так что пенсионеры, а может быть и молодежь, и некоторые другие социальные группы получили очень сильный удар в ходе трансформации. Я думаю, что это очень плохо, когда реформы проводятся таким образом, что они наносят ущерб определенным группам населения.

Я могу сказать, что спектр экономической свободы расширился, что стало больше активности. Например, появились новые небольшие фирмы, которые занимаются маркетингом, исследованиями, где работают социологи. У меня есть контакты с такой молодежью. Должен сказать, они достаточно энергичны, они находят себе дело, и мне это очень нравится. Они получают хорошие результаты, используют интересные методы и тому подобное. Так что, с другой стороны, можно видеть открытость и новые возможности и я думаю, что это, наверное, хорошо! Им это нравится, и это открывает для них новые перспективы. После двух—трех лет такой работы у них появляются шансы на год или два поехать на Запад, а затем вернуться с хорошим знанием английского языка. Так что, есть и нечто положительное во всем том, что там происходит. *М.Кейзер.*

1.3.3. Реакция на изменения и трансформацию России (в Германии) была неоднозначной.

С одной стороны, Горбачев открыл возможности объединения Германии. В Западной Германии это вызвало большие надежды. Затем мы наблюдали распад СССР и борьбу между Горбачевым и Ельциным. По этому поводу у нас были смешаные чувства. Ведь объединение союзных республик обеспечивало достаточно устойчивое положение в этом большом регионе. А в результате распада на этом пространтстве возникла масса независимых государств. Я думаю, что это осложнило ситуацию. Но в то же время возникла возможность свободного волеизъявления для всех этих народов, которые жили под советским правлением. Это уже другая сторона вопроса.

А потом мы с интересом наблюдали конфронтацию между Думой (Верховным Советом РФ)... и Президентом России. И вопрос о президентстве Ельцин решил путем референдума. Большая часть этих изменений была одобрена с помощью референдума. А конфликт между всенародно избранным легитимным Президентом и парламентом, который не обладал легитимностью в той же самой степени, был, на мой взгляд, наиболее интересным событием в развитии России. И Вы знаете, лучше меня, что этот конфликт был разрешен с помощью силы.

Ельцин... хотел продолжать экономические реформы. Но всем известно, что экономические реформы требуют гораздо большего времени. Он смог бы достичь гораздо большего, если бы он сумел наладить сотрудничество с Думой, легитимной в демократическом смысле. Это было следующим из того, за чем немецкая публика следила с большим интересом.

А дальше история России разворачивалась таким образом, что после выборов, я думаю, после декабрьских выборов, избрание, во-первых, Президента, а, во-вторых, Думы — привело к такому ее составу, в котором доминировали коммунисты, а Президент все в большей мере становился демократическим в кавычках. И постоянно стали возникать проблемы в принятии решений на основе конфликта между Президентом и Думой, которая отказывалась утверждать то, что предлагал Президент! И таким образом возник постоянный конфликт между сторонами, и я думаю, что это влияло весьма отрицательно на весь процесс развития политической демократии в России.

Были и другие вопросы, к которым привлекалось внимание.

Так, не ясно было, будет ли Ельцин настроен на сотрудничество по проблемам безопасности, и, прежде всего, в области контроля за ядерными вооружениями? Это тоже была большая и очень сложная проблема, поскольку многие оборонные структуры остались в новых независимых государствах.

Но я думаю, что проблемы безопасности регулируются на должном уровне, и что Путин ведет дела именно в этом направлении. *Г.-Д.Клингеманн.*

1.3.4. Каковы возможности реформирования социалистической системы? Для нас это был в то время очень интересный вопрос и в теоретическом плане. *М.Коолu.*

1.3. 5. Россия сейчас — это другая страна! Изменения, как мне кажется, происходили очень быстро до середины 90-х годов.

Затем они несколько затормозились. Сейчас результаты реформ прежде всего заметны в больших городах — в Москве, Санкт-Петербурге, возможно, что и в других городах, которые я пока не знаю. В этих городах уже возник западный стиль жизни, но в других местах... пока еще далеко от этого.

Развитие оказалось сфокусировано в центре. В этом я вижу серьезную проблему: все развитие оказалось сосредоточенным в больших городах, а все остальное мало затронуто реформами. Это не может рассматриваться как признак модернизации общества. *И.Освальд.*

1.3.6. Я больше ожидал изменений в том плане, что Россия более решительно отмежуется от своего коммунистического прошлого. И напрасно, мои ожидания были завышенными. Отсюда мои разочарования, я этого не скрываю. Даже не разочарования по поводу экономики, хотя и здесь мы видим удручающую картину. Но я ожидал, что Россия более внятно отделается от коммунистического прошлого, как это и казалось, между прочим, в

1991 г. Помните эту плеяду перестроечных публицистов? Антисталинский дискурс того времени. Но из этого мало, что получилось.

Но каждый рассуждает сугубо субъективно, разумеется. Я должен признать, что я всегда был антикоммунистом. Из-за этого мне порою было тяжело здесь, на Западе. *Г.Зимон.*

1.3.7. Нельзя сказать, что все реформы успешно проведены, особенно в экономической области, — но об экономике я могу меньше сказать, потому что я не экономист. Я могу, так сказать, просто свои впечатления изложить, не более того, и это не будет претендовать на научную оценку экономических реформ. Политически... тоже результат неоднозначен. Потому что, конечно, нельзя сегодняшнюю Россию назвать демократической страной. Очень многие признаки из тех, которые для демократии необходимы, все еще отсутствуют сегодня в России. Демократия очень часто понимается еще формально, и подается — как внутри самой России, так и особенно вне ее — в соответствие с этими формальными признаками и, самое главное, по признаку свободных выборов.

Да, выборы, действительно, проводятся, и уже много прошло выборов самых разных, на самых разных уровнях. Но мы знаем также, особенно если это происходит на региональном или на местном уровне, как эти выборы фальсифицируются. Чисто формально — это неотъемлемый элемент демократии, но на практике это осуществляется совершенно недемократическим путем. Попрежнему многие органические элементы демократии в России отсутствуют, или присутствуют в недостаточной степени, или в очень... я не хочу сказать, в извращенном, но — в несовершенном виде. Это относится и к правам человека, конечно...

Если мы очень широко будем интерпретировать человека и перенесем это на социальную сферу, то тут вообще, так сказать, все выглядит более чем неоднозначно или, скорее, однозначно в негативном отношении, в негативном плане. Но тем не менее, конечно...

Я не знаю, можно ли требовать, чтобы даже за 10 или за 15 лет... — дело не в том, что такая огромная страна, — а чтобы страна с таким тяжелым прошлым в этом отношении, сразу совершила бы качественный скачок, подобный тому, какой мы видели во многих странах бывшей Восточной Европы — той, что сегодня называется Центральной Европой. Хотя и там тоже результаты далеко не всегда однозначные.

Мы видим, что и в Польше бывают какие-то явления, которые тоже не очень-то отвечают западным представлениям о том, как должно выглядеть демократическое общество, не говоря уже о других государствах. Даже и в Чехии — может быть, одной из наиболее благополучных в этом отношении стран — и то, там есть свои проблемы в этом отношении... Поэтому это все очень неоднозначно.

Можно ли было экономические реформы проводить иначе? Я на этот вопрос отвечать не берусь. То, что было сделано очень

много ошибок, безусловно. Наверно, не делать никаких ошибок тоже было невозможно, потому что никто не знает, как нужно делать. Никто не знал, как такого рода реформы проводить, — тут, так сказать, был возможен только единственный путь — путем проб и ошибок. Наверно, ошибок могло бы быть меньше, и с менее тяжелыми последствиями для населения и для экономики страны. Но опять-таки, да, экономические реформы были проведены! Как будто бы была проведена приватизация. Но, тем не менее, существует еще такое количество этих огромных предприятий, чисто убыточных, которые все еще существуют! И если они существуют хоть как-то на государственные субсидии, т.е. все это, если выражаться таким старым советским словом, все это — незавершенка. *О.Александрова.*

1.3.8. Происходит как бы возврат к тому кругу идей, которые существовали в Европе и России еще до Французской революции. *Ю.Фельдхофф.*

1.3.9. Многое отталкивает в сегодняшнем ее развитии! Вот эта показуха! Богатство напоказ, они это... не могут понять. Ведь большинство из них, в общем-то, люди весьма среднего достатка; плюс к этому еще и протестантская этика, когда нельзя, так сказать, богатство так откровенно всем показывать, это тоже играет определенную роль.

Среди просто общественности, — я думаю, что молодежь, она относится к России, скорее всего, как почти к любой другой стране, видя определенные недостатки, но если ее Россия интересует как-то особенно, то только с точки зрения взаимоотношений, так сказать, с соответствующей группой в России, т.е. с молодежью. То, что сегодняшняя российская молодежь очень резко отличается от людей старшего поколения, это тоже, так сказать, само собой разумеется!

Что касается людей среднего поколения, то я думаю, тут очень смешанные, и очень многое зависит от того, есть ли у людей какие-то контакты с Россией или нет. Те, у кого такие связи есть, будь то по работе, бизнесу, или просто из какого-то общественного интереса — и таких людей довольно много — у них, в общем-то, отношение раздвоенное: у них очень теплое отношение к народу, к населению, будь то в России, на Украине, или в Грузии, или еще где-то; и, конечно, достаточно критическое отношение к каким-то политическим явлениям, к политической системе. А люди, которые никак не связаны с Россией, которые знают о России только из средств массовой информации, — т.е., конечно, достаточно ограниченно информированы, — у них отношение более отстраненное и менее дифференцированное и, так сказать, критическое. То, что можно сказать по отношению к государству или по отношению к социальной системе, они экстраполируют это на общество в целом. *О.Александрова.*

1.3.10. Прежде всего, реформы в России, начавшиеся в 1986—1987 гг. под флагом перестройки и гласности, поначалу были

встречены с определенной осторожностью, поскольку прежний опыт не внушал больших надежд. Но когда немецкая публика и политические элиты — руководство партий и правительственные круги — убедились в том, что это не временные изменения, что в основе их лежат серьезные намерения переструктурирования политической и экономической системы российского общества — в то время Советского Союза, — тогда немецкое общественное мнение оценило горбачевские реформы как весьма и весьма положительные.

Что бы ни говорили потом, эти реформы вели прямой дорогой к объединению Германии и к падению железного занавеса, разделявшего Европу. В сознании немцев сложилось убеждение, что главный результат этих реформ состоял в прекращении холодной войны, в объединении Европы и Германии.

Последующий ход реформ в эпоху Ельцина рассматривался как логическое продолжение того, что было сделано во времена Горбачева. Теперь нужно было сделать главное: убрать завалы разрушенной и прогнившей советской экономики. Это также было встречено с поддержкой. Насколько я помню, в 1991—1992 гг. немецкие граждане добровольно посылали голодающему населению России (hungering population in Russia) огромное количество гуманитарной помощи именно в это время. Я знаю, что ведущие политические фигуры Германии, например, Президент Центрального немецкого банка мистер Велтеке (Welteke) — в то время министр экономики земли... он лично сопровождал поставки помощи из Москвы в Ярославль. Эти факты говорят о том, что немцы с большим сочувствием воспринимали страдания русских людей.

Вместе с тем мы надеялись, что семена демократии, посеянные во времена Горбачева, взойдут, и принесут свои плоды, что возникнет демократическая Россия, опирающаяся на сильную реформированную экономику.

Я думаю, что даже события 1993 г. — расстрел Белого дома — не поколебали этой надежды. Этот расстрел был воспринят как необходимое, хотя и несимпатичное, нежелательное средство, как действие, которое было направлено на разрыв с прошлым, как действие, направленное на преодоление сопротивления сил реакции.

Я думаю, что поворотный момент в восприятии российских реформ в Германии относится к середине 90-х годов, когда стало очевидным, что процессы трансформации общества и в особенности переструктурирования экономики действительно имеют место. Но эти процессы осуществляются вне связи с законом. Западная Европа, в особенности Германия, как практически соседняя страна, должны принимать некоторые меры предосторожности. Речь идет о криминальных бандах, которые внезапно проникли и на территорию Германии, о торговле женщинами, о распространении проституции, о наглых грабежах и убийствах. Возникла так называемая мафия. И в середине 90-х годов эта тема в обществен-

ном сознании по сути дела перекрыла тему развития реальной России. Общественное мнение очень остро воспринимает эту совокупность тем: мафия, проституция, наркотики, взятие людей в заложники, отмывание денег и т.д.

К этому надо добавить и то, что происходит в самой России. Открытые конфликты между криминальными бандами, постоянные разборки, покушения на жизнь, и убийства, жертвы которых исчисляются ныне тысячами. В результате в общественном мнении возникает образ страны, которая все еще движется в направлении демократии и рыночной экономики, основанной на частной собственности, но политические институты которой — я имею в виду правительство, парламент, правоохранительную систему — по сути дела не способны контролировать негативные последствия трансформационных процессов. *П.Шульце.*

1.3.11. Горбачев очень популярен в Германии, но пока не видно окончания реформ! Страна прошла только половину пути. Я думаю, что для населения страны это был очень трудный период. Потому что политические и экономические реформы идут как бы совместно, но и те, и другие очень плохо подготавливаются. Такое у меня впечатление!

Но мы в Германии очень благодарны Горбачеву за то, что он сделал решительный шаг к объединению нашей страны.

Но затем произошло так, что вся Германия несколько подвинулась в сторону востока, и в то же время возникли трудности с поездками в Россию, усложнилась процедура получения визы, и теперь лишь очень немногие хотят посещать Россию и путешествовать там в качестве туристов! *К.Майер.*

1.3.12. Но все эти проблемы — в целом — остаются достаточно трудными! Не определены рамки для стабилизации отношений и трудно понять, что же происходит в России. Мы здесь постоянно слышим о миллиардерах и миллионерах, о Березовском и других, но люди не понимают, чего они хотят!.. Но ведь все понимают, что эти люди и им подобные — ничтожная часть населения России! *К.Майер.*

1.3.13. Мнение о российских реформах в Германии консолидировано в том отношении, что никто не говорит и не верит в возможность поворота назад, в восстановление коммунистического, советского политического режима. В самом начале существовали опасения по этому поводу. А сейчас, я думаю, что поворота назад не будет.

Но относительно будущего, здесь нет единой точки зрения. И даже экономический кризис, падение рубля воспринимались без особого беспокойства. Косовский кризис вызвал больше озабоченности, особенно в начале событий. Некоторые ожидали ну, не военного конфликта, а острого дипломатического конфликта. Так что пространство неопределенности еще сохраняется.

При этом я думаю, что и у левых, и у правых более или менее одинаковые позиции по этому вопросу. Они отличаются друг от

друга по некоторым вопросам, но я не могу сказать, что у них разная в политическом отношении повестка дня. Это не заметно, по крайней мере, на уровне повседневной жизни. *М.Кейзер.*

1.3.14. Прежде всего, против Советского Союза никто не вел войны. Проблема была в том, что идея Горбачева использовать выборы для легитимизации власти в конфликте с теми, кто представлял жесткую линию в Политбюро, была ошибочной. Дело в том, что обращение к выборам привело к тому, что возникли новые вопросы — плюрализма, демократии и устранения монополии одной партии на власть. Выборы означали только начало пути. А Горбачев этого не понял!

Кроме того, экономическая ситуация была очень плохой: в стране не возникла мотивация, необходимая для того, чтобы повернуть дела по-другому. Не было средств для капиталовложений и улучшения производства. Такова была ситуация. *Г.-Д.Клингеманн.*

1.3.15. Поначалу был большой энтузиазм по поводу падения социалистического режима, но потом...

Но с моей точки зрения отстранение Горбачева было ошибкой, а этот Ельцин! Это с самого начала была катастрофа! Я, правда, понимаю, что русские не очень-то уважают Горбачева, что они его не любят!

С тех пор структура власти в России так и не сформировалась. Есть партии, но эти новые партии действуют вовсе не так, как ведут себя партии в демократическом обществе.

И я слышала также, что Российская армия оказалась изолированной от общества, что она утратила свое самосознание, и русские больше не являются второй нацией в мире после США. К тому же чеченская война не способствует упрочению самосознания. *И.Шютце.*

1.4. Оценка текущей политики российского руководства (1—16)

1.4.1. Ведь в России наступила новая эра! Теперь пришел к власти Путин. И никто ничего не знает о его карьере, его идеях и т.д. Кроме того, его выдвижение на пост Президента России связано с войной в Чечне.

Я думаю, что мнение о Путине в Германии еще не установилось окончательно. Требуется некоторое время для того, чтобы понять, в чем состоит его новый курс! *К.Майер.*

1.4.2. Конечно, я надеюсь, что Россия не будет развиваться в сторону милитаристского режима. И я думаю, что через некоторое время Россия станет одним из основных игроков (партнеров) на международной сцене, что германо-российские отношения будут отношениями между двумя демократическими государствами, которые могут сопровождаться экономической и даже политической конкуренцией, но все же конфликт интересов не достигнет мас-

штабов военных столкновений или же конфликта типа холодной войны. *М.Кейзер.*

1.4. 3. Демократические государства никогда не вели войн друг против друга. *М.Кейзер.*

1.4.4. Чеченская война говорит о том, что Россия еще далека от реальных норм демократической жизни. Демократия предполагает, что внутренние конфликты обязательно решаются ненасильственным образом. Пока идет война в одной из провинций России, это свидетельствует, что Россия не в состоянии развивать мирные инструменты разрешения конфликтов. Пока это происходит только в Чечне. Но некоторые боятся, что это будет распространяться и на другие территории. *М.Кейзер.*

1.4.5. Я думаю, что все политики в Германии очень рады тому, как развиваются связи с Россией. И при Ельцине, и даже при Горбачеве, которого мы все очень сильно здесь любили, и сейчас при Путине — все хотят, чтобы сохранялись хорошие связи с Россией, и поэтому они (политики) более или менее спокойны.

Конечно, остаются проблемные пункты — в особенности в связи с тем, что происходит в Чечне. Но все — и в Европе, и в Америке — молчат на эту тему, так как они не хотят ставить под угрозу довольно хорошие отношения с Россией. *И.Освальд.*

1.4.6. Путин пришел к власти именно благодаря войне, так как российское общество воспринимает эту войну не как войну, а как борьбу против международного терроризма. Иными словами, чеченская война это еще один пример того, как по-разному воспринимается одно и то же событие там и здесь.

Другой пример, конфликт на Балканах и война в Косово. В России война в Косово была воспринята как война НАТО в целях расширения зоны своего влияния, или даже как война Америки за установление своего мирового господства. На Западе, и особенно в Германии, был достигнут консенсус. Все общество считало, что войска НАТО обязаны войти в Косово в целях гуманитарной интервенции. В России же сам этот термин — «гуманитарная интервенция» — воспринимается не иначе, как с насмешкой. *Г.Зимон.*

1.4.7. Очень много, опять-таки, ожиданий возлагалось и возлагается на Путина, хотя... отношение к нему характеризуется все еще определенной осторожностью. На вопрос «кто есть Путин?» еще не получен окончательный ответ. Во всяком случае, немецкие политики еще не имеют на этот вопрос окончательного или исчерпывающего ответа. И многие явления в сегодняшней политической жизни в России, конечно, тоже настораживают. Я уж не говорю о войне в Чечне, это само собой! Но и то, что происходит в области прав человека, со средствами массовой информации, все это вызывает определенную настороженность у политиков.

Экономическая программа, она, в общем, более или менее поддерживается в Германии, но, конечно, нужно посмотреть, насколько она будет реализована и будет ли она вообще реализована,

и как далеко, насколько последовательно она будет проводиться в жизнь. Конечно, что касается немецкого бизнеса, как и бизнеса в любой другой стране, они, представители бизнеса, больше, чем политики, или чем представители общественности, готовы закрыть глаза на такие явления, как не совсем благополучная ситуация с правами человека или со средствами массовой информации.

И если экономические реформы действительно... Не только экономические, но и, предположим, новое законодательство, — налоговое законодательство, и законодательство о разделении доходов, и прочие все эти вещи, — если это действительно будет осуществлено, и все это будет функционировать, то я думаю, что представители бизнеса, и, прежде всего, немецкого бизнеса, будут готовы вернуться в Россию — они просто ожидают вот такого рода политического сигнала. *О.Александрова.*

1.4.8. Ведь тоже говорили с 90—91-го года о том, что вот распался Советский Союз, а теперь следующее — это распад России, — я в это не верила и не верю! И даже если бы, предположим, если бы Чечне дали самостоятельность. Например, один из аргументов Путина в том, что, начав войну против Чечни, мы предотвратили распад России! Никакого бы распада России не было, абсолютно! И мало бы кто... Я думаю, очень многие бы радовались тому, что Чечни не было бы в составе России, так сказать, баба с возу — кобыле легче! Может быть, многих бы проблем не было, не говоря уже о войне! *О.Александрова.*

1.4.9. Теория многополюсного мира просто не соответствует действительности! Во-первых, мир — что это значит: он однополярен или многополярен? То, что США сегодня самая сильная держава в мире, это ни у кого не вызывает сомнения. И в связи с этим США оказывают определенное влияние на определенные тенденции развития, будь то в политической области или в экономической области. Но, с другой стороны, эти центры, другие центры — являются ли они полюсами или нет, это большой вопрос! Или просто сильные державы, они существуют. Но особенно смешно мне становится... В «Концепции внешней политики», которая была опубликована неделю назад. Там написано, что вот «Россия выступает против однополярного мира и будет всячески содействовать строительству многополярного мира»! Вы можете мне сказать, как можно содействовать строительству многополярного мира? Это что — Россия скажет Японии: с завтрашнего дня вы — один из полюсов завтрашнего мира, и баста, и никаких возражений?! Что значит строительство многополярного мира? *О.Александрова.*

1.4.10. К Путину у меня лично есть негативное отношение. Абсолютно негативное отношение! Мое личное отношение. Мы сейчас отделяем мое отношение от немецкой политики. Ну, по целому ряду причин. Прежде всего, я совершенно не могу принять того, что он представитель КГБ, и... сравнения, которые иногда можно встретить, что вот и Буш в свое время, он тоже был дирек-

тором ЦРУ, и Клинтон тоже был директором БМГ, но тут есть одна большая разница: да, они были, но они были — как политики, туда назначенные. Они не выросли из недр, они не были сотрудниками этих структур. И я думаю, тем не менее, в Америке невозможно, чтобы какой-нибудь сотрудник ЦРУ, именно который там начинал, так сказать, с самых первых шагов, всю жизнь провел в той организации, стал бы президентом, стал бы крупным политиком. Маловероятно.

Пересматривать итоги выборов поздно, уже президент избран, надо было в свое время думать! Но тут уже, так сказать, это... работа тех самых людей, которые определяются этим не очень красивым неологизмом — пиарщики и прочее! А во-вторых, конечно, целый ряд шагов, которые уже им сделаны, прежде всего, война в Чечне, война со средствами массовой информации, или, вернее, с некоторыми журналистами или с некоторыми органами массовой информации, — конечно, с моей точки зрения говорят против Путина, и я совершенно не знаю, что от него можно ожидать! Можно такой просвещенный или не очень просвещенный авторитаризм? Я не говорю о тоталитаризме, для этого уже Россия достаточно далеко продвинулась, это не так легко сегодня. А определенное... да, возможно.

И потом, конечно, то, что сегодня вместе с ним, так сказать, КГБ — не только он сам представитель КГБ, но КГБ просто пришло к власти, — посмотрите все новые назначения, особенно в области именно внешней политики: Совет Безопасности, и он играет все большую и большую роль, и бывший начальник внешний разведки — теперь министр по делам СНГ, и т.д., и т.п.; и Примаков возглавил какую-то идиотскую комиссию по урегулированию конфликта в Приднестровье, хотя есть комиссия ОБСЕ, непонятно, зачем еще одна комиссия и т.д. И это, конечно, у меня вызывает абсолютное неприятие, это я говорю абсолютно открыто. *О.Александрова.*

1.4.11. Немецкая политика, — да, они, так сказать, не хотят плохих отношений с Россией, хотя они все еще достаточно настороженно относятся к Путину. Но... даже на какие-то вещи готовы закрыть глаза, именно потому, что не хотят ухудшения отношений с Россией. Хорошие отношения с Россией считаются одним из важнейших завоеваний немецкой внешней политики за последние 15 лет! Установление хороших отношений с Россией! И мы начали с Вами разговор с того, что 20 лет назад трудно было бы вообще подумать о том, что вот такое было возможно, правда? Если мы вспомним всю советскую пропаганду о фашистском государстве ФРГ и т.д., и т.д.

Но... я не считаю, что отношения между Россией и Германией должны быть плохими, но я считаю, что на фигуру Путина и на его политику нужно смотреть очень трезво. *О.Александрова.*

1.4.12. Что касается ситуации в Чечне, то если сравнить с тем, что было в августе или в сентябре 99-го года, то кризис не удалось

локализовать. По-моему, ситуация даже хуже по сравнению с тем, какой она была в начале осени 1999 г. Удалось локализовать в том смысле, что это все происходит, так сказать, на территории Чечни. Но локализовать ценой энного количества, — «энное» количество — тысячи или там, я не знаю, скольких тысяч — жизней как российских военнослужащих, с одной стороны, так и чеченского мирного населения, с другой стороны, разрушенных городов, абсолютно разрушенных городов, прежде всего Грозного, который просто сравняли с лицом земли...

А рейды чеченцев продолжаются! Молодое поколение чеченских мальчиков, которое будет подрастать, оно будет вырастать в условиях абсолютной враждебности к России после этих двух войн. Т.е. этот внутренний враг, этот внутренний нарыв, он всегда будет, и он будет передаваться по наследству, так, как это было в Палестине в свое время. Так что локализовать — да, но это будет продолжать и дальше воспаляться...

Подменили понятие этноса — подменили понятием религии. Он из чеченца стал исламистом, или ваххабитом, или радикальным исламистом, террористом, исламским террористом. *О.Александрова.*

1.4.13. То, с чем мы сталкивались и сталкиваемся до сих пор в Чеченской войне, это неуважение русских солдат к правам человека, к гражданскому населению. Если мы посмотрим на картину, которую представляет собою Грозный и Чечня, безотносительно к мотивам и обоснованиям... Нельзя разрушать город только для того, чтобы захватить пару тысяч так называемых террористов... Может быть, это так и осталось в памяти со времен войны.

Я думаю, что в каком-то смысле русские военные не извлекли никаких уроков со времени 1941 г. и до сих пор. Направить танки, все кругом расстрелять, давить, давить, и давить, не считаясь с тем, сколько людей будет уничтожено на стороне противника, и сколько погибнет своих. Так что, как не было, так и нет уважения к правам человека и ценности человеческой жизни. И эта концепция войны вновь и вновь возрождается именно в том виде, как это было в прошлом. *П.Шульце.*

1.4.14. Кто такой Путин? Как с ним себя вести? И какие будут отношения между Россией и Германией? Это большой вопрос. И Вы знаете, каково отношение к войне в Чечне и на Кавказе. Официальное мнение и то, что дается в средствах массовой информации, по телевидению и т.д. ...И у нас складывается не то чтобы симпатия к чеченцам, но негативное отношение к России и Путину. Они все время повторяют требование — остановить войну, что Путин должен оттуда уйти и т.д. Это общее мнение! На каждой встрече Европейского сообщества принимаются резолюции и т.д. По поводу Иванова, по поводу Путина и России. На мой взгляд это лицемерие!

И если Вы задаете мне вопрос по поводу русского национализма, я не знаю, можно ли оценить политику Путина с этой точки

зрения? Считать его националистом? Я не могу, не могу! Я не знаю, я не знаю! Но я считаю, что ситуация на Кавказе в значительной степени осложняется амбициями США, Германии и других стран, которые хотят добраться до нефти и дестабилизировать Россию! Если позиция Путина против них, то он мой друг! *(Смеется.)* Это видно из предыдущих акций: смысл войны в Косово в том, чтобы дестабилизировать российскую ситуацию! *Э.Хаан.*

1.4.15. Я думаю, что наши корреспонденты в России — это самостоятельная проблема. То, что они публикуют, весьма важно для формирования общественного мнения в Германии. Но дело в том, они живут в какой-то мере замкнутой группой, их собственное мнение формируется на основе того, что они говорят в своей среде. Поэтому они пишут как бы по единому шаблону, достаточно единогласно. Я считаю, что у них нет опыта самостоятельной жизни в России, и это сказывается на их профессиональных качествах. Во времена советской власти такое положение дел было вполне понятно. Иностранные корреспонденты жили вместе в отдельном доме, который охранялся милицейским постом. Контакт с ними был возможен только на основе разрешения из бюро. Я не знаю, кто там работал. Они жили как на другой планете. И мы — студенты или аспиранты — знали о жизни в стране гораздо больше, чем люди, которые этим занимались профессионально.

Сегодня же они действительно свободны. Ну, конечно, достать себе квартиру в Москве бывает нелегко, поэтому все еще сохраняются некоторые здания, где они живут и сегодня. Но теперь они могут подойти к любому человеку на улице с микрофоном и спросить у него/нее: «Пожалуйста, скажите мне, каково Ваше мнение о том-то и том-то». Но они все еще живут так, как будто продолжается советский порядок, советский режим. В этом и состоит проблема. Если возникает какой-нибудь, даже самый небольшой конфликт, то немецкая пресса прежде всего обвиняет российскую сторону. Но вполне понятно, что есть и другая точка зрения на этот конфликт, которая заявляет о себе: «Мы правы».

Это вполне нормально, но освещение российских событий оказывается окрашенным в агрессивные тона, и здесь не наблюдается самокритичности. Например, косовский конфликт и бомбардировки силами НАТО территории Югославии. Здесь никто не обратил внимание, что Россия имела право сказать: «минуточку, ведь между Германией и Россией существует договор, в котором записано, что немецкие, германские войска не могут действовать вне территории стран НАТО без нашего согласия. Вот, смотрите — текст договора». Об этом никто не задумался, как бы принимая за само собою разумеющееся, что мы имеем право или обязательства защищать права человека в Косово. А когда аналогичная ситуация возникла в Чечне, то освещают ее совсем в ином ключе. Выработан двойной стандарт оценок, и это, на мой взгляд, сохранение остатков холодной войны. *П.Ян.*

1.4.16. Как мне показалось уже несколько лет назад, главная проблема России: существует ли вообще государство? Или Россия будет развиваться как средневековое общество? Значит, там — великий князь, там — маленький князь... Это — личные феодальные отношения. Разница лишь в том, что если раньше были князья из дворян, то сейчас — князья от промышленности. А монополия власти на территории страны — это, как известно, является самым важным моментом в определении государства (речь идет о монополии насилия согласно определению государства, предложенному М.Вебером) — то, этого больше не существует. Что касается законов, то в России существуют одновременно взаимоисключающие законы. По одному и тому же вопросу есть один закон, но есть и другой закон! Вместе они невозможны, как вода и огонь. И никто не говорит, что надо сделать выбор: или — или!

Это еще одна проблема. Может быть, Путин ни в коем случае не демократ, но по-моему он понимает значение государства, понимает способы его функционирования и его регулирующую роль. Это — то, что мы называем правовое государство (Rechtsstaadt). Правовое государство не следует смешивать с демократией. Важно, что оно вообще существует и что есть законы для всех. А значит, есть государственный порядок, у государства есть задачи, которые оно должно выполнять. Если это сохраняется — по-моему, уже много сделано для развития.

Еще одна проблема. Когда я знакомлюсь в вашей прессой или телевидением, то прихожу к выводу, что общественное мнение у вас далеко от свободы. Это не значит, будто я считаю, что на Западе в этом отношении все благополучно, что на Западе — свобода, а в России — ее нет. В Германии, например, Вы не можете создать газету, которая действовала бы против интересов промышленности. Без рекламы газета не может существовать. Конечно, можно издавать журнал, у которого будет 5000 читателей. Это значит, что здесь тоже существуют определенные границы свободы в самой системе. У вас: чуть-чуть хуже.

Но, я думаю, современные средства, например, Интернет серьезно расширяют границы свободы. Все попытки возродить цензуру практически невозможны. Посмотрите даже на Китай! Там еще старая система, и все-таки так много мнений находят путь туда. Это такая проблема... Уровень техники сегодня такой, что монополизация очень трудна. *П.Яан.*

Часть 2
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. ЕВРОПА, ГЕРМАНИЯ, РОССИЯ

2.1. Глобальные процессы (1—6)

2.1.1. Старое понимание проблем общества таково, что есть президентский режим, парламентский режим, само общество и т.д., но обо всем этом можно спорить! А в принципе это такая точка зрения, что есть государственные интересы, которые выражаются руководством.

Все это мне представляется совершенно неадекватным сегодня. Поэтому мы переходим к новой схеме, к новой интерпретации, в рамках которой мы рассматриваем систему новых акторов, среди которых есть и экономические, т.е. отраслевые акторы, территориальные, федеральные, бюрократические, общественные, между которыми идут какие-то потоки, переговоры, торги и т.д. Такова картина, с помощью которой мы стараемся понять, что же сегодня происходит не только в России, но и в мире в целом. В том числе, и в России.

Сейчас особенно интересно, в какой мере новому руководству удастся справиться с этими новыми вызовами: может быть, ему придется несколько отступить назад, в ту сторону, где пока еще находятся остальные государства. *К.Зимон.*

2.1.2. В современной России одновременно происходят процессы изменений политических, экономических, социальных и культурных взаимоотношений на основе того, что было до этого. Т.е. на основе того, что экономисты называют pastdependency — зависимость от прошлого.

И в то же время имеет место совершенно другой — новый контекст этих же процессов. Это глобализация.

Т.е., все, что меняется в России, это одновременно, частично, ответ на региональный и национальный контекст, на контекст прошлого, и, в тоже время, это ответ на шансы, на ограничения, на вызовы глобализации!

Это, по-моему, — в самых общих чертах — основной контекст анализа современных преобразований в России.

Если мы используем такой подход, тогда, наверно, у нас получатся более удачные интерпретации, чем в том случае, если бы мы фокусировали нашу работу только на таких понятиях как «реформы», «антиреформы» и т.д. *К.Зимон.*

2.1.3. Факт (состоит в том), что национализм это как раз то, что может быть использовано в целях мобилизации теми, кому это выгодно. Вспомните, как в 90-м и 91-м годах последнее поколение так называемых коммунистов в союзных республиках очень быстро конвертировалось в сторону умеренного национализма. Это, прежде всего, Грачев, Дудаев, и многие другие, и даже сам Ельцин. Т.е. национализм — это средство мобилизации, и он используется в качестве такового конкретными заинтересованными группами, если им это надо. Это было тогда, и это происходит и сегодня!

Но теперь условия изменились, возникли новые рыночные отношения, существуют финансовые потоки, которые действительно намного сильнее и влиятельнее, чем каждое отдельно взятое национальное правительство. Есть Интернет. И все российские группы, акторы, кланы, сети — осознанно или неосознанно — в весьма сильной степени зависят от каких-то процессов, которые происходят вне России, — от МВФ, от ОБСЕ, от финансовых рынков и т.д. Т.е. любая стратегия развития в изоляции, в отдельности — просто не работает. Просто не работает! *К.Зимон.*

2.1.4. Пока еще государство не утратило свое значение, государство еще во многих государствах, прошу прощения за тавтологию, оно достаточно сильно и оно должно выполнять достаточно много функций в условиях глобализации или не в условиях глобализации: функции охраны общественного порядка, функции определенного регулирования. Ведь нельзя сказать, что государство не играет роли, что все пущено на самотек. Нет и нет! На эту тему уже и в России достаточно написано: глобализация не означает чрезвычайно сильного вмешательства государства в общественную жизнь. Оно предполагает правовое регулирование, т.е. определенный свод законов, определенное законодательство, наблюдение за тем, чтобы это законодательство соблюдалось, чтобы это все осуществлялось, претворялось в жизнь и, в случае нарушения всего этого, так сказать, принимать определенные меры. Поэтому, может быть, в каких-то отношениях роль государства несколько уменьшается, но оно пока еще не отмирает. *О.Александрова.*

2.1.5. Глобализация неизбежна, но она принесет массу потерь для развивающихся стран, в том числе, вероятно, и для России. Она, прежде всего, выражает специальные интересы крупных компаний. У некоторых из этих компаний больше денег, чем у того или иного национального государства. Так что, важно не просто глобализация, а что за этим стоит. Надо это знать! Она окажется более дорогой для более слабых. Когда мы говорим об этих потерях, то это в меньшей степени касается западной культуры, которая подавляет культуру развивающихся стран. Происходит макдонализация мира. Голливуд, макдональдс, кока-кола; эти глупые голливудские сериалы, которые охватывают весь мир! Это — потери! С точки зрения теории социальной эволюции это означает американизацию. Я это не поддерживаю: мне нравятся американ-

цы, но не нравится Америка! Американцы в принципе надежные люди, они воспитаны в духе демократических ценностей. Они открыты, они слушают... они более эмпиричны в своем поведении, чем европейцы. Но у них очень плохое представление о русских — в черно-белом цвете. И это воспроизводится миллионными тиражами по всему миру благодаря Голливуду! *Х.Харбах.*

2.1.6. Мы можем путешествовать сравнительно свободно. Мы можем слушать симфонический оркестр из Санкт-Петербурага, а вы — из Берлина. Это большой вклад культурных контактов для развития взаимопонимания. Важны также и контакты между группами молодежи, которые сами могут увидеть, что все мы люди. Что как хорошие, так и плохие люди есть в каждой стране.

Если взять проблемы ядерных вооружений, то мир бесспорно полицентричен. Но если подойти к этому вопросу с точки зрения экономических возможностей, то мир оказывается в большей мере моноцентричным, поскольку США обладают наиболее развитой экономикой. Сама экономика становится в значительной мере глобальной. А область культуры, конечно, полицентрична. Я думаю, что вклад даже самой маленькой нации в литературу, музыку, танцевальное искусство и во все эти виды деятельности является выражением полицентрической культуры мира в целом. Я ценю такого рода вклад очень высоко. *Г.-Д.Клингеманн.*

2.2. Россия и Европа (1—20)

2.2.1. Что касается дискуссии относительно того, является ли Россия частью Европы, то я ее воспринимаю как идеологию!

Что такое Европа? Конечно, географически Россия более азиатская, чем европейская страна. Но, конечно же, я не это имею в виду. Можете ли Вы представить себе европейскую культуру без России? Нет! Конечно, Россия стала относительно поздно частью Европы в культурном отношении. Но совершенно ясно, что культурная модернизация в России началась примерно 300 лет тому назад, а до того времени ее культура строилась на иных основаниях.

Я имею в виду, что российское государство стало действовать не только через религию. До этого центром всей жизни была религия, как и у нас в Европе в средние века. Религия была тогда в центре selfdefinition — в центре самоопределения. Потом начался новый этап, на котором было заявлено: «религия не является нашим самоопределением, это часть идентичности, но она не находится в центре нашей культуры». Наша культура — это часть нового развития. Конечно, для этого нужно было время. Но посмотрите на XIX век!

В России: в основе ее культуры — литература, музыка, техника, естественные науки. Это было вполне нормальное европейское государство, если мы имеем в виду, что под европейским понимает-

ся новая техника, новая промышленность, определенные сферы культуры, включающие в себя в качестве наиболее важных элементов музыку, литературу.

Особенно важны общие нормы, которые действуют не только в одной стране, но во всех странах Европы, включая те же Соединенные Штаты. *П.Яан.*

2.2.2. Если сформулировать общий вывод по вопросу, является ли Россия частью Европы, то он выглядит следующим образом: Россия находится на грани Европы. Не только в географическом смысле, но и в историческом, политическом, если хотите, ментальном смысле. Это значит, что Россия является частью Европы, но она находится на периферии. Россия не является центром Европы, потому что туда вмешиваются еще совершенно иные влияния и традиции. История России и современность России осуществляются лишь отчасти в соответствии с европейской парадигмой. Есть другие парадигмы, которые влияют на современную Россию в отличие, скажем, от Польши. И часть ответа на вопрос о различии хода реформ в России и других восточно-европейских странах следует искать в истории: например, Польша в гораздо большей степени принадлежит Центральной Европе, чем Россия.

С другой стороны, Россия — отнюдь не единственная периферия Европы. Испания — тоже ее периферия. Некоторые также относят Турцию к периферии Европы, но я в этом сомневаюсь. Скорее, Турция находится вне Европы. В Турции наблюдаются некоторое европейское влияния. Но это вопрос спорный. Сейчас мы открыли официально дверь Турции в Европейский Союз.

Такое положение России в Европе объясняется исторически. *Г.Зимон.*

2.2.3. Мне кажется, что с точки зрения немецкой политики Россия достаточно далека от Европы. Прежде всего, немецкая политика не очень-то интересуется Россией, а если и интересуется, то в том смысле, что Россия — страна непонятная, от нее исходит некоторая угроза. Поэтому они не воспринимают ее как часть Европы. И люди, которые живут в Германии, думают примерно так же. Россия не рассматривается как страна европейская! *П.Стыков.*

2.2.4. Россия — огромная страна, и в то же время это часть Европы. Есть также и азиатская часть России. А европейская часть России, конечно, часть Европы. Ленинград—Санкт-Петербург — европейский город! Он отличается от Москвы. Москва же несколько восточная, азиатская чуть-чуть! Но она — центр страны, ее сердце, а Петербург все же периферия. *К.Майер.*

2.2.5. В историческом развитии России были пропущены многие аспекты западноевропейского развития, ставшие решающими для становления современной Европы. *М.Коoли.*

2.2.6. Является ли Россия частью Европы — в принципе, никто всерьез об этом не спорит!

Всерьез — знают, что... это Тургенев или Достоевский. Эта культура несмотря на все азиатское, все-таки является европейской! Об этом, по-моему, спору нет!

А сможет ли Европа ужиться с русским медведем, это большой вопрос! *Т.Эйхлер.*

2.2.7. Россия — это определенно часть Европы! Невозможно отрицать, что у России была великая история. Это верно. И эта история включает в себя сравнительно жесткую автократию. Я хочу сказать, что Романовы были весьма автократичны, и что империя, организованная ими, была автократичной. Такого рода черты можно обнаружить и в истории других народов. Конечно, если вы говорите о России, вы должны говорить и о Сталине, о его депортациях, последствия которых сказываются и по сей день на Кавказе. Это уже иные аспекты. И если у вас сложились такие традиции, то для того, чтобы преодолеть этот патернализм в массовом сознании, понадобиться долгое время.

В России существует также различие мнений между западниками и славянофилами. Я думаю, что, в конце концов, и те, и другие принадлежат Европе.

Нельзя отрицать и того, что азиатская часть России также неоднородна. А если говорить о высокой русской культуре, необходимо также учитывать и тридиции православия. И это еще один аспект. У вас существует автокефальная церковь с традицией весьма тесных отношений между церковью и государством. Это одна из особенностей России.

И все же я полагаю, что это вполне вписывается в римско-европейскую традицию. Европа — это ведь не только Западная Европа. Европа — это широкая и весьма разнообразная целостность. И Россия — это ее часть. С ее весьма своеобразной собственной историей. Я считаю, что она внесла большой вклад в европейскую культуру — в особенности ее литература и наука. Это неоспоримо. *Г.-Д.Клингеманн.*

2.2.8. В культурном отношении Россия — часть Европы! Конечно, это специфическая часть Европы — Восточная Европа отличается от Западной.

История христианства не должна отбрасывать историю православия. Православие тоже принадлежит Европе. Если греки принадлежит Европе, то и русские принадлежат Европе. *Э.Хаан.*

2.2.9. Я полагаю, что западные немцы всегда считали Россию частью Европы! Все знают, что Россия простирается вплоть до Японского моря, но об этой азиатской части России никто не задумывается. По-моему, точно так же люди думают и в самой России: важнее всего то, что Москва и Санкт-Петербург расположены на Западе, а что касается остальной части, то это не так уж и важно!.. Но когда на них нападают в споре, и они защищаются, то я слышал и такое мнение от одного москвича — Леонида Ионина. Очень интересный способ защиты. Очень разумно они говорят: «Сибирь гораздо интереснее, чем Западная Европа! Запад застоял-

ся, стал скучным со своей сверхцивилизованностью и т.п.! А у нас есть Сибирь! И в Сибири — все лучшее!» Но мы знаем, что Байкал — это огромная экологическая проблема!

Да, он говорил: «Наша Сибирь интереснее Франции и Англии», — это аргумент, который используется в полемике между российскими интеллектуалами, своего рода стратегия защиты...

Среди русских есть люди, которые многое выстрадали. Вряд ли кто-либо страдал больше в нынешнее время!

И вот, они рассуждают об этой огромной стране! Так же как и вчерашняя интеллигенция в России. Для них это основная переменная во всех разговорах и спорах по поводу русских, с ее помощью они объясняют все хорошее, и все плохое! Через размеры страны! Это внесоциальная переменная! Я бы сказал вслед за Сорокиным, что это географический редукционизм! Он ничего не объясняет!

Но есть точка зрения — в Германии она известна — что Россия — это Евразия. Но на основании тех контактов, которые у меня есть, на основе прессы, я могу сделать вывод, что общий образ России иной. Немцы считают, что русские — это европейцы, но с некоторыми проблемами, это — «трудные европейцы».

Они смотрят на другие народы, расположенные на территории России, на востоке, примерно так же, как англичане смотрят на свои колонии. Это своего рода колонии, своеобычные племена на Востоке. Но они не имеют отношения к формированию русской политики и к поведению русских. *Х.Харбах.*

2.2.10. С точки зрения политической перспективы Россия является частью Европы, независимо от того, является ли она формально частью Европейского Союза или нет. *Ю.Фельдхофф.*

2.2.11. Одно из наиболее существенных препятствий превращения России, Советского Союза в демократическое открытое общество заключалось в событиях, происходивших в Германии в 30-е годы. Националистические тенденции в Германии, и ее подготовка к войне помогли ортодоксам в СССР стать теми, кем они стали. В этом и состоит связь между историями двух народов. *Ю.Фельдхофф.*

2.2.12. Я безусловно убеждена в том, что Россия — это часть Европы!..

Мои аргументы не связаны с рефлексией относительно политических систем. Дело в том, что я много путешествовала и наблюдала, как живут люди в разных странах. Я имела возможность сравнивать жизнь простых людей там, где я была. Разумеется, я была не везде, но все же во многих странах. Я была в Южной Америке, в Северной Африке, в Турции, в Восточной Турции, то есть, в Азии. И я убедилась, что жизнь людей в этих странах сильно отличается от того, как живут люди в России.

Правда, может быть, жизнь эвенков или малых народов на Севере России тоже иная, чем у большинства жителей, но это, скорее, исключение, чем правило!..

Может быть, это поверхностное суждение, но все же мне кажется, что, действительно, жизнь людей в России и Европе очень похожа. Я недавно побывала в Болгарии и убедилась, что хотя жизнь там несколько отличается от того, что есть в Германии, но очень похоже. Каждый европеец может там жить! Так же, как и в России! Но я сомневаюсь, что каждый европеец может приспособиться к жизни в Латинской Америке, тем более вне больших городов. *И.Освальд.*

2.2.13. Большинство людей считает, что Россия не принадлежит к Европе в более узком смысле слова. Я тоже немножко сомневаюсь, потому что все-таки Европа — это что-то другое! Я не скажу, что евразийская идея правильна как идеология, но все-таки в этом что-то есть! Я думаю, что у России есть свои особенности.

Так что я думаю, что законы развития Европы нельзя переносить на Россию. В этом смысле Россия для меня тоже не Европа. И конечно, если заниматься историей русской культуры, то мне как специалисту ясно, что русская культура всегда шла особым путем. Об этом всегда говорили славянофилы!

Я думаю, что в этом кое-что есть, и я вижу, что все попытки буквально перенести в Россию то, что существует в Европе — как в культурном, так и в экономическом смысле — заканчиваются крахом. Это оказывается невозможным! И даже иногда смешно — чистое западничество мне кажется не очень... не очень обоснованным! *Г.Гунтер.*

2.2.14. Политики, само собой, считают, что Россия, так сказать, входит в Европу; не в политическую Европу, т.е. не в Европейский союз, а в широко понятую Европу, основанную на системе ценностей. Но и тут есть большая сложность! Если сегодняшняя Россия действительно не будет больше обращать внимания на такие проблемы, как права человека, свобода слова, свобода печати, дальнейшее развитие демократии, чтобы действительно Россия все-таки двигалась в сторону построения демократического общества не на словах, а на деле, — то это ощущение того, что Россия принадлежит Европе может исчезнуть. Ведь это утверждение базируется, прежде всего, не на географических соображениях, а оно обосновывается ценностно-нормативно и культурно. Тем, насколько Россия признает европейские ценности, европейские нормы. А, конечно, ценности демократии — это прежде всего и есть эти европейские ценности, европейские нормы. *О.Александрова.*

2.2.15. Я думаю, что ни один серьезный немецкий политик или бизнесмен не будет отрицать или сомневаться в том, что Россия есть часть Европы. Несмотря на все политические различия в самой Германии, все сходятся в том, что Россия — это континентальная страна. Она — часть Европы, и не только часть — она должна играть ответственную роль в формировании европейской политики. Россия это страна, которая представляет собою важный фактор европейской политики. Но не только фактор! Это страна,

которая нуждается в том, чтобы она была вовлечена в Европу. Не только в силу истории. Ее геополитическая позиция такова, что она существует в Европе. В отличие от Америки мы должны жить с Россией, и мы всегда жили с Россией!

Поэтому то, что мы видели отрицательного за последнее десятилетие это то, что Россия не участвовала активно в формировании и определении европейской безопасности и европейской экономики. Это, разумеется, не обвинение, поскольку мы понимаем огромные сложности трансформационного процесса, благодаря которому в России доминируют внутренние проблемы. Но с другой стороны, позиция российского правительства по отношению к Европе характеризуется тем, что она не проявляет инициативы, у нее мало воображения. Это в значительной мере демобилизующая позиция!

Она напоминает более всего позицию Микояна или Молотова. Предпочтение отдается формуле: «Нет, нет!», нежели согласию принять какие-либо предложения. Но вы не можете быть ответственным актором в европейских делах, если вы все время занимаете негативную позицию по отношению к тем предложениям, которые поступают в ваш адрес. А так как у вас нет концепции относительно того, какими должны быть отношения с Европой, то ответ всегда и состоит в этом «Нет!». Но такое положение дел невозможно! Если бы Россия выступала со своими программами и представлениями относительно таких вопросов: как разрешать конфликты в Европе, как сотрудничать и вести дела в Европе, как формировать европейско-российский экономический диалог и т.д., и т.п. — очень много тем, — то это было бы обнадеживающим моментом, и встретило бы понимание и в Западной Европе и, в особенности, в Германии. *П.Шульце.*

2.2.16. Лично моя точка зрения состоит в том, что Россия это часть Европы, так как социализация не отличается очень сильно. У нас сходные системы образования, похожие ценности относительно обязанности трудиться. Работа признается важной частью личной идентификации, она должна быть выполнена! И мне... гораздо легче было строить контакты с русскими в Санкт-Петербурге или Узбекистане, чем с тайцами в Таиланде. Легче было контактировать с россиянами, чем с узбеками, так как культурная дистанция меньше. Это не значит, что меня игнорировали. Меня приглашали и в узбекские семьи, и в тайские, но реальной коммуникации не получалось, не было взаимодействия. Скорее, была вежливость, но не взаимопонимание.

Я бы сказал, что устанавливать дружеские отношения легче там, где меньше культурная дистанция. Ясно, что культурную дистанцию преодолеть легче в России, так как здесь есть сходное понимание проблем и их восприятие. С этой точки зрения Россия, как я бы сказал, часть Европы. Но с другой стороны, Россия — очень большая страна, и ее нельзя понять только с точки зрения Санкт-Петербурга. Может быть, Санкт-Петербург и является час-

тью Европы, но что можно сказать о более отдаленных местах — Владивосток, Сахалин, Камчатка, Бурятия? Я думаю, что внутри самой России различия очень велики! Вы и сами говорили на лекции о роли пространства и о многих культурах, которые сильно отличаются друг от друга. Россия — это не гомогенная среда! Хотя, может быть, все и говорят по-русски, но они привязаны к своей культуре. Я не вижу в этом ничего плохого, но любой может сказать: да, в России, внутри России есть разные культуры!

Мы это хорошо понимаем на примере турок: Турция — часть Европы или нет? И культурные различия здесь также очень важны, почему же в России должно быть иначе? У нас нет проблем с их религией, также и в России не должно быть проблем с 20% населения, исповедующими ислам. Есть определенные политические различия — многопартийность, демократия, права человека и т. п. Мы обсуждаем все эти проблемы с турками, и на Ближнем Востоке, и с такими странами, как Болгария и Румыния. Идет переговорный процесс, но различия все же остаются. *М.Кейзер.*

2.2.17. Мир всегда был полицентричен. В советский период он был биполярен, но биполярность не была монолитной, так как была масса конфликтов как внутри западного, так и внутри советского лагеря. Это своего рода символы, которые охватывают очень многое, но мало что объясняют.

И даже теперь понятие моноцентризма означает лидирующую роль США в сфере безопасности, но отнюдь не в области экономических отношений. *П.Шульце.*

2.2.18. Большие трудности связаны с языком — наши языки весьма трудны для изучения, но все же это не может служить препятствием. Надо развивать контакты по академической линии, в области литературы. Сейчас появилось много переводов русских авторов на немецкий язык. Кроме того, выставки, путешествия... Есть даже какое-то сотрудничество по военной линии. Можно наблюдать открытость с обеих сторон. Нет проблем и в области политического сотрудничества. Но я бы сказал, что у России нет реальных перспектив стать членом Европейского Содружества. Во всяком случае, в ближайшем будущем. У меня есть сомнения и относительно Румынии и Болгарии. Может быть, иначе обстоит вопрос с Чехией, Польшей, Балтийскими странами. Я не думаю, что их примут очень скоро.

Но что касается России, то я сомневаюсь, примут ли ее вообще когда-нибудь! Но это не значит, что не должно существовать контактов или политического сотрудничества по поводу прежде всего проблем глобального характера и защиты окружающей среды. Даже в условиях такого крупного конфликта, как косовский кризис. Конечно, согласия о способах его решения нет. Это, конечно, конфликт антагонистический, но все же и он как-то регулируется. И контакты между сторонами сохраняются.

Одна из проблем связана с финансовым кризисом, с устойчивостью рубля, с падением российского производства, с условиями рынка. Может быть, эти неудачи случились благодаря тому, что оценка ситуации была слишком оптимистической или в том, что в российской культуре не было сформировано соответствующего отношения к бизнесу. Благодаря этому возникла коррупция, взятки и все такое. Но в то же время перспективы экономического процветания весьма значительны и многое обещают. Я думаю, что интеграция во многом зависит от экономики. *М.Кейзер.*

2.2.19. Я лично не представляю себе Европу без России. И если я правильно помню... тысячу, наверно, разговоров с российскими друзьями, коллегами, — большинство из них тоже плохо представляет себе Россию вне рамок Европы.

А все эти разговоры и течения евразийства, «соборности», «особого коллективизма», — да, такие разговоры идут, и это значит, что есть еще часть интеллигенции, которая занимается такими вопросами. Но те люди, которые заняты настоящим делом, — молодежь, функциональные элиты, директора, все вузы и т.д., — они, если я правильно понимаю, видят, что их место больше всего в Европе, чем где-то еще. *К.Зегберс.*

2.2.20. Особое внимание в политическом дискурсе относительно России занимает вопрос: является ли Россия частью Европы? Для меня этот вопрос решается однозначно. Я считаю, что Европы без России не существует. Дело не только в географии, но и в культурной истории. Немецкий компонент со времен Петра I всегда играл большую роль в истории России. Или, вспомним, например, происхождение Екатерины II и вообще прибалтийских немцев. И наоборот, российская политика играла большую роль в истории многих — почти всех — европейских государств. *Э.Штёльтинг.*

2.3. Восприятие ГДР и объединение Германии (1—17)

2.3.1. Я не испытываю больших симпатий к слову нация. Мне понятно, если о нации говорит француз. Для него культура и нация, политическая структура общества — это одно и то же. А для нас, для немецкой истории. Конечно, «мой народ».

Но до 1887 г. немцы жили в разных государствах. При этом была одна немецкая культура. И в Австрии, и в Пруссии, и в Баварии... И, конечно, один язык, и музыка. Скажем, Бетховен — родился в Бонне, умер в Вене и так далее...

Для нас вопрос о политическом единстве не представляется слишком важным. Для меня, например, это не так важно! Действительно, я родился, когда еще существовал Третий рейх — единая Германия. А Grossedeutschreich включал в себя и Австрию.

Затем, в Германии были 4 оккупационные зоны. Я жил в Западном Берлине. В самом Западном Берлине было три сектора —

английский, французский, американский. Восточный Берлин был столицей советского сектора, а затем — ГДР.

Все это было у меня перед глазами, и я, ничего, жил, все-таки. Я мог читать, работать в библиотеке. Я жил в английском секторе Берлина. И особенно важным для меня был собственный опыт. Даже во время холодной войны, до построения стены, я мог переехать в Восточный Берлин «к врагу», там сидел в Опере, покупал свои книги — прекрасную классику, русскую литературу. *П.Ян.*

2.3.2. В Германии до 1989 г. сам образ нации был резко снижен. Была принята точка зрения, что в политическом плане это не столь уж важная страна. Во всяком случае, ее политическая роль не соответствовала ее экономическому положению. Это продолжалось именно до 1989 г. Об этом свидетельствовали и опросы общественного мнения на континенте. Чувство национальной гордости немцев и самоидентификации всего населения были подорваны в западном мире. *М.Кооли.*

2.3.3. Восточная Германия была освобождена от фашизма Советской армией и на этом была как бы поставлена точка. Тем самым утверждалось, что никакой связи с фашистским прошлым в Восточной Германии нет, и что такая связь имела место только в Западной Германии.

В Западной Германии разрыв с фашистским прошлым занял длительное время после 1945 г. Этот процесс закончился только в 60-е годы. Именно тогда произошли изменения в народной культуре, идеологии, в публичной сфере. К этому времени относятся два крупных судебных процесса, оказавших значительное влияние на умонастроения немцев. Это процесс по делу Эйхмана и процесс против палачей Освенцима (1962 г.).

Этот период истории Германии характеризуется также возрастанием роли западных ценностей. Усилилась американизация немецкого образа жизни, что усилило разрыв между ФРГ и ГДР прежде всего в повседневной жизни и в области формирования моральных установок.

Если обратить внимание на повседневную жизнь, на структуру семейных отношений, то нетрудно заметить, что в Восточной Германии наблюдается более сильный крен в сторону традиционализма в разных его вариантах. А поскольку Западная Германия пошла по пути американизации, то складывается впечатление, что Восточная Германия в целом является более «немецкой». В этом есть известная доля правды: если вы посетите провинциальную часть Восточной Германии — в сельской местности или с небольших городах, — то обнаружите, что вы оказались чуть ли не в довоенном прошлом! Во многом это касается прежде всего внутрисемейных отношений, которые в Восточной Германии остаются более прочными и устойчивыми. *Э.Штёльтинг.*

2.3.4. Западные страны в значительной степени основывались на конструкции антинемецкой идентичности, возникшей после второй мировой войны. Норвегия, Швейцария, Дания — во всех

этих странах их собственная национальная идентичность имела антинемецкую направленность.

Так что это было не только вопросом отношений с Востоком, в значительной мере это было и проблемой отношений с Францией и Великобританией — самым крупным державам Западной Европы, которые полагали, что избавление от немецкого монстра является громадным историческим достижением.

А теперь возникло искушение восстановить статус «нормальной нации», которая говорит: «Это — наши национальные интересы! Мы хотим этого, мы хотим того! Мы хотим гордиться собой и нашей национальной историей!» И так далее.

Я думаю, что это крайне нежелательное направление развития. Германия должна отчетливо осознавать те катастрофы, которые возникли благодаря ее политике в XX веке.

По этому вопросу наблюдается расхождение позиций между левыми и правыми.

Благодаря воссоединению немецкое государство усилило свои позиции, именно это стало поворотным пунктом в его истории. Это означало окончание оккупационного режима с точки зрения права. Только после 1990 г. Германия вновь стала полностью суверенным государством. *М.Кейзер.*

2.3.5. У меня такое чувство, что немцы из ГДР не имеют собственной идентификации в рамках национальной истории западногерманского государства или Германии. Они жили в своем собственном национальном государстве, национальным компонентом этого государства была немецкая культура, но вместе с тем это была социалистическая мораль и культура. Социалистический образ жизни, социалистическая повседневность имели свои традиции в их немецком отечестве. Социалистическое отечество было не только пропагандой! Но они потеряли это отечество. *Ю.Фельдхофф.*

2.3.6. У меня своя интерпретация 8 мая. Это событие было посвящено памяти своего национального государства, которое возникло благодаря победе Красной Армии. Это не значит, что они хотели его восстановления, они не настолько глупы! Но это была их жизнь, это основа их культурного наследия, которое они также называли национальным государством. Ведь в Германии вполне возможно было существование двух национальных государств. Австрия — это тоже национальное государство. Швейцария тоже когда-то была частью Германии — или Священной Римской (германской) империи. Так что это вполне могло бы быть! *Ю.Фельдхофф.*

2.3.7. Немецкий парламент принял массу законов. Они решили, что некоторую часть прежней элиты надо наказать. Например, сотрудников КГБ, министров ГДР, всех профессоров и доцентов партийных школ, Акакдемии общественных наук, она тоже была партийной школой, ну и профессоров, например, вроде меня! И еще несколько категорий: если Вы были директором комбината

или фабрики и т.д., если Вы были секретарем партийной организации, например, в области. *Э.Хаан.*

2.3.8. В какой-то мере верно то, что ГДР все-таки отмахнулась от своей доли этой ответственности! В ГДР стали больше праздновать День Победы, чем День Освобождения!

А на Западе нельзя было говорить про освобождение! Только Вейтцекер первым осмелился сказать, как президент, в 1985 г., — Вы, наверное, слышали про эту речь, — где он впервые, как официальный политик, говорил о том, что все-таки Германия не просто потерпела поражение, но и была освобождена! За это ему и попало, и многие все еще говорят про поражение, а не про освобождение.

И на Востоке все-таки — это, по-моему, фундаментальная разница — в среднем лучше понимают, что были освобождены. А что касается официальных политиков на востоке, то есть, руководства ГДР, то они склонялись к тому, чтобы оказаться на стороне победителей. *Т.Эйхлер.*

2.3.9. Объединение Германии. Это был последний пропущенный шанс чтобы возбужденные чувства направить в хорошее русло.

Это главная вина именно Коля: он рассуждал, что мы, мол, заплатим все, что надо! И в принципе никаких жертв не нужно!

Тут надо было бы призвать к жертвам все 80-миллионое население Германии, и поставить конкретные цели! Просто надо было открыто говорить о трудностях этой задачи. Никто этого не делал!

И еще: продолжается борьба за то, чтобы на востоке платили бы за работу столько же, сколько и на западе. Говорят, что в среднем зарплата на востоке составляет около 70% от средней зарплаты на западе при равной квалификации и условиях работы!

В среднем. Потому что очень многие трудовые отношения оформляются вне всяких профсоюзных и тарифных ставок.

И служащие — ну как бы все бюджетные работники городских служб, полиции, университетов, они получают сейчас 86—86,5, по-моему. И главным итогом последних переговоров профсоюзов было для востока то, что через два года будет 90%. Значит, еще через 12 лет 90% от того, что люди получают на западе. Если подумать, 1945 и 1957 — это тоже 12 лет! Фактически разрыв был и исторически, и экономически намного больше, но тогда национальное чувство — в смысле чувства взаимной ответственности после проигранной войны — было более явным. А мобилизации таких же чувств в хорошем смысле слова после 90-го года не происходило!

На западе наиболее распространенным является мнение, что на востоке должны сами работать: «Мы не будем за них платить!» Но в принципе мне так кажется, что многим выгодно существование такого разрыва. Потому что — зачем церемониться, не хочешь работать — так и не нужно...

Ведь большие расхождения в оплате труда и в выплате социальных пособий являются сильной стороной США в глазах банковских верхов. Почему бы и Германии не следовать по такому же пути? *Т.Эйхлер.*

2.3.10. Неоспоримо, что немецкие граждане бывшей ГДР хотели установления демократической системы и рыночной экономики, и парламент, образованный в результате первых и единственных демократических выборов в ГДР, принял решение о вхождении в Федеральную Республику, и это было его конституционным правом.

Как Вы знаете, в основном законе ФРГ есть статья, согласно которой если бы народ ГДР изъявил такое желание, то мы бы должны были их принять. Поэтому не оставалось никаких возможностей действовать как-либо иначе. Так что, на мой взгляд, в обеих частях Германии люди были рады воссоединению.

Но далее следует более практические вопросы. Скажем, «Во сколько обойдется восстановление прогнившей экономики бывшей ГДР до того уровня, который существует в Западной Германии?» Я полагаю, что этого никто не знал заранее. Вам, как и мне, известно, сколько миллиардов в год западные немцы должны выплачивать для того, чтобы улучшить инфраструктуру и выплачивать пенсии, которые не были предварительно оплачены населением ГДР. И все же я думаю, что все идет нормально.

Другой аспект, как я думаю, имеющий отношение к этому вопросу, состоит в том, что была совершенно ясна необходимость прочной интеграции Германии в Европейский Союз. Эта линия имела успех, и процесс в этом отношении является необратимым. Так что объединенная Германия не должна восприниматься как источник повышенной напряженности националистического плана. *Г.-Д.Клингеманн.*

2.3.11. Было довольно много рассуждений и возражений со стороны Великобритании, Франции, и не так много от США, связанных с тем, что 80-миллионная Германия снова будет представлять собой опасность, поскольку она становится сильнейшим национальным государством в Европе. Но я думаю, что эти страхи были в значительной мере преодолены, поскольку Европейский Союз стал реальным политическим союзом с общей валютой и Маастрихтскими соглашениями. *Г.-Д.Клингеманн.*

2.3.12. Экономическое оздоровление ГДР остается долгосрочной проблемой. Я имею в виду то, что на территории прежней ГДР уровень безработицы составляет сейчас около 14%. Хотя Земли эти значительно отличаются друг от друга! Вы знаете, Саксония, Тюрингия, Магдебург... Каждая из Земель развивается своим путем и мы не должны рассматривать их в качестве единого целого. Прежде всего, в связи с задачами финансирования Земель со стороны федерального государства. Я думаю, что никто не хочет тратить такие огромные деньги. В то же время я полагаю,

что деньги будут выделять... Экономка Германии достаточно сильна для этого. *Г.-Д.Клингеманн.*

2.3.13. На востоке они даже более немцы, чем здесь, так как там значительно меньше доля иностранцев, чем в больших городах Западной Германии. Это мне всегда бросалось в глаза, когда я был в Ростоке или других городах Восточной Германии. Там практически нет иностранцев, входишь в ресторан, и тебя там обслуживают немцы. А попробуйте в Кёльне найти такой ресторан! Почти во всех ресторанах тебя будут обслуживать иностранцы. Но то, что произошло с Восточной Германией, это то, что политическая и экономическая система Западной Германии была внедрена более или менее насильственно. Мы их не спрашивали на этот счет. Они воспринимали это, и некоторые воспринимают и до сих пор, в качестве колонизации. Но не в этническом смысле, а в смысле экономического и политического проекта. *Г.Зимон.*

2.3.14. Официальная позиция ГДР состояла в том, что ГДР не являлась преемником нацистского государства, Третьего рейха. Вы знаете, что Западная Германия должна была себя признать государством — преемником Третьего рейха. Иначе она, так сказать, и не должна была бы брать на себя все эти обязательства — и по выплатам, и всему прочему.

В ГДР этого не было. И вот, эта вот ложь на протяжении 50 лет, она сегодня дает о себе знать в молодом поколении, к сожалению. *О.Александрова.*

2.3.15. 3 октября 1990 г. ГДР официально была включена в состав Федералтивной Республики! И, естественно, каждый год это событие отмечается. Вы знаете! И вот первая годовщина! Это значит, в 1991 г. По нашему телевидению передавали интервью с Горбачевым. Он давал интервью, и он не сказал ни одного слова о том, что страна, в которой работали его друзья, более не существует! Ни единого слова! Он говорил обо всем, я не знаю, о чем он только не говорил! Но это было как будто с другой планеты! Ни единого слова!

Ельцин — это была катастрофа, катастрофа для страны, потому что... потому что...

Мы должны были научиться тому, как наше новое правительство, представители нашего правительства, и журналисты — как они говорят о России или о Советском Союзе!

Они ничего не знают о жизни людей в Советском Союзе, хотя они профессионально заняты сбором информации. Они тратят массу времени на путешествия по России, иногда делают очень хорошие репортажи о Байкале, о Петербурге, о Москве, о Кремле, о золоте, которое они видели в Петергофе и т.д.

А большая часть рассуждает таким образом: «Ох, эти русские, мы должны быть осторожны! Они опасны! Мы так и не знаем, можно ли им доверять или нет, но лучше — не доверять! Мы должны вести с ними дела и зарабатывать, вести торговлю, конечно, но все же мы должны быть очень осторожны, так как Герма-

ния может быть ввергнута в катастрофу благодаря им! Это тем более опасно, что мы, а не США, являемся первыми партнерами России.

Взять эти нефтепроводы! Газ, нефть из бывших республик СССР, из Казахстана, из района Аральского моря и т.д. «Все эти американцы хотят получить этот газ, и хотят укрепить свои позиции с помощью НАТО, чтобы выгоднее грабить эти территории, так что нам тоже надо заботиться о выгодных условиях в развитии торговли с Россией! Но каковы должны быть условия? Какие должны быть отношения?» *Э.Хаан.*

2.3.16. В начале 90-х годов мне казалось, что глубина левых идей на западе больше, чем на востоке. Потому что общий крах идеологии и строя на востоке в Германии обнаружил, что мировоззренческий фундамент был очень слаб и поверхностен. Это касается прежде всего массы населения. А нормальные левые или левонастроенные взгляды у людей на западе, среди, так сказать, вновь приобретенных родственников, были более стабильными!

Конечно, на западе есть люди, которые до сих пор плачут по Гитлеру...

В Восточной Германии людей с такими взглядами я не встречал! Дело в том, что в ГДР все знали, что такие симпатии выражать нельзя! Поэтому никто не знает, насколько такие взгляды сохранились. Но в Западной Германии я сам встречал таких, которые открыто говорили, примерно, в таком духе: конечно, Гитлер сделал много ненужного, и вообще, плохого, а в целом для нас — и для Германии, и для народа — столько хорошего!

Это встречается только у какой-то части старшего поколения. Для тех, кто помнит это «хорошее»! А среди людей среднего или молодого возраста я таких не встречал!

Но, конечно, есть правые дураки, которые... ради красного словца там... Но среди тех, кому за 70, есть люди убежденные в том, что при Гитлере было хорошо и правильно! *Т.Эйхлер.*

2.3.17. Воссоединение, в принципе, я считаю, положительный процесс, но... ситуация сложилась так, что большее влияние оказали восточные на западных, чем западные на восточных. Просто восточные, они более жизнестойкие, они более настырные. Мы на западе очень обленились. И поэтому, когда человеку хорошо живется, он становится не таким бдительным, он очень доброжелательный, очень спокойный, и он не замечает, как у него что-нибудь отбирают, самые важные ценности. *Н.Зимон.*

2.4. Россия и Германия — современность (1—10)

2.4.1. Я не очень-то люблю термин «тоталитаризм», поскольку у этого термина есть своя специфика, особенно в применении к Германии... После Второй мировой войны этот термин служил способом «нормализации» национал-социализма. Этим термином

можно было охватить все: и национал-социализм, и коммунизм, и реальный социализм, и итальянский фашизм, и т.д. — и то, и другое, и третье, и четвертое. А специфика потерялась. Были тогда люди и группы, которые намеренно, по-моему, этим занимались. К тому же, этот термин очень сильно политизирован. Это то, что мы называем Kampfbegriff — «термин борьбы», политической борьбы.

Поэтому, как специалист, как ученый, я считаю, что это не очень продуктивный термин...

Другой вопрос — это, возможно, второй аспект Вашего вопроса — в какой степени тогдашнее начальство, руководство обеих стран... поступали так или иначе, руководствуясь какими-то идеологическими убеждениями, или, с другой стороны, прагматическим расчетом.

Это очень спорный вопрос в историографии Мне лично кажется, что если бы нам удалось интерпретировать конкретное поведение и советского руководства, и немецкого руководства без того, чтобы смотреть на какие-то там идеологические обоснования, тогда это было бы более убедительно, чем использовать идеологические клише. Они, скорее, даже мешают понять, что же конкретно и на самом деле происходило. Это относится и к советскому руководству, и к немецкому руководству.

И есть сильные сомнения относительно того, в какой мере, действительно, идеологические стереотипы служили в качестве конкретного повода поведения...

В Советском Союзе были очень конкретные задачи: после краха старого режима построить новое государство, модернизировать страну в очень сложных обстоятельствах и условиях... Там были жесткие споры насчет выбора пути этого развития в 20—30-х. И это нужно понять, рассматривая конкретно варианты, которые были предложены разными группами.

В Германии тоже была очень сложная ситуация. После Первой мировой войны, тоже были поставлены конкретные задачи реинтеграции страны в мировое, или в Европейское сообщество. Были очень трудные социально-экономические условия... тогда у очень многих людей в обществе был конкретный опыт или боязнь конкретного опыта социального... ну как сказать.., чтобы не потеряли те позиции, которые были у них раньше.

Т.е. были очень конкретные условия, задачи в обеих странах. Были разные попытки политического, экономического, социального регулирования вот этих задач и этих процессов. Естественно, идеология присутствовала, но была ли она действительно доминирующим фактором? Я лично сомневаюсь. *К.Зегберс.*

2.4.2. На Западе, особенно в Германии, наше понимание процессов в бывшем Союзе — а сегодня в Российской Федерации, — всегда определяется двумя полями, или экстремами. С одной стороны, то, что мы понимаем под Россией, это всегда очень опасно.

А в то же время, и с другой стороны, это всегда очень неэффективно.

Во времена Советского Союза это, вроде, было все очень опасно, поскольку там был марксизм-ленинизм и, вроде, экспансионистские настроения руководства, и коммунистическая риторика, и какие-то там военные способности и т.д., и т.п. Одновременно, все это было очень неэффективно, поскольку экономика не очень работала, и, сравнивая с другими великими державами, культурная сфера тоже была не очень эффективна, то же самое и в других пространствах и т.д.

Структура этого дискурса сохраняется и сегодня.

Опять-таки, все, что происходит в России, — это очень опасно, но теперь уже из-за мафии, или потому, что там наблюдается некий потенциал хаоса, непорядка. И, одновременно, все это очень неэффективно: реформы идут слишком медленно, начальство не понимает, что делать, нет определенной концепции... и т.п.

В результате у меня создалось такое мнение, что немцы говорят о России одно и то же, независимо от того, что там на самом деле происходит. Возможно, что таким способом они говорят о самих себе, используя при этом какие-то российские мотивы. *К.Зегберс.*

2.4.3. Надо сказать, что внимание, которое уделяется России, стремительно падает, особенно, если сравнивать с тем, что было 10 или 15 лет тому назад, во времена перестройки Горбачева, во времена путча и т.д. Сегодня мало кто, на самом деле, действительно занимается Россией, за исключением пары экспертов. И только если политическая agenda, т.е. повестка дня, заставит наших decision-makers обратить внимание на Россию, тогда они это сделают, но уже опять в рамках шаблонов, каких-то стереотипов.

Я должен сказать, что настоящий интерес не очень развит. *К.Зегберс.*

2.4.4. То, что случилось 10 лет назад, это очень важный шаг. Настоящая нормализация отношений, настоящий конец войны. По-моему, у людей были очень оптимистические настроения в то время. Они говорили: «Все старые предрассудки больше не существуют». Это, конечно неправда. Смотрите, как в Германии эксплуатируется тема русской мафии, в прессе и в кинофильмах. Это, конечно, миф, но все-таки... При этом воспроизводится старый взгляд на так называемые старые устойчивые черты и привычки русского характера.

А если Вы посмотрите, как пишут о политике России в Чечне! Я думаю, конечно, что надо давать информацию о том, как действуют войска, и что там происходит. Но, если посмотреть на комментарии нашей прессы, то получается, что там «полный беспредел», и никто не дает серьезного анализа. Только «Frankfurter Allgemeine Zeitung» — самая консервативная и серьезная газета — нашла некоторые характеристики чеченского общества, показы-

вающие, какие проблемы там существуют, какие из них поддаются решению, а какие — нет. Суть дела, по-моему, в том, что в Чечне терроризм есть на самом деле, и что это — не только «пропаганда Путина». Нельзя представить ситуацию в Чечне в черно-белом цвете. Но об этом никто не пишет. Наоборот, дело представляется так, будто есть хорошие-чеченцы и плохие-русские. Good guys and bad guys.

К тому же употребляются хорошо знакомые стереотипы о русских войсках. Это мне хорошо знакомо как историку по литературе XIX века.

Надо сказать, что общественное мнение Германии о России еще не основательно, не фундаментально. Существует еще очень много старых предрассудков. И мы только ждем, что они мнимо реализуются в политике.

С другой стороны, существует взаимная заинтересованность наших стран и народов друг в друге, и это очень важно. В Совете директоров Газпрома, например, есть немецкий менеджер, который занимается поставками газа из России, и, с другой стороны, поставками техники в Россию. Это — хорошие отношения. И я думаю, что это не просто так. Сейчас это может выглядеть как.., ну просто как колониализм... Территория, которая дает энергию, нефть, или другие дела... И взамен получают промышленные продукты. Но я думаю, такая ситуация в России не будет продолжительной. У России большие возможности... Ну, скажем, в России хорошо поставлено естественное и инженерное образование, есть там такой кадровый потенциал, что она сможет развивать свою современную промышленность относительно быстро... Кадры есть, но, в принципе, и денежный капитал тоже есть. Но только люди это не инвестируют в своей стране, а значит потенциал России намного выше, чем то, что реализовано.

И у нас, конечно, очень большие возможности во взаимодействии России и Германии, которые открылись вслед за событиями десятилетней давности. Я в этом отношении не являюсь пессимистом, может быть, только самую малость. Но дело в том, что осталось очень много старых предрассудков и стереотипов. И есть еще очень много людей, включая нашего канцлера и министра иностранных дел, которые придерживаются старых стереотипов относительно России. А есть такие, которые новое развитие признают, и считают, что надо помочь, которые действительно сторонники настоящего развития отношений. *П.Яан.*

2.4.5. Отношения между Россией и Германией во многом зависят от того, как будут решаться внутренние вопросы в самой России. Если Россия с помощью собственных усилий станет сильной экономически, надежной, предсказуемой, рациональной страной, где действуют демократические институты и уважение к правам человека, то не останется места для конфликта между Россией и Европейскими странами. Все зависит от того, что происходит здесь. И этот процесс не поддается внешнему влиянию. Единст-

венное влияние, которое могут оказывать немцы, французы, другие западные страны, это влияние посредством слова, с помощью дискуссии. Иногда это более важно, чем торговля.

Экономическое развитие, экономические отношения очень важны, то экономические отношения — это не только экономика, они воздействуют на изменение социетальных структур. Если в пределах обозримого будущего экономическое развитие в России продолжится в том же направлении, в каком оно идет сейчас, тогда вы почувствуете изменения жизни в большинстве регионов, равно как и на уровне общества в целом! Тогда будут происходить изменения к лучшему в области благосостояния людей, в культуре и образовании. Финансовое положение местных властей также улучшится, так как будут поступать деньги от налогов. Так что они смогут расходовать эти средства, скажем, для улучшения образования и т.д.

А диалог между нами — это передаточный механизм, необходимый для обмена информацией и тем опытом, который у нас накопился в ходе трансформации нашего общества. Это не означает, что вы должны повторять наш опыт. Но кое-что полезное можно принять во внимание. Например, если сегодня новая идея рождается в Лондоне, то завтра она может обсуждаться во Франкфурте. Почему же идея, возникшая во Франкфурте, не может на другой день обсуждаться в Москве или Санкт-Петербурге? И наоборот! Это же Европа! Это сообщество постоянного диалога, который должен основываться на общих ценностях.

И эти ценности — закон, уважение к правам человека, гарантии социального и экономического благосостояния. *П.Шульце.*

2.4.6. Предположим, если бы кто-нибудь 20 лет назад, т.е. примерно, в 1980 г., сказал, что Германия будет одним из главных партнеров России, то, наверно, тогда мало бы кто в это поверил! Это уже, конечно, само по себе развитие... достаточно уникальное. Если же говорить об отношении в Германии к России, — не только на уровне политики, а вообще на уровне общества, — то, конечно, был такой период, когда Россия страшно интересовала немцев! Это был период Горбачева, когда страна только начала открываться миру, когда страна, или Россия, или люди, вернее, поскольку люди стали ездить, обнаружили совершенно какие-то другие качества, которые не отвечали прежним стереотипам. Кроме того, огромную роль сыграло то обстоятельство, что Горбачев был так популярен в Германии! Это особенно после воссоединения Германии, хотя он был уже популярен и до этого. Достаточно популярен и до воссоединения, а после воссоединения, в особенности. Это был первый период — период воодушевления, можно сказать!

Период Ельцина и начало реформ, — поначалу тоже, конечно, было воодушевление и были очень большие ожидания! И теперь всегда говорят о том, что эти ожидания, так сказать, не нашли

адекватного ответа в России. Поэтому вот и наступила та фрустрация в обществе, которую мы сегодня наблюдаем.

Но надо сказать, что и у Запада были завышенные ожидания по отношению к России. Думали, что реформы пройдут, — там, я не знаю, — за два—три, четыре года, в крайнем случае, за пять лет! И Россия станет такая же, как Бельгия, Франция, Голландия, Германия или какая-нибудь еще из так называемых западных стран. Но этого не произошло! И наоборот, стали все более очевидными какие-то негативные явления, негативные последствия реформ, и негативные явления совершенно новые, которых раньше и не ожидали от России. И это, конечно, сильно повлияло на имидж России в целом. И появление новых русских на Западе этому новому имиджу очень «поспособствовало».

90-е годы, — конечно, если мы берем на уровне официальной политики, — во многом определялись личными отношениями между Колем и Ельциным. Это сегодня уже банальная истина. И с уходом Ельцина, — во-первых, и еще раньше — с выборами в Германии в 98-м году, когда в Германии пришло к власти новое социал-демократическое правительство, этот фактор исчез. Но дело не в партийной ориентированности, а в том, что произошла смена поколений. И это новое поколение уже не чувствовало себя в такой степени обязанным. Оно было свободно, так сказать, от этой ипотеки прошлого, которое сохранялось еще у поколения Коля.

А одновременно с этим, вот все эти негативные явления в России, они становились все более и более явными, и произошло некое охлаждение отношений, на которое особенно жаловались и российские дипломаты! *О.Александрова.*

2.4.7. Среднесрочный прогноз германо-российских отношений вполне оптимистический! Не будет никаких отношений на уровне сауны — и, наверно, слава богу, потому что они не нужны ни на государственном уровне, ни на самом высшем государственном уровне, ни на уровне там между различными государственными институциями, ни на общественном уровне. Но я думаю, что они будут вполне положительными. И если, действительно, экономические реформы как-то продвинутся, подкрепленные определенным законодательством в области экономических отношений, то я думаю, что и будет довольно сильный прорыв и в экономической области.

Вместе с тем, российско-германские отношения все более будут развиваться в рамках отношений между Россией и Европейским союзом. Германская внешняя политика будет все больше и больше включена в общую политику Европейского союза. Это очень важно!..

Уже есть определенные, так сказать, сигналы того, что люди начинают понимать эту проблему. Однако, тем не менее, еще не до конца. Что касается Европы, что касается Европейского союза, время двусторонних отношений уходит постепенно в прошлое. То

есть они останутся, двусторонние отношения, но это будут отношения не России с Германией или Францией — да, они, конечно, будут оставаться и такого рода отношения, но они не будут главными, — а это будут отношения между Россией и Европейским союзом, все более и более. Тем более что в Европейском союзе уже принята и общая внешняя политика, и политика безопасности, общая военная политика, — это все, так сказать, пока еще больше на бумаге, но это будет все больше и больше претворяться в жизнь! *О.Александрова.*

2.4.8.Что касается государства и гражданского общества. Я бы не стала отделять одно от другого, одно должно идти параллельно с другим, иначе и то и другое будет, так сказать, неполноценно. Это должен быть самый что ни на есть активный обмен — в прямом ли смысле, или в смысле обмена идей на уровне общества или каких-то отдельных социальных групп; и, слава богу, что это есть! И в Германии достаточно много такого рода активных, так называемых неправительственных, организаций разного рода или просто общественных организаций. Это большое подспорье для политики на государственном уровне. Но если не будет хороших отношений на государственном уровне, то это ясно, что тогда будут страдать и отношения на общественном уровне. Поэтому одно должно подкрепляться другим. *О.Александрова.*

2.4.9. Только начиная с лета 1999 г., появляются более или менее последовательные силы, которые впервые привлекают внимание общественности к борьбе с коррупцией, отмыванием денег, и пытаются что-то предпринять в этом отношении. Это касается, прежде всего, правительства Примакова.

Благодаря этому в общественном мнении Германии возникает более обнадеживающий и позитивный образ России, который опирается на поддержку прессы. Эти усилия — совместно с неожиданными показателями экономического роста многих отраслей российской промышленности — привели к тому, что постепенно возникает тенденция или сдвиг в сторону преодоления преобладающих негативных оценок российских трансформационных процессов и формирования позитивного восприятия российских реформ.

Надо также сказать и о том, что та политика, которую Россия проводила в балканских делах, ее упорство в отрицании проблем Blut und Boden («крови и почвы»), ее поддержка наиболее консервативных сил Сербии не могут быть приняты общественным мнением на Западе, в особенности, в Германии. Это стало фактором, который привлек внимание общественного мнения к России как великой европейской державы. Конечно, общественное мнение не принимает во внимание мотивы и обоснования политики. Во внешнеполитических вопросах общественное мнение видит только действия. Сейчас оно больше помнит ту критику в адрес НАТО и западных держав, которая исходила от России во время интервенции, и оно почти не помнит последствия конфликта. Я имею в

виду действия российских миротворческих сил и их достаточно конструктивное сотрудничество с миротворческими силами западных держав и США в урегулировании косовского конфликта. Возможно, что в этих вопросах требуется немного больше времени, и тогда картина скорректируется сама собой, во всяком случае и здесь можно отметить некоторые позитивные тенденции. *П.Шульце.*

2.4.10. Думаю, что фашизм и коммунизм — это были два тоталитарных режима, но это — разные системы. Как в случае с болезнью у человека: человек болен, но заболевания разные.

Первое различие касается характера репрессий. Репрессии были в обеих системах, но их было бы неверно отождествлять: различия весьма существенны. В Германии были четко обозначены жертвы репрессий. Категории лиц, подлежащих дискриминации, а затем и уничтожению, были известны. Это были евреи, цыгане, политические противники фашизма и некоторые другие «нежелательные» категории населения. Отнесение конкретного человека к этим категориям было жестко формализировано — были разработаны соответствующие бюрократические правила и процедуры.

Но та часть населения, которая не входила в обозначенные рубрики, жила спокойно.

А жертвы сталинских репрессий никоим образом не кодифицировались, и, тем более, не объявлялись заранее. По сути дела любой человек мог стать жертвой репрессий безотносительно к политическим убеждениям.

Таким образом, в Германии люди до войны знали, что они либо могут жить нормально, либо у них нет никаких надежд на спасение от репрессий. Это было источником совершенно разной психологической атмосферы в обществах. У советских людей всегда сохранялась надежда на то, что можно избежать репрессий. В то же время даже те, кто сознательно и активно поддерживали Сталина, часто оказывались жертвами репрессий.

Второе различие касается идеологических доктрин. В обоих случаях доминировала некоторая идеологическая установка. Но в советском обществе это была идеология марксизма-ленинизма, опиравшаяся на серьезную теоретическую традицию и разработанную очень тщательно! В фашистской Германии были некоторые элементы идеологии расизма, антидемократизма, но идеология как система не была разработана с такой же тщательностью. Для тех, кто работал в академических институтах это создавало некоторое впечатление сохранения «свободы мышления». Конечно, речь идет только о тех группах, которые не принадлежали к категориям лиц, подлежащих репрессиям.

Третье различие состояло в том, что марксизм-ленинизм опирался на традиции просветительства, которые благодаря этому играли весьма важную роль в социализации индивида и стимулировала рост образования населения страны. Фашистская же идеоло-

гия была антипросветительской, и в принципе иррациональной. Поэтому духовная жизнь в советском обществе была гораздо более интеллектуально насыщенной, хотя она и регулировалась бюрократией.

Что касается экономических различий между системами, то об этом трудно что-либо сказать, поскольку фашистская диктатура просуществовала всего 12 лет. С момента прихода Гитлера к власти экономика была нацелена на подготовку войны. Экономические успехи первого периода фашистской диктатуры — рост благосостояния населения, создание рабочих мест, социальные программы, пенсии и т.д. — обеспечивались постоянно растущим государственным долгом перед банковскими структурами.

А эти долги покрывались за счет еврейского имущества, конфискуемого государством, а позже грабежом на оккупированных территориях. Несомненно, что одна из причин войны состояла в том, что фашистское государство должно было оплачивать свои долги. *Э.Штёльтинг.*

2.5. Русские и немцы (люди, народы) (1—20)

2.5.1. Есть стереотипы, которые касаются характера. «Русский человек — такой». Это — стереотипы действуют еще с XIX в. «Русские — более эмоциональны, чем немцы, их поведение в меньшей степени контролируется умом». Это — как стереотипы французов о немцах. Эти мнения как бы распространяются с запада на восток: французы о нас, а мы — о русских. Далее, конечно, «русские это не только широкая натура, но также дикий характер русских». Это тоже по-прежнему осталось. Еще одна черта — «у русских — детский характер, они — как большие дети». Это наши стереотипы об индивидуальном характере.

Затем есть стереотипы относительно общества, о политике и государстве. Потом есть стереотип империализма как черте русского государства, как традиции.

Кроме того, отношение к деспотизму. Ну, скажем, с одной стороны, люди подчиняются деспотизму, и действуют по указанию власти. Но, с другой стороны, они не только привыкли к этому, но любят ту власть, которая стоит над ними. Значит, им нужна сильная рука.

Эти стереотипы сформировались еще в XIX в. У нацистов вы также их найдете. Они использовали их в качестве программы своей политики.

Но очень многие из этих представлений сохранились, к сожалению, и до сегодняшнего дня. *П.Яан.*

2.5.2. Русские любят вещи, а немцы любят деньги... У немцев вот такая ментальность: они любят деньги. Они любят деньги! Русские не любят деньги, поэтому им очень трудно наладить экономику. Для того чтобы наладить экономику, нужно обязательно лю-

бить деньги. А русские, они в этом отношении как испанцы — они очень идеалистически настроены: идеи, идеалы для них важнее, чем... ну, элементарные какие-нибудь деньги или элементарная сделка. И переделать это очень трудно.

И еще, у русских есть особенность... У русских слово рождает слово, а у немцев слово рождает дело.

В самом начале меня поразило, с какой скоростью немцы идут в полицию, и докладывают в полиции что-нибудь. Вначале меня это шокировало, а потом я поняла почему. Потому что, вы знаете, если в России в свое время кто-нибудь «стукнул»... бы в милицию, ...то для этого человека это имело бы колоссальные последствия. А здесь это не имеет таких последствий! Здесь вы не можете этим навредить человеку. Т.е. дистанция между гражданами и этими органами не столь велика, как в России. *Н.Зимон.*

2.5.3. Закон есть закон, Вы знаете, закон есть закон. Меня поразило недавно, — я смотрела русскую экранизацию сказки «Волшебная лампа Алладина». И я была потрясена отношением к закону. Вот этот волшебник, он живет в лампе и он должен повиноваться каждому, кто является обладателем, хозяином этой лампы. И тут, значит, произошел такой эпизод: вначале хозяином был Алладин, а потом эта собственность перешла к какому-то злому волшебнику, и этот злой волшебник отдал приказ убить Алладина этому магу, который сидел в лампе. И вот этот маг, если бы этот маг был немецкой национальности, он бы убил Алладина и вернулся бы в свою лампу, да? А вот русский маг, он это не сделал, он пришел к Алладину и сказал — вот мне этот вот человек, который сейчас является хозяином лампы, он мне отдал приказ тебя убить, а ты — мой друг, как я могу тебя убить, что я должен делать, ведь я же живу в лампе, и кто является хозяином, того я и должен слушаться? Тогда ему Алладин сказал — ну тогда переселяйся в кувшин, а кувшин мне принадлежит, и ты будешь слушаться меня. Так он и сделал. Какое представление о законности!!! Вот такая мелочь, но это уже с пеленок детям внушается!.. *Н.Зимон.*

2.5.4. Если немцы приезжают в Россию, они даже ожидают, что русские будут более свободны, что они действуют не всегда в соответствии с общепринятыми нормами, и немцы от этого испытывают удовлетворение, поскольку им кажется, что они — благодаря этой раскованности поведения русских — могут лучше понять, чего же они хотят на самом деле! При этом не важно, так это или не так на самом деле. Может быть, это самые сухие люди, совершенно без эмоций. Но все-таки от них ожидают, что у них должны быть эмоции.

Таковы же ожидания и французов по отношению к немцам. Они считают, что мы более эмоциональны, что у нас еще действует иррационализм, ибо у самих французов всегда существовал культ рационализма. По сравнению с ними, как они полагают, немцы — более свободны.

Но, с другой стороны, немцы — ужасные люди, потому что у них был разрыв с рационализмом, так как фашизм основан на иррациональном, чувственном подходе к действительности. Следовательно, немцы для французов интересны и ужасны одновременно. И подобное восприятие наблюдается и у немцев по отношению к русским. *П.Яан.*

2.5.5. При общении бывших военнопленных — немецких и русских — никакой враждебности нет, абсолютно! Наоборот, исключительно дружеские отношения. Теплые дружеские отношения. Это очень трогательно. Да потом, вообще, у бывших военнопленных немецких, бывших солдат немецких — нормальных солдат, я не говорю об эссэсовцах... отношение к России гораздо более положительное, чем, предположим, у молодых людей. Молодые люди вообще не интересуются Россией, им абсолютно безразлично, для них — то ли это Россия, то ли это Чехия — ну хорошо, большая территория! Можно сказать, это наступила нормализация (восприятия России). Нормальное отношение к России. Раньше Россия — Советский Союз — вызывали либо страх, либо ненависть, либо любовь. Безразличия не было. А сейчас преобладает безразличие! *Н.Зимон.*

2.5.6. Образ русских в Германии — очень сложен. Старшее поколение, которое еще жило в Германии во время войны, представляет русских как солдат, в военном образе. А у молодого поколения — более рациональная картина. Но я думаю, что культурный обмен очень полезен. Но есть и мифы, например, миф о донских казаках. Они — не русские, но для многих немцев они знают только «казаки, водка и "Калинка"» — вот и все! *К.Майер.*

2.5.7. Российско-немецкие отношения изменились к лучшему, но что касается взаимного доверия, то здесь изменения очень поверхностны. Потому что есть — и достаточно глубокие — как бы симпатии с очень давних времен! Но, с другой стороны, сохраняется сильная недоверчивость, при этом, я думаю, что с немецкой стороны недоверчивость даже больше, чем с русской. И много предвзятых мнений, предрассудков, и т.д. *Т.Эйхлер.*

2.5.8. Немец — так, как он представлен в литературе, и всем это как бы известно, — на него можно положиться! Он и пунктуален, и сделает, что обещает, если он сможет! Он, конечно, не все сможет, но все-таки! В рамках обычных рассуждений — он исполнителен и пунктуален.

А русский — не так! Он, конечно, может и поработать совсем по-другому, но на самом деле он обычно не любит работать. Это такая общая установка, это, как говорят, стереотип немецкого взгляда на русских! *Т.Эйхлер.*

2.5.9. Контакты не на уровне государственном, а на том уровне, который называется Grassroot работают гораздо эффективнее, чем контакты по линии правительств и чиновников. Это более конкретно, более наглядно, более эффективно. И есть уже опыт

достаточно богатый, особенно на уровне контактов между регионами. Там есть очень много прямых связей между нашими бундеслэндами, землями, и регионами, республиками в России. Очень много контактов на уровне породненных городов, между ассоциациями, между вузами, между — очень важно сегодня — негосударственными организациями.

И я поддерживаю как раз вот эти контакты и постоянно указываю и на уровне, если я беседую с нашими чиновниками, что как раз вот это и надо развивать побыстрее, поскольку это, действительно, очень эффективно и очень многие люди отсюда туда собираются и обратно. И это очень важно, по-моему, даже важнее, чем контакты между правительствами. *К.Зегберс.*

2.5.10. В сознании людей... мало кто входит в детали. Например, простоты ради говорят — «русские», когда на самом деле речь идет о молдаванах! Был такой случай с нелегальными работниками из Молдавии, причем это были — я даже помню — молдаване из Украины, и, конечно, их называют русскими! Скорее всего, это потому, что людям просто лень выяснять такие тонкости! *П.Стыков.*

2.5.11. Если взять Германию, то здесь происходит процесс интеграции русских иммигрантов. Интенсивность его зависит от них самих! В Берлине, например, есть большое русское сообщество, в котором можно крутиться целиком! Одни выбирают такой путь, а другие — ведут себя иначе! *П.Стыков.*

2.5.12. Насчет (отношения к русским) всех немцев я ничего не могу сказать. Мне больше известны проблемы восточных немцев, здесь я могу что-то сказать! Мне кажется, что к концу 80-х годов сложилось очень плохое отношение к русским. Многие восточные немцы ненавидели русских, прямо скажем. Такое отношение сложилось, как мне представляется, в ГДР к середине 80-х годов. Причем, преимущественно у простых людей сложилось очень негативное отношение.

А у интеллектуалов это изменилось в лучшую сторону в связи с приходом Горбачева. Скорее, в этой среде произошел некоторый раскол. Одни говорили: «Ну что он там такое делает? Боже, все и так хорошо!»

Но были и другие, которые видели какое-то новое начало, что ли? И многие стали интересоваться тем, что происходит в России.

Но, как я понимаю, хотя наши люди и обучались русскому языку в школе, начиная с пятого класса, но на самом деле никто не выучил русский язык, никто сегодня не помнит, никто не говорит по-русски, он для всех — как для западных, так и для восточных немцев — просто не существует!

И я думаю, что атмосфера была очень плохой. Потом, немножко такая имитация и реформ в виде Горбачева. И потом, мне показалось, что довольно-таки скоро, к началу 90-х годов, это всетаки изменилось. Просто. стало известно, какое плохое положение в России, и появилась какая-то жалость, какая-то симпатия по от-

ношению к русским, в частности, вот этот путч августовский! И люди начали интересоваться россиянами как людьми.

До этого они были как бы... ну, это такая оккупация, армия здесь сидела, надо было дружить с ними, но, чем больше было *надо*, тем меньше *хотелось*. Вообще, это все было организовано очень формально...

Конечно, каждый приходил в какой-нибудь гарнизон, и что-то там делал, но ощущение было такое, что там просто не было никакой жизни.

А потом, в 90-е годы, все-таки это положение нормализовалось в том смысле, что русские тоже стали людьми, я бы даже так сказала. Т.е. это было ясно, что были какие-то отношения формальные, которые надо было продолжать, — это отпало, и появились новые установки.

Например, мой сын — ученик 9-го класса — в прошлом году начал изучать русский язык. Это был третий язык, который изучается факультативно, на основе добровольной записи. И в прошлом году первый раз получилось столько людей, что можно было открывать класс. В течение 30 лет люди не хотели учить русский, а сейчас положение меняется! Какая-то часть молодежи открыто говорит: мы интересуемся Россией, мы хотим изучать русский язык!

У меня много студентов, в том числе много западных студентов, которые вдруг решили, что они должны учиться в России: им это очень важно, интересно! И они говорят: мы хотим что-нибудь совсем новое! Всю эту Францию, Италию мы знаем, мы понимаем, какая там логика жизни, мы понимаем этих людей. Но нам интересно другое, мы хотим учиться в России. Это люди, которые уже побывали в Африке, и в какой-то мере удовлетворили свое стремление прикоснуться к экзотике совершенно чужой жизни. *П.Стыков.*

2.5.13. У меня в прошлом году был семинар о политической системе в России, и я думала, что, скорее всего, никто не придет, так как семинар был в рамках курса общей политологии, в не страноведения. Т.е. я думала, что наверняка никто не придет на Россию. Но оказалось наоборот! Пришло довольно много студентов! Причем они сказали, что им именно это и было важно узнать: не отдельные факты про Россию, а попытаться понять, сравнить, что у нас и что у них? Можно ли объяснить эти различия тем, что русские совершенно другие, или у них иные обстоятельства, на которые они должны иначе и реагировать? И что их реакция является вполне нормальной и понятной, если знать контекст! Это один вариант.

А другой вариант таков: мол, мы этих русских не понимаем, у них все по-другому, и пусть они там делают, что хотят!..

Но на самом деле о России очень мало информации! *П.Стыков.*

2.5.14. Вопрос в том, какие критерии здесь могут быть операционализированы. Например, критерий заключения межнациональных браков. Я думаю, что этот показаталь выше, если учиты-

вать браки между французами и немцами или французами и англичанами, чем показатель браков между немцами и русскими. Это можно проверить и по критерию разводов. У немцев существует представление, они сконструировали такой образ, будто их менталитет гораздо ближе к русскому, чем к английскому или французскому! *Х.Харбах.*

2.5.15. Но я и сам наблюдаю это вот уже 8 лет на поведении наших студентов. Если отвлечься от некоторых психологических трудностей, которые могут быть у каждого, то можно сказать, что у русских студентов нет проблем с интеграцией в немецкую культуру. Они хорошо воспринимают и язык, и литературу. Они не чувствуют... то, что немцы — особенно теперь — говорят всякие гадости о коммунизме и России, они на это просто не обращают внимания. А немцы не отвергают контактов с русскими, ни личностных, ни телесных, не отвергают и их поведения. (They do not feel... the German say a lot of negative things these days about Russia and so, about communism and so. But in personal contacts they have no rejection of Russian persons with the bodies and behavior.)

Я сказал бы, что можно наблюдать какую-то химию совместной жизни русских и немцев. Если бы они не нравились друг другу... Например, немцы не любят датчан, а датчане не любят немцев. Но у них нет препятствий к заключению брака, так как их менталитет (русских и немцев) имеет много сходных черт. Предрассудки относительно поведения других — это, как известно, только интеллектуальные конструкции, и от реального поведения они очень далеки! Неважно, какие это стереотипы — позитивные или негативные!

Возьмем, например антисемитизм. Явные антисемиты могут иметь евреек или евреев в качестве girlfriends или boyfriens. Нет проблем! Это просто иная область отношений. Конструкции относительно жадности евреев и их погони за деньгами или о мировом заговоре, о чем все еще думают русские и немцы... вряд ли состоятельны! *Х.Харбах.*

2.5.16. Я думаю, то, что сближает нас с Россией, делает нас ближе к России в сравнении с другими европейскими странами или народами, так это наша история. Ведь у нас сложились более или менее дружественные, или более или менее конфликтные отношения с XV в., когда началась экспансия немцев на восток в конце средних веков. И, наоборот, у нас есть общая история разделов и разрушения Польши. Затем у нас есть история отнюдь не святого «Священного Союза», поддержания консервативного режима в Европе на протяжении XIX в. при Меттернихе и Священном Союзе после 1848 г., затем опыт внешней политики Бисмарка, поддерживавшего хорошие отношения с Россией ради сохранения безопасности Европы. Вплоть до Первой мировой войны.

И даже во времена Веймарской республики, да и после, установились тесные отношения с большевистским режимом. Было организовано тесное сотрудничество между вермахтом и Красной

армией. Ваши офицеры учились в Потсдаме, в военной Академии германского Генерального штаба, а войска вермахта испытывали свое оружие — новые танки и самолеты — на территории Советского Союза после 1933 г. Так что есть определенные заделы в истории, экономике, политике, может быть, даже в некоторых сходных чертах менталитета, связанные с возможностью развития российско-германских отношений. *П.Шульце.*

2.5.17. Что касается русских, то среди них довольно много тех, кто также весьма дружески и открыто относятся к немцам. Среди людей старшего возраста можно наблюдать уважение к немцам, и для них характерно то, что они отделяют «немцев» от «фашистов». Я сам не принимаю этого разделения. *Ю.Фельдхофф.*

2.5.18. Я не согласен с тем, что существует только один тип тоталитаризма. Тоталитаризм, на мой взгляд, всегда очень окрашен цветами собственной истории, собственной культуры и т.д. Но, тем не менее, я думаю, что у нас очень много общего — и хорошего, и плохого. *Г.Гунтер.*

2.5.19. В то время как я нашел в книгах, что немецкое слово «Volk» — это слово из военного словаря, это значит «люди, которые объединены в какой-то отряд или, я не знаю, в военный отряд». Там всегда есть Fuerer (вождь) и Volk (народ). Я думаю, что это как-то связано с более воинствующим характером немцев. И немецкий национализм всегда имел, как мне кажется, более воинственную направленность по отношению к соседям, чем русский. Он был более экспансивным и более агрессивным. *Г.Гунтер.*

2.5.20. Нам не нужны германо-российские отношения, нам нужны отношения между русскими и немцами!

Может быть, нужны профессиональные мезоструктуры, регулирующие отношения между разными оркестрами. Например, немецким и российским симфоническим оркестрами, немецко-российским клубом пианистов, играющих в четыре руки, нужны отношения между университетами — российскими и немецкими, и даже не университетами, а между лекторами. Нам не нужны эти надстройки и бюрократические структуры. Нам нужны только люди, и координация. Но координаторы должны быть всегда открыты для критики.

Они не должны главенствовать, как политики или начальники. Это неправильно! Если политики занимают очень важное место в обществе, то это негативвный показатель. Они должны всегда чувствовать, что в них нет нужды. Так же и с бюрократией. Это — не элита, и они, конечно, могут быть полезны, но мы думаем о том, как бы уменьшить их число. *Х.Харбах.*

Часть 3
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

3.1. Память о войне (1—33)

3.1.1. История Великой Отечественной войны — это часть коллективного рассказа о русской нации... Но это никогда не было частью коллективного рассказа немцев! И я думаю, что это нельзя прививать, потому что это, собственно, другая сторона истории! Другая — в том смысле, что немцы должны... рассказывать свою собственную историю, и она не может быть такой же, какой ее рассказывают русские! Я думаю, что сама последовательность событий на войне — переход от битвы к битве — это для них не так уж и важно! А важно для немцев то, что было в концлагерях. А это, в свою очередь, для русских не очень важно, потому что через эти концлагеря или лагеря уничтожения не получается коллективного рассказа русских о своей нации. Может быть, это интересно только для тех узников этих лагерей, которым удалось остаться в живых!..

А немцы должны разобраться именно с проблемой концлагерей, с проблемой русских военнопленных, с проблемой геноцида и холокоста! *П.Стыков.*

3.1.2. В самом конце войны первым комендантом Берлина был один русский генерал. Я не помню его имя. И он был — почетным гражданином в Восточном Берлине. Ему присвоили это звание после его смерти. Очень хороший человек, желающий добра и мужественный. После окончания войны в течение трех месяцев до тех пор, пока не пришли американцы и англичане он был единственным хозяином города, и он очень много сделал для людей. Он сделал так, чтобы у людей была пища, чтобы начали работать школы и т.д. Он очень хорошо все это делал, и даже христианские демократы его очень уважали. Вот так!

А теперь — после объединения случилось так, что западные немцы исключили его из списка почетных граждан города, вот так!

Социал-демократы и зеленые говорят: «Мы восстановим его в списке почетных граждан! Он был на самом деле хороший чкловек... он умел заботиться о людях!» А христианские демократы говорят: «Нет! Он был по меньшей мере соратником Сталина!»

Я думаю, что это и есть показатель того, что люди очень мало думают об истории! Ведь если он был соратником Сталина, то удивительно, что он не стал мстить, что он не сказал: «Пусть они

все подохнут, эти проклятые немцы!» Наоборот, он вел себя по-человечески, он жалел этих немцев и т.д.

Поэтому я и думаю, что это является одним из символов того, что немцы на самом деле не помнят того, что они сами сделали по отношению к русским! Они забыли об этом!

О евреях — другое дело! Здесь достаточно живых свидетелей. Не проходит дня, чтобы об этом не напоминали газеты или другие средства массовой информации. Но что касается русских, то все это свалено в кучу критики коммунизма и сталинизма, ...и пусть, мол, поскорее забудут о прошлом! Такое у меня ощущение. *И.Шютце.*

3.1.3. У меня есть об этом представление, связанное не только с детскими впечатлениями, но и с тем, что я как историк профессионально занимался этой проблемой. Что касается большинства современной молодежи, то память об этом слабеет. Их впечатления связаны с семейной историей, и историей уже не отцов, а дедушек или даже прадедушек, которые участвовали в войне, погибли или были в плену.

Кроме того, для ФРГ и бывшей ГДР — это была совершенно разная история до 1990 г. Я скажу только о ФРГ. В ФРГ в 50-е годы для большинства людей это были только наши страдания, а о страданиях других мы не говорили! Субъективно это было понятно, потому что для большинства, для солдат это был ужасный опыт. Война — была неприятным воспоминанием — для многих это было страдание и плен. Для тех, кто жил в Восточной Германии, это тоже был ужасный опыт. Но тогда никто не говорил о том, что мы там сами натворили!

При этом во время холодной войны это было частью нашей идентичности. Все остальное — фашизм, холокост, агрессия по отношению к другим народам, все это невозможно было защищать. А вот война против Советского Союза оценивалась иначе. Ведь защита Германии в 1945 г. рассматривалась как стремление не допустить выход Сталина и советских войск к Эльбе. Вы были «неправильными союзниками». У нас даже ходил анекдот относительно того, что Черчилль якобы сказал (хотя на самом деле он этого не говорил), что «мы (то есть западные союзники) — Wir haben eine Falsche Gans geschlachtet — убили не того гуся». Нам очень хотелось во времена холодной войны, чтобы он именно так сказал.

Война, таким образом, воспринималась как «защита демократической культуры на берегах Волги, под Сталинградом». К сожалению, такой подход к оценке войны не преодолен полностью. Он воспроизводится. Тем более, что выдвигается и такой аргумент: «Мы должны служить в армии теперь только потому, что тогда Советские войска дошли до Эльбы».

Такова была позиция в 50-е годы.

В последующие несколько десятилетий мы постепенно изменили точку зрения. Мы постепенно осознали то, что не только евреи были жертвами геноцида, но и масса нееврейского населе-

ния — русские, украинцы, белорусы и, конечно, поляки — тоже были жертвами, что не мы были жертвами, а другие народы, так как мы сами напали на Россию—Советский Союз, что все эти акции — не менее серьезные преступления против человечества; чем холокост.

К сожалению, далеко не все разделяют эту точку зрения. Очень мало историков, например, занимаются изучением судьбы советских военнопленных.

И очень важно было то, что президент Германии Рихард фон Вейтцекер в 1985 г. в своей официальной речи в парламенте сказал, что несмотря на индивидуальные судьбы многих миллионов людей, события 1945 г. означали освобождение. Это был долгий путь к признанию вины и ответственности немецкого народа. Для многих людей, — конечно, это меньшинство, но которое, правда, нельзя назвать незначительным, — и сейчас события 1945 г. остаются «поражением», а не «освобождением».

В 1995 г. был проведен общенациональный опрос, в ходе которого спрашивали: «Следует ли события 1945 г. называть "поражением" или "освобождением"»? 80% опрошенных высказались за то, что это было освобождение. Но если Вы посмотрите, как люди характеризуют нацизм, то увидите, что прежде всего это связывается в головах людей с геноцидом евреев. Очень мало тех, кто связывает этот режим с преступлениями против других народов и ответственностью за развязывание Второй мировой войны и нападением Германии на СССР. Лишь в некоторых случаях это дополняется политикой уничтожения сумасшедших или цыган. А когда речь заходит об уничтожении вооеннопленных Советской армии, то сразу задают вопрос: «А наши военнопленные?» Конечно, они тоже были не в райских условиях, страдали. Многие из них погибли, но не в таких масштабах, и они не умервщлялись теми способами, которые применялись по отношению к советским военнопленным. А политика нацизма по отношению к гражданскому населению!? Например, блокада Ленинграда. Мало известно об этом. Нельзя сказать, что это полностью замалчивается. Но это не закреплено в нашем сознании. Эти факты находятся на втором или третьем месте. Я считаю это неправильным.

Вполне возможно, что наши политики даже не хотят выдвигать эти факты на то место, которое они должны были бы занимать в сознании людей, в общественном мнении. Они, возможно, думают, что если этим фактам придать должное значение, то тогда наша политика станет несвободна по отношению к России, что бремя прошедшего станет очень большим грузом, не позволяющим противостоять России. Это, правда, лишь мое предположение! Но факт состоит в том, что ни наш консервативный канцлер, ни наш социал-демократический канцлер, также как и никто из прежних или нынешних министров не нашли времени для посещения этого музея. *П.Яан.*

3.1.4. Для Германии война и в целом нацизм — это позор! Дело не только в том, что в войне Германия потерпела военное поражение. Это не так существенно. Суть вопроса в моральном поражении и моральном кризисе. Очень немногие в Германии считают, что они не несут ответственности за развязывание войны, а чувство позора испытывает большинство! И это большинство предпочло бы отказаться от немецкой идентичности. Поэтому в Германии патриотические чувства не являются распространенными. Для многих немцев похвала состоит в том, если им скажут, что они непохожи на немцев. Это типично.

А в России это совсем иначе! Советский Союз не был инициатором войны. Наоборот, Третий рейх выступил в качестве агрессора. Россия одержала блестящую, хотя и трудную, победу и поэтому отношение русских к войне в общем носит позитивный характер. Это отношение заслуженной гордости.

Вот это главное различие в восприятии войны объясняет, почему в Германии редко можно встретить человека с патриотическими чувствами и почему у немцев есть стремление выйти за рамки немецкой нации — немцы хотят быть европейцами, но только не немцами.

Чувство позора, доставшееся от прошлого, объясняет, почему значительная часть немцев не любят немецкую культуру, немецкий язык и самих себя. *Э.Штёльтинг.*

3.1.5. Значение Второй мировой войны трудно переоценить... И если эти вопросы не обсуждать, то они останутся закрытыми, и не будут поняты! Эти вещи можно преодолеть лишь путем обсуждения и понимания. При этом здесь так много разных уровней, особенно если принять во внимание уровень солдата. Они теперь уходят из жизни просто в силу возраста. Но были события и сохранился опыт, который настолько ужасен и травматичен!

А с другой стороны, есть и противоположеный опыт помощи людям и проявлений гуманизма. Вот это и следует обсуждать, те действия, в которые был вовлечен отдельный человек. Нужно обсуждать убийства, совершенные немцами в Белоруссии, на Украине и т.д. Все те ужасные вещи, которые произошли с евреями. В это невозможно поверить! И это надо обсуждать!

Но надо обсуждать также и то, как русские военные обращались с мирными гражданами в этой Великой Войне! Конечно, вы можете сказать: «Гитлер начал первым!»

Но в то же время есть преступления sui generis. И не имеет значения, кто их совершил! Это необходимо проговорить, это нужно обсуждать, это нужно если не понять, то по крайней мере попросить прощения, и задуматься об этом как в момент траура. Так что все время сохраняются разные уровни опыта, которые нуждаются в обсуждении.

Вклад России и российской армии в избавление от Гитлера, от фашизма и нацизма, от холокоста не может быть недооценен... Я думаю, что есть чувство благодарности за это...

13 Заказ № 1007

Но с другой стороны, — и это также правда — историческая память немцев хранит и то, что коммунизм был партократической версией тоталитаризма в организации государства. И особенно в годы жизни Сталина (при организации ГДР) модель государства не была привлекательной моделью идеального государства.

И я думаю, что к этому нужно добавить: то, что Силезия оказалась отрезанной, равно как и другие части Германиии, оказало влияние на образ России. Или, точнее сказать, не России, а сталинского Советского Союза! И это — негативный образ! *Г.-Д.Клингеманн.*

3.1.6. Я думаю, что важно не забывать о Второй мировой войне, что эту проблему надо обсуждать и преодолеть ее!

У меня как у немца не возникало никаких проблем, когда я был в России. Даже во времена косовского кризиса я мог обсуждать эти проблемы. Может быть, в России и есть отдельные индивиды или правые группировки, но с ними у меня не было контактов. Конечно, гражданам Германии было направлено официальное письмо из посольства: «Имейте в виду, что было нападение на американское посольство со стороны участников демонстрации, проявляйте осторожность» и т.д. в этом духе. Но это было благодаря косовскому кризису!

Я помню дискуссию на социологическом факультете, когда одна студентка сказала, что у нее есть родственники в Сербии. И я почувствовал определенное неудобство, я не знал, что сказать. Это было как раз в этот период. Конечно, так совершается история, но все же мы могли разговаривать на эту тему. Она отнеслась ко мне дружелюбно... Конечно, была определенная дистанция, но в то же время коммуникация не прерывалась даже при этих обстоятельствах. Примерно также и с проблемами Второй мировой войны... Я бы сказал, что сейчас из-за этого нет антагонизма. Даже у старшего поколения, которое это помнит и может об этом рассказать... *М.Кейзер.*

3.1.7. Группы, которые гордятся тем, что во время войны границы Германии в этой великой войне были раздвинуты вплоть до Волги есть, но они немногочисленны. Этот взгляд разделяется только очень небольшой группой населения: я бы сказал, что только самыми правыми группировками и партиями, которые не вошли в парламент. Есть у них и газеты... Но эти группы не пользуются поддержкой со стороны других партий и населения. Они просто изолированы. Они обсуждают эти вопросы только в рамках своих групп, в своей среде. Открыто эти вопросы не обсуждаются. Как социолог я встречал разные оценки. По этим оценкам (MSD-studies) правые партии имеют потенциал до 15%.

Это по большей части новые правые, которые против иностранцев в Германии, и которые нападают на турок. Их идеология основывается не на прошлом, она более путаная, особенно относительно современной ситуации. И они оценивают свой потенциал до 15% в среднем по всей Германии. Поэтому возможно, что в

некоторых регионах они имеют и большую концентрацию сторонников. Например, в Восточной Германии их электорат оказывается достаточным для того, чтобы быть представленными в местном парламенте! *М.Кейзер.*

3.1. 8. Дело в том, что не существует коллективной памяти об этих событиях и датах. А поколение, которое обладает такой памятью, не желает помнить об этом. Так что, эта память не передана более молодым поколениям как нечто такое, о чем следует помнить, что следует обсуждать и дискутировать! Это память о поражении! И люди хотели забыть о подобных вещах. Так что, было такое поколение, которое не создало коллективной памяти. Для последующих поколений память была утрачена. Она не передалась новым поколениям. *М.Кейзер.*

3.1.9. Память о войне: по этой теме как бы все отмалчиваются! Но я думаю, что и молодежь открывает эту проблему для себя. Об этом говорит, например, история с выставкой, посвященной действиям вермахта во время войны на Восточном фронте, и реакция на эту выставку! Во всяком случае, она несколько уравновешивает тот отрицательный образ немцев, который сложился в целом. *Т.Эйхлер.*

3.1.10. Я думаю, что последствия войны сейчас все еще остаются очень различными для этих стран. Для Германии теперь первостепенное значение имеет конец коммунизма и воссоединение страны. В этих процессах роль России достаточно велика. Поэтому, например, Горбачев в Германии воспринимается позитивно, в то время как в России он воспринимается скорее негативно. *Э.Штёльтинг.*

3.1.11. Я совершенно не согласен с тем, что одна из главных проблем во взаимном восприятии русских и немцев состоит в памяти о Второй мировой войне, в особенности о германо-советской войне!

Может быть, с российской стороны это и так, но с немецкой стороны это не так! *П.Шульце.*

3.1.12. Что касается войны, то с российской стороны она все еще прославляется, она не изображается такой, как она была — отталкивающим ужасным событием!

Я участвовал в дискуссии о том, чтобы установить памятник немецким солдатам, похороненным в российской земле — в качестве памятника ужасам войны. Но оказалось, что практически этого сделать невозможно. В Германии есть такие памятники. И российское правительство это знает. Все российские памятники, которые были оставлены с 1945 г., сохраняются, и о них заботятся. Так что, у нас нет проблем с памятью о Второй мировой войне.

У нас нет негативного отношения даже среди старшего поколения в Восточной Германии, которое страдало во времена советской оккупации! Особенно если принять во внимание факты, что миллионы немецких женщин были изнасилованы после 1945 г. с

согласия командования и даже с согласия Политбюро, а население Восточной Пруссии было насильственно выдворено со своего места жительства.

Но это факты — это история! *П.Шульце.*

3.1.13. Мне не кажется, что вопрос о войне является определяющим фактором для восприятия России сегодня...

Когда мне было, допустим, 20—25 лет, то у нас дома были очень бурные дискуссии, в семье. Я спросил у родителей, чем они занимались тогда. Мой отец был солдатом в России...

И тогда многие считали, что тогдашняя политика — 60-х и 70-х годов — должна рефлектировать какие-то конкретные примеры и какие-то там уроки этого времени. И это было оправдано!

Сегодня в обеих странах большинство людей живут без конкретной памяти об этом периоде. И мне не кажется, что есть очень большой смысл, чтобы так сказать, искусственно воссоздавать это историческое пространство, чтобы этим сегодня заниматься.

Знаете, история очень часто является ресурсом и используется для актуальных интересов конкретных групп.

Если вы говорите, например, с собеседниками из Прибалтийских стран, то они до сих пор вам говорят — если вы из Германии, — что из-за 39 г. вы, Германия, и вы, Запад, должны включить нас побыстрее в НАТО. А если вы говорите с людьми из России, принадлежащими тому же поколению, то, скорее всего, они будут говорить вам как раз противоположное: вы в Германии из-за 39 и 41 г. как раз не должны включать эти страны в НАТО! Т.е. история толкуется и используется по-разному, и по понятным причинам.

А поэтому мне кажется, — но это, конечно, мое личное мнение, — что наше новое правительство, которое работает уже полтора года, оно это выражает. Если вы сравните правительство Коля и правительство Шредера, то убедитесь, что они как раз в этом сильно отличаются. Такие символические исторические жесты, как рукопожатие Коля с Миттераном на кладбище в Витбурге, или с другими лидерами, совершенно невозможно представить себе со Шредером — он уже представляет другое поколение.

А я лично считаю, что это хорошо, что надо развивать немецкую политику в сторону признания того, что мы являемся цивилизованными, нормальными общественными и политическими акторами этого века, которые должны решать проблемы, исходя из сегодняшнего понимания этих проблем.

Хотя те люди, которые жили тогда, в 30-е и 40-е годы, они, конечно, помнят. Но молодежь мало в этом понимает. И искусственно им сказать: вы должны это помнить и понимать, — это, возможно, даже является немножко опасным. *К.Зегберс.*

3.1.14. Память о войне в массовом сознании, в сознании обывателя исчезла. Другое дело, политический класс Германии. Речь идет об определенных кругах немецкой интеллигенции и полити-

ческого класса, у которых живет эта память о войне. Она проявляется, прежде всего, в виде чувства стыда и вины, стремления примирения, в особенности с Россией. Очень много делает в этом отношении немецкая Евангелическая церковь. Она сохраняет память о войне и стремиться преодолеть эту немецкую вину путем примирения, путем общения с Россией, чтобы найти общий язык с помощью налаживания контактов. *Г.Зимон*

3.1.15. О войне у нас говорили очень мало. Вообще в школе у нас так преподавали, что в 1933 г. все кончилось! А потом мы вернулись к древним временам опять.

В школе я ничего не слышала о войне... Все остальное я узнала только в университете! *И.Освальд.*

3.1.16. В Германии сложилась такая... традиция, связанная с культурой воспоминания, и мне кажется, что этому вопросу уделяется слишком большое внимание. Мы сейчас живем и двигаемся к будущему, и поэтому важно, чтобы это было, но нельзя заставлять людей всегда участвовать в этих событиях. Я думаю, что эта культура поддерживается благодаря тому, что у нас сейчас такой состав правительства.

Сейчас у власти люди, которые начинали в свое время начинали дискуссию по эти вопросам. В 60-е и 70-е годы это было очень важно. Тогда были еще такие настроения, чтобы эту дискуссию не продолжать, чтобы все забыть как можно скорее и построить новую Германию. Поэтому это и было тогда очень важно. Когда я училась в университете, то многое узнала впервые. Я видела несколько фильмов на эту тему, и это было очень важно для меня. Но такая мобилизация не может быть постоянной. А на самом деле всего этого стало больше и больше. Еще какие-то эмоции, еще какие-то дополнительные Дни воспоминаний, еще какие-то памятники. *И.Освальд.*

3.1.17. У меня своя теория на этот счет... Это похоже на отношения с Францией! Есть своего рода взаимный счет. Вы знаете, я склонен к бихейвиоризму, хотя я думаю, что это тоже спекулятивная конструкция. Между французами и немцами установились неплохие отношения и не только благодаря тому, немцы выделяют миллиарды (billions) на финансирование французского сельского хозяйства — об этом каждый знает, что мы платим в десять раз больше в европейскую кассу, чем другие, которые получают только прибыль! Об этом мало кто знает, например, в Испании, в других странах. Мы финансируем все. Но что касается Франции, важно и то, что примерно равное число людей с обеих сторон было убито во время войны.

Моя теория применима и к России. Немцы знают, что они убили миллионы и миллионы русских людей. 17 и 18-летних молодых людей, и это не было только результатом некомпетентности русских генералов (which was not at least a fault of incompetent Russian generals).

Это — темная сторона истории войны с Россией: «некомпетентные русские генералы, которые виновны в гибели», ценой этой некомпетентности стали жизни сотен тысяч молодых русских парней. Но это одна сторона проблемы. Но с другой стороны, немцы знают и о том, что масса немцев пострадала от России, что множество людей было убито русскими солдатами.

Кроме того, существует некоторый дополнительный образ, самостоятельный аспект по поводу изнасилований, и эта точка зрения не преодолена. Это образ русских солдат, которые насиловали массу немецких женщин. Этот образ несет особую отрицательную нагрузку. И если Вы спрашиваете о предрассудках людей в Германии относительно русских, то Вы обязательно встретитесь с этим аргументом, несмотря на время, которое прошло с тех пор!

Но с другой стороны, хорошие отношения устанавливаются тогда, когда приходит мысль о взаимном балансе: «Война не имеет смысла: ничего не произошло, кроме того, что с обеих сторон была убита масса людей, и, можно сказать, что счет, если можно так выразиться, закрыт!»

Это так же, как и с Францией! Это как битва при Вердене, в которой участвовал мой отец. Сотни тысяч людей было убито в штыковых атаках в течение нескольких месяцев... Ни за что! Но я думаю, что это психологический факт, что люди начинают что-то понимать, образумливаются после.

Это моя теория — несколько спекулятивная — относительно численности убийств и смертей, которые должны свершиться прежде, чем люди снова начинают задумываться над тем, что они делают!

И теперь мы видим это и на примере России. Они пришли к мысли, что слишком много людей пострадало, было убито ни за что, без всякого результата! Ни русские, ни немцы не получили никаких преимуществ от этих войн! Только несчастья! Но теперь это — в прошлом!

Теперь молодые люди... у меня есть дочь 19 лет. Они смотрят на это все заново, свежим взглядом! Они знают об этих войнах, но у них нет к этому особего интереса! Они считают, что это огромная бессмыслица со стороны взрослых, что эти войны и массовые убийста были спровоцированы учеными с большими званиями и титулами. Но их это не касается... Моя дочь... Кажется, что она не интересуется ни Россией, ни российской историей, но она интересуется русскими. Она обедала с господином Скворцовым и с господином Головиным, ходила с русскими студентами на дискотеку. И это — ее впечатления о России. Она читает Чехова и т.д. А кроме того, они не мыслит в категориях макроуровня.

Они отбирают некоторых из русских, и я думаю, что это хорошая стратегия! *Х.Харбах.*

3.1.18. Русское военное командование сильно виновато (highly guilty) в этих массовых убийствах! Они оказались некомпетентными перед немецкой военной машиной, технологической машиной

войны, созданной в Германии! И бюрократия могла послать этих мальчиков!.. Я был в Волгограде, я видел многие населенные пункты и эти стеллы с именами и датами: 19 лет, 18 лет! Они шли с калашниковым против немецких танков, против военной машины! В начале войны они сами бросались под танки, чтобы остановить их! Они виноваты! Я думаю, что многие из них знали...

В Москве и Санкт-Петербурге в связи с пятидесятилетием были собрания ветеранов. И были сообщения в прессе, которые были неоднозначны в оценке этих руководителей!

Они (командование Красной Армии) были политически индоктринированы, и в то же время слабо знали военное дело! Это и обошлось русским в такое количество утерянных жизней. *Х.Харбах.*

3.1.19. Я думаю, что если Вы скажете выпускнику даже гимназии, что Париж был занят немецкими войсками, то он очень удивиться! *Г.Зимон.*

3.1.20. Существует прямо противоположный подход, который можно было бы выразить следующим образом: со времени окончания войны прошло уже более полувека. Пора покончить с историей. Сейчас живет совершенно другое поколение: «Мы, которые родились после войны, и кто были еще детьми во время войны, не несем за нее ответственности, и нас это больше не интересует. Мы живем сегодня, а что касается истории, то пусть этим занимаются историки». (Тем, кто родился в 1945 г. теперь исполняется 55 лет.) Такая точка зрения, такой менталитет существует.

Хотя если вы посмотрите на мир образования, на учителей, на профессуру и студенчество, то такой взгляд там встречается крайне редко. Официальная Германия, политическая Германия постоянно повторяет, что хотя война была в прошлом, мы обязаны об этом не забывать, что мы обязаны помнить о преступлениях нацистов и мы обязаны заботиться о том, чтобы это никогда не повторилось впредь. Официальная Германия постоянно повторяет, что наша обязанность состоит в том, чтобы новые поколения немцев знали о преступлениях нацистов. *Г.Зимон.*

3.1.21. В политическом сознании думающего населения обеих стран война стала историей. И они не хотят извлекать ее из своей памяти. *Ю.Фельдхофф.*

3.1.22. Вся история, которую мы изучали, была полностью связана с холодной войной. Холодная война определяла содержание преподавания в средней школе и вузе. То, что преподавалось по таким предметам как география или история, было чистой пропагандой. *Ю.Фельдхофф.*

3.1.23. Если Вы послушаете весьма квалифицированный обзор событий, например, во время путешествия с экскурсоводом-историком, то Вы узнаете, как много несчастья и зла принесла нам русская сторона при Сталине. И Вы узнаете, как заботливо относились союзники к будущему Германии — все союзники, за ис-

ключением русских. С русскими, якобы, было очень трудно договориться, предложения оказывались слишком запоздавшими.

За этой концепцией стояли и стоят определенные интересы. Это, конечно, вполне естественно и законно — наличие определенных интересов у той или иной стороны. И русские также имели свои интересы. И русские были заинтересованы в судьбах послевоенной Германии гораздо больше, чем США. Нацисты не были в США.

Конечно, они были во Франции, но при весьма специфических обстоятельствах. *К.Кульке.*

3.1.24. Нет, этого забывать не стоит никогда! У нас о войне очень мало пишут. Собственно, о войне я даже не помню ни одной хорошей книги! Но это связано с тем, что Германия проиграла войну, и вообще, писать в положительном смысле о войне — у нас это совсем невозможно! *Г.Гунтер.*

3.1.25. Мы потратили очень много времени, чтобы понять проблему Сталинграда. Это был очень трудный вопрос для нас. В Германии эта тема замалчивалась, существовало табу по этому вопросу. Это было своего рода идентификацией с нацистской армией. Даже среди немецкой интеллигенции! *К.Кульке.*

3.1.26. Я бы никогда не сказал, что «мы проиграли». Я думаю, что мы многое выиграли. Не только благодаря американцам, но и благодаря Красной Армии. Мы утратили возможность сохранять тоталитарный режим, который принес миру столько убийств, что это не укладывается в воображении. *Ю.Фельдхофф.*

3.1.27. Когда я оказалась в Германии, для меня было большим открытием: Вы знаете, кто больше всего любит Россию в Германии? — Бывшие военнопленные!.. Они действительно любят Россию, и у них действительно самые теплые воспоминания — не о том, как они были в плену, а о том, как им помогали простые люди: там кто-то, я не знаю, куском хлеба или там кружкой воды, или еще чем-то! И действительно, может быть, они самые большие симпатии испытывают к России... *О.Александрова.*

3.1.28. Понимаете, не говорить неправды ни с одной стороны, и ни с другой стороны, вот это главное! И не пытаться то, что было совершено во время войны, снова сегодня преподносить только с точки зрения глорификации всего этого... Как было вот в этом году, например, с этими парадами, и все прочее. Попытки этого совершенно отчетливо прослеживаются! Конечно, нужно уважать ветеранов, конечно, они старые люди, конечно, они бедные люди, ветераны войны. Конечно, им нужно помогать! Но нельзя делать это единственной точкой отсчета, что вот это — единственное то хорошее, что было!

Там было, конечно, хорошее, но какой ценой все это было достигнуто? И то, что в этом была определенная философия Жукова, мы тоже знаем, — так сказать, любой ценой, ценой любого количества человеческих жизней добиться той или иной победы, там, я

не знаю, тактически или, потом, стратегически, или... Самое главное, так сказать, — правду говорить. *О.Александрова.*

3.1.29. Вспомним колоссальные потери русских солдат во время второй мировой войны. Миллионы смертей, в которых не было необходимости, и которые лежат на совести российских генералов и офицеров. Даже в одной из последних битв на Зееловских высотах, где немецкие войска обладали явным преимуществом в средствах защиты — Жуков потерял 50—60 тысяч человек только ради того, что Сталин хотел взять Берлин к определенной дате, не считаясь с людскими потерями своей собственной армии. Эта бесчеловечность, этот догматизм вел к тому, что и жертвы со стороны гражданского населения не принимались во внимание. *П.Шульце.*

3.1.30. (Во всех немецких землях) преподается та же самая история, одинаковая концепция Второй мировой войны. Об этом можно судить по школьным учебникам. Конечно, многое зависит от учителя. Но учителя — это гражданские служащие (civil servants), и все они подлежат контролю со стороны родителей, руководства школой, гражданского общества, чтобы они не говорили детям что-то от себя, даже если это им хотелось бы. Я бы сказал, что это достаточно унифицированный дискурс! *М.Кейзер.*

3.1.31. Вклад России и российской армии в избавление от Гитлера, от фашизма и нацизма, от холокоста не может быть недооценен... Я думаю, что есть чувство благодарности за это... Но с другой стороны, — и это также правда — историческая память немцев хранит и то, что коммунизм был партократической версией тоталитаризма в организации государства. И особенно в годы жизни Сталина. *Г.-Д.Клингеманн.*

3.1.32. Память о холокосте, о нацистских преступлениях против евреев сохраняется по-разному даже в еврейских семьях. Молодежь, которая здесь учится — уже третье поколение, так как их родители появились на свет уже после войны. Это их дедушки и бабушки жили во времена нацистского режима.

И это удивительно, что они только здесь (в Германии!) узнали о том, что на самом деле происходило — о холокосте!

В России — в школах и везде — им всегда говорили о большой войне, о том, сколько погибло русских во время этой войны — 20 миллионов. Евреи также входят в это число. Но не было главным! Страдания русских — вот что было важно!

А некоторые из моих респондентов говорили, что когда они слышали в России о холокосте, то они говорили себе, что это сталинская пропаганда! Они в это не верили! И это удивительно, потому что... почти во всех семьях были родственники, которые пострадали от немцев.

Поэтому я думаю, что в русских еврейских семьях эта память не передается новым поколениям. Это не... Может быть, иногда сохраняются традиционные воспоминания в семье, но это не ста-

новится публичным! Это остается фактом их частной жизни. *И.Шютце.*

3.1.33. Если я работаю в Союзе бывших военнопленных, то естественно, эта тема наложила неизгладимый отпечаток на всю их жизнь, хотя они сейчас в преклонном возрасте, но тем не менее они по-прежнему занимаются этой темой. Для молодых людей эта тема больше не играет вообще никакой роли.

Вот в последнее время, после так называемого поворота и после того, как отношения с бывшим Советским Союзом, т.е. сейчас с Россией, Украиной, Белоруссией, в общем-то наступила разрядка, то Союз бывших военнопленных стал поддерживать контакты с Союзом ветеранов в Советском Союзе. И там даже была создана такая ячейка бывших военнопленных советских. Но это тоже не очень много, их осталось мало, советских военнопленных. У них установился контакт, и они очень гармонично друг с другом общаются, поразительно, бывшие враги... Все ушло в прошлое.

Никакой враждебности нет, абсолютно. Наоборот, исключительно дружеские отношения. Теплые дружеские отношения. Это очень трогательно. Да потом, вообще, у бывших военнопленных немецких, бывших солдат немецких — нормальных солдат, я не говорю об эссэсовцах и других. У них отношение к России очень положительное, значительно более положительное, интереса больше к России, чем, предположим, у молодых людей. Молодые люди вообще не интересуются Россией, им абсолютно безразлично, для них — то ли это Россия, то ли это Чехия — ну хорошо, большая территория.

У бывших солдат это связано с их молодостью; эти люди видят себя молодыми, и все, что было в молодости, постфактум идеализируется — это у всех людей такая особенность. А молодые люди — ну это, в общем-то, можно сказать, это нормализация наступила. Нормализация, нормальное отношение к России.

Раньше Россия — Советский Союз — был либо страх, либо ненависть, либо любовь. Безразличия не было. А сейчас преобладает безразличие. *Н.Зимон.*

3.2. Цели войны и ее характер (1—26)

3.2.1. Немцы ворвались в Россию как варвары, пытаясь завоевать ее. И стремясь сломить достоинство этих славянских народов, превратить их в рабов божественной нордической расы, божественной расы на вершине мира!

Я думаю, что они хотели завоевать весь мир, и они бы не остановились даже после завоевания России... Они пошли бы дальше воевать с США и со всем миром. Они хотели завоевать весь мир! *И.Шютце.*

3.2.2. Главная причина поражения Германии состояла в ложной постановке самих исходных задач войны. Нельзя победить весь мир и утвердить мировое господство, или «новый порядок».

Во-вторых, США обладали огромными экономическими ресурсами, которые были задействованы на стороне союзников, в особенности после того, как США вступили в войну вначале с Японией, а затем и с Германией.

В-третьих, немецкая армия не могла оккупировать огромные пространства Советского Союза.

В-четвертых, на оккупированной территории немецкие войска проводили ужасные репрессии, которые не могли не вызвать сопротивления со стороны народа. Политика Германии в войне против СССР это политика уничтожения и разрушения. Она опиралась на расистские убеждения и особенно жестоко проводилась на территории Польши и СССР. Это проявлялось в том числе и в положении военнопленных. Французские и английские военнопленные обеспечивались сносными условиями существования, по отношению же к военнопленным Советской армии проводилась карательная политика, в результате которой в первый же год войны было уничтожено более двух миллионов военнопленных. *Э.Штёльтинг.*

3.2.3. У Германии и России разный взгляд на войну, разная перспектива. Для немцев это прежде всего «мировая война», для русских — Великая Отечественная война. *Э.Штёльтинг.*

3.2.4. Нет общей точки зрения на причины и характер Второй мировой войны в целом, а тем более российско-немецкой войны как в самой России, так нет ее и внутри Германии! Как в таких условиях можно было бы найти общий подход к вопросу о мировой войне?

Спросите у западных украинцев, спросите у чеченцев, спросите у очень у многих народностей, групп и социально-этнических, и других, у которых есть специфическое видение, какая-то особая память насчет этого периода. И у нас тоже. Так что... Опять-таки, история это, по-моему, не какое-то там явление, которое лежит на улице, и можно просто так взять и посмотреть, что это такое? Это скорее процессы, которым приписывается определенное значение конкретными группами.

Почему, кем, как? Это интересный предмет обсуждения.

Другой интересный предмет обсуждения — это, вообще, как сегодня интеллектуалы — чтобы избежать термина «интеллигенция» — или, скажем, культурные элиты и политики относятся к собственной истории.

Мы очень долго и болезненно обсуждали этот вопрос — я имею в виду мое поколение — с родителями. До сих пор продолжается полемика в Берлине и других городах — кому и что мы должны компенсировать? Только евреям или и другим группам жертв?..

В России совершенно другой процесс. Начиная с выступления Хрущева в 56 г., — но это был относительно узкий круг, — какие-то там переименования, общество «Мемориал».

Но структуры этого дискурса фундаментально отличаются, по-моему, друг от друга, — вот это действительно интересно. *К.Зегберс.*

3.2.5. Со времени начала холодной войны сложился разрыв между этими двумя блоками, и ФРГ была все время на стороне западного блока! И теперь «у нас был постоянный враг», и это был Коммунизм.

И в контексте борбы с коммунизмом выбросили идею, что по сути дела пытались завоевать Россию и... Они развязали эту войну! Я думаю, что, потом... Между Сталиным и Гитлером был своего рода договор (contract)! Но в то же время... Это тоже проблема, так как можно видеть, что Сталин в каком-то смысле был готов объединиться с Гитлером. Это не было подлинным антифашизмом. *И.Шютце.*

3.2.6. Это была война между всем миром и фашизмом. И я представляю то поколение, которое благодарно за то, что все произошло так, как оно произошло. *Г.-Д.Клингеманн.*

3.2.7. Я думаю, что Германия начала войну в целях установления мирового господства. Третий рейх заявил о своем стремлении образовать огромную империю! А другие страны, в том числе и Советский Союз, защитились, потому что... потому что они не хотели подчиняться этой мировой державе! Что касается войны на германо-советском фронте, то это, к тому же, была еще, конечно же, и борьба систем, и народов. Я вообще не думаю об этой войне только как о народной!

Для русских эта война стала — именно благодаря тому, что она была войной за сохранение самого народа и страны — война стала средством социализации и идентификации нации, народа в целом. Даже идея «советского народа» имела в этом некоторое реалистическое обоснование! *П.Стыков.*

3.2.8. Для немецкого народа при нападении на Россию было безразлично, какой там политический строй, есть там большевизм, или нет. Гитлер написал «Майн Кампф», где были определены его цели в политике — ему было все равно — коммунизм или нет. Так, в Польше в 1939 г. был консервативный авторитарный режим. Не тоталитарный, но и не демократический. Этот строй политически был ближе к гитлеровскому режиму, чем демократии во Франции или в Англии. И все-таки он напал, и уничтожил несколько миллионов поляков, не говоря уже о польских евреях. Ему был безразличен политический строй, поскольку его агрессия обосновывалась не политическими аргументами, а идеологией расизма. Нападение на Россию, на Советский Союз также обосновывалось этой идеологией: нам нужно жизненное пространство,

нам нужна Украина! Нам нужна территория сама по себе без населения!

С точки зрения Гитлера на этой территории проживало слишком много людей, поэтому их надо было уничтожить голодом. При этом верят они в коммунизм или большевизм, это не имело для них первостепенного значения. Конечно, в целях пропаганды использовались антикоммунистические лозунги и аргументы. Так, когда принималось решение об уничтожении Ленинграда, то упоминалось, что Ленинград был колыбелью революции, и якобы поэтому должен был быть уничтожен. Но когда речь зашла об уничтожении Москвы (разумеется, после победы), то выдвигалась совершенно другая причина: что это — центр московитизма. Но это совсем не связано с большевизмом.

Дело же в том, что в том и другом случаях речь шла об уничтожении крупных центров промышленности и культуры. А «тысячелетний Рейх» не нуждался в таких центрах, поскольку он планировался в качестве колониальной империи, где господствовать должны были люди высшей расы. Прочее же население должно было обслуживать эту расу. Только в этом качестве оно и могло сохраняться в поддерживаемых искусственно для этой цели пропорциях.

Что касается Сталина и его внешней политики — это очень сложная тема. Конечно, совершенно аморальной и жестокой была политика, направленная на аннексию и захват чужих территорий. В определенном смысле это была экспансия. Конечно же, Сталин утвердил диктаторский режим, с этим спорить нельзя. Он уничтожил несколько миллионов человек. И мы даже не знаем сегодня сколько миллионов! По своим масштабам сталинская диктатура похожа на диктатуру нацистскую. Но внутренний механизм общества был совершенно иным. И было совершенно другое направление репрессий и уничтожения. Нацистская диктатура уничтожила главным образом людей других наций. Было уничтожено несколько тысяч и своих (главным образом, коммунистов и социал-демократов), но все же главное острие террора было направлено за границу. Наоборот — сталинизм был главным образом самоуничтожением. Террор был направлен даже внутрь партии, даже внутрь органов ГПУ, и так далее. Разумеется, было уничтожено несколько сот тысяч представителей иных национальностей — немцев, поляков, представителей некоторых других народов. Но все же это направление террора на имело первостепенного значения в сталинской политике.

Можно ли это назвать войной между двумя идеологиями? Конечно, это играло определенную роль, но не это выступало в качестве главной причины. Причина состояла в нацистской расовой идеологии.

Война между народами? Это напоминает постановку вопроса Германа Белля и Льва Копелева в их переписке — почему они стреляли друг в друга? Конечно, оба они сидели в окопах с вин-

товками, такие же, как они стреляли и погибали. В этом смысле можно говорить о войне между народами. Имел значение и идеологический момент. Оба в тот момент верили официальной идеологии своей страны.

Но народ? Вы знаете — это понятие существует для обозначения определенной массы людей, которая живет и действует в определенной политической и социальной структуре. При этом сами люди очень разные: есть такие, и такие. В конце-концов они действуют, конечно, по приказу, но в то же время большую роль играет интериоризация идеологических установок, и это надо принимать во внимание. *П.Яан.*

3.2.9. Моя точка зрения состоит в том, что это была война США, Великобритании и остального мира против фашизма. Вы знаете, насколько ужасен был фашистский режим! Я имею в виду, что этот режим совершил такое, что находится за пределами воображения любых цивилизованных народов. И Советский Союз победил в этой войне, заплатив высокую цену. В этом — положительный аспект произошедшего.

Но негативная сторона дела в том, что случилось после войны. Я имею в виду то, что часть Германии была лишена права самоорганизации на демократических принципах, как они того хотели, если бы они не находились под сталинской армией! *Г.-Д.Клингеманн.*

3.2.10. Я думаю, что это была война между народами, всем населением. Между народами (volks)! Германия вела войну на уничтожение! Vernichtungs Krieg... да! С самого начала...

Я писал в своих статьях и в своей книге, что Гитлер со своей командой планировали начать эту войну на уничтожение еще до 22 июня — в мае и даже в апреле. Было несколько планов...

А Ленинград должен был быть разрушен согласно этим планам и специальному приказу Гитлера. План состоял в том, чтобы Ленинград был затоплен! Российский город! Уничтожить все, все население... Вот что такое Vernichtung...

Но в немецкой историографии есть и другая точка зрения. Она состоит в том, что если бы канцлер, то есть Гитлер, не начал войну первым, то на следующий год Сталин бы начал войну сам... *К.Майер.*

3.2.11. На мой взгляд, это не была война между двумя народами. Я не думаю также, что это была война между двумя тоталитарными или авторитарными режимами, хотя она осуществлялась этими режимами. Но реальной движущей силой, стоящей за действиями политиков была идеология немецкого фашизма. И она имела двойственные цели — экономическую задачу и геноцид. Война против России и Советского Союза была начата с целью разрушить советскую систему, разрушить коммунизм и в то же время обратить в рабство российское население. Таковы были цели войны.

Но это не была война между двумя народами. Ведь не было ненависти между русскими и немцами ни перед войной, ни после войны. И даже во время войны. Война велась в очень грубых и жестоких формах, но она не сопровождалась ненавистью. Если посмотреть на Санкт-Петербург или Ленинград, то возникает такое мнение, что это была бесчеловечная акция, рассчитанная на то, чтобы довести население города до голодной смерти. Таким способом надеялись придавить Красную армию с помощью экономического фактора. В этом состояла прежде всего военная цель, но это не является свидетельством существования ненависти между двумя народами.

Я очень и очень редко сталкивался с негативным отношением к русским в Германии. *П.Шульце.*

3.2.12. Общепринятая версия... состоит в том, что война была агрессией со стороны Германии, со стороны нацистского руководства, Гитлера и его последователей, со стороны НСДАП, что война была проиграна, так как была идиотская идея превосходства немцев, и осталось чувство вины перед евреями и перед другими жертвами войны... Несколько миллионов человек... Такова наиболее распространенная версия!

Прежде всего, это была война между двумя тоталитарными системами. Но и против других стран — Франции и Великобритании была также агрессия. Так что с этой точки зрения это была война против всех народов, окружавших Германию. В основе была идея превосходства и лидерства в мировом масштабе. Это было такая установка в мышлении, направленная против других народов, индивидуумов, других религиозных групп.

Я имею в виду, что была внутренняя война против гомосексуалов, лиц с физическими недостатками и т.п., так что это была такая идеология, которая создавала войну и ненависть по отношению ко всем, к любой нации и другой системе. Это включало в себя и антагонизм между фашизмом и коммунизмом. Ведь фашизм в Германии, Италии, а позже и в Испании — режим Франко — пытался как-то решить проблемы, оставшиеся после Первой мировой войны и после установления коммунистического режима в результате большевистской революции...

Так что, этот антагонизм, по моему мнению, имел какое-то отношение к развязыванию Второй мировой войны. Я бы сказал, что это невозможно отрицать, но это, разумеется, не единственная причина. Ее недостаточно для объяснения. *М.Кейзер.*

3.2.13. Цель состояла в том, чтобы физически уничтожить или обратить в рабство все население. Средства, используемые ради этой цели, с самого начала выходили за рамки международных норм ведения военных действий. Цели немецких руководителей — партии, государства, армии — не отличались друг от друга. *Ю.Фельдхофф.*

3.2.14. Я не думаю, что это была война между немцами и русскими. Мне трудно ответить на этот вопрос, хотя я очень много

видела фильмов и читала книг... Я смотрела документальные фильмы. Там не было каких-то названий. Кроме того, я видела художественные фильмы. Но я не люблю такой жанр! *И.Освальд.*

3.2.15. Я думаю, что это были люди, которые стали фанатиками фашистской идеологии. Они забыли, кем они были раньше. Я сейчас готова в это верить, иначе я не могу объяснить себе, что же произошло! Эти люди потеряли какие-то человеческие качества. Они стали фанатиками, и поэтому все остальные, если они не были немцами, — стали их врагами. Так мне кажется. Это ужас! Даже не верится, что это было возможно! Но это для меня единственный способ что-либо понять и объяснить! При этом никто не думал, что надо бороться против коммунизма и против русских. До этого, я думаю, не дошло... Не дошло до того, чтобы сознательно думать, против кого идет война... Они действовали как фанатики: «все вокруг враги!»... все остальные — русские, греки, евреи — это была какая-то непонятная масса, но уже не люди. *И.Освальд.*

3.2.16. Теперь, когда прошло более 50 лет, трудно судить, как и что было! Конечно, такая дискуссия идет и здесь. Идет как бы вторая война именно сейчас. Сравнивают между собою режимы, чтобы объяснить, почему немецко-фашистский режим вступил в войну. Может быть, это была «превентивная война», чтобы защищать Германию заранее... Это часть так называемого Historikerstreit «спора между историками». В ходе этого спора обрисовались два очень четких мнения:

1. Те, которые говорят, что можно сравнивать две тоталитарные системы, в рамках которых выполнялось все, что бы ни исходило от вождей;

2. Те, которые говорят, что сравнивать режимы нельзя, так как преступления немцев ни с чем сравнить невозможно.

Конечно, есть много таких, кто об этом совершенно не думают, но все же важно, что два таких ярких (отчетливых) мнения сформулированы.

Конечно, в этой второй позиции в этом споре есть смешная черта. У людей, которые отстаивают эту точку зрения, — что именно немцы «самые ужасные», — иногда мне кажется, что у них какая-то странная психика: они как будто гордятся теми ужасами, которые совершили немцы. Это какая-то инверсия, они подчеркивают, что нельзя сказать, что другие могут быть хуже.

Но мне кажется, что это весьма схоластический (sofisticated) спор, не имеющий фундамента и вообще бессмысленный. Если я рассматриваю, например, картины — фотографии из этого времени, то мне кажется, что на эстетическом уровне — то, как эти режимы презентировали себя, — наблюдается очень большое сходство.

Конечно, были и различия. Часто говорят, что Гитлер заставлял немцев уничтожать другие народы, а Сталин уничтожал свой народ.

Я думала об этом. Может быть, это так и есть, так как фашизм всегда был очень агрессивен по отношению к «другим». Но и внутри Германии существовала эта агрессивность. Например, мы видим, что уничтожили почти всех евреев. Конечно, можно сказать, что это «другой народ», но ведь тогда существовала такая точка зрения, что это были немцы, и, следовательно, агрессивность здесь тоже была направлена против своих... Очевидно, что фашисты были против всех! *И.Освальд.*

3.2.17. Ведь во время войны также и в Советском Союзе проводились большие чистки по этническому признаку, не так ли? Я не знаю, какие именно группы могли стать предметом репрессий. У меня по этому вопросу нет твердого мнения.

И, кроме того, я вообще не считаю нужным размышлять над тем, «кто был хуже». Это не мой вопрос. И если существует такой «спор между историками» о том, кто начинал войну, да и по другим вопросам приходится читать кое-что, но я лично не думаю, что это — самый важный вопрос! *И.Освальд.*

3.2.18. Это была война Гитлера со всем миром! Конечно, поразному изображают сейчас эту картину. По-моему, Клинтон сам был убежден в том, что этот DDay был решающим моментом победы над фашизмом, что, мол, русских можно по сути дела и не вспоминать!

Ведь в Америке многие даже и не знают, кто с кем воевал! В 1994 г. я следил за кампанией, когда они отметили 50 лет с открытия второго фронта. И как Клинтон и все другие утверждали, что это они войну выиграли!

А про Советский Союз как бы забыли! Но это вопрос не немецкий, конечно, не германский, а американский. И музыку в таких вопросах заказывают все-таки из Америки. *Т.Эйхлер.*

3.2.19. Я думаю, что это была война между двумя тоталитарными системами. К сожалению, тоталитарные системы не существуют без народов, хотят или не хотят этого народы, они принимают в войне участие. Кто проливает кровь? Это, конечно, кровь народов. *Г.Зимон.*

3.2.20. Она, конечно, прежде всего, была война между двумя системами. Но, поскольку, и с одной, и с другой стороны — вначале в Германии... тоталитарная система, так сказать, держалась на определенной и обязательной для всех идеологии. А одним из элементов этой идеологии, прежде всего, в Германии, была проблема, так сказать, отношений к тем или другим народам, то это, конечно, была и война между народами. *О.Александрова.*

3.2.21. Два народа встали друг против друга войной с их армиями, их чувствами и т.д. Также, как и в других современных войнах, которые являлись войнами не между армиями, а между народами. Но если рассматривать этот вопрос с точки зрения причинности, то я не думаю, что я могу сказать, что это была война

между двумя народами. Таковой она оказалась в результате! *М.Кооли.*

3.2.22. Для Гитлера эта война имела геополитическое измерение, и как раз поэтому я думаю, то, что он пошел на восток, это было только связано с тем, что на запад идти уже было невозможно! И я думаю, что это такие общие соображения были у него... *Г.Гунтер.*

3.2.23. Конечно, в Германии... может быть, разные точки зрения, но не совсем, не совсем! Позиции Нольте здесь подвергают основательной критике! И его концепция, его теория совершенно непопулярна. ...Нольте, это историк, довольно известный, очень известный историк. В свое время он одной из своих работ и развязал эту дискуссию, о которой я уже упоминала, в начале 80-х годов — то, что потом вот называлось именно Vergangenheitsbewaeltigung. И его концепция заключается в том, что появление Гитлера можно объяснить прежде всего реакцией на коммунизм, и то, что Гитлер начал войну, он, в общем, должен был начать войну, потому что иначе... так сказать, он должен был реагировать на угрозу коммунизма.

Ну, эта концепция, если кем-то и разделяется, то каким-то очень-очень ограниченным... действительно, совершенно ничтожным числом историков и... подавляющая часть, подавляющее большинство немецких историков в общем склоняется к такой интерпретации истории Второй мировой войны, которая, в общем, нам с вами достаточно хорошо известна. Другое дело, что, может быть, и в немецкой историографии гораздо больше говорится о том, что Сталин сделал до начала войны. О том, что можно подвергнуть критике, и серьезной критике. О таких его действиях как пакт Молотова—Риббентропа, о котором сегодня уже не любят упоминать, как то, что он готов был с Гитлером поделить Европу и сферы влияния в Европе!

Я думаю, что также концепция превентивного удара со стороны Гитлера, что Сталин готовил войну, она тоже, в общем-то, здесь не пользуется популярностью. *О.Александрова.*

3.2.24. Сегодня, я думаю, вполне возможно создание какой-то общей концепции, скажем, Второй мировой войны, которая была бы приемлема для учебников России и Германии. После того, как, так сказать, исчезла коммунистическая система, или коммунистическая идеология больше не стала обязательной в России, то, я думаю, возможно, безусловно!

И, кстати говоря, над этим и работают, есть же комиссия совместная по школьным учебникам, которая продолжает свою работу; я знаю людей, которые с немецкой стороны работают в этой комиссии. Историки, и в частности, специалисты по истории войны, конечно, они занимаются очень серьезно. Занимаются и послевоенным периодом — и 50-е годы, когда там с Берлином — там 48-й и начало 50-х годов, и ГДР, проблема ФРГ—ГДР. Я думаю, что это возможно! *О.Александрова.*

3.2.25. Это была война между двумя кликами, которые заставляли людей умирать за них! (*Категорическим тоном.*)

В Германии им промывали мозги с помощью такого новшества тогда, как радио. В в России промывали мозги с помощью обещанного рая социализма и равенства и т.д. ...Политика отвратительна, если она не помогает тем, кто находится в самом худшем положении, если не помогает униженным, бедным, отвергнутым, тем, кто не может сам себе помочь! Я не верю, когда говорят о помощи «группам», «массам», «народам»! Это время прошло! Это было катастрофой!

Эта теория национального государства XIX в. — одна из главных причин всех несчастий, с которыми мы теперь живем. Наша политика и все общественные науки должны быть перестроены так, чтобы предметом — единственным предметом — был только индивидуум, и ничто больше! А если вы рассуждаете в терминах наций, структур и культур и т.д., то вы подрубаете собственные корни. Это — ошибочное мышление (wrong thinking)!

Я не знаю... есть ли разница в ситуации между теми, кто нападает и теми, кто защищается? ...Большая часть людей об этом не думали! Их заставляли. Они были вынуждены... Они были в армии.

В Германии их призывали, и их обрабатывали специалисты по пропаганде и нацисты, которые были у власти. Они сами были никто! Их могли лишить работы и т.д. Это был механизм!

А немцы... В Первой мировой войне, в войне с Францией все было по другому... Тогда были некоторые интеллектуалы, которым нравилась та война! Они хотели освободиться от жестких рамок индивидуальной жизни. Они думали, что смогут решить свои личные проблемы, получив заряд физической активности!

Но в этой последней войне был только автоматизм коррумпированных преступных элит, которые использовали бюрократию и структуры индустриального общества, для обсуществления своих ошибочных идей по поводу мира...

А ученые, они тоже были коррумпированы и не сделали того, что они могли. Они могли бы предупредить приход Гитлера к власти, они могли бы предупредить приход Сталина. Я не стану сравнивать Гитлера со Сталиным. Я мог бы это сделать как немец...

Но... эти прусские генералы, Шлейхер, они легко могли бы... объединить вокруг себя противников нацизма, но они этого не сделали! ...Они могли... Они же были у власти. Эти генералы рейхсвера! Нацисты были очень небольшой и не имеющей силы партией в самом начале. Они могли бы их без труда посадить в тюрьму, отдать их под суд, но они ничего не предпринимали. Они ничего не понимали в политике, и были коррумпированы, больше всего они хотели возвратить свои привилегии, которые они имели до Первой мировой войны.

Это длинная история (немецкого милитаризма) и отчасти истории Певрой мировой войны, ее результатов. А также ошибок, которые совершили западные державы! Особенно Франция по отношению к Германии с этими репарациями!

Они не должны были этого делать!

Если бы не эта репрессивная политика, которая была просто нонсенсом, так как они могли бы получить деньги иным способом, то нацисты никогда бы не пришли к власти!

Но если мы говорим о сегодняшнем мире, то я думаю. что мы не должны праздновать победы в этих национальных войнах. Мы должны посещать кладбища... *Х.Харбах.*

3.2.26. Я думаю, что люди поняли, что политики не говорят им правду! Это касается и специалистов в области политической науки. Они говорят неправду о человеческих отношениях.

Я думаю, что идеи у людей всюду одинаковы: жизнь коротка, и у каждого масса проблем! А войны — это растрата ресурсов, это глупость, войны не имеют никаких рациональных объяснений.

Это своего рода глупость, даже если мыслить о войне в рамках теории рационального выбора, предполагающей, что вы преследуете собственные материальные интересы... Нет никакого положительного результата. Даже с точки зрения теории игр: как бы ни рассчитывать, нет того, кто выирывает, нет победителя!

На самом деле основной причиной коррупции и несчастья в мире является только интеллектуальная фантазия. Если бы люди были менее способны к интеллектуальной деятельности и к фантазиям, то они были бы менее жестоки и не так преступны. *Х.Харбах.*

3.3. Окончание войны — освобождение или поражение? (1—11)

3.3.1. Все эти рассуждения о победе, о стране — результат ошибочной макроскопической методологии XIX в. Я это не признаю, я это отвергаю! Не было победы, были только покойники! (There were no victory, there were only dead people!). Эти жестокости! Но поколения, которые верили в это, живут своими победами! *Х.Харбах.*

3.3.2. Мы проиграли войну. У тех, кто проиграл войну, кто потерпел поражение, и у тех, кто победил, складывается различная ментальность.

Победитель и побежденный!

Побежденный принужден считаться с результатами поражения. Он должен задуматься над вопросом о том, почему он потерпел поражение. В то время как победитель не задумывается над тем, почему он одержал победу. Нация, потерпевшая поражение, принуждена к изменению. Это одна их движущих сил.

Вот почему после 1945 г. Германия и Япония так быстро восстали из пепла, из разрухи. Они пришли к выводу, что этот отрезок нашей истории привел к ошибкам, к милитаризации общества, к обществу с империалистическим мышлением. И теперь мы не должны больше смотреть «во вне», с позиций экспансионистских или империалистических установок; мы должны смотреть «во внутрь», мобилизуя инновации и творческий потенциал людей, и их способности. И в этом состоит один из наиболее важных моментов, объясняющих очень быстрое превращение Германии и Японии в экономически лидирующие нации мира. *П.Шульце.*

3.3.3. Кроме того, после войны все было в руинах. Не только в Германии, но также и в Японии. Если экономика разрушена, то ее необходимо восстановить. Вместе с тем необходимо принять во внимание, что война, разрушившая Германию, привела к ее разделу. В условиях разрухи мы должны были принять 17 миллионов жителей, изгнанных поляками и русскими из наших восточных земель. 17 миллионов! Мы должны были интегрировать 17 миллионов человек в разрушенную страну, где была разрушена экономика, где не было ни пищи, ни жилья, ни электричества — ничего! Поэтому мы должны были сконцентрироваться на экономических задачах, в противном случае население было обречено на гибель.

И эти два фактора сыграли решающую роль: во-первых, то, что было покончено с войной, были разрушены милитаристские, экспансионистские ориентации в своем собственном сознании, были извлечены уроки из войны, и, во-вторых, была осознана необходимость работать, восстанавливать экономику. Эти два фактора были наиболее существенны. *П.Шульце.*

3.3.4. ГДР очень все-таки... отмахнулась от некоторой доли этой ответственности.

Ну, она... стала больше праздновать День Победы, чем День Освобождения. Они уже не чувствовали себя особенно... немецкие простые люди на востоке. На западе и нельзя было говорить про освобождение! Это Вейтцекер первым осмелился сказать, как президент, в 1985 г., — Вы, наверное, слышали про эту речь, где он впервые, как официальный политик, говорил о том, что все-таки Германия не просто потерпела поражение, но и была освобождена!

За это ему и попало, и многие все еще говорят про поражение, а не про освобождение. И на востоке все-таки — это, по-моему, фундаментальная разница — в среднем лучше понимают, что были освобождены. А официальные политики на востоке склонялись к тому, что они оказались на стороне победителей. *Т.Эйхлер.*

3.3.5. Генерал-полковник Н.Э.Берзарин, который погиб в 1945 г., очень много сделал для населения Берлина. Водоснабжение, продовольствие, театр, школы и т.д. И он был отмечен, его избрали еще во времена ГДР почетным гражданином Берлина! А после объединения список почетных граждан был уточнен. Из него исключили... Берзарина... как коммуниста!

И теперь есть инициатива восстановить Берзарина в списке почетных граждан! Эта инициатива исходила от нас, от моих коллег, в том числе от директора германо-российского музея в Карлсхорсте, доктора Петера Яана. Это — музей по истории войны. Он был моим студентом, когда я преподавал в Свободном университете. Мой ученик!

Он внес в немецкий парламент предложение восстановить Берзарина в списке почетных граждан Берлина. Население поддержало, общественное мнение, публикации в газетах, письма читателей в редакции. Одна женщина написала письмо о том, как русские обращались с населением сразу же после войны, и как он изменил отношение.

А в другой газете пишут: «Если Берзарина включить в список почетных граждан, то надо включать и Сталина!» Понимаете? Если включать Берзарина, то надо включать и Сталина, почему бы нет? Так думают те, кто помнит о войне! *К.Майер.*

3.3.6. Это был слишком большой кусок для фашистского зверя, чтобы его проглотить. Иначе говоря, тигр не может напасть на слона. Он может его ранить, но он не может уничтожить слона. Вот это — главное. Они не смотрели на карту, и они не могли представить себе, что там, куда они направились, есть люди, которые отнюдь не на уровне животных, что эти люди самостоятельно думают, что у них есть свои ценности и свои представления о жизни. Это — во-первых.

А во-вторых, я иногда думаю, что для советского общества того времени — 1941 г. — конечно, с одной стороны, это нападение было ужасным; посмотрите особенно на потери первого года. А с другой стороны, как изменилось психологическое настроение в результате этого! Это был самый хороший момент. Внутренняя гражданская война была закончена, а появился настоящий враг. Отнюдь не мнимый враг. Не только троцкистско-зиновьевские заговоры или бельгийские, японские и так далее... конспирации... Конструкт «враг народа» продолжал существовать, но эта конструкция уже потеряла свое значение, и это было важно. Возник настоящий враг, борьба против которого объединила и жертв сталинского произвола, и сторонников Сталина. Это стало очевидно каждому: мы защитим страну против противника, который не хочет освободить нас от диктатуры, а хочет установить еще более жестокую диктатуру. Что касается психологического состояния общества — то это лучшее, что можно было бы сделать. Гитлер не мог придумать ничего лучшего для легитимации Сталина. *П.Яан.*

3.3.7. Что касается Ленинграда, то Вы знаете, что если бы его сдали, то все население было бы уничтожено. Это было 2 миллиона, а не 800 тысяч, которые погибли в дни блокады. Цифры, конечно, приблизительные. Немцы планировали окружить город, и оставить его без продовольствия до весны, и потом, по их расчетам, осталось бы в живых около 100 000 человек. Оставшихся предполагалось выгнать, и затем разрушить город! Смерть 800 000 —

это, конечно, ужасно 800 000, но все же лучше, чем реализация планов гитлеровского командования.

Что касается ошибок и просчетов, то это было типично для существовавшего режима. Ценность человеческой жизни стояла очень низко! С другой стороны, была хорошая военная техника. Я даже думаю, что касается, например, танков и некоторых других видов оружия, то они были гораздо лучше, чем немецкие или те, которые производились союзниками. Но их было не так много. Часто говорили: лучше 10 000 погибших, чем потерять, скажем, 100 танков. Жизнь человека, конечно, при этом режиме ценилась очень низко.

Третье, после чистки в вооруженных силах уровень подготовки командных кадров резко снизился. И в то же время произошло огромное увеличение армии, примерно в 3 раза больше. Смотрите, какие люди стали командирами батальонов или полков: Способности этих людей в 41-м году, в 42-м году были очень низкими. Мы видели приказы Жукова, направленные на повышение воинской подготовки, изданные им уже в 1944 г. Из этих приказов видно, что даже в это время очень многие командиры не очень хорошо знали свою работу! Из-за этого, конечно, советская армия несла очень большие потери. *П.Яан.*

3.3.8. Германия напала, а Россия защищалась! В этом нет сомнения! Конечно, русские победили, а немцы оказались побежденными!

Другая сторона дела состоит в том, что мы избавились от фашизма. И это великое благо! Вклад российской армии и Советского Союза в избавление от фашизма имеет огромное историческое значение. И мы за это благодарны.

Но все же я имею в виду солдата, который пришел с войны... Вы знаете, у него было чувство поражения. Это тяжелое и подчас противоречивое чувство! *Г.-Д.Клингеманн.*

3.3.9. Прежде всего, немцы проиграли войну, и не просто проиграли, а Германия лежала в руинах, Германия была 50 лет после этого разделена, в Германии находились чужие войска 50 лет!

А Россия — тогда Советский Союз — считал себя, и заслуженно, победителем, был одним из победителей этой войны. Поэтому, конечно, в сознании это по-разному отложилось. И конечно, у немцев, особенно у немцев, скажем так, более образованных, более начитанных, более думающих, у них есть, конечно, определенный комплекс вины по этому поводу, от которого они еще не избавились, — иначе откуда, так сказать, берутся все эти дискуссии, если они периодически снова и снова возникают? *О.Александрова.*

3.3.10. У русских, мне кажется, что касается войны, комплекса вины нет. И его, наверное, и не должно быть! Но должно быть критическое отношение к тем или иным явлениям или событиям, которые во время войны тоже имели место и по другую линию фронта, с другой стороны фронта. *О.Александрова.*

3.3.11. Русские ничего не приобрели в результате этой войны, они понесли только потери! Это была не Великая патриотическая война. Это была война небольшой элиты, война *аппаратчиков* и догматиков (indoctrinated people).

Но большая часть населения была в самом начале против войны, и Коммунистическая партия была сравнительно невелика. Она окрепла во время войны, благодаря немецкой агрессии! Но в самом начале у нее не было поддержки населения. Поддержка коммунистов и большевиков стала сильной во время войны, с нашей точки зрения. Это ясно особенно, когда сравнишь членство в партии до войны и после нее. Так *мы* это понимаем!.. Многие немцы думают, что без немецкой агрессии против России Коммунистическая партия не смогла бы удержаться у власти! Что это за победа, если вы потеряли 40 млн человек убитыми! Какая же это победа? Это была победа для генералов, а не для народа!

Гитлеровцы имели в России такую же судьбу, как и Наполеон!

Русские отступали, но немцы никогда бы не смогли завоевать Россию, прежде всего потому что они не были последовательны в политике и были коррумпированы! Они могли бы даже захватить Москву и сжечь ее, но затем они вынуждены были бы отойти! Они потерпели поражение, так как на западе у них не было нефти, а генералы были некомпетентны и коррумпированы. За те приказы, которые они отдавали, они получали деньги от Гитлера! Генералы на Восточном фронте получили огромные деньги, частным образом «черные деньги» от Гитлера за подписание нужных ему приказов! Это была черная касса! И они служили за эти деньги и за престиж! За то, чтобы они не блокировали этих идиотских и бесчеловечных распоряжений, не имеющих отношения к военным делам, как нам известно! Это публиковалось в «Spiegel», в течение нескольких лет. Были черные счета, использовавшиеся Гитлером и его группой для армейских генералов. Генералы немецкой армии были куплены! Нет, нашей армии, немецкой армии! Эти генералы исполняли и отдавали приказы только за деньги! Большая их часть (в том числе и Гудериан)!

Им создали фальшивый имидж. Они воевали не за Пруссию, не за так называемый прусский кодекс чести, а за деньги! То что они делали, они делали за деньги! Все эти люди были отвратительны (they were very bad characters).

Это эмпирический факт. Это все опубликовано и Вы можете прочесть! Это публиковалось в «Spiegel», — большой материал об этих черных кассах

Но как ученый, как специаалист в области социальных наук, я не могу утверждать, что русские одержали победу!

По моим методологическим и нравственным позициям я — индивидуалист. Я думаю только о конкретных людях, о русских. Я не думаю о России! Я вижу миллионы трупов мужчин, и женщин, оставшихся без супругов и сыновей. Если погибла такая масса людей, то это значит, что победы не было! Они все должны были

идти на похороны! Хоронить покойников. А не устраивать парады и демонстрации! Это — поведение XIX века!

В каком-то смысле это реабилитация всех этих политиков и генералов, которые совершили эти ошибки! Но что значит — победа? Что русские вступили в Берлин? Но что это означает в наше время? Это значило что-то во времена Фридриха Великого! Или во времена Цезаря!

В наше время не может идти речи о победе, когда убивают миллионы людей! А кто побеждает?.. Но Сталин — это не государство! Он — преступник! Преступник, организовавший массовые убийства вместе с этими купленными генералами, которые преследовали свои личные интересы, убивая русскую молодежь!

Это все делалось ради партии, а не для России, этот грузин из Грузии! Они воевали за свои собственные интересы. А не за Россию. Россия — это только русские. Ничего больше! Как говорил Леви Стросс: «Я пришел в эту страну и встретил там только людей!» Все эти рассуждения — о победе, о стране — рузультат ошибочной макроскопической методологии XIX в. Я это не признаю, я это отвергаю! Не было победы, были только покойники! (There was no victory, there were only dead people!). Эти жестокости! Но поколения, которые верили в это, живут своми победами!

Такая цена была уплачена ни за что! (The price was for nothing!) Но такое *у нас* представление... Мы говорим сейчас о представлениях людей, а не об эмпирических фактах. (Результатом войны стало не «освобождение Европы»), а холодная война, атомное оружие и все такое, эксплуатация! Освобождение Европы было ценой за развязывание войн в развивающихся странах! Это были показательные войны между Востоком и Западом по поводу различных сфер влияния; и в этих войнах убивали и умирали миллионы... Они были лишены власти в силу так называемого баланса сил, которого на самом деле не было. Это все идеология! Я думаю, что такое мышление представляет собою предпосылку следующей войны.

9 мая Вы должны посещать ваши кладбища и стеллы, вспоминать тех молодых людей, которые погибли, не зная, за что! Потому, что их заставляли идти с наганом против немецкких танков, чтобы остановить немецкие танки. Они должны были умирать за Сталина, который был самым большим преступником.

Даже Ленин был преступником! Один из первых декретов, который он подписал, это был приказ об уничтожении монахов, 1800 монахов... *Х.Харбах.*

Часть 4
КОМПЛЕКС ВИНЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

4.1. Комплекс вины (1—13)

4.1.1. Я не думаю, что вина... может быть преодолена тем, что мы узнаем о тех или иных фактах. Я не вижу тут никакой связи! Вот что я вижу. Скажем, для советских людей, я думаю, что и для русских, наверняка, война — это важная часть истории — и мифа тоже!.. Это как бы часть коллективного рассказа о нации. Но это никогда не было частью коллективного рассказа немцев! И я думаю, что нельзя тут прививать это, потому что — это, собственно, другая сторона истории! Другая — в том смысле, что немцы должны... рассказывать свою собственную историю, и она не может быть той же самой, какой ее рассказывают русские!

Они должны осознать, понять, что они сами — немцы — были добровольными пособниками Гитлера, исполнителями его воли! Вот эта проблема — это проблема, которую должны немцы своим коллективным сознанием решать, а не проблему каких-то конкретных эпизодов войны!

Два или три года тому назад в Германии прошла очень важная дискуссия, эмоционально очень насыщенная! Я даже не знаю, как ее назвать! Когда я знакомилась с материалами этой дискуссии, то мне в голову пришла мысль: новая информация о войне мало что дает!

А, кроме того, если человек мучается проблемой вины и чувствует себя как бы униженным тем, что его постоянно тыкают, то он не очень-то хочет еще больше узнавать об этом! Это просто, я не знаю, к чему это ведет! Это похоже на психологическое или интеллектуальное изнасилование! Я знаю по школе, в которой учится мой сын, по студентам, что им очень много рассказывают! Они должны знать, в рамках некоторой рациональной системы мышления, основные факты о том, что тогда было! И что есть в памятных местах — в Дахау, Освенциме и т.д. Но это путь к фрустрации, а не к рационализации того, что рационализировать невозможно!

Я думаю, что рациональный способ переработки этих вещей связан с практическими акциями. Например, вот этот фонд, который сейчас образуется, по частичному возмещению ущерба узникам концлагерей и лицам, чей принудительный труд использовался в Германии во время войны! Правительство и немецкие предприятия собирают денежные суммы для передачи их этим жертвам

концлагерей и тем, кто в войну работал в Германии принудительно! Я не помню, как называется! Вот такой фонд образовался — не по инициативе немцев, а по инициативе американских адвокатов и т.д. этих жертв! Ну, я думаю, это рациональный и корректный способ разобраться, и сделать в этой области то, что надо и что правильно!

Кроме того, я думаю, что нужно все-таки... этот дискурс нужно очистить от этой проблемы вины! На самом деле, я думаю, что нельзя внукам объяснять, что они виноваты за деда! Им это непонятно на самом деле! *П.Стыков.*

4.1.2. Немцы на самом деле не помнят того, что они сами сделали по отношению к русским! Они забыли об этом! *И.Шютце.*

4.1.3. Как это было возможно, чтобы молодые люди из нормальных семей, при каких именно условиях стали убийцами (murders) и приняли участие в таких вещах, о которых нельзя было даже помыслить дома. Как это возможно? *Ю.Фельдхофф.*

4.1.4. Мы постепенно осознали то, что, что не только евреи были жертвами геноцида, но и масса нееврейского населения — русские, украинцы, белорусы и, конечно, поляки — тоже были жертвами, что не мы были жертвами, а другие народы, так как мы сами напали на Россию—Советский Союз, что все эти акции — не менее серьезные преступления против человечества, чем холокост. *П.Яан.*

4.1.5. Одно из различий в интерпретации ответственности за войну состоит, как мне кажется, в том, что в ГДР не признавалась «коллективная вина», «коллективная ответственность» за преступления нацизма. А в ФРГ с конца 60-х годов начала разрабатываться тема коллективной ответственности за эти преступления.

Об этом многое сказано, но некоторые вопросы почти не затрагивались. Например, вопросы стерилизации определенных групп нежелательного населения. Эта медицинская практика применялась не только к евреям. Так, в Германии после Первой мировой войны были сотни потомков сенегальских войск — французских, но черных, кажется, с Берега Слоновой Кости. Их не считали за людей и называли «Rheinbastard».

Я ничего не знаю о наличии списка каких-то лиц, которые бы считались ответственными! Все знали о преступлениях, но никто не был ответственным! Это часто так бывает — один лишь фюрер, или Эйхман! То есть там, где что-то точно доказано!

Но по большей части все до конца утверждают, что только бюрократия занималась этим, которая никаких собственных решений не принимала. Есть такая тема, затрагивавшаяся в «Деле врачей». Как раз, это тема стерилизация душевнобольных. Кстати, эти африканцы тоже были почти все стерилизованы!

Но центральной ответственности, как — ну, в нашем опыте (имеется в виду опыт ГДР. — *А.З.*), когда все на Политбюро можно было свалить, — этого здесь пока еще не найдено.

Для немцев типична опережающая готовность: исполнители знали, чего от них хотят, и делали даже больше того, чем им приказывали. Это развитое верноподданическое сознание! «Понявшие» начальство, делали то, что им не было приказано, но что, по их умозрению, было на руку или в духе того, чего от них хотели!

Но все же, я исхожу из того, что коллективной вины не существует! Это, по-моему, очень легко понять. Есть индивидуальная вина.

А что должно быть коллективным, так это стыд за то, что предки натворили! И я не знаю, сохранится ли Германия на этом пути, или она растворится в каком-то там европейском или всемирном глобальном духе? Потому что произошел распад германского, немецкого общества, и он зашел достаточно далеко! *Т.Эйхлер.*

4.1.6. За эти годы было написано огромное количество книг о фашистском периоде истории Германии, хотя многое остается неизвестным. Главной же темой остается геноцид, вокруг которого концентрируется чувство вины. Развязывание же самой войны и ответственность за ее ход, находится по большей части на периферии немецкого сознания. Интересно, что Германия потеряла значительную часть территории, но это не сохраняется в памяти людей. В других странах такого не наблюдается. Но благодаря этому мы имеем хорошие отношения с Польшей. Сама память войны в какой-то мере исчезла. *Э.Штёльтинг.*

4.1.7. Сегодня проблема ответственности распространяется на весь немецкий народ, хотя их большая часть могут считать себя в каком-то смысле антифашистами. *Ю.Фельдхофф.*

4.1.8. Этим занимались не только Гитлер и эссэсовцы. Военное командование само принимало решение об акциях против населения, не вызывавшихся военной необходимостью. *Ю.Фельдхофф.*

4.1.9. По-моему, сейчас война не рассматривается в качестве важного события в истории российско-германских отношений. На первый план выходит тема войны применительно к евреям, но, по-моему, не по отношению к России. Мне так кажется!

Тема войны еще интересна вот в каком смысле: за последние годы развернулась публичная дискуссия, в которой участвовали историки, писатели, представители общественности. Главная проблема немцев сейчас состоит в том, как быть с этой виной?

Немцы начали войну, они уничтожали евреев, а войну проиграли! Кто несет ответственность — коллективную или индивидуальную? «Народ» или «руководители»? И каковы следствия того или иного ответа на этот вопрос? Вот это проблема, да?

А для подрастающего поколения этот вопрос формулируется иначе: наши отцы, деды это сделали, — хорошо, но мы-то здесь причем? И тут проблема, что молодое поколение все-таки... даже не очень молодое, а под 40 — под 50 лет, все-таки, хотят закончить это дело более или менее в том смысле, что мы не должны чувствовать себя на веки вечные виновными!

Это было! Это было страшно! Но нужно стараться, чтобы это не повторилось и все! Но мы-то — невиновны! Нельзя нас постоянно и на веки вечные вот так тыкать в нос: «вы виноваты!» ...И вот в этом-то именно и состоит (проблема): как быть с этой виной, которая существует как коллективная вина, но которую нельзя просто передать каждому новому поколению немцев! *П.Стыков.*

4.1.10. В Западной Германии поначалу, после войны не было политики преодоления нацизма. Она началась с опозданием в несколько десятилетий. А на востоке она была, ...по известным причинам, половинчатая. Она... останавливалась на полпути, как и во всех бывших социалистических странах. Везде политика денацификации останавливалась перед каким-то табу!

Самое важное из них — проблема жертв сталинизма. Это было такое табу или препятствие, которое не позволяло глубже разобраться в жертвах Гитлера. Если подумать, ведь мало кто знал, что немецкие военные летчики обучались летному делу в России еще в 20-е годы, когда в Германии это было запрещено Версальским договором! Или что какую-то часть немецких эмигрантов Сталин после договора 1939 г. отправил назад в Германию на верную смерть! И вообще, за эти два года — 1939—1941 — произошло очень много некрасивого!

Об этом можно было говорить с очень близким другом, но в принципе обсуждать эти вопросы публично было невозможно!

К сожалению, есть вопросы взаимоотношений между Россией (СССР) и Германией, по которым до сих пор нет ясности. Многие соглашения оставались неразглашенными, их упоминание подлежало запрету! А поскольку война, — а фашизм неразрывно связан с этой войной, — обосновывалась идеологически, постольку невозможно было перейти границы, те границы понимания этих вопросов, которые были заданы идеологическими системами.

Может быть, отдельные люди понимали эти вопросы более глубоко, но понимания этих проблем в общественном сознании, подлинного понимания в более глубоком смысле, достичь было нельзя! Поэтому у думающих людей или у просто любопытных читателей оставалось очень много вопросов, слишком много!

Поэтому после 90-го года так легко было все вывернуть наизнанку! Не было создано достаточно крепкого фундамента.

Моих знаний явно недостаточно, чтобы это сейчас более конкретно проанализировать. Много неясного остается в связи с репрессиями внутри Коминтерна, и в ВКП(б). Но... в эти сюжеты, наверно, сейчас не стоит углубляться. Ведь мало кто знает, например, что компартия Польши в 1939 г. была распущена официально. А такие вопросы в ГДР нельзя было обсуждать! *Т.Эйхлер.*

4.1.11. После майских событий 1968 г. во Франции. Они стали как бы толчком тому, что потом происходило в ФРГ. Конечно, в ФРГ это пошло глубже, поскольку долго накапливалось чувство неудовлетворенности в новом поколении... Ведь до этого в ФРГ

тоже был застой, — это понятие очень широкое, оно касается не только отношения к нацизму! Да и в ГДР тоже — происходило какое-то обновление общества! Это было общезападное явление, возможно как-то связанное даже с Америкой. Ведь там тоже такие подобные явления имели место, например, хиппи и т.п.

Но в общем можно вспомнить, например, что издание книги Эренбурга «Люди, годы, жизнь» в ФРГ встречало сопротивление с самых разных сторон. Оно было задержано на несколько лет! Эта книга вышла в Западной Германии несколько раньше, чем в ГДР. Это произошло как раз во второй половине 60-х годов. И если бы не было 1968 г., то Эренбурга вообще бы не опубликовали в то время. И тогда же, примерно, — в начале 70-х, а может быть, в конце 60-х, был показан американский сериал «Холокост».

Тогда в ФРГ были взорваны телевизионные мачты и т.д. Этот взрыв был своего рода протестом против демонстрации этого фильма. Я не знаю, чем это закончилось. Наверно, нашли кого-нибудь в качестве козлов отпущения, но глубже расследовать не решились. То же самое продолжается и по сей день! Как только поступают сообщения про зверства против иностранцев, то почти стало стандартом — сейчас уже меньше, но последние два года — почти стандартом: «нет данных о том, что это было правое подстрекательство», это просто какая-то хулиганская выходка или глупость... Совершенно ясно, что глубже копать просто боятся!

И весь вопрос насчет бундесвера — что не хотят сделать добровольной армию, профессиональной, что не хотят отказаться от всеобщей повинности — тоже от боязни: что же будет с такой армией, если она будет слишком самостоятельной? Конечно, есть другой фактор, связанный с так называемой альтернативной службой, где используется труд тех, кто отказывается от воинской повинности. Это ведь почти половина всех молодых немцев, которые уходят от армии благодаря тому, что они работают в разных социальных медицинских учреждениях. Я не могу точно сказать: половина. Но порядка половины. *Т.Эйхлер.*

4.1.12. Многие и в Германии, и в России считают, что политика — это вообще грязное дело, что лучше этим не заниматься, что все политики коррумпированы, и вообще что они в большей или меньшей степени разбойники! Но это очень опасная точка зрения! Потому что, если мы не обращаем внимания на тех, кто нами управляет, то это может очень плохо кончиться. Народы, следовательно, тоже несут ответственность за тех, кто ими управляет. Аполитичность общества — это очень опасное дело! *Г.Зимон.*

4.1.13. Вина Германии за Вторую мировую войну признана всеми политическими группировками. В то же время существует и реакция на это. Например, неофашистское движение характеризуется тем, что оно призывает гордиться тем, что мы немцы. По этому признаку сразу же определяются именно неофашисты. В других же странах — в России, Америке, во Франции — гордость за свою страну имеет совсем другой смысл. Таким образом, Герма-

ния отличается в этом отношении от других стран Европы. Признание вины сохраняет свое значение, и это порождает неофашистские провокации.

Отстранение от Германии и чувство принадлежности к международному сообществу дополняют друг друга. Например, если спросить студентов: «Что значит быть немцем? Что такое Германия?» — ответ будет скорее негативный. Примерно в таком духе: «Мы не немцы, а европейцы», «нас это не интересует», «мы самостоятельные личности». Немецкая молодежь хочет быть похожей на французов или англичан, но особенно на американцев. *Э.Штёльтинг.*

4.2. Нации и национализмы (1—28)

4.2.1. Да, такие настроения существуют, в том числе, и в интеллигентской среде, но их разделяет незначительное меньшинство. Более существенно то, что в общей массе населения существуют неофашистские группировки. Это наблюдается и в Восточной части Германии. Но эти чувства направлены не столько против России, или против иных групп, сколько против иностранцев вообще. При этом идеология этих движений не играет большой роли. Самое главное — это разжигание чувства ненависти против конкретных групп: против африканцев, против евреев, против поляков, против людей с физическими недостатками и, между прочим, и против россиян. Но они не на первом плане. Я думаю, что в этом движении преобладают эмоции и у него нет интеллектуальных обоснований. Это неприятное явление, и у него нет будущего. *Э.Штёльтинг.*

4.2.2. Я думаю, что роль нации в Германии не особенно велика. Возьмем футбол... Турки выиграли европейское первенство, и все здешние турки празднуют на улице... Это для них большое событие! Понимаете!

Я думаю, что у немцев это чувство нации не так не так распространено. У нас есть небольшие группы правых, в политическом смысле правой молодежи, но это не идея, объединяющая всю нацию!

На самом деле есть более широкая идея — Европа, а затем уж немецкая нация! Или немцы, которые отдыхают в Италии, Испании и т.д. — вот это и есть Европа для большей части населения. *К.Майер.*

4.2.3. Термин «нация» имеет разное значение для русских и для немцев. Главное различие состоит (в трактовке взаимоотношений) между нацией и государством! В Германии во многих отношениях наблюдается совпадение между нацией и государством. В России все это более сложно. В вашем государстве живут не только русские, в нем гораздо больше наций. Но если мы оставляем за понятием нации культурную идентичность, а за государством государ-

ственную организацию, то, я думаю, что мы находимся на верном пути в понимании того, что такое нация. *Г.-Д.Клингеманн.*

4.2.4. А что касается немцев, то я думаю примерно так: «Слава богу, что в сознании людей не много национального». И немцы сейчас не очень-то гордятся тем, что они немцы, как это было при нацизме или даже раньше!

Я думаю, что очень многие вовсе не гордятся тем, что они принадлежат к этой нации. В каком-то смысле я не горжусь тем, что я немка... Я никогда не сказала бы, что я не немка, но я не вижу оснований этим гордиться! *И.Шютце.*

4.2.5. Немцы... конечно, всегда остаются немцами! Им всегда говорили, что, мол, это *немецкое* достижение или *немецкое* качество. И они сами видят, что во многих видах продукции другие, например, французы, не обеспечивают такого же качества, а почему это так — немец этим просто не интересуется! Тем более, тонкости «русской души» их просто не интересуют!

Немцы очень зазнались, еще более ста лет тому назад! От этого у них и возникло это самоощущение своего сверхдостоинства! А власти им всегда об этом твердили! Вот отсюда и происходят все беды... Без этого нельзя представить себе нацизма! *Т.Эйхлер.*

4.2.6. У некоторых сохранилась ненависть еще с прошлых времен. Есть люди, которые, хотя они и не выступают открыто, зная, что вроде бы это некорректно и нельзя! Но у них сохраняется ненависть, и страх перед непонятным и перед... большевизмом — то есть!

А есть, конечно, и настоящие друзья России, не только на должном уровне понимания, но и чисто эмоционально. Например, из рабочего движения. Но эти люди чувствуют себя побежденными, они уже потеряли веру в то, что в бывшем Союзе, в России сохранится то, во что они верили. Они испытывают большое разочарование! Вплоть до того, что «нас предали!» Ведь некоторые считают Горбачева предателем! Не понимая тогдашней ситуации... *Т.Эйхлер.*

4.2.7. О понятии «нация». Смысл этого понятия для немцев и для русских, скорее всего, разный. Но это опять-таки нельзя использовать в очень общем виде: ведь и немцы, и русские, как и представители других наций, бывают разные! У немцев национальное сознание связано с идеей крови, а в какой-то степени с идеей общей культуры! В то же время я не думаю, что «нация» годится для критерия в том смысле, о котором Вы сейчас сказали: немцы думают так, а вот русские думают так, и так!

Да, есть определенная национально-политическая культура, но наряду с этим существует настолько большая дифференциация людей в рамках и той нации, и другой нации, что эту дифференциацию необходимо учитывать в первую очередь!

Нужно внутри нации сравнивать какие-то группы. Например, группы, скажем, с определенным комплексом ценностей. Напри-

мер, сравнивать — чем политически отличаются крайне правые от крайне левых в Германии? Вот это можно, наверно, еще сделать. Но сравнивать русских и немцев вряд ли возможно! Это можно делать, скорее, на уровне публицистики, на уровне определенных клише или стереотипов... *П.Стыков.*

4.2.8. О нации. Мое поколение вообще не очень охотно использует этот термин, поскольку это понятие дискредитировано нашими предшественниками. Это наблюдается сегодня в следующем. У нас есть законодательство относительно гражданства, которое предусматривает предоставление немецкого гражданства при очень определенных, ограниченных условиях. Наше понимание гражданства отличается в этом смысле от того, которое существует во Франции. Ну, это скорее связано не с тем, где вы родились, но это связано с кровью. Были у вас предки немецкие, допустим, даже в Поволжье или не важно где, тогда вы являетесь немцем.

И Вы знаете, к чему это приводит? В некоторых больших городах у нас живут, причем, компактно, люди из России, которые приехали сюда как немцы, поскольку у них были немецкие предки... со времен Екатерины Великой. Их дети, да и сами они, в какой-то мере, плохо говорят по-немецки, но у них есть паспорт. Рядом с ними живут тоже компактно, выходцы из Турции, скажем, в четвертом поколении. Они великолепно владеют немецким языком, но у них нет гражданства, поскольку у них другое прошлое — нет предков, нет крови! И на этой основе рождается нечто не очень приятное. Поэтому, видимо, нам предстоит изменить такое положение дел, но пока наше законодательство, особенно наша Конституция, это еще не предусматривает. *К.Зегберс.*

4.2.9. В Германии мы теперь очень редко используем понятие нации. Очень редко. Мы говорим об обществе, говорим о немецком народе. Мы даже не очень часто используем термин «народ». Я думаю, что оба эти термина — «народ» и «нация» — утратили свое значение в контексте европейской интеграции. Мы говорим о Германии, мы говорим о Европе. Мы говорим о Германии как части Европы, мы говорим о европейской семье как ассоциации или союзе наций. Так что нация для нас, также как и народ, это своего рода антикварный термин. Антикварный термин, который принадлежит периоду, который уже пройден, преодолен.

Мы употребляем понятия русские и немцы вне связи с понятием нации. Мы говорим о евреях, русских, американцах, южноамериканцах, итальянцах. Но это не о русской нации, не об итальянской нации, не об американской нации. Это, скорее, географические, политические, экономические понятия. Например, мы говорим о рабочих местах для турок, но мы не говорим о турецкой нации. *П.Шульце.*

4.2.10. (Понятия) «нация», «немцы» ничего не означают! (Употребляя эти слова, люди) думают только о паспорте, и о твердой валюте, которая стала теперь уже не такой твердой!

Например, если вы поедете в Прагу что-нибудь купить для дочери. Вы можете купить там массу хороших вещей для нее. Это и есть национализм! Молодежь теперь крепкая, здоровая. Они смотрят прежде всего на самого человека. Они говорят про некоторых русских студентов: «они (assholders)», а про других, что они «здорово танцуют». Они очень отличаются друг от друга даже внутри одной и той же группы. Но они никогда не говорят: «Эти русские!» Только журналисты и ученые говорят: «эти русские» или «эти немцы!» *Х.Харбах.*

4.2.11. Я не хотел бы поменять свою нацию, даже если бы это и было возможным!

Пусть будет иначе, пусть я могу жить в любой другой стране, о'кей! Но я немец, я остаюсь немцем, но я и европеец, и т.д. Это означает, что я, конечно, не африканец... Быть немцем — это значит, что мы живем в данной природе, на этой части земли. Во-вторых, точнее, во-первых, знаем и живем в немецкой культуре, говорим на немецком языке... Я живу немецкой культурой, хотя и не живу немецкой религией. *Э.Хаан.*

4.2.12. Как это все оформлялось в Западном Берлине? Я жил вроде бы не в государстве, а все-таки в государстве. В таком же обществе, как и ФРГ. Принимал участие в культурной жизни, в Берлине было очень много германских писателей. У нас был самый лучший оркестр в Берлине... А в других отношениях лучшее было, скажем, в Штутгарте, в Гамбурге, в Мюнхене... Это все и было одной нацией. Объединение для меня не было очень важным.

А для людей, которые живут, скажем, в Виттенберге, для их жизни, я бы тоже не сказал. Если вы думаете, что это хорошо, то пусть будет так! Но у меня сердце из-за этого не дрожит. Для нас — для людей в ФРГ.

В ГДР — это было другое дело. По разным причинам, и не последняя из них, конечно, материальная, экономическая, уровень жизни. Они заплатили за войну Германии в целом. Нам было легче. Поэтому проблема нации для меня не важна. И я всегда был сторонником объединения. Но для меня важно то, что делает наше правительство в Берлине. Решения этого правительства мне действительно заметны. Строят новую линию метро... Это затрагивает мою жизнь. Моя жена работает в школе. Сколько уроков они обязаны преподавать? Это затрагивает мою жизнь. Это на уровне жизни и здоровья. Остальные дела — ну, конечно, налоги — это интересное дело. Но это, может быть, уже на уровне Федеративного государства Германии. Может быть, даже на уровне Европы — в Брюсселе решаем этот вопрос в конце концов. Даже сегодня, когда они сидят здесь в Берлине, это мне не ближе. *П.Яан.*

4.2.13. Националистические настроения более распространены в бывшей ГДР по трем причинам). Во-первых, официальная социализация не воспринимается всем населением. Правые были против старой системы, они ей оказывали какое-то сопротивление.

Во-вторых, всякая дискуссия по этим вопросам была запрещена! Не было гражданского общества, учителя не объясняли этот период в школе, родители также не рассказывали ничего своим детям, и дети не спрашивали ни своих родителей, ни своих бабушек и дедушек. Обсуждение было невозможно.

В-третьих, у них не было опыта общения с иностранцами, так как иностранцы в прежней ГДР были изолированы. Они жили в отведенных для них домах. Как, например, граждане Мозамбика или иных социалистических стран. Так что никакой интеграции не допускалось и никаких личных контактов. Это означало, что жители самой Германии становились очень немецкими, что они боялись утратить свою «немецкость», и что иностранцы были некоторым средством преодоления этой фрустрации.

Таковы три главных объяснения того, что в ГДР массовое сознание не совпадало с идеологическими установками. Конечно, я согласен, что должно было бы быть иначе! *М.Кейзер.*

4.2.14. Бавария традиционно националистическая земля в силу причин исторических. В Баварии была сильная королевская власть, и она отстаивала свой суверенитет внутри Германии. Она называется не просто землей (Bundesland), но и Свободной территорией (Freischtadt). Кроме того, население там более сельское. А сельское население имеет меньше контактов с иностранцами. Оно ведет деревенский образ жизни в своей деревне, вокруг церкви маленьким сообществом. Мобильность там весьма низкая, у них нет ни опыта, ни нужды общаться с иностранцами, и психология их остается более или менее неизменной. Так я думаю. А католическая церковь там обладает более сильной властью, она не настолько либеральна, как протестантская, и это еще один фактор влияния. *М.Кейзер.*

4.2.15. Сегодняшние немецкие ученые, они, в общем-то, лежат в общем русле западной науки. Ну, скажем, англосаксонской науки. А в более традиционном понимании, т.е. за пределами академической среды, я думаю, что это одна из тех областей, где между немцами и русскими очень много общего! И больше различий между немецким и англосаксонским пониманием, и даже между немецким и французским пониманием! Дело в том, что в Германии это даже и юридически... А в России, по-моему, юридически... хотя это и юридически, по-моему, даже определено... Может быть, не так четко, как в Германии, но каким-то образом зафиксировано. Тут я боюсь просто утверждать точно, — нация или национальное понимается в смысле этнического, и, прежде всего то, что называется jus sangvi, в отличие от jus soli — так, как это в англосаксонском праве, и так же, как это во Франции. Т.е. нация по крови, а не по месту рождения или по тому, как и где человек вырос! *О.Александрова.*

4.2.16. А Россия никогда не была национальным государством и, можно надеяться, что это и не произойдет, потому что сегодня национальные государства это, практически, дело прошлого.

Можно надеяться, что России этот период удастся перепрыгнуть. *Г.Зимон.*

4.2.17. Сегодня можно еще спорить, существует русская нация или нет. Мне всегда казалось, что русский национализм был сдержанным, он был как бы недоразвит, прежде всего, в связи с тем, что и дореволюционная Россия, и Советский Союз были многонациональными обществами. Условие существования такого государства как раз и состоит в том, чтобы главная нация была недоразвита, потому что русский национализм был бы бомбой под империей. И это отчетливо осознавало и царское правительство, и руководство Советского Союза. Русский национализм необходимо было ввести в определенные границы, и если бы это не было сделано, то распалась бы и дореволюционное государство, и Советский Союз. Неразвитость русского национализма или русского национального самосознания просматривается сегодня невооруженным глазом. *Г.Зимон.*

4.2.18. Разные понятия нации — у разных людей. В России не существует единого понятия нации, В Германии — то же самое.

Мне кажется, что здесь есть большая группа, или, если можно так сказать, есть некое политическое стремление — рассматривать нацию в качестве этнической совокупности, или же в качестве культурной общности, что, в общем-то, одно и то же: у каждого этноса, с этой точки зрения, есть своя культура.

Такие же точки зрения, причем достаточно распространенные, есть и в России.

Что же касается политического понимания нации, классического для Франции или США, то оно и в Германии, и в России не очень популярно. Политическое понимание нации — это добровольное соединение людей для того, чтобы образовать правительство — «совместную крышу», безотносительно к их роду и этническому происхождению. *И.Освальд.*

4.2.19. Национализм это своего рода «священная идея» — восстановить нацию! Ее выдвигают на первый план, а все остальные проблемы не идут ни в какое сравнение! Такие люди есть, но есть не очень много, особенно тех, кто мыслит политически и составляют программы. Но очень много тех, кто воспринимают эти идеи поверхностно. Например, побить каких-нибудь иностранцев, наделать шуму — таких довольно много. *И.Освальд.*

4.2.20. Даже в «желтой прессе» у нас не допускается открытая ксенофобия. В печати такой уровень политической корректности, что это совершенно невозможно. Можно это читать только между строк, когда в печати косвенно обвиняют каких-то людей. Существует постоянная дискриминация, но назвать это открытым текстом невозможно! Такие вещи можно прочесть только в крайне правой прессе, как National Zeitung, и в таких газетах, которые не поступают в общую продажу, которые часто закрывают, и они размещают свои публикации в Интернете. Но газеты, которые выхо-

дят большими тиражами, все на поверхности, и они против откровенного национализма и ксенофобии. *И.Освальд.*

4.2.21. Но в Германии это запрещено, это подвергается преследованию, судебному преследованию. Это запрещено! Конечно, может продаваться, но это есть тогда преступление. В России же это не есть преступление; я сама видела, продается там и «Mein Kampf», и всякого рода расистская и фашистская, такая ультранационалистическая литература. Это, конечно! Уж я и не знаю, что сказать! *О.Александрова.*

4.2.22. Часто речь шла и об угрозе российского фашизма, и российского национализма, и уж, казалось бы, за 10 лет он должен был бы набрать силу, особенно если мы сравним, как это происходило во временном отношении в Германии!

В России, — и, тем не менее... Нет, они все-таки остаются маргиналами! Конечно, там, может быть, там они немножко посильнее, эти группки, там они послабее, но, тем не менее, пока — слава богу, будем надеяться, что и в дальнейшем — не получается! Все-таки... и все-таки, наверное, распад Советского Союза. Понимаете, ведь тоже он неоднозначно воспринимается. *О.Александрова.*

4.2.23. Имеет ли национализм шансы в России?.. На этот вопрос труднее ответить потому что поскольку Западная Германия составляет три четверти немецкого общества, и то, что наработано уже в Западной Германии, оно постепенно будет распространяться и на бывшую ГДР. При этом, речь идет в том числе и о «преодолении прошлого», о котором я уже говорила. К сожалению, в России этого не было, или не было сделано в достаточной степени. К сожалению, в России этому вопросу не всегда уделяется должное внимание. К сожалению, в России разрешено на улице продавать нацистскую литературу — т.е. что в Германии запрещено! *О.Александрова.*

4.2.24. Преступность, жестокость и национализм обосновываются идеологически. Они не вытекают из инстинктов, и чего-либо еще в этом роде. Это типичные продукты человека, его идей, идеологические конструкции.

Посмотрите на результаты исследования предрассудков. Антисемитизм на идеологической основе представляет собою нечто совсем иное, чем в области непосредственных отношений. Национализм и патриотизм существуют только в уме, в голове человека! Они не имеют ничего общего с лучшей частью человеческой природы, то есть с инстинктами, которые гораздо лучше, чем наши интеллектуальные способности. Толстой с этим бы согласился! ...Я думаю, что основная его теория неправильна, но у нее есть некоторые побочные результаты. Как и у всех великих мыслителей: основная теория ошибочна, но примечания — великолепны! Так же и с Марксом, Фрейдом и другими. Половина теории может быть

ошибочной, но примечания верны! Вот так я думаю! А национализм в Германии... никто не знает, что это значит! *Х.Харбах.*

4.2.25. Кроме того, я полагаю, что разговоры «о русской ментальности» это огромная ложь. В январе у нас был семинар, который обсуждал эти вопросы. До семинара я встречался с русскими студентами и преподавателями, и, казалось, что все знают, что такое русский менталитет. В конце семинара оказалось, что никто не знает, что такое русская ментальность! Это конструкция интеллектуалов, у которых свои собственные интересы.

Это (в такой же мере) относится и к немецкому менталитету! Что общего между немецким фермером из Восточной Вестфалии, который работает на своей ферме вот уже 300 лет, и южногерманским рабочим или баварским производителем пива или рабочим, который работает на Фольксвагене? Какая ментальность? У них нет ничего общего! Они даже с трудом понимают язык друг друга!

Единственное, что их объединяет — это немецкий паспорт!

При этом речь идет не о «государстве», а об администрации! Министерства!

Администрация — это американский термин, и он более демократичен, более ориентирован в будущее, чем государство и нация! Когда большое количество людей живет вместе, то им необходима координация действий. Должен быть некоторый контроль, координация, производство некоторых предметов совместного потребления. Но это не государство в смысле XIX в., это — администрация! Моя мечта в том, что примерно лет через 50 это осуществится.

Нужно для этого только, чтобы газеты стали публиковать на первых страницах анекдоты и информацию «о маленьких людях», а на последних страницах мелким шрифтом о политике — официальные сообщения, о законах и парламенте. Администрация должна действовать как растения, как экологическая система. Прогресс будет состоять в том, что политика исчезнет с первых страниц газет!

А политики должны быть изгнаны, люди должны жить без политики! Эта нечистая сила должна быть устранена из национальных государств, различных культур и борьбы между ними. Газеты должны сообщать о людях, а не о социальных конструкциях в интересах интеллектуалов. Нам нужна администрация, а не государства. *Х.Харбах.*

4.2.26. Нация — это определенная ценность! Я не отношусь к нигилистам! Я не могу сказать, что нация не имеет для меня смысла. Я имею в виду, что обсуждение вопроса о нации имеет смысл. Для меня самого нация есть прежде всего культурный и исторический феномен. Я имею в виду, что экономическая основа нации, ее фундамент — это процесс. Существует немало процессов, подрывающих экономическое существование нации. Как и политическое... Я имею в виду, что для более или менее длительного периода политическое существование наций необходимо! Я

не вижу никаких шансов для существования мирового государства. *Э.Хаан.*

4.2.27. О скинхедах: я не думаю, что это политические настроения, это, скорее, выражение общей неудовлетворенности, своего рода провокации. В то же время это — групповое явление. Знаете, быть включенным в группу физически сильных ребят, которые любым могут набить морду! Они избивают не только иностранцев, но и выступают против тех, кто имеет физические недостатки... Это так на самом деле! Я думаю, что с этими ребятами трудно справиться, но они не представляют политической опасности. Они опасны, но у них нет шансов...

Да, они ведут себя крайне жестоко, и эта жестокость направлена против тех, кто слабее, кто не может им оказать сопротивления. Я думаю, что они это делают для того, чтобы почувствовать себя сильными. Для этого они обращают свою силу против тех, кто слабее их!

Были такие случаи, когда они избивали бездомных.

Но есть и небольшая группа правых, у которых достаточно высокий уровень образования, которые знают, что им нужно. Я думаю, что они пытаются использовать этих скинхедов в своих интересах и создать организацию. Некоторые из них весьма активны в Интернете. Но во всяком случае, я не вижу опасности которую несут нынешние правые... *И.Шютце.*

4.2.28. Стали составлять письмо... Вот тогда-то я и понял, что... — я здесь не преувеличиваю, — как немцы относятся к евреям! Я так подумал... и говорю: ну зачем это писать? А он сказал дальше — гениально он сказал:

— Я-то хорошо отношусь к евреям, а вот как там? Черт его знает, как они относятся?

И вот это еще больше меня поразило: «Я-то хорошо отношусь!». Человек, который не является антисемитом, просто никак не относится — он не знает, он не обращает внимания на то, кто ты — еврей, татарин или китаец. *Б.Рохлин.*

4.3. Иммиграция (1—14)

4.3.1. Германия до настоящего времени не является страной открытой иммиграции. По этому поводу идет дискуссия, но сейчас допускается иммиграция только для некоторых случаев.

Прежде всего, для воссоединения семьи, если у вас здесь супруг или ребенок, то вам разрешается въезд в страну. Это касается взрослых людей — супругов — не родители, а супруги. Или дети, которым еще не исполнилось 16 лет. Это и есть воссоединение семьи!

Следующее основание — это, когда вы приезжаете в качестве студента. Вы подаете заявление в своей стране. Например, русские

студенты могут подавать заявление на въезд в посольстве в Москве, они могут получить разрешение и приехать учиться.

Третье основание – заявление о политическом убежище. Они приезжают сюда каким-либо образом, и подают заявление об убежище (asylum).

Еще одно основание — в некотором смысле вы имеете приглашение приехать, если вы, например, русский еврей. У нас есть специальная иммиграционная программа для русских евреев. Они тоже подают заявление в наших посольствах.

Но здесь существует некоторый контроль, так же, как и в случае с этническими немцами (German Aussiedler) из Казахстана или из других стран. Они так же подают заявление в посольствах и либо получают, либо не получают разрешение. Обычно они получают. Только таким способом и можно въехать в Германию.

Но есть и более редкий случай, когда люди получают разрешение на работу в Германии на срок до пяти лет. И это все!

В законе об иностранцах, в законе о беженцах и в других законах, где формулируются условия работы. Имеются так называемые правила найма на работу для тех, кто ищет временную работу. Они называются «Особые правила для рабочих», где сформулировано, на каких условиях можно приехать на работу в Германию. *Б.Йон.*

4.3.2. У нас две группы, приезжающих из России. Русские евреи — это сравнительно небольшая группа. Между 3 и 5 тысячами в год. По этой линии вряд ли будет больше, так как многие из них поселились в Берлине, и теперь они должны будут селиться в других землях.

И этнические немцы, но они выходцы их Казахстана... они не из России! А из России не очень много — примерно 2—3 тысячи в год как беженцы. *Б.Йон.*

4.3.3. Дело в том, что в Германии до войны была большая еврейская община до того, как Гитлер их уничтожилИ мы хотим увеличить еврейское сообщество в Герамнии, не только в Берлине, но и в других землях. До войны в Берлине жило около 170 тысяч евреев, а сейчас — всего 11 тысяч! *Б.Йон.*

4.3.4. Экономическое чудо ФРГ породило большой спрос на рабочую силу, который уже не покрывался за счет беженцев из Восточной Германии. Поэтому были широко открыты двери для рабочей иммиграции из Югославии, Италии и Турции.

70-е годы — это экономический кризис, который положил начало массовой безработице. Иммиграция и иммигранты стали восприниматься отрицательно как на политическом уровне, так и в массовом сознании. Даже право на убежище было устранено de facto. После уничтожения Берлинской стены только советские немцы и евреи могут свободно иммигрировать в Германию. Немцы из России и стран СНГ впускаются в Германию на основе Закона о гражданстве. Что касается еврейской иммиграции из России, то она после распада Союза увеличилась. В начале 90-х годов в Германии было зарегистрировано еврейскими общинами

около 30 тысяч евреев, сейчас их число увеличилось вдвое. И более половины членов еврейских общин — это выходцы из России и СНГ.

Еврейские общины существуют на локальном уровне, но есть и общегерманская ассоциация еврейских общин в Германии. Особенно строгой является Берлинская община. Право приезда в Германию связано с последствиями холокоста. Нельзя отказать в приезде в Германию еврею, хотя это и связано с определенной напряженностью в отношениях с Израилем. Израильское правительство придерживалось такой точки зрения, что все евреи должны ехать в Израиль. Тем более они были против приезда евреев в Германию по понятным причинам. *Э.Штёльтинг.*

4.3.5. Фактически приходится строить небольшие поселки в Германии для русских, я не хочу сказать «лагеря», но такого рода поселения, где они остаются жить. На самом деле реальной интеграции не происходит. В Билефельде есть «русские», но они не живут в лагерях. «Гетто» здесь распространены меньше, чем в других частях Германии. Вот в Южной Германии, например, проводится другая политика, направленная на то, чтобы они жили концентрированно. Или в Берлине! Там живет много русских, там даже есть барахолки (где продают подержанные вещи), где говорят по-русски. Торгуют сами русские. А в обществе продолжается дискуссия о проблемах благосостояния и социальной политики: насколько это дорого, можем ли мы это себе позволить, сколько это будет продолжаться, будут ли они интегрироваться и т.д. Такие дискуссии идут всюду, где есть подобные сообщества. И они вовсе не интегрируются так, как это должно было бы быть. У нас есть такие же проблемы и с турками. Но правительство сказало, что они — немцы, так что по отношению к ним нет проблемы интеграции. У русских же иная культура — они остаются более русскими, чем немцами, и их поведение тоже русское. *М.Кейзер.*

4.3.6. У нас наблюдается достаточно — возможно, небольшая группа, но все-таки заметная группа — так называемый «контингент». Это беженцы. Речь идет о евреях из России, которые приезжают в Германию. Это единственная группа, которая принимается здесь без больших трудностей, за исключением немцев. Есть несколько десятков тысяч этих евреев, часто и неевреев, которые по этим каналам приезжают и здесь живут. И это еще пример того, как сегодня история еще работает.

Там работают достаточно эффективные сети, связывающие этих людей. Поскольку кто-то живет здесь, а какие-то члены семьи еще живут там, постольку между ними сохраняется коммуникация. Есть СМИ, и есть пресса, которая сообщает о данном конкретном человеке. Кто хочет, тот, конечно, найдет способ иммиграции. Этот контингент не получает автоматически гражданства, они могут жить в Германии, и лишь по истечении какого-то времени и наличии определенных условий может быть предостав-

лено гражданство, это все оговорено в соответствующих законах. *К.Зегберс.*

4.3.7. Люди, которые сюда приезжают, сравнивают себя вначале с теми людьми, откуда они приехали, а затем они начинают себя сравнивать с теми, кто живет здесь. И они видят, что по всем пунктам у них меньше шансов. Проблема не в том, что они голодают. Никто здесь не голодает из тех, кто приехал. Но они не знают, зачем они здесь, и буквально через два года они чувствуют, что они «чужие». Особенно среди молодежи большие проблемы, и высокий уровень преступности. *И.Освальд.*

4.3.8. Но, в конце концов, это — и чисто практически, это до последнего времени находило свое выражение в том, что немцам-переселенцам из России или из Казахстана, из Советского Союза, из Румынии, из Венгрии им сразу предоставляли немецкое гражданство — именно на основе этого jus sangvi, а не jus soli. Понимаете? А вот только сейчас, только вот вступило с этого года новое законодательство о приобретении немецкого гражданства, которое, конечно, сделано гораздо более современным, гораздо более модернизированным, хотя первоначальный вариант, он опять-таки там они вынуждены были сделать определенные уступки, но тем не менее они пошли дальше по сравнению с тем, что было до сих пор! *О.Александрова.*

4.3.9. Вся проблема заключается в том, что немецкая иммиграционная политика строится на одной ложной, абсолютно ложной предпосылке: то, что Германия якобы не является страной иммиграции — официально, в то время как США, Канада, Австралия, они официально являются странами иммиграции. Но фактически — конечно же, есть иммиграция в Германию, и самого разного рода: гастробайтеры, т.е. иностранные рабочие, или этот небольшой контингент еврейской национальности, прежде всего из постсоветских государств, или же немцы из Восточной Европы и из бывшего Советского Союза. Конечно, это все иммиграция, только официально Германия не является страной иммиграции... И они никак не могут... И поэтому они все время должны какие-то делать совершенно глупые уступки в своем законодательстве, именно потому, что они до сих пор не могут (отказаться) от этой ложной предпосылки. Это уже есть, так сказать, определенный консенсус в немецком обществе. И просто, если они отказываются, даже... Они просто боятся, что если они объявят, что Германия является страной иммиграции, то сразу ринутся толпы, потоки иммигрантов.

Речь идет не только о Восточной Европе, а о Юго-Восточной Азии, об Африке и т.д. или, я не знаю, о Латинской Америке. Прежде всего, конечно, речь идет о странах третьего мира. И поэтому они все время должны, прошу прощения за не очень научное выражение, такой танец на яйцах в этих вопросах устраивать. Даже социал-демократическое правительство не может пойти на то, чтобы от этой предпосылки отказаться, потому что это не

позволяет общественное мнение каким-то образом! Оно уже так воспитано на этой идее, что... Если бы они сказали: да, Германия является страной иммиграции, — т.е. то, что есть на самом деле, — то многое стало бы гораздо проще. И тогда привести законодательство в соответствие с этим. А то все время там есть какие-то или противоречия, или все время нужно делать какие-то уступки именно потому, что исходят, прежде всего, из этой основной предпосылки, из этого положения. *О.Александрова.*

4.3.10. Для евреев из бывшего СССР двери открыты. Но введены небольшие изменения. До объединения Германии руководство ГДР некоторым образом приглашало русских евреев приезжать в ГДР, но ГДР никогда не платила каких-либо денег или чего-либо еще евреям. Они (руководство ГДР) всегда считали себя антифашистами, а за рекомпенсацию и прочие вещи должна была нести ответственность ФРГ. В печати много писали о том, мы (в ГДР) ничего хорошего для евреев не сделали. А так как сейчас есть некоторый антисемитизм в России, то пусть русские евреи приезжают сюда! Так что они приезжали, и без всяких сложностей.

А после объединения ФРГ изменила подход, и теперь русские евреи должны заполнять анкету, дожидаться в очереди, пока не придет на них информации — этим занимается одно учреждение в Кёльне. Только после этого они получают разрешение на приезд в Германию. И это ожидание может продолжаться несколько лет!

В целом в Германию из России и других стран СНГ с 1989 г. иммигрировало около ста тысяч, а в Израиль семьсот тысяч! *И.Шютце.*

4.3.11. Например, родители моих респондентов (а я интервьюировала только студентов) имеют довольно высокий уровень образования. Но здесь они не могут получить работу, которая бы соответствовала их уровню квалификации. И большая часть их остается безработными. Поэтому зачастую родители моих респондентов занимаются каким-либо бизнесом с Россией. Импорт—экспорт или консультации. Так что они ездят туда и сюда.

У некоторых уже есть немецкий паспорт, у других сохраняется паспорт российский. Семья остается здесь, но их бизнес так или иначе связан с Россией. Я думаю, что они занимаются не тем, что они имели в виду, когда отправлялись в Германию, но дело в том, что здесь рынок труда не очень благоприятен для них... И они не имеют большого успеха, но во всяком случае они не возвращаются назад, а просто ездят из Германии в Россию и обратно.

А молодежь, которая учится здесь, среди них тоже есть такие, которые ездят туда-сюда, но таких только пять человек в моей выборке, в которую входят 37 человек. Значит, среди молодежи таких меньшинство, но никто не хочет возвращаться назад насовсем. Никто! Хотя они хотят получить немецкий паспорт, но большинство стремится уехать в другую страну. Для большей части Германия вовсе не мечта жизни! *И.Шютце.*

4.3.12. В Германии осталось очень мало немецких евреев. Но я не думаю, что те, кто остались, говорят: «Я немецкий еврей». Они говорят: «Я — еврей» и «Я — немец!». При этом — «Я — немец» — может быть, кто-то и может так сказать, но я не думаю, что это обычный способ самоопределения. *И.Шютце.*

4.3.13. Существует еврейская квота — по-моему, 50 тысяч в год. Об этом не очень распространяются, это есть, но никто особенно не знает, что есть такая система приглашения людей еврейской национальности. Потому что вот в этом есть какое-то ханжество. Либо нужно признать, что евреи преследуются в Советском Союзе и в России, и поэтому они имеют право на переселение в Германию, — но этого признать не могут, никто это не признал, никто об этом официально не заявил, что евреи преследуются в России, а тем не менее они получают разрешение на переселение.

Я считаю, что каждый должен получить, кто хочет. Почему обязательно евреи? А может быть, там есть и другие, я не знаю — грузины, армяне или таджики...

Большинство из приезжающих сюда вообще не имеют никакого отношения к еврейской религии. А тот, кто действительно убежденный иудей, он никогда не поедет в Германию! Он сочтет это ниже своего достоинства. Он поедет в Израиль — что я и понимаю. Я тоже на его месте поехала бы только в Израиль! *Н.Зимон.*

4.3.14. Люди брали билет в одну сторону, прилетали в Кёльн или приезжали в Кёльн и сразу шли в ведомство по делам иностранцев, и подавали прошение о предоставлении им политического убежища. После этого сразу же они получали направление в общежитие и, пока разбиралось их дело, они могли здесь жить. И это продолжалось годами иногда — год, два, три. Потом им сообщали, что они не получают политического убежища, им назначалось время выезда из страны, но они не уезжали. И если они не нарушали порядок, то они и по сей день живут здесь. *Н.Зимон.*

Часть 5

1. ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ (1—10)

5.1. В Германии всегда существовал глубокий интерес к России, ее культуре. Русская литература XIX и XX вв. получала большой отклик в Германии, многие произведения переводились на немецкий. Русскую литературу знали в Германии. Я сам начал заниматься Россией после того, как познакомился с Гоголем и Толстым. Из тех, кто писал и публиковался в советское время, мне нравились больше других Бабель, Ильф и Петров, и особенно Булгаков. Я думаю, что этот путь восприятия России достаточно характерен для немецкой интеллектуальной среды. *Э.Штёльтинг.*

5.2. Перспективы культурного взаимодействия между Германией и Россией неплохие. В Германии постоянно переводится русская литература на немецкий язык. Мне представляется, что даже в большей степени, чем на английский (правда, о социологической литературе этого сказать нельзя).

Что касается лингвистической стороны дела, то здесь положение изменилось. В ГДР существовало обязательное изучение русского языка в школе, теперь это отменено. Но многие не хотели его учить, так как исходили из того, что знание русской культуры не столь важно. Вместе с тем сформировалось меньшинство из той части молодежи, которая получила профессиональное образование а Советском Союзе. У них сложились личные отношения в России. Они говорят и читают по-русски, посещают Россию, поддерживают контакты. Что касается западных районов Германии, то интерес к изучению русского языка здесь даже больше, чем в восточных областях. Это небольшая часть студенчества, но зато они изучают русский язык на добровольной основе и достигают при этом неплохих результатов. Я оптимист в оценке перспектив взаимоотношений между культурами наших стран. *Э.Штёльтинг.*

5.3. Культура может играть определенную роль, но это не главный фактор. Я думаю, что большая часть культурного наследия России — Пушкин, Тургенев и т.д. — мало известно в Западной Европе. Этих авторов немногие читают. Они известны лишь в весьма узких кругах интеллигенции. *П.Шульце.*

5.4. Есть традиции в философии, искусстве, особенно в литературе! Например, Достоевский здесь известен с 20-х годов. Были изданы хорошие переводы на немецкий. Потом, Пастернак — «Доктор Живаго». По этой книге был поставлен фильм по телевидению. Для немцев очень интересна была «русская душа»!.. Несколько романтическая! Очень популярная тема! *К.Майер.*

5.5. Если взять XVIII в., то можно увидеть, что тогда большое значение имела ремесленническая культура в России. Целый город был построен в Москве, где существовала немецкая жизнь. Можно сказать, что это была немецкая культура. На этой основе развивался совместный опыт.

Однако сейчас больше обсуждают другие аспекты культуры — проблему «культурных ценностей». Например, где же находится янтарная комната? Как должен решаться вопрос о художественных ценностях, похищенных друг у друга во время войны? Многие из этих ценностей до сих пор не найдены и не известно, где и у кого они находятся. Здесь по этому вопросу поднят большой шум, кто, что именно, кому и на каких основаниях должен возвращать. Должен ли состояться обмен?

Но на самом деле сама эта проблема никому не интересна. Этот вопрос возведен в сферу большой политики и дипломатии, там он играет огромную роль, но, например, мне лично это совершенно не интересно! ...Иногда политики говорят по воскресеньям, какие прекрасные у нас отношения с Францией или с Грецией, но для повседневной жизни — это не имеет никакого значения, этого просто не существует! для меня этот уровень культуры, так называемая «высокая культура» не очень важна! Она существует как некий фон, который на бытовом уровне дифференцируется на очень много субкультур.

Конечно, мы тоже имеем возможность читать Гете и Гейне, но все-таки это другой стиль, другие слова, вообще это гораздо большее количество слов! Изменение языка у нас связано с сокращением словаря. Это очень жалко! Я сама получила довольно хорошее образование, но нынешнее поколение знает очень мало! Студенты, например, кое-что слышали о Гете и Гейне, но они их не знают и не хотят знать. Конечно, с одной стороны, это действительно жалко, но с другой стороны, надо сказать, что у нас сегодня совсем другие проблемы... Конечно, если все очень хорошо, если работа есть, если есть еда, тогда можно читать литературу. *И.Освальд.*

5.6. Я была, есть и останусь русской. Даже если у меня немецкий паспорт, это не меняет сути дела. Я освоила немецкую культуру, потому что у меня дети здесь родились, выросли, я с ними прошла школу, детский сад, университет, все главные жизненные ситуации. А с другой стороны, можно сказать, что я почти уже равное количество времени живу в России и живу в Германии. С другой стороны, конечно, то, что было в детстве, это самое главное. Это закладывается в детстве; и чем старше я становлюсь, тем больше я ощущаю себя как русский человек. Ну, потому что в детстве возможность усвоить что-либо значительно выше. Чем человек старше становится, тем больше он осознает свои корни, тем больше он возвращается к истокам... *Н.Зимон.*

5.7. Что значит немецкая культура, — она также меняется в ходе времени: когда я сюда приехала 25 лет тому назад, я обнару-

жила здесь одну страну, а сейчас страна радикально изменилась, следовательно, что осталось — это язык, да и то язык был также подвержен значительным изменениям. Поэтому для меня немецкая культура это то, что было раньше — это Гете, это Шиллер, это... классика немецкая, это философия, это музыка, это литература. Это для меня немецкая культура. А все вот это — то, что сейчас происходит, это все преходящее. Это все изменяется, а в какой-то степени оно и повторяется. Но страна больше не та, в которую я приехала 25 лет тому назад.

Система обслуживания ухудшилась: раньше не было такого, как сейчас. Система обращения людей друг с другом ухудшилась: повысился эгоизм, уменьшилось значение религии, падают ценности — ценности упраздняются, новые не создаются, да и невозможно создать новые ценности, они вечны; они, может быть, получают иногда другое наименование, но они вечны. И... ну, это общая система. Молодым людям нелегко сориентироваться сейчас. Уровень знаний падает, и вообще, знания не играют такой роли больше, как раньше они играли. Раньше специалист был — важно, а сейчас важно — себя преподнести, презентация, вот что самое важное, пыль в глаза пустить: вот если ты сможешь это сделать, тогда ты на коне. Это такие социалистические явления, которые у нас сейчас повсеместно получили распространение. Здесь этого раньше не было, это появилось после воссоединения. *Н.Зимон.*

5.8. Есть прежде всего либеральный подход, связанный с культурологической ориентацией, здесь говорят о культурной близости с Россией, о толерантности, о том, что мы должны учиться друг у друга.

Далее, есть несколько более радикальный, но тоже либеральный подход. Это направление, более тесно связанное с политикой, которое, конечно, критикует, но, вместе с тем, занимается анализом того, что происходит в России. Эта точка зрения исходит из инструментализма. Она заключается в том, что критиковать можно, но что у нас есть специфические интересы в политическом плане. Поэтому важно развивать эти отношения.

Кроме того, есть популистская линия, если можно так сказать. Это не мнение политиков, но здесь подчеркивают такие темы, что свободные границы с Россией — это, конечно, хорошо, но в этом есть немало проблем: будет наплыв иммигрантов, что в России — большая организованная преступность, мафия, и вообще, это совсем другой дискурс.

Либерально-культурологическое направление представлено газетой Zeit;

Либерально-инструментальное это — Spiegel;

Frankfurter Allgemeine — это консервативное направление. Там продолжают судить о России и странах Восточной Европы в рамках бывших советологических моделей: всегда там «империя зла», но не потому, что там мафия, а потому, что там такие люди, кото-

рые вообще не поддаются демократизации. Они генетически или антропологически совсем другие люди!

Потом это популистское мнение или дискурс — это Bildzeitung. Это «желтая пресса». (Здесь) очень популярная тема — тема мафии, иммигранты, которые... Но они вообще обманщики! *И.Освальд.*

5.9. Интеллектуалы Германии и России всегда восхищались друг другом. Мне кажется, что сотрудничество, нормальный обмен мнениями и персоналом возрастают. ...Я думаю, что в данном случае будут происходить примерно те же процессы, как это было в наших отношениях с Францией, и которые сейчас имеют место в отношениях с Польшей. Я думаю, что примерно таким же образом будут развиваться и отношения с Российской Федерацией. *Г.-Д.Клингеманн.*

5.10. В Германии существовала пророссийская школа философской мысли, в конце Веймарской республики. Ее лидером был Никеш (Niekisch). Он мечтал о немецко-российской империи, и его идеи были основательно усвоены некоторыми офицерами рейхсвера. Гёрделер (Goerdeler) и генерал-лейтенант фон Зик (v. Seeck) поддерживали тесное военное сотрудничество и сотрудничество по линии органов госбезопасности между Советской Россией и Германией в 20-е годы.

И вплоть до 1941 г. в рейхсвере не было единодушно враждебного отношения к Красной Армии. Они знали большую часть командиров Красной Армии, так как они учились в Германии. Это подтверждает мою мысль: они выполняли бесчеловечную работу, но ненависти к врагу у них не было. *П.Шульце.*

Часть 6
ЛИЧНЫЙ ОПЫТ (1—12)

6.1. Когда мне исполнилось 15 лет, я целый год служил в противовоздушной батарее. А с 1945 г. в немецком вермахте. Когда мне исполнилось 16, у нас возник выбор — идти в вермахт, в пехоту или в СС. Но в СС мы (ученики моего класса, нас было 28 человек) идти не хотели, потому что это было... не для нас! И поэтому мы заявили о том, что остаемся в вермахте.

Мы надеялись, что... наша армия пойдет на запад в сторону американцев. И мы не собирались воевать против Америки.

Но тут вышел приказ фюрера отправляться на восток, в сторону русских. Но о русских никто ничего не знал, ничего не знали, что происходит на самом деле! Это было в 1945 г. В апреле месяце мы воевали в окрестностях Берлина. И я попал в плен! Это случилось 21 апреля, за две недели до окончания войны!

Мы шли маршем по Восточной Германии и Польше, а потом нас посадили на поезд и отправили в Саратов на Волгу.

В первый момент это был шок! В нашем подразделении было 10 солдат. И шесть из десяти были убиты! Прямым попаданием выстрела «Катюши»! А четверо — попали в плен!

А потом я постарался жить с новым опытом, с новыми отношениями! Мы долго ехали в поезде. Я видел новую для себя страну, о которой ничего не знал, и первое впечатление — это были широкие просторы, поля, которые можно было наблюдать из вагона. Я стал заниматься русским языком, чтобы хоть что-нибудь понять...

А со стороны русских — ничего плохого не было! Первое время — полный контраст — как бы попал на другой край Земли! А потом было очень хорошее отношение со стороны русских. Не только со стороны населения, но и со стороны солдат!

Я пробыл в плену два года!

Конечно, я мог выбирать, и я сделал свой выбор! До этого я ничего не знал о России, и я пытался построить какой-то мысленный образ! Появился интерес именно к России, и я стал читать поэтов XIX в., а потом я стал профессором русской истории!

Я думаю о войне, потому что я сам участвовал в ней, но новым поколениям, которые в ней не участвовали, это неинтересно! Все эти мемуары и прочее! И я думаю, что все это в прошлом! Уже прошло! *К.Майер.*

6.2. Ленинград стал моим городом, и мы проводили экскурсии с нашими студентами по Ленинграду и его окрестностям! Я опуб-

ликовал несколько статей по истории Ленинграда—Петербурга. В этом городе я нашел коллег и друзей! *К.Майер.*

6.3. Я помню, как я пытался говорить с моей бабушкой о войне, и она сказала: «Что было, то было, не надо об этом говорить! Твой дед умер во время войны!» Мой дед умер во время осады Санкт-Петербурга, и поэтому она была против того, чтобы я ехал в Петербург. Мне это было понятно, ведь она хранила память о своем муже и боль, так как он был убит.

Конечно, в личной памяти об этом ничего хорошего не осталось, так что пусть будет все забыто! А кроме того, она должна была воспитывать ребенка без отца и пройти сквозь все эти трудности. Она говорила: «Мы все ничего не знали о гитлеровском режиме, обо всем, что он сделал с евреями!» Она была уверена в этом, и говорила, что, может быть, только в самом конце войны какая-то информация об этом просочилась. Часть нового поколения этому верит, часть — не верит, но она сказала, что мы ничего не знали о подобных вещах. Они ведь не участвовали в политической жизни, не были членами партии. Они просто жили своим домом в Констанце, недалеко от границы, они пытались выжить, доставая продукты из Швейцарии, где у них были родственники. *М.Кейзер.*

6.4. В школе я ничего не слышала о войне... Правда, я кое-что об этом уже знала от родителей. Дело в том, что когда отца освободили (из американского плена), то он не знал, где же находится его семья. Потому что семью изгнали из Чехии. И моя мама была тоже изгнана. И он долго искал их по всей Германии. А когда он их нашел... они поселились в Штуттарте, где я и родилась в 1957 г. — через 12 лет после окончания войны.

Мои родители были в этом городе пришлыми людьми, они жили, конечно, совсем бедно. Вели такой изолированный образ жизни. Это была жизнь иммигрантов, и продолжалась она довольно долго! Я понимаю, что это было не очень просто — жить в послевоенной Германии, здесь были свои сложности. Не такие, как сейчас, но все-таки...

И в этом состояли последствия войны для меня, а все остальное я узнала только в университете. *И.Освальд.*

6.5. У нас была масса друзей в Советском Союзе, и мы бывали там очень часто! Мы любили ваши города, обычаи вашей страны, людей, архитектуру и все это, что не связано непосредственно с политикой, а соединено с нормальной жизнью, с повседневностью, с ситуацией в метро. Мы любили смотреть с площадки перед зданием МГУ на Москву. Я часто там останавливался и смотрел на Москва-реку, на башни, на Кремль! И так далее.

Мы читали... Мы читали массу книг советских авторов. И не только авторов старшего поколения, не только Фадеева, Шолохова или Федина, но и тех, кто принадлежал к молодому поколению — Айтматова и других. В этом было что-то великое! Я хотел бы сказать, что это была не только большая надежда, но что это было

наше... это был наш сосед, более, чем сосед! А теперь? Наступила иная жизнь, и это не продолжение того, что было! Это, я думаю, это какое-то смешение... путаница! *Э.Хаан.*

6.6. У меня есть «личный опыт» в мировой войне. Когда война окончилась, мне было 7 лет. Каждую ночь я прятался в убежище, когда американцы бомбили наш город. Я видел русских военнопленных, видел этих рабов и все такое! На (мебельной) фабрике моего отца (в Висбадене) были рабочие русские, французы, итальянцы! Я видел все. Я видел даже 8 мая. Когда американцы пришли в наш город!

Мой отец служил в армии в обеих мировых войнах, он служил во Франции... В обоих случаях. И он присылал кучу шоколода из Франции. Он рассказывал о войне, как в Первую мировую на Рождество было установлено перемирие, а солдаты обменивались подарками в первый день Рождества между собою, а во второй — с французами! А на следующий день они надевали штыки и шли убивать друг друга! (Во Вторую мировую этого не повторялось!)

(У частных лиц) складываются частные концепции, но эти концепции не имеют никакого значения для войны. Они думают главным образом о том, что они потеряют, если они не будут подчиняться, что станет с их семьей. Это и есть главная основа патриотизма и национализма. Если ты не будешь делать то, что делают другие, то ничего хорошего их этого не последует, наоборот, будет плохо для моей семьи, для моего брата и т.д. Эта главный стимул, почему солдаты идут на войну. *Х.Харбах.*

6.7. Когда мне было, допустим, 20—25 лет, то у нас дома были очень бурные дискуссии, в семье. Я спросил у родителей, чем они занимались тогда. Мой отец был солдатом в России...

И тогда многие считали, что тогдашняя политика — 60-х и 70-х годов — должна рефлектировать какие-то конкретные примеры и какие-то там уроки этого времени. И это было оправдано!

Сегодня в обеих странах большинство людей живут без конкретной памяти об этом периоде. *К.Зегберс.*

6.8. Я прожил около 10 месяцев в Узбекистане, и ездил в другие республики и в Индию вместе с теми, кто занимался торговлей. Но база моя находилась в Ташкенте. Я проводил интервью, собирал полевой материал, занимался включенным наблюдением в ходе торговли, стремясь собрать как можно больше материала. Я и сам работал и использовал помощников — студентов и преподавателей, которые знали русский и узбекский. Кроме того, в прошлом году я был в течение трех месяцев в Санкт-Петербурге, на социологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Я некоторое время там преподавал, и это пришлось на тот период, когда произошло нападение на Косово. Так что я имел возможность наблюдать реакцию российских массмедиа и россиян на действия НАТО, на то, как НАТО действовала в косовском кризисе.

Помимо этого я наблюдал, как осуществлялся переход президентской власти от Ельцина к Путину, но все же я не могу себя назвать специалистом по этим вопросам. Я только смотрел телевизор, читал некоторые статьи, обменивался с друзьями письмами по электоронной почте. Но я этим не занимался регулярно, как должен был бы делать исследователь («academic»). *М.Кейзер.*

6.9. Прошлую пятницу я был на свадьбе. Один узбек — русский узбек — женился на немке, и его отец приехал на свадьбу, он был советским офицером во время войны и он сказал: «Я никогда не думал, что когда-нибудь попаду в Германию!». Он жил в Ташкенте и познакомился там с будущей женой своего сына. И он с ней там беседовал и обсуждал эти вопросы. Он сказал, что для него это было важное событие! И он оказался в Германии первый раз в своей жизни! *М.Кейзер.*

6.10. Вы знаете, это были, наверное, биографические причины того, что я так заинтересовался Россией.

А, например, моя дочка. Для каждого важно, чтобы он занимался с одним обществом, не своим. Он действительно может делать этот опыт. Это может быть Италия, Франция, Соединенные Штаты, Япония. Только что у него настоящий опыт, что есть другой мир, другой способ организации общественная жизнь, семейная жизнь, даже внутренняя — эмоциональная жизнь. И для меня это была Россия. Из личных причин. Конечно — это просто банально — если я скажу: и в России есть ленивые, и есть прилежные, и есть люди — практически без эмоций, и есть люди очень эмоциональные, теплые. И, может быть, у русских первые отношения всегда бывают более теплые, чем у нас. А в Англии, или я часто бываю в Норвегии — первое отношение — всегда более холодное, чем в Германии. Все-таки — совсем не агрессивные, все-таки — очень вежливые, очень приятные. Но — более дистанцированные. Эти опыты не важны. Все-таки мы знаем — наш вид жизни — это не единственная возможность.

Мне очень нравится, что моя дочка бывает во многих странах мира и собирается и дальше учиться и знакомиться с жизнью в других странах. Еще на полгода поедет во Францию, а потом на полгода в Америку. Конечно, для совершенствования языка. Важно при этом, чтобы жить там в семье, чтобы лучше познакомиться с повседневной жизнью. Я надеюсь, что и мой сын примет решение жить за границей. *П.Яан.*

6.11. Я приехал в гости, — и мой приятель пошел, ну так полагается, я приехал на месяц, и он пошел к себе в жилконтору, назовем это так, и оформил меня там — прописал. На месяц прописал. У меня до сих пор даже эта бумажка есть.

И оказалось, что это очень важно, потому что — прошло несколько лет, и вдруг меня вызывают в полицию, я прихожу, и меня там спрашивают: «Где это Вы жили с такого-то по такое-то?» — целых 23 дня или 30 дней! А я говорю: а я вот жил у приятеля.

— А! Все в порядке. Все в порядке!

Значит, тут два основных момента: разрешение, вообще право на то, чтобы ты остался — официально. Но этого мало, ты же должен еще что-то кушать и где-то жить, крыша над головой должна быть. И вот здесь вот уже, так сказать, работает социальная линия.

Если ты имеешь право, — ну вот, опять же, еврейская линия, немецкая линия, там политзэк. Еврейская — вот человека принимают, раз так правительство решило принимать евреев, — ну понятно, почему, так сказать: уничтожение еврейской общины немецкой в Германии, они решили восстановить ее. Эта линия дает тебе право, во-первых, жить в Германии, во-вторых, получать социальную помощь, если ты не работаешь, в-третьих, что очень важно, бессрочное право на работу... Дается общежитие... ты там живешь какое-то время и ищешь квартиру. Ну пособие было около 500 марок, скажем, муж и жена, семейный человек, 500 марок — муж и 400 — жена. Обычно, конечно, человек моего уровня, т.е. самого низкого, какой можно себе представить, он ищет себе муниципальное жилье. Муниципальное — т.к. оно дешевле. Но когда ты уже нашел квартиру и вот стал самостоятельной, что ли, жизнью (жить), а работы у тебя нет, то тебе опять «социал» — социальное ведомство — платит за квартиру. Об этой социальной помощи, тут такая довольно жесткая вещь есть: ты в общем как бы должен отрабатывать это дело, потому что тебе помогают, это, знаешь, не подарок! Ты должен две недели в месяц отрабатывать — так называемые социальные работы. Хотя вот они поняли, что они, видимо, не выдержат, потому что такой поток огромный на сегодня — помимо живущих — огромный поток! И вот они и стали урезать все эти вот социальные дотации, социальные помощи и плюс... ну все пенсионные дела, так сказать. Теперь это все срезается, срезается, срезается! Например, военным — ну вот ты там немец, но ты служил в армии или в милиции, там еще где-то, тогда это вообще не учитывается здесь как стаж... Но в принципе, это все-таки небольшие исключения! Это касается, как мне кажется, советских немцев, бывших советских немцев. Не важно, откуда они — из Казахстана приехали там или из России — это не имеет значения!

Другое дело, что уже вот именно даже в связи с этим я как раз это абсолютно отчетливо понял, что я правильно сделал! Потому что мы могли чем-то помочь. Простите, мы хотя бы дали деньги на похороны! Хотя бы это! Уж я не говорю о постоянной какой-то помощи, так сказать, ну в пределах наших нулевых возможностей. *Б.Рохлин.*

6.12. Я родился в 1941 г. в относительно консервативной семье, в которой было несколько членов нацистской партии. Я вырос совершенно в духе холодной войны. И, конечно, для меня враг — это были русские! Они были примитивные, и они не умели пользоваться туалетом — те солдаты, которые пришли к нам. Но опыт 1945 г. — окончания войны — был очень противоречивым. С

одной стороны, я сам чувствовал — мне было 4 года — страх и угрозу. Взрослые — женщины — использовали меня как защитника, как щит против насилия. Конечно, это не было еще физическим чувством, я, скорее, позже самоидентифицировал себя с этим чувством. А с другой стороны, я сидел на коленях этих русских солдат, и мне было приятно сидеть на коленях у этих дядей. Сохранилось прекрасное детское воспоминание. Я им мог рассказать — по-немецки, конечно, — какие ужасные эти русские, они забрали у меня тетушку и дядю, которых депортировали. А они говорили: «Да, да, да, мальчик!»

То есть, в эмоциональном плане этот опыт был чрезвычайно разнообразным. А потом, когда мне было 15—16 лет, я очень много читал, ну скажем, классическую литературу. Я прочел в этом возрасте Достоевского «Преступление и наказание», читал Толстого и т.д. Помню, как я пропустил два дня школьных занятий, чтобы прочитать «Войну и Мир». Я решил пропустить контрольную по математике, чтобы прочесть эту книгу.

Потом я заметил одну вещь. Многие немцы считали: «русские — хорошие, а коммунизм — плохой». Они считали, что все определяет система, и поскольку система была плохая, постольку и русские не могут быть хорошими. А другие считали, что коммунизм это типично для русских, что коммунизм соответствует русской природе. Поэтому, мне было очень интересно то, что даже после 1917 г. в СССР издавалась прекрасная литература. Это означало, что культура не остановилась, не закончилась вместе с революцией. Она продолжала определенную традицию, хотя и в измененном виде, конечно. И в области музыки — тоже. Даже для развития модернизма нашлось место в Советской России. *П.Яан.*

Раздел III

Параметры российского пространства в немецком самосознании

1. ДИНАМИКА ОБРАЗА РОССИИ

Прежде всего, материалы интервью свидетельствуют, что образ России не является стабильным и неизменным. С одной стороны, меняется сам предмет высказывания — Россия, — где за сравнительно короткое время утвердились рыночные отношения в производстве и демократические принципы в функционировании политической системы. С другой стороны, меняется мир вокруг России, в связи с чем резко дифференцируется сам «субъект высказывания».

Вот как оценивает общую ситуацию в России один из наших наиболее влиятельных экспертов проф. Клаус Зегберс:

«То, что произошло, начиная с конца 80-х — начала 90-х годов, в особенности, для тех, кто живет в этом контексте, означает очень и очень многое. Произошло фундаментальное изменение политических, социальных, экономических форм регулирования (общественных отношений и форм повседневной жизни. — *А.З.*), сместились культурные фокусы. И это все еще продолжается, течет.

Вообще на Западе, а частично и в России, наблюдается очень большая склонность к нетерпению, к спешке. Но если мы сравним процессы такого исторического масштаба, такие перемены, которые сейчас происходят в России, и на всем пространстве бывшего Союза, если мы сравниваем эти процессы с другими процессами такого же масштаба в другие эпохи, тогда, по-моему, нет повода для какой-то там особой спешки!» (*1.1.1.*)

На наш взгляд, это вполне разумный призыв не только к терпению, но и к тому, чтобы посмотреть на происходящие события с более широкой в историческом смысле перспективы, суметь отделить фундаментальные процессы, связанные с преобразованием оснований самого общественного устройства, от того, что мелькает в прессе и на телеэкране, что пугает и отталкивает сознание обывателя, не привыкшего и неприспособленного к изменениям.

Прав и другой эксперт — Герхард Зимон: «хотел бы подчеркнуть, что структуры ментальности не остаются неизменными. В истории все меняется. И нынешняя Россия переживает один из самых значительных переворотов, который, несомненно, сказывается на менталитете общества. (*1.1.3.*)

В то же время в ходе этих грандиозных перемен — от экономики, политики до самой ментальности, то есть до способа восприятия мира и самого себя в этом мире — возникает ощущение неопределенности, неуверенности. Россия вновь сравнивается с гоголевской тройкой, которая покрывает огромные пространства.

И у седока, желающего испытать чувство головокружительной езды, поневоле возникает это ощущение неопределенности: «Куда несешься ты? Дай ответ! — Не дает ответа!»

«В России, — замечает третий эксперт, — нет уверенности в своем будущем, и нет ощущения собственной национальной идентичности. В России идет строительство нового общества так, как будто бы никогда раньше России не существовало!» (*1.1.2.*)

Это важно! Нет ощущения собственной национальной идентичности! Хорошо это или плохо? Полагаю, что если речь идет о прошлом, то здесь скрепы государственной (национальной) идентичности достаточно сильны. Они становятся особенно заметны в дни общенациональных торжеств. В эти моменты национальные чувства приобретают манифестный характер. И в этом наибольшее отличие русского национального чувства от немецкого, которое в нынешней Германии, несомненно, существует, но в меньшей степени декларируется. Национальное чувство в послевоенной и современной Германии стало более практичным, нацеленным на «эффективность», на достижения некоторого конкретного делового результата. В России 90-х годов произошел декларативный разрыв с прошлым, что, несомненно, отразилось на национальной идентичности!

А вот еще один эксперт из молодого поколения исследователей — Петра Стыков: «В России, как мне кажется, есть сильное стремление как бы обосновывать себя на дореволюционной позиции!.. Но есть и другие течения, которые ищут опору в Советском Союзе... Или третье направление с поиском опоры на Западе, то есть, западничество!

Иными словами, идет поиск опоры, поиск идентификации, и в настоящее время в России все есть: и то, и другое, и третье!» (*1.1.5.*)

Мне представляется, что в последнем суждении содержится очень точная оценка ситуации, принимающая во внимание именно мировоззренческие позиции, в которых структурирующую роль выполняют «реальные образцы» разных вариантов прошлого самой России и традиционного западничества. Речь идет именно о поиске идентификации, которая должна приобрести общенациональный и общегражданский характер. 90-е годы показали, прежде всего, возможности силового столкновения обозначенных идентификаций. Эти возможности не реализовались. На следующем этапе был предложен поиск общенациональной идеи. Но и в этом направлении постигла неудача главным образом в силу глубоко укоренившегося неверия в идеологические построения различного рода.

После распада СССР доминирующими в массовом сознании россиян стали установки на здравый смысл и повседневность, на частные интересы, на адаптацию к реформам с помощью собственных возможностей и средств.

В конечном счете, это привело к ослаблению государственных институтов, к состоянию хаоса и беззакония, к такому росту преступности, который не без оснований можно сравнить только с периодом Гражданской войны!

И лишь в самом конце 90-х годов наметились первые шаги стабилизации общеполитической и социальной ситуации, на основе которых вызревает идея национальной общероссийской идентификации. При этом сама общероссийская идентификация в современном мире не может быть эффективной в том случае, если она будет строиться на противостоянии Западу как таковому. По данным последнего общероссийского опроса выявилось, что «твердые западники» среди населении России составляют около 18%, в то время как «твердые изоляционисты» — только 10%!

Но в этом месте в ход дискуссии включается новый собеседник с вопросом: а нужны ли мы Западу? Готовы ли нас там принять с распростертыми объятьями, причем такими, каковы мы есть?

И вот что по этому поводу говорит еще один эксперт, Хейнц Харбах из Билефельдского университета: «Немцы очень боятся, что русские могут потерять контроль над атомным оружием, (боятся того, что) произойдет загрязнение Северного моря. Атомные ракеты... и прочее. Это одна из главных тем, и немцы, так же, как и все западные страны боятся, что русские не имеют экономических возможностей обеспечить безопасность тех огромных вооружений, которыми они располагают. Это общее опасение!». (*1.1.7.*)

Значит, чтобы войти в западный мир в новых условиях — глобализации и общеевропейского процесса — Россия как государство и россияне как сограждане должны снять эту тревогу, представить доказательства того, что они вполне способны обеспечивать безопасность ядерных вооружений. Эпизод с подлодкой «Курск» не содействовал укреплению доверия к России.

Другое основание антироссийских настроений — продолжающийся чеченский кризис. Обратимся к примеру: 9 мая 2002 г. произошел очередной взрыв в городе Каспийске, организованный террористами. Он унес около 50 жизней, в том числе немалое число детей! До этого гремели взрывы в Москве, чеченские боевики захватывали в заложники больницы и диктовали свои условия федеральным властям (Буденновск). Заложничество практиковалось не только по отношению к россиянам, но и к иностранным гражданам. Однако до событий 11 сентября 2001 г. борьба с чеченским терроризмом не поддерживалась общественным мнением Западных стран. Она рассматривалась в качестве сугубо внутреннего дела России. Более того, некоторые из политиков и из наших респондентов рассматривали террористов как представителей сепаратистских сил, стремящихся освободиться от российской имперской зависимости!

Однако после 11 сентября 2001 г. ситуация изменилась. Россия (в том числе и Москва) оказалась первой страной, принявшей на

себя удар международного терроризма, захватившего опорные позиции не только в Афганистане, но и в Чечне.

Наконец, третье основание антироссийских настроений: «Антироссийское немецкое общественное мнение основывается на той роли, которую Россия играла в Восточной Германии. Считают, что русские разделили нашу страну и привели к власти этих саксонских коммунистов, которые поддерживали свой авторитет с помощью Гулага и т.п. Это — наиболее отрицательный образ!» (*1.1.7.*)

Таким образом высказывается по сути дела главное основнание антироссийских чувств — оно связано с интерпретацией окончания Второй мировой войны и послевоенным разделом Германии: в Западной Германии — согласно этой точке зрения — было создано свободное общество, а Восточная Германия осталась тоталитарным государством! Эта базовая идея холодной войны оказалась доминирующей и на постоянно действующей выставке в Берлине «Топография террора».

Остальные аргументы играют вспомогательную роль: «Из того, что показывают по телевидению и о чем пишут газеты о России, создается такое впечатление, что это страна криминала, мафии, насилия, войны... ну вообще, этнических конфликтов и т.д. Большинство только это и видят». (*1.1.9.*)

Приведенные суждения как бы суммируют антироссийские позиции, но им противостоят и иные — прямо противоположные оценки и высказывания.

Начнем с доктора Питера Шульце: «(Существует некоторая) базовая позиция, объединяющая все слои политической интеллигенции или политического класса Германии.

В основе ее — уважение и надежда на благоприятный исход трансформационного процесса. Это определяется тем, что политическая интеллигенция и экономические круги Германии серьезно заинтересованы в стабильном и здоровом развитии российской экономики и политики.

Но с другой стороны, они не могут закрывать глаза и не принимать во внимание реальных фактов... Они видят страну, которая не управляется законом. Она управляется незаконными элементами. А коррупция вошла в порядок дня. При этом государство и правоохранительная система не принимают серьезных мер против этого. Эта позиция, я полагаю, разделяется всеми. Это не только то, что пишут в «желтой прессе». Это впечатление, которое Россия создает сама о себе в силу того, что в ней происходит». (*1.1.12.*)

Еще одно суждение, принадлежащее проф. Э.Штёльтингу: «Кризис российской экономики я отношу к началу 80-х годов. М.Горбачев, придя к власти, попытался исправить положение дел, но это у него не получилось. Вместо подъема экономики произошел распад СССР.

Нужно сказать, что пока еще кризис не завершился. Россия ищет средства выхода из него и, по моему мнению, она решит

свои проблемы. Мой взгляд на Россию достаточно оптимистичен: страна располагает огромными ресурсами: особенно важен интеллектуальный потенциал страны. В России очень много грамотных людей и я уверен в том, что они найдут верное решение вопросов экономики.

Главная проблема России сегодня — недостаточное развитие правовых институтов и законодательства. Все предыдущие правители как Советского Союза, так и постсоветской России, не обращали внимания на то, что право и правовые институты должны стать независимыми от текущей политики. Это условие существования нормального и эффективного общества». (*1.1.11.*)

Таким образом, в последних двух суждениях высказана одна и та же мысль: в первом случае — в негативной форме, во втором — в позитивной. Трудно не согласиться с проф. Штёльтингом, который подчеркнул, что недостаточное развитие правовых институтов — главная проблема России! Обратим внимание на важную деталь: правовые институты должны стать независимыми от текущей политики! Это условие существования нормального и эффективного общества.

Немаловажным обстоятельством, влияющим на изменение образа России, оказывается смена поколений, происходящая в обеих странах.

Дифференциация мнений под этим углом зрения обстоятельно представлена проф. Ю.Фельдхоффом: «Точки зрения на современную Россию сильно различаются в зависимости от принадлежности к поколениям, от возраста.

Прежде всего, есть военное поколение. Оно еще живо. Им около 70—80 лет, и у них двойственное отношение к России.

С одной стороны, они чувствуют себя жертвами. Они знают, что были агрессорами и в этом смысле слова жертвами (!), но они не могут примириться с мыслью, что именно они были агрессорами. Они не хотят помнить того, что на самом деле произошло в их жизни.

Они были очень горды собой, когда они вернулись с войны, потому что они забыли то, что они сделали.

Сейчас в Германии прошла очень интересная выставка о вермахте во время войны. Она прошла почти во всех землях Германии. Эта выставка документов и фотографий времен Второй мировой войны. Она была инициирована из Гамбурга. Судьба этой выставки показала, что эти люди и до сих пор не могут смотреть в глаза действительности, частью которой были они сами: когда обнаружились некоторые ошибки в опубликованных фотографиях, они были этому очень рады.

С другой стороны, они помнят очень хорошо, что когда они были в советском плену — а большая их часть именно и была военнопленными, так как основная группировка немецких войск воевала на Востоке — то население окружавших сел и деревень относилось к ним по-доброму и с пониманием. Русские люди мно-

гим из них просто помогли выжить. А через плен прошла огромная масса населения!

Так что у этого поколения сохранилось двойственное впечатление.

Следующее поколение, к которому принадлежу я, было полностью ориентировано на Запад.

Я родился в 1936 г. Я не принимал участия в войне, так как был еще ребенком.

У нас не было никакого представления о русской истории или истории российско-немецких отношений. Вся история, которую мы изучали, была полностью связана с холодной войной. Холодная война определяла содержание преподавания в средней школе и вузе. То, что преподавалось по таким предметам как география или история, было чистой пропагандой. Немцы запрещали какое-либо иное знание об СССР!

В этом поколении люди очень боялись России! Некоторые из них имели личный опыт, связанный с жизнью в ГДР, с ситуациями, которые с западной точки зрения были совершенно нетерпимы. Это касалось прежде всего тех людей, которые пытались пересечь границу, чтобы навестить родственников в Западной Германии.

Теперь обратимся к тому поколению, которое было следующим после меня. Это поколение — 1968 г. Их судьба очень сложна. В принципе у них сложилось негативное отношение к России. У них сформировались антиавторитарные настроения. В 1968 г. они были молодыми студентами, как правило, настроенные революционно и просоциалистически. Но их симпатии были направлены не на Россию. Они больше симпатизировали таким лидерам как Хо Ши Мин, Мао Цзе Дун, Че Гевара. Они смотрели на Россию с точки зрения социальной революции, происходившей в третьем мире. А Россия для них не была революционной страной. Это было более или менее утвердившееся буржуазное государство и буржуазное общество. Это было общество, где была установлена «диктатура нового правящего класса». Они критически относились к ленинизму, который, по их мнению, отошел от марксистской теории. Эту точку зрения развивал, например, Дучке. Его сторонники переворачивали Ленина с ног на голову, подчеркивали идеи азиатского способа производства. Это поколение поддерживало третий мир в его борьбе и против Америки, и против советской России.

Следующее поколение — поколение ровесников моих детей — сейчас им около 30—40 лет, некоторые из них были членами социалистических групп в Западной Германии. Например, мой сын был членом Германской коммунистической партии. И как достойный член своей организации он был направлен в Москву. Он получил образование в Москве, в школе Коминтерна, которая существовала в молодежном движении. Там он встретил довольно много своих сверстников из разных концов света. Но это было в

очень напряженное время перестройки, когда никакие ценности уже не признавались. Большая часть этих молодых людей пришли к выводу, что никаких законов истории не существует. Условия жизни для них были очень тяжелыми. Единственное, что было понятно для немцев как из Западной, так и из Восточной Германии, так это были их собственные отношения. В ходе учебы они, естественно, растеряли все свои коммунистические или социалистические убеждения. Они пришли к выводу, что комсомол — это мафия! И что никакого социализма нет! Поэтому они оставили свои политические идеи и карьеру». (*1.1.17.*)

Таким образом, сравнительный анализ четырех поколений немцев показывает, что самое старшее поколение — те, кто непосредственно участвовали в войне 1941—1945 гг. и кого остается все меньше и меньше в силу естественных причин, — назовем его «поколением побежденных», хотя респондент не без оснований называет их «поколением агрессоров» — оказалось наиболее терпимым по отношению к России и СССР! Их не любили в Германии, так как они молчали о содеянном и пережитом в годы нацизма!

Победы, закончившиеся поражением, для многих из них означали и личный крах, ибо произошло разрушение принятой в годы нацистского режима системы националистических ценностей! Они действителоьно были агрессорами и старались позабыть о тех преступлениях, которые они совершили в качестве оккупантов. Однако содеянное в молодые годы вряд ли возможно забыть! Другое дело, что об этом нельзя было рассказывать, по крайней мере, тем, кто в этом не участвовал. Поэтому их жизнь прошла в своем замкнутом кругу, и в молчании, особенно со своими близкими[1]!

Они не оправдали надежд нацистского руководства и тем самым поставили под сомнение руководящую идею Третьего рейха — идею превосходства немецкой нации. Чтобы понять это поколение, важно помнить, что именно оно было наиболее активным в поддержке гитлеровского режима, и оно же понесло наиболее массовые потери во время Второй мировой войны. По данным немецких источников в Германии и Австрии во время Второй мировой войны погибло 4030 тыс. человек военнослужащих и 3204 тыс. гражданского населения[2].

Второе поколение — это «дети войны» — те, чье детство и отрочество пришлись на военные годы, как значительная часть наших респондентов. Те из них, кто оказался в Западной Германии, получили, по свидетельству Ю.Фельдхоффа, воспитание в духе холодной войны. Многие из них — получили образование в США (из наших респондентов д-р Шульце), но некоторые учились и в СССР (например, д-р П.Ян)). «Вся история, которую мы изучали, — подчеркивает Фельдхофф, — была полностью связана с холодной войной. Холодная война определяла содержание преподавания в средней школе и вузе. То, что преподавалось по таким предметам как география или история, было чистой пропа-

гандой. Немцы запрещали какое-либо иное знание об СССР!» (*1.1.17.*)

Более того, вся система образования строилась на нагнетании страха перед Россией—СССР, перед ее народом, который изображался с помощью известных стереотипов «советского человека», источником которого стало исследование российских эмигрантов, попавших в США после Второй мировой войны.

Мировоззрение следующего поколения «1968 года» определилось участием в массовых студенческих волнениях, студенческой революцией, которая привела к разрыву с ориентирами прежних лет. Это было «левое» поколение, потребовавшее уяснения вопросов, связанных с наследием нацистского прошлого и с выяснением причин Второй мировой войны. Оно потребовало информации о холокосте и иных преступлениях нацизма. Оно предъявило своего рода счет старшему поколению, выдвинув на первый план идею личной ответственности.

Студенческое движение этого времени на Западе приобрело не только общеевропейский характер, оно перекочевало и через океан — в США. Левые потребовали изменения стиля и содержания преподавания, в то же время Советский Союз воспринимался этим поколением как тоталитарная держава, которая оккупировала Восточную Европу, в том числе и ГДР. Это восприятие усилилось после того, как вооруженные силы пяти держав, подавили Пражскую весну. Героем этого поколения был Че Гевара, их интересы были устремлены к так называемому третьему миру.

Поколение 30—40-летних, то есть, тех, кто родился в 60—70-е годы, уже не интересовалось столь активно политикой. Как дети общества благосостояния, они имели возможность попробовать свои силы на разных поприщах политической деятельности, и быстро пришли к выводу о циничности политики, о бессмысленности идей общего блага в любых его вариантах, и приняли концепцию приватной жизни и личного успеха в качестве наивысших ценностей. Более молодое поколение пошло в значительной мере за «зелеными». Но и для тех, и для других общеевропейская история прошлого века остается тайной за семью печатями: сведения по этим вопросам весьма скудны, особенно в СМИ, на которых они воспитываются, а главное — интерес к ним основательно утерян, в значительной мере он вытеснен культурой телесного удовольствия.

Резюмируя содержание представленнных высказываний, можно сделать следующий вывод. В немецком национальном самосознании проблема России и русских не занимает очень много места. Она формулируется в основном специалистами, мнения которых достаточно сильно поляризированы.

Один полюс представлений: Россия — источник угрозы, ее трансформационные процессы непредсказуемы, во всяком случае, они происходят иначе, чем в Европе, чем в самой Германии. Россия как она представляется в некоторых средствах массовой ин-

формации — «потенциальный противник», поскольку противостояние между этими двумя странами предопределено исторически и «ментально».

Д-р Питер Яан так резюмирует свою позицию, опираясь на систематическое отслеживание западной прессы: «Когда я читаю корреспонденции из Вашингтона, Лондона, Парижа, Варшавы или Праги, то замечаю что тон их таков: «Это — интересное общество. Читатели должны о нем знать». Критика, разумеется, допустима, но установка такова, что корреспондент в целом действует в интересах улучшения наших отношений.

Но применительно к России ситуация выглядит иначе! Похоже на то, что Россия рассматривается в качестве «потенциального врага». Не «потенциального друга» и не «актуального врага», а именно «потенциального врага». Такая установка еще остается» (*1.1.6.*)

Выше мы уже видели, (не следует забывать, что опрос проводился в 2000 г.), что в массовом сознании немцев — по мнению наших экспертов — Россия это страна беззакония, по отношению к ней нужно быть постоянно на стороже. Она обладает мощными ресурсами, в том числе ядерными вооружениями, но не имеет средств управлять этими ресурсами рационально. Скорее всего, в силу иного понимания самой рациональности.

Противоположные (позитивные) суждения о России опираются на оценку ее интеллектуального потенциала и ее ресурсов. Некоторые из наших респондентов просто «верят в Россию» как страну глубокой и самобытной культуры. В традициях России — не только войны с Германией и германофобия, но и тесное культурное взаимодействие: в российской культуре (философия, литература, музыка) просматривается немецкое влияние. Традиционное отношение к России со стороны немецкой интеллигенции, доминировавшее после Первой мировой войны — эмоционально-романтический комплекс, оказалось в значительной мере вытесненным в годы войны и после нее.

Два исторических события имеют первостепенное значение для структурирования образа России в современном немецком самосознании. Первый — это война, нападение Германии на Россию—СССР и последовавшее поражение Германии, неожиданное для массового сознания, и ***в какой-то мере необъясненное и до сих пор***.

Второе — послевоенный раздел мира, опиравшийся на новое соотношение сил, подкрепленное идеологией холодной войны. Это была целая эпоха с нагнетанием отчуждения и враждебности. Причем именно разделенная Германия была во многом полем битвы уже не в горячей, в холодной войне!

Событийный ряд этого периода достаточно хорошо известен. Послевоенный раздел Германии и Берлина на оккупационные зоны мог служить прочным основанием status quo лишь до той поры, пока сохранялся военный паритет между великими держава-

15 Заказ № 1007

ми. В то же время в отношениях между бывшими союзнаками после окончания войны возобладало недоверие.

Недоверие стало накапливаться сразу же после смерти Рузвельта. Политическое руководство западных стран не доверяло Сталину, подозревая его в стремлении практически подойти к вопросу о победе «коммунизма» во всемирном или, по крайней мере, в общеевропейском масштабе. Сталин же не мог доверять Трумену и Черчилю, поскольку первый в Японии без видимой военной необходимости — продемонстрировал разрушительную силу ядерного оружия, а второй оформил доктрину «железного занавеса» в своей фултонской речи.

В то же время важнейшим инструментом послевоенного урегулирования спорных вопросов стала Организация Объединенных Наций и ее Совет Безопасности с правом вето каждого из пяти его постоянных членов.

Это не мешало каждой из сторон проводить собственную политику в отношении побежденной Германии.

Запад взял курс на восстановление экономической мощи Германии с помощью плана Маршалла.

Через четыре года после окончания войны режим оккупации прекратился в Германии де-юре. 21 мая 1949 г. была образована Федеративная Республика Германия, и лидер христианских демократов Конрад Аденауэр одержал победу на выборах при острой конкурениции с социал-демократической партией[3].

В 1946 г. в ГДР было проведено объединение социал-демократов с коммунистами, и представитель коммунистического крыла Вальтер Ульбрихт возглавил Социалистическую Единую партию Германии. В октябре 1949 г. было образовано второе немецкое государство — Германская Демократическая Республика.

Разумеется, политика ФРГ формировалась как полностью проамериканская, а политика ГДР — как просоветская.

Запад, располагая более мощными экономическими ресурсами, стремился использовать свои преимущества. В апреле 1949 г. был заключен Договор 11 государств во главе с США, получивший название Северо-Атлантического Союза (НАТО). В ответ на это был заключен Варшавский договор под эгидой СССР. Холодная война приобрела законченные очертания — она стала средством балансирования двух политических блоков на грани настоящей войны, и мощным стимулом гонки вооружений.

«К 1949 г. «железный занавес», охарактеризаванный У.Черчиллем в 1946 г., стал реальностью. С появлением американской мощи в Европе, равновесие сил в этой части света было восстановлено, и оно не могло было быть разрушено без нарушения всеобщего мира. А поскольку каждая из сторон изображала сложившийся конфликт как идеологический, то и шансы на его разрешение с помощью обычных дипломатических средств были ничтожны. Каждая из сторон боролась за то, чтобы защищать свободу во

всем мире — либо от «Западного империализма», либо от «Советского коммунизма»[4].

Таков был международный фон внутригерманских процессов, весьма остро сказывавшийся на проблемах сосуществования двух Германий и управления Западным Берлином, которые оставались в сфере компетенции Западных держав. С конца 40-х годов это вызывало периодически возникавшие кризисные ситуации: например, реформа западногерманской марки западными союзниками с дестабилизирующими последсвиями для экономики Восточной Германии, попытка изоляции западной части Берлина от Западной Германии (и прорыв блокады с помощью американской авиации (1948 г.); волнения рабочих в Восточном Берлине и других городах ГДР, вызванные повышением норм выработки, и подавление этих волнений с помощью советских танков по просьбе правительства ГДР (17 июня 1953 г.); систематическое бегство специалистов из ГДР в ФРГ, решение властей ГДР о воздвижении Берлинской стены (август 1961 г.) и т.д.

Обратим внимание на следующие моменты возникшего противостояния. Прежде всего, весь этот событийный ряд представлял собою одно из ключевых направлений холодной войны, нагнетания отчужденности и усиления недоверия между противостоящими политическими системами. Каждая из сторон была уверена в своей окончательной правоте, а сама эта уверенность опиралась и являла собою выражение соответствующих военно-промышленных комплексов. При этом каждый шаг, предпринятый одной из сторон, сразу же, или с некоторым промедлением, вызывал ответный шаг другой стороны. Иными словами, конфликт двух немецких государств развивался таким образом, что тупиковая ситуация становилась все более безвыходной. До 1970 г. между руководителями двух Германий не было никаких контактов. Два государства создавали два немецких общества, опираясь не только на внешнюю поддержку сверхдержав, но и на особенности немецкого регионального менталитета. В одном лагере ведущими в этом плане были Пруссия и Саксония, в другом — Рейнская область, Вестфалия, Бавария.

Динамика политической борьбы диктовала образ России. Политическая элита ГДР рассматривала Советский Союз в качестве «старшего партнера», освободителя от фашистской диктатуры и позора нацизма, страну, воплощавшую в сознании марксистов главную надежду «передового человечества, возглавляемого рабочим классом». Те представители этой элиты, которые получали образование в Москве в послевоенные годы, получали определенный заряд уверенности в правоте своих идей, поскольку они приобщались к российским ценностям, к великой культуре России и СССР, эмоционально привязывались к своей второй родине.

Э.Хаан свидетельствует именно об эмоциональной насыщенности общения с советскими коллегами, продолжавшегося вплоть до начала 90-х годов. Вместе с тем, этот образ рационализировался

на основе теоретической конструкции социализма, возникшей на немецкой почве, на почве немецкого рабочего движения XIX и XX вв. Маркс и Энгельс, Август Бебель, Карл Либкнехт и Роза Люксембург были носителями «священного» начала. Вместе с тем, для правящей элиты ГДР эмоциональная насыщенность отношений с советскими и русскими помогала преодолеть чувство вины за злодеяния гитлеровцев на советской земле. Большая часть их идентифицировала себя с «Красной капеллой» — группой немецких молодых людей разного социального происхождения, принявшими сторону Советского Союза задолго до начала агрессии и продержавшихся в подполье до конца 1941 г.

Другие имели в качестве своих идеалов Э.Тельмана, В.Пика, Г.Димитрова. Они «верили» в Интернационал, который был их гимном. Иной образ Советского Союза, формировавшийся по ту сторону Берлинской стены и границы с ФРГ, рассматривался ими как кощунственный, провокационный, враждебный, «неадекватный действительности».

Классовая идеология и классовая точка зрения, безусловно, были доминирующими конструктами их политического мышления, и с этих позиций они формировали взгляд общества на своих восточных соседей. В каких-то случаях они оказывались большими католиками, чем Папа. Во всяком случае, В.Ульбрихт был одним из главных инициаторов осуждения Пражской весны и ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году.

Образ России—СССР, формировавшийся на Западе, был менее эмоционально насыщен, хотя он пропагандировался с неменьшей активностью с помощью западных средств массовой информации. Теоретической основой этого образа служили две идеи. Во-первых, идея тоталитаризма, сближавшая СССР с фашистской Германией, КПСС с НСДАП, КГБ с гестапо, Сталина с Гитлером. Во-вторых, идея «оккупации» Советским Союзом территории Восточной Германии с помощью марксистов ГДР, которые преподносились в виде марионеток кремлевской политики.

Важную роль в моделировании этого образа служил запрет на информацию о реальной жизни СССР (*1.1.17.*) и замалчивание фактов, относящихся к истории германо-советской войны (см. интервью с И.Освальд, которая в школьном возрасте — то есть, до 18 лет — даже ничего не слышала о войне и ее зверствах (*6.4*)).

До 1985 г. ни один из западногерманских политиков не мог произнести даже слова «освобождение» применительно к окончанию войны! ***Ни политики, ни интеллектуалы ФРГ не отдавали себе отчета в том, что сам термин «поражение Германии» в качестве доминирующего применительно к событиям 8—9 мая 1945 г. включает в себя элемент идентификации с фашизмом.***

Итак, раздвоенная Германия порождала раздвоенный образ СССР и России. Поэтому объединение Германии создало предпосылки для преодоления этой раздвоенности. Но это произошло в тот момент, когда Советский Союз распался, завершил свое суще-

ствование, и когда на европейскую политическую арену вышли «нежданно, негаданно» новые государства как бы из лона этой великой державы, давшей жизнь другим государственным образованиям ценой своего собственного существования. Германии и Европе в целом предстояло освоить эту новую реальность. Об этом — применительно к России — и идет речь в этой книге.

[1] Это молчание в качестве социально-психологического феномена было проанализировано в конце 60-х годов Александром и Маргаритой Митчерлих в их работе «Die Unfähigkeit zu trauern» («Неспособность к скорби»). На основе анализа многих ситуаций внутрисемейного поколенческого разрыва, был сделан вывод о необходимости «переработки прошлого» в индивидуальном и коллективном немецком самосознании как условии развития институтов демократии в ФРГ.

[2] Deutsche Geschichte 1933—1945. Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik. Hrgb von W. Michalka. Fischer Taschenbuch Verlag. S. 380.

[3] «Первые выборы прошли в августе 1949 г. Ожидалось, что большинство наберет Социал-демократическая партия, где доминирующей фигурой был Курт Шумахер. Однако после подсчета бюллетенеей оказалось, что вперед вырвался блок ХДС-ХСС Конрада Аденауэра с 31% голосов по сравнению с 29,2%, подаными за СДПГ, и 11,9% — за СвДП» (Г.Крейг. Немцы. М.: «Ладомир», 1999. С. 40).

[4] Wegs J.R. (University of Notre Dame), Ladrech R. (Keele University). Europe since 1945. A Concise History. Fourth Edition, St. Martin’s Press, MacMillan Press Lmd, 1996. P. 19. Мы цитируем этот источник как одну из немногих книг, в которых выражено понимание взаимной ответственности сторон за развязывание холодной войны и продолжение гонки вооружений.

2. ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Радикальное изменение отношений между ФРГ и Советским Союзом наметилось в середине 80-х годов. С приходом к власти М.Горбачева начался интенсивный поиск новых отношений между двумя европейскими державами, что в конечном счете привело к разрушению Берлинской стены и воссоединению Германии. Большая часть наших экспертов рассматривает это в качестве крупнейшей вехи в истории Германии, причем причины этих событий видят не в поражении Советского Союза в холодной войне, а в инициативах М.Горбачева, который понял требования времени, понял необходимость воссоединения немецкой нации (народа) и создания единого немецкого государства.

Обратимся к оценкам наших экспертов: «Реформы в России, начавшиеся в 1986—1987 гг. под флагом перестройки и гласности, поначалу были встречены с определенной осторожностью, поскольку прежний опыт не внушал больших надежд. Но когда немецкая публика и политические элиты — руководство партий и правительственные круги — убедились в том, что это не временные изменения, что в основе их лежат серьезные намерения переструктурирования политической и экономической системы российского общества — в то время Советского Союза, — тогда немецкое общественное мнение оценило горбачевские реформы как весьма и весьма положительные.

Что бы ни говорили потом, эти реформы вели прямой дорогой к объединению Германии и к падению железного занавеса, разделявшего Европу. В сознании немцев сложилось убеждение, что главный результат этих реформ состоял в прекращении холодной войны, в объединении Европы и Германии». (*1.3.10.*)

Другой эксперт утверждает: «Мнение о российских реформах в Германии консолидировано в том отношении, что никто не говорит и не верит в возможность поворота назад, в восстановление коммунистического, советского политического режима. В самом начале существовали опасения по этому поводу. А сейчас, я думаю, что поворота назад не будет!

Но относительно будущего, здесь нет единой точки зрения. И даже экономический кризис, падение рубля воспринимались без особого беспокойства... Так что пространство неопределенности еще сохраняется». (*1.3.13.*)

Практически Горбачев разорвал отношения с правящей элитой ГДР. Сошлемся в данном пункте на Э.Хаана — также одного из

наших респондентов: «3 октября 1990 г. ГДР официально была включена в состав Федеративной Республики! И, естественно, каждый год это событие отмечается. И вот 3 октября 1991 г. по нашему телевидению передавали интервью с Горбачевым. Он давал интервью, и он не сказал ни одного слова о том, что страна, в которой работали его друзья, более не существует! Ни единого слова! Он говорил обо всем, я не знаю, о чем он только не говорил! Но это было как будто с другой планеты! Ни единого слова!» (*2.3.15.*)

Объединение Германии явилось важным, может быть, решающим шагом на пути крушения «советского блока», а затем, и распада СССР. Поэтому Горбачев в Германии — любимый российский политик, почти национальный герой немецкого народа! Во всяком случае, это — *политический деятель европейского и мирового масштаба, попытавшийся претворить в жизнь — во многом в одностороннем порядке — идеи «нового политического мышления»*. В строительстве мира без насилия между государствами он усматривал содержание государственных интересов СССР на последнем этапе его драматической истории.

Из суждений наших экспертов можно предположить, что на общественное мнение Германии особое влияние оказала публикация аналитической статьи Ганса М.Энценбергера «Die Heldung des Hotzugs» («Разворот на полном ходу»), основная мысль которой заключалась в том, что «революции в Восточной Европе произошли фактически по инициативе руководящих политических деятелей, которые, так или иначе, приняли эти преобразования». «Это наблюдение верно относительно почти всех стран, за исключением Румынии. Люди, которые потеряли власть в ходе этих революций, на самом деле активно участвовали в их подготовке. У Энценсбергера главным героем является Горбачев, который сам это делает, избегая при этом кровопролития». (*1.3.1.*)

При преобладании позитивных оценок реформирования слышны и более осторожные голоса.

Вот суждение М.Кейзера: «Наблюдаются и определенные демократические перемены, но здесь у меня есть сомнения относительно функционирования системы партий. Может быть, на самом деле олигархия управляет страной. ...Если на самом деле правительством управляют подобные группы, то я против этого. И в этом я вижу большой минус, который также является следствием реформ.

Дело в том, что демократию весьма трудно внедрить за короткое время при таком повороте событий, связанных со сломом прежней системы.

Кроме того, очевидны большие изменения в социальной структуре. У вас огромная дифференциация, образовались новые богатые, новый средний класс.

И только очень немногие люди имеют доступ к власти и деньгам, имеют работу, заняты торговлей, и вообще чем-либо заняты.

Этот круг людей выиграл, и выиграли даже их дети или другие родственники, которых они посылают за границу на учебу.

Но с другой стороны, совершенно очевидно, что возникло много бедных. Их теперь можно видеть на улицах Санкт-Петербурга — людей, подбирающих пищу из мусорных ящиков или копающихся в отбросах на свалках». (*1.3.2.*)

Итак, реформы необратимы, и, прежде всего, они необратимы с точки зрения отношений собственности, невозможности восстановления государственного планирования в полном объеме, механизмы которого заменены рыночными отношениями. Еще более очевидной для западного набюдателя является необратимость изменений политической системы, какое бы название для нее не использовалось. Очевидно, что невосстановима система советской власти, основанная на однопартийном контроле за принятием решений.

Принята и та точка зрения на инициацию реформ, что они оказались проведенными по инициативе сверху. Они не сопровождались актами массового протеста, массовый элемент включался лишь в период обострения внутрипартийной или межгрупповой борьбы, и он никогда не объединялся на общей платформе против руководства в целом. Отчасти этому способствовали конкретные формы утверждения демократии, использованные горбачевским крылом КПСС. Первый съезд народных депутатов представлял собою необычный, никогда не практиковавшийся общенародный форум, демонстрировавший торжество гласности. Не было ни одной серьезной проблемы внутреннего или внешнего характера, которая бы не была затронута — чаще всего с большой основательностью — на этом форуме.

Другой вопрос, что организационная и оперативная проработка этих проблем оказалась не адекватной моменту, так как сама верхушка руководства партией и государством оказалась расколотой, она не умела и даже не хотела искать компромиссов и взаимоприемлемых решений. Наши эксперты точно констатируют: распад СССР был вызван «борьбой между общесоюзным и российским руководством!» (*1.2.3.*)

По сути дела, образ России, равно как и оценка реформ, менялись не сами по себе, а в связи с меняющейся картиной мира. Безусловно, наиболее трудным для усвоения этого образа оказывается прекращение существования биполярного мира, где Россия и США были центрами противостояния и притяжения своих блоков.

Стремление к мышлению в прежних категориях холодной войны невольно влечет к упрощенному пониманию событий: Россия рассматривается в качестве «заменителя СССР», ей приписывается прирожденное стремление к великодержавности. Для этого используется внутрироссийская риторика националистических сил правой и левой ориентации.

При такой интерпретации событий задачи западной политики усматривают в необходимости восстановить кордоны вокруг Рос-

сии с помощью НАТО, препятствовать стабилизации ее экономического развития, опутать ее невыгодными кредитами, в максимальной степени подчинить ее западной экономике или, по крайней мере, обеспечить доминирование западных экономических интересов. Такая линия по отношению к России просматривалась отчетливо со времен косовского кризиса, и вплоть до событий 11 сентября 2001 года.

И все же главный момент, имеющий принципиальное значение для оценки реформ в России в немецком самосознании, это объединение Германии. Внутренние процесссы, происходящие в самой России, отодвигаются при этом на задний план. Криминализация экономики и политики времен Ельцина, элементы авторитаризма, даже продолжение военных действий в Чечне, обнищание значительной части населения — все эти внутренние аспекты реформирования России не сопоставимы с тем, что сама Германия стала единой европейской державой, что она восстановила свой статус среди своих непосредственных соседей — Франции, Великобритании, Польши, других стран восточной Европы. Что касается отношений с Россией, то здесь в наибольшей мере утверждается формула прочного экономического партнерства и позитивной оценки связей как на межгосударственном, так и на неправительственных уровнях.

3. СССР И РОССИЯ

Новая ситуация, сложившаяся с распадом СССР, позволяет, по крайней мере, для немцев, по-новому интерпретировать итоги Второй мировой войны. Можно сказать, что Германия 22 июня 1941 г. напала не на Россию, а на СССР. И поражение она потерпела не от России, а от «России—СССР», (термин, предложенный В.Кожиновым). Страны-победителя, страны, от которой Германия потерпела поражение, больше не существует, и, следовательно, гораздо легче принять формулу забвения самой войны! Тем более, что радикальное идеологическое оправдание российских реформ подчас связывается с ошибочностью исторического пути, избранного Россией в 1917 году!

Среди официальных экспертов Германии преобладает мнение: «Советский Союз был воплощением коммунистической империи. В его состав входило множество народов, которые были независимы в формальном смысле, и выступали как носители своеобычной культуры. Возьмем, к примеру, республики Балтии — Литву, Латвию, Эстонию. Или Молдавию, которая определенно не была частью России. Или Закавказье: Армения, Грузия, Азербайджан. В этом смысле менее проблематичным было положение Белоруссии, которая никогда не была самостоятельным государством, может быть, и Украины. Только эти три славянские республики Советского Союза и составляли нечто связное целое. Они и могли составлять русский народ. Но относительно Западной Украины в этом отношении остаются большие сомнения. ...Так что проблема Советского Союза не так проста! Это была империя, которая подавляла все эти народы.

А титульные нации, как Вы знаете, были первыми, которые захотели из нее выйти!..

Это было так же, как и при царях. Они хотели все больше и больше от этих стран... Я думаю, что невозможно устранить из истории СССР период сталинского руководства... Например, если взять Эстонию или Латвию, то, пожалуй, нет ни одной семьи, которая бы не пострадала. И они этого не забудут! Я имею в виду, что рассматривать нужно не только перестройку или годы после смерти Сталина. В целом весь этот период был травматическим для большей части республик. А крымские татары! А все другие народы, которые он уничтожал!» (*1.2.5.*)

В этом рассуждении одного из ведущих политологов ФРГ много пафоса, но ему не достает фактической опоры и, прежде всего, использования данных о ходе революции 1917 г., о Гражданской войне, расколовшей не только русский народ на белых и

красных, но, практически, и все другие народы царской империи. Использование термина «империя» применительно к СССР имеет примерно тот же смысл, что и использование термина «тоталитаризм», к которому мы еще вернемся. Закавказье бесспорно было частью Российской империи.

Напомним, что отношение к Первой мировой — империалистической — войне стало главной осью раскола всего российского общества — от Петрограда до Владивостока, от Архангельска до Закавказья и Средней Азии. Гражданская война между «красными» и «белыми» была продолжением этого раскола. В этой войне были задействованы и немецкие оккупационные силы на Украине, и британские — в Закавказье, и японские — на Дальнем Востоке, и американские — в Архангельской области.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик — сформировался, как известно, лишь в конце 1922 г. Заключение договора о создании СССР было легитимизацией Советской власти и победы большевиков в гражданской войне в пределах территории бывшей царской России (за некоторыми исключениями, касающимися Молдавии и Прибалтики). Что касается столь важных составляющих империи как Финляндия и Польша, то они получили независимость из рук первого состава Советского правительства. Через несколько лет СССР получил и международное признание.

Проф. Клингеманн затрагивает и судьбу «Прибалтийских республик», имея в виду их присоединение к СССР на основе соглашений с гитлеровской Германией (пакт «Молотова—Риббентропа» 1939 г.). Один из важнейших аспектов, которые необходимо было бы учитывать при более взвешенном подходе, состоит в том, что эти соглашения (позорные для Советского руководства) были заключены после известных Мюнхенских соглашений 1938 года по поводу судеб Чехословакии четырьмя руководителями европейских государств — Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладье.

Именно мюнхенский сговор обозначал реальный вектор территориальных притязаний Третьего рейха. Западные державы готовы были пойти на все, в том числе и на нарушение договоров, гарантирующих безопасность Польши, только для того, чтобы создать общую границу между Германией и СССР (без такой границы столкновение сухопутных войск было бы невозможным!).

Несомненно, что за последние годы наиболее сильное влияние на восприятие истории СССР, оказала концепция тоталитаризма. Некоторые из наших рнспондентов воспроизводят именно этот подход, но в этом вопросе нет единодушия.

Обратим внимание на позицию проф. Зегберса: «Я не очень-то люблю термин "тоталитаризм", поскольку у этого термина есть своя специфика, особенно в применении к Германии... После Второй мировой войны этот термин служил способом "нормализации" национал-социализма. Этим термином можно было охватить все: и национал-социализм, и коммунизм, и реальный социализм,

и итальянский фашизм, и т.д. — и то, и другое, и третье, и четвертое. А специфика потерялась.

Были тогда люди и группы, которые намеренно, по-моему, этим занимались. К тому же, этот термин очень сильно политизирован. Это то, что мы называем Kampfbegriff — "термин борьбы", политической борьбы. Поэтому, как специалист, как ученый, я считаю, что это не очень продуктивный термин!..

Другой вопрос, ...в какой степени тогдашнее начальство, руководство обеих стран... поступали так или иначе, руководствуясь какими-то идеологическими убеждениями, или, с другой стороны, прагматическим расчетом. Это очень спорный вопрос в историографии...

Мне лично кажется, что если бы нам удалось интерпретировать конкретное поведение и советского руководства, и немецкого руководства без того, чтобы смотреть на какие-то там идеологические обоснования, тогда это было бы более убедительно, чем использовать идеологические клише. Они, скорее, даже мешают понять, что же конкретно и на самом деле происходило. Это относится и к советскому руководству, и к немецкому руководству.

И есть сильные сомнения относительно того, в какой мере, действительно, идеологические стереотипы служили в качестве конкретного повода поведения...

В Советском Союзе были очень конкретные задачи: после краха старого режима построить новое государство, модернизировать страну в очень сложных обстоятельствах и условиях... Там были жесткие споры насчет выбора пути этого развития в 20—30-х. И это нужно понять, рассматривая конкретно варианты, которые были предложены разными группами.

В Германии тоже была очень сложная ситуация. После Первой мировой войны, тоже были поставлены конкретные задачи реинтеграции страны в мировое, или в Европейское сообщество. Были очень трудные социально-экономические условия... у очень многих людей в обществе был конкретный опыт или боязнь конкретного опыта социального... ну как сказать.., чтобы не потеряли те позиции, которые были у них раньше.

Т.е. были очень конкретные условия, задачи в обеих странах. Были разные попытки политического, экономического, социального регулирования этих задач и этих процессов.

Естественно, идеология присутствовала, но была ли она действительно доминирующим фактором? Я лично сомневаюсь». (*2.4.1.*)

Важно и то обстоятельство, что при анализе причин распада СССР и Советской системы в целом, респонденты акцентируют внимание на внутренних причинах. «Распад системы произошел в силу внутренних причин, — подчеркивает д-р Шульце, — Дело в том, что советское руководство, советская система не могла справиться с задачами управления экономикой и обществом. И идеология перестала работать, она перестала кого-либо интересовать.

Самым неожиданным элементом распада было то, что ценности прекратили действовать в один момент. Все потеряло значение!

И это стало ясно, когда Ельцин запретил Коммунистическую партию. Как могло случиться, что в один момент исчезла партия, насчитывавшая около 20 млн человек? И никто не пошевелил пальцем. Это показало, насколько слабой и прогнившей была система. Нечего было защищать! Такова была ситуация в Советском Союзе, в России в 1991 г.». (*1.2.7.*)

По этому поводу трудно что-либо возразить!

Есть, правда, мнение другого эксперта. И.Освальд утверждает: «В каком-то отношении жалко, что произошел распад Союза! Это был весьма интересный в политическом отношении эксперимент. Я не имею в виду коммунизма. Важнее другое. Это было своего рода международное сообщество наподобие Европейского Союза или США! Почему бы не мог существовать и Советский Союз в этом качестве?» (*1.2.6.*)

В целом причины распада СССР нами были детально проанализированы[1]. К тому, что было сказано ранее, нужно добавить следующие соображения. СССР в 1922 г. не создавался навечно. Его Конституция предусматривала условия выхода республик из Союза, так что распад СССР произошел легитимно. Во-вторых, СССР выполнил к середине прошлого века свое «историческое предназначение». Жесткими методами он провел индустриализацию страны и обеспечил превращение малограмотного населения в то, что называлось кадровым потенциалом промышленности, сельского хозяйства, системы здравоохранения и образования, а главное, создал кадровый потенциал Красной Армии, которая, несмотря на поражение в 1941 г., вышла вместе со всем народом победителем в войне на уничтожение. Именно так ставился вопрос гитлеровским командованием.

Сталин — при всей его склонности к жестокости — никогда не ставил задач «уничтожения» ни по отношению к Германии, ни по отношению к немцам!

Переселение же крымских татар, немцев Поволжья, ряда кавказских народов было, разумеется, преступлением сталинского руководства. Однако принятие этих решений все еще нуждается в глубоком изучении с привлечением архивных материалов ведомства Розенберга и КГБ[2].

Как уже отмечалось, некоторые эксперты выражают сожаление о распаде СССР (*1.2.6.*), в другом случае подчеркивается необходимость бережного отношения к советскому наследию, в особенности, если речь идет о культурных аспектах и о судьбе простых людей (*1.2.9.*) Третья позиция — обнаружение в советской культуре все более основательных русских или российских корней (общественных отношений и форм повседневной жизни. — *А.З.*). (*1.2.4.*)

Еще раз подчеркнем, завершая анализ проблемы «СССР—Россия» — наиболее важный ее аспект заключается в том, что из всех

европейских государств только СССР сумел за короткий исторический период — практически за два десятилетия — создать материальную базу будущей Советской Армии, которая оказалась единственной континентальной армией (наряду с Югославской армией), сумевшей противостоять агрессору с 1941 по 1944 г. при моральной и технической поддержке союзников, а с июля 1944 по май 1945 г. и при поддержке второго фронта. Советские танки Т-34 превосходили по своим качествам новейшие достижения в танкостроении, созданные немецкой промышленностью. То же самое можно сказать и об авиации — истребительной, штурмовой, дальнего действия. Советские пушки также не уступали по своим боевым качествам немецкой артиллерии.

По сути дела, именно обеспечение обороноспособности страны и превосходства в вооружениях было основной мобилизационной целью политического руководства страны в довоенный период. С начала 30-х годов советское руководство постоянно отслеживало нарастание милитаризации Германии. Разумеется, эти практические цели рассматривались в качестве *задач реальной политики.* О них знали те, кто непосредственно участвовал в их осуществлении. Что касается общества в целом, то его мобилизация осуществлялась на основе более широкой перспективы построения социализма в одной отдельно взятой стране.

В стратегическом плане руководство СССР исходило из разных возможностей военного развития событий. Вполне вероятно было объединение вокруг Германии всех демократических или «империалистических» стран на основе общей ненависти к «коммунизму», который представлялся общим врагом западной цивилизации. Вторая возможность состояла в обострении «внутриимпериалистических» противоречий на основе всеобщего экономического кризиса 30-х годов. В этом случае, непосредственная военная угроза против СССР отодвигалась, и страна могла рассчитывать на более или менее длительную передышку. Но, даже допуская такую возможность, Сталин не смог допустить в свое сознание третий вариант развития военных действий — развязывание войны немецким фашизмом одновременно на двух фронтах: против «гнилых либералов» в лице Англии, Франции и всей Европы, и против «еврейского коммунизма» в СССР. За этот просчет Красная Армия заплатила непомерно высокую цену!

Один из результатов Второй мировой войны состоял в том, что Советский Союз сохранился, что он — при поддержке союзников, — одержал победу над самым бесчеловечным режимом XX века.

В послевоенной ситуации перед сталинским руководством открылись несколько возможностей. Во-первых, продолжить военные действия против европейских демократий под флагом установления «социалистической системы» во всем мире или, по крайней мере, в Европе; вторая возможность — ограничиться тем, что было согласовано между союзниками в ходе Ялтинской конференции и подтверждено Потсдамскими соглашениями.

Третья возможность состояла в том, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах развития советского общества, вывести свои войска из Германии и других восточно-европейских стран, принять предложения плана Маршалла для СССР ценой некоторых изменений в сторону демократизации политической системы. Оценив обстановку в целом, в том числе, приняв во внимание наличие ядерного оружия у США, Сталин отказался от первого варианта.

За основу внешней политики был принят второй вариант, восстанавливавший имперские традиции царской России.

Третий вариант — возможно, наиболее эффективный, — был отвергнут без обсуждения, поскольку он затрагивал вопросы чести и престижа в отношениях между бывшими союзниками.

Однако, послевоенная история СССР в определенном смысле может быть истолкована как постепенный переход именно к третьему варианту в развитии международных отношений. По сути дела через полвека после окончания войны, Россия пришла к необходимости принять именно этот — третий вариант! Такое истолкование событий подкрепляется тем, что Советский Союз, испытывая гораздо большее давление от гонки вооружений, выступал за мирное существование двух систем, и, руководствуясь этой концепцией, неоднократно выступал с внешнеполитическими инициативами, направленными на смягчение международной напряженности.

Возвращаясь к нашему вопросу, который ставился перед немецкими экспертами относительно тождества СССР и России, нужно признать, что однозначный выбор при ответе на этот вопрос — либо это та же самая, либо другая страна — вряд ли выражает верную позицию! В определенной мере верно и то, и другое. Россия сформировалась в недрах СССР, и она не может обойтись без того наследия — экономического, культурного, кадрового, который был создан в советском политическом пространстве. Отрицать преемственность с Советским Союзом, и требовать восстановления дореволюционных традиций — означает прежде всего призыв к невозможному!

Отождествлять Россию и Советский Союз, не видеть необратимых перемен в политике и менталитете — другая крайность, столь же нереалистическая, как и ошибка первого рода. Россия вышла из состояния международной изоляции благодаря экономическим и политическим преобразованиям. Она становится нормальным государством и обществом, ориентированным как на решение своих внутренних проблем, так и на развитие международного партнерства и сотрудничества.

[1] См. наши работы: Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1996,1998; Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999.

[2] Известный американский историк Второй мировой войны С.Митчем пишет следующее о политике генерала Э.Клейста — командующего группой армий «А», действовавшей в северо-кавказском регионе. Клейст включил в состав своего штаба двух специалистов по России: генерал-лейтенанта риттера Оскара фон Нидемейера — в прошлом военного атташе германского посольства в Москве, и генерал-майора Эрнста Кестринга — профессора геополитики Берлинского университета. Последний «сформировал 162-ю дивизию и стал ее командиром». «Эта часть состояла из уроженцев Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркестана, Ирана, Афганистана и других восточных территорий... Нидемейер не стеснялся в критике нацистской политики на Востоке, согласно которой негераманские народы Советского Союза считались недочеловеками. Он и Кестринг оказали немалую помощь Клейсту своими советами несчет того, как обращаться с неславянским населением оккупированных территорий. В результате 825000 человек встали с оружием в руках на борьбу с коммунизмом. Среди них были карачаевцы, кабардинцы, осетины, ингуши, азербайджанцы, калмыки, узбеки и в первую очередь казаки. Почти все они были набраны в вермахт в районах, где действовали войска Клейста. В сентябре 1944 г. Гитлер разрешил этим людям перейти на службу в РОА под командованием бывшего советского генерала Власова, но к тому времени... война была уже проиграна» (Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1999. С. 138).

4. КОНТЕКСТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Еще одна нетривиальная интерпретация различий между СССР и новой Россией предложена проф. К.Зегберсом. Она связана с разработкой концепции глобализации: «Для меня лично, — утверждает он, — самый интересный аспект в следующем: Советский Союз — несомненно, был государством, а Россия — это вряд ли государство!

Отсутствуют почти все классические атрибуты государственности. Т.е. нет монополии власти, нет эффективной администрации, нет совершенно понятных и ясных границ вокруг России. Достаточно серьезные проблемы с национальной идентичностью со стороны населения. Очень много разных голосов, даже на уровне начальства, руководства, буквально по каждому отдельному вопросу. Неэффективность сбора налогов, неэффективность военного призыва и т.д. Т.е. является ли сегодня Россия государством — это, мягко говоря, большой вопрос!

Но, как раз, поэтому Россия для меня очень интересна, поскольку мне кажется, что это вовсе не специфика страны, а это — некоторая общая (мировая) тенденция.

И те тенденции современной политологии, которые мне особенно интересны, привлекают наше внимание к весьма важному вопросу: governance without govermement — регуляция без правительства или государства. Всюду можно наблюдать, что очень важные потоки финансов, коммуникации, транспорта, миграции идут мимо... государственных каналов регулирования. Государство еще существует как-то физически, но оно уже не так влияет, как раньше. И в этом процессе наблюдаются очень интересные параллели между так называемыми развитыми промышленными странами, с одной стороны, и восточно-европейскими странами, с другой, включая Россию». (*1.2.2.*)

Однако этой крайней позиции относительно оценки государства в современных условиях противостоит иная точка зрения, высказанная эеспертом О.Александровой: «Пока еще государство не утратило свое значение, государство еще во многих (странах) достаточно сильно, и оно должно выполнять достаточно много функций (и в условиях глобализации и независимо от этих условий): это функции охраны общественного порядка, функции определенного регулирования. Ведь нельзя сказать, что... тут все пущено на самотек. Нет и нет! На эту тему уже и в России достаточно написано: глобализация не означает чрезвычайно сильного вмешательства государства в общественную жизнь. Оно предполагает правовое регулирование, т.е. определенное законодательство, наблюдение за тем, чтобы это законодательство соблюдалось, чтобы

это все осуществлялось, претворялось в жизнь и, в случае нарушения (законов) принимались определенные меры. Поэтому, может быть, в каких-то отношениях роль государства несколько уменьшается, но оно пока еще не отмирает...» (*2.1.4.*)

Несомненно, проблема, сформулированная проф. Зегберсом, существует. Эта проблема возникла не сегодня, и даже не в послевоенное время. Она была поставлена в начале прошлого века в связи с формированием международного финансового капитала: денежные потоки не контролируются непосредственно государственной властью. Более того, подчас государство оказывается должником финансовых структур. Однако характер влияния финансового капитала и правовых установлений принципиально отличаются друг от друга. Финансовый капитал, это, как правило, поток инвестиций в такие отрасли экономики, где ожидается большая прибыль. Он связан с долгосрочными проектами финансирования научных разработок, определения трудоемкости и денежной стоимости ресурсов, вовлекаемых в оборот. Финансы и доходы дифференцируют занятое население и тем самым создают стимулы для заинтересованности в работе, в участии в проекте и т.д.

Главная же роль государственно-правовых институтов состоит не в том, чтобы они участвовали в инвестициях, а в том, чтобы были созданы правила взаимоотношений между различными группами предпринимателей, между финансовым и промышленным капиталом, между работником и работодателем.

Можно было бы привести немало примеров, демонстрирующих большее влияние финансового капитала в сравнении с правовыми установлениями, поддерживаемыми государством. Это, действительно, касается и России, особенно в тот период ее реформ, который характеризовался доминированием олигархов. Возможность усиления олигархических группировок была особенно заметна в тот период, когда Президентом страны был Б.Ельцин. Внутригосударственная борьба за власть между конституционными институтами по сути дела разрушила правовое поле. Криминальные разборки стали повседневной практикой выяснения отношений между деловыми группировками.

Проф. Зегберс прав и в том отношении, что если бы эта тенденция возобладала, то от российской государственности вряд ли что-либо осталось! В этом смысле его сомнение в существовании России в качестве государства можно понять! Однако после избрания В.Путина страна все же выбирается из хаотического состояния. Выстраивается — не так быстро, как этого бы хотелось — правовое поле, что не препятствует, а содействует развитию негосударственных связей и отношений, в том числе, как это подчеркивают респонденты, и в отношениях между немецкими и российскими институтами. На основе ряда законодательных актов, принятых в 2001—2002 гг., повысилась роль судебной системы. Одновременно закон укрепил права гражданина, передав обязанность задержания правонарушителя судам и изъяв эти права из сферы компетенции прокуратуры.

Известно, что признаком государства является его полная юрисдикция в пределах контролируемой территории, на этом строится взаимная ответственность между гражданами и государством. Представим теперь на минуту, что в одних государствах будет ослабляться компетентность государственных структур, а в других — соседних или более отдаленных — эта компетентность будет усиливаться. Плюсы или минусы такой ситуации могут быть просчитаны лишь при конкретном изучении тех областей внутренней компетенции, на которые направлены действия государственных органов, с одной стороны, и институтов гражданского общества, с другой.

Несмотря на развитие коммуникационных сетей, финансовых потоков, интернета и иных способов модернизированного общения, остается проблема межгосударственных границ и национальных интересов. Конечно, можно сказать, что и то, и другое — лишь символы архаического мира! Но если одни страны будут интерпретировать эти феномены в качестве «символов», а другие — в качестве «реалий», используемых в целях усиления позиций именно своего государства, то это неизбежно приведет к угрозам безопасности.

Или же иной вариант: «наши» государственные интересы и национальные ресурсы нужно рассматривать в качестве реалий, а национальные интересы «других» — соседних или отдаленных стран — в качестве фикции, символов, с которыми можно считаться, а можно и не считаться! По-видимому, это означало бы тенденцию хаоса в международных отношениях.

Возможно, что в отдаленном будущем народы придут к пониманию ненужности государства, но сейчас отношения между народами регулируются в основном на основе международного права и межгосударственных соглашений. На мой взгляд, только согласованные усилия государств, направленные на одновременное изменение компетенции государственных институтов или государственной администрации в тех или иных областях, способны дать реальный эффект: будь то в области контроля над вооружениями и их распространением, охраны окружающей среды, регулирования миграционных потоков, осуществления программ борьбы с бедностью и безграмотностью, с эпидемиями различного рода, в том числе и с распространением спида.

В последующей части беседы К.Зегберс развивает более подробно свои позиции: старые подходы к политике, — утверждает он, — основываются на том, что «есть государственные интересы, которые выражаются руководством (страны) и т.д.» «Все это мне представляется совершенно неадекватным сегодня!

Поэтому мы переходим к новой схеме, к новой интерпретации, в рамках которой мы рассматриваем систему новых акторов, среди которых есть и экономические, т.е. отраслевые акторы, территориальные, федеральные, бюрократические, общественные, между которыми идут какие-то потоки, переговоры, торги и т.д. Вот это, примерно, картина, с помощью которой мы стараемся понимать, что же сегодня происходит не только в России, но и в мире в целом. В том числе и в России.

Сейчас особенно интересно, в какой мере новому руководству удастся справиться с этими новыми вызовами: может быть, ему придется несколько отступить назад, в ту сторону, где пока еще находятся остальные государства». (*2.1.1.*)

То, что на экономической и политической сцене появились новые действующие лица — помимо государств и правительств — это верно. Кроме того, вряд ли может быть оспорен и тот тезис, что сами государственные институты представляют собою поле борьбы различных интересов, что, как и в прежние времена, они поддаются воздействию «групп влияния».

В позиции Зегберса можно усмотреть одно слабое место, которое им самим и обозначено. Существуют ли «национальные интересы», а если существуют, то каким именно образом? Пока есть государство и его институты — скажем, парламентская или президенская власть, — существуют и национальные интересы в той именно форме, в какой они выражены, высказаны, продекларированы именно этими легитимными институтами. Нет государства, значит, национальный интерес растворился в бесформенном переплетении потоков, переговоров, торгов и т.д. Право государства и его прямая обязанность заключается в том, чтобы интересы менее масштабного характера не наносили ущерба тому, что принято в данном обществе в качестве национального интереса. Это означает, между прочим, подвижность, гибкость национальных интересов, но не отрицает их приоритетности. Вряд ли Бундестаг поддержит законопроект, в котором нарушается экономический или правовой баланс между землями ФРГ, который будет противоречить Конституции.

В России вопросы эти носят более сложный характер, так как сама она только недавно пережила переход от старой государственности — СССР к новой государственности — Российской Федерации. Этот процесс не всегда адекватно воспринимается и самими политиками, в том числе парламентариями, представителями федеральной и местной администрации. На этом неустоявшемся поле легче вести игру, выигрышем в которой будет некий корпоративный интерес, прикрываемый именем национального. Но в том и состоит процесс политической стабилизации, что приоритет национального интереса, рассматриваемого в качестве общероссийского, получает все большую поддержку и в политических, и в деловых кругах.

При этом, разумеется, важно отслеживать новых акторов, новых действующих лиц как на поле политическом, так и на поле экономическом[1].

Нужно отметить, что контекст глобализации, который предлагает учесть проф. К.Зегберс, позволяет выработать более широкий взгляд на современные внутрироссийские процессы: «Все, что меняется в России, — подчеркивает этот исследователь, — это одновременно, частично, ответ на региональные и национальные вызовы, на контекст прошлого, и, в тоже время, это ответ на шансы, на ограничения, на вызовы глобализации!

Это, по-моему, — в самых общих чертах — основной контекст анализа современных преобразований в России.

Если мы используем такой подход, тогда, наверно, у нас получатся более удачные интерпретации, чем в том случае, если бы мы фокусировали нашу работу только на таких понятиях как "реформы", "антиреформы" и т.д.». (*2.1.2.*)

Иными словами, «реформы», «антиреформы» — это внутренние изменения, инициатором которых выступает зачастую само правительство. Попробовав двигаться в одном направлении, и встретив сопротивление, правительство может попытаться изменить взятый курс или его частности. Но ни одно правительство не может изменить тех тенденций, которые происходят в мире в целом, которые инициируются десятками, а может быть сотнями тысяч инициатив отдельных групп, действующих в сфере бизнеса, науки, развития коммуникаций, медицины, образования и т.д. Все это вместе взятое и составляет современное понимание глобализации — то есть, становления глобального мира, перешагивающего национальные границы.

Однако чтобы понять эти процессы, как мне представляется, необходимо обратиться к прошлому веку. Две мировые войны, пережитые народами разных стран и континентов, были первыми акциями глобализации. Не только первыми, но и наиболее действенными с точки зрения изменений мирового политического пространства и представлений о самом мире. И эти действия глобального масштаба двигались вперед национальными и групповыми (классовыми) интересами!

Интенсивность глобализационных процессов, таким образом, не противоречит национальным консолидациям. Наоборот, глобализация нуждается в стимулировании, в мобилизации, а национальные идеи оказываются лучшим средством привлечения массового внимания к определенным событиям и фактам. Об этом свидетельствует, в частности, спортивный национализм — самая распространенная и легитимная форма национализма.

В то же время проф. Зегберс прав в том отношении, что «все российские группы, акторы, кланы, сети — осознанно или неосознанно — в весьма сильной степени зависят от каких-то процессов, которые происходят вне России, — от МВФ, от ОБСЕ, от финансовых рынков и информационных потоков, и т.д. ...Любая стратегия развития, (взятая) в изоляции, в отдельности — просто не работает. Просто не работает!» (*2.1.3.*)

Это значит, что эффективность политических решений связана с искусством соединения внутренних и внешнеполитических интересов, а успех политики в целом зависит от основательности понимания внутренних проблем России в контексте общих проблем мирового развития.

[1] Об этом см. подробнее: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса // Международный симпозиум 19—20 января 2001 г. / Под общей ред. академика Т.И.Заславской. М.: МВШСиЭН, 2001.

5. РОССИЯ И ЕВРОПА

Определение России через ее место в Европе — один из наиболее распространенных подходов к конструированию ее образа. В истории российской общественной мысли ответ на вопрос, что есть Россия, а главное, чем она должна быть, формулируется в ожесточенной полемике между западниками и славянофилами, истоки которой относятся к началу XIX в. Сама дискуссия долгое время оставалась и до сих пор остается полем политического самоопределения в том, прежде всего, смысле, что разные позиции в этой полемике формулируют разные подходы к проблеме баланса национальных интересов России.

Европейская политика также не оставалась безразличной к российскому политическому дискурсу. XIX в. прошел под знаком активного участия России в формировании Европы, а в ряде ситуаций речь может идти о доминировании России на европейском пространстве. XX в. характеризуется тем, что Россия становится в большей мере объектом европейских интересов, причем Германии здесь принадлежит особая роль. Это касается того периода, когда Германия пыталась установить в европейских странах и за их пределами так называемый новый порядок.

В данном случае речь шла не о словесном определении того, что есть Россия, а о вооруженном насилии, направленном на ее уничтожение. Вторая мировая война означала глубочайший кризис европейской политики. Интересы европейских государств и народов оказались расколотыми. Россия—СССР находилась в разных отношениях с основными европейскими государствами: по отношению к одним странам она была союзником, по отношению к другим — врагом. Соответственно события войны и их интерпретация определяли образ России в Европе 1939—1945 гг.

Послевоенная ситуация характеризуется постепенным формированием единой Европы. Поэтому проблама «Россия и/или Европа» приобретает новое содержание. Она не сводится к воспроизводству тех реалий, которые имели место в прошлой истории. Теперь речь идет и о новой Европе, и о новой России — России, образовавшейся после распада СССР, избравшей демократический путь развития.

В послевоенные десятилетия отношение к Советскому Союзу определялось духом холодной войны. Проф. Ю.Фельдхофф (Билефельдский университет, 1936 г.р.) так характеризует формирование образа России в этот период: «У нас не было никаких представлений о русской истории или истории российско-немецких

отношений. Вся история, которую мы изучали, была полностью связана с холодной войной. Холодная война определяла содержание преподавания в школе и вузе. То, что преподавалось по таким предметам, как география или история, было чистой пропагандой! Власти ФРГ запрещали какое-либо знание об СССР! В этом поколении люди очень боялись России!»

Главной особенностью этого периода было нагнетение взаимной враждебности и страха. Эти чувства не могли быть преодолены в одночасье с возникновением новой России, тем более, что она сама несла в себе значительные следы старого мышления и старых подходов.

Изменение международного статуса России и окончание холодной войны привели к постепенной нормализации восприятия России в европейском мышлении. Она стала занимать меньше места в общем потоке информации. В Европе и США прекратили свою деятельность многие исследовательские учреждения, связанные с изучением России и Восточной Европы с позиций «борьбы с коммунизмом». Нормализация восприятия России означала также, что изменился комплекс чувств, эмоций и ассоциаций, которые испытывали по отношению к ней и друзья, и враги.

Об этом свидетельствует Н.Зимон: «В советский период обнаруживались три чувства по отношению к России — либо страх, либо ненависть, либо любовь. Безразличия не было. А сейчас преобладает безразличие!». Она приводит интересный пример из области групповых отношений — между бывшими военнопленными — немцами в СССР и российскими солдатами в Германии. «Никакой враждебности нет, абсолютно! Наоборот, исключительно дружеские отношения. Теплые дружеские отношения. Это очень трогательно! ...У них отношение к России очень положительное, значительно более положительное чем, предположим, у молодых людей. Это было связано с их молодостью; эти люди видят себя молодыми, и все, что было в молодости, постфактум идеализируется — это у всех людей такая особенность.

А молодые люди вообще не интересуются Россией, им абсолютно безразлично, для них — то ли это Россия, то ли это Чехия — ну хорошо, большая территория! ...Поэтому можно сказать, что нормализация наступила! Нормализация, нормальное отношение к России». (*2.5.5.*)

Иначе говоря, образ России все в большей мере освобождается от ассоциации с источником угрозы, от страха, связанного с идеологическим противостоянием и военной мощью, и все в большей мере соединяется с идеей партнерств, деловых отношений, экономических интересов.

Такова характеристика повседневного восприятия России.

Если попытаться резюмировать совокупность высказываний наших респондентов при обсуждении вопроса, является ли Россия частью Европы, то получим следующую картину. Большая часть респондентов заявляет о том, что Россия, несомненно, часть Ев-

ропы. Вот одно из наиболее категорических высказываний: «Ни один серьезный немецкий политик или бизнесмен не будет отрицать или сомневаться в том, что Россия есть часть Европы. Несмотря на все политические различия в самой Германии, все сходятся в том, что Россия — это континентальная страна. Она — часть Европы!» (*2.2.15.*)

Большая часть респондентов, соглашаясь с этим тезисом, допускают различные оговорки. Во-первых, она не является частью Европейского Союза, и потребуется еще довольно много времени для того, чтобы созрели условия для обсуждения вопроса о вступлении России в Европейский Союз; во-вторых, Россия — часть Европы, но она не относится к ее центру, она — периферия Европы также как, например, Испания; в-третьих, Россия часть Европы в том смысле, что «европейская культура не существует без великой русской культуры!»

Ряд респондентов дают детальный анализ тех характеристик и качеств страны, которые отличают Россию от Европы. Прежде всего, эти отличия связаны со своеобразием исторического пути России: с тем, что в России не было реформации и религиозных войн; что отношения между монархическим строем и дворянством в России складывались иначе, чем в европейских странах, так как монарх здесь действовал не на основе договора и уважения прав дворянства, а как абсолютный властитель, распоряжающийся жизнью и собственностью дворянства (времена Ивана Грозного); что в России не сложились ни парламентаризм, ни федерализм; что идеалы Французской революции и рыночной экономики не получили здесь такого же воплощения, как в классических европейских странах. Отношения между церковью и государством складывались в России при полном доминировании государства.

И все это резюмировалось в том, что в России не сформировались условия для свободной личности, обладающей совокупностью гражданских прав и обязательств, защищаемых конституцией и правом. Личность в России оказалась полностью зависимой от произвола властей. Более того, здесь сложилась традиция, на основании которой личность как бы добровольно передавала свои права государству, поддерживала произвол власти, а подчас выступала и в качестве инициатора этого произвола. Патернализм оказался наиболее характерным свойством советского человека как типа личности. Поэтому «русские — это европейцы, но с некоторыми проблемами, это — "трудные европейцы"». (*2.5.21.*)

Это один полюс высказываний. Другой же полюс состоит в том, что «российская история и политика не вписываются в европейскую парадигму». У России — свой, особый путь исторического развития, который не повторяет и не должен повторять пути европейской модернизации. Или, как говорит один из респондентов: «Большинство людей (в Гериании) считает, что Россия не принадлежит к Европе в более узком смысле слова. И я должен

признаться, что у меня тоже есть сомнения на этот счет, потому что Европа — это все-таки что-то другое! Я не скажу, что евразийская идея правильна как идеология, но все-таки в этом что-то есть! Я думаю, что у России есть свои особенности.

Так что я думаю, что законы развития Европы нельзя переносить на Россию. В этом смысле Россия для меня тоже не Европа. И конечно, если заниматься историей русской культуры, то мне как специалисту ясно, что русская культура всегда шла особым путем. Об этом всегда говорили славянофилы! Я думаю, что в этом кое-что есть, и я вижу, что все попытки буквально перенести в Россию то, что существует в Европе — как в культурном, так и в экономическом смысле — заканчиваются крахом. Это оказывается невозможным! И даже иногда смешно — чистое западничество мне кажется не очень... не очень обоснованным!» (*2.2.13.*)

Противоположное высказывание звучит следующим образом: «Все эти разговоры и течения евразийства, "соборности", "особого коллективизма", — да, такие разговоры идут, и это значит, что есть еще часть интеллигенции, которая занимается такими вопросами. Но те люди, которые заняты настоящим делом, — молодежь, функциональные элиты, директора, все вузы и т.д., — они, если я правильно понимаю, видят, что их место больше всего в Европе, чем где-то еще». (*2.2.19.*)

При характеристике российского и европейского менталитета также усматриваются существенные различия: русские мыслят интегрально, они стремятся любой вопрос рассмотреть в целостности, в его общем виде. Детали и мелочи не интересуют русскую общественную и научную мысль, она склонна к формулировкам, охватывающим «мир в целом», ее интересуют грандиозные события, как бы соответствующие масштабам ее территории. Европейская мысль озабочена всегда деталями («Черт прячется в деталях», — гласит немецкая пословица), она в принципе аналитична, она уступает большие вопросы философии и религии, и стремится к практицизму, к прагматическому использованию конкретного знания.

Таким образом, мы видим, что полемика между западниками и славянофилами имеет отнюдь не только внутрироссийские пределы, она приобретает общеевропейский характер. И это связано не только с тем, как трактуется Россия, и ее исторические особенности, но и с тем, как понимается Европа: в широком или узком понимании ее культурного и политического пространства.

Все зависит от точки отсчета или от перспективы. А на выбор этих параметров видения влияют политические интересы, которые трудно просматриваются, когда речь идет о культурном взаимовлиянии стран друг на друга, и очевидны, когда речь идет о доступе к материальным ресурсам, о границах НАТО, о вступлении России в ВТО, об отношениях к Шенгенскому соглашению и т.д.[1]

Как и при отношениях между любыми странами, образ России в Германии конструируется на основании определенной селекции из того материала, который создается в самом российском обществе, и который отбирается для использования в другой стране под определенным углом зрения.

Этот угол зрения задается пониманием национальных интересов самой Германии, в основе которого — ведущее (центральное) место Германии в общеевропейском процессе. В общеполитическом дискурсе существуют две крайние позиции в понимании этого процесса, которые можно было бы назвать установочными рамками: «Европа может и должна строиться без России, а, может быть, даже против нее» (эта точка зрения была особенно распространена во времена ельцинского правления) и — вторая позиция: «Современная Европа не может быть построена без участия России».

В пользу первой концепции — «Европа без России» — использовалась и используется следующая система аргументов:

1. Низкая эффективность реформ:

«Российские реформы (последнее десятилетие) показали очень низкую эффективность демократических преобразований в этой огромной стране. Российские традиции оказывают на ход реформ гораздо большее влияние, нежели инновации в направлении рыночных реформ и построения демократического федеративного государства».

Приведем несколько высказываний в этом духе:

«Я больше ожидал изменений в том плане, что Россия более решительно отмежуется от своего коммунистического прошлого. И напрасно, мои ожидания были завышенными. Отсюда мои разочарования, я этого не скрываю. Даже не разочарования по поводу экономики, хотя и здесь мы видим удручающую картину. Но я ожидал, что Россия более внятно отделается от коммунистического прошлого, как это и казалось, между прочим, в 1991 г. Помните эту плеяду перестроечных публицистов? Антисталинский дискурс того времени. Но из этого мало, что получилось. Но каждый рассуждает сугубо субъективно, разумеется. Я должен признать, что я всегда был антикоммунистом. Из-за этого мне порою было тяжело здесь, на Западе». (*1.3.6.*)

Или: «Очевидны большие изменения в социальной структуре. У вас огромная дифференциация, образовались новые богатые, новый средний класс.

И только очень немногие люди имеют доступ к власти и деньгам, имеют работу, заняты торговлей и вообще чем-либо заняты. Этот круг людей выиграл, и выиграли даже их дети или другие родственники, которых они посылают за границу на учебу.

Но с другой стороны, совершенно очевидно, что возникло много бедных. Их теперь можно видеть на улицах Санкт-Петербурга — людей, подбирающих пищу из мусорных ящиков или достающих отбросы из свалок». (*1.3.2.*)

2. Вторая группа аргументов против европеизации России — криминализация российского общества: *«Вместо нормального демократического государства в России сложилось криминальное общество, которое сохраняет стремление к разрешению своих внутренних противоречий путем насилия, где не выработано законодательство, основанное на общенациональном консенсусе, где нет привычки уважения к Закону и правилам взаимоотношений, поскольку в мотивации практического поведения преобладает эмоциональный импульс». (1.3.11; 1.1.21.)*

Конечно, соглашаются наши эксперты, поворотный момент в восприятии российских реформ в Германии относится к середине 90-х годов, когда стало очевидным, что процессы трансформации общества и в особенности переструктурирования экономики действительно имеют место.

Но эти процессы осуществляются вне связи с законом. Западная Европа, в особенности Германия, как практически соседняя страна, должны принимать некоторые меры предосторожности. Речь идет о криминальных бандах, которые внезапно проникли и на территорию Германии, о торговле женщинами, о распространении проституции, о наглых грабежах и убийствах. Возникла так называемая мафия. И в середине 90-х годов эта тема в общественном сознании по сути дела перекрыла тему развития реальной России. Общественное мнение очень остро воспринимает эту совокупность тем: мафия, проституция, наркотики, взятие людей в заложники, отмывание денег и т.д. (*1.3.11.*)

3. Третья группа аргументов — непомерные амбиции России: *«Несмотря на распад СССР, Россия все еще претендует на роль великой державы. Она не желает понять свое место в современном геополитическом пространстве, и в силу этого представляет собою угрозу сложившемуся миропорядку, тем более, что она обладает ядерным вооружением».*

О распространенности подобных взглядов свидетельствует и другой эксперт со ссылкой на Frankfurter Allgemeine как издание консервативного направления, в котором «продолжают судить о России и странах Восточной Европы в рамках бывших советологических моделей: всегда там "империя зла", но не потому, что там мафия, а потому, что там такие люди, которые вообще не поддаются демократизации. Они генетически или антропологически совсем другие люди!» (*5.8.*)

Вторая позиция — «Современная Европа не может быть построена без участия России» — также имеет своих защитников и свою аргументацию:

— Россия не только географически, но и, прежде всего, в культурном отношении является частью Европы;

— нельзя по отношению к России допускать ту же ошибку, которую допустили страны-победительницы после окончания Первой мировой войны по отношению к Германии, т.е. оставить ее в состоянии международной изоляции. Такая изоляция неиз-

бежно содействовала бы укреплению националистических сил и настроений в самой России;

— «эгоистический интерес» самой Германии состоит в том, чтобы развивать сотрудничество с Россией, используя для этого как государственные, так и негосударственные каналы, причем последние являются подчас более эффективными.

Как мы видим, тема «Россия и Европа» остается, можно сказать, постоянной составляющей общеполитического дискурса. Большая часть суждений, высказанных нашими респондентами, связана с утверждениями, что Россия, безуслвоно, часть Европы, что проблема, поставленная в этой альтернативе носит не географический, а политический и культурный характер. Более того, саму Европу трудно представить себе без России. Это, прежде всего, касается содержания общеевропейской культуры и политического влияния России на разных этапах ее истории на развитие самой Европы. «Евразийская» концепция России не поддерживается нашими респондентами. В ряде случаев проводится мысль о том, что Россия представляет собою периферию Европы.

Теперь обратимся к другой стороне вопроса, а именно, как воспринимается эта проблема в российском общественном мнении. Известно, что в 90-е годы полемика между западниками и теми, кто отстаивает самобытный путь России, усилилась. По этому вопросу опубликовано немало литературы, в том числе и весьма одиозной. Общественное мнение в какой-то мере воспроизводит все разнообразие позиций.

Прежде всего, обратим внимание на то, насколько изменилось общее восприятие «Запада» в массовом сознании россиян за ряд лет (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос об отношении развитых стран Запада к России за ряд лет
(предлагалось выбрать лишь один вариант ответа)

	1995	1997	2001
Эти страны искренне хотят помочь России	7,3	7,1	4,6
Судьба Россия им безразлична, они решают у нас свои проблемы	44,0	46,3	44,5
Западные страны хотят ослабить Россию, превратить ее в зависимое государство	31,2	30,7	36,9
Затрудняюсь ответить	14,0	15,9	13,9

В рамках предложенной формулировки вопроса обнаруживается на протяжении ряда лет достаточно устойчивая картина. Доля населения, считающего, что западные страны «искренне хотят помочь России» была невелика и в 1995, и в 1997 гг., она не превышала 7,3%! В 2001 г. она значительно уменьшилась при увеличении доли тех, кто полагают, что «западные страны хотят ослабить Россию, превратить ее в зависимое государство».

Одновременно происходит увеличение доли тех респондентов, которые выражают озабоченность судьбами России, ее внешнеполитическим авторитетом. Обратим внимание на суждения, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Шкала согласия с суждениями о России в 1995 и 2001 гг.

	1995	2001
Россия — великая держава, она должна заставить другие государства и народы уважать себя	81,7	84,9
Россия тяготеет скорее к Востоку, чем к Западу	11,9	20,5
России грозит агрессия из-за рубежа	18,0	39,5
Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать	84,9	84,3
Нужно повернуться лицом к миру, стать такими, как все	62,1	41,9

Как видно, за шесть лет очень сильно выросло ощущение внешней опасности (более, чем в два раза), стремление к «Востоку» ради баланса отношений с «Западом», и несколько увеличилась доля тех, кто настаивает, что Россия как великая держава, *должна заставить* другие государства и народы уважать себя.

Существенно уменьшилась доля тех, кто считает, что надо «повернуться лицом к миру, стать такими, как все». В то же время нужно отметить, что с тезисами об «агрессии из-за рубежа» и «тяготении России к Востоку» не согласна даже в 2001 г. почти четвертая часть респондентов.

Понятия «Запад» и «Россия» для рядового респондента остаются весьма общими категориями. Поэтому весьма существенно попытаться конкретизировать эти понятия с помощью отслеживания оценок конкретных стран современного мира. Обратим в этой связи внимание на динамику оценок 10 стран, представляющих как «Запад», так и «Восток».

Таблица 3

Соотношение положительных и отрицательных оценок десяти стран мира в 1995 и 2001 г. (в порядке убывания положительных оценок в 2002 г.)

Страны	1995			2001			2002		
	В основном положительные	В основном отрицательные	Затрудняюсь ответить	В основном положительные	В основном отрицательные	Затрудняюсь ответить	В основном положительные	В основном отрицательные	Затрудняюсь ответить
Франция	78,9	3,0	18,1	63,9	8,0	28,1	78,0	7,1	14,9
Германия	69,0	11,5	19,5	54,1	18,0	27,9	68,1	14,9	17,0
Англия	76,6	4,2	19,2	54,7	14,5	30,8	64,1	14,5	15,8
Индия	59,4	4,8	35,8	52,6	9,8	37,6	62,8	10,2	27,0
Канада	72,8	2,4	24,8	57,7	8,1	34,2	58,9	12,9	28,2
Япония	68,5	9,2	22,9	53,3	16,0	30,7	55,3	22,3	22,4
Китай	41,2	21,1	37,7	38,8	20,8	40,4	42,7	30,6	26,6
США	77,5	9,0	13,5	36,8	39,3	23,9	38,7	45,5	15,8
Израиль	40,8	20,4	38,8	27,0	32,9	40,1	23,7	45,9	30,4
Ирак	21,7	34,7	43,6	17,7	38,7	43,6	17,6	49,0	33,4

Обратим внимание на следующие сдвиги.

Во-первых, резко меняется положение стран на шкале сравнительных оценок. В 1995 г. США занимали второе место по доле положительных оценок, в 2001—2002 г. они отошли на 8-е место (!), войдя в группу стран, у которых доля отрицательных оценок превышает долю положительных (в 2002 г. это превышение составило более 7%). Германия заняла второе место на шкале симпатий, уступив традиционное первое место Франции. Далее следуют Англия, Индия, Канада и Япония. У всех этих стран положительный баланс симпатий и антипатий. Китай также опережает США в симпатиях на целых 4 пункта. И далее следуют три страны, по отношению к которым наблюдается преобладание отрицательных оценок. Это Ирак (более 25 пунктов), Израиль (более 20 пунктов) и США — около 7 пунктов).

Во-вторых, по всем странам, за исключением Ирака, заметно увеличилась доля респондентов, затруднившихся с ответом. Это означает, что население в целом стало более осторожным в высказывании своих внешнеполитических симпатий и антипатий, что период эйфории по отношению к внешнему миру в значительной мере закончился.

В-третьих, по итогам опроса 2001 г. наблюдалось заметное снижение доли положительных оценок *по всем странам*. В 2002 г. эта тенденция снизилась. Франция, Германия, Китай воспринимаются на том же уровне, как они воспринимались в 1995 г. Ана-

лиз показывает, что в российском общественном мнении на протяжении 1996—2002 гг. получили распространение антиамериканские настроения. Переломным моментом здесь были бомбардировки Югославии. Как известно, общественное мнение России в подавляющем большинстве своем восприняло бомбардировки Югославии не в качестве меры по урегулированию косовского конфликта, а в качестве антироссийской акции. Именно этот момент оказался переломным с точки зрения формулирования и артикуляции национальных интересов России в современном мире. Сочувствие к США в связи с актами терроризма 11 сентября 2001 г. не перекрыли той негативной реакции, которая вызвана очевидным стремлением США к гегемонизму.

Весьма характерным для общественного мнения оказывается устойчивый рост симпатий по отношению к ведущим европейским странам — Франции, Германии, Великобритании, что свидетельствует об ориентации массового сознания россиян на европейские страны. При этом лишь 15% респондентов высказывают негативную установку по отношению к Германии в 2002 году.

Данные российских опросов подтверждают, что национальное самосознание россиян сосредотачивается все в большей мере на внутренних проблемах укрепления российской государственности, на тех задачах, которые обеспечивают экономическую стабилизацию страны, рациональное использование ее внутренних ресурсов. *Можно утверждать, что период «либерализации» экономики и политики России закончился, но он закончился не в силу краха идей личной свободы, инициативы, предпринимательства, а в силу того, что практика осуществления либеральных идей в России игнорировала интересы большинства населения. Эта практика привела к формированию олигархического капитала, который под прикрытием лозунгов борьбы с тоталитаризмом и искоренения остатков коммунистической системы, обогащался за счет расхищения внутренних ресурсов страны, пользуясь бессилием государственной власти и опираясь на ее поддержку.* Новый этап в развитии страны предполагает опору на консолидацию интересов. Он предполагает осмысление тех конструктивных задач, которые стоят перед обществом, преодоление тех опасностей, которые возникают на этом пути.

В заключение настоящей главы рассмотрим, каких позиций придерживаются сами россияне относительно извечной проблемы (или псевдопроблемы) «Россия и Европа»? Здесь важны не столько констатация количественных распределений при ответах на вопрос, сколько выявление тенденции в динамике общественного мнения. В этих целях в одном из общероссийских репрезентативных опросов, проведенных ИКСИ РАН, были сформулированы три пары альтернативных суждений, и просьба к респонденту состояла в том, чтобы он высказал согласие с теми суждениями, которые ему ближе, с которыми он согласен.

Первая пара суждений имела в виду выяснить, считают ли россияне свою страну частью Европы?

Первое суждение было сформулировано следующим образом: «Россия — часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира».

Второе суждение: «Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток».

К первому суждению присоединились 41,7, ко второму — 35,5% от общего числа респондентов (при 23% затруднившихся с ответом).

Вторая пара суждений предполагала следующий выбор: «Россия должна всемерно стремиться к тому, чтобы войти в Европейское Сообщество, став частью общеевропейского экономического пространства» или «России не обязательно, а может быть, и не нужно входить в Европейское Сообщество». *Распределение голосов получилось 52 против 30% в пользу первого суждения.* Как мы видим, при формулировке вопроса в плане долженствования, то есть с точки зрения желательной политики государства доля проевропейски настроенного населения возрастает на целых 10%! Это весьма существенный сдвиг.

Наконец, *третья пара* суждений предполагала оценку степени дружелюбия к России со стороны европейских стран. «Развитые европейские страны заинтересованы в том, чтобы Россия преодолела кризис, так как Европа — это общий дом и для России, и для них самих». К этой позиции присоединились 38% опрошенных. А 48% согласились с суждением: «Усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в действительном подъеме России» (при 14% воздержавшихся)[2].

Дополнительный анализ имел в виду выяснить, какова доля населения, занимающая прочные проевропейские ориентации: это те респонденты, которые по всем трем вопросам занимали позиции, ориентирующие на сближение с Европой. И наоборот, какова доля тех, кто стоит на позициях своеобразного российского изоляционизма? *Общее соотношение при столь жестких критериях попадания в соответствующую группу составила 17,6 против 10,7% в пользу «европейцев».* Остальные 76% при — этих критериях отбора — не смогли определиться. Их мнения оказались противоречивыми. По одним вопросам они занимали проевропейскую, а по другой — изоляционистскую позицию. Значительная их часть уклонилась от высказывания мнения. Это означает, что почва для полемики по этому традиционному для России вопросу сохраняется, и спор будет перенесен (и должен быть перенесен) в область практической политики. При этом политическое руководство страны может быть уверено в том, что оппо-

зиция проевропейскому курсу не может быть при выявленных умонастроениях значительна.

[1] См. об этом: Общечеловеческое, слишком общечеловеческое // Ионин Л. Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1997.

[2] Сравнение с распределениями ответов на этот вопрос, полученное два года назад, показывает достаточно высокую степень устойчивости показателей.

16 Заказ № 1007

6. ПРОБЛЕМА ТОТАЛИТАРИЗМА

Одна из наиболее важных проблем в социальных науках XXI в. — осмысление форм осуществления власти в масштабах государства и страны в прошлом веке. Как видно из материалов наших интервью, теоретическое противопоставление демократических и тоталитарных режимов, столь популярное в начале 90-х годов, более не устраивает исследователей. К.Зегберс подчеркивает: «Я не очень-то люблю термин "тоталитаризм", поскольку у этого термина есть своя специфика, особенно применительно к Германии

После Второй мировой войны этот термин служил способом "нормализации" национал-социализма. Этим термином можно было охватить все — и национал-социализм, и коммунизм, и реальный социализм, и итальянский фашизм, и т.д. — и то, и другое, и третье, и четвертое. А специфика потерялась. Были тогда люди и группы, которые намеренно, по-моему, этим занимались. К тому же, этот термин очень сильно политизирован. Это то, что мы называем Kampfbegriff — "термин борьбы", политической борьбы». (*2.4.1*)

Прямое противопоставление «демократии» и «тоталитаризма» снимает вопросы о специфике политического развития соответствующих стран. Формула «тоталитарного государства» — по мнению ряда наших экспертов — носит идеологически нагруженный характер. С ее помощью происходит объединение двух идеологических конструкций — «фашизма» и «коммунизма», в то время как практические действия политиков определялись по-своему понятыми реальными интересами.

Концепция тоталитаризма не только ориентирует на иллюстрацию сходных свойств соответствующих режимов, упрощая сложнейшие исторческие процессы XX столетия до формулы деления мира на «плохих» и «хороших» парней, она невольно ведет к потере ориентиров в оценке наиболее важного события прошлого столетия — Второй мировой войны.

Невозможно отрицать того факта, что гитлеровская Германия (Третий рейх) выступила в качестве агрессора, что она инициировала эту войну. Но важно и то, что она это сделала при попустительстве западных демократий, которые нацеливали Германию на СССР, предоставив в конечном счете ей все европейские ресурсы! Другая сторона вопроса состояла в том, что «коммунизм» претендовал на устранение эксплуатации во всем мире, на утверждение «социальной справедливости», которое прочитывалось как господство государства, облачившегося в пролетарские одеяния. Исход-

ная враждебность фишизма и «коммунизма» была очевидной в плане теоретическом.

Однако практическая политика, имевшая в виду сохранение самого государства, должна была учитывать конъюнктуру международной ситуации. Напомним, что между окончанием Гражданской войны в России и приходом к власти нацизма в Германии прошло чуть больше 10 лет. Легитимность существования СССР в международном контексте была весьма сомнительной, а антисоветская направленность политики западных держав вполне очевидной. Политика «коллективной безопасности», которая могла бы обуздать аппетиты нацистов, была отвергнута западными державами, и только в этом свете можно было бы понять такие акции советского руководства как заключение пакта «Молотова—Риббентропа», раздел Польши, присоединение к СССР прибалтийских государств. В известной мере это проливает свет и на тайное сотрудничество между руководством вермахта и Красной Армии еще в 20-е годы.

Выстраивание событий в ходе международного конфликта, развивавшегося между окончанием Первой и началом Второй мировой войны, предполагает понимание этих событий в качестве ответных акций на мюнхенское соглашение четырех держав 1938 г.

В наших интервью есть намеки на такое понимание событий. «Одно из наиболее существенных препятствий превращения России, Советского Союза в демократическое открытое общество заключалось в событиях, происходивших в Германии в 30-е годы. Националистические тенденции в Германии, и ее подготовка к войне помогли ортодоксам в СССР стать теми, кем они стали. В этом и состоит связь между историями двух народов». (*2.2.11.*)

Дальнейшее изучение истории отношений между двумя народами предполагает и более глубокое понимание природы, целей и характера войны между Германией и СССР. Это тем более важно, что она затрагивает эмоции и чувства многих из тех, кто пережили эту войну. Точки зрения наших респондентов далеко не однозначны по этим вопросам.

Тоталитарная концепция подводит некоторых из них к идее равной ответственности немецкой и советской сторон за развязывание войны. Эта позиция не высказана прямо, она остается в виде вопроса по поводу толкования нападения Германии 22 июня 1941 г. на СССР в качестве превентивной акции.

Этой позиции противостоит точка зрения немецких ученых, доказавших, что со стороны Германии по отношению к народам СССР эта война замышлялась и осуществлялась как «война на уничтожение» (Vernichtung Krieg). Именно такой постановкой задач определялось отличие характера военных действий на Восточном и Западном фронах Германии. Важно отметить, что *советское руководство не ответило «зеркальным образом» ни на этапе обороны страны (1941—1943), ни на стадии разгрома фашистских захватчиков на территории нацистской Германии и ее союзников (1944—1945).*

Большая часть респондетов отмечают справедливость заявлений послевоенного немецкого руководства по поводу холокоста, и признают, что аналогичные заявления не были сделаны по отношению к русским, белорусам, украинцам, понесшим самые массовые жертвы в ходе Великой Отечественной войны.

«Мы постепенно осознали то, что не только евреи были жертвами геноцида, но и масса нееврейского населения — русские, украинцы, белорусы и, конечно, поляки — тоже были жертвами, что не мы были жертвами, а другие народы, так как мы сами напали на Россию—Советский Союз, что все эти акции — не менее серьезные преступления против человечества, чем холокост». (*4.1.4.*)

Двое из респондентов (Х.Харбах и П.Шульце) подчеркнули ответственность советского командования, его неопытность и неумелость в организации крупномасштабных военных действий, которые приводили к «ненужным жертвам». Но a la guerre comme a la guerre! Каждая армия воюет, как умеет, а ответственность за жертвы военных действий ложится в целом — согласно нравственной точке зрения — на тех, кто напал!

Принципиальный вопрос, от решения которого зависит направленность исторических исследований о войне и способ изложения событийного ряда, о месте «рассказа о войне» в структуре национального дискурса.

Здесь также наблюдается поляризация точек зрения.

Одна позиция состоит в том, что в принципе возможно найти такой способ изложения истории Второй мировой войны, который будет приемлем для всех европейских государств и народов. Он должен опираться на последовательное и всестороннее освещение событий, рассматриваемых в качестве фактов. Эта позиция выражена в интервью Г-Д.Клингеманна и О.Александровой.

Другая точка зрения: для России история войны — это «часть коллективного рассказа о русской нации. Но это никогда не было частью коллективного рассказа немцев!.. Это нельзя прививать, потому что это, собственно, другая сторона истории! Другая — в том смысле, что немцы должны рассказывать свою собственную историю, и она не может быть такой же, какой ее рассказывают русские! Для немцев важно то, что было в концлагерях. А это, в свою очередь, для русских не очень важно, потому что через эти концлагеря или лагеря уничтожения не получается коллективного рассказа русских о своей нации. Может быть, это интересно только для тех узников этих лагерей, которым удалось остаться в живых!..

А немцы должны разобраться именно с проблемой концлагерей, с проблемой русских военнопленных, с проблемой геноцида и холокоста!» (*4.1.1.*)

Вторая точка зрения звучит более убедительно, но при одном условии: интерпретации войны как рассказа «о своей нации»!

Между тем, на наш взгляд, именно *Вторая мировая война была решающей акцией глобализации в XX в., главным наднациональным событием,* приведшим не только к изменению политической карты

мира, но и к новому пониманию принципов национально-государственного мышления. Намерения воюющих сторон впервые формулировались как задачи преобразования «мира в целом».

С одной стороны, была предпринята попытка построить «Тысячелетний рейх» — создать мировое государство, основанное на господстве одной расы.

С другой стороны, существовал «мировой антикапиталистический проект», который исходил из интернационалистской (следовательно, глобальной!) установки, опиравшейся на идею классовой борьбы и установления социальной справедливости отнюдь не мирными средствами. Этот проект и теоретически, и локально подразделялся на два варианта: идея «перманентной революции», предложенная Л.Троцким, и идея «возможности построения социализма в одной отдельно взятой страны», принятая ВКП(б) по инициативе И.Сталина.

В подготовку войны были вовлечены и третьи силы — западные демократии и США. Всего в войне участвовало... Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей — средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение — фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот «рассказ» желательно вытеснить из памяти!

Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях «победителя» и «побежденного», палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления «фашизма» и «коммунизма». В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в «Черной книге коммунизма». Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов.

Разумеется, советский политический режим был далек от идеала. Многое, из того, что представлено в этой книге, неопровержимо. Однако угол зрения, обозначенный в самом названии книги, неадекватен. Поэтому особую ценность представляют те работы, в которых предпринимаются попытки осуществить сравнительный анализ политических систем.

В наших интервью путь к такому анализу предложен профессором Потсдамского университета Эрхардом Штёльтингом. Фашизм и коммунизм, — полагает он, — это были двумя тоталитарными режимами, но, вместе с тем, это были «разные политические системы!» «Как в случае с болезнью у человека: человек болен, но заболевания разные». Далее он выделяет несколько принципиальных различий между этими системами.

«Первое различие касается характера репрессий. Репрессии были в обеих системах, но их было бы неверно отождествлять: различия — весьма существенны. В Германии были четко обозначены жертвы репрессий. Категории лиц, подлежащих дискриминации, а затем и уничтожению, были известны. Это были евреи, цыгане, политические противники фашизма, и некоторые другие "нежелательные" категории населения. Отнесение конкретного человека к этим категориям было жестко формализировано — были разработаны соответствующие бюрократические правила и процедуры.

Но та часть населения, которая не входила в обозначенные рубрики, жила спокойно!

А жертвы сталинских репрессий никоим образом не кодифицировались, и, тем более, не объявлялись заранее. По сути дела любой человек мог стать жертвой репрессий, безотносительно к политическим убеждениям.

Таким образом, в Германии люди до войны знали, что они либо могут жить нормально, либо у них нет никаких надежд на спасение от репрессий.

Это было источником совершенно разной психологической атмосферы в обществах. У советских людей всегда сохранялась надежда на то, что можно избежать репрессий. В то же время даже те, кто сознательно и активно поддерживали Сталина, часто оказывались жертвами репрессий».

К этому различению следовало бы добавить несколько штрихов, которые касаются а) масштабов репрессий; б) способов их осуществления; в) исторических перепадов в осуществлении репрессивных акций.

Второе различие, выделенное Штёльтингом, касается идеологических доктрин. «В обоих случаях доминировала некоторая идеологическая установка. Но в советском обществе это была идеология марксизма-ленинизма, опиравшаяся на серьезную теоретическую традицию и разработанная очень тщательно!

В фашистской Германии были некоторые элементы идеологии расизма, антидемократизма, но идеология как система не была разработана с такой же тщательностью.

Для тех, кто работал в академических институтах, это создавало некоторое впечатление сохранения "свободы мышления". Конечно, речь идет только о тех группах, которые не принадлежали к категориям лиц, подлежащих репрессиям».

Весьма существенно, что Штёльтинг говорит не о «марксизме», а о «марксизме-ленинизме» — теоретической версии марксизма, ставшей официальной доктриной КПСС, достаточно искусным инструментом оправдания советской политики. В содержании «марксизма-ленинизма» оставалось очень мало собственно марксизма с его критическим духом. Поэтому в советском обществе не получали распространения иные — неортодоксальные — версии марксизма, как марксизм Франкфуртской школы, троцкизм, маоизм, даже бухаринская интерпретация социализма. Более того,

именно эти версии, в особенности троцкизм, а затем, и взгляды Бухарина, рассматривались в качестве наиболее опасных, и, безусловно, враждебных. Репрессии были направлены в значительной части именно против тех, кто подозревался в близости к этим направлениям мысли. Для их оценки изобретались специальные клише, с помощью которых производилась стигматизация «врагов народа», их аресты и физическое уничтожение.

Роль идеологической доктрины, возведенной в государственный ранг, в принципе состоит в том, чтобы оправдывать практическую политику. Именно в таком плане интерпретировался тезис о приоритете практики над теорией. Однако проф. Штёльтинг отмечает тщательность разработки теоретических вопросов. Эта тщательность была связана с тем, что «марксизм-ленинизм» предлагал определенную мировоззренческую ориентацию, рассчитанную на синтез массового и элитарного сознания. Следовательно, в рамках данной идеологической концепции излагались философские и социологические проблемы. В послесталинский период открывалось пространство и для постановки новых вопросов в различных областях социального знания. Именно в этот период по сути дела начинается критика репрессивной политики, осуществляется по инициативе партийного руководства первая массовая волна реабилитации. Это изменение режима осуществления власти важно подчеркнуть, ибо очень часто критика тоталитарного строя в СССР сопряжена с генерализацией тех методов осуществления власти, которые были характерны для довоенного и военного времени.

Третье различие, предлагаемое Штёльтингом, ориетирует на изучение социальных функций идеологии. Оно состоит в том, что «марксизм-ленинизм опирался на традиции просветительства, которые благодаря этому играли весьма важную роль в социализации индивида и стимулировали рост образования населения страны».

«Фашистская же идеология была антипросветительской, и, в принципе, иррациональной. Поэтому духовная жизнь в советском обществе была гораздо более интеллектуально насыщенной, хотя она и регулировалась бюрократией».

Несомненно, что одно из основных достижений Советской власти состояло в преодолении массовой безграмотности населения, а затем, и в разработке весьма эффективной системы высшего и среднего образования в стране. Это создавало предпосылки для развития политического сознания и политического участия, сыгравшего особенно важную роль в Великой Отечественной войне.

«Что касается экономических различий между системами, — продолжает Э.Штёльтинг, — то об этом трудно что-либо сказать, поскольку фашистская диктатура просуществовала всего 12 лет. С момента прихода Гитлера к власти экономика была нацелена на подготовку войны. Экономические успехи первого периода фашистской диктатуры — рост благосостояния населения, создание рабочих мест, социальные программы, пенсии и т.д. — обеспечи-

вались постоянно растущим государственным долгом перед банковскими структурами.

А эти долги покрывались за счет еврейского имущества, конфискуемого государством, а позже грабежом на оккупированных территориях. Несомненно, что одна из причин войны состояла в том, что фашистское государство должно было оплачивать свои долги». (*2.4.10.*)

Экономика советского общества также в долговременной перспективе была нацелена на подготовку к войне. Руководство страны исходило из концепции неизбежного военного столкновения с капиталистическими странами. Сама идея «построения социализма в одной стране» означала если не полный отказ, то, по меньшей мере, сомнение в неизбежности социалистической революции в капиталистических странах. Поэтому оно закладывало в пятилетних планах такие способы индустриального развития, которые могли бы обеспечить перевод мирной экономики на военные рельсы. Индустриализация страны осуществлялась жесткими методами, в основном направленными против крестьянства как той группы населения, за счет которой должны были быть пополнены кадры новой советской промышленности.

Что касается той формы тоталитаризма, которая возникла в Германии, то мы придерживаемся точки зрения, что понять ее в принципе вполне возможно, но эта задача должна осуществляться и осуществляется, прежде всего, немецкими исследователями. Можно согласиться с тезисом, высказанным П.Стыков: «Немцы должны разобраться именно с проблемой концлагерей, с проблемой русских военнопленных, с проблемой геноцида и холокоста!»

Уход от этих проблем с помощью формулы «чудовищное и невероятное!» не помогает становлению современного немецкого самосознания, равно как и бесперспективным представляется отказ от самой немецкости на основе неприятия совершившегося.

Конечно, для нынешнего поколения немцев более существенным является рассказ о послевоенном восстановлении, об «экономическом чуде», об освоении демократических норм в сочетании с традиционным уважением к порядку, закону, государственной власти и всякой администрации.

Если принимать во внимание опыт становления нового национального самосознания немцев, то в России настало время включить в этот процесс не только опыт Великой Отечественной войны, но и опыт послевоенных успехов немецкого народа и послевоенного немецкого государства (реформы Эрхарда), что могло бы содействовать, прежде всего, развитию мотивации к созидательной деятельности самого разнообразного характера, столь важной для новой демократической России.

7. ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ НА ПРИМЕРЕ «ПРОБЛЕМЫ СТАЛИНГРАДА»

Важной составляющей немецкого национального самосознания остается память о войне с Советским Союзом. История живет в современности, великие исторические события не должны уходить из памяти народов, иначе народ может потерять историческую перспективу, утратить понимание самого себя. Вторая мировая война была самым крупным событием XX столетия, а германо-советский фронт — решающим на этой войне. Вместе с тем, удел исторических событий в том, что они постоянно переосмысливаются в свете опыта современности, в свете нового знания о самой войне, о ее движущих силах.

Для немецкого национального самосознания поражение в войне с Советским Союзом остается загадкой и тайной. Оно готово признать поражение от союзников — как силы более цивилизованной и родственной, но поражение от России — от «неправильного союзника» — всячески вытесняется из памяти.

Тема войны в наших интервью насчитывает наибольшее число значимых высказываний. Вряд ли мы сможем затронуть все аспекты проблемы. Мы ограничимся одним развернутым комментарием по проблеме Сталинграда. На эту тему в своем интервью проф. Кристина Кульке высказалась в том смысле, что это была одна из наиболее трудных для немецкого самосознания проблем. Далеко не сразу я подошел к пониманию того, что она имела в виду: для меня не существовало и не существует особой проблемы Сталинграда. Эта битва, в которой с обеих сторон участвовало несколько миллионов человек, стала поворотным пунктом в развитии событий Великой Отечественной войны, а вместе с тем и всей Второй мировой войны. После поражения под Сталинградом немцы никогда уже не смогли обеспечить себе успех в наступлении на Восточном фронте. Это — общепризнанно и общеизвестно, поэтому и непонятно, в чем же может состоять «проблема Сталинграда».

Интервью с П.Стыков пролило новый свет на понимание этой проблемы. Молодой немецкий политолог подчеркнула, что сама война 1941—1945 гг. имеет разный смысл в структуре российского и немецкого дискурса. Из крупных военных событий это касается прежде всего Сталинградской битвы. Проблема, следовательно, не может быть сведена к вопросу «поражение» или «победа»! Для победителя, то есть, для советской стороны и для российской интерпретации истории — этого вполне достаточно. Да, мы несмотря ни на что, сумели выиграть это сражение, а, следовательно, жертвы с советской стороны были не напрасны! Героизм защитников Ста-

линграда приобрел всемирно-исторический смысл, и нам нет надобности проблематизировать это событие в большей мере, чем это бы имело место в контексте самой военной операции.

Но для немцев «проблема Сталинграда» существует. Она существует не только как память о поражении немецкой армии (окружение, изоляция, уничтожение и пленение 330-тысячной немецкой армии, подошедшей к Волге, и стремившейся овладеть Сталинградом в течение лета и осени 1942 г., разгром организационных структур вермахта, сдача в плен главнокомандующего 6-й армии фельдмаршала Паулюса вместе со своим штабом). Она существует и как нравственная проблема, раскрывающая смысл всей войны 1941—1945 гг. для немецкой стороны.

Кто был ответственен за это поражение? В какой мере немецкие солдаты должны были исполнять преступные приказы своего командования и фюрера? Когда стала очевидной безнадежность дальнейшего сопротивления немецких войск на Сталинградском фронте? Более широко, вопрос формулируется следующим образом: что является высшей ценностью немецкого солдата — повиновение командованию, бессмысленные действия которого привели к поражению немецкие и союзнические армии (румынские и итальянские) в Сталинграде или же рациональность, основанная на признании ценности человеческой жизни? Кто был прав: те, которые погибли, сопротивляясь до последнего патрона, или же те, кто сдались в плен?

Попробуем обрисовать контуры этой проблемы, опираясь не только на российские, но и на немецкие источники. Для этого нам придется охарактеризовать саму субстанцию предмета, то есть — ход военных действий. Общая предпосылка анализа состоит в том, что смысл конкретного сражения, битвы, боестолкновения далеко не полностью раскрывается в ходе данного эпизода. Смысл определяется общим исходом самой войны: Вторая мировая война была не просто сопоставлением силы действующих армий, она была столкновением интерпретаций смыслов — и тех, которые предлагались соответствующими властными структурами, и тех, которые принимались как свои жизненно значимые ценности непосредственными участниками событий — солдатами, младшим и средним офицерским корпусом, высшим генералитетом.

Итак, обратимся к фактам. Как известно, Сталинградская эпопея делится на два этапа.

Первый этап начинается летом 1942 г.: 16 июля ставка Гитлера перемещается поближе к фронту — в Винницу (юго-западнее Киева, примерно в 875 км. от Ростова-на-Дону), а 23 июля Гитлер издает директиву № 45, в которой формулируются новые стратегические задачи. Немецкие войска на Восточном фронте, оправившись от поражения под Москвой, и одержав победы в Крыму и под Харьковом, перебросив пополнения из Франции и других стран Западной Европы, летом 1942 г. меняют основное направление наступления. Вместо прямого движения на Москву, избирает-

ся обходный путь, имеющий в виду захват нефтедобывающих регионов Кавказа и перекрытие путей снабжения российского центра с юга. Кроме того, имеется в виду и более отдаленная перспектива — выход через Кавказ в направлении Ирана, Афганистана и Индии. Если не удалась операция «Морской Лев», то нужно нанести удар по «жемчужине английской короны». В этих целях при группе армий «А» создается специальное подразделение, которое будет введено в действие после того, как гитлеровские войска полностью овладеют Кавказом!

А пока директива гитлеровского командования ориентирует вермахт на продвижение в направлении Дона и Волги, а также Северного Кавказа.

На основе группы армий «Юг» создаются еще две группы армий — группа армий «Б» (командующий — фельдмаршал Федор фон Бок), которому предписано двигаться в направлении Сталинграда; а группе армий «А» (генерал-фельдмаршал Лист) — от Ростова-на-Дону в направлении Грозного и Закавказья. С июля по сентябрь немецкие войска одерживают ряд побед над Красной Армией и продвигаются в район излучины Дона.

Наиболее драматичные этапы немецкого наступления для советских войск относятся ко второй половине августа. В оценке боев 23 августа на подступах к Сталинграду сходятся мнения начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандования А.М.Василевского и солдата-наводчика артиллерийского орудия В.Н.Шубкина — известного российского социолога[1]. В ходе августовских и сентябрьских ожесточенных боев вермахт в нескольких местах выходит к Волге и приступает непосредственно к штурму города Сталинграда. Именно в эти дни начинается героическая оборона Сталинграда, которую в самом городе ведут две армии — 62 армия под командованием генерала В.И.Чуйкова и 64 армия генерала М.С.Шумилова. Оборона Сталинграда продолжается почти полгода — вплоть до окончания Сталинградской битвы — то есть до 2-го февраля 1943 года.

Подготовка второго этапа сражения, переломившего ход Второй мировой войны, началась в середине сентября в Ставке Верховного Главнокомандования (И.В.Сталин, А.М.Василевский, Г.К.Жуков)[2]. Психологически очень важно, как принималось такое решение. Еще в августе и в начале сентября в Ставке речь шла о том, чтобы изыскать новые резервы для того, чтобы отбросить врага от Волги и обеспечить прямое контрнаступление Красной Армии. Однако введение новых сил не давало результата: гитлеровские войска упорно цеплялись за каждый метр захваченной ими территории, следуя установке своего командования. Гитлер не жалел сил, перебрасывая Паулюсу все новые и новые резервы, требуя овладеть всем городом и начать наступление вверх по Волге.

Советские войска сражались с неменьшим упорством за свою землю, но они не могли изменить ситуацию в свою пользу. Образовалась тупиковая ситуация, которую нужно было переломить

иным способом. Слова о том, что нужно искать иной выход были произнесены в разговоре между Василевским и Жуковым в присутствии Сталина, который предложил найти иное решение задачи и проработать план контрнаступления детальным образом. Так созрел план операции окружения 6-й армии и 4-й танковой армии путем флангового прорыва фронта одновременно с двух сторон.

От возникновения замысла до его реализации прошло два месяца, которые были затрачены не только на поддержку сил, ведущих оборонительные бои в самом Сталинграде, но и на переброску многотысячных резервов к местам предполагаемых прорывов, строительство подъездных путей, переброску вооружений. Вся эта работа шла в режиме повышенной секретности с тем, чтобы информация не просочилась к противнику. До последнего момента общий замысел операции оставался известным только трем вышеназванным военачальникам.

Контрнаступление Красной Армии началось 19 ноября 1942 г. тщательно подготовленными действиями вновь созданного Юго-Западного фронта (под командованием Н.Ф.Ватутина) и Донского фронта (командующий — К.К.Рокоссовский), прорвавших оборону немецких и румынских войск на Дону в направлении на юго-запад.

20 ноября такой же прорыв был осуществлен войсками Сталинградского фронта (под командованием А.И.Еременко) из района южнее Сталинграда в направлении на северо-восток. (Артиллерист В.Шубкин был участником именно этой части операции).

23 ноября боевые части двух фронтов соединились в районе хутора Советский недалеко от Калача — в тылу группировки Паулюса. 20 немецких и 2 румынские дивизии были отрезаны от остальных частей вермахта. Впервые в истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны столь крупная группировка немецких войск оказалась в окружении. Надо признать, что стратегическая разработка плана операции по окружению опиралась на горький опыт предшествующих сражений, когда огромные массы советских войск оказывались в окружении врага[3].

Дальнейшая операция по разгрому армии Паулюса и всей группы армий «Б» (а позже, и группы армий «Дон», возглавленной Э. фон Манштейном) осуществлялась силами этих трех названных выше фронтов, координация взаимодействия между которыми была поручена маршалу А.М.Василевскому и его заместителю Н.Н.Воронову.

Теперь обратимся к фактам, как они излагаются в немецких источниках. Иоахим Видер — офицер разведотдела VIII армейского корпуса 6-ой армии Паулюса — так описывает события, происходившие после начала контрнаступления советских войск: «Наша 6-ая армия и части 4-ой танковой армии — более 20 первоклассных немецких дивизий, составлявших четыре армейских и один танковый корпус, — были полностью окружены. Вместе с ними в гигантский котел попали дивизии ПВО и несколько крупных

авиационных соединений; приданные артиллерийские подразделения резерва главного командования: два дивизиона самоходок и два минометных полка, с десяток отдельных саперных батальонов, а также многочисленные строительные батальоны, санитарные подразделения, автоколонны, отряды организации Тодта ("Имперская трудовая повинность"), части полевой жандармерии и тайной военной полиции. Здесь же оказались и остатки разгромленной румынской кавалерийской дивизии, хорватский пехотный полк, приданный одной из наших егерских дивизий, и, наконец, несколько тысяч русских военнопленных и "вспомогательные части". Всего, таким образом, в окружение попало более 300 тыс. человек, которых судьба связала друг с другом в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть»[4].

Немецкие части, будучи окружены, не собирались отступать от Сталинграда. Такова была воля Гитлера, который неоднократно заявлял, что немецкий солдат никогда не уйдет с территории, на которую ступила его нога. Обращение командующего 6-й армией Ф.Паулюса о разрешении на прорыв кольца окружения, также как и попытки убедить в целесообразности разрешения на прорыв со стороны начальника штаба К.Цейтлера, не имели успеха, отчасти и потому, что позиция Гитлера была поддержана Кейтелем и Йодлем, авторитет которых в военных вопросах для Гитлера оставался непоколебимым. (Заметим, что в 1945 г. оба генерала были повешены на основании приговора, вынесенного Нюрнбергским трибуналом.) Определенное значение для такого обоснования позиции Гитлера имело и обещание Геринга — обеспечить снабжение окруженной армии по воздуху!

Немецкое командование отозвало с Ленинградского фронта генерала Манштейна и поручило ему возглавить вновь созданную группу армий «Дон» для организации прорыва кольца окружения извне. Группа насчитывала 30 боеспособных дивизий[5], в задачу которых входило разблокирование армии Паулюса.

Однако советское командование предвидело такой поворот событий. Сразу же после соединения войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача, были созданы два кольца окружения — внутреннее и внешнее. Задача внутреннего кольца состояла в том, чтобы вынудить капитулировать окруженную группировку или уничтожить ее. Внешнее кольцо было создано для того, чтобы не допустить прорыва извне. Оно было направлено непосредственно против группировки Манштейна.

Наступление Манштейна началось 12 декабря из района Котельниково. Но оно наткнулось на жесткое сопротивление Красной Армии и оказалось безуспешным. Решающую роль в разгроме группировки «Дон», возглавленной Манштейном, сыграла своевременная переброска 2-й гвардейской армии под командованием Р.Малиновского из резерва главного командования на рубеж реки Мышковы — в район продвижения войск Манштейна.

Здесь вновь развернулись ожесточенные бои за подступы к Сталинграду. Наступление Манштейна продолжалось с 12 по 24 декабря. В самый напряженный момент расстояние между войсками Манштейна и Паулюса составляло около 35—40 км., но это пространство немецкие танки не смогли преодолеть. Советские войска не только выдержали натиск превосходящих сил противника, они смогли основательно перегруппироваться и добиться превосходства на этом решающем участке Сталинградской битвы. 24 декабря они перешли в решительное контрнаступление. 29 декабря Манштейн был отброшен к исходному пункту своего наступления и в тот же день Котельниково было освобождено.

Одновременно Красная Армия развернула наступление в направлении Ростова с явным намерением отрезать группу армий Листа. В своих записках «Утерянные победы» Манштейн объясняет свое поражение двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что Паулюс не решился нарушить приказ Гитлера и не пошел на встречный прорыв; во-вторых, недостатком подкреплений!

Следующим эпизодом драмы немецких войск под Сталинградом было завершение операции «Кольцо», осуществленное войсками Рокоссовского. Важно, что Ставка Верховного командования поддержала идею Рокоссовского и Воронова предложить капитуляцию немецким войскам. Текст ультиматума был направлен через парламентариев (майор А.М.Смыслов и капитан Н.Д.Дятленко) 8 декабря 1942. Он был адресован командующему окруженной под Сталинградом 6-й германской армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю. Ультиматум гласил:

«6-ая германская армия, соединения 4-ой танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение Ваших войск с юга и запада не оправдались. Спешившие Вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов...

Положение Ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветра и метели еще впереди, а Ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление...

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования
Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант Рокоссовский»[6].

Однако командование 6-й армии отказалось принять ультиматум и сложить оружие. Тем самым Паулюс взял на себя ответственность за жизни около 200 тысяч немецких солдат, которые еще могли быть спасены.

31 января — через три недели после предъявленного ультиматума — Паулюс сдался в плен, получив накануне звание генерала-фельдмаршала в обмен на поздравительную телеграмму Гитлеру по поводу 10-летия его прихода к власти. (По некоторым источникам он расценил это поощрение как указание покончить жизнь самоубийством, но этому указанию он не последовал.)

2 февраля прекратила сопротивление и последняя из немецких частей в районе Сталинграда.

Официальная немецкая пропаганда вначале преподносила битву под Сталинградом как крупнейшее событие в мировой истории — немецкий солдат дошел до берегов Волги! Тем самым доказывалась неопровержимость победы арийского духа и немецкого оружия! Само расстояние от Берлина до Сталинграда и масштабы территории, оккупированной немецкими войсками, как бы опровергало результат и смысл зимнего поражения под Москвой и утверждало превосходство арийской расы!

Окружение и разгром трехсоттысячной армии Паулюса — событие, до сих пор не случавшееся в ходе Второй мировой войны — заставляли нацистское руководство искать новые формулировки. 30 января Геринг произнес речь по случаю 10-ой годовщины Третьего рейха. Основное ее содержание было посвящено прославлению «героизма» обреченной на гибель 6-й армии. Их верность приказу возводилась в высшую воинскую доблесть.

По воспоминаниям одного из тех офицеров, кто слышал эту речь в Сталинградском бункере под грохот падающих вокруг бомб и снарядов, Геринг сравнил «беспримерный героизм солдат 6-ой армии с немеркнущим подвигом Нибелунгов, которые в своем охваченном огнем чертоге утоляли мучившую их жажду собственной кровью и стояли насмерть... Даже через тысячу лет каждый немец будет со священным трепетом и благоговением говорить об этой битве, памятуя о том, что именно так, вопреки всему, ковалась немецкая победа. Подобно спартанцам, защищавшим Фермопилы, немецкие герои на Волге полягут костьми ради Германии, как то повелевают законы чести и ведения войны!» (В это время в Германии в концентрационных лагерях умирали миллионы (!) пленен-

ных красноармейцев, и был уже введен в действие план «окончательного решения еврейского вопроса»!)

Для той части населения самой Германии, которая продолжала верить фюреру — а таких оставалось немало не только в начале 1943, но даже в конце 1944 г.![7] — такая трактовка событий была единственно возможной, она подтверждала и сохраняла «дух нации», который оставался решающим фактором политической мобилизации общества и народа.

Но у тех, кто начал задумываться о бессмысленности жертв и преступности войны, кому предстояло буквально в течение нескольких часов погибнуть или сдаться в плен, речь Геринга вызвала враждебные чувства. «Стало быть, от нас хотели, чтобы мы преподнесли в подарок к десятой годовщине третьего рейха новый героический эпос. Омерзительная попытка окурить фимиамом мучительную гибель 6-ой армии и создать ореол героизма вокруг того, что было издевательством над всеми законами человечности, наполняла меня гневом и отвращением. Во время этой речи мне представилась во всей своей наготе картина всеобщего распада, хаоса и агонии многих десятков тысяч людей, испытывающих неописуемые страдания. Создание героической легенды вокруг нашей 6-й армии, и ее мифическое прославление имели своей целью скрыть страшную правду...

То, что первоначально представлялось героическим подвигом немецкого солдата на Волге, давно уже превратили в безответственную массовую бойню, которая по приказу верховного руководства продолжалась до горького конца...

Я инстинктивно чувствовал, что героической рамкой пытаются окантовать преступление, замаскировав его словами о национальной чести...

Особенно мучительным для меня было сознание того факта, что все командные инстанции и штабы окруженной группировки, в сущности, имели одну задачу — обеспечить героическую позу во время массовой бойни и эффектное завершение трагедии»[8].

Тот же автор красноречиво описывает психологическое состояние немецких войск, так и не получивших приказа о прекращении сопротивления. Одни продолжали сражаться в абсолютно безнадежной ситуации, другие — находили выход в самоубийстве, третьи — дезертировали и самовольно сдавались в плен. «Нашлась даже одна целая дивизия, ...которая с генералом во главе в полном боевом порядке сдалась в плен... Одни продолжали сражаться, судорожно стараясь выполнить свой солдатский долг, беспощадно поддерживая повиновение и дисциплину, другие же в отчаянии кончали жизнь самоубийством, бунтовали, капитулировали, и немцы стреляли в немцев, которые хотели сдаться в плен.

Но большинство же действовало в состоянии тупого фатализма или же вообще бездействовало, покорно страдая и умирая. Подлинный солдатский дух с его добродетелями давно уже был искажен до неузнаваемости. Мужество и героизм стали, вообще гово-

ря, лишь жестом отчаяния. До самого последнего момента сказывалось отсутствие избавительного решения, которое по приказу сверху достойным образом положило бы конец этому невыносимому положению»[9].

Таков был взгляд на проблему Сталинграда, который был ближе рядовому немецкому солдату и среднему офицерскому звену.

Разумеется, высший генералитет — по крайне мере на протяжении войны, а многие и после нее — придерживался иной точки зрения. Известно, что Паулюсу после того, как он сдался в плен, было предложено обратиться к немецким войскам с предложением о прекращении всякого сопротивления. Паулюс и это отказался сделать, используя формальный предлог прекращения своих командных полномочий после сдачи в плен. Эти факты свидетельствуют о том, что формальное подчинение «Приказу» в воинской иерархии немецкой армии стояло выше ценности человеческой жизни не только врагов, но и своих собственных солдат и офицеров. Эта милитаристская норма активно использовалась и в послевоенной ситуации, когда речь шла об аргументах, оправдывавших вермахт в военных преступлениях, и особенно в действиях, не связанных с необходимостью исполнения воинского долга. Каждый из участников, вплоть до тех, кто впоследствии сидел на скамье подсудимых в Нюрнберге, всячески оправдывал себя тем, что он был «лишь исполнителем приказа».

Сложившаяся ситуация подробно обсуждается и другим участником событий, который не сумел выполнить приказ Гитлера. Речь идет об Эрихе Манштейне (урожденный фон Левински). Главу о Сталинградской трагедии в своей книге «Утерянные победы» он, вслед за Герингом, начинает с воспоминаний о Фермопилах. Вступление к этой главе выдержано в духе высокой патетики:

«Над заметенными следами погибших, умерших с голоду, замерзших немецких солдат никогда не станет крест, не будет сооружен надгробный камень.

Но память об их непередаваемых страданиях и смерти, об их беспримерной храбрости, преданности и верности долгу переживет время, когда уже давно смолкнут триумфальные крики победителей, когда умолкнут стоны страдающих, забудется гнев разочарованных и ожесточенных.

Пусть эта храбрость была напрасной, пусть это была верность человеку, который никогда не понимал ее, не отвечал на нее тем же, а поэтому и не заслуживал ее (речь идет о Гитлере. — *А.З.*), пусть это выполнение долга привело к гибели или плену, но все же эта храбрость, эта верность, это служение долгу остаются песнью песней немецкого солдатского духа!»[10]. И тут же следует оговорка, проистекающая, скорее всего, из того, что во время работы над книгой Манштейн уже был военнопленным: «Жертва может оказаться напрасной, если принесена проигранному делу, верность — бессмысленной, если она относится к режиму, который не умеет ее ценить. Верность долгу может оказаться ошибкой,

если основания, на которых она покоилась, оказались ложными. И все же остается этическая ценность убеждения, из-за которого солдаты 6-ой армии прошли свой жертвенный путь до конца»[11].

Этическая ценность солдатского долга у Манштейна оказывается в конечном счете оторванной от общего смысла военного противостояния. А такой отрыв — альфа и омега милитаристской героики. При этом общий смысл Сталинградской битвы не только замалчивается, но и искажается с помощью претензии на «объективность и беспристрастность описания развития этой трагедии»[12]. Подлинная объективность освещения событий с немецкой стороны предполагает как признание поражения, так и, по меньшей мере, декларацию о намерении понять этическую ценность действий противоположной стороны, то есть действий Красной Армии, ее солдат и офицерского корпуса.

В этой связи приведем отрывок из воспоминаний о войне, опубликованный еще одним участником Сталинградской битвы — российским социологом Владимиром Шубкиным.

Сначала об авторе. Накануне войны он закончил среднюю школу. (Масса выпускников по всей стране 22 июня праздновали выпускной вечер.) Как и многие его одногодки, уже 23 июня пошел в военкомат, и подал заявление о том, чтобы его приняли в действующую армию добровольцем. Но взяли его только с третьей попытки. Дважды до этого ему отказали, так как его отец был арестован в 1937 г. К началу войны его отец был уже расстрелян, но семья об этом не знала, а сын узнал о судьбе отца лишь через много лет после окончания войны в результате неустанных поисков в архивах и обращений в КГБ.

Как бы то ни было, выпускник Барнаульской средней школы Владимир Шубкин был зачислен в артиллерийский полк 315 Сибирской дивизии и назначен наводчиком 76 мм орудия первой батареи первого дивизиона 1012 артиллерийского полка. Конечно, солдат на войне — это не генерал, он видит войну в масштабе своей повседневной окопной жизни. Но многие аспекты суровой действительности открываются и ему, особенно когда он обнаруживает стремление понять происходящее.

Впоследствии В.Шубкин, как бы обобщая свои размышления о первом этапе войны, напишет: «В войну вступила предвоенная страна. И все, что было в ней — способность к самопожертвованию и подозрительность, жестокость и душевная защищенность, пошлость и наивная романтика, официально демонстрируемая преданность вождю и глубоко скрытые сомнения, тупая неповоротливость бюрократов, перестраховщиков и лихая надежда на авось, тяжкий груз обид и ощущение справедливости этой войны — все это народ принес с собой на фронт. Ничего не оставил, ничего не забыл. И со всем этим сталкивались и солдаты, и маршалы»[13].

В августе 1942 г. 315 Сибирская дивизия была переброшена под Сталинград. Она оказалась в самой гуще оборонительных боев. Картину первого боя, который описывает автор, трудно

передать. 23 августа 1942 г. — самый страшный день в его боевой жизни. Он был самым драматичным и в истории обороны Сталинграда. Резюмируя события этого дня, В.Шубкин напишет: «Часто казалось, что мы последние солдаты Родины Было все в этот самый тяжелый, самый драматический день минувшей войны. И несгибаемость, мужество наших солдат и офицеров. И просчеты командования. И страх, и попытки иных спастись любой ценой. И превосходство врага в технике, особенно в авиации и танках.

Почему же, несмотря на все это, мы устояли?

Пытаясь найти ответ, ...вспоминаю моих боевых товарищей, большинству которых не довелось дожить до победного дня. Чтобы понять истоки той силы, что определяет глубинное, слитное движение народа на крутых поворотах истории.., нужна высокая нравственная точка обзора. С нее видно, что многое в духовной стойкости бойцов Сталинграда определялось еще в первые дни войны.

На нас напали. На наш дом, на нашу землю. Ни у кого, даже у самого неграмотного бойца не было сомнения в справедливости войны, которую мы ведем. Рядовые солдаты не говорили высоких слов — отечество, патриотизм. Но эти высокие понятия и чувства жили в них в самом истинном, первоначальном смысле»[14].

19—20 ноября 315 дивизия и артиллерийский полк, в котором сражался В.Шубкин, участвовали в прорыве немецкого фронта из района Цацы — южнее Сталинграда. Именно в этот день, вспоминает автор, он в первый раз подумал, что, может быть, мы и вправду победим! То есть, и до этого он, несомненно, слышал много раз эти слова — «Враг будет разбит, Победа будет за нами!» Но горький опыт самой войны говорил другое: враг наступал, мы отступали.

Враг занял необозримые пространства страны — Прибалтика, Белоруссия, Украина, окружение Ленинграда, Донские степи, Кавказ, прорыв к самой Волге; огромное число погибших бойцов Красной Армии; отчаяние тех, кто оказывался на оккупированной территории; ощущение бессилия сотен тысяч плененных бойцов, — все это было реальностью, постоянно стоявшей перед глазами, реальностью, угнетавшей психологию солдата.

И только 19 ноября вся армия — от солдата до генерала — почувствовала психологический перелом. «До сих пор храню это ощущение радости, которое мы испытали!» — Пишет В.Шубкин[15].

Замечу, что это чувство было незнакомо немецкому солдату. То чувство, с которым немецкие солдаты маршировали по завоеванным ими городам и странам, было связано с совсем иными ощущениями. Это было самодовольное чувство превосходства силы, технической мощи, гордости немецкого солдата перед солдатами и армиями других стран, сопровождавшееся чувством презрения к побежденным. Эти чувства подкрепляли уверенность в правоте нацистских идеалов и лозунгов. По отношению к русскому населению, российским военнопленным наиболее распространенным и

культивируемым обращением со стороны немецких солдат и офицеров было «Russische schwein!»

Мироощущение советского солдата было иным — это была радость победы над тем, кто напал, кто был на первых порах значительно сильнее, это было чувство освобождения своей земли, а затем и других народов от «фашистских агрессоров»!

Несомненно, что для огромного числа солдат и росссийских партизан это чувство радости переплеталось и с мыслью об отмщении, усиливавшей ненависть к врагу. Наивно полагать, что жертвы, — гибель русских и белоруссов, украинцев и евреев, кавказских народов и цыган, — не взывали к отмщению. Еще более нелепой является мысль, широко распространенная в западных странах, что страх перед заградительными отрядами, штрафными ротами и советскими концлагерями были побудительными силами в боях и сражениях с жестоким противником. Действительно, 28 июля 1942 г. Сталин подписал приказ № 227. Есть основания полагать, что этот приказ в какой-то мере копировал приказ Гитлера, изданный им после поражения немцев под Москвой. Более того, в оригинальном тексте приказа есть прямые ссылки на те распоряжения немецкого командования, с помощью которых ему удалось остановить наступление под Москвой.

Приказ Сталина начинался с общей характеристики положения на фронте и в тылу, с критики демобилизующих настроений. Он заканчивался требованием наведения порядка в войсках и указанием на карательные меры по отношению к тем, кто оставит поле боя без приказа, из трусости или по своему усмотрению. Конечно, солдаты и командиры Красной Армии — армии, отступавшей с самого начала войны, несмотря на примеры героических оборонительных сражений (Брест, бои под Смоленском, Крым и Одесса, Ростов-на-Дону, битва под Ленинградом и контрнаступление под Москвой), нуждалась в приказе, который показал бы каждому бойцу смысл его сопротивления врагу. Но и этот приказ, если проанализировать его текст целиком, взывал больше к разуму и сердцу солдата, чем к страху перед наказанием.

Заметим еще одну особенность поведения солдат Красной Армии: солдат воевал с песней! Это были песни торжественные, как «Вставай, страна огромная!», песни о фронтовых буднях и солдатских мечтах — «Вьется в тесной печурке огонь...», песни о любимых — известный «Синий платочек» или стихотворение «Жди меня», песни о том, что сотворили враги с малой родиной каждого бойца — «Враги сожгли родную хату!» На немецкой стороне также звучала иногда музыка — известный легкий фокстротик о Марлен или маршевые оркестры. Но лирического песенного фольклора не могло создать сознание, опирающееся на насилие!

Надо принять во внимание еще одно свидетельство В.Шубкина: ненависть к врагу, по его мнению, не была доминирующим чувством советских солдат. «К немцам люди на передовой относились всегда как к сильному и умелому противнику. Они в этом

убеждались каждый божий день. Ни разу я не видел, чтобы они издевались над пленными. Зато сколько раз приходилось быть свидетелем, как в нашем тылу пленных бросались бить упитанные тыловики, демонстрируя свою ненависть к врагу. А сопровождавшие колонну фронтовики кричали им: «Чего размахался в тылу-то! Иди на передовую, там и показывай себя!»[16]

Главным оружием В.Шубкина была пушка, по его рассказам, он выпустил из нее более тысячи снарядов! Но ему доводилось встречаться с врагом и в рукопашном бою. Это было уже после Сталинградской битвы. Сцена пленения немца, о которой рассказывает автор, весьма примечательна. Два человека — немецкий и русский солдат — столкнулись в окопе лицом к лицу. В первый момент оба растерялись. Победителем вышел тот, кто быстрее отреагировал, кто первым навел оружие и крикнул: «Хенде хох!» Много лет спустя, я спросил Владимира Николаевича: «Почему ты его не застрелил?» Он сказал, что перед боем проводилась инструкция для первой линии наступления: *«Тех, кто бросает оружие, отправлять в тыл и не задерживаться!»* Он скомандовал немецкому солдату подняться на бруствер окопа, и с поднятыми руками отправляться в русский тыл, без сопровождения. Оглянувшись назад, Шубкин увидел впечатляющую картину «Десятки, если не сотни немцев из первой линии обороны бегут с поднятыми руками по направлению к нашим окопам. Их никто не сопровождает. Мы уже знаем, какие аккуратные солдаты немцы. Если сдались в плен, то уже всерьез и насовсем»[17].

Нельзя обойти и еще одной важной темы, которую раскрывает Шубкин в своей работе. Речь идет о мотивах вступления в партию. 10 января 1943 г. немцы окружили вырвавшиеся вперед подразделения 315 Сибирской дивизии. Окруженные сопротивлялись до последнего патрона, и когда закончился боезапас, солдаты и офицеры попали в плен. «Немцы отобрали несколько сот коммунистов и комиссаров, отвели их в лог и расстреляли из пулеметов и автоматов». Среди погибших в этом бою был и близкий друг Владимира Николаевича лейтенант Анатолий Булочников.

Завершая этот рассказ, В.Шубкин пишет: «Мы хорошо запомнили не только поле боя, но и лог, где лежали трупы расстрелянных коммунистов и комиссаров. Это еще раз подтверждало, что быть коммунистом на передовой не привилегия, а смертельно опасная обязанность: не только подниматься в атаку первым, обороняться до последнего снаряда и патрона, но и быть готовым заплатить своей жизнью». И когда солдату предлагали вступить в партию... он вспоминал этот или аналогичный эпизод. «Поэтому я не припомню, чтобы у нас кто-то отказался от этого предложения. Парадоксально, но расстрел коммунистов в логу не устрашал, а укреплял доверие к ним со стороны солдат»[18].

В заключение этого эссе о Сталинградской битве в свете «проблемы Сталинграда» я расскажу один из эпизодов, имевших место во время моего первого пребывания в Билефельде в 1994 г. На день

рождения к фрау Фрезе — моей квартирной хозяйке — был приглашен г-н Андерсон, инвалид, потерявший ногу в битве под Сталинградом. Зная о том, что на этой встрече будет кто-то из России, он захватил с собою записки, собранные уже после войны командиром его роты. Это была самодельная книга, состоявшая из описания истории подразделения, его перемещения по территории Украины и России с названиями населенных пунктов и описанием характера встреч, которые были оказаны немцам со стороны населения оккупированных деревень. Были там и описания «праздничных» встреч, организованных местными полицаями.

В этом своеобразном дневнике подробно фиксировались даты гибели и ранений солдат и офицеров этой роты.

Просматривая это собрание документов, я наткнулся на краткий комментарий к тексту, сделанный сыном г-на Андерсона, и состоявший всего из четырех слов: «Зачем мы туда пошли?»

Ответом на этот вопрос было стереотипное рассуждение о солдатском долге, без которого не может существовать ни одно государство.

Здесь в большей мере присутствует знакомство со «своим» опытом. И именно на поле интерпретации Второй мировой войны в наибольшей мере обнаруживается «национальный интерес», который в данном конкретном вопросе еще достаточно далек от общегуманитарной позиции.

Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

— стремление ввести в дискурс концепцию «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной «ужасности» войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 20-е, и даже 30-е годы, при этом «проба сил» в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;

— преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как «неправильный союзник». Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;

— выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы «коллаборационизма». Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;

— продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? — «поражение» или «освобождение»? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу «поражения», несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об «освобождении» (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);

— интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемое к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация

представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора»;

— введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;

— признание вины за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белоруссами, украинцами, то есть, перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения.

Совокупность этих тенденций в интерпретации Второй мировой войны позволяет определить тематику сотрудничества немецких и российских историков по вопросам истории Второй мировой войны.

Разумеется, ценностный кризис, переживаемый российским обществом, стимулирует постановку дискуссионных вопросов истории войны, требует новых подходов к анализу Второй мировой войны в контексте всемирной истории. Так, очень важно было бы проследить, как менялись отношения между союзниками на трех этапах Великой Отечественной войны. Эти этапы можно было бы обозначить как 1) этап первоначального поражения — с начала военных действий до битвы под Москвой и, далее, до битвы под Сталинградом; 2) этап контрнаступления — от Сталинграда до осени 1944, когда территория СССР была, в основном, очищена от врага; 3) этап возмездия — со времени перехода бывшей советской границы до капитуляции фашистской Германии. На третьем этапе сформировался раздел сфер влияния в Европе. В это же время оформляется политика холодной войны, инициируемая с обеих сторон.

[1] См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 234—235 и Шубкин В.Н. Социология войны // Пашкин подарок. М.: Институт социологии РАН, 1999. С. 129—142.

[2] См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: АПН, 1985. С. 274—279; Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 241—243.

[3] Л.Л.Рыбаковский приводит данные о следующих котлах, в которые попали советские войска в 1941—1942 г.: кольцо Минск—Гродно — 300 тыс., район Умани — 100 тыс., Смоленский котел — 350 тыс., Киевский котел — свыше 600 тыс., окружение под Вязьмой — 663 тыс., в Крыму, включая Севастополь — 250 тыс., южнее Харькова — 240 тыс. Только в перечисленных котлах в первый год войны в плен попало 2,7 млн человек! (Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001. С. 18.)

[4] Видер Иоахим Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-ой армии Паулюса // Сталинград. К 60-летию сражения на Волге. М., 2002. С. 12.

[5] Василевский А. Указ. соч. С. 266.

[6] Цит. по: Кардашев В. Рокоссовский. М., 1972. С. 301—302.

[7] Из записи в дневнике от 18 декабря 1944 г. — разговор на занятиях по противовоздушной обороне: «Несколько человек, которых

трудно причислить к вовсе необразованным, все еще твердо убеждены в победе Германии; по их мнению, после того как страна выдержала эти трудные летние месяцы, теперь она воспрянет и начнет продвижение вперед» (Клемперер В. Свидетельствовать до конца. М., 1998. С. 214).

[8] Видер Иоахим. Указ. соч. М., 2002. С. 90—92. См. также: Клемперер В. Язык Третьего рейха. М., 1998. С. 62.

[9] Там же. С. 97.

[10] Важно понять, что есть и другая точка зрения на героизм. В качестве примера приведем высказывание уже цитированного нами В.Клемперера, который отмечает тему «героизма» в качестве одной из ведущих в языке Третьего рейха: «Героизм — это не только мужество, не только способность поставить жизнь на карту. Все это есть у любого драчуна и каждого преступника. "Героем" первоначально называли того, чьи дела служили благу человечества. Захватническая война, да к тому же ведущаяся с такой жестокостью, как гитлеровская, не имеет никакого отношения к героизму...

Война порождала истинный героизм на противоположной стороне. Я имею в виду многочисленных храбрецов в концлагерях, многих дерзких подпольщиков. Смертельную опасность, которой они подвергались, страдания, которые они переносили, не сравнить с фронтовыми невзгодами, а блеск наград отсутствовал начисто!.. Эти герои все-таки имели внутреннюю опору и поддержку: они также чувствовали себя бойцами одной армии, они твердо и небеспричинно верили в конечную победу их дела, а с собой в могилу уносили гордую веру в то, что когда-нибудь их имена воскреснут с тем большей славой, чем более позорной смерти предают их сейчас.

Но мне знаком еще менее приметный героизм, не имевший даже и этого утешения, героизм, который не мог опереться на совместную принадлежность к какому-либо войску, политической группе, у которого даже не было надежды на грядущий почет, героизм наедине с собой. Я говорю об арийских женщинах (число их не так велико), которые не поддались никакому нажиму и не расстались со своими мужьями-евреями... Сколько оскорблений, угроз, побоев, плевков, вынесли они, сколько лишений перенесли, деля нормальный скудный рацион со своими мужьями, получавшими по еврейской карточке паек ниже нормы... Они знали, что их смерть неизбежно повлечет за собой смерть мужа, ибо супруга-еврея отрывали от еще не остывшего тела покойной жены-арийки, чтобы отправить в смертельную ссылку» (Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 14—16).

[11] Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Ростов-на-Дону, 1999. С. 327—328.

[12] Там же. С. 329.

[13] Шубкин В.Н. Социология войны. С. 137.

[14] Там же. С. 142.

[15] Там же. С. 149.

[16] Там же. С. 169.

[17] Там же. С. 200.

[18] Там же. С. 167—168.

8. ПРОБЛЕМА ВИНЫ И СОВРЕМЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ

В немецком национальном самосознании тема вины и ответственности немецкого народа за преступления против человечества, совершенные гитлеровским режимом, возникает вновь и вновь по разным мотивам и в разной форме с начала 50-х годов[1]. В 60-е годы эта тема получила название Schuldproblem — «Проблемы вины»[2]. В рамках ее рассматривается сложная совокупность проблем, в центре которой попытка ответить на вопрос, сформулированный нашим респондентом Ю.Фельдхоффом:

«Как это стало возможным, чтобы молодые люди из нормальных семей, при каких именно условиях — превратились в убийц (murders) и приняли участие в таких вещах, о которых нельзя было даже помыслить дома? Как это возможно?» (*4.1.3.*) Профессор Фельдхофф подчеркивает, что «этим» — расправами над мирным населением — «занимались не только Гитлер и эссэсовцы. «Военное командование само принимало решение об акциях против населения, не вызывавшихся военной необходимостью». (*4.1.8.*)

Ю.Фельдхофф ставит этот вопрос в связи с обсуждением книги Д.Гольдхагена «Гитлеровские палачи-добровольцы: обыкновенные немцы и холокост»[3], в которой рассказывается о зверствах, совершенных на территории Польши группой немецких солдат, которые до их призыва в армию служили в отряде дорожной полиции в одном из северных городов Германии. Книга Гольдхагена получила широкую известность в 90-е годы. На частном примере она ставит широкий круг вопросов, который постоянно обсуждается в Германии: как стала возможной поддержка гитлеровского режима и его деяний в европейской стране, задававшей всему миру определенные стандарты высокой культуры — в философии, литературе, музыке, архитектуре, других областях духовной деятельности?

Особое внимание немецкой общественности и политики в послевоенные годы было сосредоточено на холокосте — массовом уничтожении евреев европейских стран, спланированном и организованном с немецкой пунктуальностью. Далее было признано, что аналогичная политика на истребление проводилась руководством Третьего рейха и по отношению к другим группам населения — цыганам, душевнобольным и гомосексуалистам.

Если поставить этот вопрос еще шире, то его можно было бы сформулировать следующим образом: дает ли гарантии развитие самой культуры народа против бесчеловечности? Вполне правомерно ставить этот вопрос и в связи с опытом организации советских концлагерей и массовым уничтожением «классовых врагов» в Советском Союзе в годы сталинской диктатуры.

Общий ответ на этот вопрос будет отрицательным: само по себе развитие культуры (высокой культуры), вклад той или иной страны в общечеловеческую цивилизацию не дает никаких гарантий не только относительно защиты человеческой жизни, но и использования зверских методов насилия — массовых убийств, увечий, физических и психологических пыток, заложничества, этнических чисток. Эти «средства утверждения своей правоты и своего господства» нашли широкое применение в конфликтах разного рода, но в особенности в этнических конфликтах второй половины XX в. Примеры массового насилия во времена Третьего рейха, а в Советском Союзе — во времена Гражданской войны, коллективизации, борьбы с «врагами народа» в период сталинской диктатуры наглядно показывают, что уровень культуры общества и народа оказывается весьма слабым препятствием как по отношению к ксенофобиям разного профиля, так и по отношению к распространению физического насилия против тех, кого от имени общества, народа, государства объявляют нежелательными, подозрительными, враждебными элементами.

Как правило, категоризация врагов и установка на допустимость насилия по отношению к ним формулируется властными структурами на основе реальных или воображаемых конфликтов интересов. Она «спускается сверху», находя активную поддержку «внизу» — в группах, интересы которых связаны с повышением их социального статуса. Нагнетание враждебности к классовым врагам или к евреям приобретает обычно характер массовой кампании, противодействовать которой не могут доводы разума. Наоборот, те, кто пытается апеллировать к разуму, сами попадают под подозрение как союзники или сочувствующие «враждебным обществу силам». Само по себе участие в преследовании «чужих» становится средством проверки лояльности по отношению к любым нейтральным кругам и лицам, и в первую очередь по отношению к интеллигенции и деятелям культуры. Такой прессинг требует жесткого самоопределения, к которому подчас не готовы именно представители культурной элиты.

В Германии, конечно, существовало культурное сопротивление антисемитизму и национал-социализму. Но большая часть тех, кто был способен на такое сопротивление, вынуждены были эмигрировать из страны. Дифференциация же тех, кто остался, может быть прослежена при сравнении судеб двух крупных немецких философов — Карла Ясперса и Мартина Хейдеггера[4]. Первый отказался от всякой поддержки нацистского режима, в результате чего он был лишен возможности преподавания и публикаций, он писал «для себя», сохраняя уверенность в неизбежном крахе фашистской системы. Второй оказался в числе тех немногих деятелей немецкой культуры, которые поддакивали охваченной националистическим угаром толпе, кто содействовал формированию настроений этой толпы и взвинчивал ее низменные инстинкты. В мае 1933 г. он вступил в нацистскую партию. На короткое время он был избран ректором Фрейбургского университета. В ректорской мантии он

произнес перед студентами пронацистскую речь, и провел меры по чистке университета от профессоров и преподавателей еврейского происхождения.

Таким образом, уровень культуры сам по себе не включает безусловный норматив защиты человеческой жизни, признания ее высшей ценностью. Сам же механизм массового уничтожения людей обосновывается концепциями, которые делят данный народ на «своих» и «чужих». В одних случаях это деление происходит на основе этно-национальных признаков, в других — на основе теории классовой борьбы.

Важна, однако, не только общая постановка вопроса о своих и чужих. Чтобы понять механизм акций массового уничтожения людей, нужно разобраться в нескольких вопросах: кем и как формулируются критерии отбора в состав групп, подлежащих уничтожению? Каким образом осуществляется умерщвление себе подобных? Предоставляется ли обществом какая-либо аргументация, оправдывающая действия палача? Как отбирается состав исполнителей подобных акций? Может ли человек, участвовавший в подобных акциях именно в этом качестве, продолжать жить спокойно и иметь нормальные отношения с другими людьми?

Чтобы ответить на подобные вопросы, необходимо было бы провести сравнительные исследования организации террора в разных странах, и, прежде всего, в Германии и СССР. Специальных исследований подобного рода не проводилось. Однако в обеих странах имела место дискуссия по всем этим вопросам. В результате этой дискуссии в Германии была перестроена система образования. В материалы школьных программ включены основные данные о холокосте. На территории бывших лагерей смерти в Германии, Австрии, Польше и других странах сохраняется сеть музеев, в которых собран большой фактический материал по процедурам массового уничтожения людей. Ежегодно издается большой объем специальной литературы. Иначе говоря, немецкий школьник и просто обыватель может ознакомиться с фактической стороной дела.

В России этим вопросам уделяется меньше внимания, хотя нельзя сказать, что здесь эти вопросы замалчиваются и не предаются огласке. На базе дискуссии о судьбах политзаключенных в советских концлагерях возникло правозащитное движение, в том числе общество «Мемориал». В конце 80 — начале 90-х годов выходил огромный поток литературы по проблемам «десталинизации» общества. Были изданы исследования Р.Медведева, А.Солженицина, Д.Волкогонова, Р.Пихои и многих других авторов, освещающих российскую — и тем более советскую — историю с позиций жертв сталинских репрессий и, более широко, жертв революции, Гражданской войны, коллективизации, необоснованных репрессий этнических групп на Кавказе и в других регионах страны. Неоднократно публиковались данные о размерах жертв сталинского режима[5].

Одним из наиболее важных результатов дискуссии конца 80-х годов стало изменение политического мышления не только правящей элиты, но и всех слоев общества, что привело к падению ав-

торитета и кризису КПСС, а затем и к распаду СССР[6]. Важно отметить, что дискуссия о жертвах сталинского режима была начата по инициативе Н.Хрущева в 1956 г. в закрытом порядке, что привело, в конечном счете, к тому, что изменения политического мышления и сами политические преобразования растянулись на несколько десятилетий.

В Германии (ФРГ) процесс осмысления «исторической вины» происходил быстрее. Прежде всего, благодаря тому, что Германия потерпела поражение в войне с Советским Союзом и демократическими государствами. Как отметил один из наших респондентов доктор П.Шульце, — «мы проиграли войну». «У тех, кто... потерпел поражение, и у тех, кто победил, складывается различная ментальность... Побежденный принужден считаться с результатами поражения. Он должен задуматься над вопросом о том, почему он потерпел поражение. В то время как победитель не задумывается над тем, почему он одержал победу. Нация, потерпевшая поражение, принуждена к изменению. Это одна из движущих сил». (*3.3.2.*)

Вместе с тем, ГДР и ФРГ пошли разными путями в осмыслении проблемы национальной вины. В ГДР была принята советская версия интерпретации вопроса об ответственности немцев: за преступления гитлеровцев отвечает национал-социализм как идеология и политическая структура, правившая Германией с января 1933 г. по май 1945 г. Более точно — те конкретные лица, которые являлись членами нацистской партии, ее руководителями на разных уровнях, и ее активисты, сумевшие подчинить себе немецкий народ и, так или иначе, вовлечь его во всю совокупность преступных действий 1933—1945 гг. Поэтому на территории ГДР последовательно проводилась политика денацификации. Она контролировалась как властями ГДР, так и органами КГБ. В ГДР нацистским преступникам было невозможно укрыться: ближайшие соседи или сослуживцы докладывали властям о прошлой деятельности тех, кто был причастен к активу НСДАП.

Ю.Фельдхофф считает, что формула ответственности, принятая в СССР и ГДР и связанная с делением немцев на «народ» и «фашистов», является большим упрощением. Он готов согласиться с тем, что предложенную выше формулу можно принять из тактических соображений, полагая, что на этом можно «успокоиться хотя бы на время». Но по сути вопроса он констатирует: «Сегодня проблема ответственности распространяется на весь немецкий народ, хотя большая часть немцев может считать себя в каком-то смысле антифашистами. (*4.1.7.*)

С точки зрения российского восприятия этот последний тезис звучит парадоксально: ведь антифашисты не могут считать себя ответственными за преступления нацизма!

Но антифашистами большая часть немцев стала лишь после войны, да и то далеко не сразу! Здесь тоже потребовался длительный процесс осмысления исторического опыта для того, чтобы признать именно «ответственность нации».

Первый прорыв относится к 60-м годам. В жизнь вступало молодое поколение, которое осудило своих отцов по двум позициям: за поддержку или несопротивление гитлеровскому режиму и за молчание по поводу уничтожения евреев (холокост). В уже упоминавшейся книге Ханны Фогт, опубликованной в это время, была предпринята попытка рассмотреть следующие вопросы: «Правда ли что Гитлер пришел к власти в результате чудовищного по несправедливости мирного договора (имеется в виду Версальский договор 1919 г., навязанный Германии союзниками-победителями — Великобританией, Францией, США, в котором Россия, находившаяся в состоянии Гражданской войны, не участвовала)? Виноваты ли западные державы в той же мере, что и Германия, в развязывании войны в 1939 г.? Являлось ли моральным долгом сопротивление Гитлеру? Как следовало вести себя людям нееврейского происхождения, когда начались преследования евреев?»[7]

Большая часть этих вопросов остаются животрепещущими ранами немецкого национального самосознания. Это то, что в социологической литературе получило название исторической и культурной травмы, столь характерной для XX столетия.

Дискуссии среди историков не завершились выработкой какой-либо единой точки зрения по этим вопросам. Интерес к ним то усиливается, то ослабевает, отчасти под влиянием политических страстей. Гордон Крейг, в частности, свидетельствует, что в конце 70-х годов иллюстрированные журналы Германии оказались заполнены «статьями о фюрере, его паладинах и триумфах его пропаганды. В музыкальных магазинах продавались новые записи голоса Гитлера, и объявлялось о скором выходе рок-оперы "Гитлер-суперзвезда" (по аналогии с рок-оперой «Христос-суперзвезда». — *А.З.*). Номерные знаки с автомобиля Гитлера и предметы его осеннего гардероба были проданы по баснословной цене в Мюнхене. По всей стране в переполненных кинотеатрах показывали фильм "Гитлер: карьера", основанный на биографии Феста, и лицо Гитлера смотрело с рекламных плакатов на каждой городской улице»[8]. К этому же времени относится возрастающая активность групп правоэкстремистского толка, объединившихся под эгидой Фронта действий национал-социалистов (Aktionsfront nationaler Sozialisten). Эти группы спланировали и осуществили вооруженные нападения на гарнизоны союзников в Гамбурге и Берген-Хоне с захватом оружия и боеприпасов. (По словам очевидцев аналогичные нападения на советские гарнизоны относились еще к 1964—1965 гг.[9]) Планировалась операция по освобождению Рудольфа Гесса из тюрьмы Шпандау, где он отбывал пожизненное заключение. Этими же организациями было ограблено несколько фирм и банков на сумму около 150000 немецких марок. Данные опросов Института по изучению общественного мнения в Мюнхене показали, что поддержка высказывания — «В Германии жилось лучше при Гитлере» — не была большой редкостью в конце 70-х годов.

Однако в феврале 1979 г. по всей Германии демонстрировался американский 4-серийный фильм «Холокост», который детально повествовал о механизме уничтожения евреев. Его посмотрели около 20 млн зрителей, а около 30 000 из них позвонили на телестудии с вопросами или предложениями представить материалы, уточняющие содержание фильма. В связи с этим возник еще один вопрос: знали ли немцы о судьбе евреев, в том числе немецких евреев в 1942—1945 гг.?

Во всяком случае, Карл Ясперс в августе 1945 г. выступил с обращением к немецкой нации, в котором констатировал: «Мы не вышли на улицы. Когда уводили наших еврейских друзей; мы не вопили, пока сами не оказались уничтоженными. Мы предпочли остаться в живых на том ничтожном и едва ли логичном основании, что наша смерть никому не поможет»... Ясперс заявил о «нашем позоре и бесчестье»[10].

Мы уже отмечали, что сам Ясперс, жена которого была еврейкой, оставался в Германии. В своей философской автобиографии он вспоминает, что должен был быть направлен в концлагерь в середине апреля 1945 г. Но 1 апреля в Гейдельберг вошли американские войска, избавившие его от участи, уготованной ему его соотечественниками-немцами[11].

В связи с обсуждением проблемы вины остановимся на двух упомянутых выше событиях, опираясь на фактические материалы, опубликованные в печати или в виде специальных исследований. Речь идет о поддержке Гитлера на выборах 1932 г. и о холокосте.

Приход нацистов к власти

Прежде всего, политическая программа Гитлера была опубликована в 1923 г. в его работе «Mein Kampf». Две идеи пронизывают содержание этой книги — антисемитизм и антикоммунизм. Мировое еврейство и немецкие евреи объявлялись врагами немецкого народа: «Juden ist unsere Unglück!» («Евреи — наше несчастье!»)

Таков был один из главных лозунгов нацистов, с которыми они шли на выборы в конце 20 — начале 30-х годов. «Евреи — виновники поражения Германии в войне и инициаторы Версальского договора, исполнение условий которого привело Германию к краху!» Непосредственными же врагами нацистов были коммунисты и социал-демократы, которые не могли договориться между собою, кто же из них лучше представляет «интересы рабочего класса». Во всяком случае, Гитлер не скрывал своих планов ни по поводу войны в Европе и «похода на Восток» (необходимость «расширения жизненного пространства»), ни восстановления армии и военной промышленности, ни по поводу восстановления рейха в пределах проживания немцев и австрийцев на первых порах.

Важно не забывать, что довоенная и военная антисоветская пропаганда гитлеровской Германии строилась на «теории» мирового еврейского заговора, исполнителями которого выступали

большевики. «Комиссары и евреи» были приравнены друг к другу как первые в очереди на уничтожение. Объединение большевизма и еврейства было главным идеологическим конструктом Третьего рейха, направленным на Советскую Россию! Именно поэтому заключение договора о ненападении, а потом и «о дружбе», известное как пакт «Молотова—Риббентропа» не встретило понимания в советском обществе.

Несомненно, что ответственность за преступления гитлеровской клики должна быть возложена, прежде всего, на ту часть немецкого народа, которая приняла Гитлера как лидера нации и государства, голосовала за его партию при выборах в рейхстаг в 1932 и 1933 гг., поддержала его назначение на пост канцлера — то есть главы исполнительной власти Третьего рейха, пришедшего на смену Веймарской республике. Посмотрим, как изменялась доля этой поддержки? Для этого обратимся к данным об итогах выборов в рейхстаг — парламент Веймарской республики.

На выборах 20 мая 1928 г. нацисты получили чуть больше 800 тыс. голосов, что составило всего 2,6% от числа участвовавших в выборах. Социал-демократы получили тогда более 9 млн голосов, то есть около 30%, а коммунисты 3,3 млн — 10,6% голосов.

14 сентября 1930 г. картина резко меняется — нацисты становятся второй партией в Германии и рейхстаге — 6,4 млн голосов (18,3%); социал-демократы — 8,5 млн (24,5%), коммунисты 4,6 млн (13,1%).

На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. нацисты оказываются первой партией — они получают 13,8 млн (37,4% голосов!) — несколько больше, чем социал-демократы и коммунисты вместе взятые! Социал-демократы получили почти 8 млн — 21,6%; коммунисты — 5,3 млн — 14,6% голосов. Это означало, что нацисты получили в рейхстаге 230 мест из 608. (Социал-демократы получили 133 места, коммунисты — 89.)

Это была крупная победа нацистов, но пока они еще не могли решить главный вопрос — добиться того, чтобы фюрер нацистской партии стал реальным главой исполнительной власти — канцлером. Однако итоги выборов позволили Герингу — при поддержке католического Центра — занять пост Председателя рейхстага[12]. Этот пост позволил ему уже на первом заседании рейхстага 12 сентября 1932 г. превратить формальную процедуру голосования по вопросу об отставке правительства Папена в содержательную. Посовещавшись в перерыве на первом заседании рейхстага, нацисты приняли решение поддержать предложение коммунистической фракции об отставке правительства. Это предложение получило поддержку 513 членов рейхстага против 32![13] Вместе с тем указом президента был распущен и рейхстаг! Новые выборы были назначены на 6 ноября 1932 года.

На этих выборах нацисты потеряли два миллиона голосов — число их сторонников уменьшилось с 13,7 до 11,7 млн. Их поддержала ровно одна треть избирателей — 33,1%. Социал-демократы по-

лучили 7,2 млн (20,4%), а коммунисты почти 6 млн (16,9%). Места в парламенте несколько перераспределились — нацисты получили 196 мест, коммунисты — 100, социал-демократы — 121[14]. И в этот раз национал-социалисты не получили убедительного большинства. Поэтому президент республики Гиндебург принимает решение назначить генерала Курта фон Шлейхера канцлером в условиях парламентского правительства, которое оказалось практически парализованным, благодаря сложившейся расстановке сил в рейхстаге. Фигура Шлейхера оказалась промежуточной: в правительственной программе он заявил, что «не является ни сторонником капитализма, ни сторонником социализма»; пообещал снизить цены на уголь и продукты питания, снизить налоги и не допускать понижения зарплаты. Такие заявления не могли быть поддержаны ни бизнесом, ни крупными аграриями, ни иными консервативными силами в Германии. Шлейхер пробыл на посту канцлера 57 дней.

За это время многое определилось в расстановке внутриполитических сил в германской элите.

Поначалу ноябрьские выборы и назначение фон Шлейхера на пост канцлера привели к острейшему кризису внутри национал-социалистической партии. Это выразилось в открытом конфликте между Гитлером и Штрессером, который был в это время вторым человеком в партии. Финансовая поддержка партии ослабла, не хватало денег на содержание аппарата и на издание прессы. Дело дошло до того, что некоторые из нацистов стали переходить в ряды КПГ.

Однако Гитлеру удалось собраться с силами, убрать Штрессера со всех постов в партии, и переломить ситуацию в свою пользу. Решающую поддержку Гитлеру в этот момент оказал бывший канцлер Германии фон Папен, руководство армии, финансовые круги и «семья» президента, — Государственный секретарь Мейсснер и сын президента Оскар фон Гиндебург.

Пока Шлейхер находился у власти, в Берлине распространились слухи о готовящемся военном перевороте в пользу Папена. Под влиянием этих слухов Гиндебург 30 ноября 1932 г. отстранил от власти только что назначенного им канцлера и наделил этими полномочиями Адольфа Гитлера. Так закончилась 14-летняя драма Веймарской республики — «демократии без демократов» — очень интересного периода в истории Германии, содержавшего в себе массу возможностей, из которых, в конечном счете, была реализована только одна — наиболее драматичная для последующей истории Европы и всего человечества.

Первая акция, предпринятая новым правительством, состояла в том, чтобы вынудить президента распустить рейхстаг, и объявить новые выборы. Они были назначены на 5 марта 1933 г. При подготовке к этим выборам нацисты теперь уже могли использовать все ресурсы государственной власти наряду с антиконституционными мерами. Первая из них состояла в запрещении коммунистической прессы и предвыборных собраний коммунистов. В схватках на предвыборных митингах погибли более 50 человек из числа ак-

тивистов антинацистских организаций — не только коммунистов, но и социал-демократов и католиков. К этому же времени 27 февраля 1933 г. — ровно за неделю до выборов! — была организована одна из наиболее известных провокаций (выражаясь нынешним языком, «беспроигрышная пиаровская акция») — поджог здания рейхстага и обвинение в поджоге коммунистов!

Результат этих последних выборов (накануне на собрании с ведущими промышленниками страны Геринг заявил, что новых выборов не произойдет не только в течение ближайших 10, но даже 100 лет![15]) оказался действительно внушительным — 17,3 млн избирателей или 44% электората — легитимизировали приход Гитлера к власти. Нацисты получили 288 мест в парламенте из 647 (в союзе с нацистами была националистическая партия фон Папена, получившая 52 места). И все же у социал-демократов осталось 129 мест, а у коммунистов 81. В целом, за социал-демократов и коммунистов проголосовало даже на этих выборах около 12 млн избирателей. Итак, ***17 миллионов против 12 — такова была воля немецкой нации, запутавшейся в политических интригах, и изъявившей готовность принять нового мессию!***

Таким образом, приход Гитлера к власти совершился в два этапа. На первом этапе он получил пост канцлера из рук президента Гиндебурга (30 ноября 1932 г.). С одной стороны, это был результат откровенного и наглого стремления немецкого национал-социализма захватить власть в стране, опираясь, с одной стороны, на рост реваншистских и антисемитских настроений, отчетливо проговаривавшихся в немецких пивных[16], и, с другой стороны, — использования в своих интересах слабости и раскола тех сил, которые были оппозиционными по отношению к реваншистской политике. Непременным условием этого изменения исполнительной власти была сознательная поддержка со стороны правящих кругов Германии — ее финансовой, промышленной, военной, дипломатической элиты. Конечно, для значительной части этой элиты Гитлер оставался политическим выскочкой, демагогом-недоучкой, обладающим способностью гипнотически воздействовать на толпу на массовых митингах! Но все же он был предпочтительнее социал-демократических вождей, обнаруживших за годы Веймарской республики свое политическое бессилие и нерешительность, не говоря уже о коммунистах, которые отпугивали средние классы страны своей ориентацией на «диктатуру пролетариата», на Москву и Коминтерн!

Второй этап прихода Гитлера к власти состоял в организации и проведении новых выборов в рейхстаг, на которых решение правящей элиты было поддержано законным путем и на основе демократической процедуры выборов в парламент. 44% голосов только за нацистов, не говоря уже об их союзниках!

Американский исследователь В.Ширер подводит итог этим событиям следующим образом: «Ни один из классов, ни одна политическая партия или группировка не может избежать своей доли

17 Заказ № 1007

ответственности в деле устранения демократического режима и прихода Гитлера к власти.

Кардинальная ошибка тех немцев, которые противостояли нацизму, состояла в том, что они не смогли объединиться в своей борьбе. Даже на пике поддержки на выборах 1932 г., национал-социалисты получили только 37% голосов! Однако 63% тех, кто ему противостояли, оказались слишком раздроблены и недальновидны для того, чтобы объединиться против общей опасности. Они должны были понимать, что эта сила разобьет их поодиночке. Коммунисты — по указанию Москвы — до последнего момента были преданы глупой идее, прежде всего, одержать победу над социал-демократами; социалистические профсоюзы и иные слои среднего класса полагались на сомнительную теорию, что хотя их действия и приведут к нацистскому режиму, но этот режим долго не продержится, он будет временным, и неизбежно приведет к краху капитализма, после чего верх возьмут коммунисты, которые установят диктатуру пролетариата».

Социал-демократы и их вожди, которые пользовались наибольшей поддержкой населения в период Веймарской республики, оказались не способны к решительным действиям в нужный момент... «Если империя Гогенцоллернов была основана на военном триумфе Пруссии, а Веймарская республика — на поражении в Первой мировой войне, — продолжает В.Ширер, — то возникновение Третьего рейха не связано ни с тем, ни с другим...

Он утвердился как "законный" режим в мирное время и мирными средствами... немцы сами призвали нацистскую тиранию на свою голову»[17].

Предложенный способ рассуждения стал обоснованием идеи ответственности всей немецкой нации за преступления нацистов! Действительно, именно соединение успеха на выборах и открытого террора против любых оппозиционных сил обеспечило массовую поддержку нацистскому режиму. Вот как К.Ясперс характеризует обстановку, сложившуюся после выборов: «В 1933 г. повторилось всеобщее опьянение со всеми признаками массового помешательства»[18].

По этому поводу заметим следующее: данные о результатах голосования, которые приводились выше, свидетельствуют о том, что в конце 20 — начале 30-х годов немецкая нация, немецкий народ находился в состоянии глубокого раскола. Можно сказать, что уличные схватки между нацистами и коммунистами, имевшие место в немецких городах в это время, свидетельствовали, что страна находилась на грани гражданской войны. 63% противников нацизма в 1932 г. и даже более 50% — в 1933 г. — это тоже немалая доля населения. Те, кто голосовали «против», не могут разделять равную ответственность за приход фашистов к власти с теми, кто голосовал «за»!

Российские исследователи особое внимание при анализе ситуации в Германии в начале 30-х годов уделяют позициям интеллектуальной элиты страны. «Истинно великие люди духа — это те, которые чутко улавливают грань между подъемом высших сил народа, национальной гордостью и агрессивной национальной спе-

сью, отсутствием самокритики. Между честным стремлением понять истоки кризиса, причины неудач, ошибок именно *своего* народа — и попытками свалить все его беды на другие народы и нации. Между состоянием пусть непростого, конфликтного гражданского мира, мира между нациями и народами — и массовым кровопролитием. Человек великого духа никогда не переходит такую грань и страстно призывает к тому же свой народ и другие народы. Истинный патриотизм состоит, стало быть, в том, чтобы предостерегать и всеми силами бороться против опасных состояний своих наций, народа, против воинственных «фюреров», против черно-, коричневорубашечников, которые обычно плодятся на глубоких кризисах и народной боли Ибо в понятие величие духа сегодня еще настоятельнее, чем прежде, включается социально-нравственное измерение, верность принципам подлинного, а не словесного гуманизма»[19].

Таких людей оказалось немного среди немецкой интеллигенции, но и те, кто были, либо эмигрировали, либо ушли во внутреннюю эмиграцию. На переломе событий им не удалось овладеть вниманием массы, ибо уже тогда действовал жесткий политический механизм отбора тех, чей голос мог бы быть услышан. Тем более, после этого перелома, после так называемой националистической революции. В этот период в интеллектуальной элите Германии произошел раскол: М.Хейдеггер, К.Шмидт, значительная часть университетской профессуры избрала поддержку нацизма как единственный способ сохранения своего положения. И лишь немногие самоустранились. Критика нацизма получила развитие лишь в эмигрантской литературе.

Нужно сказать, что Нюрнбергский процесс над военными преступниками рассматривал проблему ответственности за военные преступления в несколько иной плоскости. Подсудимыми на процессе были руководители различных ведомств нацистского государства, НСДАП, вермахта, средств массовой информации — тех институтов, кто инициировали Вторую мировую войну[20].

Однако институциональный подход к проблеме не может рассматриваться как справедливый, поскольку в этом случае часто непосредственные исполнители преступных деяний имеют возможность избежать ответственности на основе формулы «исполнения приказов».

Поэтому в 60-е годы в связи с вступлением в сознательную жизнь нового поколения немецкой интеллигенции, которое обратилось с вопросом к своим отцам и дедам: почему они поддержали нацистский режим, какова была их собственная доля участия в преступлениях этого режима? Именно в этот период обострился и национальный аспект проблематики вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения. Общественное мнение ФРГ приняло версию немецкой вины, и ответственности немецкой культуры за преступления нацизма. При этом, если в дискуссии 60-х годов преобладали моти-

вы семейной истории и индивидуальной ответственности и вины, то в начале 80-х годов в Западной Германии верх одержала концепция «коллективной ответственности нации».

В этой связи обратимся к высказываниям наших респондентов. Тигго Эйхлер заявляет вполне определенно: «Я исхожу из того, что коллективной вины не существует! Это, по-моему, очень легко понять. Есть индивидуальная вина каждого!

А что должно быть коллективным, так это стыд за то, что предки натворили!

И я не знаю, сохранится ли Германия на этом пути, или она растворится в каком-то там европейском или всемирном глобальном духе? Потому что произошел распад германского, немецкого общества, и он зашел достаточно далеко!» И еще одно характерное высказывание о немцах, имеющее прямое отношение к рассматриваемой проблеме:

«Для немцев типична *упреждающая готовность*: исполнители знали, чего от них хотят, и делали даже больше того, чем им приказывали. Это развитое верноподданническое сознание! "Понявшие" начальство, делали то, что им не было приказано, но что, по их умозрению, было на руку или в духе того, чего от них хотели!» (*4.1.5.*)

Есть и еще один аспект проблемы вины, который постоянно обсуждается в немецком самосознании. Это проблема поколений. Приведем высказывание П.Стыков: «Главная проблема немцев сейчас состоит в том, как быть с этой виной?

Немцы начали войну, они уничтожали евреев, а войну проиграли! Кто несет ответственность — коллективную или индивидуальную? "Народ" или "руководители"? И каковы следствия того или иного ответа на этот вопрос? Вот это проблема, да?

А для подрастающего поколения этот вопрос формулируется иначе: наши отцы, деды это сделали, — хорошо, но мы-то здесь причем? И тут проблема, что молодое поколение все-таки... даже не очень молодое, а под 40 — под 50 лет хотят закончить это дело более или менее в том смысле, что мы не должны чувствовать себя на веки вечные виновными!

Это было! Это было страшно! Но нужно стараться, чтобы это не повторилось, и все! Но мы-то — невиновны! Нельзя постоянно и на веки вечные вот так нам тыкать в нос: "вы виноваты!" ...И вот в этом-то именно и состоит проблема: как быть с этой виной, которая существует как коллективная вина, но которую нельзя просто передать каждому новому поколению немцев!» (*4.1.9.*)

«Кроме того, если человек мучается проблемой вины и чувствует себя как бы униженным тем, что его постоянно тыкают, то он не очень-то хочет еще больше узнавать об этом! ...Это путь к фрустрации, а не к рационализации того, что рационализировать невозможно!» (*4.1.1.*)

Таким образом, проблема вины немцев за преступления нацистов рассматривается на трех уровнях. Во-первых, на индивидуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные

именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932—1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории;

Во-вторых, на уровне институтов — организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями. (Заметим, что Главный штаб вооруженных сил Германии не вошел в список этих организаций, как бы отделив военное командование от политического руководства страны, что остается предметом дискуссии в самой Германии.)

Наконец, третий уровень ответственности и вины — общенациональный, состоящий в вычленении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идей расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом.

Дискуссионным остается вопрос о роли немецкого романтизма в формировании психологии иррационального восприятия жизни и смерти, которое, несомненно, использовалось для обоснования безразличного отношения к массовому уничтожению людей. Что касается национального характера немцев, то здесь проблематичным с точки зрения комплекса вины остаются, по крайней мере, два момента — сочетание сентиментальности и жестокости, и готовность к восприятию группового и национального лидерства (чисто немецкого «фюрерства»).

Холокост

Теперь обратимся к проблеме холокоста. В советской и даже постсоветской литературе она почти не обсуждалась. В СССР сам термин «холокост» (жертвенное сожжение — шоа) был неизвестен. Скорее всего, потому, что в послевоенное время существовала практика вытеснения евреев в Израиль, то усиливавшаяся, то ослаблявшаяся. Конкурентоспособность евреев представляла опасность для советской бюрократии послевоенного периода. Евреи не допускались на работу в партийный аппарат и на некоторые руководящие посты в науке и промышленности. Пик советского антисемитизма относится к 1952 г. Он связан с делом врачей, которое, возможно, не удалось развернуть в полном объеме в связи со смертью Сталина.

В советской исторической литературе использовался и еще один аргумент, на основании которого тема холокоста намеренно замалчивалась. Это тезис о нецелесообразности разделять жертвы фашизма по национальному признаку. Все-таки советский народ потерял за годы войны — по официальным данным — от 27 до 28 млн человек, включая евреев России, Белоруссии, Украины, Прибалтики. Другой аргумент — более позднего происхождения, который мне довелось услышать от своих коллег, состоит в том, что прежде чем

говорить и писать о холокосте, следует разобраться с причинами и ответственностью за массовое уничтожение людей в условиях советского общества. На мой взгляд, одно не исключает другого.

И все же необходимо признать, что официальная идеология советского общества базировалась на интернациональной идее марксизма. Практические ориентации некоторой части бюрократии вступали в противоречие с официальной доктриной. Поэтому российский антисемитизм не идет ни в какое сравнение с нацистским немецким антисемитизмом, который стал официальной идеологией и практикой правящей партии Германии.

Что же такое холокост? Это — практика истребления и уничтожения еврейского населения в массовом масштабе. Организация массового уничтожения евреев обосновывалась «идеей» деления человечества на расовые группы, при этом арийская раса и «немецкий дух» объявлялись высшей расой и «высшей цивилизацией», остальные же группы (прежде всего евреи, а затем, цыгане и славяне) рассматривались в качестве «неполноценных» или «недочеловеков» («Untermensch» — название одного из журналов, выходивших в Германии в 40-е годы). Идея расовой борьбы стала краеугольным камнем идеологии национал-социализма, а антисемитизм — главным средством мобилизации немецкого народа и общества на поддержку политики нацизма.

Созданная Гитлером и его кликой Национал-Социалистическая Немецкая Рабочая партия (НСДАП) приняла антисемитские установки в качестве своих программных целей. После прихода к власти Гитлера антисемитизм превратился в государственную доктрину, которая стала «претворяться в жизнь». Уже 1 апреля 1933 г. — через три недели после выборов в рейхстаг — был объявлен массовый бойкот еврейских магазинов, медицинских учреждений, адвокатов, сопровождавшийся погромами.

10 мая того же года учинено публичное сожжение книг.

15 сентября 1935 г. германский рейхстаг одобрил так называемые нюрнбергские расовые законы, согласно которым всем евреям запрещалось вступать в брак с представителями арийской расы, равно как и арийцам вступать в сексуальные контакты с евреями. Евреям было предписано носить «Звезду Давида» при выходе из дома. Им запрещалось использование общественного транспорта, запрещалось иметь собак. Одновременно шло вытеснение евреев из всех областей экономики и общественной жизни.

В сентябре 1937 г. были приняты законы об ариизации экономики, суть которых состояла в принуждении к продаже еврейской собственности. 26 апреля 1938 г. принимается закон о регистрации всех финансовых счетов, принадлежащих евреям. 15 июня того же года проводится «Операция против асоциальных элементов», в результате которой 1500 человек отправлены в первый концентрационный лагерь. 17 августа принимается еще один закон — всем евреям предписывается принять дополнительное имя — Сара или Израиль. 12 ноября 1938 г. Геринг проводит конференцию, кото-

рая вводит Suhneleistung der Juden — компенсацию правительству за ущерб, причиненный во время еврейских погромов в размере 1 млрд дейчмарок!

9 ноября 1938 г. вошло в историю как «ночь кристальных ножей» — Reichkristallnacht. Это был организованный НСДАП и государством еврейский погром во всей Германии. Во всех городах и, прежде всего, в Берлине были разгромлены и сожжены синагоги.

Обратим внимание на то, что большая часть этих акций основывалась на принимаемых рейхстагом законах! Соблюдались, следовательно, принципы «правового государства». В ходе этих последовательно наращиваемых «операций» геноцида евреи вначале были поставлены в положение нелюдей, а затем, стали уничтожаться физически. Но все это еще не холокост. Это подготовка к нему, прежде всего, *психологическая обработка всей немецкой нации в духе отрицания за евреями права на человеческое достоинство!*

История собственно холокоста начинается 20 января 1942 г. — Конференцией в Ваннзее — совещанием в уединенном особняке, расположенном на берегу озера Ваннзее. В годы Третьего рейха особняк служил местом отдыха высших чинов гестапо. На конференции были рассмотрены практические задачи «окончательного решения еврейского вопроса», иначе говоря, был введен в действие план систематического и всеобщего уничтожения европейских евреев. По поручению Геринга совещание проводил Р.Гейдрих — руководитель службы безопасности гестапо. (Будучи сыном немецкого композитора, директора Берлинской консерватории, Гейдрих получил весьма утонченное образование. С июня 1941 г. — руководитель «Эйнзатцгрупп» на оккупированной территории Советского Союза. Убит 27 мая 1942 г. в Праге участниками чехословацкого сопротивления).

Присутствовали на совещании 15 высших чиновников Третьего рейха (в их числе пресловутый Г.Мюллер и А.Эйхман (1906—1962), который только в 1960 г. был разыскан израильской разведкой, в декабре 1961 г. — приговорен к смерти в Израиле, и 31 мая 1969 г. — повешен). Три участника Конференции в Ваннзее дожили до середины 80-х годов.

В соответствие с планом, принятым на этой исторической конференции, уничтожению подлежало 11 миллионов человек. Наибольшая доля приходилась на Советский Союз, Польшу, Венгрию, Чехословакию. На Конференции обсуждались организационные и технические вопросы осуществления этой акции (средства транспортировки, организация работы лагерей уничтожения), распределялась ответственность исполнителей. Как известно, план был выполнен более, чем наполовину. Однако, следует признать, что пять миллионов жизней были сохранены благодаря победе советского оружия в Великой Отечественной войне.

При обсуждении «проблемы вины» тема холокоста в Германии остается доминирующей. Лишь один из наших респондентов сформулировал следующую — очень важную — мысль:

«Мы постепенно осознали то, что не только евреи были жертвами геноцида, но и масса нееврейского населения — русские, украинцы, белорусы и, конечно, поляки — тоже были жертвами, что не мы были жертвами, а другие народы, так как мы сами напали на Россию—Советский Союз, что все эти акции — не менее серьезные преступления против человечества, чем холокост» (*4.1.4.*)

Заметим, что с этим мнением трудно не согласится россиянину. Но оно не является позицией официальных властей Германии. Это мнение одного из респондентов — директора музея в Карлсхорсте. Оно и не может стать таковым до тех пор, пока не будет прояснен вопрос о смысле окончания войны в 1945 г.: было это «поражение» или «освобождение», поражение немецкой нации или освобождение от гитлеровской тирании? Как мы видели, некоторые из респондентов с большей готовностью принимают формулу поражения, поскольку она может выполнять мобилизующие функции по отношению к выходу из послевоенного кризиса. «Немцы ошиблись в 1933 г., и они жестоко поплатились за это. После войны они извлекли из этого уроки, и стали другим народом». Такова примерная логика рассуждения, при которой можно в принципе игнорировать вообще факт участия России—СССР во Второй мировой войне. Эта логика игнорирует российские жертвы.

Чаще всего в подкрепление этой логики используется идея превентивности нападения Гитлера на Советский Союз. Однако идея превентивности, на наш взгляд, настолько несерьезна, что даже не заслуживает научной критики. Что же касается жертв нацизма и немецкой оккупации, понесенных советской стороной, то это преступление нацизма, которым немецкие историки займутся в будущем. Отметим здесь лишь одну немаловажную деталь: потери Советского Союза в войне, подсчитанные по очень скрупулезной методике с учетом размеров смертности и рождаемости, составили 27—28 млн человек. При этом военные потери оцениваются от 8 до 9 млн. Остальные 18—20 млн погибших во время войны — это гражданское население и военнопленные!

Ход же рассуждения россиянина по этим вопросам примерно таков. На нас напали (кстати, в очень урожайный и благоприятный год), но мы выстояли и победили в этой жестокой войне. Война закончилась нашей победой и *освобождением* Германии и всей Европы от нацизма. Нужно ли было нам руководствоваться чувством мести, справедливого отмщения за те несчастья и испытания, которые выпали на нашу долю? Разумеется, некоторые из российских солдат и даже военачальников руководствовались этим чувством, но весь народ не может испытывать жажду отмщения. Это чувство губительно не только для отдельного человека, но и для народа в целом! Мы победили, война закончена на территории врага, и враг был вынужден принять безоговорочную капитуляцию!

С этого момента заканчивается история войны и начинается история мира! После войны у каждого из народов возникли свои «заботы и дела». Немцы заслуживают уважения за то, что они ис-

пользовали свои организаторские способности в восстановлении мирной жизни и обеспечили благоустройство своей страны, не в последнюю очередь и благодаря ликвидации военного производства! Они создали общество благосостояния.

Наш же проект с коммунистическим будущим оказался не реальным! Но это уже наши собственные проблемы, и мы никому не выставляем счет за наши ошибки.

Лучше сосредоточиться на решении внутренних задач, на том, чтобы результаты труда не разворовывались, а шли на пользу людям!

Благодаря тому, что существовала ГДР, многие из россиян убедились в том, что немцы — тоже люди! Еще раз важно подчеркнуть: *в 1945 г. началась послевоенная история. В ходе этой — уже другой — истории немцы сумели отмобилизоваться и восстановить Германию. В 1990 г. Горбачев помог им с восстановлением общенемецкого государства, что тоже правильно в принципе, хотя детали этого решения могли бы быть иными.*

Нынешнее отношение русских к немцам может быть проиллюстрировано следующими распределениями ответов при общероссийском опросе, проведенном в 2002 г. Приведем здесь три весьма примечательных распределения.

Первый вопрос относится к выяснению ассоциаций, которые возникают при упоминании Германии. Он был сформулирован следующим образом: «Когда при Вас говорят о Германии, что первым делом приходит Вам на ум?»

Ответы респондентов распределились следующим образом (можно было выбирать до трех вариантов):

1. 69,0% — Великая Отечественная война;
2. 31,4% — телевизионные виды опрятных, старинных немецких городов;
3. 30,8% — названия крупных немецких фирм — производителей товаров;
4. 22,0% — великие германские мыслители, музыканты, писатели, деятели культуры;
5. 19,7% — пиво, сосиски;
6. 12,3% — германское послевоенное «экономическое чудо»;
7. 9,8% — имена друзей, родственников, знакомых, живущих в Германии;
8. 6,3% — немецкие спортсмены;
9. 2,7% — иное.

При данной формулировке вопроса почти 70% респондентов вспоминают о войне. При этом заметим, что первая позиция более, чем в два раза превосходит вторую!

Второй вопрос относится к области восприятия национального характера. Важно было сопоставить оценки 18-ти наиболее характерных (стереотипных) качеств русских и немцев. В таблице 1 приведены оценки российских респондентов, полученных в опросах 1996 и 2002 годов.

Таблица 1

Черты характера, наиболее присущие немцам и россиянам, по данным опросов 1996 и 2002 гг., % от количества опрошенных

Черты характера	Присущи россиянам (a)		Присущи немцам (b)		Коэффициент* (k)	
	1996	2002	1996	2002	1996	2002
1. Доброта	81,6	84,0	7,3	4,7	74,3	79,3
2. Гостеприимство	89,6	87,0	11,6	8,2	78,0	78,8
3. Терпимость	—	80,4	—	6,3	—	74,1
4. Смелость	—	78,5	—	5,8	—	72,7
5. Расхлябанность	59,9	73,4	1,2	2,0	58,7	71,4
6. Необязательность	64,7	73,5	3,5	5,5	61,2	68,0
7. Неряшливость	50,1	64,3	2,6	4,1	47,5	60,2
8. Духовность	—	62,9	—	14,4	—	48,5
9. Честность	43,4	34,6	32,5	29,7	10,9	4,9
10. Жестокость	18,0	14,3	37,4	45,1	−19,4	−30,8
11. Эгоизм	20,6	14,4	36,8	46,1	−16,2	−31,7
12. Вежливость	27,0	17,6	56,1	65,3	−29,1	−47,7
13. Скупость	10,7	5,0	54,5	72,0	−43,8	−67,0
14. Деловитость	24,3	12,0	69,4	79,2	−45,1	−67,2
15. Законопослушание	12,0	8,3	67,1	79,0	−55,1	−70,7
16. Расчетливость	14,7	6,7	72,5	84,0	−57,8	−77,3
17. Пунктуальность	3,5	4,2	67,6	88,8	−64,1	−84,6
18. Аккуратность	7,6	2,5	89,6	94,4	−82,0	−91,9

** Порядок расположения качеств в таблице определен величиной коэффициента по данным 2002 г. Коэффициент (k) получен по формуле: k=a—b, где «а» означает долю респондентов, отметивших соответствующие качества россиян, а «b» — немцев.*

В этой таблице мы использовали данные опроса не только 2002 г., но и 1996 г., что позволяет проверить устойчивость этнонациональных стереотипов в массовом сознании. При этом обращают на себя внимание разрывы между значимостью качеств: между «скупостью» и «вежливостью» — 20 пунктов падения коэффициента, «жестокостью» и «честностью» — 36, «честностью» и «духовностью» — 44.

Приведенные данные позволяют нам сопоставить между собой то, что в научной литературе получило название «автостереотип» (т.е. восприятие народом самого себя) с «гетеростереотипом» (восприятие другого народа). Выясняется, что в состав автостереотипа россиян на первое место выходят такие качества, как: доброта, гостеприимство, терпимость, смелость, духовность. Это составляющие позитивного автостереотипа. В то же время россияне отмечают, что им свойственны: расхлябанность, необязательность, неряшливость. Это то, что называется негативными автостереотипами.

Стереотипный образ немцев характеризуется такими позитивными качествами, как: аккуратность, пунктуальность, законопослушание, деловитость, вежливость. К негативным свойствам немецкого характера относят: скупость, эгоизм и жестокость.

И немцы, и россияне имеют положительные и отрицательные качества, согласно стереотипному восприятию россиян. Характерно, что и негативные, и позитивные автостереотипы и гетеростереотипы за последние 6 лет увеличились, стали еще более определенными, «острыми», категоричными, что свидетельствует о росте национальной консолидации россиян, об их потребности в самоидентификации. При этом иерархия представлений россиян о свойствах характера, присущих немцам и им самим, за шесть лет практически не изменилась.

Что касается восприятия проблемы ответственности за злодеяния немцев, совершенные на российской земле, то во введении мы приводили данные на этот счет: половина россиян согласны с тем, что настало время для того, чтобы немецкий народ перестал испытывать чувство вины перед жертвами гитлеровской агрессии. Но треть населения поддерживают противоположное суждение: чувство вины за злодеяния гитлеровского режима должны ощущать и нынешнее, и последующие поколения немцев.

В России, как и в Германии, нет единого мнения по вопросу о вине немцев как нации за злодеяния фашистского режима. Более того, со временем становится все более ясным, что комплекс вины — это внутреннее дело самого немецкого народа и каждого немца, который соединяет себя с немецкой нацией и культурой. Все в большей мере в содержании этой проблемы выступает не политический компонент, а компонент нравственный. В индивидуальном плане это вопрос совести гражданина, его собственного отношения к своей нации, к ее истории, к войне, к другим народам, которые, так или иначе, участвовали в трагических событиях XX века.

[1] Одна из первых книг по этому вопросу принадлежит немецкому историку Fridrich Meineke: The German Catastrophe. Cambridge, Mass., 1950.

[2] См.: Vogt H. The Burden of Guilt. N-Y, 1964 (на немецком языке — Schuld oder Verhängnis? (Вина или рок?) 1961).

[3] Goldhagen D.J. Hitler's willing executioners: Ordinary Germans and Holocaust. N-Y, 1996.

[4] Такое сравнение на русском языке проведено в работе Н.В.Мотрошиловой «Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хейдеггера», опубликованной в Философском альманахе за 1991 год.

[5] Так, В.Кудрявцев и А.Трусов на основе сопоставления основных источников по этому вопросу и анализа архивных документов карательных органов приходят к следующим оценкам численности жертв репрессий: за весь период 1918—1958 гг. было осуждено в судебном и внесудебном порядке около 6 млн 100 тыс. человек. До 1991 г. 6 млн 105 тыс. человек. Из этого числа было расстреляно 1 млн 165 тыс. человек. Подверглись насильственному переселению от 2,5 до 7 млн человек. Учитывая и иные формы репрессий, авторы приходят к выводу, что политическим репрессиям за годы советской власти было подвергнуто от 8,6 млн до 13 млн человек. Расхождение с оценками А.Солженицина (около 60 млн человек) авторы объясняют тем, что в статистике писателя учитываются не только непосредственно репрессированные, но и члены их семей.

См.: Кудрявцев В. и Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. С. 317—318.

[6] Мысль о связи кампании десталинизации с распадом СССР была высказана в дискуссии в немецко-российском Центре ГУ-ВШЭ Д.Цыганковым. Ее трудно оспорить

[7] Цит. по: Гордон Крейг. Немцы. М.: «Ладомир», 1999. С. 79.

[8] Там же. С. 81.

[9] Со слов А.Н.Васина, проходившего в ГДР службу в армии в эти годы.

[10] Цит. по: Крейг Гордон. Немцы. С. 154.

[11] Ясперс К. Философская автобиография. М.: Из-во Независимой психиатрической ассоциации, 1955. С. 62.

[12] Стоит заметить, что в 2000 г. в экспозицию выставки, посвященной истории рейхстага, в его новом строящемся здании, был включен портрет Геринга при его регалиях Председателя рейхстага!

[13] Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. Pan Book Ltd. P. 214—15.

[14] Reichstagswahlen von 1928—1933 // Deutsche Geschichte 1933—1945. Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik. Hrgb von W/ Michalka. Fischer Taschenbuch Verlag. P. 342.

[15] Shirer W.L. P. 237—238.

[16] На этом основании возник специфический термин — «пивной национализм». Вот как характеризует его Н.Мотрошилова: «Немцам, которые естественно чувствительны, даже сентиментальны, если речь заходит от родных краях, о «пути вдоль поля», о зове предков, о древних мифах, для начала преподносится романтизированная идеология «почвы и крови». Неискушенный в подтекстах простой человек, наделенный естественной национальной гордостью, мог и не заметить, как следующим шагом его уже заводили в дебри националистического почвенничества, требовавшего бороться за «чистую», «арийскую» кровь против всех тех, кому судьба такой крови не послала. Не успели завсегдатаи пивных сообразить, как их чувство национальной гордости и переживание национальной униженности... уже направлялись в никогда не пересыхающие русла националистической спеси, реваншизма, расизма — с явным антисемитским и антиславянским уклонами». (Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хейдеггера // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. С. 187.)

[17] Shirer W.L. Op. cit. P. 233—235.

[18] Ясперс К. Указ. соч. С. 58.

[19] Мотрошилова Н.В. Указ. соч. С. 230.

[20] Напомним состав подсудимых на Нюрнбергском процессе и их судьбу:

Как известно, три ведущих нацистских преступника не попали на скамью подсудимых: всеми признанный вождь нации, глава государства (канцлер) и армии, обладавший на основании закона, принятого Рейхстагом 26 апреля 1942 года, абсолютной властью на жизнью каждого немца А.Гитлер покончил с собой 30 апреля 1945 г. Его министр пропаганды Й.Геббельс последовал за ним 1 мая. Руководитель канцелярии НСДАП М.Борман — исчез бесследно. Глава СС и министр внутренних дел Рейха Г.Гиммлер после того, как он был выведен из правительства Деница, предпринял попытку уйти в Баварию — в свои родные места. Он был задержан англичанами на контрольном посту между Гамбургом и Бременхафеном, опознан и, не дожидаясь передачи его следственным органам, 23 мая раскусил спрятанную во рту ампулу с ядом.

22 персонам из состава гитлеровского руководства были предъявлены обвинения.

Возглавлял список подсудимых второе лицо в нацистском государстве, рейхсмаршал, главнокомандующий ВВС Германии, уполномоченный по четырехлетнему плану Герман Геринг — приговорен к смертной казни, отравился перед исполнением смертного приговора.

Далее следовали:

Уполномоченный НСДАП по вопросам внешней политики, бывший министр иностранных дел И.Риббентроп — повешен;

Начальник ОКВ — главного командования вооруженными силами, фельдмаршал В.Кейтель — повешен;

Начальник оперативного отдела ОКВ генерал-полковник А.Йодль — повешен (однако семь лет спустя оправдан);

Гл. редактор Völkischer Beobachter, ведущий «философ» НСДАП, имперский министр по делам оккупированных восточных территорий (в связи с тем, что был прибалтийским немцем, родившимся в Эстонии, и окончившим Московский университет в 1917 г.) А.Розенберг — повешен;

Один из основателей НСДАП, издатель «Штурмовика», гаулейтер Франконии Ю.Штрейхер — повешен;

Обергруппенфюрер СС, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Ф.Заукель — повешен;

Имперский наместник Австрии А.Зейсс-Инкварт — повешен;

Обергруппенфюрер СС, начальник главного имперского управления безопасности (Sicherheitsdienst S.S. — Служба Безопасности) (преемник Гейндриха) Е.Кальтенбруннер — повешен;

Рейхслейтер НСДАП по правовым вопросам, генерал-губернатор Польши Г.Франк — повешен;

Имперский министр внутренних дел, протектор Богемии и Моравии В.Фрик — повешен;

Три человека были приговорены трибуналом к пожизненному заключению: заместитель Гитлера по руководству НСДАП Р.Гесс, рейхсминистр экономики, президент рейхсбанка В.Функ, гросс-адмирал, главнокомандующий ВМС Германии (1935—1943) Э.Редер;

Первый лидер Гитлерюгенда, впоследствии гаулейтер Вены Б. фон Ширах — приговорен к 20 годам тюремного заключения;

Имперский министр вооружения и боеприпасов А.Шпеер — 20 лет тюремного заключения;

Министр иностранных дел К. фон Нейрат — 15 лет;

Гросс-адмирал, командующий ВМС Германии, преемник Гитлера на посту главы государства К.Дениц,— 10 лет,

Руководитель «трудового фронта» Р.Лей — покончил с собой во время процесса;

Министр военной экономики Я.Шахт — оправдан (в дальнейшем осужден другим судом);

Бывший канцлер Германии (1932), содействовавший приходу Гитлера к власти Ф. фон Папен — оправдан;

Начальник отдела внутренней прессы министерства пропаганды, руководитель отдела радиовещания Г.Фриче — оправдан.

Таким образом из 22-х подсудимых на Нюрнбергском трибунале 11 (включая Геринга) были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение 16 октября 1946 г. в Нюрнбергской тюрьме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы сформулируем основной итог нашего исследования, просматривающийся как в совокупности интервью, так и в контент-анализе полученных текстов. Он состоит в том, что нет единого «немецкого» восприятия России и русских. Мнения о русских, которое выражало бы совершенно «немецкую» точку зрения, не существует. Однако есть несколько типов восприятия России и русскости, которые мы попытаемся охарактеризовать.

Как и во всякой иной, в немецкой культуре мы можем встретить более или менее значительный (с точки зрения массовости) слой людей, которые безразлично относятся к интересующему нас предмету. Действительно, далеко не все немцы озабочены тем, кто такие русские и что именно происходит в России. Можно сказать, что это аполитичное сознание не интересуется не только русскими, но и французами, англичанами, американцами и т.д. Такое сознание замкнуто на проблемах собственной повседневности. Его интерес «к другим» может быть вызван каким-либо из ряда вон выходящим событием, привлекающем всеобщее внимание (например, первый полет человека в космос, 1961 г.). По большей части это сознание как бы удивлено тем, что существуют другие народы, языки, страны, культуры. Сведения об этих отдаленных от них анклавах жизни, они воспринимают как некоторый информационный шум. Как уже отмечалось, такой тип восприятия «других» имеется во всех странах, в том числе и в России.

Но в Германии, по-видимому, он распространен несколько меньше, чем в иных европейских странах, благодаря тому, что существуют семейные истории, рассказывающие об участии дедов или прадедов, в редком случае, отцов в событиях Второй мировой войны, в военных или иных действиях на Восточном фронте в 1941—1945 гг. или на Западном фронте в 1938—1945 гг. В этом случае интерес к России — и в значительной степени восприятие ее — осуществляется через призму семейной истории. Это не следует понимать так, что в семьях участников войны на Восточном фронте обязательно формируется отрицательное отношение к России и русским, а в семьях не участвовавших — положительное. Бывает — и достаточно часто наоборот!

Как мы видели, несколько наших респондентов отмечали, что пребывание в советском плену стало источником глубокого интереса к российской истории, культуре, к русским.

Следует оговориться, что сказанное выше нужно рассматривать как гипотезу, которую можно было бы проверить более основа-

тельно при изучении семейных историй. Это не входило в круг наших задач на данном этапе исследования.

Возвращаясь к вопросу о типах восприятия русских и россиян, попытаемся ответить на два вопроса: 1) существуют ли полюса восприятия русскости? 2) можно ли всю совокупность значимых высказываний упорядочить в некотором континууме — от положительного к отрицательному полюсу, или наоборот?

Что касается первого вопроса, то на него можно ответить утвердительно: такие полюса существуют, хотя они далеко не в полной мере представлены в нашем массиве текстов. Весьма существенно различаются между собою интонации (а в какой-то мере, и содержание!) интервью 2.5, 3.5, 1.1, 1.2, с одной стороны, и 2.1, 2.2, с другой.

Первая группа характеризуется не только глубоким интересом к России, но и, как представляется автору, пониманием ее проблем! Общая установка здесь заключается в поддержке реформ, происходящих в России, констатации заметных успехов в реформировании страны в политическом и экономическом плане, в критике образов мафиозности и криминалитета, создающихся с помощью российских и немецких средств массовой информации, в критике отождествления коммунизма и фашизма на основе абсолютизации известного сходства форм государственного насилия при тоталитарных режимах, в четкой формулировке идеи ответственности немцев за преступления нацизма, совершенные не только против евреев, но и против других групп населения России, Белоруссии, Украины, Северного Кавказа. В этих интервью с достаточной четкостью выражена мысль о легитимном существовании Германской Демократической Республики, о пагубности идеологии и практики холодной войны, остатки которой еще не преодолены в полной мере, о том, что идеология холодной войны — противостояние коммунизма и демократии — воспроизводилась на протяжении почти полувека обеими сторонами конфликта, а не одной из них!

Важно, что именно в этой группе респондентов формулируется мысль о том, что «немцы забыли о том, что они сами сделали в России»!

Второй полюс оценки российских преобразований также характеризуется поддержкой реформ.

Однако в целом страна представляется как воплощение беззакония и источник постоянной опасности для Европы и Германии. В историческом плане в этих интервью подчеркивается сходство тоталитарных режимов, что на самом деле имеет в виду обоснование идеи равной ответственности за войну Германии и СССР 1941—1945 гг. С одной стороны, в этих интервью проводится мысль о том, что память о войне для новых поколений немцев уже не имеет значения. С другой стороны, отрицается значение победы СССР—России, русских в Великой Отечественной войне! Иными словами, определенная часть интеллектуальной элиты Гер-

мании не считается с тем, что для подавляющего числа россиян победа над фашизмом остается важным символом, своего рода опорной точкой общенародного сознания. Это — компонент «священного» в мировоззрении в дюркгеймовском смысле этого понятия. В постсоветский период этот символ приобретает дополнительное значение в связи дискредитацией остальных атрибутов Советской власти!

При интерпретации событий войны в этих интервью упор делается на вопрос о «цене победы», о жертвах войны, погибших и пострадавших не по вине агрессора, проводившего войну на уничтожение, а по вине ошибок советского командования, его некомпетентности! При этом замалчивается тот факт, что основная часть потерь в Великой Отечественной войне со стороны СССР приходится на мирное население и на уничтожение советских военнопленных!

Помимо этих двух полярных позиций можно выделить и сохранение того восприятия России и русских, которое было характерно для ГДР. Здесь сильна ностальгическая нота по прошлому, по тем отношениям между русскими (советскими) и немцами, которые воспроизводились в СССР на основе отделения фашистов от немцев. Этот способ восприятия России опирается на традиции классового анализа социальных изменений, с наибольшей четкостью подчеркивает капиталистический характер российских преобразований, стремясь определить специфику российского капитализма. В рамках этого подхода наблюдается наиболее отчетливо противоречие между идеями модернизации и стремлением сохранить национальную самобытность, в том числе и немецкую: «нация — есть ценность!» И если гордость за принадлежность к немецкой нации и не подчеркивается, то в то же время не отрицается ни значение немецкой культуры в мировом и общеевропейском культурном пространстве, ни роль возможной гуманитарной социализации в рамках этой культуры.

Четвертый вариант восприятия России можно охарактеризовать в качестве восприятия ее сквозь призму культуры и культурных ценностей. Здесь на первый план выступает выделение русской культурной традиции, ее взаимодействие с немецкой культурой. При этом отмечается конструктивное значение советского периода. Мощный политический контроль, несомненно, деформировал направленность творческих интересов интеллигенции, но все же этот период дал миру таких деятелей культуры, как Шостакович, Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Платонов, Айтматов, не говоря уже о Шолохове, А.Толстом, К.Симонове и других. Эта литература сумела воссоздать подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, чего нельзя сказать о немецком искусстве и литературе. В этом заключается одно из наиболее существенных различий в функционировании двух политических режимов!

Пятый тип можно охарактеризовать как прагматический, ориентированный на восприятие России в глобальном мире. Он пред-

ставлен в наиболее развернутой форме в интервью 3.1. Он предлагает учесть роль тех факторов преобразования социальной реальности, которая выходит за пределы влияний государства как одного из главных акторов этих изменений. Потоки финансового капитала, информации, миграционного процесса — все это меняет картину мира в любой стране! Новые подходы напрямую связаны с интересами российской молодежи, способами ее обучения и образования, усвоением более современной картины мира и собственной роли в этом мире. Именно молодежь призвана создать и усвоить те правила игры, которые позволят России занять более достойное место в современной Европе и в мире!

По мнению некоторых из наших экспертов, русские — это совокупность отдельных индивидов, разговаривающих, как правило, на русском языке. Это — люди! И отношение к ним определяется, как и во всякой коммуникации, ситуативно. Они могут вызывать интерес и безразличие, симпатии и антипатии, подозрение и доверие, опасение и желание помочь в трудной ситуации, сочувствие и стремление избежать контакта, готовность к пониманию и нежелание понимать. Какой комплекс установок и эмоций будет преобладать в конкретном контакте, зависит от множества переменных, но в том числе и от ясности намерений и прозрачности мотивов поведения в контакте, среди которых особое значение приобретает нравственный компонент.

В целом при соприкосновении с вполне определенными русскими или россиянами доминирует отношение доброжелательности и ожидание того, как будет развертываться контакт. На уровне первичного контакта безусловно возникает проблема языка и понимание правил общения, принятых в немецкой культуре. Кроме того, если этот человек не имеет предварительных рекомендаций, то в контакте будет присутствовать образ русской мафии, точнее, подозрение в том, что этот человек связан каким-то образом с криминальными структурами, поскольку вся российская действительность представляется ему в качестве криминальной.

Можно сказать, что основное цивилизационное правило при первичном контакте с русским будет звучать так: нет русских вообще, но есть вполне конкретный *этот* человек. И именно с *этим* человеком будут или не будут строиться отношения! Наибольшее значение для развития контактов с этим человеком будет иметь, как уже отмечалось, ясность намерений, готовность развивать контакт, пунктуальность в выполнении принятых договоренностей.

Что касается «России», то это понятие включает в себя гораздо более сложную совокупность образов, эмоций, определений. В ходе наших интервью в ряде случаев выявилось стремление противопоставить эти два уровня рассмотрения. «Меня не интересует общество, меня интересуют конкретные люди!» Так можно было бы сформулировать определенный тип отношения к русским. В подтексте при этом имеется в виду, что все плохое — для самих русских, для немцев и Германии — исходит от России как госу-

дарства, от его институтов и политики, хотя сами по себе русские — неплохие люди. Поэтому, если и нужно развивать контакты с Россией, то лучше всего это делать через конкретных лиц, а не через государственные или официальные структуры.

Россия, вместе с тем, — это огромная территория с богатыми и недостаточно освоенными ресурсами. В определенном смысле — это область практических интересов Германии, связанных с развитием торговли, промышленности, освоением новых технологий, обменом информацией. Для Германии и ее делового мира — это огромный рынок, который надо осваивать и достаточно энергично, поскольку, как и всякий, в особенности складывающийся рынок, он представляет собою поле конкурентной борьбы. Россия — это высокая степень риска, но вместе с тем и высокая норма прибыли!

Что касается ответа на второй вопрос, — относительно возможности упорядочения отношения к России и русским в Германии с помощью некоторого континуума, то на него следует ответить отрицательно. Такого континуума не существует. Во всяком случае, нам не удалось его выявить в настоящем исследовании. Конечно, есть континуум информированности о «другой» стране, но сам характер информации вряд ли может быть упорядочен, так как слишком многообразны и неоднозначны сами источники такого рода информации.

Несомненно, что для немцев военного поколения и поколений, последовавших за ним, почти осязаемо возникла загадка русского национального характера и русской культуры, силовое столкновение с которыми оказалось роковым для нацизма. Разрешение этой загадки в позитивном ключе означало, как правило, отторжение политики Третьего рейха, «переработку» собственной немецкости с позиций критического осмысления истории самой Германии.

Наше исследование было ориентировано на изучение сознания культурной элиты, людей, которые имеют собственное личное отношение к России благодаря своим профессиональным обязанностям. Это преподаватели и исследователи. Их мнение так или иначе участвует в конструировании образа России в массовом сознании. И мнение экспертов в силу этого не ограничивается повседневностью; оно неизбежно выходит на уровень оценок политических структур и институтов, процессов исторического и культурного характера. Здесь гораздо большее место занимают оценки настоящего и высказывания о перспективах взаимоотношений между странами, нежели воспоминания о прошлом.

С точки зрения формирования современных отношений между Россией и Германией, между русскими и немцами очень важно творческое осмысление современной политической жизни и политического опыта. Как мы видели, самым главным стимулом, влияющим на формирование позитивного образа России, оказалось объединение Германии. Как бы ни истолковывалась история отно-

шений между ГДР и ФРГ в эпоху холодной войны, сам факт воссоединения двух частей немецкого государства оказался мощным стимулом общеевропейского развития.

При этом Германия, благодаря ее достижениям в экономике и социальной сфере, а также благодаря своему географическому положению, оказалась в центре формирования новой Европы. У подавляющего большинства наших экспертов сложился позитивный образ России именно благодаря тому, что Россия, а более конкретно, М.Горбачев, сыграла решающую роль в воссоздании единого немецкого государства.

У граждан объединенной Германии возникли наибольшие шансы и основания считать себя не столько немцами, сколько европейцами. Это обстоятельство особенно импонирует немецкой молодежи, которая благодаря такому повороту событий получает дополнительные аргументы в своем стремлении оторваться от нацистского прошлого. Таким образом, последнее десятилетие вносит совершенно новый элемент в российско-немецкие отношения, в восприятие русскими и немцами друг друга. Вопреки сохраняющемуся грузу страхов и опасений, они становятся как бы естественными союзниками в строительстве новой Европы: Россия стимулировала этот процесс с помощью разрушения Берлинской стены, а Германия может оказать экономическую и моральную поддержку России в ее вхождении в новую Европу и участии в ее строительстве.

Задача строительства новой Европы — с активным участием России — оказывается задачей действительно масштабной и сложной. Успешное ее решение предполагает конструирование новых образов как в Германии по отношению к России, так и в России по отношению к Германии. Как бы ни было болезненно прошлое, оно не должно быть препятствием в новом понимании нациями друг друга. Германия — в лице своих ведущих философов — заявляет о новой немецкой ментальности, в рамках которой само понятие нации уже не имеет столь существенного значения.

Что касается России, то она сталкивается с проблемой национального самоопределения несколько в ином аспекте. На ее территории проживает более 130 групп, называющих себя нациями, при абсолютном доминировании русского населения и русской культуры. При этом процессы глобализации — сами по себе достаточно противоречивые — осуществляются в российских пределах неравномерно. Многими россиянами они воспринимаются в качестве угрозы национальной самобытности и национальной безопасности. Это делает задачи формулирования общероссийских национальных интересов гораздо более сложной, чем это имело место в мононациональных государствах в период их становления.

В России отчетливо разделяются два плана идентификации внешний, общероссийский и внутренний региональный, порою принимающий ярко выраженную этническую окраску. В индивидуальном и групповом плане это «раздвоение» снимается с по-

мощью соединения идентификаций. В Германии можно быть одновременно немцем и евреем (Гейне, Мендельсон, Клемперер, один из наших респондентов). В России можно быть — татарином и россиянином, татарином и русским, русским и россиянином, осетином и россиянином, ингушем и россиянином и т.д. Российскость весьма близкая к русскости может снимать антагонизм между этнически укоренившимися оппозициями как в индивидуальном, так и в групповом плане.

Однако противоречие существует, значение его не следует недооценивать. Выдвижение на первый план этнического начала в определенных случаях может означать тенденцию к самоизоляции. Это касается не только этнонациональных республик, но и русских, которые выполняют — так сложилось исторически — объединяющую функцию в Российском государственном пространстве. С точки зрения Европы (Западной или Восточной) Россия — это русские.

В Германии, как мы видели, любых иммигрантов из стран СНГ называют русскими, но предоставляют им права на основе «права крови». Это происходит даже в том случае, если они приехали туда в качестве потомков немецких колонистов или евреев.

Общероссийские национальные интересы выдвигаются на первый план в диалоге с США, Германией, другими европейскими странами — с внешним по отношению к России миром. Но сама Европа не есть нечто внешнее для России, как и Россия, будучи частью европейского мира, не является внешним объектом для Европы. Общероссийские интересы в этих взаимоотношениях озвучиваются государством точно так же, как это имеет место и с национальными интересами Германии. Дополняя определение государства, данное М.Вебером, можно сказать, что именно государство имеет приоритетное право заявлять о национальных интересах данной страны и данного народа, и отстаивать их.

Но точно так же, как и в других странах, в России существуют формы «анклавного сознания», желание отгородиться от мира, порою с помощью мифа об извечной враждебности одних народов другим, или о противостоянии России и Европы. Прошлые отношения немцев и русских, Германии и России эксплуатируются в этой системе аргументов достаточно интенсивно. Россия, решая свои внутренние проблемы, преодолевает анклавное сознание благодаря приоритету гражданского начали над этническим.

Каждое из этих начал имеет свое место в культуре и психологии, в каких-то моментах они могут пересекаться. Однако эти две тенденции — к этнокультурной обособленности, или самоизоляции, с одной стороны, и тенденция к гражданственности, с другой, могут в некоторых ситуациях оказываться противостоящими друг другу. В 90-е годы такое противостояние провоцировалось политическими амбициями. Сочетание и соединение этих двух тенденций — главная проблема российской этно-национальной политики. Кризис Чеченский демонстрирует степень остроты пробле-

мы, и значение выбора, поставленного перед россиянами в строительстве современной жизни.

Трагический пример Германии должен быть уроком не только для немцев, но и для россиян! Стремление нацистов унизить «других»; расположение народов на лестнице расовой иерархии; присвоение себе «права» определять, какие народы должны жить, а какие исчезнуть; осуществление этого «права» с помощью специально созданной индустрии уничтожения; подготовка «специалистов», занимающихся профессионально массовым уничтожением людей; исключение целых народов из числа людей и объявление их «недочеловеками» — все это привело сам немецкий народ на грань исчезновения.

Распространение антинемецких, антисемитских, античеченских настроений и лозунгов, как и иных фобий для людей русской культуры и русской жизни также унизительно, как это было и для людей немецкой культуры. Ксенофобия, поиск врагов в иных нациях — не возвышает, а унижает национальный дух, низводит его до биологических начал, ведет в политическом отношении к нацизму. Этот путь — тупиковый, до конца пройденный одной из европейских наций. Его еще предстоит осмыслить до конца с тем, чтобы и другие народы в том числе, пострадавшие от нацизма — не вступили на эту стезю ни при каких обстоятельствах.

Приложение 1

ПЛАН ИНТЕРВЬЮ

1. С 1987 г. Россия вступила в период реформ. Какова Ваша оценка этого периода? Как эти реформы повлияли на российско-германские отношения и на общественное мнение в Германии относительно России и русских?

2. Как Вы считаете, насколько дифференцировано общественное мнение в Германии по поводу России? Не могли бы Вы охарактеризовать наиболее важные различия, если они есть?

3. Является ли Россия частью Европы? Какова дистанция между Россией и Германией в европейском контексте?

4. Россия и СССР — это одна и та же страна или это разные страны? Может быть, Россия нынешняя ближе к России до 1917 г., чем к Советскому Союзу?

5. Согласны ли Вы с тем, что память о Второй мировой войне (особенно о германо-советской войне) остается одной из наиболее важных проблем в российско-немецких отношениях? Как Вы думаете, следует ли что-либо делать в этой связи или же лучше не затрагивать эти вопросы? Если следует что-либо предпринимать, то что именно с Вашей точки зрения?

6. Как Вы полагаете, между кем была эта война? Между двумя тоталитарными режимами? Между фашизмом и коммунизмом? Или между народами — немцами и русскими? Насколько важно проводить различие между этими подходами?

7. Некоторые авторы находят большое сходство между положением Германии после 1918 г. (поражение в войне) и России — после распада СССР. В какой мере Вы разделяете такую точку зрения?

8. Что значит само понятие «нация» применительно к русским и немцам?

Имеются ли какие-либо культурные основания для взаимопонимания между ними и взаимного влияния друг на друга? Не могли бы Вы привести какие-либо примеры?

9. Видите ли Вы опасность национализма в России и Германии?

10. Как Вы оцениваете состояние неформальных отношений между немцами и русскими?

11. Какова Ваша оценка нынешних международных отношений?

Разделяете ли Вы концепцию моноцентрического мира? Или же Вы больше склоняетесь к идее полицентризма?

12. Как Вы оцениваете перспективы германо-российских отношений?

Приложение 2

СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ, ВРЕМЯ И МЕСТО ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ

Москва

1. Д-р Питер Шульце — 21 марта 2000 г., Представительство Фонда Эберта.

Берлин

2. Проф. Мартин Кооли, 3 мая 2000 г., Институт социологии Свободного университета.
3. Проф. Кристина Кульке, 4 мая 2000 г., Технологический университет.
4. Д-р Ингрид Освальд, 7 мая 2000 г., на ее квартире.

Билефельд

5. Проф. Юрген Фельдхофф, 10 мая 2000 г., Билефельдский университет, факультет социологии.
6. Проф. Ганс Гунтер, 10 мая 2000 г., Билефельдский университет.
7. Д-р Маркус Кейзер, 11 мая 2000 г., Билефельдский университет.
8. Д-р Хейнц Харбах, 11 мая 2000 г., Билефельдский университет.

Берлин

9. Проф. Ганс-Дитер Клингеман, 12 мая 2000 г., Информационный центр.
10. Проф. Ивонна Шютце, 18 мая 2000 г., Университет Гумбольдта.
11. Д-р Петра Стыков, 19 мая 2000 г., Университет Гумбольдта.
12. Проф. Эрих Хаан, 26 мая 2000 г., у меня дома, Гариштрассе 69.
13. Д-р Клаус Майер, 29 мая 2000 г., Институт социологии.
14. Проф. Клаус Зегберс 17 июня 2000 г., Институт Восточной Европы Свободного университета.
15. Проф. Эрхард Штольтинг, 19 июня 2000 г., у него дома.
16. Г-н Тигго Эйхлер, 2 июля 2000 г., у нее дома.
17. Г-н Борис Рохлин, 4 июля 2000 г., у него дома.
18. Д-р Питер Ян, 7 июля 2000 г., Карлсхорст музей.
19. Г-жа Барбара, 7 июля 2000 г., у нее в оффисе.

Кёльн

20. Проф. Герхард Зимон, 16 июля 2000 г.
21. Г-жа Надежда Зимон, 16 июля 2000 г., у нее дома.
22. Д-р Ольга Александрова, 16 июля 2000 г., в кафе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему, 2-ое издание, переработанное и дополненное. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997.

2. Баде Клаус Й. Миграция в Германии: История и современность // Германия—Deutschland. № 6. Франкфурт-на-Майне, 2000. С. 38—45.

3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: «Логос», 2002.

4. Белль Г. Групповой портрет с дамой.

5. Бусыгина И.М. Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 2000.

6. Вайцзеккер. Признать прошлое // Другая война. 1939—1945 / Под общей ред. Ю.Н.Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.

7. Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга первая и вторая. М., 1988.

8. Вернадский Г. Русская История. М.: «Аграф», 1997.

9. Вестфаль З., Крейпе В. и др. Роковые решения. Перевод с английского / Под ред. П.А.Жилина. М., 1958.

10. Видер Иоахим. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-ой армии Паулюса. М.: «Прогресс», 1965.

11. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922—1982. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2000.

12. Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1967 (Изд. 2-ое, 1998).

13. Гудков Л. Победа в войне: К социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 12—19.

14. Гудков Л. О тоталитаризме // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 2001. № 5—6.

15. Дёрр Г. Поход на Сталинград. (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957.

16. Другая война. 1939—1945 // Под общей ред. Ю.Н.Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.

17. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В трех томах. М.: Новости, 1995.

18. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, 1996.

19. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997.

20. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999.

21. Здравомыслов А.Г. Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б.Олкотт и И.Семенова. Московский Центр Карнеги. М.: «Гендальф», 2001.

22. Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Обновление России: Трудный поиск решений. Выпуск 9. Годичные научные чтения «Россия сегодня: На перекрестке мнений». М.: РНИСиНП, 2001. С. 27—45.

23. Здравомыслов А.Г. Германия—Россия. Интервью с профессором Э.Штёльтингом // СОЦИС. 2001. № 4.

24. Здравомыслов А.Г. Русские и немцы: Межкультурное взаимодействие // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 2. С. 169—172.

25. Здравомыслов А.Г., Фельдхофф Ю. Россия в немецком восприятии. Опыт диалога // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 2. С. 173—190.

26. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность в постсоветском пространстве: Соперничество теоретических парадигм // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 2001. С. 125—156.

27. Ионин Л.Г. Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб., 1997.

28. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Издательская группа «Прогресс». 1966.

29. Кардашев В. Рокоссовский. М.: «Молодая Гвардия», 1972.

30. Кармин А.С. Внутренняя нация — правило или исключение? // Обновление России: Трудный поиск решений. Выпуск 9. Годичные научные чтения «Россия сегодня: На перекрестке мнений». М.: РНИСиНП, 2001. С. 164—169.

31. Клемперер Виктор. Свидетельствовать до конца. Из дневников 1933—1945 гг. М.: Изд. группа «Прогресс», 1998.

32. Он же. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-традиция, 1998.

33. Кожинов В. Россия. Век XX. 1934—1964. М.: «Алгоритм», 2001.

34. Константинов С. Последние дни войны и первые дни мира в Германии // НГ. 5 мая 2001.

35. Крейг Гордон. Немцы. М.: «Ладомир», 1999.

36. Кто и куда стремится вести Россию?.. // Международный симпозиум 19—20 января 2001 г. / Под общей ред. академика Т.И.Заславской. М. 2001.

37. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: «Наука», 2000.

38. Лавренев С.Я., Попов И.М. Крах III Рейха. М., 2002.

39. Лесков Н.С. Железная воля // Соч. в 3 томах. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1988. С. 448—525.

40. Лиддел-Гарт Б. Вторая мировая война. М., 2002.

41. Манн Т. Германия и немцы // Соч. Т. 10. С. 303—326.

42. Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999.

43. Мертес Михаель. Немецкие вопросы — европейские ответы. М.: Школа политических исследований, 2001.

44. Мировая война: Взгляд побежденных, 1939—1945 гг. М.—СПб.: Полигон, 2001.

45. Митгем С. Фельдмаршаллы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1999.

46. Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хейдеггера // Квинтэссенция. Философский альманах, 1991. С. 158—236.

47. На вопросы А.Г.Здравомыслова отвечает Г.Зимон (Германия) // Общественные науки и современность, 2001. № 4.

48. Немцы о русских. Deutsche über Russen: Сборник / Сост. В.Дробышев. М.: Столица, 1995.

49. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под общей ред. Б.Коппитерса, Н.Фоушина, Р.Апресяна. М.: «Гардарика», 2002.

50. Петров И.А. Объединение Германии. Историко-культурные и общественно-психологичческие аспекты // Международный исторический журнал. 2000. № 9. http://history.machaon.ru/number_9/analiti4/germany/part4/index.html
51. Пихоя Р. Социально-политическое развитие и борьба за власть в послевоенном Советском Союзе (1945—1955 годы) // Международный исторический журнал. 1999. № 6.
52. Платонов А. Чевенгур. М.: Высшая школа, 1961.
53. Платонов А. Неодушевленный враг // Собр. соч. в 3 томах. Т. 3. М.: «Советская Россия», 1985. С. 59—69.
54. Рар А. Владимир Путин: «Немец» в Кремле. М.: Олма-пресс, 2003.
55. Релятивистская теория нации / Под ред. А.Г.Здравомыслова. М.: РОССПЭН, 1998.
56. Роруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Другая война. С. 362—369.
57. Россия и Германия: Опыт философского диалога. Немецкий культурный центр им. Гете / Под общей ред. В.А.Лекторского. М.: «Медиум», 1993.
58. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: ИСПИ РАН, 2001.
59. Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда. М.: УРСС, 2000.
60. Специфика России глазами немецкого ученого. На вопросы А.Г.Здравомыслова отвечает Г.Зимон (Германия) // Общественные науки и современность. 2001. № 4.
61. Сталинград. К 60-летию сражения на Волге / Под ред. В.В.Амельченко. М.: Военное издательство, 2000.
62. Тишков В.А. Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3—27.
63. Тютчев Ф. Россия и Германия // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. СПб., 1913.
64. Фест Й.К. Гитлер: Биография. Т. 1—3. Пермь, 1993.
65. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: Его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М.: «Праксис», 2002. С. 364—380.
66. Цейтцлер К. Сталинградская битва // Роковые решения. М.: Воениздат, 1958.
67. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991.
68. Штейнер Г. Формирование социальных структур современной России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 2001. № 1.
69. Шубкин В.Н. Социология войны // Пашкин подарок. М.: РАН, Институт социологии, 1999. С. 115—212.
70. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Начала-Пресс, 1991.
71. Яан П. К вопросу о связи времен // Обновление России: Трудный поиск решений. Выпуск 9. Годичные научные чтения «Россия сегодня: На перекрестке мнений». М.: РНИСиНП, 2001. С. 149—163.
72. Ясперс К. Философская автобиография. М.: Издательство Независимой психиатрической ассоциации, 1995.

73. Bëll H. and Kopelev L. «Warum haben wir auf einander geschossen?» Bornheim (Lamuv-Verlag), 1981.
74. Deutsche Geschichte 1933—1945. Dokumente zur Innen- und Ausserpolitik. Herausgegeben von W. Michalka. Fischer Taschenbuch Verlag, 1999. S. 419.

75. Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941—1945 / herausgegeben von Peter Jahn und Reihhard Rürup. Berlin: Argon, 1991.
76. Elias, Norbert. Studien über die Deutschen: Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. Und 20. Jahrhundert. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1990.
77. Enzyklopädie des Nationalsozialismus / herausgegeben von Wolfgang Benz, Hermann Graml und Hermann Weiss. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997.
78. Hitler, eine Karriere / [hrsg. von] Joachim C. Fest, Christian Herrendoerfer. Orig.-Ausg. Frankfurt/M.; Berlin; Wien: Ullstein, 1977.
79. Fest, Joachim C. Das Gesicht des Dritten Reiches; Profile einer totalitären Herrschaft. München, R. Piper [c1963].
80. Fest J. Hitler. Eine Biographie. Ullstein, 1998.
81. Gedenkstätte Haus der Wannsee-Konferenz. Dauersstellung. 2. Auflage, 1998.
82. Götz Aly and Susanne Heim. Vordenker der Vernichtung. Fischer, 1997.
83. Götz Aly. «Endloesung». Völkverschiebung und der Mord an europäeischen Juden. Fischer. Frankfurt am Main,1998.
84. Graml H. Reichkristallnacht. Antisemitismus und Judenferfoldung im Dritten Reich. 1998.
85. Heiber, Helmut (Hrsg.). Der Ganz normale Wahnsinn unter Hakenkreuz: Triviales und Absonderliches aus den Akten des Dritten Reiches München: Herbig, 1996.
86. Honolka, Harro, Gutz, Irene. Deutsche Identität und das Zusammenleben mit Fremden: Fallanalysen.Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999.
87. Hofmann, Thomas, Löwy, Hanno, Stein, Harry (Hg.). Pogromnacht und Holocaust: Frankfurt, Weimar, Buchenwald: die schwerige Erinnerung an die Stationen der Vernichtung. Weimar: Böhlau, 1994.
88. Hummel, Karl-Joseph, Dierker, Wolfgang. Deutsche Geschichte 1933—1945. München: Olzog, 1998.
89. James H. Deutsche Identität 1770—1990. Frankfurt; New York, 1991.
90. Klein Peter. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942: Analyse und Dokumentation. Berlin: Edition Hentrich, 1995.
91. Kuhnl Reinhard (Hrsg.) Vergangenheit, die nicht vergeht: «Die Historiker-Debatte», Darstellung, Documentation, Kritik. Köln, Pahl-Rugenstein, 1987. (Kleine Bibliothek, 434; Politik und Zeitgeschichte.)
92. Krausnick Helmut [and others]. Anatomie des SS-Staates. Institut für Zeitgeschichte. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1967.
93. Longerich, Peter. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942: Planung und Beginn des Genozids an den europäischen Juden: öffentlicher Vortrag im Haus der Wannsee-Konferenz am 19. Januar 1998: ergänzt durch eine kommentierte Auswahlbibliographie zur Wannsee-Konferenz und dem Beginn des Völkermords an den europäischen Juden: mit einem Faksimile des Konferenz-Protokolls. 1. Aufl. [Berlin]: Edition Hentrich, 1998.
94. Michalka Wolfgang (Hrsg.). Das Dritte Reich: Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985.
95. Michalka Wolfgang (Hrsg.). Die Nationalsozialistische Machtergreifung. Paderborn: Schöningh, 1984.
96. Mitscherlich Alexander, Mitscherlich Margarete. Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens. 1. Aufl. Leipzig: Reclam-Verlag, 1990.
97. Mitscherlich Alexander, Mielke, Fred. Wissenschaft ohne Menschlichkeit; medizinische und eugenische Irrwege unter Diktatur, Bürokratie und Krieg. Heidelberg, Schneider, 1949.

98. Nolte E. Der europäische Burgerkrieg 1917—1945. Nazionalsozialismus und Bolschevismus. Berlin. 1987.

99. Vogt Hannah. Nationalismus gestern und heute. Texte und Dokumente. C. W. Leske Verlag. Opladen, 1967. S. 230.

100. Wippermann W. Wessen Schuld? Vom historikerstreit zur Goldhagen Kontroversie. 1997.

101. Wyman David S. Die unerwünschte Volk. Amerika und die Vernichtung der europäischen Juden. DTV. 2000.

102. Miroslav Karne. Die Tschechen unter deutschen Protectorat. 1965/1975.

103. Habermas J. Eine Art Shadensabwiklung. Frankfurt a/M., 1987.

104. Keine Normalisierung der Vergangenheit. In: Habermas J.: Eine Art. S. 11—17.

105. Vom öffentlichen Gebrauch der Historie. In: Kühnl, R. (Hrsg.) Streit ums Geschichtbild. Die «Historiker-Debatte». Dokumentation, Darstellung und Kritik. Köln, 1987. S. 134—140.

106. Holocaust: die Grenzen des Verstehens: eine Debatte über die Besetzung der Geschichte / Hanno Löwy (Hg.). Originalausg. Reinbek: Rowohlt, 1992.

107. Hubner-Funk Sibylle. Loyalitat und Verblendung: Hitlers Garanten der Zukunft als Trager der zweiten deutschen Demokratie. Potsdam: Verl. fur Berlin-Brandenburg, 1998.

108. Der Holocaust im Leben von drei Generationen : Familien von Überlebenden der Shoah und von Nazi-Tätern / Gabriele Rosenthal (Hg.). 2. korr. Aufl. Giessen: Psychosozial-Verlag, 1997.

109. Nolte, Ernst (comp.). Theorien über den Faschismus. Köln, Berlin, Kiepenheuer u. Witsch, 1967.

110. Wann möchten Sie Sterben. Spiegel. 1994. № 38.

111. Vogt, Hannah, comp. Nationalismus gestern und heute. Texte und Dokumente. Opladen, C. W. Leske, 1967.

112. Wieder Joachim. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. V. Manstein, Paulus, V. Seydlitz. Munchen, 1962.

113. Wippermann, Wolfgang. Wessen Schuld?: vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin: Elefanten Press, 1997.

114. James, Harold. A German identity: 1770 to the present day. London: Phoenix Press, 2000.

115. Nolte, Ernst. Three faces of fascism; Action Française, Italian fascism, National Socialism. Translated from the German by Leila Vennewitz. [1st ed.] Faschismus in seiner Epoche. English New York, Holt, Rinehart and Winston [1966, 1965].

116. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford R.N. The Authoritarian Personality.

117. America and the Holocaust: a thirteen-volume set documenting the editor's book. The abandonment of the Jews / Ed. by David S. Wyman. New York: Garland Pub., 1989—1991.

118. Anderson, Benedict R. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. Rev. and extended ed. London; New York: Verso, 1991.

119. Beevor Antony. Stalingrad. Penguin Books, 1999.

120. Beevor Antony. Berlin. The Downfall 1945. Viking, 2002.

121. Craig G.A. The Germans. N. Y. A Meridian Book, 1991. P. 361.

122. Graml Hermann. Antisemitism in the Third Reich / Translated by Tim Kirk. Reichskristallnacht. English Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1992.

123. Dülffer, Jost. Nazi Germany, 1933—1945: faith and annihilation / Translated from the German by Dean Scott McMurry. London; New York: E. Arnold, 1996.

124. German identity, forty years after zero. 3rd ed. Sankt Augustin: COMDOK-Verlagsabt., 1987.

125. Goldhagen Daniel Jonah. Hitler's willing executioners: ordinary Germans and the Holocaust. 1st ed. New York: Knopf: Distributed by Random House, 1996.

126. Shirer William Lawrence. The rise and fall of the Third Reich: a history of Nazi Germany. New York: Simon & Schuster, 1990.

127. The Holocaust in three generations : families of victims and perpetrators of the Nazi regime / Edited by Gabriele Rosenthal. London [England]; Washington: Cassell, 1998.

128. Meinecke Friedrich. The German catastrophe; reflections and recollections / Translated by Sidney B. Fay. Cambridge, Harvard University Press, 1950.

129. Aly Götz. 'Final solution': Nazi population policy and the murder of the European Jews / Translated from the German by Belinda Cooper and Allison Brown. New York: Oxford University Press, 1999.

130. Guderian H. Panzer Leader. Classic Penguin, 2000.

131. Habermas, Jürgen. A Berlin republic: writings on Germany / Translated by Steven Rendall; introduction by Peter Uwe Hohendahl. Normalitet einer Berliner Republik. English Lincoln: University of Nebraska Press, 1997.

132. Lehrer Steven. Wannsee house and the Holocaust. N.C.: McFarland, 2000.

133. Mitscherlich Alexander, Mitscherlich Margarete. The inability to mourn: principles of collective behavior / Pref. by Robert Jay Lifton; translated by Beverley R. Placzek. Unfähigkeit zu trauern. English. [Ann Arbor: University Microfilms International], 1978.

134. Roseman Mark. The Wannsee Conference and the final solution: a reconsideration. 1st ed. New York: Metropolitan Books, 2002.

135. Kuhn Reinhard. Der deutsche Faschismus in Quellen and Documenten. Koln, Pahl-Rugenstein, 1975.

136. Wegs J.R., Ladrech R. Europe Since 1945. A concise History. St. Martin Press, 1996.

137. The world reacts to the Holocaust / Ed. by David S. Wyman; Charles H. Rosenzweig, project director. Baltimore: Johns Hopkins university Press, 1996.

138. Wyman David S. The abandonment of the Jews: America and the Holocaust, 1941—1945. 1st ed. New York: Pantheon Books, 1984.

139. Wyman David S. Paper walls; America and the refugee crisis, 1938—1941. Amherst, University of Massachusetts Press, 1968.

140. Wyman David S. A race against death: Peter Bergson, America, and the Holocaust. New York: New Press.

141. Vogt Hanna. The burden of guilt, a short history of Germany, 1914—1945. Translated by Herbert Strauss. With an introd. by Gordon A. Craig. Schuld oder Verhängnis? English. New York, Oxford University Press, 1964.

142. Fest Joachim C. The face of the Third Reich. Translated from the German by Michael Bullock. London, Weidenfeld & Nicolson, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел III. ПАРАМЕТРЫ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕМЕЦКОМ САМОСОЗНАНИИ

Здравомыслов Андрей Григорьевич

НЕМЦЫ О РУССКИХ
НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

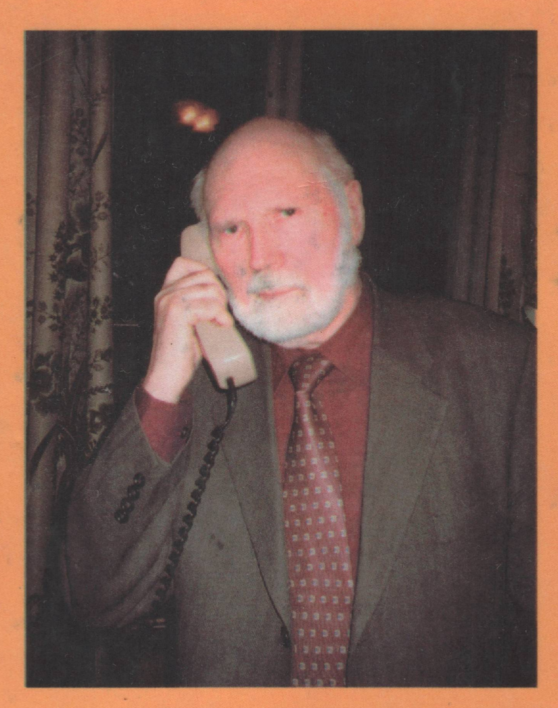
Художественное оформление *А.Сорокин*

Технический редактор *В.Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.03.2003.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,0. Уч. изд. л. 41,5. Тираж 1000 экз.
Заказ 1007.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс 334-81-62 (отдел реализации).

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Андрей Григорьевич Здравомыслов родился в Ленинграде 18 мая 1928 г. Пережил блокаду, награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1953 г. окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1959 — аспирантуру этого же факультета.

С 1960 г. — заместитель руководителя лаборатории социологических исследований Ленинградского университета, где работает над проектом «Человек и его работа». Лаборатория была одним из первых центров, где после долгого перерыва стали возрождаться традиции эмпирических социологических исследований.

Проект был завершен публикацией книги под тем же названием (в соавторстве с В.Ядовым и другими сотрудниками лаборатории). Книга переведена в США, Польше, Германии, Венгрии. Следующие крупные работы этого автора «Методология и процедура социологических исследований» (1969), «Потребности, интересы, ценности» (1986), «Социология конфликта» (учебное пособие, 1994—1996), «Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве» (1997), «Социология российского кризиса» (1999).

В настоящее время является главным научным сотрудником Института комплексных социальных исследований РАН и профессором кафедры общей социологии Государственного университета — Высшая школа экономики. Член экспертного совета Комитета по делам национальностей Государственной думы РФ. Член Российского общества социологов со времени его основания; один из создателей, экс-президент Сообщества профессиональных социологов. Пожизненный член Международной социологической ассоциации.